

ШАМИСТАН НАЗИРЛИ

**РАССТРЕЛЯННЫЕ
ГЕНЕРАЛЫ
АЗЕРБАЙДЖАНА**

Bizim Kitab

Баку - 2015

Выражаю свою глубокую признательность за оказанную материальную помощь в издании книги предпринимателю Акифу Мусаоглы Гойчали.

Шамистан Назирли. Расстрелянные генералы Азербайджана, ВІZІМ КІТАВ - 2015, 576 стр.

Шамистан Назирли известен нашим читателям: журналист, признанный исследователь жизни Самеда Вургуна. Кроме этого, он известный исследователь нашей военной истории.

Новое произведение автора называется “Расстрелянные генералы Азербайджана”. В этой книге рассказывается о полководцах нашего народа, о членах их семей. Широко освещается жизнь военных деятелей времен царской России, независимой Азербайджанской республики, Великой Отечественной войны. Особенно трагична судьба военных деятелей живших в 20-30-х годах, когда лучшие умы были репрессированы, расстреляны без суда и следствия, только за то что они служили народу Азербайджана, независимой Азербайджанской республики.

Также, впервые рассказывается о героях-полководцах, военных деятелях Южного Азербайджана, которые ранее не были известны большинству читателей.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Bizim Kitab 2015

«У нас и в прежние времена существовали слабые традиции в деле создания армии. Не может быть молодого патриота, не знакомого с нашими национальными ценностями, национальными традициями, историей.

Нельзя ничего стереть из истории, каждый его этап – летопись народа, его жизненный путь... Мы обязаны с большим почтением и уважением помнить о генералах Самед беке Мехмандарове, Али аге Михлинском, расстрелянных Джамшид хане Чахичеванском, Ибаргим аге Векилове, Табиб беке Салимове, Ибрагим аге Усубове и других азербайджанских полководцах».

*Тейдар Алиев,
общенациональный лидер
азербайджанского народа*

Как всякий человек, так каждый род имеет свою биографию. Эти биографии формируются в разных условиях, проходят разные исторические периоды. А потому они и различаются. Как всякий человек, так и каждый род имеет свою судьбу. Отрицать, менять ее впоследствии нельзя. И перечеркивать их тоже нельзя. Их следует воспринимать такими, какие они есть. Если последующее поколение станет отрицать предыдущее и попытается исключить его из памяти, тогда на этом этапе истории возникнет брешь.

*Исмаил Михлы,
Народный писатель Азербайджана*

С трудом западалого путника, который приходит к месту стоянки давно ушедшего каравана, находит последний тлеющий уголёк угасшего костра и хочет своим дыханием оживить, раздуть этот уголёк в яркое пламя.

*Мухтар Ауэзов,
Казахский писатель
(собрание сочинений, том 5, стр. 442)*

Жизнь, посвященная военной истории

Шамистан Назирли

Заочно я давно знаком с Шамистаном Назирли. В первый раз услышал о нем в городе Чите, где находился на военной службе. Несмотря на оторванность от Родины, стремился не терять связей и приезжавшие ко мне друзья и знакомые привозили книги на родном языке, отражающие историю и культуру азербайджанского народа. Находясь в Чите, среди привезенных книг увидел и издание «Азербайджанские генералы». Оно вызвало у меня неподдельный интерес. Честно скажу, именно из этой книги я узнал о наличии стольких генералов у нашего народа. Естественно, проявил интерес к автору книги. Им оказался старший на-

учный сотрудник Военно-научного центра министерства обороны, полковник-лейтенант Шамистан Назирли.

В девяностых годах прошлого века в Азербайджане происходили известные процессы и я решил добровольно вернуться на Родину и здесь продолжить военную службу. Руководство министерства обороны поручило мне подготовить военный устав для вновь созданной армии, провести исследования по военной истории Азербайджана и довести до личного состава результаты работы. Подготовка военных положений не представляла собой трудностей, а вот исследование военной истории Азербайджана не могло состояться без участия лиц, знакомых с данной сферой. Помню, мы обратились в Академию наук республики. Естественно, нам сообщили об отсутствии подобных специалистов. Мне предложили привлечь к работе Шамистана Назирли. Я не был с ним знаком. Но когда мне назвали его имя, я вспомнил прочитанную в Чите книгу «Азербайджанские генералы». Обрадовался, что теперь познакомлюсь с автором полюбившейся мне книги.

Это событие случилось в один из жарких летних дней 1992 года.

Шамистана Назирли мы не застали дома. Он занимался творчеством в одном из мардакянских домов отдыха. Вместе с полковником в отставке Мустафой Магеррамовым поехали в пригородный бакинский поселок. После знакомства рассказали о цели приезда. Шамистан вначале ответил отказом. Говорил, у него большие творческие планы, много работы. Мы же в свою очередь поведали, что целью нашей является забота и создание условий для его творческой деятельности, доведение до личного состава армии выявленных фактов. Мы беседовали продолжительное время, обменивались мыслями. При первой встрече Шамистан не дал положительного ответа, однако я не сомневался, что он примет наше предложение. Потому что человек, посвятивший свою жизнь военной истории предков, не мог оставаться в стороне от дела, которого ждали в национальной армии. Так и случилось. За это мы должны выразить ему благодарность. Хорошо знали о том, что каждое мгновение жизни Шамистана Назирли нацелено на придание гласности неизвестных страниц нашей бесценной военной истории. Потому и стремились создать необходимые условия для его эффективной деятельности. За короткое время он поработал очень плодотворно. Написал и издал такие книги как “Поезд идущий из Гори”, “Генералы республики”, “Каджары”, “Полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров”, “Вургун живущий в памяти”, “Раскрываются тайны архивов”, “Генерал-топограф Ибрагим ага Векилов”, “Кархунлу Ашраф бек”, “Генералы братья Ядигяровы”, “Расстрелянные Азербайджанские генералы” и др.

В 1999-м году, когда министр обороны посещал с визитом Грузию, были достигнуты определенные соглашения о взаимном сотрудничестве. Как итог этих соглашений, Шамистан Назирли некоторое время провел поиски в архивах Грузии и в результате этих поисков обнаружил имена и деятельность еще одиннадцати генералов нашего народа. Шамистан Назирли и сейчас продолжает свою деятельность в этом направлении.

И в создании журнала “Военное знание” (на Азербайджанском языке) - органа Министерства обороны есть большой вклад Шамистана Назирли. В 1993-году, впервые по его инициативе, этот журнал был снова издан. Он обнаружил много материалов о военных газетах и журналах Азербайджана. В первом номере изданного в 1993-м году того же журнала были опубликованы его статьи о первых редакторах журнала “Военное знание” и о генерале Али аге Шихлинском. Начиная с того времени, и до сих пор, он остается одним из постоянных авторов

журнала, “Военное знание”.

Шамистан Назирли очень трудолюбивый исследователь. И настолько же он простая, улыбчивая, патриотическая личность. Темы которым он посвятил свою жизнь являются одним из примеров его патриотизма. К тому же Шамистан исследователь такой темы, где каждая строчка выходящая из под его пера имеет огромное значение для воскрешения героической истории нашей родины и воспитания молодежи на основе этих героических традиций. Он проводит свою жизнь в беспокойстве для того чтобы увековечить память наших национальных военных. Вспомните его труд связанный с изданием в 1984-м году произведения “Мои воспоминания” генерала Али аги Шихлинского.

В 1993-м году Шамистан предложил чтобы мы провели 130-летие Али аги Шихлинского. Оставалось очень мало времени до этой даты. Несмотря на это усилиями Шамистана мы смогли провести необходимые работы и отметили дату рождения Али аги Шихлинского на надгробии его могилы находящейся на Ясамальском кладбище. Ныне покойный, народный писатель Исмаил Шихлы и другие наши деятели участвовали на этом мероприятии. Начиная с того времени, каждый год день рождения Али аги Шихлинского отмечается на его могиле.

И в установлении на стене дома, на улице Истиглал в котором жил полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров, его памятной доски, есть большой труд Шамистана. Невозможно в течении короткого времени перечислить все что он сделал. Очень радует то что, чтобы продолжить эту деятельность у Шамистана остается еще много возможностей. Сейчас он проживает мудрые, плодотворные времена своей жизни и мы не сомневаемся что в ближайшем будущем услышим о новых исследованиях Шамистана.

Коротко взглянув на творчество Шамистана можно с уверенностью сказать что он не зря прожил свою жизнь. Исследуя нашу героическую историю он создал историю нашей родине и себе самому. Я желаю ему больших успехов в написании новых страниц этой истории. Сегодня на встерчу с читателями он пришел с новым произведением.

*Чингиз Мамедов,
генерал-лейтенант*

I ЧАСТЬ

**РАССТРЕЛЯННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ
АЗЕРБАЙДЖАНА**

“Дорогой Шамистан! Хорошо было бы если наши дети однажды начали искать вас, как вы ищите наших дедов. Я уверен в этом... Будут искать того, кто искал.”

*Народный поэт,
Гусейн Ариф*

ГЕНЕРАЛ ГАБИБ БЕК САЛИМОВ

Умереть за родину - это продолжение жизни.

*Джамбул Джабаев,
казахский поэт-классик*

Двадцать второго марта 1920 года, в день праздника Новруз дашнаки перекрыли Аскеранский проход, пытаясь отторгнуть нагорную часть Карабаха от Азербайджана. Отрядом мятежников, вооруженных пушками и пулеметами, командовал прибывший из Иревана генерал Дро Канаян.

Военное министерство Азербайджанской Республики разработало чрезвычайный план освобождения Карабаха. 23 марта по приказу министра Самед бека Мехмандарова главные силы национальной армии – около 20 тысяч солдат и офицеров были направлены на фронт. Это были 3-й Гянджинский, 5-й Бакинский, 1-й Джаванширский, 4-й Губинский, 8-й Агдамские полки. Командование воинским контингентом, следовавшим в Нагорный Карабах, было поручено генералу Габиб беку Салимову.

Битва не на жизнь, а на смерть началась 3 апреля и продолжалась двенадцать дней. Отважные азербайджанские воины мужественно сражались за каждую пядь родной земли и вошли в Шушинскую крепость, Ханкенди. Дашнакская армия была полностью разгромлена. Был убит руководитель четырехтысячного армянского кавалерийского отряда генерал Дяли Газар. Отступление пехотинцев Дро обернулось в паническое бегство, и им удалось скрыться вместе со своим командиром.

В горах Карабаха вновь стал развеваться флаг Азербайджана.

В то время, когда в Аскеране шли кровопролитные бои, Максуд Шейхзаде был юношей. Ему только исполнилось 18 лет. Вдохновленный победой молодой человек написал стихотворения «Карабах» и «Аскеранский марш». Второе стихотворение созвучно с сегодняшним днем:

В Аскеране воюют тысячи бойцов,
Бесстрашных, как лев удальцов.
Вперед, братья, смело вперед,
Разрушим врага гнездо!

На врага льется снаряда огонь,
Чтоб голову он не поднял потом.
Вперед, соколы, смело вперед
День победы не так уж далек!

Сколько героев останется в живых?
Сколько шехидов украсят цветник?
Вперед, тюрка сыны, смело вперед,
Вам суждено защитить народ!

К сожалению, этой блестящей победе суждено было закрепиться не надолго. Спустя месяц ведомая Миконяном, Газаровым, Аветисовым, Амазаспом большевистско-дашнакская армия оккупировала Баку.

Вспоминая тот роковой день, Мамед Эмин Расулзаде писал: «Правительство Азербайджанской Республики проснулось от сна 27 апреля в безумии. С одной стороны, нападавшие с моря, в направлении Янар дага, силы Красной армии, с другой - попытка турецкого офицера остановить отступающих бойцов «Ярдым алайы» («Полк помощи»).

Наступили тяжелые дни. С особой жестокостью напавшая на нашу страну большевистско-дашнакская армия беспощадно справлялась с патриотами. Развернулась суматошная, не имеющая объяснений волна арестов. Более 1200 солдат и офицеров Азербайджанской национальной армии перешли на ту сторону Араза. Тысячи подвергнутых преследованию представителей интеллигенции эмигрировали в Турцию, Францию, Германию... Испытавший на себе большевистско-дашнакскую ненависть офицер Национальной армии Алескер Алескер-Кенгерлинский свидетельствовал: «Согласно мною собственноручно составленному списку, в период властвования большевиков в Азербайджане было уничтожено 12 генералов, 27 полковников и подполковников, 46 капитанов и штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков, 148 прапорщиков и подпрапорщиков, 276 военнослужащих (все мусульмане). С апреля 1920 года по август 1921 года в результате красного террора в Азербайджане было убито 48 тысяч человек, большинство из которых приходится на долю интеллигенции».

30 мая 1920 года газета «Коммунист», оправдывая большевистский террор, в статье «Заслуженное наказание» написала: «Высший

военный трибунал рассмотрел это дело с исключительно присущей представителям истинно пролетарского органа юстиции внимательностью и терпеливостью. Руководствуясь интересами свободного трудового Азербайджана, трибунал отверг чувства «законной мести», принял продуманное и взвешенное решение».

«Терпеливые», «продуманные» и «взвешенные» большевистские решения лишили Азербайджанскую национальную армию отважных полководцев.

Одним из них, чье имя более 70 лет нигде не упоминалось, был генерал Габиб бек Салимов. В 1918 году, когда только создавалась Национальная армия, полковник Габиб бек возглавил Генеральный штаб и канцелярию.

Приказом (№30 от 26 февраля 1919 года) военного министра Азербайджанской Демократической Республики, полного генерала от артиллерии Самед бека Мехмандарова ему было присвоено звание генерал-майора.

Когда 1 августа 1918 года полковник-диверсант П.Илюшенко объявил о создании самопровозглашенной «Муганской Республики», воинский контингент под командованием бригадного генерала Габиб бека Салимова был направлен в Ленкорань и Мугань для разоружения русско-армянских и молуканских вооруженных формирований, отказавшихся признать власть национального правительства Азербайджана. Отважные бойцы Национальной армии успешно справились с поставленной задачей, в качестве трофея были взяты самолет, 24 пушки и 60 пулеметов.

Габиб бек на короткое время был назначен вали (главой) Ленкораньского-Муганьского региона. Посетивший в 1918 году Азербайджан турецкий подполковник Рушту бек в статье «Бакинские пути большой войны» (журнал «Солдатский сборник», 1934 год, № 93) назвал Габиб бека бесстрашным полководцем. Он написал о том, как высокопоставленные турецкие военачальники по достоинству оценили профессионализм отважного азербайджанского офицера Габиб бека, прекрасно владевшего тактикой ведения боя.

Военный исследователь, полковник-лейтенант Мехман Сулейманов в 1998 году, во время творческой командировки в Турцию, собрал ценные сведения о генерале Габиб беке. Эти сведения наглядно свидетельствуют о том, что Габиб бек Салимов всегда находился на передовой и доблестно сражался с большевистско-дашнакскими вооруженными силами за независимость Азербайджана. После изгнания со станций Наваи и Атбулаг большевиков и их дашнакских прихвостней,

Габиб бек Салимов направил Нуру паше рапорт следующего содержания: «Во-первых, сегодня занял станцию Атбулаг. Если враг возьмет Алят 1 августа 1918 года, то с божьей помощью буду продвигаться вперед для его занятия. Во-вторых, далее буду следовать в направлении Баку. Группа осталась без воды. Некоторые бойцы находятся в обморочном состоянии. Повторно прошу приказать в скорейшем времени обеспечить водой. В-третьих, после Алят придется двигаться по песочной дороге, а потому прошу отдать приказ о выделении одного легкового автомобиля».

Вечером того же дня, то есть 1 августа 1918 года, командующий южной группой войск генерал Габиб бек Салимов телеграфировал Нуру паше о том, что взял Алят: «Несмотря на неоднократные обращения, все еще остаемся без воды. Локомотивы, как и люди, тоже не могут двигаться без воды. Продвижение далее Алят невозможно».

Генералу Габиб беку Салимову принадлежит историческая заслуга в формировании Азербайджанской национальной армии. Когда в августе 1918 года по приказу командующего Кавказской исламской армией Нуру паши была начата реорганизация Азербайджанского корпуса, то, приняв во внимание военный опыт и знания, начальником штаба корпуса был назначен полковник Габиб бек Салимов.

В 1919 году, учитывая сложившиеся обстоятельства, полковник Габиб бек Салимов в рапорте правительству констатировал материальные трудности Азербайджанской армии: «Можно сказать, что все солдаты кормятся за счет местного населения регионов Азербайджана, волочат полуголодную-полусытую жизнь. Даже в таком большом и богатом городе, как Баку, невозможно накормить солдат. Ни полки, ни корпуса не имеют складов. Нельзя кормить солдата каждый день «мучной похлебкой». Большинство солдат 10-го полка не имеют носков и ботинок. Невозможно создавать армию без питания, без одежды, лошадей... Полуголодный, раздетый солдат, конечно же, захочет бежать домой. Считаю своим моральным долгом донести следующие соображения:

1. Девизом дня должен стать: «Все для армии!»
2. Не на бумаге, а в официальном порядке надо создать один корпус.
3. Не жалеть средств для создания и снабжения этого корпуса.

Наполеон говорил, что для войны необходимы три вещи. Во-первых, деньги, во-вторых - деньги, в третьих - деньги. Необходимо накормить, одеть и, не забывая о большевиках, защитить армию от разных болезней».

Мне удалось обнаружить в архивах несколько писем и телеграмм

отважного генерала Габиб бек Салимова, написанных в патриотическом духе. Эти письма адресованы правительству АДР из Ханкенди, Лачина, Шуши и Агдама в годы, когда Габиб бек командовал Карабахскими территориальными войсками, сражающимися с большевистско-дашнакскими формированиями за освобождение родных земель. Эти письма и телеграммы позволяют в определенной степени проследить боевой путь генерала.

В статье «Последняя новость из Шуши» (газета «Азербайджан», 15 июня 1919 года) говорится: «В течение восьми дней армяне беспрерывно обстреливали центральное шоссе и прилегающие к нему деревни. Под обстрел попали автомобиль генерала Габиб бека Салимова, автомобиль англичан, шесть фаэтонов с пассажирами. Стрельба прекратилась только сегодня утром. Представители местного населения также получили приглашение на встречу.

Генерал-губернатор Карабаха Хосров бек Султанов».

«Военному министру! В Бакинском полку насчитывается 390 штыков. С 23 ноября постепенно восстанавливается положение в Гочазском направлении. Враг со всех сторон переброшен на правый берег реки Забуг. Надеюсь, что на днях мы овладеем районом. Иная ситуация в Джабраильском отряде. Если туда не направить два батальона – 1000 штыков, то положение не выправить. На мой взгляд, в сложившейся ситуации отторгнуть эти силы из состава Хачмасского отряда невозможно. Сейчас с вашим мнением о перемирии я согласен при условии, что после перемирия будут ускоренно вестись подготовительные работы для будущего.

*Генерал Габиб бек Салимов,
10 апреля 1920 года, Шуша».*

«Сообщаю подробности боя 29 числа месяца. Для всеобщего нападения на укрепленную позицию в Аскеране были усилены отряды у шоссе, включая Ханабад: партизаны - для взятия высоты 3360, отряд охраны Парламента - для нападения на село Дашбашы, бакинцы будут наступать с северо-запада. В резерве оставалась одна рота. Кроме того, часть партизан участвовала в сражении за Нахчиваник. Кавалерийские отряды партизан и Татарский полк численностью 50 человек под командованием ротмистра Гашимбекова я направил на усиление правого фланга Бакинского полка. Для зимовки в село Мешяли, а оттуда - в село Фаррух. Бой начался в 7 часов и около 11-ти было взято село Харашурт, куда первым вошли четыре кавалериста под командованием прапорщика Мовсума Ибрагимова. Село было сожжено.

Около 13-ти часов отряд охраны Парламента подошел к высоте

3360. Партизаны овладели высотой Кюрд-Ханабад. В это время Бакинский полк по крутым склонам скал подошел к высоте Дашбашы: если подполковник Бахрам бек Набибеков не увлекся преследованием армян и не сменил позицию, то штурм полка увенчался бы успехом. Три штурма полка, оставшегося без попечения артиллерии, были отражены ручными гранатами. Батарея подоспела к 17-ти часам, но было поздно: полк отступил на версту. Кавалерийский отряд Гашимбекова в это время вытеснил армян из сел Мешяли, Газаны, занял село Фаррух и находится там до сего времени.

На левом фланге армяне малыми силами и захваченными в Аскеране двумя пулеметами перешли в контрнаступление. Мы вытеснили их из Ханабада и заставили бежать. Для пресечения бегства я поднял отряд охраны Парламента в количестве 100 человек. Артиллерия стреляла хорошо, особенно первая батарея подполковника Бахрам бека Набибекова. К сожалению, командир батареи не может устоять и вместе с батареей бросается в бой. В настоящее время в руках армян находятся Аскеран, село Кюрд-Ханабад, высота 3360, село Дашбашы.

В целом, мы вытеснили армян на две версты. Наши потери: в 5-ом полку погибли прапорщик Наджафалиев и 10 солдат, прапорщик Даушвили, прапорщики Аскеров, Арабов получили ранения, в отряде охраны Парламента убиты семь и ранены пятнадцать бойцов. Настроение бойцов отличное, враг понес большие потери, только в Харащурте имеются шестьдесят вражеских трупов.

*Генерал Габиб бек Салимов,
29 марта 1920 года»*

«Военному министру. С шоссе на дороге из Ханкенди в Шушу, с высот села Малыбейли подвергнуты обстрелу армянские позиции до Шуши, включая Дашкянди, на юге - село Манашарх. На этих позициях сосредоточены не менее двух тысяч солдат, вооруженный горными пушками и двумя пулеметами противник, отступившие из Аскерана армяне, а также вооруженные лица со всех окрестных сел.

Наступление началось тремя колоннами в 10 часов: в центре, кубинцы. Обойдя правый фланг, с высоты восточнее Малыбейли, Шушакянд - Татарский полк с двумя горными пушками. Обойдя левый фланг противника со стороны Шушакяндского кладбища, по короткой дороге – батальон Бакинского полка.

Созданные Вашим превосходительством славные войска воевали с отвагой, присущей старым, окрепшим в боях частям. Героями битвы стали: кубинцы, штурмом овладевшие Дашкяндской высотой, и батарея подполковника Бахрам бека Набибекова, которая, несмотря

на несколько атак на ее позиции, ни на минуту не растерялась и на каждый залп давала мгновенный ответ.

Около 12-ти часов при поддержке моего резерва бакинцы и кубинцы окружили противника с флангов. Вражеские силы, не устояв перед штурмом, пустились в бегство в сторону Кешишкянда.

Около 20-ти часов с частью войск прибыл в Шушу. Весь отряд собирается здесь. Трехдневные бои изнурили солдат, и, возможно, завтра я предоставлю им отдых.

*Генерал Габиб бек Салимов,
8 апреля 1920 года»*

«Пушки третьей батареи подполковника Бахрама Набибекова пришли в абсолютно негодное состояние. Прошу вас срочно распорядиться о замене их на поршневые пушки образца 1902 года и направлении новой батареи, если это возможно.

*Генерал Габиб бек Салимов,
10 апреля 1920 года, Шуша».*

«Генералу Али аге Шихлинскому о боевых действиях в Карабахе.

Двигавшийся в сторону села Дыг враг отброшен из села Абдаллар. Преследование велось до противоположного берега реки Забуг. Наши взяли село Ярма и очистили от врага часть дороги к Кечялдаг до Абдаллара. С целью реформирования Джаванширского полка присоединил к нему одну роту из Карабахского полка. С помощью новой горной батареи изгнали врага с противоположного берега реки Забуг.

*Генерал Габиб бек Салимов,
8 апреля 1920 года».*

«Военному министру.

Сегодняшняя ситуация вызвала панику среди населения. Не предупредив наш полк, расположенный рядом с Агбулаг, они стали убегать. Уводят с собой некоторых солдат, находящихся в селе Абдал. Все это происходит на глазах местного населения Агдама, около двух тысяч которых вооружены. Ни один человек не оказал помощи жителям Гюлаблылар, наоборот, появление в Гюлаблылар двухсот-трехсот армян стало причиной замешательства «мужественных карабахцев», конечно, они с шумом телеграфировали центру и Баку пришел им на помощь.

Я в курсе происходящих в Карабахе событий и осуществляю все возможные мероприятия в соответствии с ситуацией. Однако я не могу

по желанию жителей сел Абдаллылар, Гюлаблы, Хачынки бросить армию. 19-го числа в 10 часов утра я сам был в Агдаме, устроил суд над партизанами, принял необходимые меры. В итоге мы завладели селом Гюлябирд, высотой Кызыл, продолжаем наступление на село Абдал. Поверьте мне, я не себя защищаю, не допущу, чтобы враг внезапно захватил нас в тех местах, где нахожусь и командуя я. Важное значение имело бы возвращение Татарского полка в Джабраил, ибо большинство в полку составляют лезгины, их пребывание в Губинском уезде не принесет сколь-нибудь существенной пользы.

*Генерал Габиб бек Салимов,
10 апреля 1920 года».*

«Баку, генерал-лейтенанту Али аге Шихлинскому.

Вчерашний бой показал, что армяне использовали все средства. На Аскеранском фронте сосредоточились прибывшие из Дилижана партизаны Дяли Газара, которые прошли отличную подготовку и прекрасно ведут бой. Надеяться на нынешних партизан нельзя. Нужно веское слово, народу надо дать много денег и помочь другими средствами, чтобы они с большим желанием служили Родине. Повторяю, вопрос очень серьезный, фактически между Арменией и Азербайджаном ведется тайная война. Со всех сторон требуют патроны. Сколько бы они не стоили, необходимо закупить и доставить. Резервы государства, в отличии от врага, слишком малы для ведения войны на территории от Гянджи до Араза.

*Генерал Габиб бек Салимов,
31 марта 1920 года»*

«Баку, генерал-лейтенанту Али аге Шихлинскому.

Учитывая сложность положения города Шуши при возможном нападении сил Дро (командир армяно-дашнакских вооруженных формирований на территории Карабаха - Ш.Н.), предлагаю оказать на армян сильное давление со стороны Джавадского уезда. Было бы хорошо, если шахсеванские племена Ирана вторглись в Зангезурский уезд. Для широкомасштабной операции сил одного Джабраильского уезда недостаточно.

*Командующий войсками АДР на территории Карабаха,
Генерал Габиб бек Салимов,
31 марта 1920 года»*

Внесший в 1918-1920 годах неоценимый вклад в создание Национальной армии генерал Габиб бек Салимов родился 8 февраля 1881 года в Иреване. Сведения о его военной деятельности до апрельского

переворота 1920 года хранятся в Российском Государственном военном архиве (ф. 409, опись 1, дело 37290, листы 1-6, личное дело №2976)¹. В документе указано, что отец генерала Гаджи Юсиф работал на должности заседателя Иреванского губернского суда. Окончив учительскую семинарию, Габиб бек поступает в гимназию, которую успешно заканчивает.

12 августа 1900 года он добровольцем приходит на военную службу и в течение одного года и двух месяцев служит в 156-м Елизаветпольском кавалерийском полку. Получает звание унтер-офицера. 1 сентября 1902 года с отличием завершает Тифлисское кавалерийское училище. В период службы в 3-ем Кавказском стрелковом батальоне Габиб беку присваивается звание подпоручика. 4 октября 1905 года он становится батальонным адъютантом. Прослужив на этой должности два года, 6 августа 1907 года Габиб бек назначается командиром третьей роты. 22 сентября того же года удостоивается ордена «Святого Владимира» IV степени. Награждение в мирное время молодого офицера такой высокой наградой является редким случаем. В документах отмечается, что в период командировки в Шушу с 16 июля по 4 декабря 1906 года Габиб бек со своим стрелковым батальоном защищал население от дашнаков.

В последующие годы (1908-1910 гг.) Габиб бек Салимов в составе 5-го Кавказского стрелкового батальона служит на границах Джульфы и в военном отряде в Казвине (Иран), выполняя секретное задание разведки в Тегеране. 9 августа 1912 года ему присваивается чин штабс-капитана. 4 марта 1918 года он закончил в Петрограде Николаевскую Военную академию генерального штаба.

Назначенный начальником Генерального штаба Национальной армии АДР Габиб бек Салимов не был кабинетным генералом. Весь полуторагодовой период существования Национальной армии он находился на переднем фронте, благодаря врожденному таланту военного уничтожил врага, покушавшегося на независимость Азербайджана.

Документы, хранящиеся в архиве Министерства национальной безопасности Азербайджана, свидетельствуют о том, что в мае 1920 года Габиб бек Салимов был назначен военным комиссаром Нахичевани. 19 июля 1920 года по распоряжению №3042 генерал-губернатора

¹ «Личное дело» Габиб бека Салимова до 1912 года автору передано проживающим в Москве ученым-исследователем Эльдаром Исмаиловым.

города Нахичевани был на 14 дней командирован в Тебриз для решения торговых вопросов.

26 августа того же года председатель Революционного совета Нахичевани в письменной форме уведомляет начальника особого отдела XI Красной армии, палача Семена Панкратова о возвращении 30 июля Габиб бека Салимова. Генерал сумел привезти достаточное количество товаров, в которых остро нуждалась Красная армия.

Для ареста 1 сентября генерала Габиб бека Салимова выписывается лист заключения под стражу №2017. Начинается «праздник» лживых обвинений. Поражает то, что, кроме русского по фамилии Губин, авторами ложных показаний являются в основном наши единовверцы, которые стремятся принизить роль генерала Габиб бека в вышеупомянутых боях в Аскеране, Карабахе, Мугане и Ленкоране. Но не получается - явной ложью невозможно было запятнать имя доблестного полководца. Тогда неблагодарные прибегают к иному приему. Говорят, что Габиб бек Салимов воевал против большевиков в составе армии турецкого генерала Нуру паши в 1918 году.

Такой факт действительно имел место. Разделивший после Гянджи фронт на две части - северную и южную группы, Нуру паша назначил полковника Габиб бека Салимова командиром южной группы войск. Но удивительно то, что выслуживавшийся перед большевиками наш единоведец ротмистр, который выдвигал ложные обвинения против Габиб бека Салимова, сам принимал участие в боевых действиях вместе с турками. Из документов архива МНБ мне удалось выяснить, что этот ротмистр (имя и фамилию не называю из уважения к его авторитетному роду) в 1926 году был пожизненно выслан на Соловецкие острова. Как не вспомнить пословицу: «Не рой яму другому, сам в нее попадешь».

Как упоминалось выше, генерал Габиб бек Салимов занимал должность начальника генерального штаба Национальной армии. Профессиональные военные хорошо знают, что штаб - это мозг армии. Разве могли бы всемирно известный полководец, военный министр Самед бек Мехмандаров и его заместитель «бог артиллерии» Алиага Шихлинский назначить начальником генштаба слабого командира, каковым Габиб бека Салимова считал ротмистр, льстивший большевикам? Разве могли бы они приказом №31 от 26 февраля 1919 года присвоить полковнику Габиб беку Салимову звание генерал-майора? Конечно же, нет!

Габиб бек Салимов был вторым после генерал-лейтенанта

Мамед бека Сулькевича генералом с высшим военным образованием, который служил в 1918-1920 годах в Национальной армии. В обвинительных документах генерала Габиб бека Салимова записано, что в Тифлисе и Баку действуют тайные организации, которые, дескать, готовятся к мятежу. Контрреволюционеров в Тифлисе и Батуми оружием снабжает генерал Врангель, а в Баку - генерал Салимов. В подготовке к мятежу Джавадскому уезду Бакинской губернии помогают племена шахсеванов, проживающие в Иране, которым, якобы, покровительствует генерал Салимов.

Из последующих обвинений становится ясно, почему генерал Салимов, будучи военным комиссаром Нахичевана, был направлен в Иран для выполнения миссии, не имеющей отношения к его должности – приобретение товаров. Это было сделано с целью подготовки почвы для будущих обвинений в его адрес и ареста.

В течение трех с половиной месяцев, которые генерал Габиб бек Салимов провел в тюрьме, ему зачитывали ложные обвинения, устраивали очные ставки. «Основанием» для расстрела генерала стали «Иранский вопрос», якобы учиненный им грабеж местного населения Мугана в 1919 году в Ленкорани, связь с белогвардейцем Дубининым, Нуру пашой и Зейналовым, ненависть к Советской власти в период АДР, близкие отношения с ханами и беками в Нахичевани при Советской власти.

В те месяцы из Нахичевани от имени секретаря особого отдела Аз.ЧК в адрес Коммунистической партии Азербайджана поступило письмо-донос на Габиб бека Салимова без даты и подписи.

В нем написано: «Контрреволюционер генерал Габиб бек Салимов распространяет среди населения Нахичевани слухи, вместе с ханами и беками действует против Советской власти. В первый приезд в Нахичевани он направил письмо Турецкому революционному правительству о том, что местное азербайджанское население подвергается насилию со стороны Красной армии, попало в рабское положение. Об этом письме Г.Салимов открыто говорил в беседе с армянами, работающими с нами. Будучи в Иране, он встречался с убежавшими отсюда ханами и беками. Сегодня его настроение уничтожает дух борьбы местного населения и находящихся в его подчинении солдат с дашнаками. Нельзя более терпеть его негодные действия. Просим срочно направить его отсюда в Баку.

Секретарь особого отдела Аз.ЧК».

15 октября 1920 года агент информирует, что относительно «ор-

ганизации» генерала Габиб бека Салимова сумел узнать следующее: «Генерал служил в старой русской армии в звании полковника. Выпускник Академии генерального штаба. Азербайджанское правительство наградило его званием генерал-майора. Созданный им контрреволюционный отряд ныне финансируют англичане. Территория действия отряда охватывает прибрежные участки реки Араз. Отряд организован из белогвардейских бандитов и остатков шахсеванских племен. Командный состав состоит из белогвардейских офицеров, грузин и армян (? - Ш.Н.). Задача отряда состоит в том, чтобы при переходе грузин и армян в наступление перекрыть с их помощью дорогу Баку-Тифлис. Пока никаких связей с Энвер пашой не имеет. Из-за конфликта с Халил пашой в период мусаватского правительства и недостойного поведения генерал Габиб бек Салимов не пользуется авторитетом среди мусульманского населения».

Выписка «Тройки» на странице 99 «следственного дела» генерала Габиб бека Салимова от 19 декабря 1920 года: «Рассмотрено дело №1241 обвиняемого в контрреволюционной деятельности бывшего генерал-майора Габиб бека Юсиф оглы Салимова. Его вина состоит в следующем:

1. Контрреволюционная деятельность против Советской власти. Сохранение мусаватской армии в боеготовности и руководство ею.

2. В побеге из Советского Азербайджана во время Гянджинского восстания и руководстве прибывшими из Ирана отрядами мятежников в боях против Красной армии в Мугане.

3. В разоружении и разграблении в Мугане в 1919 году революционных крестьян.

Выдвинутые против генерала Салимова обвинения и ряд других преступлений подтвердились во время следствия. Решено: за выступления против Советской власти Габиб бека Юсиф оглы Салимова расстрелять. Имущество конфисковать и передать в доход республики. Уголовное дело и акты сдать в архив.

Подлинное подписали: начальник особого отдела XI Красной армии Семен Панкратов и старший следователь Губин».

Хранящийся в Центральном Государственном архиве Нахичевани протокол №82 также полон лживых свидетельств об отважном генерале. На заседании Коммунистической ячейки Нахичевани 22 августа 1920 года обсуждалась деятельность мусаватского генерала Габиб бека Салимова. В заседании участвовали семь большевиков, вел заседание военный комиссар Старов, секретарь - Федоров. Выступили три человека.

Первое лицо - Шахтагинский: «Генерал Салимов предатель трудового народа, слабодушный. Он сбежал из Баку в Иран, а оттуда приехал в Нахичевань, уговорил народ дать согласие на приезд его полка из 600 солдат и с 10 пушками. Он вел пропаганду против Советского правительства. Однако не признает вину в отношении нынешней власти. Он продал вооружение полка в Иране и присвоил деньги».

Второе лицо - Рустамов: «Я подтверждаю сказанное Шахтагинским и дополнительно сообщаю, что генерал Салимов объяснял местному населению, что надо собрать новый полк в Нахичевани и бороться против большевиков. Он действительно агитировал против Советского правительства...»

Третье лицо - Халил бек: «Когда дашнаки напали на Шушу (март 1920 года - Ш.Н.) азербайджанское правительство организовало корпус под командованием генерала Салимова и направило его на фронт. Однако неопытность и неумение Салимова руководить корпусом привели к многочисленным ранениям и гибели людей. Однако после того как я вмешался в дело, бой закончился с успехом и дашнакское нападение было разгромлено. После всего этого азербайджанское правительство доверило ему командование 242-ым полком и 3-им кавалерийским полком. Когда красные приближались к Баку, я предложил ему защитить красных. Хотя он обещал, но слова не сдержал, поступил предательски. Начал вести пропаганду против Советской власти».²

В итоге: Старов предложил арестовать генерала Габиб бека Салимова и передать в распоряжение военного суда XI Красной армии.

После всех этих ложных обвинений, 30 декабря 1920 года, в 10.30 большевики расстреляли генерала Габиб бека Салимова. Одним из пунктов решения «тройки» была конфискация имущества генерала. Какой собственностью владел генерал Салимов? В документах указано: Габиб бек Салимов - холост, 39 лет. Живет вместе с братом, имеет две десятины земли и три десятины дачного участка, оставшегося после отца. И все.

² Командующим охраной Нахичевани Халил говорит неправду и предвзято. Многочисленные воспоминания и архивные документы свидетельствуют, что именно благодаря командирским качествам генерала Габиб бека Салимова удалось разбить дашнаков в марте 1920 года в Шуше и Ханкенди. Большевистский подручный, авантюрист Халил бек командовал в тех боях небольшим отрядом добровольцев. Генерал-майор Габиб бек Салимов же был командующим войск на территории Карабаха.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ИБРАГИМ АГА УСУБОВ (1875-1920)

Поезд прибыл в Гянджу в девять утра. Развешаны флаги, расстелены ковры... Население повалило на улицы, площади. Официально были приветствованы военный министр Самед бек Мехмандаров, его заместитель генерал Али ага Шихлинский, вице-губернатор Гянджи Гусейнгулу хан Хойский и другие.

Началось официальное прохождение. Им руководили заместитель военного министра генерал Али ага Шихлинский и передовой военный начальник генерал Габиб бек Салимов. Команды давал сидящий на красивом белом коне с обнаженным мечом в руке генерал Ибрагим ага Усубов.

Из репортажа о парад-торжественном марше 23 марта 1919 года, посвященном празднику Новруз

Основной темой нашей беседы сегодня стал Ибрагим ага Усубов - дядя по отцу Фарис бека. Генерал-майор Ибрагим ага Усубов родился шестого марта 1875 года в селе Гыраг Салахлы Казахского уезда. Из документов я узнаю, что отец генерала Муса ага был офицером русской армии. Он и его дядя по отцу Сулейман ага героически сражались в составе Казахского кавалерийского отряда: который входил в состав созданной в начале XIX века Мусульманского кавалерийского полка. За доблестную службу в польской войне и в боях против горцев Муса ага Молла Юсиф оглы был возведен в чин поручика.

Звание прапорщика Муса ага получил 2 июля 1839 года. С 28 ноября 1845 года занимал должность помощника начальника Мусульманского полка при Отдельном Кавказском корпусе под командованием генерал-адъютанта князя Воронцова. В том же году за мужество, проявленное в боях с горцами за деревню Дарго и населенный пункт Герзель, он был удостоен ордена Святого Станислава.

9 июля 1848 года Муса ага получил звание подпоручика, а 4 декабря 1854 года – звание поручика. Ушел в отставку 22 июля 1891 года. Ему было назначено жалованье 97 рублей 50 копеек серебром. Скончался Муса ага Усубов 1 августа 1891 года.

Фарис бек раскрывает один из документов и трясущими паль-

цами проводит по нему:

- Обрати внимание, мой дядя, как Али ага Шихлинский и отец, окончил кадетский корпус в Тифлисе, причем с отличными оценками, - говорит он, - В 1892 году он окончил Вторую Константиновскую военную школу. Спустя год получил звание унтер-офицера. В звании штабс-капитана участвовал в русско-японской войне. Дядя героически воевал в боях за Порт-Артур, за что был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени и орденом Святого Станислава третьей степени (с мечами и бантом). Осенью 1914 года Ибрагим аге Усубову было присвоено звание подполковник.

Он бок о бок с земляками – генералом артиллерии Али агой Шихлинским и Самед бекон Мехмандаровым воевал на фронтах Первой мировой войны и проявил не меньше героизма. После войны служил в 122-м Тамбовском кавалерийском полку, который располагался в Харькове. В 1910 году Ибрагим ага Усубов вступил в брак с Говхар ханум - младшей дочерью родственника, проживающего в Тифлисе муфтия Закавказья Мирза Гусейна эфенди Гаибзаде. Я спросил у собеседника:

- Есть ли в живых детей генерала?

- Сейчас обо всем расскажу, - вновь волнуется Фарис бек. Берет одну из старых карманных блокнотов, - Найди и поговори с двумя людьми. С двоюродной сестрой Нигяр ханум Усубовой и племянницей генерала (дочерью брата) Говхар ханум Усубовой.

Я в тот же день навестил Говхар ханум, проживающую в доме номер шесть по улице Мирза Шафи. Когда она услышала имя дяди, на лице, в глазах восьмидесятилетней женщины зажегся удивительный свет. Затем неожиданно этот свет потускнел, и на его месте возникло удивление: «С какой стати? С чего это о нем вспомнили?». Однако спустя несколько минут она поделилась с нами воспоминаниями:

- Как все несправедливо в брэнном мире. Единственный сын дяди Ибрагим аге внезапно скончался в 1940 году. Отца своего Исмаила припоминаю с трудом. Он скончался в 1910 году и с того времени моим опекуном стал дядя. Хотя служил он в Харькове, родное село Салахлы не забывал. В 1914 году он привез меня в Баку и отдал в женскую школу Гаджи Зейналабдина Тагиева. До 1917 года я училась в этой школе. Через год по приглашению правительства демократического Азербайджана дядя переехал из Харькова в Баку.

Обычно военные бывают нелюдими, грозными. Каким дядя был

на службе, сказать я не могу, но вот дома он был чутким, искренним, заботливым. Уделял серьезное внимание вопросам образования и воспитания. Как-то он сказал мне: «Я выполнил волю твоего отца и дал тебя в школу, чтобы ты стала учительницей. Перед тобой стоит задача воспитания благородных людей. Ты должна таким образом готовить учеников, чтобы впоследствии могла ими гордиться». Помню, часто к нам приезжал генерал Али ага Шихлинский, два свояка по долгу беседовали о боях в Порт-Артуре, в Первой мировой войне.

Ибрагим ага Усубов был близок с выдающимся государственным деятелем Нариманом Наримановым, Алигейдаром Караевым, Михаилом Фрунзе и другими. За проявленный в годы Первой мировой войны героизм в августе 1915 года ему было присвоено звание полковник. Вот что писал Джейхун Гаджибейли 26 февраля 1916 года в газете «Каспий» о его мужестве в годы войны: «Офицер 122-й Тамбовской кавалерийского полка Ибрагим ага Усубов, награжденный орденом Святого Владимира третьей степени (1916 год), орденом Святого Станислава второй степени, орденом Святой Анны второй степени, получил звание после назначения в этот полк. При атаке на высоту у села Мизинец 14 октября 1914 года батальон под командованием Ибрагим аги выбил неприятеля из двух рядов окопов и три дня удерживал высоту от контрнаступлений австрийцев».

Поддержав полк своей артиллерией, полковник Ибрагим ага Усубов выбил врага из крепости Перемишл. За проявленную в этих боях храбрость 19 апреля 1915 года он был удостоен ордена Святого Георгия четвертой степени. Назначенному 1 июля 1917 года командиром 133-й кавалерийской бригады Ибрагим ага Усубову было присвоено звание генерал-майора.

В мае 1918 года Ибрагим ага Усубов получил приглашение работать в азербайджанской национальной армии. Вместе с Али агой Шихлинским, Самед беком Мехмандаровым, Абдулгамид беком Гайтабашы, Джавад беком Шихлинским и другими военными он приступил к созданию Национальной армии АДР. В апреле 1918 года в Гяндже была открыта школа прапорщиков. Здесь обучались азербайджанские юноши. Через год школа переехала в Баку и стала именоваться Азербайджанской военной школой. За добросовестную службу народу национальное правительств назначило Ибрагим ага Усубова на должность генерал-порученца при военном министре.

Для приобретения военного снаряжения и военного обмундирования национальное правительство командировало Ибрагима агу в

1919 году в Италию. Правительство не случайно остановило выбор на генерале Усубове. Он превосходно владел французским, английским, немецким и польскими языками. Это подтверждает и хранящаяся в Центральном государственном архиве телеграмма представителя мусаватского правительства в Италии о переговорах относительно приобретения обмундирования и предметов снабжения для армии.

2 декабря 1919 года

Военное министерство Италии не может выделить обмундирование и оружие, ибо таковых оно в распоряжении не имеет. Оно может предложить автомобили, аэропланы, прожектора, военную форму, простыни и одеяла. Отправка одежды поручена Геллю. Первая партия поступив Батуми в конце декабря. Найти старую одежду в приличном состоянии невозможно. Если цена будет приемлемой, подумаю над приобретением ткани вместо этих предметов. Прошу сообщить, сколько у нас стоит ткань.

генерал Ибрагим ага Усубов

За время существования республики в Азербайджанской Национальной армии служило более двадцати азербайджанских генералов. В их числе, генерал-майор Ибрагим ага Усубов, который был профессиональным военным, благодаря своему опыту и деловитости среди личного состава армии заслужил большое влияние. Открытие новых учреждений военного образования и организация в различное время военной подготовки, было организовано благодаря инициативе командира второй пехотной дивизии генерала Ибрагима аги Усубова.

Письмо отправленное из Рима Ибрагимом агой Усубовым, в те дни (3-е февраля 1920-го года) ведущим переговоры в Италии для закупки военной амуниции, Алимардан беку Топчибашеву было более трогательным. Генерал писал: “Ваше присутствие на конференции, в политической жизни дорогого для нас Азербайджана создало новую эру. Произошло историческое событие и с этого момента Азербайджан обрел право самостоятельного государства. Страна, за это крупнейшее достижение в её жизни обязана Вам. Ваше кристально чистое имя уже увековечено: это написанное золотыми буквами имя в хрониках Азербайджанской истории будет стоять на первом месте. (Цитата взята из книги профессора Джамиля Гасанлы “История исторической личности”, стр.437).

- Дядя любил шутить, - продолжает беседу Говхар ханум - Вспо-

минаю историю, имевшую место за обедом. Тяжело вздохнув, дядя Ибрагим сказал: «Ой, дети мои, как я бы хотел, чтобы вы по уму - разуму, авторитету были похожи на меня. Будет хорошо, если по одному свойству они будут похоже не на меня, а на дяди по матери. Его жена тетя Говхар насторожилась и спросила: «Скажи-ка, что это свойство?». Подмигнув, дядя сказал: «Рост я свой я имею ввиду. Мой недостаток заключается только в росте». Дядя был роста невысокого и на это намекал. Али ага Шихлинский ответил на эту шутку так: «Ничего. Не горюй, Ибрагим. Герою это не помеха».

- Говхар ханум, а каковой стала дальнейшая судьба дяди?

- В апреле двадцатого пришла XI армия. Али агу Шихлинского, Ибрагима агу Векилова, Самед бека Мехмандарова, Абдулгамид бека Гайтабашы, Фиридун бека Везирова, моего дядю и других азербайджанских военных, генералов в первое время не тронули. Им было приказано снять погоны и служить в Красной армии. Они молча согласились, им даже назначили жалованье. Дяде дали удостоверение, что он является командиром дивизии. Помню, было начало июля. В нашем доме были гости из Казаха. Дядя Али ага, дядя Ибрагим (генерал Ибрагим ага Векилов) были у нас. Расспрашивали про житие-бытие в селе, своих друзей и родственников, шутили. В то время все военные жили в доме пять по улице Истиглаллийят. В двенадцатом часу ночи все разошлись по квартирам. Только готовились к сну, как на улице остановился грузовик. Высыпавшие из машины красноармейцы вбежали в блоки. Стволами ружей стали стучать по дверям и вошли в квартиры. Солдаты сразу обступили дядю. Я рванулась в его сторону, схватила за руку и начала плакать. Солдаты описали имущество, взяли ордена и забрали дядю. В ту ночь забрали азербайджанских генералов - Али ага Шихлинского, Самед бека Мехмандарова, Мурад бека Тлехаса, Фиридун бека Везирова, генерал-губернатора Нариманбекова, полковника Рустам агу Шихлинского, капитана Бахадур бека Векилова, дядю Ибрагим агу Усубова.. Мы долго искали их, однако узнать что-либо не смогли. Их арестовал военный по имени Илья. Он был на половину армянином, на половину - евреем. Ночь 16 июня 1920 года двенадцать азербайджанских генералов и офицеров были свезены на остров Наргин и расстреляны. После долгих хождений тетя Говхар дали справку, что мужа расстреляли по ошибке и поэтому власть приносит свои извинения.

Али ага Шихлинский и Самед бек Мехмандаров содержались в отдельной камере. К счастью, их письмо дошло до Нариман Нарима-

нова и они спаслись. Опасаясь козней вторгшихся в армию террористов-дашнаков, Нариман Нариманов отправил 1 августа А. Шихлинского и С. Мехмандарова в Москву.

Мало осталось свидетельств о Ибрагим аге Усубове. Пара фотографий и дочь – преподаватель Азербайджанской государственной консерватории, заслуженный деятель искусства, профессор Нигярханум Усубова. Она с гордостью рассказывает об отце:

- Дядя Али ага говорил, что военный талант отца проявился в Первой мировой войне. Умение маневрировать в ходе боя, применять пехоту, обращение с солдатами снискали ему славу искусного полководца русской армии. И еще дядя Али ага говорил, что Фрунзе хорошо знал отца как человека. Он высоко ценил деятельность, военное мастерство отца в войне. Я родилась в Харькове. Хотя и была маленькой, некоторые события помню хорошо. Помню, в связи с чем-то отец пригласил домой гостей. Наряду с офицерами высокого ранга были и рядовые солдаты. Один из солдат сказал про отца, что несмотря на то, что он не русский, однако нам он ближе как родной отец. Мой отец действительно с уважением относился к солдатам. Он не соглашался с офицерами, которые ограничивали права солдат. Именно за это качество они любили, уважали отца....

Во время одной из встреч с Фарис бекем увидел, что со словарем в руке он читает роман одного азербайджанского писателя.

- Фарис бек, - спросил я, - не поздно ли язык изучать?

- Изучаю, что бы не путать как Ибрагим, вчера с завтра.

- Что это за история?

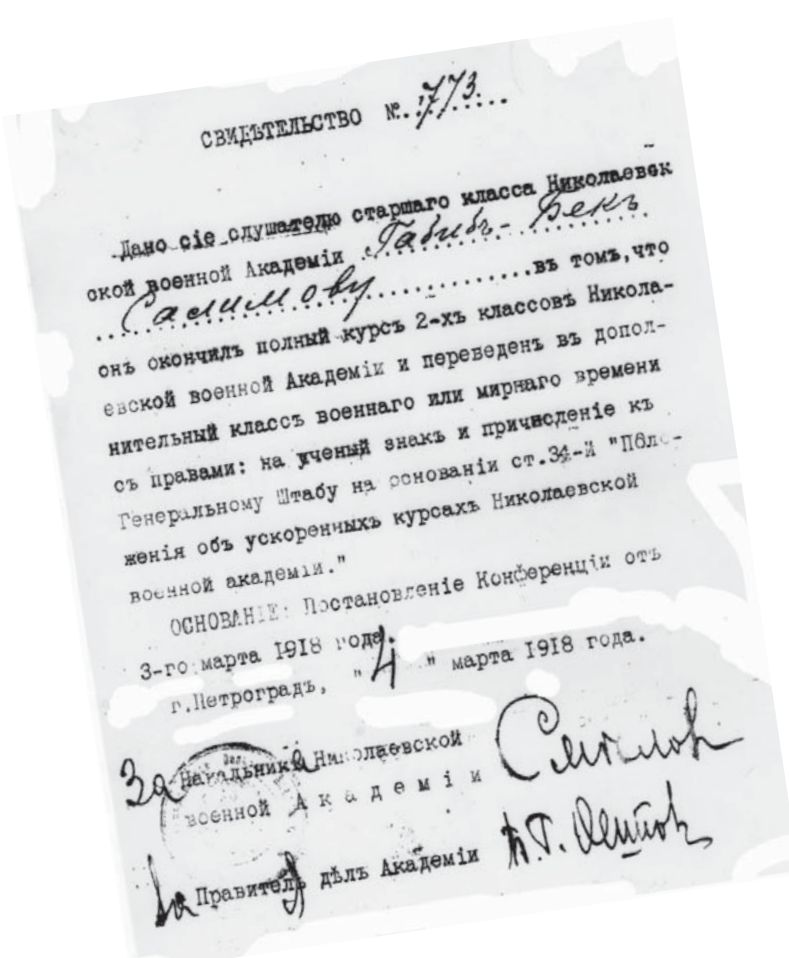
- Сейчас расскажу: - сказал он улыбаясь. – Помню, весной 1914 года отец привез нас в наше село Салахлы. Война еще не началась. Отец любил приезжать в родное село, навещать друзей, родственников. Несмотря на высокий титул, деятельность на высоком посту, он по несколько раз наведывался в село. «Сынок, это село, - говорил он, - всегда со мной, где бы я ни был. В каких бы больших городах, дальних краях не был человек, он не должен забывать место, где мать его кормила грудью. Не имеет он на это права». В один из приездов отец узнает, что и Ибрагим ага с семьей находится в селе. Вместе с дядей Абдуллой идут на встречу с ним. Дядя Абдулла спрашивает у дяди Ибрагима, мол когда приехал. Тот отвечает: «Завтра». Отец удивляется, о чем разговор. Дядя Абдулла понимает в чем дело и, смеясь говорит: «Если завтра приехал, то, наверное, вчера уедешь».

Фарис бек пояснил: «Дядя Ибрагим многие годы жил в России

и несколько подзабыл азербайджанский язык. И меня судьба забросила из страны в страну, из города в город. Свободно общаюсь, могу писать на французском, английском и нескольких других языках. Однако чувствую, что начинаю забывать родной язык.

Фарис бек был свидетелем многих событий, историй, которым нет конца. Жаль, что моя встреча с этим искренним, добрым человеком пришлась на последние годы его жизни. Он покинул наш мир на девяносто четвертом году жизни.

Наш народ, имеющий тысячелетнюю литературу, культуру, имеет и тысячелетнюю историю героизма. Имена мужественного Джаваншира, непоколебимого Бабека, отважного Кероглы на выхоленном жеребце вступающего в схватку с чужеземцами, Няби, Гачаг Керяма вписаны в историю нашего народа, в историю человечества. Каждый из них храбро защищал свою землю, свой народ, свою культуру от посягательств захватчиков. Каждый век рождает своих героев, их жизнь и деятельность становятся образцом для последующих поколений. Проходят годы, однако герои не забываются. Я верю, что имя генерал-майор Ибрагим ага Усубова никогда не сотрется с памяти народа.

ГЕНЕРАЛ МУРАД ГЕРАЙ БЕК ТЛЕХАС

(или рассказ о трагической судьбе полководца)

По правде, я не знаю, достойна ли моя могила быть украшенной цветами когда нибудь. Но вы должны положить меч на мою могилу. Потому что я был мужественным солдатом в борьбе за независимость человечества.

**Генрих Гейне,
немецкий поэт (1797-1856)**

В отличие от Гейне, черкес по национальности генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас доблестно сражался как полководец за независимость Азербайджана в 1918-1920 годах. Хотя он не был азербайджанцем, но как единоведец проделал огромную работу по формированию нашей национальной армии. Несмотря на то, что с тех пор прошло много времени, мы обязаны сегодня помнить о генерале Тлехасе как об отважном сыне азербайджанского народа. Полководец, безвозмездно и искренне служивший нашему народу, не может быть предан забвению. Я верю, что и будущие поколения с гордостью будут произносить его имя, говорить о его делах. Не только соратники, но и современники – большевики, которые стояли по ту сторону баррикад – Гамид Султанов, Агабаба Юсифзаде и другие, отмечали в тридцатые годы полководческую степенность, грозный внешний вид расстрелянного 29 мая 1920 года генерала Мурада Гярай бека Тлехаса: «Генерал Тлехас имел очень впечатляющий внешний вид. Высокий, широкоплечий, огненные глаза, большие эполеты на плечах. Сидит за широким письменным столом. На столе блестят различные канцелярские принадлежности. Одним словом, зеленое покрытие полно различных фигур. Самое главное – на левой стороне находится наган, на правой – плеть. Это был человек, которому был неведом страх».

Должен признаться, что после выступления в прессе, на телевидении или на радио я обязательно «приобретаю» что-то новое. Приобретаю в том смысле, что резонанс от этих выступлений бывает в мою пользу. Ко мне обращаются пожилые люди и делятся услышанным от отцов, дедов, некоторые передают материалы о полководцах.

После выступления в передаче «Из нашей военной истории»- ко мне обратилась седовласая женщина:

- Я посмотрела ваше выступление, - сказала она дрожащим голосом. - Почему генерала Тлехаса упомянули вскользь?

- Я сказал все, что мне известно, - ответил я.

- Я многие годы работала в архиве, - сказала она. - Я хочу сказать вам, где находится судебная папка генерала Мурада Гярай бека Тлехаса. Так сложилась судьба, что в сороковые годы я с помощью одного доброго человека устроилась на работу в архив Министерства внутренних дел. Несколько раз пытались меня уволить с работы как «представителя нации, не внушающего доверия, агента с турецкой кровью в жилах». Большинство работающих там были русскими, армянами, евреями. Однако старательность и знание шести языков помогли мне. Зная о моих турецких корнях, мне не разрешали работать с некоторыми документами.

Однажды мне поручили привести в порядок документы о расстреле большевика Али Байрамова и суда по этому делу. Вчера вы признались, что не обладаете достаточной информацией о генерале Тлехасе. Оттуда вы можете многое узнать о жизненном пути генерала. Там все есть: судебные допросы, показания свидетелей, приговор о расстреле... Если память не изменяет мне, должно быть восемь или десять папок. Сейчас эти документы хранятся в Центральном государственном архиве.

О том, где находятся документы, которые я искал многие годы, мне поведала Фатьма ханум Меджидага кызы Юсифзаде. Она родилась в 1922 году в Батуми. Отец, Меджид бек Юсиф оглы, родом из села Зунут Шекинского района. До апрельского переворота он владел домом, заводом в Батуми. По указке большевиков этот богатый и щедрый мужчина был убит в 1927 году с помощью слуги-шекинца Алибира Агара. Большевики арестовали лиц, которые убили Меджид бека, сослали в Сибирь. Сами же присвоили его дом и богатство. Пятилетнюю Фатьму определили в приют у подножия горы Бешуми.

Воспитатель детдома по фамилии Макиевский сжалился над ребенком и в 1930 году отдал Фатьму в турецкую школу в Батуми. Здесь она получила семилетнее образование.

Фатьма ханум говорит, что мать ее, Айша ханум Мустафа кызы, была турчанкой, точнее была по национальности лазкой. Лазы отказались от грузинской веры и приняли мусульманство. Прадед матери первым поднял флаг в пользу принятия мусульманства и призвал лазов к отуречиванию. Поэтому материнская сторона носит фамилию Байрагдар (Знаменосец – Ш.Н.), иногда пишут Байрагдарши. Дед совер-

шил паломничество в Мекку, и по этой причине ему дали титул Гаджи Байрагдар. Ныне в Турции живет одна из ветвей нашего рода, они носят фамилию Албайраг (Красный флаг – Ш.Н.). Лазы вошли в историю как отважное племя. Византийский историк Агатия писал о них в шестом веке: «Лазы – сильное и гордое племя. Они покровительствуют и над другими грузинскими племенами. Лазы гордятся древними именами колхов. Я не знаю других племен, кроме лазов, которые отличались бы большим богатством, разнообразием природы, большой территорией, плодородием земли и прекрасным характером...».

По совету Фатьмы ханум Юсифзаде я пошел в Центральный государственный архив и стал искать сведения о генерала Мураде Гярай беке Тлехасе. В архиве я обнаружил документ о мероприятиях против лиц, намеревающихся устроить в Баку погромы. Из объявления, изданного по Бакинскому генерал-губернаторству, усматривается, что военным генерал-губернатором Бакинского укрепрайона являлся генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас.

В объявлении говорится:

«До меня дошли сведения, что в городе идут слухи о возможных в ближайшие дни забастовках, погромах и других такого рода событиях, которые могут нарушить общественный порядок. Эти сведения распространяются лицами, откровенно стремящимися нарушить спокойный общественный порядок в городе и восстановить неграмотную часть населения против правительства. В этой связи заявляю, что я всеми способами не допущу погромов или иных насильственных действий, любое выступление против правительства будет со всей серьезностью удушено в колыбели, а к распространителям провокационных сведений будут применены решительные меры по законам военного времени, вплоть до предания суду.

Учитывая это, я прошу мирных граждан города Баку и его окрестностей не поддаваться на такого рода слухам и продолжить обычную жизнь и спокойствие, которые я гарантирую зависящими от меня всеми мероприятиями. Наряду с этим довожу до сведения граждан, что, учитывая тяжелый продовольственный кризис, правительством всегда предпринимался ряд неотложных мер к созданию возможностей малоимущим и другим слоям населения для приобретения товаров первой необходимости по низким ценам, обузданию кризиса, и тем самым в ближайшие дни кризис должен разрешиться в выгодном для населения свете.

***Военный генерал-губернатор Бакинского укрепленного района
генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас».***

Второй документ очень краток. Он тоже касается генерала Мурада Гярай бека Тлехаса: «В осуществлении и подготовке военного переворота в Баку в апреле 1920 года активно участвовали турецкие коммунисты Сулейман Нуру, Мамед Тахир, Фуад Сабит. Поэтому при их содействии и деятельности арестован военный губернатор Баку генерал Мурад Гярай бек Тлехас» (фонд 456, опись 18, дело 38, лист 16, в бывшем партархиве).

Третий документ: Разоблачая предателей, трусов, генерал-губернатор Мурад Гярай бек Тлехас 28 апреля 1920 года обещал, что подавит наступление большевиков и восстания внутри страны. Он укрепил оборонительные фортификационные сооружения и потребовал предоставления ему неограниченных должностных прав. Генерал-губернатор Мурад Гярай бек Тлехас говорил: «У меня есть и армия, и флот. С помощью военных кораблей «Карс», «Ардаган», «Астрабад» мы сможем оборонять Баку с береговых сооружений в направлении моря».

Кто же такой Тлехас, почему большевики расстреляли его?

Генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас (1874 год, Кубанская обл. - 29 мая 1920 года, Баку). Черкес по национальности. Родился в семье военного в городе Екатеринодар (нынешний Краснодар - Ш.Н;). Начальное образование получил в Майкопе. Окончил Михайловское артиллерийское училище в Санкт-Петербурге. В 1912-1913 годах в чине капитана служил в 51-й артиллерийской бригаде. Участвовал в боях за Порт-Артур и Первой мировой войне. Завоевал славу доблестно сражавшегося офицера. Дважды награждался орденом Святого Георгия.

Осенью 1918 года белогвардейцы захватили Кубань и Адыгею. После этого Тлехас приехал к нам как к единоверцам.

Генерал Али ага Шихлинский назначил его командиром второй артиллерийской бригады Отдельного азербайджанского корпуса. Через некоторое время Тлехас стал начальником Главного артиллерийского управления в генеральном штабе. 4 декабря 1919 года был назначен генерал-губернатором Бакинского укрепрайона. Сыграл активную роль в национальном движении Азербайджана и строительстве армии, Его служба в армии Азербайджана в течение полутора лет нашла отражение в двух приказах военного министра и начальника генерального штаба. Изданные в сентябре и декабре 1919 года приказы 421 и 559 хранятся в Центральном государственном архиве новой истории Азербайджана под грифом «Совершенно секретно».

«Для приобретения имеющих для нас большое значение различных предметов, оружия и иного военного имущества мною была направлена в город Тифлис Грузинской Республики комиссия под руководством начальника Главного артиллерийского управления генерального штаба генерал-майора Мурада Гярай бека Тлехаса. Несмотря на определенные серьезные трудности, удалось в кратчайшие сроки и по довольно выгодным ценам приобрести и привезти в Гянджу и Баку ценное имущество. Большинство приобретенного из предметов являются новыми, а использованные находятся в годном для употребления состоянии. Успешное исполнение моего задания комиссией я усматриваю в руководстве такого отважного, опытного и совестливого лица, как генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас, и выражаю ему искреннюю признательность от имени должностных лиц. Также выражаю благодарность всем членам комиссии, принявшим участие в осмотре, приеме и отправке приобретенных товаров.

*Военный министр, полный генерал артиллерии
Самед бек Мехмандаров,
начальник генерального штаба, генерал-майор
Габиб бек Салимов».*

«При организации военного министерства, при создании, можно сказать, из ничего как самой армии, так и ее управлений и учреждений генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас начал исполнять обязанности начальника Главного артиллерийского управления. В деле организации нашей родной армии генерал-майор Тлехас был одним из самых близких мне сотрудников. Воинственный человек и неутомимый опытный военный деятель генерал-майор Мурад Гярай бек Тлехас отдал много сил делу вооружения армии, сбору разбросанного по всему Азербайджану артиллерийского имущества, строительству артиллерийских складов и мастерских. В связи с поручением ему очень ответственных военных задач по обороне республики, ради интересов общего дела считаю полезным освободить его от обязанностей начальника Главного артиллерийского управления. За образцовую деятельность, усердие и выдающиеся достижения в течение года на этой должности выражаю уважаемому Мураду Гярай беку Тлехасу искреннюю признательность от имени должностного состава.

*Военный министр, полный генерал артиллерии
Самед бек Мехмандаров,
начальник генерального штаба, генерал-майор
Габиб бек Салимов».*

Приняв 13 сентября 1919 года по приказу Государственного Комитета Обороны должность Бакинского Военного генерал-губернатора, Мурад Гярай бек Тлехас заявил: «Для оправдания оказанного мне доверия и надежды я все свои силы направляю на справедливое дело независимости». Местные большевики, объединившись с армянами, вели среди населения антиазербайджанскую пропаганду, сеяли тревогу и распространяли слухи. Озабоченный такой ситуацией генерал-губернатор Мурад Гярай бек Тлехас в интервью газете «Азербайджан» от 25 января 1920 года говорил: «В последние дни в городе распространяются слухи об ограблении большевиками рынков и магазинов. Население в тревоге. Пустословие расширяется. Таких действий не будет. Если это случится, то безжалостно будет подавлено, правительство имеет достаточно сил. Никому не разрешается въезжать в город.

К пристаням приплывают суда. Лишь некоторым из пассажиров разрешается въезд в город. За три дня из городов Энзели, Петровск и Нового города (Красноводск) на пяти судах прибыло пятьсот человек. Частично они допущены в город. Однако вскоре были выселены из города. Некоторые едут в Тифлис. Армяне возвращаются в Армению, иранцы - в Иран, иностранцы передаются представительствам. На судах наблюдаются много больных сыпным тифом и другими болезнями. Они были в скором времени изолированы. По судовым радио сообщается, что в случае поездки в Баку будут возвращены обратно. Но иностранным делегациям, политическим представителям и прибывающим по делам государства лицам разрешение выдается. Старые русские паспорта теряют силу, в течение месяца все граждане должны получить тюркские паспорта».

После захвата в 1920 году власти большевиками генерал Мурад Гярай бек Тлехас был арестован как один из убийц революционера Али Байрамова. С 21 по 29 мая он давал показания на суде Высшего Революционного Трибунала:

Председатель Виктор Нанейшвили:

- Генерал Мурад Гярай бек Тлехас! Признаете ли вы себя виновным в убийстве Али Байрамова? Будучи генерал-губернатором Бакинского укрепленного района, вы допустили преступную бездеятельность, в результате совершилось такое тяжкое преступление.

Генерал Тлехас:

- Категорично нет! Что касается моей военной должности, то я всегда и везде добросовестно исполнял службу. Я не допускал пре-

ступления.

Председатель:

- Скажите трибуналу, о чем вы говорили в Баку с командованием Добровольческой армии Деникина?

Тлехас:

- Никаких переговоров с командованием Добровольческой армией я не вел.

Нанейшвили:

- По имеющимся у нас сведениям, вы имели беседу с представителями белогвардейских добровольцев.

Тлехас:

- С отдельными представителями добровольцев я никаких переговоров не вел. О добровольцах и других как «солдат» скажу, что лежачего не бьют. Когда они сдавали оружие, я делился с ними последним куском хлеба и сахара.

Председатель:

- Ваше последнее слово трибуналу.

Тлехас:

- Высший трибунал, мои слова произносятся не ради собственной защиты. Я громко заявляю, что в убийстве большевика Али Байрамова никак не участвовал. На трибуну обвиняемых меня привели попадание в абсолютно незнакомую мне ситуацию и мое воспитание, основанное на чести солдата, обязанного выполнять приказы начальников. Я сын бедного прапорщика, можно сказать, выходец из бедной прослойки. Теперь мне кажется, что буржуазное звание генерал-губернатора было для меня позором.

Если спросите меня, кого я считал своим врагом в период деятельности в Баку, то я бы сказал: только и только добровольцы, желавшие посягнуть на независимость Азербайджана, являются моими яркими врагами. Я никогда не вмешивался в работу политических партий. Моя цель заключалась в создании национальной армии, предотвращении национальной резни.

Мне сорок шесть лет. Больше половины своей жизни я провел в армии. Продав единственный в доме самовар, отец направил меня из Екатеринодара на учебу, посадив на лошадь... Что касается моего призыва к белогвардейскому генералу Деникину, его добровольцам, то это никак невозможно, потому что в течение года я вел борьбу с деникинцами. Его разведчики как огня боялись моих сотрудников и лично меня. Если бы не вы, большевики, а Деникин вошел в Баку, то

первым делом он расстрелял бы меня. Признаюсь, я был безжалостен к разведчикам Деникина, попадавшим в наши руки в Азербайджане.

Из архивных документов становится ясно, что с целью дискредитации генерала Мурада Гярай бека Тлехаса в глазах азербайджанцев большевики пытались расстрелять его как белогвардейского разведчика. После пламенного последнего слова генерала на открытом суде в здании нынешнего Театра оперы и балета им. М.Ф.Ахундова эта затея провалилась.

Несмотря на недоказанность вины в убийстве большевика Али Байрамова, Мурад Гярай бек Тлехас был расстрелян как контр-революционер и мусаватский генерал в два часа ночи 29 мая.

В ту ночь от имени «революционного народа» наряду с генералом Тлехасом по обвинению в убийстве Али Байрамова были расстреляны начальник полиции Баку при «Мусавате» Рустам бек Мирзоев, начальник четвертого участка полиции Нураддин Сеидов, его заместитель Сулейман бек Субханвердиханов, старший городской Мешади Ибрагим Бабаев, руководитель сыскной полиции Эйваз Джабраилов, сыщик полиции Левон Тер-Арутюнов, известный бакинский гочу Наджафкулу Рзаев, городской Габид Назар оглы, Абдуррахман Курбан оглы и гочу Мир Рагим Мир Мовсум оглы.

Сумевшим сбежать за границу заместителю министра внутренних дел Шафи бека Рустамбекову, гочу Аждару Эминову и Гусейну Кадир оглы, городовому Вели Мешади Гусейн оглы и Александру Коберидзе Революционный суд заочно вынес смертный приговор. В июне 1921 года в результате предательства был схвачен и расстрелян один из них - гочу Гусейн Кадир оглы.

Архивные документы также свидетельствуют, что большинство из перечисленных лиц отношения к убийству Али Байрамова действительно не имели. Его в ночь с 22 на 23 марта 1920 года по заданию сыскной полиции убили бакинские гочу. Работавшая в Мусаватском парламенте секретарем-делопроизводителем супруга Али Байрамова, Джейран Байрамова позднее отмечала в «Воспоминаниях»: «Проявляя большую сноровку, ловкость и смекалку, мы вместе со школьной подругой Зейнаб Ризвановой изучали военные планы мусаватистов, доставляли в партийный комитет секретные документы. В последние дни Али домой не приходил, нам приходилось встречаться в других местах. Для поддержания связи, передачи сведений мы встречались в доме Зарбали Назарова на Георгиевской улице».

Почувствовав неладное, полиция провела обыск в доме Али Бай-

рамова. Оказалось, что в квартире имеются два телефона: один - в открытом месте, другой - за занавесью. По второму телефону Джейран информировала большевиков о событиях в парламенте. Посчитав неправильным поднять руку на женщину, вместо жены бакинские гочу отомстили Али Байрамову.

Есть среди архивных документов короткое и очень трогательное письмо. Его написала жена генерала Мурада Гярай бека Тлехаса, Аминат ханум, 6 июня 1920 года:

«Председателю Высшего Революционного Трибунала Азербайджанской Советской Социалистической Республики, заявление. 29 мая 1920 года решением Высшего Революционного суда мой муж Мурад Гярай бек Тлехас был расстрелян. В день ареста мужа ваши сотрудники взяли из нашего дома принадлежащие семье золотые и серебряные предметы. Покорнейше прошу дать распоряжение о возвращении этих золотых и серебряных предметов. Они принадлежат только что достигшим совершеннолетия моим двум дочерям и мне.

Подпись: Аминат ханум Тлехас».

Поставивший 6 июня 1920 года резолюцию на заявлении большевистский начальник велел секретариату сообщить гражданке Аминат ханум Тлехас, что она ничего не получит.

Рассказ двух свидетелей

Еще вчера эти высокомерные гочу ходили с оружием на боку, сегодня сторбились, превратились в комок на скамье обвиняемых. Жалкими, боязливыми взглядами они следят за ходом процесса, глазами просят пощады. Только генерал-губернатор Баку Мурад Гярай бек Тлехас сидит с достоинством, грозно смотрит в салон. Своим видом этот великодушный генерал показывает, что чувство боязни ему чуждо.

29 мая 1920 года.

Из документа Высшего Революционного Трибунала.

Лишь два свидетеля того суда дожили до последнего времени.

В девяностые годы прошлого столетия у меня были частые встречи с Рамазаном Халиловым, директором Дома-музея Узеир бека Гаджибейли. Слушать этого человека с цепкой памятью, богатыми

воспоминаниями было одно удовольствие. В 1918-1920 годах Рамазан муаллим был младшим адъютантом генерала Али аги Шихлинского.

В один из октябрьских дней 1998 года мы говорили по телефону. Между разговором я сказал, что обнаружил в архиве фотографию, на которой запечатлены 19 высших офицеров мусаватской армии. «Я узнал только шестерых. Не возражаете, если я принесу вам фото: может быть, кого-то узнаете?» - спросил я.

Получив согласие, я тотчас поехал в музей. Прежде чем показать фотографию, спросил, узнает ли Рамазан муаллим генерала Тлехаса. «Конечно, узнаю. Разве можно забыть его грозный, наводящий страх внешний вид, степенность?» - ответил Рамазан муаллим. Я поставил перед ним фотографию. Дрожащими руками он надел очки с толстым стеклом. Указав на человека во втором ряду, третьего справа, сказал: «Он. Это генерал Мурад Гярай бек Тлехас. А справа от него полковник Ширин бек Кясаманли. Он скончался от сыпного тифа в 1919 году».

Я крепко обнял и поцеловал 98-летнего старика, подарившего военной истории Азербайджана единственное, доселе нам неизвестное фото отважного генерала. Невольно вспомнив те роковые годы, Рамазан муаллим продолжил свой рассказ: «Вход в зал был свободен, потому я несколько раз посетил процесс. Это было первое заседание Высшего Революционного Трибунала большевиков. Особо мне запомнилось последнее заседание. Всех поразило, как мужественно держался генерал Тлехас. После оглашения приговора о расстреле ему предложили подписаться под документом. Он гордо шагнул вперед, слегка наклонился, поставил подпись и строгим голосом сказал: «Еще и еще раз повторяю, что в убийстве большевика Али Байрамова, в этом грязном деле не участвовал». Когда очередь подписаться дошла до бакинских гочу, те повели себя недостойно, Гочу Наджафкулу был высоким, крупного телосложения, красивым человеком. На нем был фиолетового цвета жилет, на ногах – длинные сапоги. Помню и то, что генерал Тлехас и все арестованные содержались в Баиловской тюрьме. Каждое утро их выводили подметать бульвар. Тем самым советская власть демонстрировала рабочим и крестьянам, как пыталась «преступников».

- Рамазан муаллим, известно ли вам что-либо о дальнейшей судьбе семьи генерала Мурада Гярай бека Тлехаса?

- Мой отец Гамзат бек был дружен с генералом. В 1920 году Аминат ханум попросила отца помочь выехать в Иран. Отец получил официальное разрешение и проводил ее. Старшая дочь генерала, Джаннет

ханум, еще при Мусавате вышла замуж за иранского консула в Баку. Запомнил, как звали младшую дочь. Квартира генерала Тлехаса располагалась в четырехэтажном здании напротив Парапета. Ныне в этом здании находится кинотеатр «Араз».

*Цель народа была одна: очистить
свою землю от нашествия.*

Л.Н.Толстой

Одним из свидетелей последних дней генерала Гярай бека Тлехаса был борец за независимость Азиз Алпоуд. Он, на 177-ой и 178-ой страницах своей книги “Рассказы моей жизни” пишет:

“Военные отряды русских проходили по мечетной улице. Не как солдаты, а как ватага разбойников; кони, верблюды, мулы, сами голодные, голодранцы, в лохмотьях и на ружьях веревки вместо ремней.. Эта “армия” напоминала стаю голодной саранчи.

“Неужели эти солдаты, военные соединения оккупировали мою родину?!” - думал я.

Бедный генерал Тлехас! Да упакует Аллах душу этого великого шахида; нашего брата из Северного Кавказа!

Он в Милли Меджлисе правительству пребывающему в растерянности, обратился со словами: “Дайте мне полномочия, я за одну атаку разобью наголову эту свору воров и разбойников”.

Именно эти слова и решили его судьбу. Вскоре после оккупации русские разбойники в здании Бакинского Оперного Театра устроили суд и приговорили генерала Тлехаса к казни - расстрелу.

Когда рабы русских, предатели вместе с русскими судьями выдвинули обвинение и сказали ему:

- Ты враг рабочих и крестьян, буржий! - генерал Мурад Гярай бек Тлехас только поправил осанку. Высокий, на голове коричневая каракульевая папаха, протянув руку в сторону “судей” и с гордостью воскликнул:

- Я не враг ни рабочим, ни крестьянам! И не буржуй. Все мое богатство, честь – этот военный мундир славного Азербайджанского солдата.

Был прочитан заранее подготовленный приговор о казни. Даже волос не шевельнулся у этого мужественного солдата. Как орел, высоко он смотрел на этих подлецов. В тот миг вместе с нами еще у двоих маленьких девчонок из глаз покатались слезы. Они были дочери

генерала Глехаса. Дети пришли на суд своего отца.

Когда я увидел русских солдат иоя ненависть усилилась. Им были нужны свидетели, чтобы называть себя солдатами, армией. Генерал Глехас был прав. Можно было силой остановить эту стаю саранчи, отместить их, отбросить. Но что же поделать? Все было кончено...

Как же теперь избавиться от них? Какую ловушку устроить против этой ловушки? В тот миг я внутри себя нашел ответ: нужно создать тайную организацию! Пока русские не успели хорошо отдохнуть, укрепнуть за счет нашей нефти!

Организация!.. Во первых, наше избавление связано с хорошей организацией. Сначала нужно найти друзей которые могли бы не задумываясь пожертвовать своей жизнью.

Первые созданные мной связи меня очень обрадовали. Оказывается, были и те кто даже раньше меня перешли к действиям. Но одно очень огорчило всех нас: несколько вышедших из тюрьмы людей, фальсификаторов, даже картежников, пользуясь тревогой нашего народа начали собирать пожертвования. Но когда агенты русских узнали об этом, проследили за ними и за короткое время поймали этих клоунов как “восставших”, расстреляли. При этом искавшие повод русские уполномоченные начали расстреливать и наших генералов, высокопоставленных офицеров и многих известных людей страны под тем предлогом, что они якобы “готовили восстание”. Доносящиеся в ночной тишине звуки станковых ружей были вестниками происходящих этих преступлений. Русские уже даже не искали повода. Насильно врываются в дома попадающихся на глаза богатых, зажиточных людей, заселялись там, присвоивали все что там было. Встречая хоть маломаиськие протесты, расстреливали на месте любого человека как “врага революции”, выставляя его виноватым.

А когда то же самое хотели проделать и с миллионером Муртузой Мухтаровым, соседом Али бека, то он вытащив свой пистолет застрелил троих из пришедших русских солдат, а потом застрелился и сам со словами: “В этот дом можете войти только перешагнув через мой труп.”

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ МАМЕД БЕК СУЛЬКЕВИЧ (1865-1920)

*«Я счастлив, что умираю как офицер
мусульманской армии. Прощайте!»
(последние слова перед смертью)*

В числе двадцати одного боевого генерала Азербайджанской Демократической Республики внимание читателей привлекала и несколько удивляла необычная для нашего народа фамилия - генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевич.

По национальности генерал Мамед бек Сулькевич является литовским татаром. Отец его служил в Александровском Гусарском полку, дослужился до чина подполковник.

Живший в Польше эмигрант Арслан бек писал, что генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевич в конце восемнадцатого года был начальником Генерального Штаба Министерства Обороны АДР. Однако хранящиеся в Государственном архиве новой истории Азербайджана документы отрицают сей факт. Во-первых, в упомянутый период начальником Генерального Штаба был генерал-майор Абдулгамид бек Гайтабашы. Во-вторых, согласно архивным документам, Мамед бек Сулькевич прибыл в Азербайджан в декабре 1918 года и по 26 марта 1919 года командовал Первым Мусульманским Корпусом, размещавшемся в Гяндже. В тот день Военный Министр Самед бек Мехмандаров и генерал Габиб бек Салимов подписали приказ №147, согласно которому генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевичу предписывалось приступить к исполнению функций начальника Генерального Штаба, на который он назначен 19 марта. Другой архивный документ имеет важное значение для изучения биографии Сулькевича и по этой причине хотел бы предложить его вниманию читателей. В документе от 15 марта 1919 года, относящемся канцелярии Военного Министерства, от Сулькевича требуется представить информацию своем отце и религиозном происхождении, а также выражается просьба уплатить четыре маната за гербовую печать.

В написанной черной тушью заявлении Мамед бек Сулькевич дает такой ответ: «По религии – я мусульманин, зовут меня Мамед бек, звание мое – генерал-лейтенант. Принимаю гражданство Азербайджана».

Генерал Мамед бек Сулькевич родился двадцатого июня 1865

года в семье потомственных дворян в населенном пункте Кемейши Виленской губернии. При рождении он был назван Мацей бек. Однако в знак признания деятельности в Крыму местные татары дали ему имя Сулейман Паша. В Азербайджане же он добровольно принял имя Мамед бек.

Татарский парламент, татарский народ и пресса восторженно воспринимали в 1918 году генерала Сулейман паша Сулькевича в качестве главы государства. В июне того года он занимал посты премьер-министра и министра внутренних дел правительства Крыма. Независимость татарского народа с радостью было встречено в братской по религии и языку Турции:

«Премьер-министру правительства Крыма. Генералу Сулейман беку Сулькевичу! Поздравляю вас с созданием вместе с Зафар беком правительства Крыма. Желаю вам успехов и новых достижений в работе. Как союзник Турция считает себя обязанной оказать вам помощь в этом деле. Османская империя будет опорой и поддержкой вам. Военный министр, Верховный Главнокомандующий Энвер Паша».

Газета «Таврический голос» в июне 1918 года в сообщении «Общество защиты мусульманский наций» отмечало, что при активной инициативе генерал-лейтенанта Сулькевича в городе Симферополь учреждено «Общество защиты мусульманский наций России. На днях генерал Сулькевич через Одессу поехал со специальным докладом в Бухарест на встречу с союзниками».

Имя «Сулейман Паша» среди крымских татар произносилось с большим уважением и почетом. Мацей бека Сулькевича народ называл «Сулейман Паша». На то была причина. У татарского народа есть легенда, согласно которой после прекращения российского владычества в Крыму, на эту землю с севера вступит мусульманин по имени Сулейман Паша и возглавит освободительное движение народа. По мнению народа, именно в 1918 году сбылась легенда. Поэтому и Мацей бека стали величать Сулейман Паша.

Архивные документы выявляют еще один факт. В них указывается, что генерал Сулькевич не один приехал в Азербайджан. Директором канцелярии Министерства Иностранных Дел правительства Мусават был Кязым бек Сулькевич. К сожалению, нам не удалось установить степень их родства. Именно по этой причине ряд исследователей генерал-лейтенанта Мамед бек Сулькевича по ошибке представляют Кязым бек Сулькевичем..

Супруга генерала Сулькевича – Марьям ханум преподавала в женской мусульманской школе, открытой известным миллионером Г.З.А.Тагиевым и активно участвовала в работе Мусульманского женского благотворительного общества. Лейла ханум Сулькевич, другая представительница интеллигенции, работала на должности делопроизводителя в канцелярии парламента Азербайджана.

В царской России военнотружущим мусульманской веры, можно сказать, что не довелось получить военное академическое образование. Согласно нашим исследованиям, на сегодня доподлинно известно, что Мамед бек Сулькевич является первым мусульманином, получившим высшее военное образование в Академии Генерального Штаба российской империи.¹

Представитель известного польско-литовского рода татар Сулькевич посвятил свою жизнь военному делу. После окончания Михайловского кадетского корпуса в Воронеже он поступил в Михайловскую артиллерийскую школу в Петербурге. Окончив школу по первому разряду, Сулькевич в звании поручика был направлен для несения службы в шестую артиллерийскую бригаду. Успешно выдержав экзамены, 3 октября 1883 года поступил в Николаевскую Академию Генерального Штаба. За достижения в области военной науки Академия присвоила ему звание штабс-капитана. А 20 июля 1884 года Сулькевич удостоивается чина капитана. Приказом №5084 он направляется на службу в штаб седьмого корпуса Одесского военного Округа.

В 1899 году Сулькевич получил первую награду – орден Святого Станислава. В декабре того же года он получил звание подполковника и был назначен старшим адъютантом штаба Одесского военного Округа. Очередное назначение Сулькевич получил третьего октября 1903 года – отныне местом его службы стала пятая пехотная дивизия на должности начальник штаба. Спустя два месяца он вне очереди удостоивается чина полковник.

В 1904-1905 годах он участвовал в русско-японской войне, прошел славный боевой путь в составе восьмого армейского корпуса. С шестого по двадцать пятое февраля 1905 года полковник Сулькевич принял участие в известном своей кровопролитностью Мукденском

¹ Вторым нашим генералом, окончившим Николаевскую Академию Генерального Штаба, был Габиб бек Гаджи Юсиф оглы Салимов (1881-1920). Он закончил Академию в Петербурге 4 марта 1918 года – Ш.Н.

сражении. В июне 1905 года он принял командование пятьдесят седьмым Модлинским пехотным полком. В целом, полковник Сулькевич находился в действующей армии с восьмого ноября 1904 года по февраль 1906 года.

В войне с Японией Сулькевич зарекомендовал себя хорошим боевым офицером. Его заслуги в русско-японской войне были оценены орденами Святой Анны второй степени (с мечами) и Святого Владимира четвертой степени (с бантом и мечами). За проявленное в войне с японцами мужество 18 ноября 1906 года он награжден золотым оружием с надписью «За храбрость».

23 июня 1910 года Сулькевич был назначен штабным офицером по поручениям при начальнике Генерального Штаба. Осенью того года за отличную службу Сулькевичу присваивается звание генерал-майор и он назначается генерал - квартирмейстером по штабу Иркутского военного округа. За годы службы Сулькевич был удостоен также ордена Святого Владимира второй и третьей степеней. В начале восемнадцатого года завершил службу в имперской армии.

Мамед бек был не только талантливым полководцем. Он был также известным военным ученым. Будучи организатором Одесского военного округа, он некоторое время был начальником штаба войск этого округа. Сулькевич опубликовал двухтомник, состоящий из собственных приказов, научных трудов и рекомендаций. Как пишут российские исследователи, его рекомендациям в военной области прислушивались не только в России, но и за рубежом.

Генерал Сулькевич серьезно задумывался над судьбой мусульман России. Его глубоко волновала свободное проживание единоверцев в среде христиан. На собственные средства он опубликовал в Одессе книгу польского востоковеда, профессора Петербургского университета Антона Мухлинского (1808-1877) «Исследование происхождения и нынешнее положение литовских татар».

В 1915 году за образцовую боевую службу и умелое руководство крупным армейским соединением генерал-майор Сулькевич был награжден орденом Святого Станислава первой степени (вместе с мечами). Напомним, что его величество император в тот год щедро награждал пятерых генералов-мусульман. Командующий Четвертым Армейским Корпусом полный генерал артиллерии, чеченец по национальности Эрис хан Султан Гярай Алиев (1855-1920) получил орден Белого Орла, командующий Вторым Кавказским Армейским Корпусом Самед бек Мехмандаров (1855-1931) удостоился ордена Святого

Станислава первой степени, генерал-порученец по артиллерии при Верховном Главнокомандующем Али ага Шихлинский (1865-1943) был награжден орденом Святого Станислава первой степени, командующий кавалерийским корпусом Гусейн хану Нахичеванскому (1863-1920) был вручен орден Белого Орла.²

26 апреля 1916 года командиру тридцать первой пехотной дивизии Сулькевичу присваивается звание генерал-лейтенанта. До этого времени он был начальником штаба седьмого корпуса одиннадцатой армии. Когда началась Первая мировая война, штаб располагался в Казани. Здесь Сулькевич установил связь с Центральным Комитетом татарской организации «Солдатский совет» и организовал на Румынском фронте Первый отдельный корпус из мусульман. Сообщение об организации генералом Сулькевичем трех мусульманских дивизий через «Известия» Общероссийского Совета Мусульман было доведено до народа.

Самым большим желанием Сулькевича был поход на Казань или на Крым с целью реализации национальных чаяний единоверцев. Наконец, весной 1918 года по приказу «Солдатского совета» корпус Сулькевича вступает в Крым. Ситуация на полуострове в то время была чрезвычайно сложной. «Большевики зверски проливали кровь местного населения» (Генерал Антон Деникин. «Очерки о русском мятеже»). Воспользовавшись анархией в стране, в Крым прибыла дивизия немецкого генерала Коша. Его отряды преграждали путь корпусу Сулькевича и разоружали бойцов.

Однако после мирных переговоров большевиков с немцами, по их предложению и содействию Сулькевич стал премьер-министром Крыма. Этот период деятельности Сулькевича привлекателен его политической активностью. Он претворил в жизнь ряд мероприятий, направленных на стабилизацию положения татарского населения. Одним из важных шагов Сулькевича на международной арене стало назначение бывшего редактора газеты крымских татар «Миллят» («Нация») Сябри Айвазова (1878-1988) послом Крымского государства в Стамбул. Это событие с большим воодушевлением было воспринято в Турции. Ему было отведено почетное место в ряду европейских послов. В то время прибытие в Стамбул крымского посла

² Орден Белого Орла учрежден польским королем II Августом в 1705 году. В 1831 году включен в перечень орденов России. Награда имеет лишь одну степень. Как правило, орденом награждался только командный состав – генералы. – Ш.Н.

несколько насторожило Берлин.

Правительство генерала Сулькевича установило связи и с другими мусульманскими государствами, возникшими на территории российской империи. Именно с этой целью он направил письмо доброй воли военному министру Азербайджана. С генералом Самед бек Мехмандаровым они были знакомы со времен Порт-Артура.

Правительство генерала Мамед бека Сулькевича действовало на принципах гуманизма, а сам он был политиком-демократом в истинном смысле этого слова. В конце 1918 года в судьбе Крыма произошло изменение. Добровольческая армия белогвардейского генерала Антона Деникина оккупировала Крым. Правительство Сулькевича было свергнуто. Ни правительство Вильгельма, ни Турция не смогли ему помочь – они сами были в трудном положении.

Третьего ноября 1918 года германский генерал Кош уведомил письмом генерала Сулькевича, что впредь не сумеет ему помочь. Под давлением Деникина Сулькевич вынужден был покинуть Крым. Деникин пишет, что четвертого ноября Мамед бек Сулькевич направил ему в Екатеринбург телеграмму о разложении немецких войск: «Из-за отсутствия вооруженной силы (немцы категорически не допускали формирование вооруженных сил в Крыму –Ш.Н.) не было никаких опор для борьбы. Вновь могли повториться взрывы и жестокость большевиков. Ситуация требовала немедленной помощи флота союзников и добровольцев. Борьба левых партий и в силу агитации народа мой кабинет слагает полномочия, сдает свое место коалиционному правительству кадетов, социалистов и татар...»

После этого генерал Мамед бек Сулькевич прибывает в Азербайджан. Спустя некоторое время становится командиром первой мусульманской пехотной дивизии, а затем возглавляет Генеральный штаб. Ему принадлежит большая заслуга в заключении 16 июня 1919 года военного союза между правительствами Азербайджана и Грузии. Инициатива принадлежала ему: «Согласно заключенному на три года договору, Азербайджан и Грузия обязались помочь друг другу в случае агрессии независимости и территориальной целостности, принятой в отношении сторон договора каким-либо государством,» (Дж.Гасанов. Черная тень «белых пятен». 1991, стр. 85).

Договор, носивший серьезный оборонительный характер для обеих сторон и состоявший из 10 статей, подписали: с азербайджанской стороны - министр иностранных дел Мамедюсиф Джафаров, Военный министр Самед бек Мехмандаров, начальник Генерального

штаба Мамед бек Сулькевич, с грузинской стороны - министр иностранных дел Гегечкори, Военный министр Рамишвили, заместитель военного министра Гедеванов и генерал Одишелидзе.

В мае 1920 года большевики арестовали генерала Мамед бека Сулькевича и бросили в подвал Бакинской Чрезвычайной Комиссии.³ Пятнадцатого июля по обвинению в «контрреволюционной деятельности» Сулькевич был расстрелян. Мамед Эммин Расулзаде в книге «Азербайджан Джумхуриййети» («Азербайджанская Республика») с болью в сердце вспоминает генерала Сулькевича, с гордостью отмечает, что генерал был личностью храброй, боевой: «Впервые хочу поведать народу рассказ моего брата, члена парламента Мехмед Али бека. Он является свидетелем героической смерти бесстрашного генерала Мамед бека Сулькевича. Сидевший с ним в одном подвале Мехмед Али бек рассказывал: «Генералу приказали последовать за чекистами. Нам стало ясно, что настал его час смерти. Вокруг царила мертвая тишина. Мы не осмеливались посмотреть ему глаза, выразить слова сочувствия. Генерал сам опередил нас, сказав тихим, но уверенным голосом слова, которые я никогда не забуду: «Я счастлив, что умираю как офицер мусульманской армии. Прощайте!»

Своим мужественным поведением генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевич с честью защитил славу литовских татар и гражданина Азербайджана, которое он добровольно принял. Жизнь генерала прервалась в пятьдесят пять лет, он стал невинной жертвой большевистско-дашнакской пули. У него не осталось кого-либо не только в Азербайджане, но и в России. Некоторые сведения о Сулькевиче сохранились в архиве мусаватского периода.

Телеграммы из Шуши, Ханкенди и Зангезурской экспедиции, приказы и распоряжения в качестве начальника Генерального Штаба наглядно свидетельствуют о горячей любви Сулькевича Азербайджану. Ему были чужды президиум и стол, он всегда находился на переднем крае, вдохновлял солдат на бой. В телеграмме от 28 января 1920 года, направленной из Шуши на имя исполняющего обязанности военного министра генерала Али аги Шихлинского, мы читаем: «Ходатайствую о назначении заместителем начальника артиллерии Карабахского отряда подполковника Новрузова, личность которого мне хороша известна, отличных качествах бойца которого я был свидетелем в первой Зангезурской экспедиции. Начальник Генерального

³ Подвал дома №15 по нынешней улице Юсифа Мамедалиева – Ш.Н

штаба генерал Мамед бек Сулькевич».

«Генералу Али аге Шихлинскому

Сегодня 27 января в два часа ночи вместе с генералом Теймур беком Новрузовым на автомобиле отправились в Шушу. Туда же вызвал начальника гарнизона Ханкенди. Штаб пехотной дивизии по моему заданию в пешем порядке идет из Евлаха в Ханкенди. Начальник Генерального штаба генерал Мамед бек Сулькевич».

Из Шуши генералу Али аге Шихлинскому

28.01.1920 года

Опыт грузинских летчиков, сумевших для подавления мятежа в Сванетии перелететь сквозь труднопроходимые горные местности, доказал приемлемость этого способа. Среди грузинских летчиков, сбросивших пятипудовую бомбу восставшее село, есть лейтенант Макеев. Этот опыт можно использовать и в Зангезуре. Свяжитесь по телефону с Тифлисом, проясните ситуацию, говорите с Захаридзе на грузинском. Можно направить один аэроплан, а летчиком мог быть Хан Афшар. Таким образом, не нарушается конвенция, запрещающая грузинским летчикам принимать участие в наших внутренних экспедициях. Полеты будут короткими, дальность составит не более ста верст. Базой авиации станут Шуша или Ханкенди. Ответ сообщите мне телеграфом. 29 января буду в Ханкенди, вечером 30 января - в Евлахе, 31 января буду в Баку, в этом случае ответ сообщите мне домой. Дал поручение коменданту об отправке вагона в Евлах. Начальник Генерального штаба генерал Мамед бек Сулькевич».

Одним из свидетелей последнего дня генерала Мамед бека Сулькевича в июле двадцатого года был арестованный большевиками в Баку заведующий общим отделом дипломатического департамента Министерства Иностранных Дел АДР Мечислав Станиславович Рудзинский:

— 28 апреля 1920 года в Азербайджане свершился большевистский переворот. Я был арестован вместе с членами Польской делегации. Через несколько дней всех нас отвезли в Бакинский Чрезвычайный Комитет. Спустя некоторое время сюда привезли и генерала Мамед бек Сулькевича. Настроение у него было очень плохое. Думал, что расстреляют. Приговор в отношении себя ожидал спокойно. Мы сидели в одной камере и все время делились мыслями. Первый день мы спали на полу, подушку нам заменяла газета. Позднее устроили полки. Несколько недель после переворота рано утром вошли чекисты, разбудили некоторых и велели собрать вещи. Чекисты

торопились, арестованным не говорили о том, куда их ведут. Я спал недалеко от Мамед бека Сулькевича. Он успел пожать руку некоторым из нас. Он был уверен, что идет на расстрел. Хотя у самих не было уверенности остаться в живых тем не менее, утешали его. Должен отметить, что держался он с достоинством, мужественно. Через несколько дней в газетах прочитали о расстреле лиц, обвиненных в «контрреволюционной деятельности». В этом списке была и фамилия генерал-лейтенант Мамед бека Сулькевича. Мне известно и то, что о Сулькевиче никакого расследования, судебного следствия не было проведено. Его расстреляли без разбирательства потому, что был генералом Азербайджанской Демократической армии.

В ПОИСКАХ ПРАВДЫ

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ» ГЕНЕРАЛА ФИРИДУН БЕКА ВЕЗИРОВА

В 1985 году, в Тифлисском архиве, среди прочих документов я случайно обнаружил сведения о генерале Фиридун беке Везирове. Сведения были достаточно скудны и мне не хотелось довольствоваться кратким изложением в печати только биографии этого видного полководца. Не верилось, что не осталось в живых кого-либо из родственников генерала.

По возвращению в Баку решил продолжить поиски. С таким намерением заглянул я в Музей истории Азербайджана. Сказанное Нармин Тагирзаде, сотрудницей музея, признаться, сразу же ободрило меня – оказывается в Баку жила дочь генерала Фиридун бека - Нигяр ханум.

К моему великому сожалению, Нигяр ханум многого к тому времени уже не помнила. Страх перед суровым режимом стер из памяти этой девятистолетней женщины ни одну страницу истории ее прославленного отца. На помощь пришел внук Фиридун бека - Эразм. Он отыскал в семейном архиве два чудом уцелевших снимка, на которых были запечатлены его дедушка и бабушка Зейнаб Салим кызы Везировой и подарил их мне.

Воспользовавшись случаем, я поинтересовался почему в архивных документах имя его бабушки Зейнаб указано как Зинаида Салимовна Кричинская.

- На то, наверное, есть причина? – спросил я.

- Конечно, есть, - пояснил Эразм. - Бабушка моя по национальности литовская татарка. Она дочь полковника в отставке Селим бека Кричинского. В архиве вы встретили ее девичьи имя и фамилию. Они поженились, когда дед в звании ротмистра служил в седьмом Белорусском гусарском полку. При бракосочетании дед официально изменил ее имя и фамилию. Бабушка вместе с дедушкой в составе царских войск принимала участие в русско-турецкой войне 1877-1878 годов. Об этом свидетельствует и уцелевшая фотография. За боевые заслуги в этой войне дед был повышен в звании с капитана до майора и назначен командиром полка.

Дед был родом из тифлисских дворян. Он вышел в отставку в звании генерал-майора, после тридцати восьми лет службы в царской армии. С 1906 года жил в отцовском доме в Тифлисе и был одним из

активных участников мусульманского благотворительного общества.

В первых числах мая 1919 года генерал-майор Фиридун бек Везиров получил письмо из Баку следующего содержания: *«Многоуважаемый господин Фиридун бек. Вам, несомненно, известно о созданной Азербайджанской Демократической Республикой Национальной армии. Уверены, что как полководец, сын азербайджанского народа, Вы рады этому приятному известию. Мы нуждаемся в таких умелых и опытных полководцах для службы в молодой армии. Хочу напомнить, что за счет добровольцев численность армии растет. Несмотря на трудные условия, нам удалось создать Генеральный штаб. При штабе действуют общий отдел, отдел дежурных генералов, кавалерийский отдел, прессы и др. Азербайджанское правительство выделило из государственного бюджета для нужд армии значительные средства. Наряду с военными принадлежностями, в настоящее время испытываем трудности и с подготовкой новых офицерских кадров. Верим, что в период завоевания Азербайджаном независимости Вы не пожалеете передать свой военный опыт нашим сыновьям, которые служат в молодой Национальной армии. Поэтому и прошу принять приглашение на совместную работу в Генеральном штабе.*

С уважением,

***дежурный генерал Генерального штаба,
полковник Абдулгамид бек Гайтабашы».***

Фиридун бек Везиров незамедлительно переехал с семьей в Баку. Приказом военного министра Азербайджанской Демократической Республикой Самед бека Мехмандарова за № 351 от 9 августа 1919 года генерал-майор Фиридун бек Везиров был назначен комендантом города Баку.

С приходом большевистско-дашнакских войск в Баку, в апреле 1920 года, Фиридун бека, как и других наших генералов, постигла величайшая несправедливость. Приказом № 36 комиссара Чингиза Ильдрыма от 31 мая 1920 года по обвинению в участии в Гянджинском восстании он был освобожден от занимаемой должности и передан в распоряжение Генерального штаба.

В архиве Министерства национальной безопасности АР хранится дело № 2001, где собраны документы, касающиеся генерала Фиридун бека. Он был арестован 2 июня 1921 года АзЧК. Семидесятилетний генерал в отставке «обвинялся» в том, что является агентом партии «Ислам». Его упрекали в наличии родового дома в Тифлисе, в службе царской и мусаватской армиям, допрашивали по делу о Гянд-

жинском восстании.

28 июня 1921 года генерал дал следующие показания на русском языке (*приводится без купюр – авт.*):

«При мусавате я был комендантом города Баку. До того времени жил в Тифлисе. Прибыл в Баку по приглашению правительства Мусават и находился на этой должности до прихода Советской власти в Азербайджан. Ни при Мусавате, ни при Советской власти в какой-либо партии не состоял. За тридцать восемь лет службы в Николаевской армии служил в кавалерийских частях. После прихода Советской власти в Азербайджан был оставлен сначала на должности запасного офицера в штабе Чингиза Ильдрыма. А пять-шесть месяцев спустя трудился как сотрудник по особым поручениям при товарище Алигейдаре Караеве. За время нахождения здесь три раза командировался в уезды: в первый раз – в Гянджу, второй раз – Загаталы, третий раз – в Казах.

Вопрос: - С кем встречались в Гяндже и поддерживаете ли связи с знакомыми лидерами мусавата?

Ответ: - В Гяндже я знал бывших помещиков Агасибекова, Гошгарова, Усуббекова, Сеидали Мир Кязымбекова. Никого, кроме них, в Гяндже не знаю. Человека по имени Халил Шакиров не знаю и никогда с ним не встречался. Столь близких отношений с лидерами Мусавата не имел, знал их руководителей государства. Сколь находился в Баку, в Азербайджане, всегда занимался своей военной службой. Я не являюсь членом какой-либо партии. Повторяю, я - военный, подчиняющийся уставам генерал кавалерии. О названных вами партиях «Иттихад-ислам» и «Великой Ислам Турана» ничего не слышал, ничего не знаю. Прочитал генерал Фиридун бек Везиров».

После подписания протокола генерал собственноручно дописал предложение: виновным себя ни чем, ни в каком событии не признаю.

19 июня 1921 года за подписью председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджанской Республики Наримана Нариманов и его секретаря в адрес коменданта Чрезвычайной комиссии был направлен ордер за № 1120, в котором читаем:

«Вам поручается по получении сего ордера немедленно освободить гражданина Фиридун бека Везирова (бывшего генерала)». Однако ревностные служители нового строя не дремали и под покровительством большевистско-дашнакских опекунов продолжали рубить здоровые корни нации.

В четвертом номере журнала «Кызыл аскер» («Красноармеец»,

1925 г.) некто Даглы Али Гусейн выступил со статьей «Как мы работали при Мусавате?». Автор с гордостью рассказывает о том, как в 1918-1920 годах вел большевистскую пропаганду в Мусаватской армии, как угождая русским передавал им полученные сведения. Вот – выдержка из той статьи: *«Наконец, Российская армия приближается к границам Азербайджана. Бакинский пролетариат охвачен бурей революции и наступает 29 апреля.*

Я тогда служил в командовании Бакинской территории. Наш взвод собирался идти на вокзал, чтобы встречать Красную армию. Каждый из нас прикрепил на грудь кусочек красной материи. В это время в управление пришел командир территории генерал Везиров Фиридун бек. На этот раз со стороны сержанта команды «внимание» не прозвучало. Генерал спросил у меня:

- Али Гусейн, что за новость. Что за красный материал на груди? На что я ответил:

- С сегодняшнего дня не вы, а мы будем создавать армию. Мы будем нести должность командира территории. Услышав эти слова, Фиридун бек Везиров опустил голову и вышел на улицу».

После публикации Даглы Али Гусейна генерал вновь был арестован. На этот раз никто не сумел ему помочь. 19 марта в Москве скончался радетель народа, заботливый сын нации Нариман Нариманов. 30 июня 1925 года генерал Фиридун бек Везиров, которому к тому времени исполнилось 75 лет, был расстрелян. «Правили балом» в Азербайджане Кировы, Мирзояны, Саркис Данильяны, Алигейдар Караевы и иже подобные.

Много времени минуло с той поры. Я расспрашивал о генерале у многих потомков интеллигентов прошлых лет. Однако разузнать чего-либо нового никак не удавалось.

Осенью 2003 года я случайно узнал, что некий доброволец передал в Центральный государственный архив документы Фиридун бека Везирова. Не медля я направился туда...

Вот строки из «Военной служебной книжки» (на русском языке – *авт.*) генерал-майора Фиридун бека Джамал оглы Везирова: *«Родился 19 апреля 1850 года в Тифлисе в семье дворян. Отец Джамал бек Мирза Исмаил оглы был судебным заседателем в Тифлисе, мать Исмат ханум – домохозяйкой. Начальное образование Фиридун бек получил в Тифлисской классической гимназии. В 1868 году закончил по второму разряду юнкерскую школу в Елизаветграде. Военную службу начал в чине унтер-офицера в Белорусском гусарском полку. В 1877*

году ротмистр Везиров назначается командиром четвертого эскадрона Тверь-Драгунского полка. С 19 августа по 8 сентября эскадрон очистил от неприятеля села близ Одессы – Мехметчи, Добружи, Чобанкейсю, Гаджиоглы, Базар дюзю. За умелое командование в годы войны он был награжден бронзовой и серебряной медалью в честь годовщины царствования императора Александра III».

После войны местом службы Фиридун бека становится Вторая Кавказская кавалерийская дивизия. Здесь подполковник Везиров избирается членом Кавказского военного окружного суда.

13 октября 1897 года ему присваивается звание полковника. Спустя два года назначается командиром 10-го Новотроицкого драгунского полка. Некоторое время Фиридун бек Везиров служит в Варшаве, Рыльске и других городах. 18 апреля 1906 года ему присваивается звание генерал-майор. В том же году Фиридун бек Везиров оставляет военную службу и поселяется в родительском доме в Тифлисе, по адресу: Михайловский проспект, дом 111.

За продолжительную и безупречную службу в строевых войсковых частях генерал Фиридун бек Везиров был награжден орденами Святого Станислава III степени (19 января 1882 г.), Святой Анны III степени (6 мая 1889 г.), Святого Станислава II степени (15 июня 1893 г.), Святого Владимира IV степени (22 сентября 1898 г.), Святой Анны II степени (1 августа 1902 г.), Святого Владимира III степени (20 ноября 1905 г.).

Среди архивных документов, принадлежавших генералу, один привлекает особое внимание. Называется он «Колыбельная» и написан русскими и арабскими буквами. Это - переведенные генералом на русский язык баяты, колыбельные, пословицы, которые известный просветитель Исмаил бек Эфендиев собрал в деревнях Нухинского уезда (ныне Шекинский район). Несмотря на многолетнюю службу вдали от Родины, генерал Фиридун бек Везиров сумел сохранить родной язык до мельчайших тонкостей.

**ГЕНЕРАЛ АЛИЯР БЕК МЕХДИ ОГЛЫ ГАШИМБЕКОВ
(1856-1920)**

Знатные азербайджанские семьи древнего Дербента вырастили несколько славных генералов. Родившийся в Загатальском округе Балакиши бек Араблинский большую часть жизни прожил в Дербенте. В Дербенте родились генерал Нематулла бек Гейдаров (В российских источниках его фамилия пишется Гайдаров. Население Дербента всегда произносило его имя как Минатулла бек - Ш.Н.), полковник в отставке Гаджи бек Садыгов, заслуживший уважение народа Мирза бек Агаси бек оглы, сын наместника в западном Табасаране Мирза Мехтигулу бека, Алияр бек Гашимбеков заместитель начальника войск в Карсе капитан и другие военные сыновья народа.

*Мирза Гасан эфенди Алгядари
Произведение "Асари-Дагестан", 1891 год*

Все лица, перечисленные в эпиграфе, взятые из книги известного ученого-поэта Мирза Гасан эфенди Алгядари (1835-1910), являются азербайджанцами, которые родились в XIX веке и выросли в Дербенте. Генерал-лейтенант Балакиши бек Араблинский (1828-1902) родился в деревне Тала Загатальского округа. После выхода в отставку в 1898 году построил дом на ныне именуемой улице Коммунаров в городе Дербенте и прожил здесь оставшуюся жизнь. Похоронен на кладбище Кырхлар. В десяти километрах Дербента находится станция "Араблинского". Рядом со станцией расположен поселок, также носящий имя генерала. В поселке живут более 3500 азербайджанских семей. Он приходился тестем известному миллионеру-благотворителю Г.З.Тагиеву. 1902-го года 3-го января генерал-лейтенант Балакиши бек Али бек оглы Араблинский умер. Азербайджанский миллионер Гаджи Зейналабдин Тагиев после похорон тестя на свои средства оградил всю территорию кладбища Кырхлар каменной оградой, построил сторожку и содержал штат сторожей и смотрителей кладбища. В пятидесятых годах прошлого века большевики разобрали ограды.

Вторым назван генерал-майор Нематулла бек Касым бек оглы Гейдаров (1827-1904). Он также азербайджанец. Потомки его в настоящее время живут в Баку и Дербенте. 3-го декабря 1880 года, когда он служил в Самурском кавалерийском полку, получил звание полковника. За личную храбрость и мужество при овладении Леващинскими высотами Нематулла бек Гейдаров был удостоен ордена Святого Георгия четвертой

степени.

За успешный штурм Гейтапе он был награжден орденом Святого Георгия третьей степени. В 1884-году ему было присвоено звание генерал-майора, и он был переведен в резервный пехотный полк.

Генералы уроженцы (всего одиннадцать человек) из города Дербента: генерал-майор Имамкули бек (?-1728), Нематулла бек Гейдаров (1827-1904), генерал-лейтенант Балакиши бек Араблинский (1828-1902), генерал-лейтенант Гусейн Джумшуд оглы Расулбеков (1917-1984), генерал юстиции Имран Джумшуд оглы Расулбеков (1920-1982), генерал-майор кандидат наук по военной истории, профессор Тофик Мирза оглы Сеидов (1922-1983), генерал юстиции Ахмед Шахлар оглы Алекперов (1939), контр-адмирал Генрих Али оглы Гасанов (1910-1979), генерал-майор Мустафа Джафар оглы Насиров (1921-2012), генерал-майор Владимир Ибрагим оглы Байрамов (1951), генерал-полковник Наджмаддин Гусейн оглы Садыгов (1956).

В 1891 году, когда Мирза Гасан эфенди Алгядари писал “Асари-Дагестан”, Алияр бек Гашимбеков был в звании капитана. Родом он из участка Кюря, что недалеко от Дербента. Дедушка по отцовской линии генерал Гаджи Юсиф хан Тахир оглы Юсифханов (1806-1878) был судьей Кюрянского участка.

В начале XIX века семья генерала переехала в Баку, 8 марта 1856 года в Баку и родился Алияр бек Гашимбеков. Начальное образование он получил в реальной школе Тифлиса. В марте 1871 года Алияр бек Гашимбеков поступил в пехотную школу в Тифлисе. 1892 году был в звании подполковника.

На тридцатом году военной службы - 6 декабря 1908 года был возведен в звание генерал-майор. За безупречную службу в армии удостоен орденов Святого Станислава третьей степени (1889 год), Святой Анны третьей степени (1894 год), Святого Станислава второй степени (1895), Святой Анны второй степени (1898 год), и Святого Владимира (1904 год).

В годы первой мировой войны полковник Алияр бек Гашимбеков командовал Третьей обозно-караванной бригадой. Вышедший в отставку в 1917 году генерал в 1918 году добровольно пришел на службу в Азербайджанскую национальную армию. Непродолжительное время работал на должности заместителя министра внутренних дел АДР. В 1919 году генерал-майор Алияр бек Гашимбеков стал начальником военно-интендантского Управления Министерства обороны, а в начале 1920 года был назначен генерал-губернатором Загатальского уезда. В июне того же года расстрелян большевиками.

ГЕНЕРАЛ КАВАЛЕРИИ ГУСЕЙН ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ (1863-1919)

Гвардейской кавалерией, состоящей из избранных членов Петербургской аристократии, командовал Гусейн Хан Нахичеванский.

А.Солженицын, роман «14 августа»

Современники описывали Гусейн хана Кялбалы хан оглы Нахичеванского как сурового, авторитетного генерала. Впервые его фотографию увидел я в седьмом номере журнала «Нива» от 1916 года. К фотографии, на которой были изображены девять военнослужащих высокого чина, была сделана следующая запись: «Георгиевская Дума Кавказского фронта, главнокомандующий Кавказской армией, наместник Его Величество великий князь Николай Николаевич Романов¹, командир корпуса генерал кавалерии Калитин, князь Голицын, генерал Хан Нахичеванский, генерал Янушкевич. Стоят: генерал Ватин, полковник-князь Нижерадзе и полковник Нагорский».

С его деятельностью во время русско-японской и первой мировой войны я познакомился в различных архивах. Генерал Гусейн хан Нахичеванский родился в семье генерала Кялбалы хана 28 июня 1863 года. В 1876 году отец отдает пятнадцатилетнего Гусейн хана на учебу в Петербургский Пажский корпус². Учебное заведение находилось под опекой императора Александра Второго. В те годы в Петербурге проживали немало интеллигентов из Нахичевана. Большинство из них составляли представители ханского рода. Гусейн хан в 1883 году с отличием закончил школу. Несший службу в специальной конной армии царя корнет Нахичеванский менее чем через пять стал подпоручиком.

До 1898 года Гусейн хан служит лейб-гвардейском полку Первой гвардейской кавалерийской дивизии, которые располагался в Санкт-Петербурге. За это время Гусейн хан Нахичеванский дослужился до командира эскадрона и получил звание ротмистра. Затем его служба проходит в различных городах России и Кавказа. За образцовую

¹ Дядя царя Николая II.— Ш.Н

² В старой русской армии выпускники Пажского корпуса и Николаевской кавалерийской школы для прохождения службы направлялись только в кавалерию. В этих закрытых военных школах обучались дети знати.— Ш.Н.

службу Гусейн хан удостоивается высших орденов и медалей. До начала русско-японской войны он был награжден иранским орденом «Шире-Хоршид» второй и четвертой степеней (украшенной дорогими алмазами), присуждаемым только офицерам «Румынской Звездой», австрийским «Железным Крестом», орденом Святого Святослава третьей, второй и первой степеней, Святого Александра Невского, Святой Анны первой степени, болгарским «За боевые заслуги» и орденом Святого Владимира третьей и четвертой степеней. За проявленный полководческий талант в действующей армии Гусейн хан 6 апреля 1903 года был удостоен звания полковник.

Дореволюционные газеты, различные архивные материалы дают некоторую информацию о Гусейн хане. Изучая их, невольно приходишь к мысли, что Гусейн хан Нахичеванский достиг в кавалерии тех высот, что Али ага Шихлинский и Самед бек Мехмандаров - в артиллерии.

В 1904 году, когда началась русско-японская война, Нахичеванский командовал Вторым Дагестанским конным полком, сформированной в основном из кавказцев. В январе 1905 года полк полковника Гусейн хана вел ожесточенные бои за деревню Ландун-Гоу. В течение нескольких дней деревня оставалась неприступной и лишь благодаря умелой военной хитрости командира японцы были выбиты из населенного пункта. В этих боях возникла угроза попадания в окружение батареи казаков. За предотвращение окружения и взятие деревни Ландун-Гоу без потерь полковник Гусейн хан был удостоен ордена Святого Георгия четвертой степени. Известный художник Виктор Викентиевич Мазуровский мастерски перенес эпизод боя на полотно. На картине, выполненной масляной краской, запечатлена решительная атака бойцов полка во главе с командиром Гусейн ханом Нахичеванским на коне. В настоящее время произведение хранится в Государственном музее России в Москве.

Известный русский журналист А.Квитка добровольцем участвовал в русско-японской войне. В ходе войны написал интересную книгу «Дневник забайкальского казачьего офицера», которая увидела свет в Петербурге в 1908 году. Немало страниц в книге посвящены нашему земляку-герою, полковнику Гусейн хану Нахичеванскому:

Стр. 181: «К вечеру в Бенсуху ожидается прибытие Второго Дагестанского полка конногвардейца Хана Нахичеванского. Полк сформирован из кавказцев и офицеров, служивших в конной гвардии.

... Вслед за авангардным взводом показались сотни людей с

командиром полка, а за ними отряд с развевающимся на высоком шесте флагом с красным полумесяцем.

Полк растянулся в колонну по взводам. Мы же с завистью смотрели на коней офицеров Хана. Около 10 часов вечера я привез Хана к генералу Любавину и вернулся домой»

Стр.245: «Было около 11 часов, когда во двор ко мне вошли командир дагестанцев Хан Нахичеванский, подполковник Бютинг и князь Тумаков. Они остались на обед со мной. В бою солдаты и командиры кавказцев отличались от всех. Их можно было упрекать в одном - чрезмерной храбрости».

Стр.361: «Храбрецы Кавказско-Казачьей бригады полковника Хана Нахичеванского уничтожили три японских транспорта...»

За воинское умение, проявленное в войне с Японией, наш мужественный земляк был удостоен ордена Святого Георгия четвертой степени с золотым оружием с надписью «За Храбрость», ордена Святого Владимира с лентой.

Изучая изданную в 1910 году «Летопись боев за Порт-Артур» мы узнали о деятельности земляков, прошедших славный боевой путь в составе Второго Дагестанского полка под командованием Гусейн хана Нахичеванского.

Подесаул (капитан в казачьих войсках) принц Фейзулла Мирза Каджар героически сражался в ходе боев за Ландунгоу и был ранен 14 января 1905 года. Принимавший участие в Первой мировой войне полковник Фейзулла Мирза Каджар 7 мая 1917 года был возвышен до чина генерал-майор. Приказом номер двадцать военного министра Самед бека Мехмандарова от 9 января 1919 года он был назначен командиром Азербайджанской конной дивизии. Героически погиб в боях с большевиками в мае 1920 года. Принц Фейзулла Мирза Шафи хан оглы Каджар в звании корнет окончил Николаевскую каваларийскую школу.

Штабс-капитан Гярай бек Аббасгулу бек оглы Векилов (1884-1952), хорунжий (в казачьей роте первое офицерское звание) Абдурахман Курбанов и хорунжий Джамаледдин Мусаев как отличные разведчики были награждены орденами Святого Святослава третьей степени (вместе с мечами). В «Летописи» даны фотографии двух последних. В записи под фотографией говорится, о гибели Абдурахмана Курбанова 14 января в бою за Ландунгоу и о ранении Джамаледдина Мусаева в этом бою.

После окончания Порт-Артурской войны полковник Гусейн хан

вновь был вызван в Петербург и продолжил службу в прежнем лейб-гвардейском конном полку. В начале 1906 года он был направлен на Кавказ. Уходит в краткосрочный отпуск. Он назначается командиром самого славного в российской армии полка – 17-й Нижегородского драгунского полка. Принимая 16 февраля 1906 года полк у полковника Комстадиуса, Гусейн хан выступает перед воинами и говорит: «Во время моего представления в Петербурге Его Высочеству Императору глава нашего государства проявил снисхождение и попросил меня передать его пожелания полку. Считаю себя счастливым передать пожелания монарха достойным нижегородцам».

Своей героическими военными традициями 17-й Нижегородский драгунский полк был широко известен не только на Кавказе, но во всей России. Полк выделялся не только строевой подготовкой и дисциплиной, но и строгим соблюдением славных традиций. Назначение на такой полк лично главой государства накладывало на Гусейн хана огромную ответственность. 21 марта 1906 года делегация Кавказской кавалерийской дивизии отправилась в Петербург для передачи поздравлений с днем рождения цесаревича Алексея, единственного сына императора, наследника престола. 26 марта в адрес полка поступила телеграмма: «Считаю себя счастливым сообщить дорогим нижегородцам, что сегодня Его Высочество Император проявил благорасположение и включил наследника Алексея в список нашего полка».

Радости нижегородцев не было предела. В честь этого нового царского благоволения состоялась торжественная молебен, парад и теплый семейный банкет. В тот же день возникло предложение вручить наследнику полное обмундирование Нижегородского полка. В этой связи с разрешения Императора делегация в составе командира полка полковника Гусейн хана Нахичеванского, подполковника Глонти, ротмистров Кобиева и Кусова, полкового адъютанта штабс-ротмистра князя Трубецкого и князя поручика Давида Чавчавадзе отправилась в Петербург. Прием в честь делегации был дан пятого апреля 1906 года в Царском Селе. Здесь в это время проводила отдых царская семья. На встречу с делегацией пришла Императрица с сыновьями. На царе был сюртук Нижегородского полка. Наследник престола находился на руках царя. Царь произнес несколько почтенных слов в адрес полка. После этого командир полка полковник Гусейн хан Нахичеванский преподнес цесаревичу миниатюрный мундир Нижегородского полка и шашку. Шашка принадлежала Гусейн хану

Нахичеванскому, имел клинок (рукоятку) и была боевой. Кавказские мастера украсили ее национальным орнаментом. Сверкающая шашка ослепляла глаза. Царь любезно принял этот дар. Он поблагодарил нижегородцев и сказал командиру полка: «В память об этом дне я назначаю вас флигель-адъютантом».³ После этого он обнял и поцеловал командира полка Гусейн хана Нахичеванского. Императрица проявила любезность и одарила членов делегации ценными подарками, сделанными из фарфора.

Осенью 1906 года флигель-адъютант Гусейн хан Нахичеванский был назначен командиром лейб-гвардейского конного полка. В день расставания он выступил перед однополчанами: «Дорогие нижегородцы! С чувством глубокой печали расстаюсь с вами. За короткое время, которое я командовал вами, я от всего сердца привязался к вам. Я всегда буду гордиться тем, что был удостоен чести командовать славным и доблестным Нижегородским полком. Уверен, что вы ни при каких обстоятельствах не забудете о своем долге и клятве нижегородца! Прощайте, дорогие однополчане! Бог вам в помощь!».

В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

«В ноябре 1916 года наши кавалеристы под командованием генерал-лейтенанта Гусейн хана Нахчыванского (Дикая дивизия – Ш.Н.) разгромили немецких кавалеристов»

**Генерал Али ага Шихлинский
«Мои воспоминания»**

Еще до начала Первой мировой войны, 31 марта 1907 года Гусейн хану Нахичеванскому, служившему в специальном войске императора, было присвоено звание генерал-майор. Гусейн хану в то время было сорок четыре года. Известный русский исследователь Федор Нестеров в своем историко-публицистическом произведении «Связь времен» (1984 год) с гордостью перечисляет генералов, сохранивших преданность императору. В их числе он называет имена генерала артиллерии Н.И.Иванова, генерала графа Ф.Келлера и генерала Хана Нахичеванского. Даже после того, как царь подписал манифест и отрекся от престола, они направили телеграмму, в котором заявили

³ Почетное звание, которое присваивалось офицерам, состоящим в свите Императора - Ш.Н.

о верности царю и российской империи. Император на протяжении многих лет доверял этим генералам и не ошибся.

Телеграмме, направленной 3 марта 1917 года исполнявшему обязанности Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, генерал-адъютант Гусейн хан Нахичеванский писал: «До нас дошли сведения о широкомасштабных событиях. Прошу Вас сообщить о бесконечной преданности гвардейской кавалерии Его Высочеству Императору и готовности идти на смерть ради любимого монарха».

Гусейн хан Нахичеванский был боевым генералом. Всех званий и наград он удостоился именно за заслуги на фронтах. Он не был генералом в свите. Военные хорошо знают, какой огромный талант и полководческое умение требуется для достижения полного высшего чина генерала в кавалерии. Гусейн хан Нахичеванский служил бок о бок с выдающимися российскими генералами того времени. Такие генералы как А.Брусилов, именем которого назван фронт, Е.Барсуков, М.Драгомиров, Е.Алексеев высоко ценили его боевые заслуги. Возможно, Ф.Нестерову было известно, что лауреат Государственной премии, доктор военных наук, профессор, генерал-майор (советский - Ш.Н) Евгений Барсуков высоко ценил заслуги Гусейн хана Нахичеванского в Первой мировой войне. Рассказывая о первых двадцати днях войны, генерал Е.Барсуков так описывает успешное наступление генерала Гусейн хана Нахичеванского: «В одном из боев кавалеристам Хана Нахичеванского удалось отбросить на противоположный берег реки Инстер пять батальонов, два эскадрона, двенадцать орудий неприятеля и захватить два орудия и четыре ящика снарядов. Были взяты паромы на реке Инстер, у Мешкена, Краупишкена и Лаугадена».

В этой войне генерал Нахичеванский нанес врагу ощутимые удары. Он принял участие в походе в Восточную Пруссию в августе 1914 года. Под командованием генерал-лейтенанта Гусейн хана находились отборные силы десятитысячной русской кавалерии – первая, вторая и третья гвардейские конные дивизии. В ходе завершившейся победой знаменитой Гумбиенской битвы, которая длилась с пятнадцатого по двадцать первое августа, бойцы Нахичеванского вели также разведывательные операции первой армии и оказывали им поддержку. Затем гвардейская кавалерия Гусейн хана вступила в бой с немцами, занявшими восьмикилометровую старую оборонительную линию у города Краупишкен. Эта была решающая битва. Немцы ни на шаг не хотели отступать. Они с первых дней усилили атаку и стремились

овладеть берегами реки Инстер. Враг не выдержал натиск бойцов Нахичеванского. Эскадроны гвардейского кавалерийского полка сумели прорвать оборону противника, завладеть несколькими пушками и заставили его отступить, неся при этом крупные потери в живой силе.

В сентябре неприятель предпринял попытку поймать два русских корпуса на месте соединения и нанести по ним неожиданный удар. Они могли извлечь большую выгоду из этой хитрости. Почувствовав намерения врага, генерал Гусейн хан Нахичеванский занял позицию вдоль железной дороги Гордауэн-Норденберг и не остановил упорные бои. Тем самым не позволил немцам прорвать фронт первой русской армии.

Маршал Карл Густав Эмиль Маннергейм, финн по национальности, некогда служил в царской армии и участвовал в боях за Порт-Артур и в Первой мировой войне. Вернувшись в 1918 году на родину в Финляндию, он прожил восемьдесят три года. На склоне лет написал книгу «Мемуары» объемом более пятисот страниц. Книга издана на финском и русском языках. Автор с почтением вспоминает нашего земляка генерала Гусейн хана Нахичеванского. Маршал пишет: «В конце февраля 1915 года мой полк был введен в состав армейского корпуса. Штаб Второго кавалерийского корпуса располагался недалеко от города Станислав (нынешний Ивано-Франковск). Информацию о ситуации на фронте я получил у моего нового командующего, выходца из Кавказа генерала Хана Нахичеванского. Вторым кавалерийский корпус должен был с боями удерживать широкую полосу между реками Прут и Днестр, пока не будет создана линия обороны на Днестре.

В состав корпуса входили двенадцатая кавалерийская дивизия и шесть Отдельных Кавказских полка. За проявленный в боях героизм три из них получили название «Дикая дивизия». Преобладали в полках представители кавказских народов. Эти части были сформированы из добровольцев – здесь служили солдаты различного возраста, даже отцы и сыновья воевали бок о бок. Часть офицеров были русскими, часть – из мусульман Кавказа. Командовал дивизией брат императора, великий князь Михаил Александрович.

Генерал Хан Нахичеванский поставил задачу овладения Галицией силами двенадцатой кавалерийской дивизии. Хотя я отказался от хорошего войскового соединения, однако предложенное мне соединение не было хуже прежнего, полностью готово к военным опера-

циям. Генерал Хан Нахичеванский лестно отзывался о войсковом соединении».

В изданной в 1999 году книге «Кавалеристы 1900-1920 годов в воспоминаниях современников» (выпуск третий) описаны интересные эпизоды боевых действий нашего храброго генерала Гусейн хана Нахичеванского в годы Первой мировой войны. В отдельных главах дается высокая оценка личности, осуществленным операциям нашего земляка. В разделе «Русские кавалеристы до и во время войны» автор по фамилии К.Адариди отмечает: «До войны генерал Хан Нахичеванский был командиром второй конной дивизии. Когда началась война, он был назначен командующим крупным войсковым соединением.

В годы службы в армии Хан командовал Дагестанским конным полком и прошел славный боевой путь в русско-японской войне. Хотя у него не было высшего военного образования, он был героической личностью, с большой точностью исполнявшим приказы руководства. Он предоставлял свободу подчиненным ему командирам дивизий, а поэтому эти командиры создавали себе благоприятные боевые условия. Известно и то, что генерал Хан Нахичеванский проявлял большую заботу о кавалерийских частях, которыми он некогда командовал. Потери второго гвардейского кавказского кавалерийского корпуса сильно беспокоили его. Сражавшиеся в его рядах солдаты и офицеры были дороги ему.

Обладавший мягким сердцем генерал Хан Нахичеванский порою попадал под влияние безответственных лиц. Находящиеся под его командованием гвардейские полки с хорошей боевой выучкой требовали к себе особого внимания и отношения. Руководить такими гвардиями генералу Хану Нахичеванскому было не так уж легко».

Известный польский генерал Андерс был командиром кавалерийской дивизии, сформированной из поляков. Дивизия входила в состав корпуса, которым командовал генерал Гусейн хан Нахичеванский.

За беспримерные победы в Первой мировой войне и полководческое умение 23 января 1916 года Гусейн хан Нахичеванский получил звание полного генерала от кавалерии. Газета «Каспий» в номере от 29 апреля 1916 года с гордостью писала: «Находящемуся в распоряжении Главнокомандующего Кавказской Армией нашему земляку, гвардии кавалерийскому генерал-адъютанту, генерал-лейтенанту Гусейн хану Нахичеванскому присвоено звание полного генерала от ка-

валерии. Командующий кавалерийским корпусом, кавалер ордена Святого Георгия генерал Гусейн хан также награжден орденом Белого Орла (с мечами)»

Удостоенного многих высоких наград и награжденного двумя степенями (третьей и четвертой) присуждаемого офицерам ордена Святого Георгия выдающегося военного деятеля Гусейн хана Кялбалы хан оглы Нахичеванского большевики расстреляли в январе 1919 году в Петрограде.

Некоторые русские военные исследователи считают, что Гусейн хан был расстрелян во время «красного террора» по причине того, что его жена приходилась близкой родственницей царской семьи.

После покушения на Ленина в конце 1918 года в стране был объявлен красный террор. Большевистский ЧК без суда и следствия расстреливал царских генералов, дворян и лиц, не питавших симпатии к советской власти. Гусейн хан Нахичеванский стал жертвой этой неразберихи.

У нас небольшие сведения о семье генерала. Из разрозненных материалов, хранящихся в архивах Тифлиса и Петербурга, становится ясно, что супругой Гусейн хана Нахичеванского была княгиня Софья Николаевна Таубе (1864-1941). Она приходилась родственницей Марье Романовой, жене царя Александра Третьего. Мария была дочерью датского короля и вышла замуж за русского царя в 1866 году. Даже Великий князь Гавриил Романов в одном месте книги воспоминаний «В Мраморном дворце» отмечает, что хотя мы преследовались большевиками, в 1918 году иногда выходили на прогулки. Генерал-адъютант Хан Нахичеванский всегда бывал вместе с нами. Во время войны я служил в корпусе, которым он командовал.

У генерала было трое детей. Старший сын Николай родился 25 января 1891 года в Петербурге. Он тоже выбрал профессию военного, закончил Пажский корпус, в котором некогда учился отец. Некоторое время служил в царской гвардии. Скончался 20 февраля 1912 года. И второй сын генерала – Георгий, который родился 29 декабря 1899 года, также обучался в Пажской школе. Служил офицером в кавалерии. После гибели отца уехал за границу. До 1923 года жил в Париже, затем переехал в Ливан, где и скончался.

Внучка эмигрировавшего после 1920 года во Францию миллионера Шамси Асадуллаева – Уммюльбану в одном из интервью, данных в 1991 году, говорила, что знает внуков и дочь Татьяну генерала Гусейн хана Нахичеванского. Она сказала, что Мария Нахичеванская

получила образование в Ливане. В настоящее время живет в Египте. Другой внук генерала – Джордж Нахичеванский живет в США. Единственная дочь генерала Татьяна скончалась в 1872 году в Париже. Она родилась в 1884 году. В 1917 году она вышла замуж за друга отца, за сына полного генерала кавалерии, офицера атаманского полка Дмитрия Мартынова. После революции они эмигрировали во Францию.

Примечание: Некоторые авторы пишут, что после распада империи генерал Гусейн хан Нахичеванский вернулся на родину в Азербайджан, уехал в Нахичевань. Вроде, участвовал в строительстве национальной армии в 1918-1920 годах. Однако проведенные исследования показывают, что в последний раз в Баку генерал Гусейн хан был в 1902 году. С группой военных он встречал шаха Ирана Мюзаффараддина Каджара (1853-1907), которые через Баку ехали в Европу. Существует фотография делегации вместе с шахом. Вторая фотография генерала также сделана в Баку в 1902 году. На ее левом углу генерал собственноручно сделал пометку: «Дорогому Н.Н.Баратову на добрую память». На правом же углу мы читаем: «Хан, Баку, 1902 г.» Автор этих строк обнаружил обе фотографии в Центральном Государственном архиве Тбилиси весной 1999 года.

Что касается участия в строительстве национальной армии в 1918-1920 годах, то в те годы в армии служил другой человек с таким именем и фамилией - Гусейн хан Нахичеванский, но в звании полковника. Большевики расстреляли его в Нахичеване 29 сентября 1930 года. Полный генерал от кавалерии Гусейн хан Нахичеванский же, как мы отметили выше, был расстрелян в Петрограде в 1919 году.

СУДЬБА ГЕНЕРАЛА

Сведения о Абдулгамид беке Гайтабаши до последнего времени сохранились в папке с грифом «Совершенно секретно»

«История, собственно, не существует, существуют лишь биографии»

**Ральф Эмерсон,
американский поэт и философ**

В этих словах есть огромная правда. Как можно писать историю войны или государства без описания биографии ее героев? Без сомнений, сделать это невозможно. Поэтому, не будет ошибкой, если скажем, что историю создают личности.

Исследования последних лет позволили азербайджанским ученым возродить имена многих ранее забытых полководцев. О многих наших генералах, живших в XIX - XX веках, до последнего времени мы располагали самой, что называется, скудной информацией. К таковым относится и генерал-майор Абдулгамид бек Шариф бек оглы Гайтабаши, сведения о котором до последнего времени содержались в папке с грифом «Совершенно секретно».

В результате кропотливых исследований удалось установить, что только к апрельскому перевороту 1920 года в имперской и мусаватской армиях служили 69 азербайджанских генералов. Советская власть запретила писать, говорить о них, ибо эти люди были мусульманского вероисповедания, азербайджанской национальности.

В числе запрещенных к упоминанию оказался и Абдулгамид бек Гайтабаши. Его прадед - капитан Абдулмеджид бек в конце XVIII века переехал из Стамбула в Тифлис. Он командовал полком, за что ему было присвоен титул Хайтабашы. Большевики, сказав его фамилию, внесли в документы как Гайтабаши и, таким образом, она закрепилась официально. Под этой фамилией Абдулгамид бек был расстрелян в июне 1920 года.

...Застывшим лицом смотрю на архивные материалы и не верю глазам: генерал-майор Абдулгамид бек Гайтабаши родился 10 июля 1884 года, расстрелян в июне 1920 года. Прожито всего-то тридцать шесть лет... Абдулгамид бек был одним из лучших генералов, с честью служивших в 1918-1920 годах в Национальной армии Азербайджанской Демократической Республики (АДР).

Конечно, трудно поверить в то, что в таком возрасте можно получить генеральские погоны. Видимо, время само растило и награждало отважных людей, в смутные годы боровшихся за свободу и независимость своей родины. И при этом в расчет брались не возраст и прожитые годы, а голова на плечах, умение служить своему народу.

Юнкер Абдулгамид бек закончил военную школу в Павловске, что недалеко от Петербурга. 23 февраля 1906 года начал службу в 16-ом Мингрельском гренадерском полку. В Центральном государственном архиве Азербайджана хранятся письма юнкера Абдулгамид бека сестре, принцессе Мьяляк ханум Каджар, удостоверение № 97, записки о посещении им занятий и конспекты. Среди прочих документов - рапорт юнкера Абдулгамид бека Гайтабаши на имя командира от 22 августа 1905 года:

«Сообщаю, что во время летних каникул я поехал в Рязанскую губернию, где живет наш зять. Находясь там, я получил телеграмму из Тифлиса. В телеграмме указывалось, что сестра находится при смерти и мне следует срочно вернуться в Тифлис. Немедленно выехал и попросил зятя, чтобы сообщил об этом моим начальникам. Через полтора дня после моего возвращения в Тифлис сестра скончалась. Я, как единственный брат, взял на себя все хлопоты, связанные с похоронами. В этот период я сам заболел и немедленно рапортом обратился в управление коменданта о прохождении лечения. Оставался там в больном состоянии два дня и не долечившись на скором поезде выехал из Тифлиса. Об этом я сообщил управлению коменданта. Что касается вопроса сообщения военной школе, то мне сказали, чтобы об этом я не беспокоился.

**Юнкер второй роты
Абдулгамид бека Гайтабаши»**

Перелистываю не такую уж и увесистую папку, знакомлюсь с документами... По счастливой случайности нахожу документы, касающиеся подполковника Шариф бека, отца генерала, в том числе его «Полную служебную книжку», составленную 19 апреля 1890 года. Следуя записи в ней, Шариф бек родился 26 октября 1835 года в Тифлисской губернии, служил в кавалерийских войсках, имеет награды. За боевые заслуги удостоен орденов Святого Владимира четвертой степени, Святой Анны второй степени, Святого Станислава третьей и второй степеней, медалей.

В документе говорится, что подполковник Шариф бек Гайтабаши

женат дважды. После смерти супруги, он связал судьбу с Хадиджа ханум, дочерью землевладельца Мирза Али ага оглы из села Шихлы Казахского уезда. От этого брака родился Абдулгамид, седьмой ребенок в семье.

В звании штабс-капитана 205-го Шемахинского полка Абдулгамид бек Гайтабаши принимал участие в Первой мировой войне. 6 марта 1916 года был награжден орденом Святого Владимира четвертой степени (*с бантом и мечами*).

Приказ командующего мусульманским корпусом, генерал-лейтенанта Али аги Шихлинского:

«6 марта 1918 года, город Тифлис.

Назначить полковника Абдулгамид бека Гайтабаши начальником Штаба Мусульманского Корпуса»

На этой должности Абдулгамид бек находился до 28 мая 1918 года. 15 ноября 1918 года приказом № 2 военного министра АДР Самед бека Мехмандарова он был назначен на должность дежурного генерала военного министерства. Решением Совета Министров республики от 25 июня 1919 года Абдулгамид беку Гайтабаши было присвоено звание генерал-майора.

В мае 1919 года генерал-майор Фиридун бек Везиров получил письмо из Баку, в котором говорилось: *«Многоуважаемый господин Фиридун бек, вам, несомненно, известно о созданной Азербайджанской Демократической Республикой Национальной армии. Как славный сын азербайджанского народа и доблестный военачальник, Вы, уверен, рады этому приятному известию. Мы нуждаемся в умелых и опытных полководцах для службы в новой армии.*

Верим, что в период завоевания Азербайджаном независимости Вы не пожалеете передать свой военный опыт нашим сыновьям, которые служат в молодой Национальной армии. Поэтому и прошу принять приглашение на совместную работу в Генеральном штабе.

С уважением,

**дежурный генерал Генерального штаба,
полковник Абдулгамид бек Гайтабаши».**

Получив это письмо, генерал незамедлительно переехал с семьей в Баку. Приказом военного министра Азербайджанской Демократической Республикой Самед бека Мехмандарова за № 351 от 9 августа 1919 года генерал-майор Фиридун бек Везиров был назначен комендантом города Баку.

Из пожелтевших архивных документов проясняется, что Абдулгамид бек внес огромный вклад в строительство Национальной армии АДР. Он вложил немало сил в формирование личного состава, становление системы дежурства в Генеральном штабе, создание новых отделов и учреждений в этом военном ведомстве.

В марте 1920 года генерал Абдулгамид бек Гайтабаши писал: *«В течение всего лишь одного года организована и налажена деятельность Генерального штаба. Вместе с другими членами штаба мы с совестью, честью и неустанно выполнили все возложенные на нас обязательства».*

30 марта 1920 года он был назначен временным начальником штаба большевистской армии. В июне того же года был расстрелян по обвинению в подготовке и участию в Гянджинском восстании.

Лет десять тому назад мне с трудом удалось разыскать внучку сестры генерала Валиду Алашраф кызы Зейналову. Она поведала мне кое-какие сведения о семье генерала, подарив на прощание три редких снимка, сделанных в конце XIX века. На одном них запечатлена Хадиджа ханум Мирза Али ага кызы с сыновьями - маленькими Абдуллятиф беком и Абдулгамид беком.

ПОЛКОВНИК ДАНЬЯЛ БЕК ГАЛЛАДЖОВ

*И щить, и меч – подумать только,
Кровь, что пролита была при мне,
На память будущим потомкам –
Напоминанье о войне.*

*Самед Вургун,
Народный поэт Азербайджана*

В ноябре 1985 года отправился в Тбилиси, чтобы собрать сведения еще об одном военачальнике Национальной армии, ставшем шехидом в 1920-х годах. Узнал я о нем от своего коллеги-журналиста Сейфуллы Джафарли. Лейлы ханум, дочери полковника Даньял бека Абдулла оглы Галладжова, дома не оказалось. Она уехала на поминки в Кутаиси. Меня приветливо встретила женщина по имени Ирена. Едва я заговорил о цели своего приезда, она сильно удивилась. Я прекрасно понимал состояние женщины. Наверное, не только Ирену ханум, но и любого другого человека охватило бы изумление. Ведь я интересовался судьбой военачальника, который более полувека назад сражался против большевиков.

Честно говоря, я не удивился, ибо при знакомствах часто сталкивался со смятением близких и дальних родственников царских и мусаватских генералов.

Чтобы избавить Ирену ханум от подозрений окончательно, сказал:

- Я - друг Сейфуллы. - Он передает вам привет, да и ваш адрес я узнал от него.

После этих слов собеседница стала оказывать мне всякие почести.

Со свойственной женщинам из аристократических семей утонченностью, попросила извинения за недавние удивления и подозрительность. Невзирая на прошествие времени, искренняя Ирена ханум сохранила все лучшие качества, присущие дамам из этого сословия. Невольно охватывает чувство гордости, когда наблюдаешь такие черты характера у наших дорогих матерей и сестер. Радует, что не иссяк светлый, прозрачный родник. Они своей порядочностью, вежливым обхождением и изящными манерами могли бы служить примером для нынешних молодых представительниц «слабого пола».

Ирена ханум щедро показала мне все вещи в доме, которые были связаны с полковником. Вдобавок рассказала все, что знала и слышала о нем. Показав на цветную картину на стене, с гордостью поведала, что работа эта принадлежит кисти полковника.

Даньял бек Абдулла бек оглы Галладжов родился в 1876 году в

семье балакенского землевладельца. Все шестеро детей Абдулла бека получили высшее образование. Двое сыновей Гараали бек и Муртузаали бек окончили юридических факультет Петербургского университета, а Башир бек факультет восточных языков и права того же университета. Младший сын Магомед бек окончил агрономический факультет Московской сельскохозяйственной академии (впоследствии он стал Героем Социалистического Труда). Единственная дочь в семье Марьям была выпускницей Тифлисского женского института Святой Нины.

Лишь третий сын в семье по собственному желанию выбрал военную стезю. К такому решению Даньял бек пришел после окончания Ставропольского реального училища. Затем он учился в трехгодичном Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. Окончивший учебное заведение на «отлично» Даньял бек направляется в 39-ю артиллерийскую бригаду, расквартированную в городке Джалаус Карской области. Даньял бек прослужил здесь более десяти лет и достиг звания штабс-капитана. На двенадцатом году службы его переводят в первый артиллерийский полк в городе Мухровани Тифлисской губернии. Спустя короткий период часть дислоцируется уже в Гамбория. Получив ранение в мировой войне, Даньял бек в 1915 году освобождается от службы и командировается на длительное лечение. Живет в Белокане, на родине своих предков. Службу в рядах русской армии завершил в звании полковника.

В 1918 году после создания Национальной армии вернулся на ратную службу по личной просьбе военного министра, генерала Самед бека Мехмандарова и был назначен заместителем командира Гянджинского корпуса.

Вечером в гостинице еще раз ознакомился с информацией, предоставленной Иреной ханум. Конечно, ее краткость не могла не разочаровать меня. Решил подождать возвращения Лейлы ханум. Воспользовавшись свободным временем, провел исследования в архиве Горийской семинарии. Встретился с друзьями и коллегами, попросил их найти кого-либо из родственников генерала Фиридун бека Везирова (1850-1925), родившегося в Тифлисе. Генерал Везилов в 1918-1920 годах тоже служил в нашей армии. Все с сожалением признавались, что даже не слышали о таком военачальнике.

С начала прошлого века прогрессивная азербайджанская интеллигенция сосредотачивалась преимущественно в Тифлисе. Поэтому, просматривая жизненный путь многих из них, неизменно сталкиваешься с упоминанием об этом городе. Жаль, что не увековечиваются имена наших выдающихся соотечественников. Мало того, стираются из памяти народа даже самые незначительные приметы, сохранив-

шиеся до наших дней.

Личное имение, построенное в конце XIX века генералом-топографом Ибрагим агой Векиловым на улице Уш. Чхеидзе, являлось настоящим архитектурным памятником. Любо-дорого было смотреть на это строение. Дом в 1983 году я нашел по схеме, составленной сыном генерала Фарис беком. Когда вернулся в Баку, сообщил Фарис беку о том, что дом в полной сохранности. Лишь Аллах и я были свидетелями того, как обрадовался сын легендарного генерала. 94-летний одинокий старец грузно поднялся с места, выдвинул ящик черного шкафа, отыскал сохранившийся снимок дома. Несколько раз поцеловал пожелтевшую фотографию, расчувствовался как ребенок.

Теперь в этом здании жили две грузинские и одна армянская семьи. Спросил, знают ли они, кому принадлежало раньше это имение. Ответили, мол, одному генералу-татарину (азербайджанцу – Ш.Н.).

И в очередной приезд не выдержал, решил еще раз взглянуть на приглянувшееся мне здание. Какая-то неведомая сила потянула меня на старую тифлисскую улицу. Казалось, что и дом, и райский сад перед ним до сих пор ждут своего настоящего хозяина. Фарис бек рассказывал, что деревья, посаженные отцом у входа в имение, привезены из Караязы, Салахлы. Эти стройные красавицы нередко являлись собеседниками Ибрагим аги. Он заботливо ухаживал за ними, терпеливо растил. Когда уезжал в далекие края на топографические съемки, в письмах посылал им приветы. Мне, маме все время поручал следить за ними, не оставлять их без воды.

Прошел Верийский мост, стал взбираться на небольшой подъем. И... Глазам своим не поверил: дом генерала стерли с лица земли, как будто его здесь никогда и не было. Остались лишь деревья в заброшенном саду. Почудилось, что деревья плачут как дети-сироты. Подошел, провел рукой по стволам. Прочитал молитву за упокой души генерала, вспомнил покойного Фарис бека. Готов был расплакаться, невольно прошептал: «Эх, белый свет, отчего ты такой вероломный». Над моей головой зашелестели листья на высоких деревьях. Ветер их тронул, или обрадовались моему приходу эти статные удивительные творения природы? Не знаю... Но могу сказать, что дошел до отчаяния, увидев деревья, оставшиеся без присмотра на чужбине...

Поинтересовался у соседей, зачем разрушили красивое здание? Ответили, что городские власти хотели расширить проезжую часть дороги, но затем отказались от этой идеи. Мол, нынче сожалеют о сделанном...

Вот таким образом исчез великолепный архитектурный памятник, украшавший некогда Тбилиси. Прискорбно, что это совершенно

не волновало наших компетентных должностных лиц. В 1983 году одному высокопоставленному лицу в Баку сказал, что в Тбилиси остается дом, принадлежавший бывшему генералу Национальной армии.

- Что ты хочешь этим сказать? – сердито посмотрел на меня этот начальник.

- Было бы неплохо договориться с соответствующими ведомствами Грузии и установить на здании памятную доску. Ведь в доме проживала историческая личность, единственный азербайджанский генерал-топограф Ибрагим ага Векилов...

Руководящий чиновник не удосужился выслушать меня до конца:

- Хорошо, подумаем, - сказал он. – Сейчас нет для этого времени.

К сожалению, пока думали наши облеченные властью люди, прекрасное строение перестало существовать...

В те годы безмерно обрадовался одному случаю, происшедшему в Тбилиси. До сих пор не могу забыть это неожиданное явление. Проходил как-то по улице и решил заглянуть в книжный магазин. За прилавком стоял молодой симпатичный парень. Слышал, что грузины, мягко говоря, нехорошо относятся к людям, говорящим на русском языке. Из-за незнания грузинского языка пришлось обратиться к нему на русском. Спросил, есть ли у него интересная книга на историческую тему? Если есть что-нибудь на хранении, куплю за любые деньги. Парень посмотрел на меня и вдруг неожиданно заговорил на чистейшем азербайджанском языке:

- Есть, можете приобрести. Это – документальная повесть о жизни поэта Николаза Бараташвили, умершего в молодом возрасте в Гяндже. Берите, не прогадаете.

- Ты – азербайджанец? - не удержался я от вопроса.

- Нет, я - грузин, - не без гордости ответил продавец. – Живу на Мейдане. А все, кто живут на Мейдане, вне зависимости от национальности, чисто говорят на азербайджанском языке. К тому же, знаю некоторые ваши песни, с нетерпением жду каждое воскресенье «Час мугама», начинающийся в два часа дня.

Вчера я был удручен разрушением дома генерала Ибрагима аги Векилова, а сегодня чувствовал себя на седьмом небе от проявленного уважения к нашему языку, музыке. Из книжного магазина вышел с радостью, переполнявшей сердце.

Спустя три дня вернулась из Кутаиси дочь Даньял бека Лейла ханум. Я направился на встречу с ней. Во время беседы убедился, что аристократические манеры к Ирине ханум перешли от ее тети Лейлы.

- Лейла ханум, - начал я разговор, - я дожидался вас, потому что вы являетесь свидетелем рождения Национальной армии Азербай-

джана. Говорю это, зная о вашем возрасте и принадлежности к семье военнослужащего... В те годы вам было пятнадцать лет, наверное, немало фактов можете вспомнить?

Пожилая собеседница не торопилась ответить на мой вопрос, и между нами вначале состоялся немного натянутый разговор.

- Откуда вам известно о моем возрасте?

- Мне об этом сообщил друг и ваш родственник Сейфулла.

- Интерес, проявляемый мужчиной к возрасту женщины, раньше считался предосудительным поступком. Я, как вы знаете, человек из прошлого. Но вас я прощаю. Во-первых, вы мой гость, а во-вторых – вы молоды, я же уже стара, - Лейла ханум весело рассмеялась.

- Ну что, пора переходить к теме. В Баку мы прожили недолго. Отца скоро перевели в Гянджу, на новое место службы. Дважды ему довелось работать в Гяндже – в 1918 и 1920 годах.

Помню, как в девятнадцатом году отец, военный министр Самед бек Мехмандаров, его заместители Али ага Шихлинский, генерал-майор Ибрагим ага Усубов и наследный принц Амир Кязым Мирза Каджар принимали парад азербайджанских войск.

Едва XI армия вошла в Баку, народом овладела тревога. Многие бежали в Иран, Турцию. Тогда отец, мои тети Лейла, Тамара и я жили в Гяндже. Отцу тоже предложили уехать из Азербайджана. Он наотрез отказался, заявив, что не сможет бросить маму, семью в Белокане. Дядя отца Ливан Галладжов работал заместителем министра иностранных дел Азербайджана. Он уехал в Иран. До сегодняшнего дня от него нет никаких известий.

Я свидетельница ужасов, которые творила в Гяндже XI красная армия. Большевистские части со стороны вокзала, а армяне из Багманлара подвергали город непрерывному артиллерийскому огню.

Вечером того дня, когда появились большевики, отец пришел домой сам не свой. Его сильно вывело из себя освобождение от занимаемых должностей коменданта города Амир Кязыма Мирзы Каджара, командира расположенной в Гяндже I кавалерийской дивизии Джавад бека Шихлинского. Отцу сообщили, что офицеры, прибывшие из штаба XI армии, грубо обращаются с нашим командным составом. Они снимают с работы офицеров-азербайджанцев, на их место назначают своих людей. Направляют верных им солдат на наблюдательные посты. Большинство офицеров XI армии – армяне. Ни в Гянджинском стрелковом полку, ни в Шекинском кавалерийском полку не хотят мириться с произволом. Все солдаты и офицеры в один голос выражают решительный протест.

Сынок, главная причина гянджинской резни кроется в провокациях армян. Они больше всех чувствовали себя «победителями».

В ночь с 25 на 26 мая со стороны армянской части города возобновился артиллерийский и пулеметный огонь. Полностью обнажилось предательское нутро местных армян. Упорно сражавшиеся наши воины взяли в плен немало русских. Сейчас точно не могу вспомнить, 27 или 28 мая, прибывший из Баку бронепоезд захватил станцию. В последующие два дня не прекращалась стрельба с обеих сторон. Армяне, указывавшие путь большевикам, пролили море крови в мусульманской части города. 31 мая части XI армии ворвалась в Гянджу. Зверства, погромы, резня в отношении азербайджанцев еще более усилились. Улицы города были забиты трупами безвинных гянджинцев. Мертвые человеческие тела сбрасывались в колодцы. Большевики и армяне специально делали это, дабы мусульманское население не пользовалось питьевой водой. Не позволяли хоронить людей, в издевку жителям привязывали трупы к лошадям, буйволам и пускали их на окраины города.

В жизни своей не видела подобных зверств, столь ужасающих сцен. Такое могли сотворить только ваши коммунисты.

Лейла ханум резко посмотрела на меня.

- Я – не коммунист, Лейла ханум, - пришлось мне признаться.

- Да, как хорошо, - удивилась собеседница. – Поэтому ты с таким усердием собираешь материалы о военачальниках, боровшихся в Национальной армии против большевиков. Это еще хуже, тебя, как беспартийного, могут впутать в неприятное дело.

- Лейла ханум, многие мои сверстники становятся коммунистами, чтобы овладеть какой-нибудь должностью. Я же не испытываю в себе такой потребности. Скажите, если бы я занимал пост, мог бы на протяжении трех дней ждать вашего возвращения? Вернувшись, меня тотчас освободили бы от должности.

Мы оба были решительно настроены, казалось, еще немного и разразится скандал. Мне удалось, как говорится, выйти сухим из воды от того, что не был коммунистом.

- В августе 1920 года в городе свирепствовала холера, - вздохнув грудью, продолжила свой рассказ Лейла ханум. – От отца не поступало никаких вестей. Говорили, что он, генерал Джавад бек Шихлинский, полковник Джахангир бек Кязымбеков, Сары Алекпер, Гачаг Гамбар с большим отрядом скрываются в лесах, сражаются с большевиками и не намерены подчиняться новой власти. Вскоре донеслась весть о гибели отца.¹ Какое-то время мы жили в подвале. Положение в Гяндже

¹ Еще в 91-м году бывший офицер Национальной армии, 95-летний Рамазан Гамзат оглы Халилов, свидетельствовал о том, что полковник Данъял бек Галладжов был арестован председателем Гянджинского ЧК Тухарели. Он же и зарубил его шашкой на допросе в июне 1920 года. – Ш.Н.

оставалось крайне напряженным. Людей убивали как мух: под большевистский нож попадали и виновные, и безвинные, тюрьмы были переполнены несчастными узниками. Наверное, ваш друг Сейфулла говорил, что Даньял бек был талантливым художником. В те смутные годы бесследно исчезли многие его произведения. Удалось сохранить только несколько полотен: «Панорама Карса», «Белоканские горы»... От отца-полковника, погибшего в сорокашестилетнем возрасте, осталась лишь одна фотография – верхом на коне в городе Карс.

- Лейла ханум, как вам удалось в то непростое время переехать в Белокан?

- С огромным трудом, нас спас товарищ отца. Мы приехали к маме, в Белокан. Мои родители создали семью в 1904 году в Карсе.

По национальности мама была полька, дочерью командира бригады. Звали ее Фелисин Станиславовна Кринцевич-Гиждей. Она происходила из знатной аристократической семьи в Варшаве. Нас было две сестры в семье: я и Тамара, но она умерла в младенчестве.

И тут Лейла ханум не удерживается от иронии:

- Я же оказалась упрямой. Живу пока. В этом году перешагну через восьмидесятилетний рубеж.

Все это Лейла ханум рассказывала с внутренним волнением, подавляя смятения, душившее ее. В конце беседы она посоветовала мне:

- Остерегайся, себя, сынок.

- Кого, Лейла ханум, - в недоумении спросил я.

- КГБ, милиции, их агентов...

- Я же не совершил ничего противоправного...

- Это верно, но до поры до времени... Я тут погорячилась, многое тебе рассказала. Не пиши обо всем, что услышал, не навлекай на себя несчастье.

- Постараюсь, Лейла ханум. Сделаю так, как вы советуете.

Встреча моя с дочерью Даньял бека Галладжова состоялась 14 ноября 1985 года. Эту дату я занес в свою записную книжку. А материал, предоставленный вашему вниманию, вышел из-под моего пера 22 июня 1992 года. Уже не было надобности соблюдать осторожность, о которой предупредила меня Лейла ханум.

*1992 год, июнь
Санаторий в Мардакяне*

Н.НАРИМАНОВ: «НИКОГО НЕ РАССТРЕЛИВАТЬ!..»

«Азербайджан повсеместно опустошают, происходят повальные расстрелы. Ознакомившись с ситуацией, я назначил заседание президиума Революционного комитета и пригласил фактически заправлявшего всеми делами в тот период Семена Панкратова. Я поставил вопрос о том, чтобы без санкции Революционного комитета никто не был расстрелян.

Против выступили Мирза Давуд Гусейнов и Алигейдар Караев. Таким образом, все продолжилось как и прежде...

Зачинателем всего этого выступает считающийся наиболее умным из них Анастас Микоян. Когда произошел переворот, Анастас Микоян сказал: «Мы изберем Нариманова председателем Революционного комитета и устроим ему такую блокаду, чтобы он не мог воспользоваться своим авторитетом, оставался под нашим воздействием».

Н.Нариманов. Книга «По истории нашей революции на окраинах» (письмо И.В.Сталину), стр. 17-26. 1924 год

Вскоре после обеда на прием к председателю Совета народных комиссаров Азербайджана Нариману Нариманову явился начальник особого отдела политуправления XI армии Семен Панкратов. Вытащив из папки с серой обложкой большой список, положил его на стол председателя.

- Что это за список? – поинтересовался Нариманов.

- Это – имена и фамилии врагов рабочих и крестьян, - ответил Панкратов. – Можете ознакомиться, каждый из них допрошен, получены показания. Доказано, что все они подлежат расстрелу.

Председатель Революционного комитета с удивлением перелистал список и прочитав вслух имя Аджибекова Узеир бека Абдулгусейн оглы на первой странице раздражительно бросил:

- Вы неправильно написали фамилию Гаджибекова. Смотрю, вы вынесли смертный приговор в отношении ни много, ни мало 99 представителей азербайджанской интеллигенции и военных. Но зачем надо их всех расстреливать за какие-то проступки?! Ведь не может же быть столько врагов народа?!

Панкратов возразил:

- Это еще не все. На днях будет составлен еще более обширный список. Арестованы и те, кто стрелял в нас на мосту через Самур и

Баладжарах. Сейчас проводится следственное дознание. Протоколы допросов этих 99 человек находятся в нашем управлении. Не захватил их с собой, очень тяжелый груз. Представил вам лишь утвержденный список.

- Товарищ начальник особого отдела, я еще раз спрашиваю вас: в чем состоит вина этих 99 человек?

Привстав на месте, Панкратов цинично бросил:

- Я же вам сказал, они - буржуи... Товарищ Нариманов, кто интересуется вас конкретно?

- Да взять хотя бы первого в списке Гаджибекова, или генералов Мехмандарова, Шихлинского, Хосров бека Султанова, братьев Махмудбековых, кого еще вам назвать?..

- Первые два генерала во время мусавата возглавляли военное министерство, подняли оружие против России. Подвергали арестам коммунистов, действовавших в Баку. В своих фельетонах Гаджибеков иронично отзывается о нас, русских. Мне принесли газеты, перевели их содержание. В них опубликовано много статей Гаджибекова. Он высмеивает большевистское правительство в России. Пишет, что между правительством Ленина и бывшим правительством царя Николая нет никакой разницы. Это два берега одной реки. Искреннее, я враг всего русского. А симпатии к тюркизму вечны. Товарищ Нариманов, он даже позволил себе осмеять верного азербайджанского большевика товарища Алигейдара Караева.

- Вы знаете, что такое жанр фельетона, как его пишут? Фельетон пишут, чтобы сказать о недостатках в лицо, вернуть на путь истинный человека, совершившего ошибку. Видимо, и товарищ Караев где-то ошибся. Здесь нет никакого преступления. Товарищ Гаджибеков интеллигент со здоровым духом. Именно он автор первой оперы Азербайджана. Я хорошо его знаю. Что касается генералов, их назначили на должности военного министра и заместителя, чтобы они защищали Родину. Это их обязанность, гражданский долг. Они же не дезертиры, не разбойники...

- Какая Родина?.. Эти генералы не признают установленную нами в Азербайджане большевистскую власть. Во время допросов они сами сознались в этом. Например, генерал Шихлинский на вопрос «Интересы какой политической партии или революции вы защищаете?» ответил, что к каждой революции относится как к контрреволюции, не примыкал к таким делам ни сейчас, ни в прошлом... Его министр Мехмандаров так ответил на этот вопрос: «Всю жизнь я был

далек от всякой политики». Видите, товарищ Нариманов, оба пренебрежительно относятся к нашей революции, не оценивают ее должным образом. Принесенную нами свободу...

- Подождите. Они правильно мыслят и дают точные ответы, - сказал Нариман Нариманов. - Потому что они - военнослужащие. Ведь вы обязаны знать об этом. Человек с погонами не может состоять в каком-то обществе, партии. Это четко прописано в военном уставе. По имеющейся у меня информации, вы прежде служили в военно-морских силах. Вы - матрос. Не так ли?

- Да, - горделиво ответил Панкратов. - Служил в Одессе...

Тотчас же замолчал. Чуть не проговорился, что состоял в белогвардейской армии. До вступления в Красную армию всегда и везде бахвалился тем, что он - белогвардеец. Когда части белой армии изгнали с территории России, каким-то образом протиснулся в ряды большевиков. Об этом в армии знали немногие.

- Семен Андреевич, ваши рассуждения о генералах напоминают пустопорожние разговоры. Точнее сказать, это - клевета, - Нариманов еле удержался, чуть не назвал собеседника проходимцем.

- Знаете, всего два месяца назад именно эти генералы спасли страну под названием Азербайджан от дашнаков. Если пришедшие к власти полтора месяца назад большевики приговаривают к расстрелу столько интеллигенции и военных, то как наше рабоче-крестьянское правительство может завоевать любовь народа? Известно, что до моего приезда в Азербайджан вы расстреляли множество людей. Поэтому я принял серьезное решение: без санкции Революционного комитета никто не может быть расстрелян.

- Тогда нам будет очень трудно укрепить в Азербайджане советскую власть, товарищ Нариманов.

- Мы должны устанавливать советскую власть не кровью, оружием, а пропагандой, разъяснением народу целей нового правительства. Надо создать ситуацию, когда власть в республике будет поддерживаться не штыком, а сознанием масс. Хочу спросить, когда я посещал районы, на каком основании здесь были расстреляны двенадцать азербайджанских генералов и других военных?!

- Товарищ Нариманов, я не расстреливал их по личной инициативе. Эти генералы расстреляны по приказу товарищей Орджоникидзе и Микояна. Они и выдали санкции. Я выполнял их приказы. До вас за этим столом сидели они. Приказ также поступил от них. Оба объяснили мне, что когда наши войска стояли в Дербенте, эти генералы

вели антибольшевистскую агитацию. Арестовывали и расстреливали большевиков в Баку и Азербайджане.

- Совершая эти убийства, вы вселяете страх в души рабочих и крестьян. Поэтому как только появляется ничтожная возможность, наша интеллигенция эмигрирует в Иран, Турцию и Германию. С кем же мы будем работать?.. Именно в этом необходимо искать причины не только Гянджинского мятежа, но и восстаний в Закаталах, Карабахе, Тертере и Дивичи. Чем репрессировать достойных людей в Баку, не лучше ли проявить заботу о населении уездов.

Нариманов открыл одну из папок и выложил на стол несколько листов бумаги. На полученное два дня назад письмо наложил резолюцию: «проверить, уточнить».

- Семен Андреевич, я хотел вызвать вас, хорошо вы сами явились, - сказал он. – Недавно ваши сотрудники побывали в доме купца Гаджи Кадира, проживающего возле мечети Тазапир.

- Да, - ответил Панкратов.

- Какова была цель посещения дома Гаджи?

- Я ходил туда вместе со своими людьми, которых выделили секретарь Бакинского комитета Саркис Данилян и товарищ Караев. Нас было несколько человек – капитан Корнев, заведующий Бакинским рабоче-крестьянским клубом Тевосян, рядовой Емельянов, Николай Унанян и я. Товарищ Данилян поручил нам конфисковать все ценное у Гаджи Кадира и живущих в этом квартале состоятельных людей, занимавших высокие должности при мусаватском режиме. Данилян передал нам и список зажиточных граждан.

Нариманов показал письмо Гаджи Панкратову и сказал:

- В посланном письме Гаджи Кадир жалуется, что его ограбили и подвергли унижению.

- Нам сказали, что у него много золота. Вначале Гаджи заартачился, сказал: «Я бедный человек, у меня нет никакого золота». Пришлось провести обыск. На полу в застекленной галерее обнаружили покрытый свежим цементом колодец. Гаджи попытался оказать сопротивление. Николай Унанян направил на него оружие, потребовал отойти в сторону. Из колодца извлекли большой глиняный кувшин. В нем оказалось 22 пуда различных украшений, десять пудов золота и серебряных монет, а также много бриллиантов и драгоценный камней.

- Взяли все?

- Да, вдобавок конфисковали еще семнадцать больших ковров.

- В этом письме указывается, что на территории мечети Тазапир

ваша группа конфисковали у населения четыре тысячи ковров.

- Правильно, все эти ковры можно реализовать за валюту.

Нариманов не на шутку вскипел:

- По-вашему, что это, если не грабеж и вымогательство? Выходит, все еще продолжается, «неделя погрома» Красной армии. Где сейчас находятся эти конфискованные ценные вещи, вы интересовались, начальник особого отдела?..

- Нет, не интересовался. Мы составили список всех вещей и передали его товарищу Саркису Данилянцу.

- А я интересовался. Знаете, что стало с конфискованными коврами, украшениями, драгоценностями? Их погрузили в вагоны и отправили в Москву и Иреван. Никто не имеет права вывозить за пределы республики богатства, принадлежащие азербайджанскому народу. Вместо того, чтобы покончить с этим безобразием, вы занимаетесь арестами и расстрелами.

Панкратов молчал. Сидел как чучело, устремив взгляд в одну точку.

Нариманов пристально смотрел на его пухлое лицо, мутные глаза. Хотел отыскать в них хоть что-то человеческое. Но, тщетно... Как у всех безжалостных преступников, на этом лице отсутствовали всякое сострадание, милосердие. Поэтому с отвращением Нариманов бросил:

- Хорошо, можете идти. Список останется у меня. Я еще раз ознакомлюсь с ним.

Едва ушел Семен Панкратов, председатель совнаркома вызвал своего помощника Нурмамеда Шахсуварова (1881-1958) и дал ему следующее указание:

- Пока этот фрукт не добрался до своих единомышленников от моего имени подготовь приказ начальнику тюрьмы. Пусть выпустит на свободу всех 99 заключенных. Официальное письмо подготовьте от имени Революционного комитета, а меня свяжите по телефону с начальником тюрьмы. Из арестованных двоих – генералов Самед бека Мехмандарова и Али агу Шихлинского доставьте ко мне. Передайте Панкратову, чтобы пришел с протоколами допросов генералов.

Нариманов не сразу принял вернувшегося с кипой документов Панкратова. Сказал помощнику:

- Возьми у него протоколы и другие документы, пусть немного подождет, скоро вызову.

В отношении каждого из генералов были составлены пятна-

дцати–двадцатистраничные «карточки арестантов». Против них дали показания несколько русских и армянских большевиков. Прочитав протокол под номером 717, Нариманов остолбенел. На него тяжело подействовала подпись под показаниями азербайджанского ротмистра. С сожалением покачивая головой, промолвил про себя: «Эх, вероломный Ильяс бек, кого ставишь под удар? Полководцев, прославившихся в русской армии своей доблестью и отвагой? Права была моя мама Халима, когда говорила: «Сынок, не верь каждому вкусившему материнское молоко, достоинство человека не определяется его богатством или подданством». Народная мудрость гласит: «плуг испытай на земле, а смельчака - в деле».

Можно еще понять поведение этих допросчиков А.Губина, Бориса Глухарева, Семена Панкратова. А как объяснить твои действия, представителя дворянского рода, ротмистра. Подлый, что ты дал за показания: «В бытность министром, генерал Самед бек Мехмандаров враждебно относился к рабочим и крестьянам. Он был подручным мусаватского правительства, назначившего его на эту должность. Ненавидел правительство большевиков. Он – ярый мусаватист, питающий ненависть к нашей революции, Красной армии. Старый генерал Самед бек Мехмандаров очень радовался временным неудачам Красной армии. А генерал Али ага Шихлинский благоволил армию Деникина».

Более двух часов Нариманов никого не принимал, знакомился с документами. Тишину в комнате нарушало лишь тиканье настенных часов. Хорошо понимал, что оказался в чудовищной ситуации. Напоминал человека, пробудившегося от недолгого, тяжелого сна, чувствовал накопившуюся усталость, беспомощность. В голове кружились туманные, невеселые мысли. Уже с омерзением смотрел на лежавшие перед ним документы, бегло перечитывал страницы. Жгли глаза доносы на любимых им генералов-соотечественников. Стоявший у приоткрытой двери помощник Нурмамед с любовью смотрел на Нариманова. Заботливо справился:

- Волноваться я стал, товарищ Нариманов, вы не устали?
- Председатель оставил без ответа вопрос своего помощника:
- Пусть войдет, - сказал он, - этот...

Вошедший Панкратов выглядел очень угрюмым. Чувствовалось, начальник особого отдела недоволен тем, что его заставили так долго ждать.

- Товарищ Панкратов, наша беседа, в какой-то степени, будет иметь характер допроса. Я ознакомился с протоколами, составлен-

ными вами и вашим сотрудником по фамилии Губин. Хочу уточнить некоторые факты. Вот, возьмем вначале написанное о генерале Али аге Шихлинском. Вы здесь указываете, что Али ага Шихлинский поддерживал связь с белогвардейским генералом Деникиным, радовался неудачам Красной армии и сейчас мобилизует вооруженные силы для противодействия Красной армии. Откуда взяты эти факты и насколько они достоверны?

- Эти факты передал нам агент.

- Но ведь тут стоит подпись не агента, а старшего военного следователя особого отдела Губина. Вы читали этот документ?

- Нет, не читал.

- Но в протоколе допроса стоит ваша резолюция: «арестовать и подвергнуть наказанию».

- Своим сотрудникам я верю как самому себе.

- Как же верите, если не прочитав протокол выносите чуть ли не смертный приговор? Разве можно так наплевательски относиться к судьбе видного генерала?

- Из-за обилия работы не успел прочитать документ.

- Тогда прочитаю я, а вы слушайте. «Совершенно секретно». Полный генерал артиллерии, ныне заместитель военно-морского комиссара Азербайджанской Советской Социалистической Республики Али ага Шихлинский признается виновным:

1. Из-за того, что в 1917-1918 годах Али ага Шихлинский занимался созданием воинских частей и был активным участником борьбы против Советской власти.

2. В 1920 году мобилизовал вооруженные силы Азербайджана для оказания сопротивления Красной Армии. После переворота 27 апреля не нашел возможности бежать в Гянджу.

3. Воспользовавшись ситуацией, завоевал доверие военно-морского комиссара и стал его заместителем. Оставаясь на этой должности, поддерживал тайные связи с врагами рабоче-крестьянского правительства в Гяндже и Грузии.

4. Подвергал аресту всех азербайджанских офицеров, симпатизировавших Советскому правительству.

5. После победы советской власти в Азербайджане 15-17 мая уничтожил очень важные документы, подтверждавшие его связь с Добровольческой армией Деникина.

6. Знал о готовящемся 25 мая в Гяндже мятеже и поддерживал связь с его организаторами.

Старший военный следователь особого отдела XI армии А.Губин».

Тяжело вздохнув, Нариманов сказал:

- Понятно, что все шесть пунктов – чистейший вымысел. По этому поводу я советовался с министром внутренних дел Гамидом Султановым и военно-морским комиссаром Чингизом Ильдрымом. Они тоже уличили во лжи вашего сотрудника Губина. В другом документе читаем, что во время Гянджинского мятежа генерал Шихлинский находился в Баку. Это отчетливо видно из протокола допроса бывшего начальника штаба первой Гянджинской кавалерийской дивизии полковника Василия Соколова.

Давайте ознакомимся с этим протоколом: «Выписка из протокола допроса обвиняемого в участии в Гянджинском мятеже и в близких связях с белогвардейцами полковника Василия Николаевича Соколова следователем особого отдела одиннадцатой армии А.Губиным:

Вопрос: Когда, с кем, сколько раз и о чем говорил генерал Джавад Шихлинский по телеграфной связи и телефону?

Ответ: В первые дни после установления Советской власти военно-морской комиссар товарищ Чингиз Ильдрим вызвал к телефону генерала Джавад бека Шихлинского. Спросил о его желании остаться для прохождения службы в армии. Джавад бек попросил время, чтобы посоветоваться с Али агой Шихлинским. Чингиз Ильдрим сказал, что генерал Али ага Шихлинский находится возле него. И передал ему трубку. Али ага Шихлинский сказал Джавад беку: «Переворот прошел бескровно, положение нормальное. Я продолжаю службу».

После этого Али ага Шихлинский передал трубку Чингизу Ильдрыму. И Джавад бек сообщил Чингизу Ильдрыму о своем намерении остаться на военной службе советской власти.

Об этом разговоре генерал Джавад бек Шихлинский поставил меня в известность и я изложил все это в своем показании. У Джавад бека с Чингизом Ильдрымом состоялся телефонный разговор и об аресте грузинских офицеров. До двадцатого мая (до снятия с должности начальника гарнизона в городе Гянджа) пять раз посылал на телеграф своего старшего адъютанта ротмистра Ахмед бека Эфендиева-Мусабекова для вызова к телефону Али агу Шихлинского. Мне неизвестно состоялся или нет телефонный разговор.

Вопрос: Вы считаете что Эфендиев говорил от имени Али аги Шихлинского и Джавада Шихлинского? Возможно ли что Джавад был организатором и участником Гянджинского мятежа?

Ответ: генерал Джавад бек очень хотел, чтобы мятеж состоялся. Я думаю, конечно, возглавлявший мятеж человек очень хотел, чтобы восстание успешно завершилось.

Вопрос: Кто стоял во главе мятежа?

Ответ: Увольнение с должностей азербайджанских офицеров и назначение вместо них русских советских офицеров вызвало негодование не только у азербайджанских офицеров, но и у всего населения Гянджи. Офицеры-азербайджанцы посчитали это оскорблением. Особенно раздраженными были генерал Джавад бек Шихлинский, генерал Магомед Мирза Каджар, полковник Джахангир бек Кязымбеков и другие. Если не ошибаюсь, они и возглавили мятеж. После произошедших перемен они не могли себе места найти.

Вопрос: Приезжали ли во время мятежа в Гянджу генералы С.Мехмандаров и А.Шихлинский?

Ответ: Нет, в тот период я был в Гяндже. Их там не видел.

Вопрос: Тогда почему Джавад советовался именно с генералом Али агой Шихлинским и так часто звал его к телефону?

Ответ: Ведь генерал Али ага Шихлинский его родной дядя. Генерал Джавад бек любил и уважал его как отца. И раньше он с ним советовался как с аксакалом. Будучи на службе в азербайджанской армии, я неоднократно становился свидетелем этого. Помню, младший брат Джавад бека полковник Рустам бек Шихлинский тоже часто консультировался с генералом Али агой Шихлинским.

Вопрос: Не говорите о брате, я вас не спрашиваю о нем. Полковника Рустам бека уже нет. Он расстрелян в Баку как враг советской власти».

Нариманов решил передохнуть, внимательно посмотрел на Семена Панкратова:

- За что расстреляли полковника Рустам бека?

Панкратов хладнокровно ответил:

- Он выступил против нас в Баладжарах со своим вторым артиллерийским дивизионом. Его арестовали следователь четвертого отдела капитан Акопджанов и Троян. Расстреляли 11 июня. Без нашего ведома...

Нариманов устало вымолвил:

- Продолжим. Потом следователь Губин спрашивает полковника Соколова:

- Вы близко знакомы с генералами С.Мехмандаровым и А.Шихлинским?

Ответ: Во время мировой войны я служил в корпусе генерала Самед бека Мехмандарова. Там и познакомились. В феврале 1920 года написал рапорт по вопросу местожительства. Вызвал, поинтересовался моим положением. Узнав о том, что семья живет в Тифлисе, пообещал помочь. Неоднократно встречался и беседовал с Али агой Шихлинским. Приезжая в Гянджу, он всегда оставался в доме племянника Джавад бека Шихлинского. Он также приезжал проверять работу школы азербайджанских прапорщиков в Гяндже и принимал участие в церемонии выпуска офицеров.

Вопрос: Где вы служили во время мятежа?

Ответ: Спустя три-четыре дня после ввода советских войск в Гянджу служил в штабе второго кавалерийского корпуса генерала Водопьянова.

Вопрос: Когда вы были арестованы?

Ответ: 25 июня. До прихода Красной армии был начальником штаба первой азербайджанской кавалерийской дивизии в Гяндже. Арестован за совместную службу с генералом Джавад беком Шихлинским.

Вопрос: Признаете ли вы себя виновным и почему согласились служить именно в азербайджанской армии?

Ответ: После развала империи я как и многие другие военнослужащие остался без работы. Семья сильно нуждалась. В 1918 году приехал в Гянджу и написал рапорт. Приняли безотлагательно.

Вопрос: Проходя службу в азербайджанской армии, сколько раз вы встречались с белогвардейским генералом Деникиным? О чем беседовали?

Ответ: Я никогда не встречался с Деникиным и не говорил с ним.

Вопрос: Нет, встречались. Полковник Соколов, вы лжете следствию. Правильно отвечайте на вопрос. Генерал Мехмандаров и Шихлинский приняли вас на службу, чтобы вы вели переговоры о вступлении генерала Деникина в Баку. Хотели использовать вас как русского офицера. Именно вы доставили засургученное секретное письмо, адресованное белогвардейским генералом Владимиром Ирмановым на имя Мехмандарова и Шихлинского 31 марта 1920 года. Это письмо хранилось в вашем сейфе.

Ответ: Я читал письмо белогвардейского генерала Ирманова. Его передал мне генерал Джавад бек Шихлинский. Прочитай, сказал он, вот что пишет Ирманов дяде. Он тоже как и ты ищет работу. Я прочи-

тал. Он взял у меня письмо, отдал адъютанту Эфендиеву. Сказал, пусть полежит в сейфе, отдадим, когда вернется дядя.

В моем сейфе не было такого письма. В сущности, подобное письмо должно храниться в сейфе начальника штаба. Джавад бек решил иначе. Видимо, не доверял мне, русскому. Вы говорите, азербайджанские генералы желали прихода Деникина в Баку. Напротив, оба – и генерал Шихлинский, и генерал Мехмандаров ненавидели белогвардейца Деникина. Как мне известно, выступая в азербайджанском парламенте Мехмандаров сказал, что Деникин хорошо меня знает по совместной службе в русской армии. Он никогда не осмелится вступить в сражение с возглавляемой мною армией. Так и случилось, ход истории полностью подтвердил его правоту.

Вопрос: Хорошо, вы читали письмо генерала Ирманова. Что он писал?

Ответ: Во-первых, в Порт-Артуре и в годы мировой войны Ирманов сражался плечом к плечу с обоими азербайджанскими генералами. Об этом он и упоминает в письме. После краткого приветствия умоляет, мол, я остался без работы, готов верой и правдой служить в азербайджанской армии. Согласен на любую, даже самую незначительную должность. Семья сильно нуждается материально.

В письме ругает генералов Деникина и Шкуро, вспоминает о своем конфликте с ними и увольнении со службы. Коротко пишет о своей непродолжительной службе в армии Шкуро на Кубани, вспоминает как голодная, разваливающаяся армия вторгалась в станицы, рассказывает о политических расхождениях с Деникиным. В письме не затрагивалась политическая тематика. Даже шлет привет от дочерей и жены. Видать, дружили семьями.

Азербайджану не доверяется...

В Азербайджане на полную мощь претворяется в жизнь дашнакская политика. У меня нет ни малейшего сомнения в том, что в лице Серго и Сталина ЦК АКП не доверяет нам, тюркам, и вручает судьбу Азербайджана в руки армянских дашнаков... Они всегда выдвигают Алигейдара Караева, которого весь Азербайджан знает как продажного человека. Честные работники-тюрки в Азербайджане никогда не забудут пренебрежительное отношение к Азербайджану со стороны ЦК АКП из-за таких членов партии.

**Нариман Нариманов,
1924 год, 27 мая, Москва**

Выписка из протокола допроса (дело № 717) 29 июня 1920 года следователем А.Губиным ротмистра Ильяса Аликулу оглы Шахтахтинского, обвиняемого в подрывной работе:

Генерала Али агу Шихлинского знаю со времени моей службы в штабе азербайджанской армии. О его отношении к советской власти могу сказать, что он был недоволен ею. Напротив, этот старый генерал радовался некоторым неудачам Красной армии. Шихлинский симпатизировал Добровольческой армии. Когда были арестованы большевистские террористы, бросившие мину в представителей Добровольческой армии, Али ага Шихлинский с радостью и удовлетворением сказал своему адъютанту Станиславу Михайловичу Чаевскому: «Вы арестовали этих мерзавцев. Очень хорошо». Я лично слышал эти слова. Когда Красная армия находилась в Дербенте, приказал офицеру штаба азербайджанской армии Кадымову вычистить оружие и никуда не отлучаться из штаба. Причину приказа генерал Шихлинский объяснил приближением Красной армии и угрозой наступления большевиков на Баку.

Приблизительно, 15 апреля 1920 года я находился в командировке в шушинском штабе Карабахской армии. В этот период от генерала Али аги Шихлинского, временно исполнявшего должность военного министра, на имя генерала Габиб бека Салимова поступила зашифрованная телеграмма. В связи с тяжелой ситуацией он требовал отправки Губинского и Азербайджанского кавалерийских полков. Я расшифровал эту телеграмму. Генерал Салимов отправил полки и ответил, что Азербайджан не может сражаться на двух фронтах. Ничего не могу сказать о службе генерала Али аги Шихлинского советской власти. Потому что в это время я находился под арестом.

Подписал: Ильяс Шахтахтинский
Делопроизводитель:

Прочитав эти изнуряющие, полные лжи и клеветы протоколы, Нариман Нариманов освободил от должности начальника особого отдела Семена Панкрата. Естественно, после совершения стольких преступлений он был приговорен к смертной казни. Вот что написала 30 мая 1920 года издававшаяся в Тбилиси меньшевистская газета «Грузия»: «Чрезвычайная комиссия осторожно приступила к бойне, однако затем развернула бурную деятельность и провела повальные аресты. Комиссия «еще более успешно» работала под руководством матроса Панкрата. Но после приезда (16 марта 1920 года – Ш.Н.) Нариманова в Баку Семен Панкратов был ликвидирован».

Принесшая Азербайджану «свободу» XI армия 6 июня 1920

года арестовала 79 высокопоставленных азербайджанских офицеров. По указанию именно матроса Семена Панкратова они были расстреляны на острове Наргин. Среди них были генерал-губернатор Гянджи Худадат бек Рафибеков, генерал Абдулгамид бек Гайтабаши, подполковник Исмаил хан Зиядханов, генерал Ибрагим ага Усубов, генерал Амир Кязым Каджар, начальник управления полиции города Баку Гуда Гудиев, миллионер Муртуза Мухтаров, генерал Магомед Мирза Каджар, генерал-лейтенант Мамед бек Сулкевич, генерал Габиб бек Салимов, Искендер бек Сейфулин и другие представители национальной интеллигенции.

Несмотря на усталость, одна мысль не давала покоя Нариманову. Как после этой резни спасти оставшихся в живых двоих наших прославленных генералов?

Позвал помощника Нурмамедова, попросил чашку чая:

- Сильно разболелась голова, - сказал он. Затем спросил о местонахождении генералов. Шахсуваров ответил, что их одежда, внешний вид оставляют желать лучшего. После стольких дней тюремной жизни сильно исхудали. В таком виде они не хотели показываться вам на глаза. Знал, что ваш разговор с Панкратовым затянется и отправил их домой. Но, товарищ Нариманов, один пользующийся доверием человек позвонил и сообщил мне, что за генералами установлена слежка. Кажется, опять что-то затевается...

- От моего имени позвони комиссару внутренних дел Гамиду Султанову, пусть приставит охранников к их квартирам на Николаевской улице. Сам тоже отправляйся, навести их и скажи, что жду обоих в десять часов утра.

Гамид Султанов, Мухтар Гаджиев, Чингиз Ильдрым и другие близкие люди, радовавшиеся приезду Нариманова в Азербайджан, сообщили ему, что в рядах прибывшей в Баку Красной армии много дашнакских солдат и офицеров. И они, опираясь на своих покровителей Левона Мирзояна, Анастаса Микояна, Саркиса Даниляна, Серго Орджоникидзе, пользуясь различными уловками наклеивали ярлыки буржуев, мусаватистов на сыновей и дочерей Азербайджана, арестовывали и расстреливали их. Особенно после Гянджинского мятежа они видели в азербайджанцах своих непримиримых врагов.

27 апреля 1920 года большевистское правительство назначило Чингиза Ильдрма комиссаром по военно-морским делам. 30 апреля приказом номер восемь он назначает своим заместителем генерала Али агу Шихлинского. По образованию Чингиз Ильдрым был инже-

нером-строителем и не очень хорошо разбирался в военных делах. Позже в своих воспоминаниях А.Шихлинский писал: «Комиссар явился ко мне и предложил занять должность его заместителя. Я дал согласие. Тогда он улыбнулся и указал на мои погоны:

- Это придется снимать.

Я ответил так:

- Если я выразил согласие работать с вами, значит, во мне произошли внутренние изменения: а это, конечно, важнее внешних признаков» (А.Шихлинский, «Воспоминания», Баку, 1984 год, стр.191).

Работавший в должности военно-морского комиссара два месяца и семь дней Чингиз Ильдрым не мог не видеть, что большевики разрушают бывшую национальную армию, уничтожают ее солдат и офицеров. Тогда он резко высказался в адрес большевистских руководителей на военном совещании, обвинив их в неприкрытом разгроме нашей армии. Причем, делается это совершенно беспричинно. Ведь 27 апреля мы, коммунисты, вынесли на чрезвычайное заседание парламента Азербайджана резолюцию. В первом пункте восьми условий, принятых большинством голосов, записано: «Сохраняется полная независимость управляемого советской властью Азербайджана». В седьмом же пункте указывается: «Азербайджанская армия остается в прежнем виде». Почему забыли эти обещания и пункты товарищи, уничтожающие армию, расстреливающие наших офицеров?

Истребление армии вызывает большое негодование у азербайджанского народа, среди азербайджанских большевиков. Народ теряет веру в советскую власть. Если так будет продолжаться и впредь, я подам в отставку с занимаемой должности.

На вышеупомянутом совещании 4 июля Чингиз Ильдрым был снят с должности как неблагонадежный комиссар. Вместо него на этот пост 26 июля назначается верноподданный большевик Алигейдар Караев, покорно выполнявший приказы русских. Спустя несколько дней после назначения Алигейдара Караева подает в отставку его заместитель Али ага Шихлинский. Он заявил, что новый комиссар совершенно несведущ в военно-морских делах. Не желает прислушиваться к советам. Кстати, в то время азербайджанская интеллигенция дала Караеву уничижительное прозвище «бестолковый мальчишка».

После назначения Алигейдара Караева в Азербайджане еще более возросли грабежи, ссылки, расстрелы, необузданное самоуправство пьяных русских и армянских солдат.

Свидетель деятельности Алигейдара Караева в те годы, офицер-

пилот Мамед Алтунбай, бежавший на своем самолете от коммунистического режима в 1939 году, в изданной в Турции книге «Улетевший на свободу тюрок» пишет о свирепости военно-морского офицера:

«После гянджинского нашествия ставший самым лучшим человеком для пришедших большевиков Алигейдар Караев угнетал свой народ больше, чем армяне и русские. При убийствах, изгнании, арестах ряда азербайджанцев, русские пользовались услугами Алигейдара Караева. Дошло даже до того, что в Гяндже жители проклиная кого-либо говорили: чтобы ты подвергся наказанию Алигейдара Караева. Алигейдар Караев был безжалостным, бессердечным большевистским слугой, жестоким человеком».

Нариманов неожиданно оказался в тяжелой ситуации. Что делать, как спасти генералов? Эти вопросы не оставляли его в покое. Искал единомышленника, верного друга, чтобы выложить накопившееся на душе, получить дельный совет. После долгих и мучительных размышлений пришел к категорическому мнению: в это смутное время невозможно оставить генералов в Баку, обеспечить их надежную защиту.

На следующий день принял военачальников, имел с ними продолжительную беседу. Выразил сожаление по поводу несправедливого ареста, царящего произвола, поздней отправки его из Москвы в Баку.

Вначале с почтением как к аксакалу, обратился к генералу Самедбеку Мехмандарову:

- Самед бек, после событий в Гяндже чувствую, что положение в уездах нехорошее. Из мест поступают много жалоб. Все они о плохом обращении Красной армии с местным населением. С целью проверки некоторых писем со специальной комиссией выехал в регионы. Самоуправство солдат и офицеров Красной армии в Евлахе, Шеки, Закаталах и других районах некоторые высокопоставленные лица считают обычным явлением. Я не выдержал, раскритиковал и наказал нарушителей. Оттуда сразу направился на родину ваших предков – Шушу. Поверьте, положение там весьма прискорбное. Поэтому послал в центр телеграмму следующего содержания:

«Во время посещения сел республики мне в массовом порядке поступали жалобы, это продолжается и сегодня. Крестьяне жалуются, что представители революционных комитетов, продагенты и военно-служащие частей XI армии лишают их последнего куска хлеба.

Считаю это равнодушием и преступным отношением револю-

ционных комитетов к своим обязанностям. Это относится и к частям XI армии и этому безобразию как можно скорее надо положить конец».

Еще одно письмо с жалобой полномочный представитель Азербайджана в Москве Бехбуд бек Шахтахтинский передал председателю СНК РСФСР В.И. Ленину. В нем упомянуто о разоружении XI армией мусульманского населения на границах с Арменией, угрозе нападения на них со стороны дашнаков. В письме говорится:

«Мусульманское население разоружается, а дашнакские вооруженные формирования безжалостно предают мечу и уничтожают мусульманских крестьян. Сельчане бросают свои сады, посевы, имущество, спасаются бегством в горы. Из-за непрерывных экспроприаций и, особенно, коммунализации жилищ, мусульманское население приходит в отчаяние. Потому что это полностью противоречит быту и укладу жизни народа. Происходящее рассматривается как тяжелое оскорбление устоявшихся веками обычаев и традиций.

...Красная армия вначале достойно себя вела, сейчас же она напоминает реакционеров. С мест поступают потрясающие известия. Дело дошло до того, что красноармейцы открыто насилуют девушек и женщин. Обходившийся собственным хлебом Азербайджан сейчас остался без хлеба» (Цитата взята из книги Б.Рафиева «Подводная часть айсберга», Баку, 1994, стр.14).

Стоящие во главе всего этого командиры и руководители предоставили местным революционным комитетам такие полномочия, что они не считаются с азербайджанским правительством, командиры воинских частей проводят колонизаторскую политику. Будучи в Шуше, посетил называемое «армейским клубом» здание. Что я там увидел? Пьянство и веселье. На роскошных коврах в большом зале имения карабахского правителя Мехтигулу хана хмельные офицеры развлекаются в обществе армянских женщин, танцуют, слушают музыку.

Внимая словам Нариманова, Самед бек вспомнил отцовское поместье в Шуше. Не отважился спросить, посещал ли Нариманов их родовое имение. Побоялся услышать ответ: «ваше имение превращено в солдатскую казарму». Самед бек был бы потрясен, если бы узнал во что превращена солдатами-оккупантами красавица гор Шуша. Нариманов что-то разъяснял Али аге. Самед бек ничего не слышал, он предался своим воспоминаниям. Возвращавшийся в Шушу из Ленкорана на два-три дня Садых бек, всегда брал с собой и маленького сына

Самед бека. Прогуливаясь по спускам-подъемам, показывал мальчику кварталы, величественные строения и говорил: «Сынок, это квартал Кочарли, это дом Везириных, а здесь имение ханской дочери Натаван. А это дворец Ибрагимхалил хана, правившего Карабахом на протяжении сорока лет. Сынок, все проживающие здесь твои близкие или дальние родственники».

Оторвавшись от воспоминаний, Самед бек подумал: «Хорошо не спросил у председателя о нашем имении. А вдруг он скажет, что его превратили в конюшню. Это бы несказанно опечалило меня».

Нариманов выразил сожаление, что не удалось спасти от большевистской расправы двенадцать азербайджанских генералов. Сказал, что лично знал каждого из них. Самед бек поднял голову, в первый раз посмотрел ему в лицо. Тихо, горестно промолвил:

- Знаете, сколько лет было генералу Абдулгамид беку Гайтабаши? – сам же с сожалением ответил. – Тридцать четыре года. Азербайджанский народ потерял молодого, очень талантливого военачальника. Не доживший до тридцатидевятилетия генерал Габиб бек Салимов даже не обзавелся семьей. Каждый раз, когда по-отечески упрекал его, говорил, отчего не женишься, ведь проходят годы, сынок, он отвечал: «Самед бек, вот воцарим справедливость в мире, тогда и...» А теперь вместо справедливости наступил конец света...

Старый генерал белым платком вытер выступившие слезы.

Установившуюся гнетущую тишину нарушил Нариман Нариманов:

- Али ага, знаете в чем вас обвиняли? Матрос Семен Панкратов ложно утверждал, что вы будто звали белогвардейца Деникина в Азербайджан. В документах об аресте столько всякой бессмыслицы...

Не дав председателю закончить, резкий по характеру генерал Али ага Шихлинский сказал:

- Товарищ Нариманов, к чему вся эта канитель? До вашего прихода в Азербайджан нас трижды подвергали аресту. Пусть расстреливают и дело концом. До каких пор будем гнить и кормить вшей в тюремных камерах?

Виноватым голосом Нариманов откликнулся:

- Али ага, видать, ты не знаешь себе цену. Ведь тебя в русской армии все называют «богом русской артиллерии». Надо понять, для воспитания одного генерала нашему народу требуется пятьдесят лет! В таком случае, зачем мы должны допускать истребление наших полководцев?

Затем обратился к Самед беку:

- Вы знаете о нынешней обстановке в республике. В настоящее время налицо враждебное отношение к нашей интеллигенции, солдатам и офицерам. Я ничего не стану скрывать от вас. Поэтому принял решение отправить вас на год, до установления здесь стабильности в Москву, в распоряжение товарища Ленина. Конечно, если вы согласны... Хотя, вы сейчас очень необходимы в Азербайджане. Повторяю, этого требует ситуация. Другого пути нет.

Получив согласие, председатель Азревкома Нариман Нариманов вместе с письмом В.И.Ленину отправляет обоих военачальников в Москву в отдельном вагоне и в сопровождении отряда охранников. В письме он пишет:

«Дорогой Владимир Ильич!

Во время Гянджинского мятежа были арестованы все офицеры старой азербайджанской армии. Предоставляющие вам это письмо знаменитые генералы Мехмандаров и Шихлинский находились среди них. В результате тщательной проверки выяснилось, что эти генералы не имеют отношения к мятежу. Однако, до успокоения наших позиций и с целью оказать помощь нашему общему делу пришли к мнению отправить их в ваше распоряжение для штабной работы, потому что они бесценны как военные специалисты. Одного из них – Шихлинского считали «богом артиллерии» в николаевской армии. Пусть они остаются в Москве до окончания польской кампании. Затем попрошу Вас отправить их сюда для организации наших воинских частей. За это время их надо окружить заботой.

С коммунистическим приветом:

Н.Нариманов, 1 августа, 1920 года»

Отзывчивый Нариман Нариманов 31 июля за собственной подписью выдал обоим генералам следующий документ:

«Представляющий этот документ товарищ Али ага Шихлинский для отправки в будущем на боевой фронт Азербайджанским революционным комитетом направляется в Москву – в распоряжение Военно-революционного совета РСФСР.

Все военные и гражданские управления, отдельные лица на протяжении всего пути призываются оказывать законную помощь товарищу Али аге Шихлинскому для беспрепятственного проезда до места назначения.

Принадлежащие товарищу Али аге Шихлинскому предметы и продовольствие не подлежат конфискации и реквизиции.

**Председатель Азербайджанского
революционного комитета**

Нариман Нариманов

Управляющий делами.....подпись

Таким образом, оба генерала были спасены от дашнакско-большевистской угрозы в Азербайджане. Год и два месяца они жили в Москве, занимались преподавательской деятельностью в Высшем артиллерийском училище.

18 ноября 1921 года по просьбе и ходатайству Наримана Нариманова оба генерала вернулись в Баку.

ЭПИЛОГ

*Да, если желаете оставить доброе имя, не живите
лишь для себя и своей страсти, трудитесь для общей и
совместной цели.*

Нариман Нариманов

Нариман Нариманов вызволил из рук большевиков не только этих двоих генералов. За короткий период пребывания на посту председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджанской Республики ему удалось уберечь от гибели генерала Фиридун бека Везирова, генерал-губернатора Хосров бека Султанова, полковника Гярай бека Векилова и многих других офицеров, представителей интеллигенции.

После большевистско-дашнакской оккупации в 1920 году, опасаясь оставаться в Баку, Мамедэмин Расулзаде уехал в дальнее село Лагич. 16 мая того же года Нариман Нариманов возвращается из Москвы в Баку и проявляет инициативу по спасению М.Расулзаде из большевистско-дашнакских когтей. Мамедэмин Расулзаде признает этот факт в своем произведении «Воспоминания о разногласиях со Сталиным» (стр.23).

Он пишет:

«В 1920 году на первой странице июньского номера газеты «Коммунист» было опубликовано официальное сообщение за подписью председателя Советского правительства Азербайджана доктора Наримана Нариманова: «С целью защиты Мамедэмина Расулзаде от всяких угроз в провинциях, советское правительство вынесло решение о его переезде в столицу. Здесь его жизнь находится под защитой, рекомендуем населению удостовериться в этом и не тревожиться».

На 24-й странице той же книги Мамедэмин Расулзаде пишет:

«...Во главе с доктором Нариманом Наримановым все авторитетные лица советского Азербайджана заявляли «С головы Мамедэмина не должен упасть ни один волос!»»

В тот период Нариман Нариманов оказывал всемерную поддержку и внимание нашей интеллигенции. Дочь известного ученого-литературоведа Салмана Мумтаза Шахла ханум пишет об одном связанном с ее отцом происшествии, свидетелем которого являлась:

«...В начале 1920 года близкий друг отца сообщил ему, что у кого-то в Баладжарах хранится редкая рукопись. Отец поставил нас в известность и торопливо собрался в дорогу. Едва он пришел на вокзал, поезд тронулся. Побежал, схватился рукой за поручень поезда. Другой рукой не успел зацепиться и поезд потащил его за собой. Сбежавшимся местным жителям удалось остановить состав.

Увидев приближение фаэтона, подошла к воротам дома. Вижу, одежда отца изорвана в клочья. Он весь в пыли. Несколько человек вынесли его из фаэтона, доставили домой. Больше месяца он не вставал с постели. После этого случая очень тяжело передвигался.

В 1921 году он вновь поехал за рукописью в Баладжары и на этот раз заболел тифом. Узнавший об этом Нариман Нариманов приехал к нам. После его посещения к отцу приставили врача, в доме соорудили ванную комнату и провели телефон. Из-за множества дел Нариманов нечасто приходил к нам, но по телефону они переговаривались каждый день. Нариман Нариманов называл моего отца «ключом к литературе Востока» (из статьи Шахлы ханум Мумтазаде «Память», газета «Ədəbiyyat və incəsənət» («Литература и искусство», 30 ноября, 1974 год).

ГЕНЕРАЛЫ - СЫНЫ ДИНАСТИИ КАДЖАР

В Азербайджане есть немало династий, семейств, которые известны своими выдающимися личностями - врачами, инженерами, деятелями науки, искусства. Особое место в этом ряду занимают военные.

В период существования Российской Империи и Азербайджанской Демократической Республики из рода Кенгерли из Нахчывана вышли пять, из рода Бакихановых - три, Ядигяровых - четыре, Джаваншировых - четыре, Талышхановых - пять, Шихлинских - два, Нурзузовых - три, Каджаров - восемь генералов.

Исторические источники позволяют сегодня с гордостью поведать о славных сынах рода Каджаров. Они, как и представители некоторых других Огузских родов, сыграли важную роль в истории Ближнего и Среднего Востока. Мощью рода Каджаров были заложены основы азербайджанского Сефевидского государства. Полководцы этого рода управляли бейлярбекствами Карабаха и Гянджи. Семь сынов из династии Каджар были шахами Персии в период с 1796 по 1925 год: Ага Магомед шах (1796-1797), Фатали шах (1797-1834), Мухаммед шах (1843-1848), Насреддин шах (1848-1896), Мюзаффараддин шах (1896-1907), Мухаммедали шах (1907-1909) и Ахмед шах (1909-1925). Это была последняя тюркско-азербайджанская династия, правившая Ираном.

С 1804 года героически боролись против оккупационной армии России представители рода Каджаров - полководец принц Гасан хан из Иревана, Джавад хан из Гянджи.

Видный историк Аббас Кулу ага Бакиханов писал: «Каджары – это племя джалаидских тюрок из числа тех 200 тысяч семейств, которые были переселены Хулагу ханом (внуком Чингиз хана) в Персию. В «Маасири султанийе», рассказывающем об истории Каджаров, говорится: «Сартак – один из влиятельных лиц этого племени, был наставником Аргулу хана и правителем Хорасана и Табаристана. Он имел сына по имени Каджар, от которого и пошло это племя. Часть Каджаров некогда переселилась в Анатолию и Сирию. Эмир Теймур (Тамерлан) переселил 50 тысяч семейств Каджаров в Кавказский край и поселил их в Ирване, Гяндже и Карабахе, где они в течение времени еще более умножились. Это от них произошли Иреванские и Гянджинские ханы, из которых последние, по имени Зияд-оглы, раньше

были владыками земель от Худаферинского моста до деревни Шулавер, что выше Красного моста в Грузии».

Выдающийся представитель Каджаров принц Абдулсамед Бахман Мирза Аббас Мирза оглы (1811-1883) был больше известен нашему народу как ученый – историк. Он является автором таких произведений как «Шукурнамеи-Шахиншахи», «Летопись-Магомедшахи», «Краткий историко-географический и этнографический справочник». Он был отцом многочисленного семейства. От 16 законных браков принц Бахман Мирза имел 63 детей - 31 сыновей и 32 дочерей. Всем своим потомкам он дал высшее образование, вырастил для нашего народа достойных личностей. Восемь сыновей его из тридцати одного: Рзакулу Мирза, Амир Кязым Мирза, Аманулла Мирза, Фейзулла Мирза, Мухаммед Мирза, Махмуд Мирза, Абдулсамед Мирза и Шафихан Мирза Каджары носили позолоченные генеральские эполеты.

Генерал принц Амир Кязым Мирза Каджар (1853 – 1920)

*Много есть у истории горьких вестей;
Сколько было убито наших людей!
Самед Вургун,
народный поет*

Из тридцати одного сына принца Бахман Мирзы восемнадцать состояли на военной службе. Каковой же была послесоветская судьба этих незаурядных личностей, сумевших пережить установление Советской власти?

В архивах сохранились документы о службе пятнадцати Каджаров в армии Азербайджанской Демократической Республики. В 1918 г. полковник Хосров Мирза Каджар был командиром Первого кавалерийского полка. Полковник Сейфулла Мирза Каджар был начальником Интендантской службы Главного Штаба. Рапорт, написанный генералом Амир Кязым Мирзой Каджаром на имя военного министра Самед бека Мехмандарова, хранится в Центральном государственном архиве новой истории Азербайджана. Документ от первого декабря 1918 года выдержан в глубоко патриотическом духе, в нем содержатся не раскрытые до сих пор страницы жизненного пути Амир Кязым Мирзы Каджара.

«Его величеству, господину военному министру.

Уважаемый господин Самед бек, к сожалению, прибыв в Баку, я не смог сообщить Вашему величеству свою просьбу. Причиной этому было переезд Военного Министерства в Гянджу.

Очень сожалею, что не смог с Вами встретиться. Прибыв в Баку, я не смог Вас найти. Потому, что в связи с вашими служебными работами Вас временно не было в городе. Я получил телеграмму о болезнях сына и дочери. Возвращаюсь в город Тифлис. С Вашего позволения я письменно к Вам обращаюсь, и пишу сей рапорт.

Я тридцать четыре года был на военной службе. И участвовал в двух военных компаниях: в русско-турецкой войне 1877-78 годов и русско-японской войне. По личной просьбе был отправлен на фронт и участвовал в боях в звании подполковника. После нескольких боев был поощрен и заслужил звание полковника.

За время службы я завершил два образовательных курса войсковых частей: Курсы учебной Кавказской кавалерийской роты и курсы офицерской школы кавалеристов. И каждый курс - в числе отличников, с поощрением.

Некоторое время находился в отставке, однако как человек военный, всегда интересуюсь военными делами, слежу за военной литературой. Поэтому, чувствую, что я как военный, знакомый с современными требованиями и обладающий, в достаточной мере, физической силой, готов выполнить все обязанности по службе.

Полную информацию о моей воинской службе можно получить из послужного списка, который я представил в штаб Азербайджанского корпуса.

Ваше превосходительство, привлечение меня к сколь-нибудь полезному делу для народа в это тяжелое для Родины время помогло бы также улучшить ослабевшее экономическое состояние моей семьи.

Прошу Вас поручить мне любую генеральскую должность (генерал надзора или генерал свиты) или же иную должность по Вашему усмотрению, каком – либо военном учреждении Азербайджана

Ожидающий Вашего доброжелательного решения о себе, Ваш покорный слуга генерал-майор принц Амир Кязым Мирза Каджар».

В одном из документов, хранящихся в Государственном архиве Азербайджана, говорится об участии тюркских и деникинских офицеров в восстании в Гяндже. Артиллерийской частью восставших командовал деникинец, полковник Николаев. Одним из руководителей восстания был офицер бывшей мусаватской армии Мухаммед Мирза Каджар.

После подавления восстания началась трагедия рода Каджар. Сына принца Бахман Мирзы - генерал-майора Амир Кязым Мирзу большевики убили в Гяндже. Его внука, подполковника Садреддина Мирзу арестовали в июне 1920 года и вместе с 23 офицерами мусаватской армии сослали в Архангельскую область.

Генерал – майор Аманулла хан Мирза переехал в Иран, жил в Тегеране.

Я смог встретиться с одним из представителей этого интеллигентного рода, обогатившего выдающимися личностями военную историю, просвещение и культуру Азербайджана. Академик Национальной Академии Наук Азербайджана Чингиз Каджар хранит у себя редкие рукописи, ценные фотографии и различные предметы, оставшиеся от предков. Один из них принадлежал генерал-майору Амир Кязым Мирзе Каджару. За 25-летнюю безупречную службу он был награжден настольными часами, на которых установлена бронзовая фигура всадника. На часах написано: «За отличную службу Амир Кязым Мирзе». Часы, озвучивающие марш 44-го Нижегородского полка, работают до сих пор. Этот ценный подарок генерал Амир Кязым Мирза получил 16 декабря 1898 года.

Родился он 1 мая 1853 года в городе Шуше. Образование получил в Тифлисской классической гимназии, а в 20 лет окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. В 1871 году офицер Амир Кязым в чине корнета был направлен на военную службу в 44-й Нижегородский полк Отдельной Кавказской армии. За безукоризненную службу он был награжден орденами и медалями Российской Империи. В семидесятые годы XIX века офицер Амир Кязым Мирза стремительно рос по службе и не раз удостоивался наград. В 1879 году он был награжден орденами «Святая Анна» третьей степени, «Святой Станислав» второй степени, а через шесть лет – орденом «Святой Владимир» третьей и четвертой степеней, в 1890 году - орденом «Шире - Хоршид» четвертой степени (Иран).

Он в числе избранных кавалеристов в 1881 году участвовал в церемонии коронации императора Александра Третьего. В 1885 году полковник-кавалерист Амир Кязым Мирза был назначен командиром эскадрона.

В том же году он был награжден орденом Бухарского Эмирата «Сияющая Звезда» третьей степени.

В 1904-1905 годах Амир Кязым Мирза во главе Амурского казачьего кавалерийского полка сражался за Порт-Артур. За отвагу, про-

явленную в этих боях, он получил звание полковника и удостоился ряда орденов и медалей, а в 1905 году он получил золотое оружие с благодарственной надписью.

В 1902 году полковник Амир Кязым Мирза стал первым заместителем командира дивизии, а 2 марта 1909 года уволился со службы в звании генерал-майора.

Генерал принц Амир Кязым Мирза был не только военным. Он активно участвовал в просвещении нашего народа, при его материальной поддержке в Тифлисе и других регионах были открыты начальные школы, из личных средств он оплачивал обучение детей бедных семей. В 1910 году генерал-майор Амир Кязым хан Каджар был избран почетным членом Благотворительного Общества Кавказских мусульман. Одним из его наиболее значимых заслуг стало непосредственное участие в организации в 1912 году в Тифлисе Азербайджанского драматического общества и открытия помещения для спектаклей. 100-летний юбилей М.Ф.Ахундова в 1911 году прошел под председательством Амир Кязым Мирзы Каджара.

В 1913 году в журнале «Молла Насреддин» было напечатано стихотворение Маммедали Абдулманафзаде «Гимназист». Царские чиновники и черносотенцы подали на журнал в суд. Известный ученый – литературовед Фиридун бек Кочарли, вице – консул Ирана в Тифлисе Мирза Мухаммед хан и генерал Амир Кязым Каджар, как знатоки мусульманской литературы, приняли участие в суде и сумели защитить журнал.

1 декабря 1918 года генерал Амир Кязым Каджар был назначен военным комендантом города Гянджи.

В 1920 году (май - июнь) генерал Амир Кязым хан Каджар сражался против дашнакско-большевистских сил, попал в плен и был зверски убит кинжалом председателя Чрезвычайного Комитета города Гянджи Тухарели.

Генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар (1872-1920)

Вспоминайте прошедшие времена, не забывайте деяния прошлых поколений. Деятельность авторитетных родов должны быть уроком для сегодняшней молодежи.

Народная мудрость

Фейзулла Мирза Каджар родился 15 декабря 1872 года в городе Шуша, в семье генерала Шафи хан Мирзы. Четыре его дяди Рзакулу Мирза, Амир Кязым Мирза, Аманулла хан Мирза и Мухаммед Мирза были генералами царской армии России. Он - первый среди их племянников, заслуживший звание генерала. Погиб в бою против большевиков во время Гянджинского восстания в 1920 году. Принц Фейзулла Мирза Каджар окончил Николаевскую школу кавалеристов в Петербурге в звании корнет. В 1904 – 1905 годах он участвовал в обороне Порт – Артура.

В звании подъесаул (капитан в казачьем войске) он участвовал в боях в составе Второго Дагестанского полка, которым командовал генерал кавалерии Гусейн хан Нахичеванский.

8 апреля 1912 года бывший командир Второго Дагестанского конного полка генерал-майор Гусейн хан Нахичеванский в своем обращении на имя начальника Военно-походной канцелярии генерала-майора князя В.Н. Орлова отмечал, что «...ротмистр Тверского 16-го Драгунского Е.И.В. Наследника цесаревича полка персидский принц Фейзулла Мирза Каджар служил во Втором Дагестанском конном полку с дня его формирования. По своим служебным и нравственным качествам считаю его выдающимся и отличным офицером во всех отношениях. По боевым качествам считаю его также выдающимся: участвуя во многих делах, он неоднократно выказывал замечательную храбрость и мужество. В особенности он отличился в боях Сандепу, где 14 января 1905 году под Ландунгоу, временно командуя первой сотней, участвовал в конной атаке Дагестанского полка и был тяжело ранен в ногу». Далее Гусейн хан Нахичеванский писал: «Полагаю ротмистра принца Фейзулла Мирзу Каджара вполне достойным производства вне очереди в следующий чин со старшинством с 26 февраля сего года». (Э.Э.Исмаилов. Георгиевские кавалеры - азербайджанцы.

Москва, 2005, стр.208).

В 18-ом номере журнала “Нива”, изданном в том же году, помещена фотография нашего храброго земляка.

В 1912 году Фейзулла Мирза Каджар служил в 16-ом Тверском драгунском полку в звании ротмистра. В годы в первой мировой войне он был командиром Чеченского кавалерийского полка и, сражаясь на переднем крае фронта, приобрёл славу бесстрашного командира.

26 февраля 1916 года Бакинская газета «Каспий» писала: «Командир Чеченского кавалерийского полка, награжденный орденом Святого Георгия четвертой степени, принц подполковник Фейзулла Мирза Каджар по собственной инициативе 15 декабря 1915 года взял на себя ответственность командования четырьмя взводами Уманского казачьего полка, в рядах которых был всего один офицер. Отважный командир Фейзулла Мирза Каджар, искусно пользуясь стрельбой пулеметов и ружей, без потерь отбил у врага деревню Брин. Очистивший от врагов значимую для боевых действий территорию, храбрый командир Фейзулла Мирза Каджар награжден орденами «Святого Владимира» четвертой степени (с мечами), «Святой Анны» второй степени (с мечами и бантом). Принц также получил звание полковника».

За необыкновенную отважность и смелость, проявленные во время Первой мировой войны, принц Фейзулла Мирза Каджар 30 сентября 1917 года был назначен командиром Первой Кавказской кавалерийской дивизии, сформированной из мусульман Кавказа. 7 мая того же года принц Фейзулла Мирза Каджар получил звание генерал – майора. Уместно будет отметить, что впервые информацию о генеральском звании принца Фейзулла Мирзы Каджара мы нашли в военно-энциклопедической книге К.А.Залесского «Кто был кто в Первой мировой войне», изданной в Москве в 2003 году (стр. 876).

30 мая 1917 года Фейзулла Мирза Каджар был назначен командиром второй бригады Кавказской Туземной конной дивизии. В бригаду входили два конных полка – татарский (азербайджанский) и чеченский. 21августа 1917 года дивизия была переформирована в Кавказский Туземный конный корпус с двумя дивизиями в составе. Генерал-майор Фейзулла Мирза Каджар был назначен начальником первой дивизии корпуса. «... В те утренние часы генерал-майор принц Фейзулла Мирза Каджар, накануне переправившийся со своей второй бригадой через реку Ламницу у деревни Подхорники, следовал на Калуш, у которого шел ожесточенный бой. И тогда на пути Чечен-

ского и Татарского конных полков оказался отступающий «в беспорядке под напором контратаки противника 466-й пехотный полк». Решительными мерами и «силой убеждения» генерал Каджар сумел привести «части растерявшегося полка в порядок, ободрил их и вновь направил в окопы», а затем продолжил выполнять свою задачу». (Опрышко О.Л. «Кавказская конная дивизия. 1914-1917: Возвращение из забвения». Нальчик, 1999, стр. 358). При описании боя автор ссылается на приказ по дивизии.

После большевистского переворота в России генерал принц Фейзулла Мирза Каджар выразил желание служить в Азербайджанской Национальной армии. Прибыв в Гянджу 23 декабря 1918 года, он обратился Начальнику Генерального Штаба:

«Желая продолжить военную службу, прошу принять меня в ряды Азербайджанской армии.

*Генерал – майор принц
Фейзулла Мирза Каджар,
город Гянджа»*

9 января 1919 года по приказу № 20 Военного министра, полного генерала артиллерии Самед бека Мехмандарова и Начальника Генерального Штаба полковника Габиб бек Салимова генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар был назначен начальником Гянджинского гарнизона.

В апреле 1920 года большевистско–дашнакские силы оккупировали нашу страну. В Гяндже, как и в других регионах страны, храбрые солдаты и офицеры Азербайджанской армии не смирились с ситуацией и отказались подчиняться оккупантам. Вооруженные жители Гянджи подняли восстание.

В этих тяжелых боях, длившихся неделю, погибли доблестно отстаивающие независимость Родины три генерала из рода Каджаров – Амир Кязым Мирза, Мамед Кули и Фейзулла Мирза.

Известен и такой факт. Участвовавший в Гянджинском мятеже генерал – майор Фейзулла Мирза Каджар попал в плен, был арестован и отправлен в Баку. Решением Революционного военного совета большевиков за службу при мусаватском правительстве он был расстрелян на острове Наргин.

Генерал принц Фейзулла Мирза Каджар был женат на Хуршид бейим Нахичеванской, которая была племянницей генерала от кавалерии Гусейн хана Нахичеванского и внучкой генерал – майора Кял-

балы хана Нахичеванского. От этого брака у них был единственный сын – принц Шафи хан Мирза Каджар, который родился 29 июня 1909 года в Москве.

Генерал – майор Мамед Кули Мирза Каджар (1872 – 1920)

Мамед Кули Мирза Каджар является сыном принца Бахман Мирзы от пятой супруги Чичек ханум и младшим братом генерала Аманулла хан Мирзы (1862 – 1937). Родился он 11 июня 1872 году в Шуше. Погиб в 1920 году во время Гянджинского мятеже, сражаясь против дашнако – большевистских войск.

«Образование получил в Симбирском кадетском корпусе и в Третьем Александровском военном училище. На службу вступил 1 сентября 1892 года в 21-ю пешую артиллерийскую бригаду. 6 мая 1908 года государь император всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святой Анны третьей степени подьесаулу третьей Кубанской казачьей батарееи Персидскому Принцу Мамед Кули Мирзе.

10 октября 1913 года государь император всемилостивейше соизволил пожаловать за отличное окончание в 1912 году курса Офицерской артиллерийской школы орден Святого Станислава второй степени войсковому старшине Принцу Мамед Кули Мирзе». (Э.Э.Исмаилов. «Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи». Москва, 2009 г., стр. 226)

Генерал принц Мамед Кули Мирза Каджар всегда был на переднем крае фронта. Он провел успешные операции против дашнако – большевистских войск. Обеспокоенный усилением вражеской силы в Карабахе, 24 января 1920 года дальновидный генерал Мамед Кули Мирза Каджар отправил телеграмму Начальнику Генерального Штаба генерал-лейтенанту Мамед беку Сулькевичу и попросил дополнительную помощь: “Сообщаю Вам, что в Карабахском губернаторстве со стороны армян создается очень серьезное и, можно сказать, мятежное положение. Требуется большая и серьезная сила. Начальнику Ханкендинского гарнизона этого говорить нельзя, в противном случае, местные армяне могут захватить Аскеран и Шушу. Против армян необходимо принять категоричные меры”.

Приказом № 320 от 25 июня 1919 года командующему Первой артиллерийской бригадой Первой пехотной дивизии Национальной

армии Азербайджана полковнику Мамед Кули Мирза Каджару было присвоено звание генерал-майора.

Приказ № 1 от 30 ноября того же года, подписанный Военным министром Самед бек Мехмандаровым и Начальником Генерального Штаба генералом Габиб бек Салимовым, является одним из редких документов о полководческой деятельности генерала принца Мамед Кули Мирзы Каджара. В приказе говорится:

«Из донесения помощника Военного министра становится ясно, что в период временного командования Первой Пехотной дивизией принц Мамед Кули Мирза, он, исполняя обязанности начальника Гянджинского гарнизона, приложил много усилий по формированию батальона, отправке его по назначению, а также проделал большую работу по обеспечению войсковых частей теплой военной одеждой. В этой связи я выражаю ему искреннюю благодарность».

За образцовую службу за период с 1910 года до начала Первой мировой войны командир батареи 1-го Кубанского Его Императорского высочества Великого Князя генерал – фельдмаршала Михаила Николаевича казачьего полка подполковник Мирза Каджар был награждён орденом «Святой Анны» II степени (с мечами) и тем же орденом IV степени (с надписью «За храбрость»).

Назначенный главой местного правительства в период Гянджинского мятежа 1920 года, Мамед Кули Мирза Каджар стал одним из организаторов противодействия большевикам и сложил голову в этой борьбе.

Генерал принц Аманулла хан Каджар (1857 – 1937)

Еще одним генералом - представителем рода Каджаров является принц Аманулла хан Каджар. Он был на четыре года младше брата Амир Кязым хана. К сожалению, фактов о его жизни и деятельности у нас не так уж много. О военной деятельности Аманулла хана писали газеты «Kafkaz», «Kaspi», «İrşad», которые издавались до революции 1917 года.

Родившийся 8 января 1857 года в Шуше принц Аманулла хан Каджар окончил кадетский корпус в Петербурге. Службу начал 19 июля 1879 в звании поручика. Аманулла хан был назначен командиром девятого пехотного батальона Кубанского казачьего полка. 6

мая 1900 года за примерную службу в составе казачьего батальона Аманулла хан Бахман Мирза оглы получил звание есаул (майор в казачьем войске). Боевая деятельность отважного кавалериста во время первой мировой войны была оценена орденами Святого Владимира третьей степени, Святой Анны второй степени, Святого Станислава третьей степени.

25 апреля 1915 года командиру третьего пехотного дивизиона Кубанского казачьего полка было присвоено звание полковника. Раненный в ногу в ходе боя Аманулла хан был отправлен в тыл, однако службу он не оставил.

В 1916 году в боях за деревню Мархоновка батальон полковника Аманулла хан Каджара, укрепившись на занятой позиции, штыковым боем атаковал вражеские окопы, взял в плен большое количество солдат и офицеров неприятеля. За эту удачную боевую операцию высочайшим указом от 5 ноября 1916 года полковник Аманулла хан Каджар был награжден Георгиевским оружием.

В 1917 году за безупречную службу в действующих частях Кубанского казачьего войска принц Аманулла хан Каджар удостоился звания генерал – майора.

После февральской революции 1917 года он вернулся на Кавказ и некоторое время жил в Тифлисе и Шуше. В 1918 году, когда создавалась Национальная армия Азербайджанской Демократической Республики, он обратился с рапортом к военному министру:

«Учитывая мое желание принести большую пользу армии Республики, прошу обеспечить меня соответствующей работой. Одновременно сообщаю вам, что обладаю боевым опытом, который я приобрел за 35 лет непрерывной офицерской службы офицера, участвуя в русско- японской и мировой войнах. В делах Отдельного Азербайджанского корпуса имеются документы о моих назначениях и личное дело. Служебная книжка хранится в Штабе названного корпуса.

*С уважением генерал – майор принц
Аманулла хан Мирза Каджар.
город Гянджа»*

Генерал Аманулла хан Каджар был назначен заместителем командира Первой конной дивизии, расположенной в Ханкенди, и начальником местного гарнизона. Он храбро сражался против дашнакской армии, неожиданно напавшей на местный гарнизон 21 марта

1920 года. Не смирившись с апрельской сменой власти и предвидя большевистскую опасность, Аманулла хан в 1920 году эмигрировал в Иран. Живя в Тегеране, генерал – майор Аманулла хан Мирза Каджар преподавал в военной школе и участвовал в создании регулярной армии Ирана. Как депутат Национального Меджлиса Ирана, он был избран председателем Общества ирано-советской дружбы. Генерал – майор Аманулла хан Мирза Каджар скончался в Тегеране в 1937 году.

Генерал принц Рзакули Мирза Каджар (1837 - 1894)

Он второй сын известного историка Бахман Мирзы Каджара. Родившийся 14 августа 1837 года в Южном Азербайджане принц Рзакули Мирза Каджар, в 1848 году вместе с отцом прибыл в Тифлис и получил образование в местном кадетском корпусе, где учились дети дворян. Принц Рзакули Мирза Каджар долгое время служил в Отдельной Кавказской армии. Он был командиром эскадрона в лейб-гвардии Императорского полка. 4 февраля 1860 года получил офицерское звание корнет. В 1862 и 1864 годах участвовал в военных походах против восставших горцев.

В 1873 году за отличие на службе принц Рзакули Мирза Каджар получил звание полковник и был командирован в Туркестанский военный округ.

Во время Русско - турецкой войны 1877 - 1878 годов он командовал бригадой и участвовал в бою за крепость Баязет. Вернувшись после войны на Кавказ, полковник занимался формированием кавалерийских полков в Елизаветполе и Закаталах.

15 мая 1883 года принц Рзакули Мирза Каджар получил звание генерал-майора кавалерии.

Известно, что принц Рзакули Мирза занимался литературным творчеством. Он переписывался с востоковедом Адольф Петровичем Берже, великим драматургом Мирза Фатали Ахундовым, государственным советником, востоковедом Александром Щербиным, В. Гриммом, Марией Поллан и другим известными личностями. Принц Рзакули Мирза помог М.Ф.Ахундову в издании философского трактата «Kəmalüddövlə məktubları» («Письма Кемал-уд-довле») и алфавита. Драматурга и генерала связывали также родственные узы -

младший брат Рзакули Мирзы, полковник Ханбаба хан (1849 – 1926) был женат на дочери М.Ф.Ахундова Сейрабейим. После скоропостижной кончины супруги он женился на ее младшей сестре Нисаханум. Принц обладал поэтической натурой. Свои глубоко содержательные письма он подписывал «Принц Рзакули Мирза Иреванни».

Из письма гражданского советника А.Г.Шербина Мирзе Фатали Ахундову от 14 мая 1877 года: «Недавно от В. Гримма узнал приятную новость и считаю своим долгом Вас поздравить. Я рад, что принц Рзакули Мирза назначен командиром бригады двух кавалерийских полков». (В XIX веке в царской армии эта должность была между установленными званиями полковника и генерала).

Из письма Рзакули Мирза Каджара Марие Поллан, отправленного из Петербурга 28 января 1876 года: «Вам, наверное, известно, что меня отправляют в Кавказскую армию. 15-го числа я еду из Шуши в Иревань. Я назначен туда по приказу наместника Кавказа Его Высочества Великого князя. В Тифлисе у меня есть родственник. Это - полковник Мирза Фатали Ахундов, тесть моего любимого брата поручика Ханбаба хана. Я очень люблю его за прекрасные качества и представляю его вашему высочеству».

За сорок лет достойной службы в регулярной армии генерал – майор принц Рзакули Мирза Каджар был награжден высшими орденами Империи. Его заслуги перед государством отмечены орденом «Святой Анны» с бриллиантовым камнем (1861), орденом «Святого Станислава» - первой, второй и третьей (с мечами и бантом) степеней (1862, 1868, 1892), орденом «Святой Анны» - второй и третьей степеней (с мечами, 1865, 1877), орденом «Святого Владимира» третьей и четвертой степеней (1875, 1888).

Генерал Рзакули Мирза Каджар также был награжден орденами двух иностранных государств – в 1873 году Орденом короны Пруссии и в 1891 году французским за деятельность в области просвещения «Крестовым орденом», которого удостоивались офицеры.

Последние годы своей жизни генерал Рзакули Мирза Каджар провел в Шуше. Он скончался 26 апреля 1894 году от туберкулеза в возрасте 57 лет.

Генерал принц Гасан хан Каджар (? – 1855)

*Ирэванын дэрди вар,
Дэрд ичиндэ мэрдн вар.
Ордулар ган ахытды
Сэнкэр олду нэр дивар.*

Иреванская баяты

Гасан хан или главнокомандующий Мухаммед Гасан хан пользовался у народа большим авторитетом и поэтому был прозван Сары Аслан хан Сардаром. Он сын Мухаммед хан Каджара Иревани. За доблестную службу в персидской армии награжден личной саблей великого Амир Теймура. Он - один из известных полководцев Ирана. Его брат Гусейнали хан Каджар был гордостью Ирана. После заключения 10 февраля 1828 года Туркменчайского договора братья лишились всей собственности. Статья 12 Договора гласила, что «земли по обе стороны реки Араз» бывшего наместника Иревани Гусейнали хана, его брата Гасан хана и бывшего судьи Нахичевани Керим хана переходили под власть Российской империи.

В 1804 году, когда русские пытались захватить Эревань, Джафаркули хан Дундули тоже присоединился к защитникам города. Он передал в армию Ирана десять тысяч пехотинцев и конных воинов. Находясь во главе отряда, юзбашн Гасан хан расположил своих воинов на неприступной высоте, остановил, а затем пустил в бегство русское войско.

В 1806 году, когда русские намеревались вновь напасть на Иревань, наместником Иревана был назначен Гусейнали хан Каджар. В 1807 году Гасан хан стал главою слуг Фатали шаха, заменив брата на этой должности.

В 1808 году русские напали на Иревань. Объединившись с другими полководцами Ирана, Гасан хан встал на защиту города. Произошли тяжелые бои. В ходе боевых действий в сентябре-декабре войска фельдмаршала И.В.Гудовича были разгромлены. 13-тысячное русское войско было разбито в пух и прах.

В ходе сражения 17 ноября 1808 года были убиты 289 русских бойцов, 574 - тяжело, а 285 - легко ранены. Был убит один из 7 русских офицеров высокого звания, а еще четверо - тяжело ранены.

После позорного поражения русское войско вернулось в Грузию, а царь отозвал фельдмаршала И.В.Гудовича и отправил его в отставку.

В 1820 году Гасан хан выступил против османских правителей, которые хотели захватить город Чехричи в Иране. Он овладел несколькими городами Турции. Через год турки решились вернуть захваченные города и села и двинули на границу с Ираном 70-тысячную армию. Наместник Азербайджана Аббас Мирза Наибуссалтане мобилизовал армию и совершил нападение на турок. В этой битве победила иранская армия. Полководец Гасан хан Каджар показал себя как прекрасным полководцем и получил прозвище Сары Аслан хан. Выражение «Сары Аслан» перенято из турецкого народного фольклора. Этот отважный патриот был достоин этого имени.

В 1825 году русские заявили, что согласно условиям Гюлистанского договора, море Гойча, расположенное в пределах Балыглы – Гюней и Иревана, принадлежит им. Проблема обсуждалась между двумя государствами, и для выяснения истины из Иревана был вызван (Сары Аслан хан Сардар) Гасан хан. На переговорах он резко выступил против требований русских. Но русские не стали дожидаться результата обсуждений и вторглись на эти земли. Гасан хан был из тех полководцев, которые в русско-иранской войне (1826 – 1828 г.г.) с честью выполнили свои воинские обязанности, до последней минуты своей жизни сражались против русских и не покорились врагу.

В летней операции 1826 года генерал Гасан хан Каджар штурмом захватил территории Пенбек и Шорагёль и тем самым нанес русским тяжелое поражение. В июне, до начала операции, Сары Аслан хан Сардар – Гасан хан выступил перед воинами и поклялся, что освободит живущих на Кавказе братьев по крови и религии от русских богохульников. Эту войну против русских он назвал «священной».

В 1827 году (Сары Аслан хан) Гасан хан воевал против русской армии вместе Мустафа хан Ширвани и правителем Шеки Гусейн ханом. Бои шли уже около Тифлиса. Это были тяжелые бои, противник оказался сильнее, и армия Сары Аслан хана была вынуждена отступить.

В 1827 году один из главнокомандующих русской армии генерал Дойг ходе в русско – иранской войне решил с целью овладения Сардарабадом атаковать Иревань, но столкнувшись с ожесточенным сопротивлением Гасан хана, безнадежно вернулся в Талин, который находился в 36 километрах от Иревани.

Чуть позже русские напали на армию Гасан хана со стороны Учмуаззин (Эчмиадзин). В этом сражении было ранено и убито много русских. И на этот раз героизм и мужество Сардар Гасан хана не позволило русским достичь своей цели. Они были вынуждены отойти от Иревана и двинуться в сторону Нахичевани.

В сентябре 1828 года Наибусселтене Аббас отправил Гасан хана в Иревань оборонять крепость Сардарабад. Генерал И.В.Паскевич окружил крепость. Но Гасан хан не сдался врагу, вышел за пределы крепости и, неожиданно напав на русских, заставил их отступить. Бои были тяжелыми, двенадцать дней шли непрерывные сражения. Русские привлекли дополнительные силы и оказались сильнее. Генерал И.В.Паскевич захватил Сардарабад и Иревань. Несгибаемый полководец (Сары Аслан хан) Гасан хан на этот раз попал в плен. Генерал И.В. Паскевич привез в Тифлис Гасым хана, Фатали хана, Суваргулу хана, Сары Аслан хана, Мирза Махмуд Максудлу Астарабади и Гамза хана Азани. Фельдмаршал И.В.Паскевич с ними обращался не как пленниками, а как с полководцами, относился к ним с большим уважением, которого заслуживали полководцы.

10 февраля 1828 года был заключен Туркменчайский договор. Согласно 13-ой статьи документа, пленники были возвращены сторонам. Таким образом из плена был освобожден Сары Аслан хан Сардар. Гасан хан Вернувшись в Иран, он стал заниматься другими важными делами.

В 1828 году Фатали шах направил Сардар Гасан хан Каджара в Хорасан для подавления происходящих там бунтов. Установив порядок в провинции, Сары Гасан хан до 1830 года занимал там должность государственного правителя. Затем Фатали шах отозвал Гасан хан в Тегеран. На пути в Тегеран он совершил паломничество в святое место Етбат (Ирак). В 1848 году Гасан хана становится сардаром-главных провинций Язд, Гирман и Белуджистан.

Злейший враг русских, известный азербайджанский полководец Гасан хан Каджар скончался от сердечной болезни в 1855 году в Гирмане. Похоронен в священном городе Наджаф.

Генерал принц Кямран Мирза Каджар (1855 – 1928)

Кямран Мирза Наибусселтене - третий сын Насреддин шаха. Он был начальником всех войск и занимал должность военного министра Ирана. Одновременно он управлял Тегераном и некоторыми другими городами. Военное министерство он возглавлял с 1880-го по 1896-й год, т.е. до убийства Насреддин шаха (Насреддин шах Каджар (1831 – 1896), превратившего в период своего правления Иран в полуколонию России и Англии, был убит террористом-панислаμισмом Мирзой Рза Кирмани в 1896 году.) А во главе министерства он стал после того, как в 1880 году с должности военного министра был уволен азербайджанец Мирза Гусейн хан Муршидуддовле.

Кямран Мирза родился в 1855 году. В 1861 году, в возрасте шести лет он под покровительством Паша хан Аманулмюлка заменяет правителя Тегерана Фируз Мирза Нусретуддовлу. В 1867 году Насреддин шах, отправляясь в Хорасан, оставляет за себя одиннадцатилетнего Кямрана Мирзу. В 13 лет Кямран Мирза уже был удостоен титула Наибуссалтене. В том же году он получил прозвище Эмири – Кебир. Затем, во время всех путешествий и походов Насреддин шаха, на троне восседал Кямран Мирза. Насреддин шах поручил Кямрану Мирзе управление провинциями Тегеран, Казвин, Гилян, Мазандаран, Демавенд, Фирузгух, Гум, Кашан, Саве, Мелайер, Туйсерчан, Нехавенд, Астарабад, Шахруд, Бестам, Дамджан, Симнан. Кямран Мирза был очень требовательной личностью.

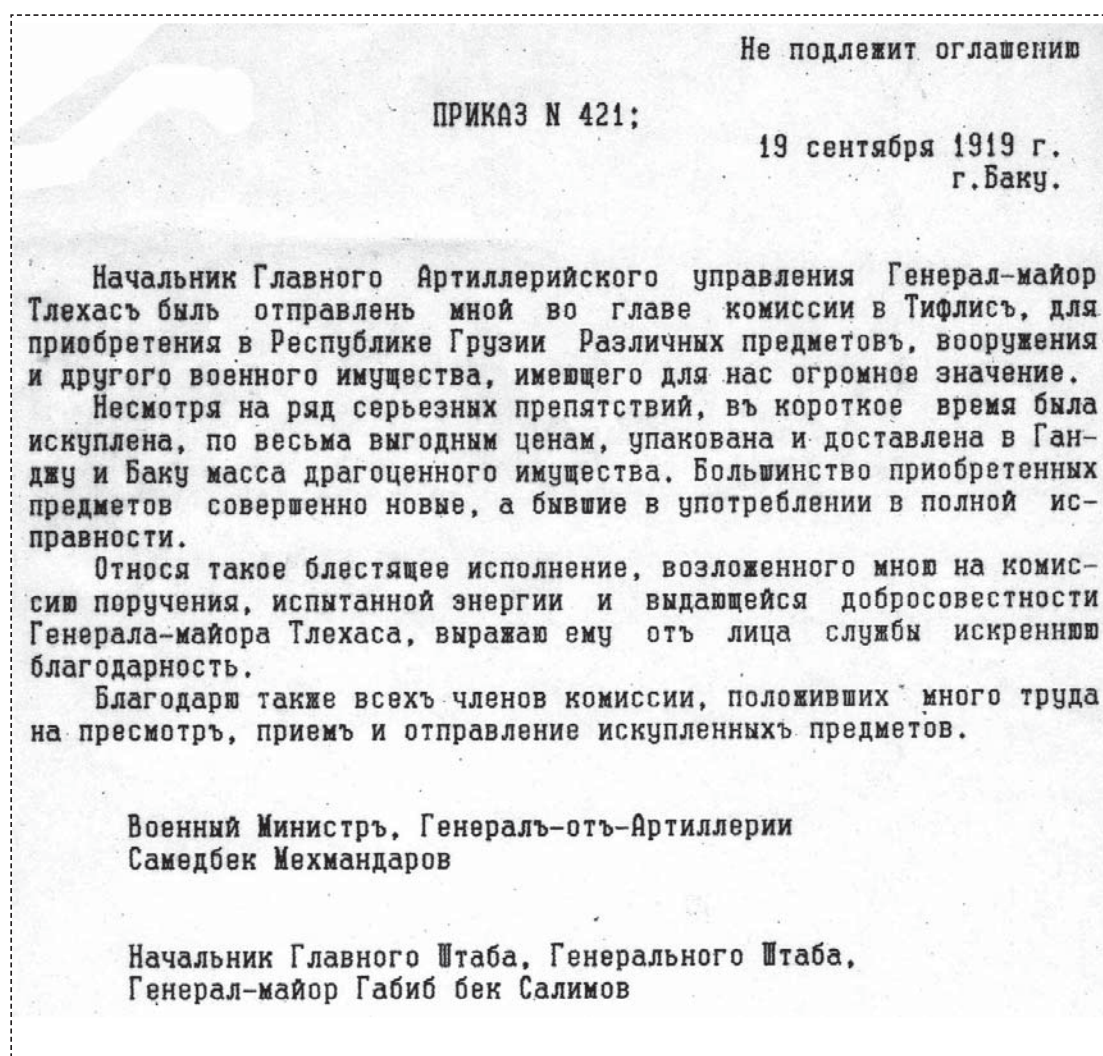
Три сына Насреддин шаха – Музаффареддин, Зилли Султан и Кямран Мирза родились от трех жен и имели разный характер. Зилли Султан был жестоким и Кямран Мирза его не любил. Об этой неприязни Маммедгасан хан Этимадуссултане написал в своих «Воспоминаниях».

В 1906 – 1911 годах, во время конституционной революции под руководством Саттархана в Азербайджане и Иране, Зилли Султан сбежал в Европу. Когда он пожелал вернуться в Иран, восставший народ остановил его в Реште и потребовал конфискации его имущества. После третьего визита Насреддин шаха в Европу в 1889 году Кямран Мирза становится во главе 100 тысячной армии до смерти Насиреддин шаха. В 1907 году провинции, управляемые Кямран Мирзой, уже были под контролем русских, а провинции, принадлежавшие Зилли Султану

– под присмотром англичан.

В 1908 году Кямран Мирза вновь стал военным министром, однако через месяц, в период конституционного правления, когда Мухаммедали шах был отстранен (1909 год) от власти, он был смещен с этой должности.

Во время правления Ахмед шаха – внука брата (1916 г.), Кямран Мирза становится правителем Хорасана, но через год уходит в отставку. Он вернулся в Тегеран и жил там до кончины. Он умер в 1928 году в возрасте 85 лет и был похоронен в Шах Абдулзиме, в мавзолее Насреддин шаха.

ИЗВИНИТЕЛЬНАЯ МИССИЯ В ПЕТЕРБУРГ

(или о том, как благодаря принцу Хосрову Мирзе Каджару удалось избежать третьей войны с русскими)

«В связи со смертью Грибоедова, ставшего жертвой невежества в Тегеране, с извинительной миссией в Петербург был отправлен наследный принц Хосров Мирза, что позволило Фатали шаху избежать третьей войны с русскими».

**Али бек Гусейнзаде (1864-1941)
выдающийся тюрколог, профессор**

Изображение принца Хосрова Мирзы Каджара я обнаружил в архивах Рукописного фонда совершенно случайно. В нижней части изображения, на которой представлен молодой красивый человек, стоит надпись на персидском и английском языках: «Принц Хосров Мирза Каджар». Картина нарисована акварелью и очень хорошо сохранилась. После долгих поисков мне удалось установить имя ее автора - это русский актер и драматург Петр Каратыгин. В августе 1829 года во время первой встречи с принцем в Петербургском театре он сделал наброски, а затем перерисовал их акварелью. И уже в следующее посещение театра, 12 августа, картина была преподнесена в дар принцу. В знак благодарности за работу Хосров Мирза подарил Каратыгину золотую табакерку. *Об этом сообщается в письме художника Ивана Крамскова известному меценату Павлу Третьякову.*

Принц Хосров Мирза, седьмой сын Аббаса Мирзы, является старшим братом Бахмана Мирзы. Представители петербургского дворянского аристократического общества в своих воспоминаниях отмечали, что во время правления Николая I *«не было кроме принца Хосрова Мирзы второго восточного гостя, которого с таким уважением и почестью встречали бы в российском царском дворе».*

Современница А.С.Пушкина графиня Анна Оленина 21 августа 1829 года написала в дневнике: *«Сюда приехал Хозрев Мирза, Сын Аббас Мирзы, было 10 большое, представление (имеется ввиду представление принца императору и императрице в публичной аудиенции 10 августа – (Ш.Н.). Он молод и довольно хорош».* Восхищаясь красотой 16-летнего принца, А.Оленина сообщает о том, как во дворце

графа Потоцкого в честь Хосрова Мирзы был организован большой торжественный бал: *«Я своей необыкновенной, красочной одеждой очаровала принца и весь его персонал».*

Присущая восточным мужчинам красота и обаятельность Хосрова Мирзы запали в душу русской графини. Читая строки из дневника, невольно вспоминаются написанные в 1834 году матерью А.С.Пушкина Надеждой Осиповной письма, в которых выражается восхищение Аббаскулу ага Бакихановым, также очаровавшим петербургское аристократическое общество высокой образованностью, соблюдением этикетов светского общества и красивой внешностью. Своей дочери Ольге, живущей в Варшаве, Надежда Осиповна написала:

«Через несколько часов после получения твоего письма к нам пришел и представился Аббасгулу ага; он очень прекрасный человек, такой хороший собеседник... Мне нравятся его манера поведения, он мне очень приятен. Я благодарна тебе за то, что ты послала его к нам...»

Аббасгулу ага обедает у нас. Он такой приветливый, улыбчивый и доброжелательный человек, как будто мы старые друзья...

Аббасгулу ага очень вежливо с нами попрощался. Он меня несколько раз обнял. Я его люблю от всей души. Он, действительно, очень красивый и, несомненно, такой, каким ты его нам представила. Рядом с ним я себя чувствовала раскрепощенной».

Однако, зачем поехал в 1829 году в Петербург принц Хосров Мирза Каджар?

Незванный ночной «гость»

«После знакомства с его дарованием и опытом я укрепился во мнении, что Грибоедов не допустит действий, которые могли бы нанести урон установившимся между нашими государствами добрым отношениям. Но у меня нет доверия к людям, окружающим Грибоедова. В духе и настроении этих людей я вижу ненависть, и это меня очень тревожит. Объясните Грибоедову, чтобы он их держал в сильном подчинении. Грибоедов, наверное, помнит, что несколько лет тому назад я попросил его отозвать Дадаш бека (Василий Дадашян – Ш.Н.). Он очень мучает народ в Тебризе. Рустам бек (Рустам Беджанян – Ш.Н.) тоже очень жестокий человек. Я очень боюсь, что эти и им подобные люди подтолкнут Грибоедова к спорам и беспорядкам с прискорбными последствиями.

Принц Аббас Мирза»

9 января 1829 года в полночь в Русское посольство в Тегеране постучались мужчина и две женщины в чадре. Незванные «гости» потребовали встречу с «лично полномочным министром». Охраннику пришлось разбудить посла. Пустив «гостей» к нему, сам, с беспокойством, остался ждать у дверей.

Грустный полномочный министр еще больше расстроился, когда среди непрошенных «гостей» увидел хаджэ Якуба Мирзу.

- Александр Сергеевич, я опять надеюсь на вас. Надежда только на вас...

- Я ведь вам вчера сказал, что по этому вопросу обращайтесь днем. Вам известно, что Его превосходительство император покровительствует всем пленным. Вы же...

- Господин посол, мой приход к вам днем, после обеда, совершенно невозможен, - взмолился Яков Маркарян из Иревана. – Умоляю вас, выслушайте меня... - стал он убеждать посла. – Дело в том, что в июне 1804 года воины генерала Цицианова не выдержали натиска войск принца Аббас Мирзы, поскольку иреванец Маммедгасан хан и нахичеванец Кялбалы хан не пришли ему на помощь. Войска Аббаса Мирзы, преследуя генерала Цицианова, отгеснили его в направлении Тифлиса. Армянские купцы присоединились к русским и грузинским отрядам и также начали бежать в сторону Тифлиса. Тогда мне было 18 лет. Я обучался в монастыре Учмуаззин (Эчмиадзин). Когда армянский караван проходил рядом с монастырем, я, тайком, без ведома учи-

теля, примкнул к нему. По дороге один из купцов спросил меня, кто я и куда еду? Я его обманул и сказал, что недавно в Тифлис прибыл известный ученый Серап Патканян, который бесплатно обучает армянских детей, и я еду брать у него уроки. Я понравился армянскому купцу, он поделился со мною сыром и хлебом. Два дня мы были в дороге. Дойдя до горы Бабакар, мы услышали сильный гул. На нас неожиданно напали и взяли в плен отряды персов. Вблизи сражались грузинские кавалерийские отряды и после длительного боя они отбились. Персы сломали сопротивление армян, многих убили, живых взяли в плен.

Нас, как баранов, пригнали в Тебриз. Меня и нескольких армян кастрировали и заставили принять мусульманство. Мне дали новое имя - Мирза Якуб. Затем, как евнуха, отправили в Тегеран в подарок Фатали шаху. Два года меня учили арабскому и персидскому языкам. Старший евнух обучил меня всем предметам. Потом я получил титул главы гарема. Во дворце для меня наняли грамотного учителя, который обучил меня всем тонкостям бухгалтерской работы. По специальному распоряжению шаха я дважды был отправлен в Шираз и трижды в Хорасан на бухгалтерские ревизии губернатора. Меня назначили казначеем шаха. Оттуда я мог тайком отправлять родителям деньги в Иревань. Хватит, уже двадцать пять лет я служу как глава евнухов. 40 тысяч туманов, драгоценные камни, золото в этом сундучке – плоды моего труда. Умоляю вас, помогите мне вернуться к родным. Я пришел сюда в надежде на Бога и на вас.

- А кто эти женщины? – поинтересовался посол Грибоедов.

- Это - две несчастные женщины-армянки, которые мучаются в гареме Аллахяр хана, зятя шаха. Они вместе со мной пришли к вам за помощью. Помогите... – вытирая ладонью прослезившиеся глаза, умолял Яков Маркарян. Съежившись и сжимая между ногами переполненный драгоценными камнями сундучок, он принял жалкий вид.

Полусонный посол смотрел то на безобразный длинный подбородок Якова Маркаряна, то на его помутневшие синие глаза. Он не знал, что ответить.

Не заметив на лице Якова ничего доверительного, посол придумался: «Незванный «гость» просил и умолял». Наконец, не выдержав, он плотно обернулся в пальто и, наклонившись к нему, произнес:

- Ведь я не вправе исполнить ваше желание. Для этого между двумя государствами должны быть официальные договоренности. По моему, вы напрасно так поступили, – стараясь предостеречься от опас-

ности, посол старался переубедить его. – Вы, наверное, лучше меня знаете, что согласно обычаям Востока, лицо, которое более десяти лет прослужило в гареме, во дворце шаха, считается членом его семьи. А каждая прислуга – рабыней, женой. У восточного мужчины женщина – это его совесть, честь. Это вы должны знать лучше меня. Если жена совершает неблагоприятный поступок, то это пахнет кровью.

- Александр Сергеевич, а Туркменчайский договор... Разве его 13-я статья не допускает этого... – не отставал Маркарян. - Вы ведь в этой стране авторитетный, самостоятельный визирь России. Вы всегда покровительствовали нам, бедным армянам. Ведь статью 13 вы включили в договор ради нас, жалких армян: *«арестованные в последней войне или предыдущих войнах военные пленники с обеих сторон должны быть взаимно освобождены и в течение четырех месяцев возвращены»*.

Посол призадумался.

- Тебе известно не только то, что происходит во дворце шаха, но и отношения между двумя государствами? А ты обращался к шаху по этому поводу?

- Нет, никогда!

- Ты же к нему так близок, шах доверил тебе свою казну, он не откажет, исполнит твоё желание. Ведь ты его казначей, главный хранитель бриллиантов и драгоценных камней.

- Александр Сергеевич, в этом темном мусульманском мире вы единственный покровитель трех несчастных христиан. Уж лучше убейте нас, но мы больше не вернемся к этим диким мусульманам, - и, чтобы утешить посла, добавил: - Вы армянам всегда помогали. Мне известно, что еще в 1825 году в Тифлисе вы вместе с Лазаряном, католикосом Нерсесом готовили план переселения скитающихся по миру армян в Азербайджан, Карабах. Сейчас, наше возвращение во дворец смерти подобно.

- Хорошо, уже поздно, сейчас поручу, чтобы вам предоставили ночлег. Утром поговорю с Фатали шахам, – сказав, посол пошел в свою опочивальню.

Посол, основываясь на 13-ю статью договора, всячески пытался убедить Фатали шаха помочь этим армянам. Но шах был неумолим и упорно настаивал на своем:

- Армянин Ходжа Якуб Мирза украл из казны половину моего богатства. А вы предоставили убежище вору, преступнику. Он должен вернуться и понести заслуженное наказание. Все! Господин посол, вам

и трем армянам, незаконно получившим у вас убежище, даем время - до завтрашнего восхода солнца они должны вернуться во дворец, иначе будут применены другие меры. Особое недовольство вызывает то, что вы предоставили убежище двум женщинам из гарема Аллахяр хана.

Фатали хан тревожно ждал окончания отведенного времени, но не получив никаких вестей из Русского посольства, в скверном настроении покинул Тегеран. Он отправился «отдыхать» в расположенное близ Тегерана местечко Нава. Дела во дворце он поручил своему зятю Аллахяр хану, который был известен лютой ненавистью к русским. Тот, воспользовавшись отсутствием Фатали шаха, призвал служителей религии на газават, разослав гонцов в мечети, базары и густонаселенные районы Тегерана, чтобы известить людей о том, что в русском посольстве прячут несколько женщин-мусульманок и, мол, их увезут в Россию и принудят принять христианство. А Ходжа Якуб Мирза украл из казны Фатали шаха золото и драгоценные камни на сорок тысяч туманов.

Озлобленные жители города, вооружившись кто чем мог, стали стекаться к русскому посольству. По поручению меджлихиды Тегерана хаджи Мирзы Мисиха в джами (мечете) собрались сеиды и улемы. Аллахяр хан приказал закрыть рынки и магазины. В город прибывали люди из близлежащих деревень. Постепенно разрастающаяся толпа стекалась к посольству.

Старший евнух дворца Манучар хан (*Манучар Ениколопьянц, тифлисский армянин. В 1804 году при нападении генерала Цицианова на Иревань, сражался в грузинской коннице, попал в плен к иранцам. Он также, как Яков Маркарян, очищается в Тебризе. Служа в дворцовом гареме Манучар, завоевывает уважение и постепенно занимает более высокие должности. Заслужив особое уважение Фатали шаха, Манучар Ениколопьянц в 1815 году занял должность первого министра дворца. В 1820 году как самый преданный шаху человек, Манучар назначается наместником известной своими богатствами Гилянской губернии. Шах присвоил ему звание мотемедиддовле – испытанный, доверенный. В Туркменчайском мирном договоре стоит подпись Манучара Ениколопьянца, что свидетельствует о его высоком статусе в Иране - Ш.Н.*) послал своего племянника Соломона Меликова, с отрядом шахских всадников, разогнать толпу. Он поручил племяннику во что бы то не стало спасти Якова Маркаряна и вывезти его из русского посольства. Манучар хан считал, что когда мятежники

успокоятся, тогда и Грибоедова можно будет спасти.

Но было поздно. Разъяренная толпа, увидев Соломона Меликова, накинулась на него и до смерти забила, а труп поволокли по улицам.

Народ требовал выдать Якова Маркаряна. Александр Грибов и личный его слуга, завидев неладное, были вынуждены вытолкнуть на улицу Маркаряна. Толпа, сразу же схватив Маркаряна, вздернула его на дереве.

Однако этим толпа не утихомирилась. Еще неделей раньше Грибоедов самодовольно говорил о величии своей империи на приеме Фатали шаха, когда возвращали пленных армян и поданных России, захваченных в ходе русско-персидской войны. Но теперь посол понял, что он не так уж и силен, и его жизнь находится в руках «диких азиатов». Он стал вспоминать с какой злобой и ненавистью смотрели на него во дворце в Тегеране 10 февраля 1828 года во время подписания Туркменчайского договора. Вспомнил слова Аллахяр хана, сказавшего, что *«этому непослушному послу нужно указать свое место»*. А иранский министр иностранных дел Мирза Абдулгасан хан обращаясь к Меджлису, сказал возмущенно: *«Надо написать русскому правительству в Петербург. Вы прислали нам человека, который не умеет вести себя у нас. Смотрите, чего он придерживается. Как бы ни случилось великого несчастья! Отзовите его, ежели желаете сохранить доброе согласие между двумя странами. Поверьте мне, я знаю Европу и, особенно, Россию: он будет отозван»*. Посла охватил страх, когда он вспомнил проклятия в свой адрес меджтихида Мирза Мисиха в Тегеранском джаме. И наконец-то он стал догадываться, почему это после восстания декабристов царь, в наказание, сослал его не в Сибирь, а на юг. Еще тогда, в Петербурге, он внутренним чутьем предвидел, что смерть найдет его в Персии.

Опасаясь за жизнь посла, Грибов, который приходился его молочным братом, стал уговаривать Александра Сергеевича укрыться в армянской церкви.

- Большинство напавших на нас – это служители культа и их последователи, - говорил он. - Если мы там спрячемся, они в церковь не войдут, потому что мусульмане считают церковь оскверненным местом, где собираются неверующие. Во-вторых, они лучше нас знают о неприкосновенности церкви.

- Это бегство будет для меня пятном на всю жизнь, - возразил Грибоедов. - Господа, я полномочный министр великой Русской империи и прятаться в церкви – позор для меня, - а затем пренебрежи-

тельно добавил: - Однако кому мило, может идти в армянскую церковь. Естественно, у этой массы есть глава. Ему объясним, а он передаст наши слова толпе.

После этих слов посла никто не решился отправиться в армянскую церковь.

Тем временем толпа продолжала осаждать здание посольства. Наконец, ворвавшись во двор посольства, люди стали требовать выдать им женщин, сбежавших из гарема Аллахяр хана.

Вооруженные казаки открыли выстрел по взбунтовавшейся толпе. Несколько человек упали намертво. Тогда разгневанная толпа обезоружила казаков и, взломав двери и окна, вошла на территорию посольства. Были убиты 53 сотрудника посольства.

Фатали шах приказал найти тело Грибоедова. Обезображенное и изуродованное тело посла обнаружили на третий день в груде трупов. Поскольку Грибоедов был без мизинца, в 1818 году на дуэли будущий декабрист А.И.Якубович выстрелом из пистолета отсек ему мизинец, опознать его труп не составило особого труда.

Армянское Покровительство Посла

«У этого смелого принца доброжелательный и мужественный характер. Никто не мог сравниться с Аббас Мирзой в умении метко стрелять и скакать на коне. Мчась на коне, он мог из ружья или лука убить зверя, даже сосчитать в небе пролетающих птиц. Действительно, нужно признать, что характер иранцев, описанный Ксенофонтом, целиком воплощен в этом храбром принце».

**Жак Морис,
заместитель посла Англии в Тегеране**

По сведениям русских и иранских исследователей, приказ Фатали шаха был в грубой форме нарушен. Причиной тому, считают они, послужила ненависть Аллахяр хана к русским. Шах велел не трогать Грибоедова и требовал выдать Якуба Маркаряна, украденное им золото и драгоценности, а также женщин-армянок, ибо сам возжелал их наказать. Фатали шах считал, что русский император Николай I отзовет Грибоедова и накажет за допущенные ошибки.

Но свершилось неожиданное. Напав на посольство, разгневанная толпа перебила сотрудников дипмиссии. В живых осталось только

трое, в том числе первый секретарь посольства Иван Мальцев, которому удалось перебежать в соседний двор, где жили азербайджанцы, и спрятаться в стоге сена.

Грибоедов презрительно относился к местному населению. Да и народ ненавидел русского посла. Причиной неприязни являлся тот факт, что текст Туркменчайского договора был подготовлен Грибоедовым. Именно по его настоянию перекочевали в Петербург редкие рукописи, хранившиеся в мечети шейха Сафиаддина в Ардебиле. Недовольство населения вызывало также покровительство посла армянам. Из-за его благосклонности к ним около 50 тыс. армян с северо-запада Ирана были переселены в Азербайджан. В августе 1828 года в своем дневнике Грибоедов написал: *«Здесь пленные свели меня с ума. Некоторых не возвращают. Готов голову сложить ради несчастных соотечественников (армян – Ш.Н.)»*.

Основываясь на подлинники, известный иранский историк Насир Наджими в книге *«Аббас Мирза»* (или *«Патриот, герой, сын рода Каджар и руководимая им Ирано-Русская война»*) дал исчерпывающую картину пребывания Александра Грибоедова на посту посла в Иране. В частности он отмечает, что *«Грибоедов не считался с местными законами и порядками, высокомерно вел себя во дворце, надменно говорил с шахом во время приема. Фатали шах, не обращая на грубый тон разговора, слушал посла до конца. Русский посол, не изменяя свою грубую форму поведения, стал оказывать давление на народ. Он больше всего заботился о переселении армян на Кавказ. После того как Фатали шах вернулся из «отдыха», тела армян бросили в церковь»*.

Фатали шах был хорошо осведомлен о царившем в государстве тяжелом положении. И смерть посла Грибоедова, чего нельзя было допустить, могла вызвать новое военное противостояние с Россией.

Персия стояла перед трудным выбором - в 1828 году началась война между Россией и Турцией. С одной стороны, Турция всячески пыталась склонить Персию к войне против России, с другой, согласно Туркменчайскому договору, Тегеран должен был выплатить царской империи контрибуцию в 600 тысяч туманов.

Предвидя исход событий, Фатали шах созвал совет визирей, на котором решили *«тело Грибоедова передать родным, а Российской империи преподнести в дар алмаз «Шах» в 88 каратов и тем самым искупиться за смерть посла»*. Предложение исходило от наследника шахского престола принца Аббаса Мирзы. Не только придворная знать, но и сам шах по многим вопросам советовался с ним.

«Шах» является одним из самых крупных и редчайших по красоте алмазов мира. Он был найден в 1591 году в Индии. Драгоценный камень был выкуплен у индусов правителем Ахмаднагара Бурхан Низам шахом. На камне высечено его имя. В 1595 году драгоценный камень попал в руки монгольских правителей. Поэтому на алмазе выгравировано «Сын Джахангир шаха Джахан шах». В 1738 году, когда Надир шах завоевал Индию, алмаз был вывезен в Иран. В 1827 году Фатали шах Каджар выгравировал на алмазе свое имя. В настоящее время алмаз хранится в Московском алмазном фонде.

С подарком определились, однако возник другой, не менее важный вопрос – на кого возложить миссию «примирения» и с кем отправить подарок в Петербург? Фатали шах предложил поручить эту ответственную миссию Аббасу Мирзе. Однако против этого шахского решения выступила придворная знать, оперирующая тем, что проживающие на Кавказе армяне озлоблены на Аббаса Мирзу - принц учинил расправу над ними в Лори и Дилиджане, а также в окрестностях Иревани. Кроме того, было принято во внимание то, что в Тифлисе проживают родственники штабс-капитана Мелик Шахназарова, убитого в ходе нападения на посольство, что также вызывало большие опасения за жизнь принца. Эти люди были замечены в терроре.

Потеря наследника престола Аббаса Мирзы было равносильно лишению Ирана умелого руководителя. Фатали шах гордился сыном, слушая как видный политический деятель Ирана, дворцовый учитель Аббаса Мирзы - Абдулгасым Фаргани-Гаиммегам с гордостью заявлял о том, что европейцы знают наследника каджаровского престола как достойного, отважного воина, мудрого дипломата. Найдя приведенные доводы убедительными, Фатали шах отказался от своего намерения направить в Петербург Аббаса Мирзу.

В период пребывания А.С.Грибоедова в должности посла России в Тегеране большинство сотрудников посольства были армяне. Правда, носили они мусульманские имена. К примеру, Дадаш бек на самом деле был Василием Дадашяном, Мирза Салман – Соломоном Меликьянцом, Мирза Нариман – Меликом Шахназаряном, Ибрагим бек – Амбарцумом, Рустам бек – Рустамом Беджаняном. Грибоедов назначил на высокие должности в посольстве Исака Саркисова, Хачатура Шахназарова, Абрама Дадашяна, Шермазяна, Арутюна Казаратова, Амбарцума и других армян. Естественно, хотя армяне и носили мусульманские имена, однако лютой ненавистью презирали азербайджанцев и персов. Просто, так им легче было осуществлять свои грязные планы в Тебризе и Тегеране.

Чудом выживший первый секретарь Российского посольства Иван Сергеевич Мальцев (1807 – 1880 гг.), вскоре после возвращения на родину в своих воспоминаниях о пребывании в Тегеране написал: *«Мелик Шахназарян был подкуплен Мирза Якубом (Яков Маркарян). Получив драгоценности у Мирза Якуба, Шахназарян обещал ему помощь при содействии посла вернуться в Иревань. Именно Шахназарян 30 января в два часа ночи помог Мирза Якубу попасть в посольство. И напоминание о 13-й статье, что говорить, как просить и умолять - все это Шахназарян объяснил ему».*

После смерти Грибоедова в русской прессе один за другим появились многочисленные публикации с различными версиями убийства посла. Характерно, что во многих из них, где прямо, а где весьма косвенно, говорится о роли армян в смерти Грибоедова. О том, что именно благосклонность к армянам привела к гибели посла, писали граф И.О.Симонич, сменивший Грибоедова на посту полномочного министра при персидском дворе, и барон К.К.Боде, ставший первым секретарем миссии при Симониче.

Не обошли вниманием события 30 января 1829 года и армянские авторы. Однако в их интерпретации, разумеется, «армянский след» в убийстве Грибоедова отсутствовал. Много позже, в 1901 году, издававшаяся в Тифлисе (1872-1920 гг.) армянская литературно-политическая газета «Мшак» («Труженик») опубликовала статью «Рассказ Амбарцума» анонимного автора, подписавшегося как Г.А. Устами некоего Амбарцума он повествовал о том, как тот, по собственному утверждению, служил курьером посольства и чудом остался жив во время погрома, устроенного населением Тегерана. По словам Амбарцума, к послу, который был добродушным и милостивым человеком, часто обращались лица, которые желали возвращения на родину. Были среди них и евнухи шахского двора, и женщины из шахского гарема (конечно, не армяне - **Ш.Н.**). В числе последних была очень красивая грузинка, принявшая мусульманство. Эта женщина, рассказывает Амбарцум, тайно посещала посла по ночам. *«Когда узнали об этом, то, как шах, так и народ страшно возмутились; подумали, что эта грузинка находится в любовных связях с вазир-мухтаром (т.е. с послом – **Ш.Н.**); в глазах мусульман такой поступок может быть смыт только убийством нарушителя закона».* А остался в живых Амбарцум потому, что после нескольких ударов по голове упал и притворился мертвым.

Разумеется, ни один серьезный исследователь не воспринимает «Рассказ Амбарцума» всерьез и все считают его выдумкой.

Александр Грибоедов еще в Петербурге в день назначения его послом, словно предчувствуя свою близкую смерть в Иране, пытался отказаться от этой должности: *«Отказаться от этого (назначения послом – Ш.Н.) под каким-нибудь предлогом, после всех милостей царских, было бы с моей стороны самой черной неблагодарностью. Да и само назначение меня полномочным послом я должен считать за милость, но предчувствую, что из Персии живым не возвращусь».*

Из уцелевших писем и путевых заметок Грибоедова становится ясно, что мрачные мысли постоянно преследовали его. Проводя в Персии колониальную политику России, разделившей азербайджанскую землю, Грибоедов прекрасно знал, что не далек тот день когда он окажется жертвой своей же коварной политики. Направляясь в Персию во второй раз, он подвергал себя крайней опасности.

25 апреля, в день когда был издан Указ императора о назначении Грибоедова послом в Персию, Александр Сергеевич во время беседы с другом Андреем Жандром сказал: *«До свидания, Андрей. Я назначен послом в Иран. За это назначение меня поздравлять не стоит. Мы более не увидимся».*

По дороге в Персию, Грибоедов встретился в Москве со своим другом Степаном Бегичевым. Последний, вспоминая про ту встречу, пишет, что Грибоедов был мрачным: *«Почему без настроения? – спросил я. Он, взявши меня за руку, с глубокой горестью сказал: «Прощай, брат Степан, вряд ли, мы с тобою увидимся... Я знаю персиян, Аллахяр хан мой злейший враг, он меня ненавидит. Не подарит он мне заключенного с персиянами мира. Видишь, живым я не выйду оттуда. Над моей головой витает тяжелый туман атмосферы Кюхельбекера».*

А вот что написал о своей встрече с Грибоедовым великий русский поэт А.С.Пушкин: *«Я в прошлом году в Петербурге увиделся с Грибоедовым до поездки в Персию. Он что-то чувствовал, ему было плохо. Я хотел его утешить, он сказал мне, что вы еще этих людей (персов) не знаете. Увидите, все это кончится кровью. Там меня ждет смерть. Чувствую, что больше Россию не увижу. К сожалению, чувства не обманули Грибоедова».*

А в беседе с Ксенофонтом Полевым Грибоедов сказал: *«Новая поездка в Иран меня очень огорчает. Я больше не хочу видеться со старыми знакомыми, особенно с зятем шаха Аллахяр ханом».*

После заключения Туркменчайского договора Аллахяр хан питал ярую ненависть к русским, особенно к Грибоедову. Во время встречи с секретарем Британского посольства в Тебризе капитаном

Джоном Кемпбелом тот, точно предупреждая Грибоедова, сказал: *«Берегите себя, мусульмане не простят вам Туркменчайский договор».*

Современник Грибоедова, известный востоковед Адольф Берже открыто писал, что *«посол, взявший под покровительство армянина Якова Маркаряна и некоторых других армян, восстановил тем самым против себя шаха и всю дворцовую знать. Это стало причиной его трагической смерти».*

Большинство иранских исследователей того периода отрицали политическую подоплеку нападения на русское посольство. Ахмед Таги Бахшы, Аббас Эгбал, Али Акбар Бина считают, что русский посол сам виновен в своей смерти. К примеру, историк Абдул Рази отмечает: *«Грибоедов стал жертвой своей чрезмерной гордости и высокомерия»*, а Шафи Джавади пишет: *«Грибоедов сам был виноват в гибели».*

О смерти Грибоедова и нападении на русское посольство написаны сотни научных, публицистических работ и художественных произведений. Авторы некоторых, тенденциозно написанных произведений, виновниками гибели посла считают дворцовую знать и азербайджанцев, особенно род Каджаров. Такого мнения придерживается, к примеру, Людмила Назарова, издавшая через 126 лет после смерти посла книгу *«Грибоедов»*. Основываясь на беседу с неким князем Сулейман ханом Меликовым (Меликян), она пишет: *«Из всего персонала русского посольства остался живым только один человек – первый секретарь Мальцев. Информация о трагической смерти Грибоедова, обвинение его самого в случившемся, все это было получено из ложных рассказов Мальцева. Это не только предательски покинувший посольство в опасный момент первый секретарь, но и прячущий чисто политический в истории международных отношений и невиданный террористический акт, что удовлетворяет персидских аристократов. Описывающие настоящий смысл событий воспоминания Мальцева были приняты и царским государством. Продолжающий войну с Турцией император Николай I не рискнул начать войну с Ираном».*

Возникает вопрос, на какие достоверные источники и свидетелей-очевидцев тех событий опирается Людмила Назарова, называя Мальцева обманщиком и беглецом?

Армянин Амбарцум пишет: *«Я сказал Грибоедову, чтобы он через дымоход печи залез на крышу. Посол залез на крышу и сделал выстрел в сторону собравшихся у посольства. Нескольких убил и ранил. Я же сражался у двери. Был ранен в голову, упал».*

В свою очередь Мальцев, опровергая слова Амбарцума, пишет: *«На самом деле, на какой должности в посольстве был Амбарцум, никто не знал. Этот негодный человек везде совал свой нос и лез во все дела. После того, как стих мятеж, стало ясно, что во время события Амбарцум лег среди трупов и притворился мертвым. Живой Амбарцум, быстро прибыв в Тебриз, сделал себе поддельные документы, от русского государства получал 120 голландских червонцев пенсии».*

Армянский исследователь Грибоедова Борис Балаян в монографии «Кровь за «Шах» алмаз» виноватым в этом событии считает потомков Каджар. По его мнению, потомки Каджаров убили Грибоедова за то, что он пытался соединить Южную Армению с Россией. И это еще одно свидетельство о наглых притязаниях армян и мифе «Великая Армения».

Петербургское Путешествие Принца

«Шах» - один из самых крупных и редчайших по красоте алмазов мира (масса 88 каратов), подаренная Фатали шахом российскому императору Николаю I в знак искупления вины за смерть посла А.С.Грибоедова.

Обезопасив сына от возможного покушения на него армян в Тифлисе, Фатали шах решил послать подарок русскому императору с внуком, принцем Хосровом Мирзой. Последний был сыном наследника престола Аббаса Мирзы от служанки Хырда ханум. Шестнадцатилетнего Хосрова Мирзу шах считал незаконным потомком и, по его мнению, в далеком пути от Тегерана до Петербурга, чтобы там с ним не случилось, Каджаровский род ничего не потеряет.

В конце апреля 1829 года принц Хосров Мирза с посольской миссией в 140 человек отправился из Тегерана в Тифлис, куда прибыл 15 мая. Состав миссии был внушительным: учитель Хосрова Мирзы - поэт Фазиль хан Шейда, историк Мирза Мустафа хан Афшар, гражданский советник, переводчик Мирза Максуд Амуре-Низам, личный телохранитель принца Эхташам, занимающий высокое звание во дворце Мирза Мухаммедтаги Фярахани, группа врачей, казначей, ювелир, повара, кавалеристы и др.

Написание путевых заметок было поручено секретарю принца

*Габиб бек Гаджи Юсиф оглы Салимов
(08.02.1881-30.12.1920)*

*(За предоставление редкой фотографии генерала Салимова
благодарим профессора Адалята Тагирзаде)*

*Генерал кавалерии Ибрагим ага Усубов
(06.05.1875 - 06.07.1920)*

*Молодость Мамед
бека Сулькевича*

*Генерал-лейтенант Мамед бек Александр оглы Сулькевич
(20.06.1885-15.07.1920)*

*Флаг Крымского краевого правительства
Мамед бека Сулькевича*

Родовой герб Сулькевичей

*Генерал Мурад Герай бек Тлехас
(1874-29.05.1920)*

Офицеры Мусаватской армии. В первом ряду слева прапорщик Кязым Исмаилов, Бахадур бек Векилов, Мамед Садыгов, во втором ряду третий слева капитан Мейдаев, пятый полковник Ширин бек Кесеменский, генерал Мурад Герай бек Тлехас, Джамшид хан Нахичеванский, Капитан Гейдар Везиров и др. Фотография 1919 года

Генерал Фиридун бек Везиров (1850-1925)

*Генерал Фиридун бек и супруга
Зейнаб ханум Везирова
Фотография 1880 года*

Генерал Гусейн хан Нахичеванский. Кавалер Ордена Св.Георгия IV степени Золотого оружия с надписью “за храбрость”

Первый справа Абдулгамид бек Гайтабаши, его брат, сестры и мать Хадиджа ханум Али ага кызы

1918-ый год 27-го сентября. Еленендорф. Генерал-майор Абдулгамид бек Гайтабаши (1884-1920)

Подполковник Шариф бек Гайтабаши, (19.04.1835-?) отец Абдулгамид бека

Удостоверение № 97

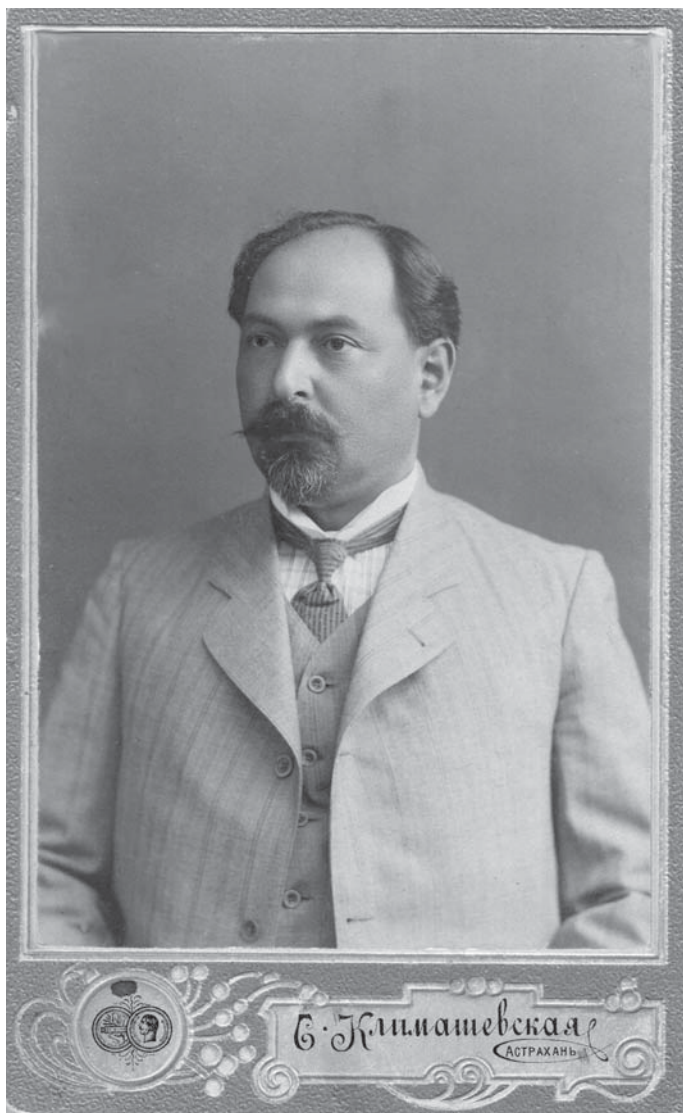
Предъявитель сего действитель-
тельно есть и.д. Дежурного
Генерала Главного Шта-
ба Азербайджанской Республики
Полковник Тайма-Баша

что поднесью и приложением
казенной печати удостоверяется

14. Декабря 1918 г.
Начальник Главного Штаба,
Генерального Штаба
Полковник *Самил*

Полковник Даньял бек Абдулла бек оглы Галладжов (1874-1920)
с дочерьми Тамарой и Лейлой

Выдающийся государственный деятель, писатель, председатель, революционного комитета Азербайджана Нариман Наджаф оглы Нариманов (02.04.1870 - 19.03.1925)

Наследник Фатали шаха принц Аббас Мирза Каджар (1789-1833)

Cabinet Portrait.

*Принц-генерал Рзакулу
Мирза Бахман Мирза оглы-
Каджар (1837-1894)*

*Принц-генерал Амир Кязым
Мирза Бахман Мирза оглы
Каджар (1853-05.07.1920)
Кавалер Золотого оружия
с надписью “За храбрость”
Фотография 1910 год.*

*Фатали шах Каджар
(1766-1834)*

*Принц Бахман Мирза Каджар
(1811-1884)*

شاه صاحب اخیسار ملکت آذربایجان کمر نواب بہمن میرزا ابرہما نایب الملک دہن سی بہمت سالکی

*Принц-генерал Кямран
Мирза Каджар (1855-1928)*

*Принц-генерал
Гасан хан Каджар
(? - 1855)*

Принц Хосров Мирза Каджар
(1813-1875)

Поэт Фазил хан Шейда (1792-1852) Родился в Тебризе, скончался в возрасте 60 лет в Тифлисе

*Принц-генерал
Аманулла хан Мирза Каджар
(1857-1937)*

*Принц-генерал Фейзулла
Шафи хан оглы Каджар
(15.12.1872-05.06.1920)*

*Генерал Даньял бек
султан Илисуйски
(1800-1871)*

НАИБЫ ШАМИЛЯ.

1. Магомедъ-Аминъ.	5. Идилъ Веденскій.	9. Эски-Хулхулинскій.
2. <u>Даніель-султанъ Илисуйскій.</u>	6. Дуба.	10. Са-Ду Мичикскій.
3. Кади-Магома.	7. Хамзатъ.	11. Мирза Хазъяо (письмоводи-
тель Шамиля).
4. Талгицъ Аргунскій.	8. Батуко-Шагоевскій.	

*Бой Илсуйцев с русской
армией 4-ое сентября
1845 года
Художник Н.Караткин*

*Шейх Шамил
(26.06.1797-04.02.1871)*

*Керимат ханум Даньял бек кызы.
Супруга Казы Магомед, сына Шейха Шамиля*

*Могилa генерала Даньял бека Ахмед хан оглы ИлисуЙского
(могила Султана Илису в Стамбуле, 1800-1871)*

Мустафе хану Афшару. Подающий большие надежды он пользовался особым уважением при шахском дворе: в совершенстве владел русским языком, был сторонником распространения в Иране европейской и русской культуры.

В Тифлисе делегация побывала в достопримечательных местах города, посетила ряд учреждений. Мустафа хана Афшара больше интересовало состояние дел в области просвещения, культуры и экономики, нежели официальные приемы и визиты. В произведении «Путешествие Хосрова Мирзы» он с болью в сердце писал об отсутствии у детей своих единоверцев возможности получения образования в светских школах: *«Здесь – в Тифлисе, кроме бесплатного обучения, дети обеспечены бесплатным питанием, одеждой и спокойным местожительством. Государство воспитывает и обучает их как своих родных. Даже не верится, что эти счастливые и веселые дети – братья тех мусульманских детей по ту сторону Араза, которые в поисках пропитания с утра до позднего вечера копошатся в мусоре, попрошайничают у ворот мечетей, на базарах. Этим голодным и больным детям и не снятся, что такое книга, уроки и школа. Убедить иранца в том, что в Тифлисе для мусульманских детей есть такая школа, – задача не из легких».*

В Тифлисе принц встретился с известным аристократом Мирзой Садыхом и внучкой карабахского хана Азад Бейим ханум.

После восьмидневного пребывания миссии в Тифлисе, наместник Кавказа И.Ф.Паскевич организовал 23 мая торжественные проводы Хосрова Мирзы. Принц подарил ему арабского скакуна, а его супруге - *Елизавете Алексеевне (двоюродной сестре Грибоедова – Авт.)* – две дорогие шали, сыну – избранные труды Саади Ширази.

Для безопасного прохождения по Военно-Грузинской дороге И.Ф.Паскевич выделил Хосрову Мирзе отряд из двенадцати казаков. С российской стороны миссию сопровождал генерал-майор П.Ю.Реннекампф. На сложных для передвижения ущельях Дарьял и Ларс посольство несколько раз подвергалось нападению горцев. Мирза Мустафа хан Афшар пишет, что *«при нападении горцев, после первого выстрела принц пересел с экипажа на коня и стал сражаться как бесстрашный боец. Все, особенно казаки, были поражены его храбростью».*

Не только иранский историк, но и автор посвященного Грибоедову исторического романа «Убийство посла» Юрий Тынянов в своих описаниях представляют принца как умного дипломата и бесстраш-

ного воина. В 1829 году, повстречавший во время путешествия по Эрзеруму принца А.С.Пушкин написал: *«В Пайсануре остановился я для перемены лошадей. Тут я встретил русского офицера, провожающего персидского принца... В полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозров-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул со своей коляски и кивнул мне головою. Несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услыша свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище».*

Интересной была и другая встреча А.С.Пушкина с нашим соотечественником (24 мая 1829 г.). Дворцовый поэт Фазиль хан Шейда устыдил Пушкина своей тактичностью и высокой культурой поведения. Об этом Александр Сергеевич упоминает в своих записках «Путешествие в Эрзерум»: *«Ждали персидского принца. В некотором расстоянии от Казбека попались нам навстречу несколько колясок и затруднили узкую дорогу. Покамест экипажи разъезжались, конвойный офицер объявил нам, что провожает придворного персидского поэта и, по моему желанию, представил меня Фазиль хану. Я, с помощью переводчика, начал было высокопарное восточное приветствие; но как же мне стало совестно, когда Фазиль хан отвечал на мою неуместную затейливость простою, умной учтивостью порядочного человека! «Он надеялся увидеть меня в Петербурге; он жалел, что знакомство наше будет непродолжительно и пр.» Со стыдом я принужден был оставить шутивно-важный тон и съехать на обыкновенные европейские фразы. Вот урок нашей русской насмешливости. Вперед не стану судить о человеке по бараньей папaxe и по крашеным ногтям».*

Азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда произвел довольно приятное впечатление на Александра Сергеевича. Пребывая под этими впечатлениями, на почтовой станции Коби Пушкин пишет стихотворение:

*Благословен твой подвиг новый,
Твой путь на север наш суровый,
Где кратко царствует весна,
Но где Хафиза и Саади
Знакомы... имена.
Ты посетишь наш край полночный,*

*Оставь же след ...
Цветы фантазии восточной
Рассыпь на северных снегах.*

К сожалению, в трудах А.С.Пушкина, как и в других русскоязычных источниках азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда и принц Хосров Мирза Каджар представлены как персы.

Фазиль хан Шейда родился в 1784 году в Тебризе. Учился он сначала у своего отца Мамеда Гусейна, потом у шейха Абдуллы и, наконец, у известного тебризского муштехиды Мирзы Ахмеда. *«Назначая себя к духовному званию, он ревностно изучал арабский язык, но тревожный призыв поэзии отвлекал его от сухого учения мусульманских богословов, стих невольно влетался в метафизические богохваления. Наконец, при занятии Тебриза русскими войсками, одно незначущее обстоятельство решило его разрыв с духовенством. Пораженный подвижностью преданности многих персидских вельмож, которые раболепно льстили прежде Аббасу Мирзе, - а потом первые предались, заклеил их именами едкими стихами сатиры, имевшей большой успех в народе, но принудившей его бежать из Тебриза.*

В изодранной шубе и с легкой ношею таланта и знания отправился он в Дех-Арган, где в это время Аббас Мирза вел переговоры о мире с князем фельдмаршалом Паскевичем. Здесь он скоро сблизился с некоторыми из мусульман, и полковник Аббас Кулу ага Бакиханов имел честь представить его князю Паскевичу, удостоившему его самым благосклонным приемом. Вместе с тем он понравился и Аббасу Мирзе, который скоро оценил его редкие познания в персидской и арабской литературах и назначил его учителем к принцу Хосрову Мирзе. Когда Хосров Мирза отправили к высочайшему двору в Петербург, Фазиль хан был помещен в его свиту в качестве придворного поэта» (газета «Кавказ». 1852, № 49)

О пребывании принца Хосрова Мирзы и поэта Фазиль хана в Петербурге очень интересные сведения сообщает в своих воспоминаниях О.А.Пржелицлавский (*«Русская старина». 1883, август*). По словам мемуариста, Фазиль хан вел в Петербурге вместе с принцем очень широкую жизнь, *«влюблялся в разных петербургских барышень и писал в альбом стихи на своем языке».*

Из петербургских знакомых Фазиль хана особенно интересна его связь с графом Д.И.Хвостовым. В «Невском Альманахе» за 1830 год было напечатано «Послание гр. Хвостова к Фазиль хану Шейда по

случаю воздухоплавания Робертсона, на котором автору случилось быть с персидским поэтом». Во время пребывания в Петербурге, поэт посвятил оду Николаю I.

По возвращении в Иран Фазиль хану часто изменяло счастье и он, после многих злоключений и неприятностей, созданных ему благодаря визирю Мамед шаха Мирзе Гаджи Агасы, бежал «морем в Баку, откуда он и прибыл в Тифлис при генерале Головине. Здесь вначале терпел он большую нужду, но потом по временам получал вспомоществование от казны... В 1846 году ездил с Н.Ханыковым, в качестве переводчика, в Трабизон, а в 1847 году, привлекиши на себя благосклонное внимание князя-наместника, был назначен учителем мусульманского курса в здешнее Тифлисское шиитское училище и в этой должности оставался до смерти».

Не смирившись с шахским режимом, в 1844 году поэт покидает родину своих предков и находит пристанище в Тифлисе. Здесь он работает в «Школе Али», поддерживает творческие связи с М.Ф.Ахундаде, М.Ш.Вазехом, известным востоковедом Н.Ханыковым.

Вот, что говорится в сообщении газеты «Кавказ» об открытии 12 декабря 1847 года первого «татарского» училища в Тифлисе: «По прочтении учителем русского языка Г.Григорьевым высочайшего позволения об открытии училища и утверждении устава и штата его, тут же переведенного на татарский язык учителем мусульманского курса Фазиль ханом, здешний шейх-уль-ислам Ахунд Мола Мухаммед прочел на персидском языке хутбу, после того Мирза Фазиль хан произнес хутбу на арабском языке»

«Фазиль-хан отличался большим трудолюбием и чрезвычайной легкостью редакции на персидском, арабском и турецком языках, - замечает далее Ханыков в своем некрологе, - кроме множества стихов он оставил в более или менее отделанном виде «Выбор Хадисов», «Толкование трудных мест Корана», «Основания арабского языка», «Персидскую грамматику» и «Мусульманский катехизис на турецко-азербайджанском наречии», принятый за руководство в здешних шиитских школах».

Фазиль хан Шейда скончался в Тифлисе 1 марта 1852 года.

Петербургское Путешествие

Побыв несколько дней в Тифлисе, посольство принца Хосрова Мирзы прибыло в Пятигорск, где познакомилось с чудными свойствами Кавказских минеральных вод. В честь приезда высокого гостя на горе Машук соорудили специальный памятник-монумент, на котором по предложению принца высекли слова великого поэта Саади Ширази:

*Брат! Этот мир никому не останется!
Привяжись сердцем к создателю мира*

*Не полагайся на мирское царство, за спиною которого
Рождено и убито много лиц, подобных тебе!*

*Слава доброго дела, оставленная человеком,
Лучше, чем оставшийся дворец золотой.*

*Начертал покорный Хосров Мирза.
1244 год хиджры*

Всюду, где только не побывал высокий гость - в Ставрополе, Новочеркасске, Воронеже, Рязани – ему был оказан торжественный прием. Таков был приказ императора Николая I, желавшего продемонстрировать персам, что русские не злопамятны и быстро забывают обиду.

В Новогорске специальный вестовой шаха, догнав посольскую миссию, передал принцу личное письмо Фатали шаха императору Николаю I. Через шесть недель миссия прибыла в подмосковное село Коломну. Отсюда их в Москву сопровождал выделенный императором специальный конвой конного полка.

Торжественная встреча высокого гостя состоялась у Серпуховских ворот, на Тверском бульваре в Москве, под звуки императорского оркестра и орудийных залпов. Затем гостей проводили до особняка графини Разумовской, который предназначался для принца и его свиты в качестве резиденции в дни пребывания на московской земле.

На встречу с принцем в Москву прибыли известные аристократы, купцы, во главе с генерал-губернатором города князем Голицыным. Князь поздравил принца с благополучным прибытием в

Москву и вручил ему дорогой подарок.

В Москве помимо Кремлевского дворца, Оружейной палаты, Большого театра он посетил Университет, кадетский корпус, архив коллегии иностранных дел и т. д. После непродолжительного отдыха принц изъявил желание нанести визит к матери А.С.Грибоедова Настасье Федоровне. Принц просил прощения за смерть сына от имени своего народа. Из агентурных записок, представленных в III отделение Бенкендорфа: «Она никак не ожидала Его приезда! Свидание их было, как сказывают, очень чувствительно и интересно, разумеется, она как мать не могла быть равнодушною, увидя единоземцев народа, который лишил ее сына. Принц со слезами у нее просил за них прощения ее, чтоб она сказала ему, в чем он может ей быть полезен, жал ей долго руку и в это время слезы катились по лицу Его».

Этот поступок принца вызвал сочувствие и понимание в обществе и расположил москвичей к нему. Природная статья Хосрова Мирзы, его добродушие и порядочность очаровали высокопоставленных московских аристократов. Бытовавшее до этого нелестное мнение графов и графинь, князей и княгинь о восточном воине изменилось.

Несколько дней принц ознакомился с достопримечательностями города. 4 августа 1829 года он прибыл в Петербург.

Несмотря на просшествоие многих лет в государственных архивах Грузии и дореволюционных исторических произведениях сохранились интересные материалы о путешествии принца Хосрова Мирзы в Петербург. Но наиболее реальны воспоминания, описанные участником этого путешествия, историком Мирзой Мустафа ханом Афшаром. Вот как описал встречу наследного принца Хосрова Мирзы с императором Николаем I: *«В Петербурге наше посольство остановилось в Таврическом дворце. На день раньше, до официальной встречи с императором, на прием к принцу пришел генерал-адъютант граф Сухотелин. Он попросил Хосрова Мирзу написать текст речи, с которым тот должен был выступить на приеме у императора. Личный сопровождающий принца Эйтешам и гражданский секретарь-переводчик Мирза Максуд вместе приготовили выступление, перевели его на французский язык и передали генералу Сухотелину. Генерал сказал, что это торжественное выступление на много смягчит вину Ирана».*

Граф Сухотелин, получив в 10 часов личный приказ царя, отправился в Таврический дворец и от имени российского императора пригласил персидского посла на аудиенцию. Принц и его свита сели в

присланные кареты, и парадное шествие началось.

Шел мелкий дождь. Процессию открывали 300 конногвардейцев в медных и позолоченных доспехах и касках, с обнаженными палашами, распущенным штандартом, играющими трубами и литаврами. Они ехали верхом на вороных конях. Далее шествовали берейторы и конюхи в парадных статс-ливреях, ведя на поводу дюжину отборных коней в богатых уборах. Следом вереницей двигались семь четырехместных карет со свитой принца. За ними шли парами 36 дворцовых служителей, и ехала золоченая карета с гнедым цугом, в которой сидел персидский принц и предводитель граф Сухотелин. Почетный конвой окружал посольскую карету, близ которой ехал верхом переводчик Шаумбург в парадном мундире. Замыкали процессию 300 кавалергардов в медных и позолоченных доспехах и касках, на гнедых конях.

Привлекая внимание, длинная процессия проследовала по Литейной и Пантелеймоновской улицам. Из-за дождика только центральные улицы, по которым проезжал принц, были полны народом. Многие люди выглядывали из открытых окон домов и стояли на балконах. Свернув на Малую Миллионную улицу кортеж проехал под огромной триумфальной Аркой Главного штаба и выехал на мощеную камнем Дворцовую площадь, через центр которой двинулся к желтому Зимнему дворцу.

Император, получив от обер-камергера графа Литта известие о прибытии персидского посла, повелел проводить его до дверей Тронного зала. Следуя между шеренгами лейб-гвардии, принц Хосров Мирза и свита прошли вначале через залы, где собрались именитое купечество первых двух гильдий и старшие армейские офицеры.

Принц бережно нес в руке шахскую грамоту в драгоценном футляре с печатью. Этот ценный документ, действительно, стоил больших усилий. С правой стороны Принца шел обер-гофмаршал Нарышкин, а с левой - предводитель Сухотелин. За послом попарно двигались Мамед хан, Мирза Масуд, Мирза Сале и Мирза Баба, адъютант Семино и переводчик Шаумбург. Остальные члены свиты принца остались в Концертном зале. Во всех залах дворца, где проходил персидский посол, ему отворялись обе половины больших тяжелых дверей. Процессия была остановлена в Военной галерее у закрытых дверей Георгиевского зала.

К этому времени в Георгиевском тронном зале собрался весь высший свет России. Император и императрица встали перед последней ступенью трона, как символ снисхождения, а цесаревич и великие

княжны со статс-дамами взошли на особый помост с балюстрадой, справа от трона. Поблизости от государя находились министр Императорского двора князь П.М.Волконский, вице-канцлер граф К.В.Нессельроде и дежурный генерал-адъютант П.А.Клейнмихель. Справа от трона стояли члены Государственного Совета и Сената, Главный штаб, наличный генералитет и старшие офицеры гвардии. С левой стороны трона находился Дипломатический корпус, весь Двор, персоны первых четырех классов. На хорах зала стояли дамы разных классов.

Обер-камергер граф Ю.П.Литта в парадном мундире вышел в центр зала.

Стало тихо. Ударами длинного жезла и громовым, как иерихонская труба, голосом он объявил: «Посол Его Величества персидского шаха, принц Хосров Мирза».

Тяжелые дубовые половины главных дверей, украшенных золоченым декором, бесшумно распахнулись. Сопровождаемый придворными принц Хосров Мирза со свитой вступил в Георгиевский зал. Чины двора, сопровождающие посла, сразу отошли вправо и встали вместе с другими придворными.

Войдя в зал, принц и его свита сделали у дверей первый низкий поклон и посреди зала - второй. Здесь особы персидской свиты замерли на все время аудиенции и, почтительно опустив головы, «превратились в слух». Все персы, кроме офицера Семино, были в длинных богатых одеяниях из узорчатого индийского кашемира, с каракулевыми колпаками на головах. Далее Хосров Мирза отделился от своей свиты и, пройдя несколько шагов к императорской чете, отвесил особо глубокий, по-восточному почтительный поклон.

Двери залов дворца были широко открыты, чтобы всем присутствующим на аудиенции, а их было около 5 тысяч человек, были слышны извинения посланца Персии. В наступившей тишине принц, стараясь не смотреть на императора, начал громко читать свою извинительную речь от имени персидского шаха на родном языке. Он читал с видимым волнением. Гортанные непонятные иноземные звуки наполняли все пространство Георгиевского тронного зала и через широко открытые двери уносились в соседние залы дворца. Застывший, как величественная статуя, император спокойно и, почти не мигая, пристально смотрел на персидского принца. Когда Хосров Мирза закончил свою речь, глава азиатского департамента К.Родофиникин громко зачитал ее перевод, подготовленный вместе с Сухотелиным

(последний хорошо знал персидский и азербайджанский языки, которые изучил за долгие годы пребывания на военной службе в Иране):

«Могущественный Государь Император! Спокойствие Персии и священный союз между Вашим Императорским Величеством и великим обладателем Персии, дражайшим моим повелителем и дедом, были противны духу зла. Он воздвиг в Тегеране толпу неистовую, совершившую в начале текущего года неслыханное злодеяние, жертвой которого стала российская миссия. Такое злополучное происшествие покрыло глубоким мраком скорби весь наш дом и всех его верноподданных. Ужаснулось праведное сердце Фетх-Али-шаха при мысли, что горсть злодеев может нарушить мирные и союзные отношения между Его Высочеством и Великим Государем России. Он повелел мне, внуку своему, поспешить в столицу Вашей державы. Он уверен, что глас мой, глас правды, обратит на себя милостивое внимание Вашего Императорского Величества и сделает дружбу между двумя величайшими и могущественнейшими государями мира - незыблемой. О сем мне поручено именем могущественного моего повелителя просить об этом Вас, Великий Государь, предать вечному забвению происшествие, оскорбившее равно двор российский, как и двор персидский. Пусть познает Вселенная, что и при сем самом ужасном случае два мудрых монарха откровенно объяснились и все недоумения и подозрения исчезли, всему положен возделеннейший конец. Наконец я, избранный для ходатайства по сему важному обстоятельству, признаю себя достигшим высочайшего счастья, удостоясь предстать перед Вашим Императорским Величеством и, исполнив волю прародителя моего, утвердить навеки доброе согласие между двумя народами, коих само Провидение ведет к взаимной непоколебимой дружбе».

Послание заканчивалось четверостишьем шейха Саади:

*Пришла пора опять скрепить
Союз приязни снисхожденьем -
И все минувшее затмить
Благотворительным забвеньем.*

По прочтении перевода, принц Хосров Мирза почтительно подошел к ступеням трона и с поклоном подал двумя руками царю извинительную грамоту шаха. Император принял ее и передал вице-канцлеру. Граф Нессельроде осторожно принял от государя гра-

моту и бережно положил ее на небольшой стол, покрытый малиновым бархатом с золотым галуном. Затем, с этого же столика, он взял папку с приготовленным кратким ответом послу от Высочайшего имени и прочитал его с легким акцентом: *«Его Императорское Величество повелевает мне уверить ваше высочество в том совершенном удовольствии, с каким он внимал объяснениям вашим и изъявлению праведного сетования от лица Вашего Государя. Движимый чувствами великодушными, Его Величество Шах не мог, конечно, без ужаса взирать на злодейство, имевшее целью расторжение дружественных связей между двумя державами, еще недавно примирившимися. Он ознаменовал сие Посольством вашим, долженствующим рассеять всякую тень, которая могла бы помрачить взаимные сношения России с Персией после происшествия столь плачевного. Да будет уверение это принесено вами Его Величеству Шаху: да будет он убежден вами в непоколебимой воле Его Императорского Величества всегда сохранять мир и утверждать узы дружбы и соседского согласия, благополучно возобновленные в Туркманчае. Избрание вашего высочества для этих изъявлений крайне приятно Государю Императору. В этом вы благоволите удостоверить теми чувствами, которые теперь изъявлены мною от имени Всемилостивейшего моего Государя».*

В знак дружбы император объявил о том, что отказывается от девятого курура контрибуции и на пять лет откладывает уплату десятого курура (один персидский курур равен двум миллионам русских рублей серебром), которые Персия должна была платить России по условиям Туркменчайского договора.

Затем этот ответ был прочтен Мирза Масудом по-персидски. Потом, отступая от утвержденной процедуры, царь вышел из-под балдахина трона, подошел к Хосрову Мирзе и, подав принцу правую руку, неожиданно звонким голосом, близким к тенору, сказал скороговоркой: *«Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие».* Большая и жесткая ладонь российского императора довольно сильно, но осторожно пожала небольшую и пухлую ручку персидского принца. Таким образом могущественный император России всепрощением ответил на злодейское убийство своего полномочного министра.

Затем слово было предоставлено поэтам двух государств. Дворцовый поэт, граф Дмитрий Хвостов (1757-1835), поклонившись принцу Хосрову Мирзе, прочел стихотворение «Внуку правителя Вос-

тока», написанное в его честь:

*«Не умолчит правдивое потомство
Высоких душ прямое благородство
И огласит, остепеня молву,
Что внук царей державного Востока,
Едва узрел седьмхолмную Москву,
Средь быстрого любви и чувств потока,
Искал в ней мать-печальную жену,
И лет числом и горем удрученну.
Он, оценив потерю драгоценну,
С родившею тоски ее вину,
О сыне скорбь, рыданье разделяет
И слез поток, состраждя, отирает.*

*Граф Хвостов
10 августа 1829 г.»*

Хвалебную оду в адрес русского престола зачитал и азербайджанский поэт Фазиль хан Шейда.

Таким образом была предотвращена новая война между Россией и Ираном.

Вот как описал принца Хосрова Мирзу журнал «Русская старина»: «Принц был среднего роста, строен, имел очаровательные глаза и необыкновенную приятную улыбку; обладал живостью в разговоре, и был замечательно приветлив в обхождении».

- Ого, принц, какой гордый, скорее самодовольный, - с намеком сказал граф Алексей Чечурин.

- Дорогой, видимо вы не хорошо знаете восточных людей. Ведь он принц, хоть он вам показался гордым, он очень умный и тактичный человек. И еще, чему удивляетесь? В настоящее время властелинами Персии являются Каджары, а он из представителей этого знатного рода. Я думаю, любому нашему графу, князю далеко ему в благородности.

- Будьте добры, откуда у вас такая благосклонность к принцу, сударыня?

- Мне повезло с ним увидеться на бале, удалось потанцевать во дворце Потockого... Особенно меня очаровали его тактичность, восточное добродушие.

- Ого, сударыня, Вы очарованы им. Вернее, вы влюбились в принца. Это мое мнение, наверное...

Графиня Ольга Лихерева, играя нежным веером, нежно сказала:

- Верно нашли граф, с тех пор как я его увидела, мой дух плывет в небесах с ангелами. Во сне вижу таинственный восточный пейзаж. Вижу сказочный дворец, слуги, служанки и их властитель принц Хосров Мирза со мной. Ах, лишь бы мучающая меня тоска сбылась...

Она приняла вид бедного, несчастного человека.

- Не мучайте себя, сударыня, эта любовь не сбудется. Не забывайте, что на совести принца кровь нашего любимого поэта Александра Сергеевича Грибоедова...

- Граф, принц не провокатор как армянин, чтобы напрасно пачкать руки кровью. Все аристократы дворца, вся Россия знает, что виновником напрасно пролитой крови, вернее, виновниками трагической смерти Грибоедова были казначей шахского дворца Яков Маркарян и штабс-капитан Мелик Шахназарян. Ради Бога, прошу вас, граф, не говорите при мне плохо о принце. Вы сами свидетель, как торжественно принял его сам император. Все вины Ирана он ему простил.

- А принц взамен подарил России один из драгоценных бриллиантов мира.

- Вы видите холодный алмаз как музейный экспонат и не замечаете красоту принца. Какой вы бессердечный, - сказала графиня Ольга Лихерева и медленно удалилась от собеседника...

Из исторических документов, воспоминаний современников становится ясно, что принц Хосров Мирза Каджар, несмотря на свой юный возраст, был достаточно эрудированным и талантливым в областях литературы, истории и музыки.

Великий русский композитор Михаил Глинка использовал мотивы азербайджанской народной песни «Qalanın dibində» в опере «Руслан и Людмила». В частности, он отмечает: «Осенью того же года (1829 г.) у Штерича я услышал персидскую песню, спетую секретарем министра иностранных дел Хозрева Мирзы. Этот мотив послужил мне для хора «Ложится в поле мрак ночной» в опере «Руслан и Людмила»» (М.И.Глинка «Литературное наследие» художественные мемуары. Москва, 1952 г., т. 1, стр. 112 и 416).

Находившийся до 18 октября 1829 года в Петербурге принц Хосров Мирза Каджар был с любовью и почетом принят в высших кругах.

В начале 1830 года принц прибыл в Тифлис, откуда благополучно вернулся в Персию.

Возвращение в Персию

Обратный путь принца на родину пролегал через Карабах. По приказу кавказского наместника, Шекинские, Ширванские и Карабахские беки, ханы, агалары выходили встречать принца. Расквартированный в Тертере мусульманский (азербайджанский) кавалерийский полк сопровождал принца до границ Гянджинского ханства.

Супруга известного просветителя Гасан бека Зардаби Ганифа ханум Меликова в своих воспоминаниях пишет: «Дядя Гасан бека, Рагим бек вместе с другими знатными людьми Ширвана был в числе тех, кто встречал возвращающегося из Петербурга принца Ирана Хосрова Мирзу. Рагим бек, увидев разодетого в дорогой атлас, разукрашенного драгоценными камнями принца, сказал рядом стоящему беку: «Я бы надел на этого принца короткий бешмет, посадил его на неоседланного коня и отправил его изучать управляемое им государство. Вот тогда он стал бы настоящим шахом».

15 февраля 1830 года Хосров Мирза вернулся в Тегеран и был благосклонно принят дедом Фатали шахом. Принц передал шаху грамоту императора России Николая I.

Познакомившись с содержанием письма императора, Фатали шах приказал немедленно созвать собрание, дабы «вслух его зачитать» придворной шахской знати. В коротком письме император писал: *«Мне приятно, что Хозрев-Мирза был избран вашим величеством для укрепления союза Персии с Россией. Похвальные качества его в непродолжительное пребывание в России приобрели ему не только Мое благоволение, но и любовь всеобщую. Я поздравляю вас, державный государь, со внуком, подающим блестящие надежды: он явился здесь достойным сыном любимого вами наследника вашего. В заключении я долгом считаю поручить Хозрев-Мирзу особенному вниманию и милостям вашего величества».*

В одночасье разнеслась по государству слава юного принца Хосрова Мирзы, предотвратившего новую войну между Персией и Россией. Выросла популярность его среди простого люда.

После успешного визита в Петербург, Фатали шах стал относиться к принцу уже как к полноправному представителю Каджаровского рода. Но больше других успехи принца радовали его отца, наследника престола Аббаса Мирзу.

В 1831 году Хосров Мирза стал самостоятельным правителем города Кирман, а затем – Ак-Дербента. У него были все шансы занять высокое положение в государстве. Однако судьбе угодно было распорядиться иначе. В 1833 году скончался его отец, наследник шахского

трона Аббас Мирза. Через год не стало и Фатали шаха. На престол взошел его внук Мамед Мирза. И как часто случается на Востоке, окружению удалось убедить молодого, неопытного шаха, что брат Хосров Мирза с другим братом Джахангиром плетет интриги с целью завладения престолом. В 1834 году по приказу Мамед Мирзы оба брата были ослеплены и поселены в местечке вблизи Хамадана.

Принц Хосров Мирза умер в 1875 году, на шестьдесят третьем году жизни, на 27 лет пережив брата Мамед Мирзу шаха. Его с почестями похоронили в Кербале. После него остались сын Мухаммедали Мирза и дочь Шукрия Афаг, известная своей красотой на всем Востоке.

Сын наследника престола Ирана Аббаса Мирзы от невольницы Хырда ханум принц Хосров Мирза Каджар оставил заметный след в истории русско-иранских отношений, его имя с благодарностью и уважением произносилось во все времена.

В 1869 году, через сорок лет после его посещения России, русская графиня и писательница А.Д.Блудова написала: *«Принц Хосров Мирза действительно был красивым юношей. Его ум и внешний вид очаровывали человека. С тех пор прошло 40 лет, но я не могу забыть этого черноглазого привлекательного принца».*

* * *

Я с детства люблю историю, и когда я довольно часто встречаю в среде молодежи людей, у которых мало настоящего живого интереса к истории, я думаю, что это не столько их вина, сколько их беда.

История - это люди, это характеры, это бесчисленные необыкновенные происшествия и необычайные подробности. История - это удивительная цепь событий - трагических, георических, анекдотических. Для того чтобы по-настоящему полюбить историю, ее надо изучать как живого человека, а не как музейный скелет.

***Константин Симонов,
известный русский писатель***

ПОСЛЕДНИЙ НАИБ ШЕЙХ ШАМИЛЯ (Судьба Генерала Султан Даньял Бека Илусуйского)

В 1844 году во время управления султанством Даньял бек, приставленный к нему генералом Нейдгартом переводчик-секретарь Камсаркан, армянин по национальности, узнал о намерении султана поднять восстание и присоединиться к Шамилю. Камсаркан задумал тайно донести об этом генералу Григорию Шварцу, однако его донесение попало в руки самого Даньял бек султана, который сразу же приказал казнить армянина Камсаркана за предательство и четвертовав выбросить его тело в реку Курмук.

После долгой молитвы в Джума-мечети, Даньял бек вышел на площадь с Кораном в руках и обратился со следующей речью: «Все, что только человек может пожелать на этом свете, я имею. Но теперь, познав, наконец, истину, пренебрегаю всеми почестями, славой и богатством, посвящаю себя единому Богу».

Народ слушал его с энтузиазмом и тотчас надел белые чалмы в знак присоединения к мюридизму.¹

Илусуйский султан Даньял бек, переодетый в азиатский костюм с огромной почетной чалмой на голове, стал первым обходить правый фланг. В это время начальник Джаро-Белоканского военного округа генерал Шварц, приблизив главные силы, двинул в наступление все войско тремя колоннами.

Илусуйцы на всей линии наступления встретили русское войско ужасным огнем. Завязался упорный рукопашный бой. Султан Даньял бек был впереди сражающихся и, кажется, искал смерти, а его отборные мюриды, около пятисот человек, стояли в тылу сражавшихся ско-

¹ Мюридизм (от арабск. мюрид - ученик высшего мусульманского духовного наставника) - религиозно-мистическое и политическое направление в исламе получившее распространение на Кавказе в 19-веке. Хотя в основе этого направления лежали приципы, выработанные еще в 19 веке аль-Кадири и дополненные затем в 14-ом веке Бахааудином Нагибанди идеей равенство людей перед богом в загробной жизни, призывали к самоотречению, к бедности и самоуничижению. Приобрело самостоятельность лишь в 19-ом веке, когда был выдвинут лозунг спасения Ислама от "неверных". Главным в этом течении была идея Джихада (Газавата) - войны как против неверных, так и мусульман оказавшихся на их стороне или уклонившихся от участия в Газавате.

пищ, с угрозой стрелять в своих, если они не будут сражаться.

Русские, опрокинув штыки, гнали неприятеля в гору к стене, где левый флаг находился у неприятеля в тылу. Грозный султан, заметив опасное положение своих войск и потеряв надежду удержаться на позиции, подал знак к общему отступлению.

Из низших чинов убито восемнадцать и ранено шестьдесят девять человек, всего потеряно 350 человек. По официальным источникам, Султан Даньял бек потерял убитыми, ранеными и пленными свыше пятисот человек и семь знамен, которые по повелению императора препровождены в Петербург.

Знамя Султана было двухконечное, белое холщевое с красной каймой, четырехгранным копьём из дерева и арабскими надписями на нем, которые гласили: «Не каждый воин достоин ездить на коне. Не каждая рука достойна держать копьё. Достоин похвал тот храбрый воин, который бросается в битву с пылкостью льва».

«Илисуйского султана Даньял бека владения были не велики, но сам он был человек умный, храбрый и влиятельный. Его влияние было сильным не только в границах своих владений, Джарах и Белоканах, но также его поддерживали во многих закавказских провинциях: Шекинской, Куткашенской, Кубинской и Ширванской. А не понравилось ему у русских то, что он ограничен был в своих правах на жизнь и смерть своих подданных и прочее. С переходом Даньял бека на сторону Шамиля взволновались Джары и Белокан. Даньял бек всегда имел на эту область влияние и легко мог своим появлением поднять ее».¹

... Целую неделю войска отряда разоряли аул Илису. Из подвалов султана было изъято много съестных припасов: чай, сахар и разные напитки. Помимо этого в тайниках были найдены медная посуда и дорогие ковры. Всё это забрал отряд и от солдат, конечно же, это всё перешло в руки маркитантов. В заключении генерал Шварц приказал сжечь аул Илису, как «адское гнездо мятежа».

Кази Мухаммед – сын Шейха Шамиля от первой жены Фатимат. Родился в 1833 году. Назван в честь первого Имама Дагестана, учителя Шейха Шамиля Кази Мухаммеда.

Кази Мухаммед в 1851 году был объявлен наследником имама. Его жена Керимат ханум была азербайджанкой. Она была дочерью ге-

¹ Проф. П.И.Ковалевский. «История завоевания Кавказа». С.Петербург, 1915 г., стр. 235.

нерала императорской армии Даньял бека Султан Ахмед хан оглы Илисулу (1800-1871), который в течение шестнадцати лет был первым наибом Шейх Шамиля. Он был Илисуйским султаном, перешел на сторону Шейх Шамиля в июне 1844 года. Вскоре, особенно после того, как в 1851 году он выдал свою дочь Керимат ханум замуж за сына имама Кази Мухаммеда, Даньял бек стал ближайшим сподвижником Шейха Шамиля.

Керимет была первой женой Кази Мухаммеда. Она родилась в 1835 году, росла и училась в Тифлисе. Керимет ханум была расчетливой кокеткой и тщеславной красавицей. Красота азербайджанки и восточной девушки и искусство соблазнять ослепили молодого Кази Мухаммеда.

Судьба Керимет ханум – дочери генерала, Султана Даньял бека

Отношения этой молодой и красивой женщины к семейству Шамиля хорошо видны в письме, посланном ею генералу князю Барятинскому перед отправлением его с Кавказа в Калугу. Это письмо, с датой 11-го июня 1860г., очевидно, было составлено самой Керимет, видно что изложенные в нем обстоятельства не были вымышлены составителем. Вот это письмо:

«Отец мой, Даньял бек, обязался подпискою отдать меня сыну Шамиля, Кази Магомеду, как жену последнего.

Не смею и не думаю прекословить священной для меня воле отца моего и правительства, но не могу не высказать пред вами, сиятельнейший князь, тех обстоятельств, которые сопровождали брак мой с Кази Магомедом, и чувств, терзающих меня при одной мысли ехать с мужем моим в Калугу.

Несчастные обстоятельства вынудили отца моего оставить в 1844 году свои владения и удалиться в горы. Шамиль принял его довольно ласково. Я в то время была дитя, и Шамиль, желая более связать с собою отца моего, на которого он много рассчитывал, предложил отцу моему выдать меня за сына его, теперешнего мужа моего, Кази Магомеду. Это, как я впоследствии узнала, была одна политика со стороны Шамиля. Ни я, ни теперешний муж мой не знали друг друга, а потому и не могли питать взаимной привязанности. Отец мой долго, под разными предлогами отстранял брак мой с Кази Магомедом, но к нему приехал сам Шамиль, и отец мой должен был согласиться на его предложение (В то время Даньял бек защищал подступы

к аулу Ириб. Штаб и семья находилась в этом же ауле - Ш.Н.). Несчастный брак мой был заключен, и я вскоре поняла, что, под предлогом жены для своего сына, Шамиль взял меня в свой дом, как заложницу или аманатку, посредством которой мог держать отца моего в желаемых видах. Много испытала я горя в дом Шамиля в течение девятилетней моей жизни у него, и от горя этого не мог даже защищать меня муж мой.

Бог послал, наконец, вас, сиятельнейший князь, спасти всех пленных и притесненных Шамилем. Вы покорили Дагестан, и я вместе с прочими была освобождена от тяжкого и продолжительного плена. Но участь моя изменилась к лучшему только на время: я должна опять идти к Шамилю, жить в его доме и, без сомнения, терпеть от него большие притеснения, чем терпела прежде. Шамиль считает отца моего изменником против себя и нелепо думает, что будет главным проводником выказанной впоследствии ненависти дагестанским народом, доведенным им самим до последней крайности. При таких убеждениях, чего должна ожидать я, дочь смертельного врага Шамиля, в его семействе.

Не мое дело судить, прав или неправ Шамиль в своих убеждениях: я должна только повиноваться воле отца моего и правительства. Но при этом осмеливаюсь пасть к ногам вашего сиятельства, как второго отца и покорителя Дагестана, и со слезами просить оказать, по крайней мере, мне в моем изгнании вашу великодушную и могущественную защиту от притеснений Шамиля и сына его, Кази Магомеда, в их доме, успокоить, по возможности.

Ваше сиятельство, конечно, не сочтите, чтобы слова мои и просьбы происходили от каких-либо особых причин, кроме душевного убеждения в горькой жизни, меня ожидающей. В горах еще более или менее я находила защиту и утешение в отце моем, а в Калуге я могу ожидать их только от Бога, моего государя и вашего сиятельства.

Жизнь Керимет ханум в семье Шамиля в Калуге была очень тяжелой. Из-за отца ее плохо принимал Шейх Шамиль.

Архивные документы, послужившие материалом для составления настоящего очерка, не содержат в себе ясных указаний о том, как именно сложилась жизнь Керимет в доме Шамиля. Но что ей жилось там несладко, видно из двух ее писем, которые она секретно через пристава Руновского хотела переслать своему отцу Даньял беку. Эти коротко изложенные письма, относящиеся к концу 1860 года, ясно свидетельствуют о глубокой внутренней драме, переживаемой ею в то время.

Вот содержание первого письма:

«Великий отец мой, посылаю тебе многие поклоны и приветствия!

Письмо твое я получила, и оно мне доставило большую радость и удовольствие.

Душа моя, отец! Если ты хочешь знать о том, как я живу, то в письме я ничего не могу описать тебе, но, если Богу будет угодно, и мы увидимся в Петербурге, тогда ты узнаешь все, что у меня на сердце.

Прошу тебя писать ко мне как можно чаще. Я послала письмо к брату, но от него письма до сих пор не получила: все укоряют его за это. Сулейман и Мариэт совершенно здоровы.

Об этом письме знает только пристав Аполлон Иванович Руновский, а больше никто не знает. Аполлон со мной очень хорош, если ты к нему будешь писать письмо, то напиши, что Керимет им очень довольна.

Еще желаю я, чтобы Алчи² приехал в Калугу, это будет очень хорошо: тогда тебе будут известны все обстоятельства.

Не вини меня, что не могу писать к тебе в письме обо всем – нет места, где бы писать. Ах, ах, ах! Керимет.

«Лгун Иса Иванович».³

Второе письмо таково:

«Душа души моей, венец головы моей, отец мой, да благословит тебя Бог!

После поклона и молитв, прошу тебя прислать мне твой портрет. Я очень буду этим довольна; если же не пришлешь, то это меня огорчит.

Старшие, что в Калуге, мне много сделали неприятностей. Уведомь, получил ли ты, или не получил моего портрета, который к тебе послал генерал, что в Шуре? Если ты не получил, то я пришлю из Калуги. Получил ли ты оба письма, посланные из Шуры и из Калуги?

Аполлон Иванович Руновский сказал мне: «ты не думай если

² В верности этого имени нельзя ручаться, так как письмо написанное на азербайджанском языке переводилось на русский (Ш.Н.).

³ Подполковник милиции Исай Граммов (1821-1886), по национальности армянин, который родился и вырос в Шуше и в совершенстве владел азербайджанским языком. Он сопровождал Шамиля в Россию в качестве переводчика и затем в марте 1860 года обратно вернулся на Кавказ. В 1881-82 гг. был приставом в Шуше у принца Бахмана Мирзы Каджара.

будет хлопотать отец, то будет хорошо; мы также будем хлопотать». Вот какие слова сказал Аполлон Иванович. От сардара⁴ к Аполлону Ивановичу пришло известие, чтобы он хорошенько заботился обо мне.

Об этом письме не знает ни Кази Магомед, ни кто другой в моем доме. Все, что рассказывал армянин Исай Иванович Граммов, совершенная ложь: ты ничему не верь. Их вражда к тебе известна: в Дагестане у тебя не было худших врагов, как Шамиль и Кази Магомед.

По приезду в Петербург ты все узнаешь, а в письме описать всего нельзя. Я уже писала, что желала бы видеть кого-нибудь из твоих людей, чтобы обо всем дать тебе знать.

Напиши хорошее письмо Аполлону Руновскому: его обращение со мной очень, очень хорошее.

Ах, ах, ах! На бумаге всего написать нельзя.

Посылаю многие поклоны нашей матери и всем родным и домашним. Ах, ах, ах! Душа моя, отец».⁵

Керимет ханум скончалась от чахотки в возрасте двадцати шести лет 4 мая 1861 года в городе Калуга. Как дочь султана и генерала, по приказу императора, ее тело было перевезено за казенный счет в Шеки. Она похоронена рядом с матерью Балаханум.⁶

До перехода на сторону Шейх Шамиля генерал Даньял бек был верным вассалом царской короны и имел награды от государя:

- 28 февраля 1831 года был награжден высочайшим царским орденом «Святого Станислава» 3-й степени;

⁴ Главнокомандующий кавказскою армией князь генерал А.И. Барятинский.

⁵ С этими письмами интересно сопоставить нижеприводимое письмо Керимет, которое она писала к своим родственникам, не скрываясь от семейства Шамиля: «Дорогой и любезной матери Тутубика и уважаемому отцу, зенице ока, султану Даньялу, потом всем родным вообще и в особенности дорогой сестре Эйме. Да будет с вами мир, милосердие и благословение Всевышнего! «Я написала вам письмо на четвертый день приезда моего в Калугу и не знаю, дошло ли оно до вас, или нет. Ваше же письмо, посланное к нам, мы получили только на двадцать девятый день. Одновременно с письмом, которое я написала вам, было мною послано и к любезному брату моему Муса беку, и я знаю, что он получил мое письмо, но до сих пор не имею от него ответа никакого, что очень меня огорчает. Если вы желаете знать о том, как я живу, то я, слава Богу, покойна. Прошу тебя убедительно оказывать внимание и уважение сестре Мариэт и не обижать ее. Прошу тебя также почаще писать ко мне и не оставлять меня без известий. Что же касается меня, то я буду писать к тебе по мере возможности, если это угодно будет Богу. Смирная дочь ваша Керимет, живущая на чужбине и скучающая от разлуки с вами. Прощайте. Писано в Калуге, в пятницу, 24-го числа раби уль ахир, 1278 г.»

⁶ Балаханум была внучкой Шекинского хана Гаджи Челеби хана (? – 1755) – Ш.Н.

- 31 марта 1843 года был награжден орденом «Святой Анны» 2-й степени;

- В 1843 году был награжден орденом «Святого Владимира» третьей степени.

Обидевшись на командующего генерала Нейдгарда, он сорвал с себя русскую военную форму, которую раньше носил с особой гордостью, оделся в бурку и перешел со свитой гору, отыскал Шейх Шамиля и обещал ему поддержку южных провинций Дагестана. Шейх Шамиль принял его очень тепло.

Сохранился орден, выданный отличившемуся командиру сотни Даньял беку Шейх Шамилем с надписью: «Этот орден воину. Аллах дал Даньял Султану и его войску силу, помощь и победу».

И еще – 1846 год орден с арабской надписью: «Этот большой знак принадлежит Даньял беку» от Шамиля.

Генерал-лейтенант Василий Потто в своем историческом произведении «Кавказская война» в пятом томе на 188 странице так охарактеризовал Даньял бека, который вынужденно перешел на сторону Шейх Шамиля: «К общему сожалению, Муса ага, еще молодой и полный жизненных сил, скончался после кратковременной болезни 25 сентября 1830 года. *Ему наследовал брат его, знаменитый Даньял бек, человек умный, храбрый, с твердой волей, - человек, которому суждено было играть крупную роль в дальнейших перипетиях нашей борьбы с мюридизмом, но уже не в качестве илисуйского султана, а в качестве одного из ближайших советников и пособников дагестанского имама и тестя своего – Шамиля.*»

Царь поступил с Шейх Шамилем как полководец-победитель. Он предоставил Шейх Шамилю проживание с семьей в выбранном им месте - в городе Калуге – трехэтажное здание, которое ранее принадлежало помещику, подполковнику Сухотину. По желанию Шейха Шамиля во дворе усадьбы была построена мечеть. Иمامу была установлена пенсия в двадцать тысяч рублей в год. Ему была передана дилижанс-кареता, на которой Шейх Шамиль мог совершать прогулки по городу и окрестности в радиусе 200 километров. Через некоторое время после пленения Шейха Шамиля полковник Аполлон Руновский написал книги «Шамиль» (посвящается победителю Шамилю) и «Заметки о Шамиле», которые были изданы в 1860 году. Император Александр II разрешил Шейх Шамилю встречаться с видными деятелями России мусульманского вероисповедания. Известно, что Имам дважды встречался с выдающимся востоковедом Мирза Кязым беком.

При встрече с Имамом Шамилем азербайджанский профессор Мирза Кязым бек с восхищением писал: «Шамиль очень интересный и выдающийся человек. Он в одно и то же время был великим вождем, героем и имамом. Он был очень сведущим в вопросах мусульманских законов и традиций, так же, как и во всех отраслях арабских наук. Он был спокойным и солидным, торжественным и величественным, в то же время он был прост и полон доброты. Своим умом и распорядительностью Шамиль умел соединить все разьединенные общества Дагестана в одно целое, его важнейшее достоинство – это светлая голова, здравый самородный ум, который всегда и очаровывает, и повелевает. Этим то Шамиль покорил, соединил под свою власть весь Дагестан...».

Перед паломничеством в Мекку и Медину Шейх Шамиль попросил ученого дать ему одну из книг из собственной библиотеки с условием возврата на обратном пути. Но не суждено было вернуться Иمامу в Россию...

Пользуясь покровительством командиров Отдельного Кавказского корпуса, генералов барона Розена и Головина, Даньял бек 16 марта 1840 года был возвышен в чин полковника и числился в лейб-гвардии Грозненского Гусарского Полка. Такие отличия внушили ему мысль, что правительство нуждается в нем, как в правителе страны, лежащей на пути вторжений дагестанских хищников в Кахетию. Исходя из этой мысли, он обнаружил стремление управлять султанством самостоятельно, как наследственный его владетель, добровольно признавший над собою верховную власть российских императоров. *В 1842 г. генерал Головин возбудил ходатайство о пожаловании Даньял-султану снисходящим потомством титула князя Илисуйского и о предоставлении ему тех прав и преимуществ, которыми в то время пользовались владетель Мингрелии и шамхал Тарковский*, то есть полной свободы внутренних полицейских распоряжений, суда и расправы, исключая тяжких уголовных преступлений, подлежащих военному суду. Местному же военно-окружному начальнику генерал Головин полагал поручить только надзор за исполнением султаном его обязанностей, как к правительству, так и по управлению подвластных ему земель. *Ходатайство это было уважено, за исключением той части его, которая клонилась к созданию наследственной династии в роде Даньял бека. 6 декабря 1842 года вместо княжеского титула был ему пожалован чин генерал-майора.* Сул-

тан не признал, однако, свое дело проигранным и, минуя Джаро-Белоканского военно-окружного начальника генерал-майора Григория Шварца, вступил в непосредственные сношения с корпусным командиром, военным министром и даже с Государем, предъявляя все новые и новые требования. Но и генерал-майор Григорий Шварц обладал таким же настойчивым и суровым характером, как и Даньял бек. В начале 1844 г. он потребовал от султана сбора милиции для готовившейся экспедиции в Дагестан. Султан сообщил корпусному командиру, что даст милицию, если правительство удовлетворит его просьбы. Ответа на это заявление не последовало и вскоре было получено известие, что 5-го июня 1844 г. Даньял бек, в мечети селения Илису, торжественно присягнул принять сторону Шамиля и заставил присягнуть в этом и своих подвластных. Генерал-майор Шварц немедленно вступил с отрядом в пределы Илисуйского владения и именем правительства объявил населению, что бывший султан, как изменник и государственный преступник, лишен всех прав и преимуществ. Попытка Даньял бека оказать вооруженное сопротивление не имела успеха: генерал-майор Шварц дважды разбил его скопище (8 и 14 июня), а 21 июня взял штурмом укрепленное селение Илису. Низложенный султан бежал в Дагестан. В течение 16 лет был он деятельным сотрудником Шамиля, который пользовался его услугами, женил своего сына Кази Магомед на дочери Керимат.

Наконец, когда в 1859 году началось концентрическое движение русских отрядов вглубь Дагестана, не допустив имама укрыться в укрепленном ауле Ириб, бывший султан сдал этот аул русским войскам и 7-го августа явился повинною к князю Барятинскому. Султан Даньял беку 25 сентября 1861 года царь на радостях возвратил генеральский чин, ордена с соответствующим окладом, ежегодно три тысячи рублей, и разрешил проживать на Кавказе в городе Нухе, но числясь в отставке. Даньял бек рассчитывал на возвращение Илисуйского султанства, но обманулся. Считая себя обиженным, он в 1869 году ушел навсегда в Турцию. Ещё до выезда в Константинополь напечатал он в газете "Кавказ" (1861 г. № 8) обширное письмо, в котором оправдывает свой образ действий в 1844 и 1859 годах. Весной 1999 года, в ходе научно-поисковых работ в Тбилисском государственном архиве мне удалось обнаружить это уникальное письмо, которое впервые предлагаю вашему вниманию:

Правда генерала Даньял бека Султана

*Я начинаю любить Кавказ, хотя по-
смертной, но сильной любовью. Действительно
хорош собой этот край дикий, в котором так
странно и поэтически соединяются две самые
противоположные вещи-война и свобода.*

*Лев Толстой,
из дневника 9-го июля 1854 года.*

Газета "Юг" (La gazette du Midi), как я недавно только узнал, имеет у себя в Тифлисе очень правдивого и знающего дело корреспондента. Корреспондент этот, от 27-го октября минувшего 1859 года, сообщил ей весьма верные сведения о последних событиях на Кавказе. Он, между прочим пишет, что: "Один известный русский генерал, происхождения татарского, Даньял султан (это я), убежал десять лет тому назад, для избегания, как говорят, последствий наказания, которому подвергнулся на русской службе, и нашел себе убежище у Шамиля. Поступок Даньял Султана и самое его бегство было маневром Императора Николая!.. Как бы ни было, генерал этот (т. е. я) так храбро защищал независимость Кавказа, что Шамиль доверил ему защиту Гуниба, последней своей крепости, которой он владел при входе в Аварию, — ключи от своих гор". Удивительно верные сведения; жаль только, то тифлисский корреспондент газеты "Юг" (La gazette du Midi) не позаботился поаккуратнее разузнать, где именно находился генерал Даньял Султан в то время, когда главнокомандующий кавказской армией, генерал от инфантерии князь Александр Иванович Барятинский (ныне генерал-фельдмаршал) атаковал укрепление Гуниб, в котором взят Шамиль, его семейство и сыновья Шамиля, защищающие крепость. Эта маленькая ошибка со стороны тифлисского корреспондента газеты "Юг" вовлекла его в дальнейшие несообразности с ходом самого дела и, перед всем образованным миром (к которому конечно принадлежит и корреспондент "La gazette Midi"), должна выставить его корреспондентом довольно точным и положительным; в особенности если принять в соображение, что когда был атакован Гуниб, то я, защитник его, уже 10 дней находился в ставке главнокомандующего русской кавказской армией. За всем тем, по фантазии корреспондента газеты "Юг", я защищал Гуниб, чтобы дать Шамилю время прилететь ко мне на помощь, а когда Шамиль прилетел, то все входы в Гуниб, известные только ему одному, были уже заперты конечно не кем либо

другим, а мною, мнимым защитником Гуниба и Шамиль, по словам того же корреспондента, после тщетных усилий, был окружен русскими и взят как герой, а я за столь легкую измену получил пенсioen в двадцать тысяч рублей серебром и огромные владения в Тифлисе (sic!!!-на латинском означает - именно так). Не могу остаться неблагодарным перед тифлисским корреспондентом газеты "Юг" (La gazette du Midi) за ассигновку мне столь значительного пенсиона и других каких то огромных владений; но не могу также умолчать и о том, что г. корреспондент очень правдиво выставил меня перед лицом всей Европы, достойным изменником России и Шамилю.

Тени моих предков, бывших владетелей Илису, и собственная честь моя требуют, чтобы я перед лицом всей Европы, в особенности лиц образованных и благомыслящих, оправдался в этой низкой клевете и доказал бы, что хотя я азиат⁷, но азиат благородный, ценящий честь выше всего и, что гнусная мысль измены, ни России ни Шамилю, никогда не западала в мою душу, а несчастные обстоятельства поставили меня в такое положение, в котором действительно не только русское правительство, но впоследствии и сам Шамиль могли считать меня изменником. В этих видах я решился изложить здесь мою задушевную исповедь, которую и повергаю на суд благомыслящих людей всего света. Может быть, читая эти строки, многие подумают, что я пишу их не по внушению моего сердца, а под влиянием особых каких либо политических видов; но да позволено мне будет уверить всех и каждого, что кроме собственного моего убеждения и искреннего желания защитить честь свою против возведенной на меня клеветы, нет, да и быть не может, других причин к настоящему моему объяснению.

На исходе 1840 года последовало решительное преобразование в управлении закавказским краем, как по административной, так и судебной части. В это время я, как потомок илисуйских владетелей, управлял этим владением, по местному обычаю, имея право на жизнь и смерть управляемого мною народа. Но приводивший в исполнение проект преобразования закавказских провинций, сенатор нашел нужным распространить право этого преобразования на мои владения. Из этого, в 1844-м году, произошли между мною и военными властями, поставленными во главе Джаро-Белоканского округа и илисуйского владения, столкновения, описывать которые в подробности я не считаю здесь нужным, - скажу однако же, что столкновения эти разыгра-

⁷В те годы тюркоязычные народы, проживающие на Кавказе – особенно азербайджанцев, русские называли татарами или азиатами (Ш.Н.)

лись более и более при содействии к тому неблагонамеренных лиц, окружавших меня в то время, и из самых ничтожных получили огромные размеры. Самолюбие мое задето было в высшей степени и я, будучи молод, как знатный азиат чересчур пылок от природы, забылся и сделал шаг вперед, а назад его уже не было возможности сделать!.. От искры бывает пожар, от ничтожного столкновения моего с местною властью образовалась моя гибель!.. Где же тут действие Императора Николая?.. Вспыльчивость заставила меня сделать поступок, через который я лишился звания, сана и 40000 рублей серебром годового дохода; но и здесь я всегда оставался преданным России и его Государю.

Прибыв к Шамилю, я был принят им радушно. Ему было известно, почему я оставил свои владения и явился к нему; как человек очень умный, Шамиль хорошо знал, что я в душе не изменил России; если бы Шамиль был убежден, что я действительно изменил России, то он пренебрег бы мною. В характере Шамяля, как вообще в характере всех великих людей – презирать предательство.

Он, по прибытию моему к нему, позволил мне избрать место для своего жительства, по собственному усмотрению – и я поселился между народами, живущими в границах русских владений, начиная от казикумухского ханства до Кахетии. Резиденцию своей я избрал Ириб, который на собственный свой счет, устроил и укрепил до того, что он считался почти неприступным. Независимо от этого укрепления, я между названными народами устроил и другие крепости, снабдив их арсеналами, пороховыми погребами и вооружал по возможности; словом, поселившись в Ирибе, я управлял всеми горскими народами, которые, до появления моего между ними, почти совершенно не подчинялись власти Шамяля. Со своей стороны, Шамиль не считал меня лицом, зависящим от полной его власти, напротив, он считал меня своим товарищем.

Здесь я должен сделать маленькое отступление от нити моего рассказа и разъяснить по возможности, причины, по которым Шамиль принял меня так ласково и старался сойтись со мною как можно ближе. Шамиль хорошо знал древность и знатность моего рода, знал, что я внук бывшего илисуйского владетеля, знаменитого Сурхай хана, равно и знатного аварского бывшего Омар хана и управлял своим народом, как владетельный султан, наследственно и, что фамилия наша пользовалась особым почетом, смело даже могу сказать, глубоким уважением среди самих горцев. Он также хорошо понимал, что власть его в горах не имеет твердых оснований, потому что она основана на одном религиозном увлечении, которое он успел поселить в народе

свободном, воинственном и религиозном до фанатизма, но не без мысли. Наконец Шамиль хорошо понимал и то, что приобретенная им власть хотя и неограниченная, но сосредоточенная, так сказать, в нем одном и не поддерживаемая ни одним из политических условий, упрочивающих власть над народами наследственно, слишком шатка и, что не только он не может передать своим наследникам, но каждую минуту должен опасаться лишиться ее и сам. На всегдашнюю верность Шамилю и его наследникам, он каждую минуту должен опасаться лишиться ее и сам. На всегдашнюю верность Шамилю и его наследникам из горцев никто и никогда не рассчитывал. Управляемый им народ, увлеченный его религиозным красноречием и умом, в котором у Шамиля действительно недостатка не было, подчинился его личному влиянию беспрекословно. Появление моё в горах он принял за особую милость к нему судьбы. Он рассчитывал, как впоследствии я убедился, что сошедшись со мною и сродняясь, успеет впоследствии упрочить свою власть и распространить ее даже на смежные с Дагестаном русские владения. Не так думал я. Бросившись опрометчиво в горы, как в страну свободную, я не рассчитывал ни на что. Сошедшись с Шамилем, я видел в нем только лицо, умевшее пользоваться обстоятельствами и приобретшее временную власть; здесь скажу, что я не был с ним связан не только присягой, но даже какой либо клятвой.

В первые годы пребывания моего в горах, я не имел никакой особой мысли, цели или намерения. В душе моей таилось одно смутное воспоминание всего случившегося со мною и истинное раскаяние в своем поступке. Более и более сошелся я с Шамилем, который в видах дружбы, начал заговаривать со мною о положении Дагестана, участи его народов, преобразованиях, какие он намерен был сделать и о прочем, выражая при этом, неоднократно, желание заключить выгодный для него мир; при этом делал он мне разные поручения, строго однако же наблюдая за точным их исполнением, и я исполнял их по крайнему моему разумению, со всею точностью; но за всем тем, Шамиль не включал меня в число ревностных защитников Дагестана, в которые так великодушно посвятил меня любезный корреспондент газеты «Юг». Со своей стороны, я не хотел даже думать об измене Шамилю, находящемуся со мною в дружеских отношениях.

Между тем, в управление закавказским краем, на особых правах наместника царского, вступил известный в Европе политик, князь Михаил Семенович Воронцов. Он первый взял под свое покровительство аристократию мусульман и, это имело весьма полезное влияние на весь немирный Дагестан. Шамиль в то время, сколько я мог предпо-

лагать, почти соглашался сдаться, со своими владениями, под покровительство России, с тем, однако же, как для него, так и для его наследников была упрочена власть на управление Дагестаном. Признаюсь, что эта мысль была сообщена Шамилю только мною и, мысль эта скоро распространилась на весь Дагестан. Все знали, однако же, что это мнение было предложено мною Шамилю в видах истинной пользы горцев и в видах прекращения почти 25-ти летней войны, вести которую и на будущее неопределенное время сам Шамиль уже затруднялся.

Время шло, - Шамиль видимо более и более свыкался с мыслью, о необходимости покровительства России для себя и управляемого им народа. Он почти убедился, что прекращением войны с этим государством спасет несколько десятков тысяч горцев от неизбежной смерти; он видел, что Россия безостановочно и с большою энергиею будет вести войну против управляемого им народа, знал, что средства его к продолжению этой упорной борьбы более и более скудеют. Мысль эту разделил и народ; все знали, что Дагестан будет покорён, но большинство ласкало себя надеждою, что до этого еще слишком далеко – не менее одного столетия; весьма немногие были вполне убеждены, что время это очень и очень близко.

Желая от всей души добра добрым горцам и самому правителю Шамилю и, рассчитывая, что последний знал мысли мои в отношении участи Дагестана, прежде чем управляемый им народ, я позволил себе при случаях свободно высказывать свое мнение о необходимости покориться России и странно, что не только не находил противоречия в дагестанском народе, а напротив видел явное одобрение идей этих. Наконец я почти был убежден, что Шамиль сдает Дагестан российскому престолу, на известных выгодных ему условиях, как вдруг Шамилю пришла фантазия быть коронованным в горах. Конечно мысль эта не родилась в голове Шамиля, а кем либо была сообщена ему; как бы ни было, но Шамиль до того предался этой мысли, что предвидел уже себя коронованным и признанным правителем горных народов, не только турецким султаном, но впоследствии и европейским державами и рассчитывал, что Россия не вправе уже будет воевать с ним, как с лицом царственным безусловно; все это Шамиль поселял и в управляемых им народе, который, по простоте своей, верил ему на слово; с большею энергиею Шамиль начал тогда заниматься устройством своих войск; между тем кто-то сообщил ему, что в Европе считают его казну одною из самых богатейших, а военные силы не менее 50000 человек, с соответственным числом артиллерии, постоянно го-

ТОВЫХ к бою!

Эти сведения и переворот в мыслях и намерениях Шамиля произошли именно в то время, когда посилились темные слухи о предстоящем разрыве России с Турцией, по возникшему вопросу о святых местах.

Шамиль видимо изменился и дела дагестанские начали запутываться. Народ, увлеченный внушениями имама и его приверженцев готов был всеми силами содействовать намерениям своего правителя, как между тем разнесся слух, что четыре европейские державы, в том числе и Турция, объявили России войну за притязание ее к последней. Это приостановило на время толки о короновании Шамиля, которого тогда начали уверять, что Россия будет уничтожена и убеждали поддерживать возникшую уже войну всеми его силами, обещая за то большие для него выгоды. Положение Шамиля в это время было довольно затруднительное: 50-ти тысяч войска он не имел, а казны его не хватало на формирование и третьей части этой силы; выказать же себя перед всей Европой столь слабым ему не хотелось. Между тем, он узнал, что Россия одна ведет войну против четырех держав, не ищет и не принимает союзников, а за Кавказом российские войска постоянно во всех битвах с турецкими одерживают победу. Все это имело сильное влияние на Шамиля, который оставался почти во все время войны в выжидательном положении.

Вскоре сделалось известным о восстановлении мира между воюющими державами, заключенном в Париже. Смешно, а между тем правда, что Шамиль почти наверное полагал, что на конгрессе займутся и его делами, что посланники французские и турецкие будут защищать его наравне с Италией. Откуда почерпал Шамиль эти мысли, я и теперь не знаю, но как бы предвидя скорую развязку участи Дагестана, я не вмешивался уже совершенно ни во что, исполнял все приказания Шамиля без противоречия и радовался тому, что он был мною доволен. Со своей стороны Шамиль, с необыкновенным рвением занялся внутренним устройством Дагестана, - усиливал и умножал укрепления, вводил новый порядок в крае, извлекал всевозможные доходы, говоря, что это делает он для войск и даже на мешках с деньгами делал надписи: военная сумма; а народ, лишенный уже и без того своих лучших плодороднейших мест и почти доведенный им до крайности, роптал все более и более и не видя исполнения того, в чем его уверяли, видимо терял доверие и к своему имаму.

Вот в каком положении находился Дагестан в то время, когда было получено известие, о назначении царским наместником кавказ-

ского края, князя Александра Ивановича Барятинского. Назначение это произвело сильное впечатление на Шамиля; казалось, он предчувствовал, что последний час его пробил!.. Зная, однако же, нравственное влияние свое на народ и не лишаясь еще надежды быть коронованным, Шамиль принял твердое намерение остаться себе верным до конца. Умы в Дагестане взволновались еще более, когда получено было в горах известие о восторге, с каким встретили нового наместника все кавказские жители. Народ Кавказа говорил, и слухи эти распространились в горах, что новый наместник царский родился и воспитывался на Кавказе, что он известный воин, любимец Царя, милостив, щедр, справедлив, предприимчив, отличный тактик и счастлив как никто из смертных. Шамиль совершенно упал духом, но не потерялся. Первым делом его было не допустить между горными жителями выгодного мнения о наместнике. Он устроил тайную полицию и жизнью расплачивался всякий, кто только осмеливался сказать, что-нибудь хорошее о князе Барятинском. Шамиль сделался жестоким уже и к своим – явный признак падения! Однако же, деятельность Шамиля, в это время была необыкновенная. Он день и ночь находился в занятиях: то делал, то проверял исполнение сделанных им распоряжений и еще более ко всем сделался крайне недоверчив. О военных предположениях нового наместника князя Барятинского, знал в горах всяких, кто только желал знать это! Они не держались в секрете; каждый горец, (я разумею здесь лиц начальствующих и хорошо знакомых с ходом этой долговременной войны) всматривающийся в планы предположенных действий, ясно понимал, что планы эти не имели ничего общего с прежними военными предположениями. Все ожидали чего-то решительного... Общественные сходки прекратились, о замыслах и набегах не было и помину; как бы панический страх, тяжелым гнетом, лег на весь Дагестан и каждый думал только о том, что, не сегодня так завтра, Дагестан должен пасть.

Кто сколько-нибудь знаком с картой Дагестана, - тот вполне оценит правильный и, можно сказать, гениальный взгляд нового наместника на образ ведения войны. В 1857 году, князь наместник сам не участвовал в экспедициях, но приказал взять Ведено, резиденцию Шамиля и оттеснить его вглубь Дагестана. С восточной стороны Дагестан представляет страшные горные массы, вершины которых в течении десяти месяцев завалены бывают непроходимыми снегами, и с этой стороны почти никогда не предпринималось значительных экспедиций, но в 1858 году, в течении июня, июля и августа месяцев, русские прошли с восточной стороны Дагестана места неприступные, заняли

дидойское ущелье, истребили множество аулов (горных деревень) и явились там, где нога их почти не бывала. Военные действия с северной стороны также были довольно успешны, - и таким образом, в 1858 году Дагестан был сильно сжат с трех сторон; в том же году многие наибы (правители, общественность) Чечни и Аварии сложили оружие и сдались русским. Нанесший первый довольно сильный удар горцам, князь Александр Иванович Барятинский предпринял в 1859 году решительную экспедицию и, три сильные колонны двинулись на Дагестан – с северной, восточной и западной сторон. Ничто не могло устоять против этого могущественного наступления. С западной стороны шел сам главнокомандующий, направляя колонны по речке Койсу, а генерал-лейтенанту барону Врангелю приказал, с его отрядом идти с северной стороны на Хунзах; с восточной стороны колонна, под предводительством генерала князя Меликова, быстрым переходом, ниспровергая все на пути своем, заняла укрепление Анцух и горцы, теснимые с трех сторон, наконец увидели всю силу русских и всю тщетность сопротивления. Большая и малая Чечня сдались окончательно, почти без усилий; сдалась Авария, сдались многие племена, лежавшие на восточной и северной стороне Дагестана. Шамиль вынужден был бросить свою сильную позицию – и бежал с небольшим числом своих приверженцев в Гуниб, укрепился там и ждал последнего своего часа... Все выходы не покорившимся еще горцам, в числе которых находились и управляемые мною народы, были отрезаны; их теснили все более и более, - и тогда всем сделалось очевидным, что предстоит одно из двух: или сопротивляться без всякой пользы и гибнуть, или сдаться главнокомандующему безусловно и просить пощады... В горах, управляемые мною народы меня любили и очень уважали и я положительно знал, что в столь критические минуты от меня зависело спасти их, если только сам не погибну. Тогда только я решился на последнее: места и укрепления, которые находились под моим управлением, я с согласия всего народа сдал без всякого боя, как только представился к тому удобный случай я попросил прощения и милости у князя Барятинского за прежний мой поступок. В это время, я совершенно не рассчитывал ни на что. Князь, как русский великодушный боярин, принял меня ласково, обещал похлопотать обо мне и испросить для меня милость Царскую. Шамиль, укрепившись в Гунибе, со своими сыновьями и приверженцами, кажется твердо решился не сдаваться живым в руки русских; несмотря, однако же на это, великодушный князь Барятинский предложил ему сдаться, спасти тем себя, свое семейство и своих приверженцев. С предложением

этим, в числе прочих, был послан главнокомандующим к Шамилю и я... Шамиль не поверив обещанию главнокомандующего не только даровать жизнь ему, всему его семейству и его приверженцам, но устроить его судьбу на всю жизнь, решился было защищаться до последней крайности; но через 10 дней Гуниб, несмотря на его страшные природные гордыни, которые конечно всем уже знакомы из газет, пал перед храбростью и искусством русских войск и Шамиль был взят военнопленным. Всем известно, что Шамиль, не только не наказанный, но даже обласканный как князем наместником, так и великодушным Российским Императором, живет теперь покойно в русском городе, пользуясь русским гостеприимством.

Этим оканчиваю исповедь моей души и поступки мои как в отношении к России, так и в отношении к Шамилю, передаю на суд всех благомыслящих людей целого света! Лишнего я ничего не сказал и из действий моих ничего решительно не скрыл; скажу откровенно, что если бы и был менее предан России и Шамилю, то имел тысячу средств уйти за границу и там увенчать себялюбивую измену. Я не сделал этого. Любя Россию, я вместе с тем желал добра горцам, и даже правителю их Шамилю и выдержал испытание до конца. Пусть каждый, положа руку на сердце, скажет, изменил ли я России переходом своим в горы, изменил ли Шамилю, покоряясь без боя русским войскам уже в то время, когда решительно не было никакой возможности спастись, кроме безусловного повиновения. За всем тем, нашлись люди, которые переход мой в горы считают изменою России и описанные мною действия мои в горах изменой Шамилю; пусть же эти правдивые люди докажут мне, что я оставил мое владение Илису, получаемые мною значительные доходы, почетное звание, чин русского генерала и все выгоды жизни, которыми я пользовался, и бросился в горы, не из-за одного оскорбленного самолюбия и не опрометчиво, а из цели мною серьезно обдуманной и из видов, которые обещали гораздо более того, чем я пользовался; - тогда я и сам громогласно признаю себя изменником России. С другой стороны, я готов торжественно признать себя изменником Шамилю, если мне докажут, что Дагестан, после принятых князем наместником к покорению его меры, мог еще держаться хотя бы один год. Я готов также опубликовать себя изменником Шамилю и в том случае, если кем-либо доказано будет, что я сдавая вверенные защите моей укрепления, с их арсеналами и пороховыми погребами и находившиеся в моем управлении войска, действовал в семи случаях в видах личного эгоизма, а не в видах человеколюбия и искреннего желания спасти всех тех, которые

находились под моим управлением.

*Даньял Бек Султан Илисуйский,
1861 год*

«Здесь не будет лишним сказать несколько слов о Даньял беке, бывшем султানে илисуйском, как о человеке в своем ряду замечательном и имя которого встречается так часто на страницах этого труда. *Даньял бек не получил никакого образования, но от природы был одарен замечательными способностями, дальновидным умом, твердою волею и ненасытным честолюбием. Потомок знатного рода, внука илисуйского владения.* Даньял бек управлял своим народом как владетельный султан, наследственно, и одна принадлежность его к уважаемой всеми горцами фамилии, помимо его личных достоинств, давала ему право и возможность рассчитывать на значительное влияние среди подвластных ему илисуйцев» (А.Ржевский. «1845-й год на Кавказе», изданное в журнале «Кавказский сборник», Тифлис, 1882 год, стр. 261).

Участвовавший в свое время в Кавказской войне один ветеран был свидетелем мужества офицера Даньял бека. Ветеран в 122-ом номере журнала «Северная пчела» за 9-е июня 1858-го года с гордостью пишет о Даньял беке.

«Даньяль бек, ныне один из самых деятельных пособников Шамиля, был в то время одним из красивейших мужчин: грациозный во всех своих движениях, одаренный самым приятным голосом, он соединял в себе все, что могло очаровать зрение, слух и даже ум, потому что речь его была запечатлена изяществом и вежливостью. Никто не превосходил его в ловкости владения оружием, никто легче его не мог, без видимых усилий, обуздать непослушного коня. Богатый Гафгазский костюм выставлял еще больше его мужественную красоту, которая утрачивала весь свой характер в мундире Лейб-Гвардии Гродненского Гусарского Полка, где Даньял бек числился полковником».

Даньял бек скончался в 1871 году в Стамбуле.

Прибывший к подножию горы Гуниб, генерал князь А.И.Бярятинский предложил Шамилю сложить оружие и заключить мир. Шамиль ответил:

- Гуниб – высокая гора, я стою на ней. Надо мною еще выше, Бог. Русские стоят внизу. Пусть штурмуют.

В начале августа 1859 года Шамиль всего с четыреста своими мюридами вернулся на гору Гуниб. Более десяти батальонов русских взяли их в окружение. Всего с четырьмя пушками он продолжал защищать свои позиции и увидев всю тяжесть их положения поручил

младшему сыну Магомеду Шафи, чтобы он усилил оборону. Предложение А.И.Барятинского Шамиль несколько раз отверг ответив: «Сабля в ножнах, а рука готова бить!».

Двадцать пятого августа с белым флагом на гору Гуниб поднялся еще один парламентар генерала Барятинского.

Седьмого августа к Шамилю пришел его сват Наиб Даньял бек, который перешел на сторону русских. Шамиль отказался говорить с Даньял беком. Тогда Даньял бек повернулся к сыну имама Кази Магомеду и заговорил с ним:

- Объясни отцу, что уже очень поздно... Бесполезно воевать с таким войском всего с четырьмястами мюридами... Все наибы разбежались... Мы все погибнем и моя дочь... Пожалейте женщин и детей, их безвинных всех перебьют...

Даньял бек отчетливо представлял, что силы совсем не равные. Достаточно было одного намека, взявшего в кольцо Гуниб генерала князя А.И.Барятинского, войско готово было сравнять весь аул с землей.

Наконец от князя генерала А.И.Барятинского вновь прибыл парламентарий в лице полковника Лазарева. Подолгу молча сидевший в отдельной комнате Шамиль наконец-то согласился на сдачу оружия, но с одним условием:

- Хорошо, - сказал он. – Я пойду, но с условием, чтобы на пути в ваш лагерь не было бы ни одного мусульманина. Я не хочу видеть людей, изменивших мне в трудное время.

Его желание было исполнено. Милиция была удалена и при Барятинском остались одни русские.

Выйдя из дома с небольшим отрядом он направился в сторону войска А.И.Барятинского. При приближении к войску, солдаты встретили Шамиля громким «Ура!». Нервнодвигающийся Шамиль крепко схватился за рукоятку своей сабли. Подняв голову высоко вверх он не смотрел никому в лицо. Когда он приблизился к Черному камню, генерал Барятинский тепло приветствовал его:

- До сих пор мы были врагами, теперь же будем друзьями! Имам, ты не принял условий, которые я тебе предлагал и не захотел приехать ко мне в лагерь, теперь я приехал за тобой.

Шамиль взволнованно ответил, что однажды его уже обманули и он перестал верить... А потом помолчав, произнес достойные победенному полководцу слова:

-Мед, если его часто есть, надоедает; так и все на свете надо-

едает, мне надоела тридцатилетняя война, и я рад покончить с войной и жить в мире.

Генералу Барятинскому после этого только и оставалось, что послать телеграмму царю и поздравить Кавказскую армию с окончательной победой.

Шамяля отвезли в Петербург. Восточный Кавказ был покорен.

Джамаладдин, старший сын Шейха Шамяля попав в плен 3 сентября 1839 года во время боя за Ахулго, находясь в штабе Главного Командования Совета Теймур-хана-Шуры так описывает Даньял бек: «Среди офицеров был чернобородый мужчина в русской военной форме со многими орденами, вместо шапки на голове тюрбан. Это был Даньял бек, Султан из Илису, правитель Юга. Он был генерал-майором русской армии, а семья его жила в Тифлисе. Он сулил мне далекое путешествие, которое мне предстоит совершить, рассказывал о большом городе, в котором я буду жить и о всемогущем султানে Севера, с которым я буду встречаться. Когда дошли до Москвы, я увидел большие дома, улицы, магазины, экипажи и людей, солдат, женщин без чадры – в пестрых платьях и соломенных шляпах и, наконец, так называемый Красный дворец, где располагалась резиденция генерал-губернатора Москвы. Это видимо, тот самый большой город о котором рассказывал Султан Даньял бек, подумал я».

Джамаладдин родился в Гимрах 15 июня 1831 года. С 1839 года находился в заложниках у русских. Возвратился в Дагестан в 1856 году. Умер в Карате 12 июля 1858 года.

Заложник Шейха Шамяля, Джамаладдин воспитывался в Первом Кадетском Корпусе.

Кази Мухаммед вышел в отставку в звании маршала турецкой армии. Последние годы жизни провел в Медине. Здесь и скончался 27 сентября 1902 года. Похоронен рядом с отцом Шейх Шамялем на кладбище Дженнет-Эль-Бакир. А через три месяца умерла его вторая жена Хабибат.

«РУКА МОЯ ОСТАВАЛАСЬ ПРОТЯНУТОЙ»

(некоторые моменты послевоенной судьбы
Шейх Шамиля и его семьи)

После тяжелых боев я полностью убедился, что нет смысла и смешно предлагать рабство людям, которые прямо смотрят смерти в глаза, с честью готовые стать шехидами.¹ Вы – бесценное богатство гор Родины, достойные их защитники! Свободу купить невозможно. Оккупированную с оружием в руках страну нельзя освободить просьбами, ее можно отвоевать боями. Величайшее наследство, которое мы оставим нашим внукам – это битва за свободу и независимость, а если понадобится - стать шехидами. Долой жалкую кабалу, да здравствует почетная смерть!

**Из выступления Шейха Шамиля
перед чеченским народом в ноябре 1840 года**

Для того чтобы проявить непоколебимую решимость в борьбе за волю и свободу, необходимы Шейх Шамили, которые обладают этой железной волей. Однако у матерей не могут постоянно, каждый век рождаться Иمامы Шамили.

**Узеир бек Гаджибейли
Газета «Азербайджан», 2 июня 1919 года**

В 1869 году Шейх Шамиль совершал паломничество в Мекку и Медину. 19 мая его путь лежал через Стамбул. В ожидании приглашения Шейх-уль-Ислама Мекки ему пришлось восемь месяцев провести в этом городе. Узнав об этом, турецкий султан Абдул Азиз приглашает Шейх Шамиля на встречу во дворец Топгапы. Пожав руку приближенным султана, Шейх подходит к Султану. Султан Абдул Азиз не отпускает руку Шейх Шамиля и извинительным тоном произносит:

- Беспредельно рад видеть вас в Османской империи. Такую радость я испытал бы, если отец мой Султан Махмуд ожил и приехал бы во дворец. Однако скажите мне, почему вы со мной поздоровались последним? Почему вы держали меня в ожидании? Почему столько времени моя рука оставалась протянутой?

В ответ мудрый Шейх Шамиль сказал:

¹ Шехид – человек, отдавший свою жизнь (погибший) за веру (Ш.Н.)

- Да будет здравствовать Султан. С протянутой рукой Вы находились в ожидании трех-пяти минут. Я же жду Вас ровно двадцать пять лет. Двадцать пять лет рука моя оставалась протянутой в ожидании Вашей братской помощи.

Тяжело вздохнув, с болью в сердце он продолжил:

- Если бы Ваш покойный отец султан Махмуд или Вы своевременно протянули мне руку помощи, то наша Родина – Кавказ, не находилась бы сейчас под игом неверных.

После справедливого упрека Султан Абдул Азиз стал проявлять большее почтение его семье. Старшему сыну Кази Мухаммеду² он присвоил чин генерала – паша. Он был назначен командиром Кавказского полка личной гвардии султана.

Великий Шейх Шамиль скончался в Медине 4 февраля 1871 года в возрасте семьдесят четыре года. Он с почестями был похоронен на кладбище Джаннат аль-Баки, где покоится прах Пророка Мухаммеда (мир ему и благословение). После смерти отца Кази Мухаммед вернулся в Турцию, в армии которой он остался служить в звании генерал-майора. Когда в 1877 году началась русско-турецкая война, он был назначен командиром кавалерийской дивизии, состоящей из черкесов. Дивизия наступала на крепость Баязет. Кази Мухаммед требовал её сдачи. Узнав, что с русскими воюет Кази Мухаммед, командир русского полка майор Штоквич написал ему следующее письмо: *«Турецкому генералу командиру дивизии Кази Магомеду, сыну Шейх Шамиля, который, наконец должен понять, что Россия не сдает свои крепости, она может потерять их только в результате ожесточенного штурма! И Вам не стыдно? Ведь 26 августа 1866 года вместе с бесстрашным отцом в здании Калужского губернского дворянского собрания Вы поклялись в верности России. Наверное, будь жив покойный Ваш отец, он не простил бы Вашего поступка».*

Говорят, что, получив письмо, Кази Мухаммед, ничего никому не сказав, оставил бой за крепость Баязет. Видимо, он забыл про клятву отца. А может, побоялся обидеть дух мудрого отца.

26 августа 1866 года Шейх Шамиль писал Императору Александру II: *“Мой священный долг - пояснить своим сынам об их долге перед Россией... Я завещаю им быть преданными России, достойно*

² Кази Мухаммед – в русской литературе имя этого героя пишется как Кази Мухаммад (Ш.Н.)

служить второй нашей Родине. Повелитель, чтобы получить покой в этом преклонном возрасте, дай указание, чтобы я вместе с сынами в одном из городов (Калуга, Москва, Петербург) дал клятву вечной верности России. Я готов поклясться перед всем народом. Пусть свидетелями беспорочности моего помысла станут Аллах в небе, великий Пророк наш Мухаммед, клянусь могилой с неостывшим трупом дочери моей Нафисят и священным Кораном.

Я клянусь Богом, создавшим землю и небо, сделавшим нас народом. Клянусь, что вместе с семьей я всегда буду предан императору Александру Николаевичу, его наследнику и Российскому государству».

29 августа клятву Шейх Шамиля вручили императору Александру II. Ответ Императора Шейх Шамилю был кратким и очень искренним: *«Почтенный Имам, слава Всевышнему, что в душе твоей произошел большой перелом. Я верю, что верен слову, не лицемеришь, потому что ты – личность великая, совестливая, доброжелательная».* Когда Шейх Шамиль ехал на прием к Александру II, то второго сына Мухаммеда Шафи оставил на службе в России. Живя в России, Мухаммед Шафи окончил военную школу, служил в полку личной лейб-гвардии императора. Спустя некоторое время он получил генеральский чин. Русские военные историки с гордостью подчеркивали полководческий талант Мухаммеда Шафи и отмечали, что в памяти сослуживцев он остался как доброжелательный, чуткий и отличный кавалерийский генерал.

В 1877 году, будучи на службе в личной охране царя до Мухаммеда Шафи доходит весть, что его брат Кази Мухаммед в качестве командующего дивизией воюет с русскими. Разочарованный «предательством» брата, нарушившего клятву отца, Мухаммед Шафи пишет рапорт на имя императора, в котором просит направить его в русскую дивизию, воющую с его братом Кази Мухаммедом. На рапорте генерал-майора Мухаммеда Шафи царь Александр II ставит следующую визу: *«Ни одна семья не бывает без уroda. Я верю клятве, данному Вами и покойным вашим отцом Шейх Шамилем. Поэтому, я не разрешаю, чтобы брат воевал против брата. Пока ждите! Если начнем бои в Европе, то я сам призову тебя ...».*

После смерти своей первой жены, Мухаммед Шафи долго жил один. Только когда он вышел в отставку и переехал в Казань он женился на дочери татарского князя Ахмета Аягова.

Мухаммед Шафи много путешествовал, побывал в Вене, Болгарии и Париже. Однажды, когда он был со своим другом в Париже, в газете «Фигаро» прочел статью о том, что какой-то аферист выдавал себя за сына легендарного Имама Шамиля. Мухаммед Шафи сильно разозлился, он был вне себя от ярости. Выхватив кинжал из ножен отправился искать лжеца по всему Парижу и успокоился лишь только тогда, когда нашел его и сдал полиции.

Последние годы своей жизни Мухаммед Шафи жил в Пятигорске. В своих последних письмах старшему брату Кази Мухаммеду он чистосердечно признается, что предал отчий дом.

Мухаммед Шафи родился в городе Баяне в 1839 году, прожив долгую и интересную жизнь, в возрасте 65 лет скончался в городе Пятигорске в 1904 году. Он был сыном Шейх Шамиля от первой жены Фатимат.

В целом, исторические документы и исторические произведения свидетельствуют, что Император Александр II не проявлял ненависти ни к Шейху Шамилю, ни к одному из двадцати двух членов его семьи, сосланных в Россию. Царь не рассматривал Шейха Шамиля как пленника или врага.

Наоборот, 15 сентября 1859 года в знак уважения к нему Император навестил Шейха Шамиля в селе Чугуево Харьковской губернии, подарил ему меховую шубу, меч с надписью и арабского скакуна. На этой встрече Император сказал Шейх Шамилю: **«Я очень доволен и бесконечно рад, что Вы находитесь в России. Сожалею, что встреча с таким мудрым полководцем как Вы не состоялась раньше. Великий Имам, вы не будете испытывать разочарования. Я создам для вас хорошие условия, и мы будем жить с Вами как друзья».**

Личный секретарь Шейх Шамиля Мухаммед Тагир в своей книге «Три имама» пишет, что «...встреча была теплая, сердечная, прежние враги теперь оказались друзьями. Царь сказал имаму: «Будьте уверены, что вы не раскаетесь, что приехали ко мне».

Спустя некоторое время, после того как Шамиль был поселен в Калуге, царь прислал ему дорогую карету и двух великолепных коней, стоивших 700 рублей. Шамиль неоднократно встречался с царем. Царь и имам долго беседовали. О чем шла эта беседа, не знаю, но из кабинета Шамиль вышел очень веселый. Царь собственноручно преподнес ему дорогую золотую саблю».

Шейх Шамиль с 19 сентября 1834 года до 26 августа 1859 года,

в течение двадцати четырех лет, одиннадцати месяцев и семи дней, воевал с Россией. В эти годы в войне на Кавказе погибло девяносто шесть тысяч двести семьдесят пять человек. Из них четыре тысячи пятьдесят были офицерами, а 13 человек генералами.

В одном из своих писем, датированным 8 сентября 1859 года великий писатель Н.Г.Чернышевский писал о том, какой тёплый приём был оказан царизмом его вчерашнему противнику Шамилю.

*«Здесь много говорят о взятии в плен Шамиля. Для него приготовлено помещение в Таврическом дворце, и вообще он будет принят с большим почетом. Насмотревшись на него, предложат ему избрать для жительства Казань или Киев. Слава богу, теперь Кавказ не будет поглощать ежегодно по 25000 русских солдат; одна из тех язв, которые истощали Россию, закрывается».*³

Публичная библиотека Петербурга

Справа известный профессор Мирза Кязым бек, Шейх Шамиль его сын Кази Магомед, полковник Аполлон Руновский

³ Н.Г.Чернышевский. Полное собрание сочинений, 1949, т. XIV, стр. 381.

II ЧАСТЬ

ИЗ ВОЕННЫХ ДИНАСТИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Моё пожелание молодым ученым Азербайджана: Не пытайтесь возвеличить свой народ восхваляя его, он и так велик. Если что-то прекрасно, то оно не нуждается в похвале.

*Лев Гумилёв,
известный учёный-Тюрколог*

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ – ГЕРОИ ПОРТ-АРТУРА

С началом русско-японской войны духовный глава мусульман Закавказья шейхульислам Абдулсалам Ахундаде обратился к народу с воззванием. В нем особо подчеркивалось, что мусульмане готовы к участию в войне против вероломных японцев.

Азербайджанская буржуазия внесла значительные средства в фонд войны. Бакинская городская управа передала в фонд войны 15 тысяч рублей, Гянджинская городская дума – 2 тысячи рублей, совет съезда нефтепромышленников – 150 тысяч рублей, Гаджи Зейналабдин Тагиев, Шамси Асадуллаев, Муса Нагиев и другие крупные капиталисты внесли более 10 тысяч рублей. Наряду с людьми имущими, состоятельными, в сборе средств в фонд войны активное участие принимали также и чиновники, реакционные офицеры. Целый ряд офицеров-азербайджанцев, выходцев из дворянско-помещичьих кругов, - находились в числе защитников Порт-Артура.

«История Азербайджана», том 2, 1964г.

Читателям известно, что двое военачальников – Али ага Шихлинский и Самед бек Мехмандаров – в 1904-1905 годах являлись участниками сражений за крепость Порт-Артур на Дальнем Востоке. К сожалению, пройденный ими эти годы боевой путь до сего времени также остается неизвестным нашему народу. При изучении на основе архивных документов этих нераскрытых страниц нашей военной истории стало известно, что полный генерал от кавалерии Гусейн хан Нахичеванский, генерал принц Амир Кязым Мирза Каджар, Асад бек Талышханов, подьесаул (в казачьих войсках – офицерский чин, равный штабс-капитану) принц Фейзулла Мирза Каджар, подполковник принц Аликулу Мирза Каджар, полковник Ильяс бек Агаларов, штабс-капитан Гярай бек Векилов, хорунжий (в казачьих войсках – то же, что корнет, подпоручик) Абдурахман Курбанов, Джалаладдин Мусаев, поручик Агабаба Садыгов, подпоручик Зульфугар бек Багирбеков и другие, чьи имена и заслуги были забыты, - мужественно, доблестно сражались в боях за крепость Порт-Артур.

...Близилась полночь. Я уже собирался отойти ко сну, как вдруг зазвонил телефон. «кто бы это так поздно?» - подумал я и поднял

трубку. Мягкий женский голос, извинившись, произнес:

- Мне нужен Шамистан-муаллим.

- Я слушаю Вас...

- Простите, что я так поздно, вас беспокоит Галина Семеновна Сафарова. Я с трудом, только разузнала номер вашего телефона. Составленную вами книгу генерала Али аги Шихлинского «Мои воспоминания» я тоже прочитала с интересом. А побеспокоила Вас вот в связи с чем. У нас хранится журнал «Нива», изданный в 1905 году. В нем материалы об Али аге Шихлинском и Самед беке Мехмандарове, напечатаны и их фотографии. Но в ваших «комментариях и примечаниях» к книге Шихлинского об этом почему-то ничего не сказано.

- Галина Семеновна, у меня нет сведений об этом источнике, - сказал я. – Премного благодарен, что сообщили мне об этом. Завтра же отправлюсь в библиотеку...

- Зачем же в библиотеку? – возразила Галина Семеновна. – С удовольствием представлю вам журнал во временное пользование.

На следующий день мы встретились с Г.С.Сафаровой в ее квартире по улице Щорса и вместе перелистали журнал.

На семидесятой странице своего четвертого номера за 1905 год журнал «Нива» опубликовал фотографию, на которой Али ага Шихлинский снят вместе с шестью боевыми офицерами и двумя дамами. Текст под снимком гласит: «Доблестный командир артиллерии обороны Порт-Артура Али ага Шихлинский, открыв огонь по горе Драконовый Хребет близ села Сюшин, отбил атаку японцев. Подполковник Али ага Шихлинский за проявленную храбрость представлен к ордену Святого Георгия четвертой степени. На снимке: командир артиллерии Али ага Шихлинский (в центре), офицеры Михайлов, Шишкин, Карамышев, Гюнтер, Шулейкин и другие».

Спустя годы Али ага Шихлинский так вспоминал случай на третьем укреплении: «Огонь моих пушек, стоявших совершенно открыто, подавил атаку японской пехоты. Услышав перестрелку, полковник Мехмандаров вышел из блиндажа генерала Надеина и пришел ко мне. Я решил, что он сейчас разгневадается на мою неосторожность. Ознакомившись с обстановкой, он сказал:

– Вы действовали правильно. Перебрасываю вам в подкрепление еще один взвод из первой батареи.

Одобрив принятые меры и приказы, Мехмандаров вернулся на свой пункт. За эту операцию я был представлен к ордену Георгия Победоносца, которым в старой армии награждали за проявленное ге-

ройство».

На этой же странице журнала помещена фотография и другого нашего соотечественника Самед бека Мехмандарова. И дана такая информация о нем: «Генерал-майор седьмой Восточно-сибирской артиллерийской бригады Самед бек Садыг бек оглы Мехмандаров за героизм, проявленный им при обороне Порт-Артура, награжден орденом Святого Георгия четвертой степени».

На семьдесят первой странице «Нивы» дана также фотография рога горного тура, великолепной работы, с тонкими, изящными узорами. Рог этот, подаренный командующему обороной Порт-Артура генералу Анатолию Михайловичу Стесселю Загатальской городской общественностью, - отделан серебром. Под снимком читаем: «От жителей города Загатала преподносим в дар генерал-адъютанту А.М.Стесселю рог горного тура».

В номерах журнала «Нива» за один год приводятся, хоть и не пространно, сведения о сборе азербайджанским народом добровольных пожертвований в фонд войны и героизме его сынов, сражавшихся в составе Кавказской кавалерийской бригады. Напомним, что кроме А.Шихлинского и С.Мехмандарова в Порт-Артуре с японскими самураями мужественно сражались и другие наши соплеменники: Асад бек Тальшханов, Гусейн хан Нахичеванский, Ибрагим ага Усубов, гвардии полковник Керим бек Новрузов, полковник Давуд бек Ядигяр, Гярай бек Векилов, поручик Агабаба Садыгов и еще десятки доблестных сынов азербайджанского народа, чьи имена пока еще остаются нам неизвестными.

Независимо от эпохи, политического строя сыны Родины неизменно являются ее солдатами, бойцами, защитниками. Если Отечеству грозит опасность – самоотверженные сыны его все как один готовы взяться за оружие. Всякий раз, когда в двадцатом веке пахло порохом и он извергал в историю огонь очередной войны, - наши соплеменники, сонародники мужественно вставали на защиту Отчизны.

Великий азербайджанский мыслитель 19 века, очевидец необыкновенного героизма, отваги, удали карабахских джигитов, ширванского полка, кенгерлинских бойцов, казахских конниц в сражениях с чужеземными агрессорами, - Мирза Фатали Ахундов с гордостью заявлял: «Трусом не рождали матери Кавказа».

Еще задолго до этого (в 1828 году) известный русский историк генерал Платон Зубов в своем произведении «Шесть писем о Грузии и Кавказе» писал: «Чтобы высказать суждение о мусульманских кав-

лерийских полках, надобно видеть их в бою: они напоминали молнию, они походили на внезапно обрушившийся с небес на неприятеля огонь разгневанного Бога, сеявший ужас и смерть. Чудеса отваги, удали, творимые у меня на глазах мусульманскими полками, я по сие время вспоминаю с восхищением... Virtuозно владея оружием, они дрались как дерзновенные, не ведавшие страха конники».

Ежели читатель познакомится с романами «Порт-Артур» Александра Степанова или же «Портартурцы» Трофима Борисова, то увидит, как были возмущены и резко протестовали полковник С.Мехмандаров и его офицерский состав, когда шестнадцатого декабря 1904 года командующий Стессель вознамерился безоговорочно капитулировать и сдать крепость японцам. Самед бек Мехмандаров и его офицерский состав решительно стояли на том, что крепость надо защищать до последнего вздоха, до последней капли крови. Никто не хотел возвращаться в Россию с позором.

« - Таким офицером, как вы, капитан, не место в армии, - вскочил полковник Мехмандаров. – Вы позорите нашу среду!

- Прошу, ваше превосходительство, оградить меня от оскорблений, - весь красный от злобы, обратился Вамензон¹ к Стесселю.

- Побольше спокойствия, господа! Полковник Мехмандаров, призываю вас к порядку.

Начались горячие споры, мнения офицеров разделились. Часть поддерживала Вамензона, остальные – Мехмандарова» (А.Степанов, «Порт-Артур»).

Когда 26 января 1904 года началась русско-японская война, полковник Гусейн хан Нахичеванский командовал вторым Дагестанским конным полком, сформированным большей частью из кавказцев. полк Гусейн хана 14 января 1905 года вел тяжелые бои за деревню Ландун-Гоу. В течение нескольких дней бойцам не удавалось взять эту деревню. Однако применив ловкий военный трюк умелого, талантливого командира и на рассвете перейдя в атаку, они стремительным ударом выбили японцев из деревни. Впечатляющая сцена этого боя запечатлена и увековечена в исполненной маслом на холсте картине известного живописца Мазуровского. В произведении мастерски изоб-

³ Вамензон А.Н. (1866-?) Капитан, Артиллерист, Командир батареи номер Двадцать два на Золотой горе. Отличался зверством в обращении с солдатами. По сообщению Л.В. Кобеляцкой, вернувшись в Россию, так опосался солдатского гнева, что вынужден был переменить фамилию на Вадин («Литературная газета», 1959, 27 октября).

ражена яростная атака бойцов конного полка и ярко выписан образ полковника-кавалериста Гусейн хана Нахичеванского.

Известный русский журналист А.Квитка с началом войны в Порт-Артуре добровольно отправился на фронт и принимал участие в боях как журналист-офицер. в ходе войны он написал книгу "Дневник Забайкальского казачьего офицера". В этой изданной в 1908 году в Санкт-Петербурге книге есть интересные страницы и о нашем доблестном соотечественнике полковнике Гусейн хане Нахичеванском:

На странице 181: "Ожидался вечером в Бенсиху второй Дагестанский конный полк, сформированный бывшим конногвардейцем Ханом Нахичеванским и пополненный офицерами, служившими в конной гвардии.

...За авангардным взводом шла сотня, потом командир полка со старшими офицерами, князем Тумановым и Бюнтингом, позади их развевался значок Хана Нахичеванского с золоченым полумесяцем на вершине древка. полк с полным рядами во взводах вытянулся длиною колонною. Мы с завистью смотрели на чудных горских коней у офицеров и всадников.

Я проводил Хана до генерала Любавина и вернулся к себе около десяти часов вечера".

На странице 245: "Было часов одиннадцать утра, когда въехали ко мне во двор командир Дагестанцев Хан Нахичеванский, подполковник Бюнтинг и князь Туманов; они остались у меня завтракать... Дагестанцы и их командир успели уже отличиться не раз. Их можно было скорее упрекнуть в том, что они были слишком храбры, подъезжали открыто к неприятелю на близкое расстояние и потому несли большие потери..."

На странице 361: "Кавказцы (бойцы Кавказской казачьей бригады полковника Хана Нахичеванского) отбили три японских транспорта".

За боевые отличия в делах против японцев наш доблестный земляк полковник Гусейн хан Нахичеванский был награжден орденами Св.Станислава 2 степени и Св.Анны 2 степени с мечами, Св.Владимира 4 степени с мечами и бантом, Св.Владимира 3 степени с мечами и Св.Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени и Золотым оружием с надписью "За храбрость".

В 1907 году Гусейн хан Кялбалы хан оглы Нахичеванский был произведен в генерал-майоры.

ГЕНЕРАЛ САМЕД-БЕК МЕХМАНДАРОВ В БОЯХ ЗА ПОРТ-АРТУР

За боевые заслуги при обороне Порт-Артура Самед бек Мехмандаров награжден несколькими боевыми орденами и золотым оружием, ему присвоено звание генерал-майора. Служившие вместе с генералом Самед бек Мехмандаровым и лично знавшие его офицеры с большим уважением говорили о его непоколебимом хладнокровии и беспримерной отваге.

Когда 16 декабря 1904 года военный совет крепости Порт-Артур проголосовал за безоговорочную капитуляцию, генерал Самед бек Мехмандаров и его доблестный офицерский состав выразили против этого решительный, резкий протест.

Из "Хроники русско-японской войны 1904-1905 годов"

В 1904 году, когда началась русско-японская война, Самед беку Мехмандарову было сорок восемь лет. еще и года не прошло после его женитьбы на Елизавете Николаевне. Елизавета окончила Киевскую женскую гимназию. В военно-полевом госпитале Порт-Артура она работала сестрой милосердия. Так же, как и ее муж Самед бек, она происходила из аристократического рода. Жизнь будто бы с самого рождения учила двадцатиднолетнюю Елизавету терпению и выдержке. она не гнушалась ни архитяжелой фронтовой работой, ни уходом за ранеными солдатами. С присущей истинным аристократам простотой проявляла к ним заботу и душевную теплоту, делала раненым перевязки, лечила, ухаживала за ними, тем, кто был не грамотен, писала письма домой, терпеливо, стойко переносила тяготы войны.

Как - то раз Самед бек говорит ей:

- Я получил дозволения командования на твое возвращение в Петербург. Подготовься в дорогу. Завтра или после завтра провожу тебя.

Взглянув в глаза мужу, Елизавета спросила:

- Самед бек, если в стране идет война, где, по-твоему должен находится солдат?

- На фронте, конечно!

- Вот и сейчас на фронте, или ты сомневаешься, что женщина

тоже может быть солдатом?

- Но ведь ты же готовишься стать матерью...

- Не будем больше возвращаться к этому разговору. Дай слово...оставим эту тему, милый! Без тебя мне не нужны ни Петербург, не Париж.

Это были идущие от сердца слова женщины, беззаветно преданной мужу, родине.

26 января ночью японцы, атаковав стоявшую в гавани Порт-Артура русскую эскадру, подожгли броненосцы "Ретвизан", "Цесаревич" и крейсер "Паллада". Началась война. Наутро Самед бека Мехмандарова назначают командиром седьмого Восточно-Сибирского стрелково-артиллерийского дивизиона. Это был приказ командующего сухопутными войсками генерал-майора Романа Кондратенко. Роман Исидирович хорошо знал Мехмандарова, высоко ценил его стойкость и выдержку в боевой обстановке, его талант и умение командира, - знал его как человека, на которого можно положиться. Именно поэтому он назначил Самед бека начальником восточного фронта. Он считался самым важным фронтом в обороне Порт-Артура, и японцы, соответственно, сконцентрировали здесь свои самые ударные силы. Их мощные штурмы следовали один за другим и артобстрелы не прекращались. Полковник Самед бек Мехмандаров был одним из ближайших помощников командующего Кондратенко. Умело руководя действиями артиллеристов в осажденной крепости, Мехмандаров неизменно находился на передовых позициях, на самых опасных участках фронта и разящим огнем подавлял атаки самураев.

С начала эпопеи Порт-Артура минуло сто три года. За это столетие с гаком на русском языке изданны тысячи литературно-художественных, научных и публицистических произведений. Особенно много дневниковых записей и воспоминаний на эту тему приходится на 1905-1910 годы. Вышедшая в 1906 году книга П.Ларенко "страдные дни Порт-Артура" - из этого ряда. В ней свидетельствами очевидцев нашли отражение не только выдающиеся полководческие качества и боевое мастерство нашего соотечественника Самед бека Мехмандарова, но также и величие его как личности. Предлагаемые вниманию читателей фрагменты из названного дневника не могут не вызывать чувства гордости нашим прославленным земляком.

В главе "Ноябрьские штурмы", **на странице 494**: "Еще во время августовских бомбардировок японцы заметили что откуда-то сзади линии фортов стреляют по ним очень удачно. Седьмой Восточно-Си-

бирский артиллерийский дивизион (т.е. полевая артиллерия) под командой полковника Мехмандарова занимал укрытые позиции сзади линии укреплений, атакованного фронта правого фланга и оказал защите огромные услуги, так как крепостная артиллерия сильно пострадала в первые дни бомбардировок. Полевая артиллерия отбивала самые отчаянные штурмы и боролась с ближайшими японскими батареями весьма успешно".

На странице 597: "Зашел С. и рассказывал, что из артиллеристов на атакованном фронте полковник Мехмандаров (Команд. всей артиллерии правого фланга) и подполковник Стольников относятся с удивительным презрением на личную опасность, ходят по батареям во время бомбардировки, будто не замечая рвущихся снарядов, - ободряют этим других. Первый из них рыцарски храбр, как кавказец, второй же, как бы спокойно, беззаветно покорен судьбе, как человек религиозный.

На долю полевой артиллерии здесь, главным образом, приходится задача отбивания штурмов – уничтожения неприятельских колонн шрапнелью и картечью. Так как крепостные орудия очень пострадали, а полевая артиллерия меняет по надобности позиции, то японцам трудно бороться с нею; а она разит и разит их».

На странице 606 (11/24 декабря): «Из беседы с ранеными офицерами узнал еще кое-что про полковника Мехмандарова. Он человек самолюбивый, храбрый и строго требователен по отношению к своим подчиненным; ставит им в обязанность показывать примеры личного мужества. Будучи человеком горячего темперамента, высказывается довольно резко. Говорит, что ценит лишь людей разумно самолюбивых, которые способны на подвиги, и – что главная мечта офицеров-карьеристов – сохранить свою жизнь и получить ордена без заслуги».

На странице 630 (17/30 декабря): "На вопрос: ухудшилось ли положение нашей артиллерии с падением форта 3 - полковник Мехмандаров ответил, что он не находит никакого ухудшения, - что форт 3 не имеет никакого влияния на артиллерийскую обстановку.

Только генерал Фок уклонился от прямого ответа - наговорил много слов, из которых нельзя было вывести никакого заключения..."

На странице 643 (18/31 декабря): "Кто-то принес известие с позиций, будто сегодня между генералом Фоком и полковником Мехмандаровым серьезный спор. Фок уверял, что крепость уже не может держаться, а Мехмандаров доказывал, что падение отдельных укреплений пока не означает, что уже пришел конец крепости, - что на вто-

рой линии обороны можно еще держатся.

На позициях редкая перестрелка. Темно. По направлению форта 3 или Скалистого кряжа видны какие-то красные фонари. Говорят, что они указывают нашим санитарам, где перевязочные пункты.

Чувствую сильное утомление, поэтому ложусь сейчас спать".

На странице 690 (23 декабря/5 января): "С. сообщил мне, что вчера прибыл в крепость начальник японской артиллерии со штабом и разыскал полковника (произведенного во время осады в генерал-майоры²) Мехмандарова, начальника артиллерии правого фланга крепости, фактически руководившего там артиллерией с половины августа месяца. Тот было оговорился, что почетные гости ошибались, - что они, наверно, желают видеть начальника крепостной артиллерии генерала Белого; но те ответили ему, что им интересно познакомиться именно со своим почтенным противником, с которым им пришлось так тяжело бороться. Сказали массу очень лестных комплиментов. Сознались, что потери японской артиллерии под Артуром большие - до 25 тысяч человек, - что много японских орудий было подбито.

Генерал Мехмандарова увезли в плен; был он один из ярых противников сдачи и ухода "домой" под "честое слово".

В 12 час. дня. Был у раненых. Везде одни и те же разговоры - о сдаче крепости и о плене".

На странице 752 (3/16 января): "Относительно "захвата власти" возникли споры, высказывались разные взгляды. Например: Ф. и Ш., находившиеся все время на боевых позициях правого фланга, заметили, что, будто как-то, еще на позициях, в их присутствии, при разговоре на ту же тему, полковник (ныне генерал) Мехмандаров высказался так:

- Что это значить "захватить власть"? Я этого не понимаю! Будь я, например - комендантом, - попробуй-ка кто захватить ваше прево-во, или я, вы не сойдете с этого места, не выяснив, кто из нас здесь командант, кто нет! Меня не поколебали бы в этом никакие расчеты, никакие дурные последствия".

Заслуги Самед бека Мехмандарова, постоянно находившегося на переднем крае боев за Порт-Артур, составляют особую страницу в

² За боевые заслуги при обороне крепости Порт-Артур Самед беку Мехмандарову 22 октября 1904 года было присвоено звание генерал-майора. Самед бек был также награжден орденом Святого Георгия четвертой степени, орденом Святого Станислава первой степени и шашкой с золотым эфесом, украшенной бриллиантами (Ш.Н.)

летописи русско-японской войны. Свидетельством тому - дневниковые записи русских журналистов, современников Самед бека.

Журналист Е.К.Ножин являлся специальным корреспондентом выходившей в Порт-Артуре газеты "Новый край". Он автор интересных дневников, которые вел, находясь на огневых рубежах. Записи журналиста наглядно свидетельствуют, что генерала Самед бека Мехмандарова он неизменно видел на передовой линии. Русский журналист рассказывает также и о том, как тосковал военачальник азербайджанец по своей родине - Кавказу:

"Зашел в блиндаж. Генерал Надеин, неизменно спокойный. Начальник его штаба - Степанов, утомленный. Несколько офицеров. Полковник Мехмандаров. Последний с увлечением вспоминал свой родной Кавказ. Поздоровавшись, он продолжал:

- На Кавказе очень хорошо! Природа на все наложила печать, с ручательством за доброкачественность. Но беда в том, - где нужно пламя, его нет, где не нужно - там тьма. Где нужно воды - ее нет, где в ней нет никакой необходимости, ее море... Все хорошо, только нам обещано в раю семь гурий, и что же вы думаете? Все они с круглыми глазами. Ну, не досада ли? А знаете, я теперь ничего не хочу - ни рая, ни гурий. Я хочу только немного отдыха.

Действительно, кругом все время рвутся снаряды. Два разорвались на крыше блиндажа».

Соратник Самед бека Мехмандарова генерал Али ага Шихлинский в своей книге воспоминаний рассказывает о том, как Самед бек в самой сложной, самой тяжелой боевой обстановке никогда не терял самообладания. Четырнадцатого октября, пишет он, во время сильнейшего артобстрела крепости, Самед бек Мехмандаров прибыл на занимаемую мною позицию. Позиция эта была подвергнута японцами артиллерийскому обстрелу из орудий различного калибра – от одиннадцатидюймовых пушек до тридцатисемимиллиметровых корабельных. Кроме того, ее держали под прицельным ружейным и пулеметным огнем. Недалеко от Мехмандарова разорвался шестидюймовый снаряд и его обрызгало взметнувшей черной грязью, но не ранило. Не придавая этому никакого значения, он хладнокровно извлек из кармана белоснежный носовой платок и принялся счищать грязь, коею была запачкана его красивая шинель.

В первых числах декабря японцы нанесли по крепости два тяжелых удара. Несмотря на упорное сопротивление русских, они захватили несколько важных крепостных фортков. Второй удар был на-

несен второго декабря. Геройски погиб командующий генерал Роман Кондратенко. Вместе него командующим был назначен нерешительный, слабовольный генерал Фок. Спустя шестнадцать дней японцы захватили гору Драконовый Хребет, игравшую решающую роль в обороне и судьбе крепости. Трусливый и бездарный комендант Порт-Артура генерал Стессель созвал военный совет с целью немедленной сдачи крепости противнику и капитуляции. Некоторые из участвовавших в совете командиров поддержали предложение Стесселя. Однако генерал-майор Самед бек Мехмандаров, полковник Семенов и группа мужественных, доблестных офицеров выразили решительный протест против капитуляции. Боевые офицеры стояли на том, что у них еще хватит сил, чтобы заставить отступить мощную японскую армию. Во главе с генералом Мехмандаровым они заявляли, что крепость еще в состоянии защищаться. Что, пока есть снаряды, - будут вести огонь из орудий. Что, пока есть патроны, - будут разить врага из винтовок. Что, когда кончатся патроны и снаряды, - пойдут в штыковую атаку.

Но генерал Стессель, проявив малодушие, не внял словам мужественных офицеров и отдал гарнизону приказ сложить оружие.

Впоследствии по возвращении в Россию генерал Стессель по требованию защитников крепости за поспешную сдачу Порт-Артура был предан военному суду. В начавшемся в Петербурге 27 ноября 1907 года военном суде генерал Самед бек Мехмандаров участвовал в качестве свидетеля. Основываясь на неопровержимых фактах, он обвинил генерала А.М.Стесселя, А.В.Фока, Рейса и К.Н.Смирнова в преждевременной и неоправданной сдаче Порт-Артура врагу. Последние трое были судом оправданы якобы за отсутствием в их действиях состава преступления. Для генерал-лейтенанта А.М.Стесселя прокурор потребовал расстрела, однако по усмотрению Николая II (Стессель являлся родственником царя) он был приговорен к десяти годам лишения свободы - пробыв в заключении в Петропавловской крепости всего пять.

Генерал-майор Мехмандаров и его единомышленники-офицеры и после падения крепости также явились для других солдат и офицеров образцом верности военной присяге. По доставленным японцами условиям солдаты становились военнопленными, а офицеры, после дачи ими письменного обязательства впредь никогда больше не участвовать в войне против Японии, - могли вернуться в Россию. Группа реакционно настроенных офицеров в окружении Стесселя дала такие устные обязательства. Но достойный сын своего народа – Самед бек

Мехмандаров не мог согласиться на эту гнусную, унижительную сделку, не мог дать подобного «обета», оскорбляющего честь офицера.

Отказавшись дать обязательство о неучастии впредь в войне против Японии, генерал-майор Самед бек Мехмандаров был пленен и отправлен в японский город Нагойя. Лишь после заключения 23 августа 1905 года в американском городе Портсмуте мирного договора он смог возвратиться в Россию.

Знаменитая трехсоттридцатидвухдневная оборона крепости Порт-Артур вот так вошла в судьбу генерала Самед бека Мехмандарова.

В романах «Порт-Артур» Александра Степанова, «Портартурцы» Трофима Борисова и дневниковых записях П.Ларенко «Страдные дни Порт-Артура» мы встретили еще одну азербайджанскую фамилию – поручик Садыгов. Авторы этих произведений с интересом прослеживают тяжелый боевой путь поручика Садыгова. А в изданной в 1906 году в Санкт-Петербурге документальной книге П.Ларенко «Страдные дни Порт-Артура» (во втором томе) дважды помещена фотография раненого поручика Садыгова, находившегося на излечении в госпитале. Стойко и мужественно сражавшийся поручик пал на поле брани смертью храбрых. Кто же он – поручик Садыгов?

После публикации в газете «Коммунист» от девятого сентября 1984 года моего материала я получил множество писем из различных регионов республики. Люди сообщали, что поручик Садыгов является их родичем. Однако факты, документы и фотографии, представленные жителям города Сабирабада Беюкагой Садыговым, неоспоримо свидетельствовали и подтвердили, что поручик Агабаба Гаджибаба оглы Садыгов – это не кто иной, как его родной дядя по отцу. Поручик Агабаба Садыгов родился в 1875 году в интеллигентной семье в квартале Ардабилли города Шамаха. Отец его Гаджибаба являлся владельцем шелковых лавок в Петербурге и Москве. В начале 1903 года Агабаба Садыгов окончил в Петербурге Михайловское артиллерийское училище. В начале 1905 года на доблестного поручика Агабабу Садыгова была получена похоронка.

До октябрьского переворота о бойцах – участниках обороны Порт-Артура были написаны десятки произведений. С интересом читаются исторический роман «Взданики рассвета» Ахмедхана Налоева, повествующий о боевых действиях кабардинских и чеченских джигитов в Порт-Артуре, цикл «Рассказы о японской войне» Викентия Вересаева, его же объемистые дневники и путевые заметки, «Цусима»

Сергеева-Ценского «Русско-японская война 1904-1905 годов» Н.А.Левицкого. Во всех этих произведениях содержатся сведения о героизме, проявленном нашими соотечественниками-азербайджанцами.

На 496-ой странице двадцать пятого номера журнала «Нива» за 1905 год мы увидели имя и фотографию еще одного нашего земляка. О нем сообщено лишь это: Поручик тридцать третьего Восточно-Сибирского стрелкового полка Зульфугар бек Мирза Алекпер оглы Багирбеков храбро сражался в февральских боях и был контужен».

Имя, отчество и фамилия поручика Зульфугар бека Багирбекова не оставляют сомнений в том, что он является азербайджанцем. Интересно, думал я, остался ли в живых кто-либо из родственников отважно сражавшегося на дальневосточных границах поручика Зульфугар бека Багирбекова? Вот уже более ста лет желтеет и выцветает на странице журнала «Нива» фотография этого нашего земляка-героя с соколиным взором.

Я тысячу раз благодарен судьбе за то, что поиски мои увенчались успехом, что забытые имя и заслуги нашего соотечественника спустя столетие стали известны нашему народу.

В 1987 году я встретился с одним проживавшим в Ичери-шехер³ восьмидесятидвухлетним аксакалом. Мохаммед Джавад оглы Багиров сообщил, что поручик Зульфугар бек Мирза Алекпер оглы Багирбеков, чью фотографию я увидел в журнале «Нива», - является его родным дядей по отцу. Родился он в 1874 году в Шуше. Возвратившись из Порт-Артура, служил в Новобаязидском конном полку в чине штабс-капитана. С 1912 до 1914 года в звании майора служил военным комендантом в городе Баку. В годы первой мировой войны участвовал в боях на австро-румынском фронте.

Современник Зульфугар бека, один из лидеров Азербайджанской Демократической Республики Наги бек Шейхзаманлы в своей изданной в Турции книге «Воспоминания» пишет, что во время первой мировой войны семью Зульфугар бека Багирбеков известили о том, что он погиб в 1915 году на Кавказском фронте, в окраинном уезде Олти – от шальной пули. Впоследствии стало известно, что Зульфугар бек пал от руки какого-то армянина. Однако русским командованием убийца найден не был, и под предлогом «шальной пули» дело было прикрито.

³ Ичери-шехер (азерб. _ - букв.; «внутренний город»; древняя крепостная часть города Баку.

Влиятельный орган великого тюркского мира газета «Таджуман» регулярно отслеживала ход военных действий в Порт-Артуре и публиковала на своих страницах вести, сообщения, репортажи о деятельности в армии, на фронте героически сражавшихся солдат и офицеров мусульман.

В номере от 11 июня 1904 года под рубрикой «Различные вести» газета писала: «Капитан-фортификатор Ильяс бек Агаларов в присвоенном ему новом звании подполковника отправляется на Дальневосточный фронт. Представитель знатного дворянского рода, Ильяс бек Агаларов, получив отличное военное образование, стал также видным специалистом в области электротехники. Его проходящая в армии воинская служба, его жизнь и звание рождают чувство гордости у каждого живущего в России мусульманина».

Из немногочисленных документов хранящихся в Центральном государственном архиве Грузии и относящихся к Ильяс беку Аллахьяр бек оглы Агаларову, явствует, что, вернувшись из Порт-Артура, полковник Ильяс бек Агаларов впоследствии командовал вторым кавказским укрепбатальоном. Родился он 7 июня 1860 года в Гяндже во влиятельной бекской семье.

Документы свидетельствуют, что Ильяс бек получил образование во Второй Московской военной гимназии и Павловском военном училище. Военную службу он начал в апреле 1879 года и прошел путь от подпоручика до полковника. Боевые заслуги полковника Ильяс-бека Агаларова при обороне Порт-Артура и его образцовая служба в регулярной армии были отмечены орденами Святого Станислава второй степени, Святой Анны второй степени, Святого Владимира четвертой степени с бантом и мечами, Святой Анны второй степени с мечами.

Восемнадцатого марта 1913 года полковник Ильяс бек погиб от внезапно разорвавшегося снаряда. Могила нашего земляка-военачальника в настоящее время находится в Гяндже, во дворе мечети Имамзаде. Глядя на почти уже выцветшую на мраморном надгробии надпись «Гвардии полковник Ильяс-бек Агаларов», я почувствовал, как кольнуло сердце. Время не щадит никого и ничего, стирая и последние наши следы на этой земле... Сколько же таких забытых нами героев, сынов нашего народа, думал я, чья полководческая деятельность до сих пор остается надлежащим образом не изученной и чьи имена не встретить ни на одной из страниц нашей военной истории...

Газета «Таджуман» от 5 ноября 1904 года в сообщении «Мусульмане в Порт-Артуре» писала: «В рядах маньчжурской армии, а также

в числе героических защитников Порт-Артура с честью сражаются и малочисленные мусульмане. В полученном редакцией письме отмечается, что командир седьмого Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона генерал-майор Самед бек Садыг бек оглы Мехмандаров – из карабахских беков. А казначей крепостной артиллерии Адхам бек Мухранский – из литовских мусульман. Выходец с Северного Кавказа отважный офицер-артиллерист поручик Я.И.Дударов в один из августовских штурмов пал смертью храбрых. Да упокоит Аллах его душу. Аминь!»

ГЕНЕРАЛ АЛИ АГА ШИХЛИНСКИЙ В БОЯХ ЗА ПОРТ-АРТУР

Азербайджанцы не первый раз встречаются с японцами на поле брани. Я могу назвать знаменитого артиллериста Али агу Шихлинского, отличившегося в боях за Порт-Артур. Это имя обрело славу в истории русской военной науки.

САМЕД ВУРГУН,
Народный поэт Азербайджана

Боевые заслуги искусного знатока артиллерийского дела Али аги Шихлинского в многократном отражении и подавлении вражеских атак при обороне крепости Порт-Артур – беспримерны. Провяленная им в 1904-1905 годах воинская доблесть сделала его имя известным по всей России.

Удостоенный шести боевых орденов, выросший в русско-японскую войну от капитана до полковника, Шихлинский в книге «Мои воспоминания» особо подчёркивает, что всегда с гордостью вспоминает, что являлся участником эпопеи Порт-Артура.

В газете «Таджуман» от 1 апреля 1905 года в рубрике «Различные вести» читаем: «Высочайшим приказом капитан четвёртой Восточно-Сибирской стрелково-артиллерийской бригады Али ага Шихлинский за отличие в подавлении атак японцев в Порт-Артуре с седьмого октября по девятнадцатое ноября пожалован медалью «За храбрость» и Золотой шашкой с надписью «За храбрость».

Участник этих боев П.Ларенко – автор двухтомного монументального произведения «Страдные дни Порт-Артура» - в главе

«Штурмы Высокой горы» писал в 1906 году: На Лаперовской горе (в тылу форта III и укрепления №3) тяжело ранен командир батареи капитан Али ага Исмаил оглы Шихлинский. Храбрый как кавказцы вообще, он участвовал в боях на Киньчжоу, на Зеленных и Волчьих горах; в начале августа был со своей батареей на Высокой горе, а с девятого августа бессленно находился на Лаперовской, откуда обстреливал подступы к укреплениям, помогал отражать штурмовые колонны и боролся с неприятельской полевой артиллерией.

P.S. Как тяжело раненный, он после сдачи крепости был отпущен японцами на родину без обязательства не сражаться в эту войну. Когда он здесь оправился от раны быстрее, чем моно было ожидать, то просился на войну в северную армию; но его не пустили – вскоре наступил мир.»

О своем возвращении после войны в Россию и намерении снова отправиться на фронт более подробно рассказывает сам Али ага Шихлинский в его книге военных мемуаров «Мои воспоминания»: «По возвращений во второй половине мая в Петербург я был представлен великому князю и сообщил ему о своем желании вернуться в Маньчжурскую армию. Он спросил у меня:

- Как же вы можете вернуться туда?

Тогда я показал ему свидетельство, выданное мне в нашем госпитале. Оно гласило, что японская медицинская комиссия, признав меня непригодным к воинской службе и без обязательства не воевать впредь против японцев, дала мне разрешение на возвращение на родину.

- Стало быть, - продолжал я, - у меня есть полное право участвовать в идущей ныне войне. И только в этом причина моего возвращение в Россию, в противном случае я разделил бы судьбу других солдат, участвовавших в обороне крепости.

Произнося эти слова, я вдруг подумал о том, что они могут быть восприняты как некое обвинение по адресу тех офицеров, которые возвратились на родину дав обязательства японцам не воевать с ними, и потому добовил:

- Среди офицеров там образовалась два мнения. Часть из них считала, что у нас накоплен большой опыт, и поэтому, отправившись на родину, мы сможем принести пользу в подготовке новых сил для пополнения Маньчжурской армии. Другая же часть (в том числе и я) придерживалась иного мнения. Эти офицеры считали, что армия мобилизована лишь частично, на родине у нас офицеров много, так что нужды в нашей помощи там никакой нет. И потому надо разделить с

солдатами их судьбу. Мне просто повезло в том, - продолжал я, - что меня признали непригодным к воинской службе. Что позволило мне вернуться домой безо всяких обязательств перед японцами. И теперь я прошу вас снова отправить меня на фронт.

Сделав рукой знак, Сергей Михайлович сказал:

- Хватить с вас того, что вы уже хлебнули в Порт-Артуру Не пуцу.

Справка, выданная 5-го апреля 1905 года японской медицинской комиссией, и сейчас хранится в архиве генерала. Вот ее текст: «Справка выдается резервным полевым госпиталем номер девять капитану четвертой Восточно-Сибирской стрелково-артиллерийской бригады Шихлинскому. В том, что японской медицинской комиссией его непригодность к воинской службе (Али ага Шихлинский был ранен в левую ногу – Ш.Н.) установлена. Он отпускается в Россию».

Несмотря на то, что японской медицинской комиссией он был признан непригодным к воинской службе, Али ага Шихлинский, без дачи обязательства возвратившись на родину и оправившись от тяжелого ранения, вновь просится на маньчжурский фронт. Однако генерал-инспектор артиллерии князь Сергей Михайлович разрешения ему на возвращение на фронт не дает.

Образцовые боевые заслуги Али аги Шихлинского в Порт-Артуре отмечены Золотой шашкой с надписью «За храбрость», к ордену Святой Анны четвертой степени с мечами, орденом Святого Владимира с мечами и бантом, Золотым оружием с надписью «За храбрость» и наивысшей военной наградой – знаменитым орденом Святого Георгия четвертой степени.

В музее истории Азербайджана среди личных вещей генерала хранится нагрудной знак «Защитник крепости Порт-Артур», утвержденный императором 5-го марта 1908 года. Его Али аге Шихлинскому присвоил комиссар по Трирянской части бывшей Квантунской области и председатель бывшего портартурского городского совета А.Вершинин:

*«Глубоко уважаемому и дорогому
соартурицу Али аги Шихлинскому*

*Комиссар по Трирянской части бывшей
Квантунской области председатель
бывшего портартурского городского совета
А.Вершинин».*

Приказ Армии и Флоту

Героическая оборона Порт-Артура, удивляющая весь мир стойкостью и мужеством гарнизона, внезапно была прервана позорной сдачей крепости.

Верховный суд, карая виновника сдачи, вместе с тем, в полном величии правды восстановил незабвенные подвиги храброго гарнизона.

Доблестные защитники Порт-Артура!

Геройскими подвигами вашими, беззаветною храбростью и верностью присяге, проявленными вами при обороне нашей твердыни на Дальнем Востоке, вы стяжали себе бессмертную славу и вписали блестящую страницу в летопись подвигов русского воинства.

Благодарная Россия гордится вами и не забудет ваших подвигов, как не забывали и вы свой долг перед нею.

*На подлинном Собственною Его Императорского
Величества рукою написано: «Николай» В царском селе,
5 марта 1908 года.*

Романы русских писателей – очевидцев боев за Порт-Артур – Александра Степанова «Порт-Артур» и «Семья Звонаревых» и Трофима Борисова «Портартурцы» как монументальные исторические произведения вошли в золотой фонд литературы. Невозможно не испытывать чувства гордости, читая в них страницы, где отражена героическая деятельность таких наших соотечественников, сонародников, как генерал Самед бек Мехмандаров, капитан Али ага Шихлинский, поручик Садыгов.

Писатель Трофим Борисов – непосредственный свидетель воинского мастерства Али аги Шихлинского. В звании подпоручика он с первых же дней войны сражался в батарее, которой командовал Шихлинский. Автор интересных научных и художественных произведений, посвященных жизни Дальнего Востока, Т.Борисов в 1959 году опубликовал во Владивостоке роман «Портартурцы», повествующий о трагически завершившейся русско-японской войне. На первый план в романе выдвинут боевой путь рядовых солдат и офицеров. С большой теплотой и любовью выписаны в этом произведении образы славных сынов азербайджанского народа – Али аги Шихлинского и Самед бека Мехмандарова.

Заслуги Али аги Шихлинского в октябрьских боях за Порт-Артур нашли наглядное отражение также и во многих исторических документах. На тысяча пятьсот семьдесят седьмой странице восьмидесят первого номера альманаха «Хроника войны с японцами», изданного в 1905 году, читаем: «На основании представления Кавалерской думы Государь Император 3-го сентября 1905 года Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святого Великомученика и Победоносца

Георгия четвертой степени подполковнику артиллерийской бригады Али аге Шихлинскому, отличившемуся своей отвагой при обороне Порт-Артура в октябре 1904 года. Подполковник Али ага Шихлинский проявил в этих боях большое, незаурядное мужество; заменив погибших наводчиков вверенной ему полу-батареи, он то и дело самолично наводил орудия и многократно заставлял смолкнуть вражескую артиллерию и с необыкновенной решимостью подавил попытки японской пехоты прорваться к укреплениям...»

Сын принца Бахмана Мирзы Каджара подполковник Аликулу Мирза, геройски погибший в боях за Порт-Артур в 1905 году, обладал незаурядными талантами в военном деле и в искусстве фотографии. Окончив Тифлисский Кадетский корпус, он служил в пятьдесят первом Черниговском драгунском полку, расквартированном во Владикавказе и Орле, а в 1903 году был переведен в Елец в пятьдесят второй Нижинский полк. Погибший в боях за Порт-Артур подполковник Аликулу Мирза Каджар за боевые отличия был награжден орденом Святого Станислава. Газета «Таджуман» 18 февраля 1905 года сообщала: «Попечительница Общества Красного Креста ее величество императрица Мария Федоровна сочла необходимым обеспечить за счет Красного Креста сопровождение тела погибшего подполковника принца Аликулу Мирзы Каджара на Кавказ, до станции Евлах».

В шедших в далеком Порт-Артуре боях и сражениях сложили голову тысячи солдат и офицеров. Не многим из них выпало быть сохраненными на своей родной земле. Честь обрести упокое на родине, в городе Барде, в гробнице на кладбище Имамзаде была оказана Аликулу Мирзе Каджару потому, что он являлся наследным принцем. На протяжении почти восьмидесяти лет подвергавшаяся огню критики советов царская власть с таким вот почтением относилась к знатным родам.

Подполковник принц Аликулу Мирза Каджар родился в 1854 году в Карабахе в городе Шуша.

Проходят годы. Хранящиеся в различных архивах документы, отражающие воинскую доблесть, мужество, героизм наших соотечественников, проявленные ими в русско-японской войне, - все еще остаются неисследованными, неизученными. Нераскрытые папки ждут своих исследователей, писателей.

Не следует забывать, что ученый и генерал Али ага Шихлинский, за его беспримерные заслуги почитаемый в военной истории «богом артиллерии», подчеркивал, что с неизменной гордостью вспоминает свое участие в эпосе Порт-Артура.

ДВАДЦАТЫЙ ГОД: БОИ В КАРАБАХЕ

Двадцать второго марта 1920-го года, в праздничную ночь Новруз-байрама, армяне, заселившие горные местности Карабахской области, учинили бунт и захватили Аскеранский перевал. На Аскеранский фронт было двинуто мощное армейское соединение под командованием генерал-майора Габиб-бека Салимова. Третьего апреля Национальная Азербайджанская Армия нанесла по армянским боевикам сокрушительный, неотвратимый удар. Какой азербайджанец не помнит тот счастливый день?! Победоносность, дисциплина, порядок и организованность, дух и моральное состояние армии были в неопикуемой, непередаваемой степени экстраординарны, чрезвычайны. Зарубежный мир был восхищён тем, что в столь короткий период времени, при отсутствии необходимых средств и ресурсов, мы смогли создать такую организованную регулярную Национальную Армию. Многие в тот день от переполнявших их чувств не могли сдержать слёз. Это был самый славный, самый счастливый день Азербайджана.

*Полковник Исрафил бек Исрафилов
(25.01.1893-07.1945)*

Кровавые мартовские дни 1920 года, ознаменовавшие агрессию дашнаков против независимого Азербайджана, явились серьёзным испытанием для только-только сформировавшейся национальной армии. И наши воины с честью выдержали этот экзамен, в считанные дни (22 марта – 3 апреля) разгромив врага и очистив благодатную землю Карабаха. Таким образом, за полтора года существования доблестной Национальной армии решительной победой увенчалась и третья военная кампания.

В документальной повести «Двадцатый год: бои в Карабахе» на основе архивных документов приведены сведения о заслугах полных кавалеров артиллерии генералов Самед бека Мехмандарова и Али аги Шихлинского, генерал-майора Габиб бека Салимова, генерал-губернатора Карабаха Хосров бека Султанова и полковника Бахрам бека Набибекова.

... Военный министр Самед бек Мехмандаров прибыл на Аске-

ранский фронт. Он поздравлял бойцов, сражавшихся на передовой не на жизнь, а на смерть, по-детски радовался их успехам. С момента создания наша армия одержала три значительные победы. В первые дни 1919 года армяне Зангезура при помощи дашнаков из Иревана начали изгонять азербайджанцев и сжигать их села, ставя цель отделить уезд от Азербайджана и передать его в состав Араратской республики. Они во всеуслышание объявили, что не хотят признавать азербайджанское правительство. В холодные январские дни в Зангезур были отправлены воинские части под командованием генерал-майора Джавад бека Шихлинского. Эти силы более месяца вели боевые действия, пока не взяли под контроль село Дыг – последнее прибежище сепаратистов. Зангезур остался в составе Азербайджана.

Вторая победа была одержана в июле того же года, когда на Мугани и в Ленкоране национальная армия наголову разгромила русско-армянские бандформирования и отряды молокан, не желавшие признавать азербайджанское государство.

И вот сегодня одержана третья победа, на празднование которой прибыл министр Самед бек Мехмандаров. 22 марта 1920 года армяне подняли мятеж и заняли «Аскеранский проход». Руководил мятежом прибывший из Иревана дашнакский предводитель генерал Дро Канаян. Военное министерство Азербайджана подготовило чрезвычайный план для спасения Карабаха. Приказом военного министра 23-го числа на Аскеранский фронт были направлены до 20 тысяч солдат и офицеров, в том числе 3-й Гянджинский полк, 5-й Бакинский полк, 1-й Джаванширский полк, 2-й Губинский полк под командованием генерал-майора Габиб бека Салимова. Упорные бои не прекращались ни на миг в течение 12 дней, азербайджанские воины бесстрашно сражались за каждую пядь родной земли, пока не вступили в Шушу. Следует указать, что два последних успеха национальной армии тесно связаны с именем и военным талантом Габиб бека Салимова, одного из лучших военачальников азербайджанской армии. Отправленный 4 апреля рапорт Габиб бека, подвиг 64-летнего военного министра выехать в Карабах, дабы поздравить победителей. Читая и перечитывая этот рапорт объемом всего в страничку, умудренный опытом Самед бек в сильном волнении сделал пометки в нескольких местах, все повторяя про себя «молодец». Владелец генеральских эполет, военный министр Самед бек ощущал себя рядовым солдатом. Участник бесчисленных кампаний, он отлично понимал, что значит для солдата выслушивать поздравление от командующего на линии фронта. Поэтому он приказал

своему заместителю Алиаге Шихлинскому:

- Готовьте приказ, завтра рано утром выезжаю в Карабах поздравлять бойцов. За меня остаешься ты. Послушай, Али ага, я чего-то никак не припомню Набибекова, которого Габиб бек в своем рапорте назвал героем дня...

А.Шихлинский слегка усмехнулся:

- Если помните, в июне прошлого года вы на несколько дней поехали в Евлах и тоже назначили меня исполняющим обязанности министра. Тогда капитан 1-го Джаванширского пехотного полка Вахид бек Набибеков подал рапорт с просьбой уволить его с занимаемого поста. В рапорте имелась такая фраза: «...Состояние здоровья и условия не позволяют мне служить правительству республики». Тогда меня эта фраза сильно задела, я вызвал его и отчитал за неуважение к чести и достоинству азербайджанского офицера, а затем отдал приказ о заключении под арест с освобождением от службы. Спустя несколько дней вы вернулись и избавили его от наказания.

- Вспомнил, - ответил Самед бек, протирая пенсне. - Такой степенный, высокого роста...

- Ну, для вас он, может, и степенный, а для меня ленивый и к тому же изрядно в летах, капитан Вахид бек Набибеков. А в качестве героя дня Габиб бек охарактеризовал в своем рапорте его младшего брата подполковника Бахрам бека Набибекова, который прошел славный боевой путь в первую мировую войну. Вот, я принес его послужной список, как вы приказали.

Министр открыл не очень объемистую, всего в восемь страниц послужную книгу Бахрам бека и задержался на первой странице.

- Али ага, пока не забыл, скажу тебе, что капитан Вахид бек приходил ко мне и признал, что допустил ошибку, подав тот рапорт. Мне показалось, что он, долго служивший в отряде милиции, не очень глубоко знает военный устав. Сказал, что в той фразе не было какого-либо умысла, и я ему поверил. С условием уважительного отношения к твоему, генерала Шихлинского авторитету я наложил на рапорт капитана Набибекова резолюцию «Прощаю наложенное на него взыскание». Я вернул его в ряды Вооруженных сил под свою ответственность. Если подполковник Бахрам бек приходится ему младшим братом, то я очень рад.

- Самед бек, Бахрам совсем не похож на степенного Вахид бека, это сущий бес. Вообще у нас в армии должны быть четверо братьев Набибековых – Вахид, Бахрам, Захид, Гусейн... нет, пятеро, еще

Мамед бек.

- Молодец, как ты их всех помнишь, такая память похвальна, друг мой.

- Дело в том, что в ноябре-декабре 1918 года, когда в Тифлисе создавался мусульманский корпус, я лично принимал братьев Набибековых в армию. Мой штаб находился на первом этаже гостиницы «Лондон». Но запомнил я их в большей мере благодаря их отцу, человеку чрезвычайно интересному, также явившемуся вместе с ними. Гасым бек в свое время работал переводчиком восточных языков в штабе генерала Куропаткина в Туркестане. Сейчас в отставке. Рассказывал о своей дружбе с Мирзой Фатали Ахундовым.

- Итак, Бахрам бек родился 6 декабря 1884 году в Шеки, в бекской семье. Окончил Кутаисское реальное училище, а 2 сентября 1904 года – Константиновское артиллерийское училище в Петербурге с дипломом I степени. – Министр промолчал и взглянул на собеседника поверх пенсне. – Ого, вот хорошо, это же наше училище. Значит, из одного гнезда мы с ним вылетели... Видишь, Али ага, каковы артиллеристы Константиновского училища?

- Самед бек, солдат должен походить на командира, офицер на генерала. Если командир толковый, то и солдат таков же, у слабого командира и солдаты никуда не годны. Между прочим, эти вошедшие уже в поговорку фразы принадлежат вам. И потом, как говорят в народе, яблоко от яблони недалеко падает. Верю, что подполковник Бахрам бек ваш достойный продолжатель.

- По-твоему, карьера Бахрам бека схожа с моей? – спросил С.Мехмандаров с нескрываемой радостью.

- Еще в июне-июле 1918 года я был свидетелем боев, которые он вел против дашнаков и большевиков в Говсане и в районе резервуаров Нобея, - по-военному строго отчеканил А.Шихлинский. - Бахрам – офицер бесстрашный и грамотный, им стоит гордиться. Лично я не сомневаюсь, что ему принадлежит заслуга окружения и уничтожения Дяди Газара. Человеку, так любящему военное дело, самое место в академии.

- Я с тобой согласен. Но в какой академии? Россия для нас закрыта, у самих нет, к тому же мы ведем войну... - Просматривая документы Бахрам бека, министр явно оживлялся: - Подпоручик 20-й артиллерийской бригады отдельного Кавказского корпуса, 7 сентября 1909 года – поручик, в 1912 году - командир третьей батареи. Затем на должности заместителя начальника артиллерии в отдельной Кав-

казской армии. Всю войну провел на Кавказском фронте.

- Вам нужны награды? На оборотной стороне следующей страницы.

- Ага, вот. Орден святого Станислава III степени, орден св. Анны, без указания степени. Но не страшно, и так все ясно. Ты совершенно прав, Али ага – у нас немало таких способных офицеров, и если бы они могли получить академическое образование, наша армия была бы сильнее впятеро. Увы, пока такой возможности у нас нет.

Доблесть полковника Бахрам бека

Последние фразы рапорта вызвали у С.Мехмандарова особый интерес. Генерал Габиб бек Салимов писал, что наши славные войска сражались с отвагой, присущей старым, закаленным в боях частям. Героями сражения стали губинцы, стремительным приступом взявшие Дашкендскую высоту, и бойцы 4-й Горной батареи подполковника Бахрам бека Набибекова, которые, несмотря на попытки армянских атак, ни на миг не пали духом и мгновенно отвечали на каждый выпущенный по ним снаряд. Самед бек всю дорогу под впечатлением одержанной победы что-то бормотал под нос и вообще находился в приподнятом настроении, пребывая во власти самых радужных мечтаний. Успех Габиб бека, талантливое военачальника, к которому он питал почти отеческие чувства, окрылил этого старого боевого офицера, а хвалебный рапорт Габиб бека о Набибекове удвоил его радость.

Полтора годами раньше, 5 декабря 1918 года, проводя смотр частей только сформировавшейся армии, военный министр Самед бек остался очень доволен солдатами и офицерами дислоцированной в Тертере горной батареи, о чем указал в приказе №8. В приказе отмечается, что командир батареи Бахрам Набибеков и офицеры проявляют явные признаки умения устранять недостатки, и проделанная командиром батареи за короткий срок работа вселяет уверенность в том, что в ближайшее время эта часть поднимется на еще большие высоты. В приказе выражалась благодарность командиру Б.Набибекову и немногочисленным офицерам батареи. «Значит, судя по рапорту Габиб бека, главную роль в окружении и уничтожении отряда дашнака Дяли Газара сыграла батарея нашего бешеного Бахрама Набибекова. Ну что ж, прекрасно, - говорил сам с собой министр. – Победа достигается исключительно благодаря пониманию исполнителями отдаваемых приказов. Значит, я не ошибся тогда, в позапрошлом году, отдавая тот

приказ. Да и начальник генштаба тогда косвенно намекал, что Бахрам бек хороший командир, но слишком вспыльчив, порой не может контролировать свои эмоции...» Тогда С.Мехмандаров ответил: «Если командир не будет расторопен и вспыльчив, то, во-первых, солдаты не будут слушать его. И потом, у командира, который в бою еле передвигает ноги, солдаты будут убиты прежде, чем поднимутся с места».

Впервые с тех пор, как он стал военным министром, Самед бек надел свой новый мундир, даже нацепил аксельбанты и вензеля, хотя не привык к парадности. На груди его красовались ордена, включая «Белого орла», которого достаивались очень немногие и которым С.Мехмандаров был награжден за то, что в 1915 году сумел сорвать план молниеносной операции германского генерала А.Макензена.

Героический полк

Как только донесся сигнал автомобиля, собравшиеся у казармы солдаты и офицеры, узнав своего министра, вскричали «ура». Бахрам бек вышел вперед и резким командным голосом отдал приказ «Стройся!..». Часть расторопно построилась – офицеры впереди, рядовые позади. Горделиво стоя перед строем, Бахрам бек скомандовал: «Полк, напра-во! Равняйся!» Личный состав как один повернулся и вытянулся в струнку. Из автомобиля вышли трое – генерал-губернатор Карабаха Хосров бек Султанов, командующий территориальными войсками генерал-майор Габиб бек Салимов и военный министр Самед бек Мехмандаров. Пристальный взгляд министра был устремлен на строй.

- Господин военный министр, к вашему прибытию офицеры и рядовой состав третьей артиллерийской батареи построены. Командир батареи подполковник Бахрам бек Набибеков.

- Вольно, героические воины Родины! – скомандовал Самед бек и, сделав несколько шагов вперед, пожал руку Бахрам беку:

- Молодцы, и ты, и твой полк. Молва о необычайном героизме, проявленном вами в боях, разошлась по всему Азербайджану. Ваш командующий Габиб бек Салимов присутствует здесь. Приказываю наградить каждого офицера и рядового третьей артиллерийской батареи за проявленное в боях мужество. А вашего командира Бахрам бека можете поздравить с новым званием полковника.

Батарея приветствовала своего командира тройным громовым «Ур-ра!» Министр резко вытянулся, и приподнявшись на цыпочках

воскликнул:

- Молодцы, еще раз молодцы, спасители Отечества!

Ответный громовой возглас личного состава батареи «Служим азербайджанскому народу!» еще некоторое время эхом отдавался в окрестных горах. Министр прошелся перед строем и остановился в точности посередине.

- Сегодня утром мы провели в Шуше собрание. Я и там поздравил войска. Сначала приказал не приводить туда вашу батарею, но потом, выехав из Баку, решил поздравить вас прямо на боевых позициях. Вы достойны этого, завоевали такое уважение своим героизмом. Да, третья артиллерийская батарея уничтожила генерала Дяли Газара и обратила в бегство его кавалерию, впервые подняв над Карабахом флаг Азербайджана. В ночь с 22-го на 23 марта, около трех часов ночи противник впервые выступил серьезными силами отсюда, из Аскерана. Они убили и взяли в плен нескольких наших солдат, которых было 50 человек. И вы впервые дали врагу отпор в Аскеране, не оставили кровь товарищей по оружию неотомщенной.

Я участвовал в нескольких сражениях на германском фронте, но таких героев, как вы, мне редко приходилось встречать. Вы подкрепили мои надежды. Вы достойно защитили честь молодой азербайджанской армии.

Батарея приветствовала своего министра скандированием «Да здравствует Азербайджан!» Облегчив душу, Самед бек заметно успокоился. Несмотря на лета, он был еще достаточно бодр. Прохаживаясь вдоль строя, он беседовал с офицерами и солдатами. Наконец, спросил Габиб бека, указывая на молодого офицера. По знаку генерала тот вышел из строя и доложил:

- Достопочтенный Самед паша, я из Кавказской исламской армии, добровольно остался помогать вам. Ибо у нас с вами один язык, одна вера, одна история. Азербайджан – и ваша, и наша родина.

- Как вас зовут?

- Простите меня, грешного. Совсем забыл представиться от растерянности. Я подполковник Исмаил Хаккы эфенди.

Габиб бек приблизился к министру и вполголоса сказал:

- Господин министр, подполковник хорошо слагает песни. В перерывах между боями ведет с солдатами интересные беседы об истории, литературе, философии. Ежедневно в течение получаса учит их маршам собственного сочинения.

- Молодец, - Самед бек был явно удовлетворен, - это тоже очень

важно. Тюркским народам, освободившимся от столетнего русского гнета, необходимо напомнить, что мы не всегда были под колониальным господством. Напротив, было время, когда мы диктовали свою воле Европе и Азии. Народ должен знать славные страницы своего прошлого, которые составляют достойную часть мировой истории. Кто хочет победить врага, должен пробудить в народе национальные чувства. Господин подполковник, вы семейный?

- Нет, холост.

- Что ж такое? Комбриг Габиб бек холост, комдив Джавад бек холост, комбат Бахрам бек холост. Так и вы холосты?.. Кончайте с этой холостяцкой жизнью.

- Достопочтенный паша, вот покончим с неверными гяурами, а дальше...

Министр обратился к Габиб беку:

- Где живет Исмаил Хаккы эфенди – в Баку?

- Нет, господин министр, он выбрал себе родиной Шеки, и причина в его тесной дружбе с Бахрам беком.

- Ну что ж, прекрасно. Подполковник Исмаил Хаккы эфенди, не соскучились по Стамбулу?

- Нет, в Азербайджане я на своей родине. Я родился в Кайсери, а в Стамбуле жил совсем мало. На Кавказе побывал во многих местах – Дербенде, Теймур-хан-шуре, Ахты, даже в родном селе имама Шамиля. Но нигде не осел, ибо в этих местах свою лживую пропаганду ведут большевики. В прошлом году мой друг Бахрам бек пригласил меня в гости в Шеки. Я полюбил Шеки как родину, а Бахрам бека как брата. Там я и дом купил.

- Не споете ли нам одну из ваших песен?

- Пожалуйста. Позвольте... Как только я начну, вся батарея должна подпевать.

Когда враг не сдаётся

Церемония по случаю прибытия военного министра закончилась. Кроме С.Мехмандарова, в комнате остались трое – губернатор Хосров бек Султанов, генерал Габиб бек Салимов и теперь уже полковник Бахрам бек Набибеков. Самед бек, извинившись, вышел из отведенных для гостя апартаментов. Вернулся он спустя несколько минут, в домашней одежде.

- На Кавказе везде красиво, но моя родина – прекрасный Кара-

бах, земля моих предков не имеет равных. Вот уже около пятидесяти лет я разлучен с Карабахом, но в душе остаюсь карабахцем. Где бы ни был – на Дальнем Востоке, в Порт-Артуре, Варшаве – везде тосковал по родной земле. Величайшей моей мечтой было не добыть сокровища, не попасть в рай, а выйти в отставку и поселиться до конца дней моих в Шуше, которую так любил покойный отец, - с этими словами он обратился к Хосров беку: - Как же я завидую тебе... Знаю, что только ты, генерал-губернатор Карабаха, можешь справиться с этими подлыми дашнаками. Потому что ты, и говорю это вовсе не ради комплимента, человек дела и не робкого десятка. В общем, и эту опасность мы благополучно преодолели...

Все эти хвалебные дифирамбы С.Мехмандаров высказывал отнюдь не просто так. Именно Хосров бек сумел обуздать дашнаков, поднявших в Карабахе мятеж летом предыдущего года, и силой оружия вынудил их признать азербайджанское государство, изгнав из Шуши членов подпольного дашнакского комитета. В ответ дашнаки при пособничестве азербайджанцев из числа сторонников большевизма стали активно распространять слухи о скором отзыве Хосров бека военным министром. Для опровержения этих слухов Узеир бек Гаджибейли писал в газете «Азербайджан» 24 июня 1919 года:

«Хосров бек действительно самый подходящий для Карабаха руководитель. Эта личность, в совершенстве зная местные условия и обладая отменным здоровьем, проводит целенаправленную политику, неуклонно следуя общественным интересам в контексте указаний государственных органов. Армяне преднамеренно разжигают в Карабахе беспорядки, пытаясь очернить генерал-губернатора Карабаха в глазах военного руководства. Не будь во главе Карабаха Хосров бека, имеющего величайший авторитет среди мусульманского населения области и пользующегося уважением даже среди армян, эти издревле райские места давно бы уже превратились в ад и стали ареной убийств и кровопролития».

Полулежа на железной кровати и облокотившись на подушку, Самед бек говорил устало, в голосе его сквозила печаль, присущая людям пожилым:

- Мне уже 64 года, и я счастлив, что и на склоне жизни понадобился моей родине как солдат. – Тут он словно вспомнил что-то. - Так что же, господа, только я и говорю. А вы? Ведь я приехал из Баку вас послушать. Только что, вернувшись из Аскерана, спросил у Габиб бека о подробностях операции против Бешеного Газара. Тот ответил, что

операцию проводил полковник Бахрам бек, вот он и доложит. Итак, Бахрам бек, слушаем тебя.

Бахрам бек заметно растерялся от неожиданного вопроса, даже покраснел.

- Рассказывай, нечего стесняться, - подбодрил его Самед бек. - Ведь в этой победе, если можно так выразиться, главным героем стала твоя батарея.

- В бою за высоту Дашбашы артиллерия Бахрам бека поначалу молчала, и это вывело меня из себя, - попытался выручить товарища Габиб бек. - Мой адъютант то и дело напоминал, что Бахрам бек советует не спешить, а тем временем Дяди Газар наступал. Кстати, Бахрам бек мастерски укрыл свою батарею на окраине леса, и создавалось впечатление, что наступлению противника ничто не мешает. Таким образом, артиллеристы Бахрам бека молчали, враг продвигался вперед, и сносить такое было невозможно. Я не стерпел и пришел на их позицию. Бахрам бек сделал мне знак не беспокоиться. Разведка донесла, что у армян большинство орудий неисправны, они привезли их больше для того, чтобы поугагать нас. Прошло еще минут десять, и Бахрам бек воскликнул: «Теперь пора!». И скомандовал во весь голос: «Вперед, мои соколы, вперед, за Родину - Азербайджан!» Не прошло и получаса, как конница противника начала отступать. Одновременно рота губинского батальона и большая часть загатальского полка потеснили армян с флангов. В итоге человек 30-35 кавалеристов Газара сумели бежать и спастись, а на поле боя остались всего пятеро-шестеро, и среди них сам Газар. Бахрам бек что-то говорил ему, что приводило его в ярость.

- Значит, они говорили? – спросил Самед бек.

- Да, причем на их языке, и мне трудно было что-то разобрать. Но я хорошо видел, сколь незавидна эта участь – оказаться в ловушке. Тонущий за соломинку хватается. Вот в таком именно положении и находился армянский предводитель.

- О чем же ты говорил с ним, Бахрам? – поинтересовался С.Мехмандаров.

- Я выучил их язык, когда учился в Кутаисском реальном училище. Я предложил ему сдаться, и ребятам поручил прекратить огонь на время, потому что хотел взять того живым. Но он стал упорствовать. Тогда я соврал, что заранее договорился с его бойцами и, мол, выкупил его. Сказал, что его продали свои же, так что ничего другого, как сдаться, ему не остается, - пояснил Бахрам.

- Господин министр, это была настоящая театральная сцена, - заметил Габиб бек.

- Подожди, подожди, пусть сам расскажет.

- В общем, я сказал ему, что если он не сдастся, то тем самым сам себя обречет на смерть, - продолжил Бахрам бек.

- Да, ничего не скажешь, здорово ты его обломал, молодец. Таков должен быть профессиональный военный. У того негодяя был боевой дух, была жажда к разбою и грабежу, но не было военных способностей, и в критический момент это проявилось в полной мере. Генеральское звание, полученное без каких-либо заслуг, затмило его разум и в конце концов привело к гибели. А что было потом?

- Газар принялся умолять отпустить его. Обещал, что впредь ни разу не появится в Дилиджане и Карабахе. Я пришел к Габиб беку и спросил, что делать, к тому же у солдат так руки и чешутся прикончить его. Габиб бек был краток: утихомирить. И мы выполнили приказ.

- И были совершенно правы, - отозвался С.Мехмандаров, - если враг не сдастся, его уничтожают.

Беспокойство военного министра

В дверь тихо постучали.

- Входите, - сказал Самед бек.

На пороге показался молодой офицер с подносом:

- Чай готов, разрешите принести, - отчеканил он.

Пододвинув к кровати Самед бека стоявший в углу небольшой столик, он поставил у его ног пару домашних чувяков. Разлив чай и накрыв чайник плотным платком, он встал по стойке «смирно» и произнес:

- Разрешите идти.

- Свободен, - скомандовал Габиб бек. - Далекое не отлучайся.

Как только молодой офицер исчез, Самед бек принялся расхваливать его поведение, аккуратный внешний вид и военную выправку.

- Русские заявляют, что из нас, мусульман, дескать, военных не получится. Привести бы их сюда, пусть полюбуются. С такой выправкой офицера в русской армии днем с огнем не сыскать. Если за какие-нибудь полтора года у нас выросло столько способных офицеров, нетрудно представить, на что мы были бы способны, имея армию с трехсотлетней историей, как у русских, - он глубоко вздохнул. - Но

Азербайджан слишком лакомый кусок, со всех сторон на нас точат зубы. Ушел Деникин, взамен большевики пускаются на различные уловки, чтобы затеять вторжение в наши земли. На Северном Кавказе они разжигают вражду между казаками и горцами. Это наглядный образчик политики «разделяй и властвуй».

- Самед бек, может ли Деникин опять объявиться на Кавказе? – спросил Хосров бек.

- Никогда! Большевики уже спели ему лебединую песнь, с Деникиным покончено, - и с особой ненавистью добавил: - Большевики такой уж народ, что там, куда не ступала их нога, сто лет трава не растет. Такая же участь ожидает и адмирала Колчака, который сегодня воюет с ними в Поволжье и Сибири.

- Пленные армяне говорят, что они хотели объединиться с Деникиным против нас, но не получилось, - вмешался в беседу Бахрам бек. – По их словам, рано или поздно армяне объединятся с большевиками, и вместе они расправятся с независимым Азербайджаном. То же самое заявляли армянские бойцы, захваченные в плен подполковником Рафибековым и полковником Левестамом.

- Большевики развернули бешеную пропаганду в Баку среди рабочих русских и мусульман, чтобы вызвать у них ненависть к национальному правительству и его сторонникам. И сегодня среди нас немало их агентуры. Не далее как неделю назад в Гяндже задержана диверсионная группа во главе со Смысловым. И кто же оказался среди ее членов? Нелли Чернышева, любовница работника нашего Генерального штаба – не хочу называть его; Станислав Зубер и другие. Видимо, наша контрразведка, органы безопасности попросту дремлют. Зато в Армении, судя по поступающим данным, большевики действуют иначе. Они сочувственным тоном заявляют, что армяне находятся во враждебном мусульманском окружении Азербайджана, Ирана и Турции, и только большевики предоставляют им гарантии государственной независимости, вдобавок расширят их территорию за счет Азербайджана и Турции. Как видим, своей коварной и двуличной политикой большевики уже подчинили себе горцев Северного Кавказа и теперь обратили взоры на юг.

- Когда вы на прошлой неделе находились в Гяндже, я известил вашего заместителя генерала Шихлинского о том, что нельзя успокаиваться, изгнав армян из Карабаха, - вмешался Габиб бек. – Думаю, он проинформировал вас об этом. Мы должны увеличить личный состав Джаванширского, Губинского, а также Татарского кавалерийского пол-

ков и гвардии в Шуше и Ханкенди. Нельзя забывать, что дашнаки живут грезами о Карабахе, признают это армянские пленные или нет. Считаю, что рано или поздно они объединятся с большевиками и атакуют Карабах.

- По-моему, нам следует пока что оставить здесь также Шекинский и Эрешский полки, - сказал усталым и раздраженным тоном С.Мехмандаров. - Полк под командованием полковника Сейфуллы Каджара отправьте в Казах, откуда тоже поступают тревожные сведения. Амир хан Хойский сообщает, что армяне готовятся к нападению на пограничные села Кямярли и Татлы.

После того, как офицеры разошлись, Самед бек долго не мог заснуть, его одолевали тяжкие раздумья. Оживленные, веселые минуты на батарее Бахрам бека в полдень словно отошли куда-то в прошлое. Облокотившись на подушку, он закрыл глаза в надежде уснуть, но сон все не шел. От беспокойства у него дрожали руки, и даже жилы на шее. Наконец, он встал и подошел к окну. Внизу, на холме Эримгянди кое-где мерцали огоньки. Неожиданно откуда-то издали донеслась стрельба, и немедленно раздался лай собак. Самед беку захотелось взглянуть на родовой дом Мехмандаровых, но он ничего не увидел, и вспомнил, что дом находится в другой стороне. «Завтра обязательно схожу туда, Непременно схожу, иначе навлеку обиду душ моего отца Садыг бека и деда, погонщика мулов Мурада. Кто знает, когда-то еще доведется побывать в Шуше».

Тяжелые раздумья и больше всего – разговоры о предстоящем вторжении большевиков – не отпускали его. Что же такое творится, подумать только! Русские рабочие в Баку уже ведут себя как хозяева положения. Их подстрекает этот мальчишка Алигейдар, который отправил в Кусар Джафара Бабаева вести в полку большевистскую агитацию. По чьему наущению? Ярого дашнака Микояна? Почему большевики считают непозволительным азербайджанцам жить свободно и независимо? Сразу же по возвращении надо будет распорядиться об аресте всех их и содержании в строгом режиме. А то Алигейдар и ему подобные большевики, подстрекая русских рабочих, сбивают с толку и некоторых наших невежд. Мы должны бороться и встречать с оружием любого агрессора. Нужно сражаться!

Весь поседевший, но с военной суровостью во внешности и голосе, 64-летний генерал Самед бек Мехмандаров провел всю эту ночь в мучительных раздумьях о судьбе своего народа.

Наконец, в близлежащем квартале Кочарли запели первые пе-

тухи. С.Мехмандаров бросил беглый взгляд на лежавшие на столе часы; не веря своим глазам, он надел пенсне и сжал губы – было без десяти минут четыре. Усталый и в отвратительном настроении, Самед бек тяжело направился к кровати...

گنرال صمدبک مہمانداروف

РАСПИСНА. 68

1920 года *Август 5* дня, я нижеподписавшийся даю настоящую подписку Коменданту Московской Бутырской М. Ч. К. тюрьмы в том, что по освобождении меня из под стражи обязуюсь ~~никуда не выезжать и по первому требованию явиться в~~ *Октябрьский район без права замещения выехать.*

Мехмандаров

Проживать буду: *Тюльчанская Казен. 5, кв. 5*

СУЛЕЙМАН БЕК ЭФЕНДИЕВ

(первый генерал национальной армии)

15 ноября 1917 года я прибыл на Кавказ. Желая защитить свой народ от возможных внешних агрессий и внутренних противостояний, я считал нужным создать Азербайджанский корпус и приступил в Тифлисе к формированию своего штаба.

**Али ага Шихлинский,
полный генерал артиллерии**

- Как каждое дерево имеет свою тень, так и каждая нация должна иметь свою армию. Сулейман бек, нынешние обстоятельства требуют этого в еще большей мере. Если мы не создадим свою армию, то подвергнем нацию истреблению. Стремительное развитие событий свидетельствует, что народ, имеющий армию, обладающий оружием, может уничтожить другой. Сегодня ситуация такова, что враг находится и внутри нас, и по соседству с нами. Вот к чему привела политика российской империи, на которую мы полагались в течении ста лет.

- Али ага, а где Самед бек, почему он не дает о себе знать? Есть хорошая возможность для создания армии, укрепления оборонной мощи народа.

- Он в Владикавказе. Приезжал на днях, встретились с нужными людьми в Национальном Мусульманском Совете в Тифлисе, он вновь вернулся в Владикавказ. Поехал, чтобы привезти семью в Баку.

- Нам следует торопиться с решением одного вопроса. Нам надо вызвать всех офицеров "Дикой дивизии", которые ныне служат в различных точках империи: полковника Ибрагим ага Юсубова из Харькова, генерала Мирзакязым бека Талышханова из Мурманска, принца Амир Кязым Каджара из Нижегородского полка, полковника Аманулла хан Каджара, Сейфулла Каджара, генерала Фиридун бека Везирова. Большинство наших земляков служили в пятой и седьмой стрелковых дивизиях. Их всех нужно вызвать. Умеющий держать оружие не может оставаться равнодушным к судьбе родины в трудную минуту. Ты знаешь где служит сейчас генерал Алияр бек Гашимбеков?

- В Кавказской обозно-караванной бригаде. У меня есть его

адрес, пошлю телеграмму.

- Надо торопиться. У тебя много дел, будет лучше, если это поручишь кому-нибудь из офицеров. Полковника Ширин бека Кесеманли, племянников своих Джавад бека и Рустам бека я уже предупредил. Они давно мечтают служить в национальной армии. Приедут. Стой, брат, еще одного человека я вспомнил. Где служит полковник Давуд бек Ядигяров, не слышал?

- Нет, давно не поддерживаю с ним связь.

- Я узнаю, его дядя Гасан бек живет в Тифлисе по соседству с моим шурином.

- Али ага, у меня нет никаких надежд на власть Закавказского Сейма. Не знаю как грузины, а армяне, вступив в эту организацию, хотят выиграть время и собраться силами.

- Безусловно, эту хитрость армян раскусили все. Они не смогли завоевать клочок земли в бою с грузинами в Лорийской долине и опозорились. Теперь к нам они начнут выдвигать территориальные притязания. Ты знаешь, дашнакский генерал Фома Назарбеков собирает в Тифлисе армянский корпус. С другой стороны, Андраник, Нжде, Дро создали полноценные добровольные армянские отряды. Мне кажется, что мы должны объединить формируемый тобой в Гяндже полк с создаваемым мной здесь в Тифлисе корпусом. В отдельности мы не представляем существенную силу. Половина Гянджи - армяне. Если завтра поднимут голову, мы не сумеем остановить их только с помощью твоего полка. Наш корпус также следует перевести в Гянджу.

- Знаешь Али ага, я давно в Гяндже, знаю положение дел. Армяне Гянджи и Чайкенда имеют тесные связи с дашнаками Иревана. Говорят, что они основательно вооружились для истребления населения Гянджи. Ждут сигнала из Иревана.

Али ага остановился и задумчиво посмотрел на собеседника. Поднял правую руку и уперся ею об широкоствольный платан.

- Брат, - сказал он, - наша главная трудность состоит в том, что мы не имеем ни оружия, ни снарядов, ни обмундирования для наших солдат и офицеров. Имперская армия забрала все, когда покидала наши территории. Не нашелся мусульманин, который преградил бы им путь и изъял оружие. Однако армянские дашнаки, грузинские дворяне, меньшевики приняли у уходящих русских войск в свое распоряжение каждое ружье, а также казармы, где разместили своих солдат.

- В этом отношении положение нашего полка не так уж плохо, Али ага. Здесь у меня есть друг, человек состоятельный и полезный. Имею ввиду господина Мамедбагир ага Шейхзаманова. В вопросах размещения и снабжения продовольствием оказывает нам большую помощь. Обещал оказать материальную поддержку открытию военного училища с небольшим контингентом слушателей. Мамедбагир ага является личностью, известной благородством, он депутат национального парламента.

- Кем бы не был, надо крепко за него держаться, - сказал Али ага. - В Тифлисе живет такой наш единовец. Наверное и ты его знаешь. Гамзат бек Халилов оказывает большую помощь Национальному корпусу и продовольствием, и обмундированием. На днях привез немало оружия и небольшой отряд белоканцев. Двое его сыновей - Руфат бек и Рамазан бек - смелые ребята, служат в моем корпусе. Оба являются офицерами с высшим образованием.

- Однако Мамедбагир ага очень интересуется тобою, но не знает о твоём приезде в Гянджу. Вернемся домой, пошлю человека, с удовольствием придет на встречу с тобою.

Али ага возразил:

- Нет, - сказал он, - мы нуждаемся в его помощи, может быть, нам стоит вдвоем пойти на встречу с ним, не обидится, если пойдём без предупреждения?..

Сулейман бек с радостью:

- Нет, дорогой, о чем ты, - сказал, - наоборот, ему будет приятно, поверь, он очень обрадуется, когда увидит тебя. Он вырезал и аккуратно хранит все, что писали газеты и журналы во время

Порт-Артура и мировой войны о тебе, Самед беке, Гусейн хане Нахчыванском. Он получает наслаждение, когда читает эти материалы своим гостям. Дом его рядом, на западной стороне Сардарского сада...

Читателей наверняка заинтересовала личность двух собеседников, горячо обсуждавших в середине декабря 1917 года вопрос создания Национальной армии Азербайджана. Возможно, внимательный читатель уловил, что один из них - знаменитый наш генерал Али ага Шихлинский. Другой же - это малоизвестный нашим современникам генерал Сулейман бек Алисулейман оглы Эфендиев. Он является одним из выдающихся отечественных полководцев, внесшим большой вклад в открытие первого в Гяндже Азербайджанской военной школы и создание Гянджинского пехотного полка. Сулейман беку Эфендиеву довелось всего год прослужить в армии Азербайджан-

ской Демократической Республики. Семьдесят три года его имя было спрятано в архивах. Пять лет назад (1993 год) мы обладали лишь скудными сведениями о нем, а потому не решались выступить в прессе.

Наш друг исследователь, профессор Алхан Мамедов щедро поделился с нами небольшими заметками о генерале, которые он обнаружил в газетах "Азербайджан" за 3 марта 1919 года и "Истиглал" от 10 марта того же года. Из обеих заметок - "Кончина глубокоуважаемого генерала" и "Генерал Сулейман бек" мы черпнули подробную информацию о жизненном пути полководца - сына азербайджанского народа, за что выражаем сердечную благодарность ученому. Из материалов видно, что безвременная кончина генерала Сулейман бека Эфендиева, последовавшая в 1919 году от сыпного тифа, явилась тяжелой утратой для всего азербайджанского общества. Это отчетливо становится ясно из материала неизвестного автора в газете "Истиглал".

"Глубокоуважаемый воин! Ты был самым отважным сыном Азербайджана. Ты скончался. Но слава твоя дойдет по потомков, ты будешь жить в среде офицеров. Большая честь для Азербайджана упоминать имя твое в военной истории Азербайджана. Поклоняясь перед духом твоим и демонстрируя свое почтение к тебе, мы выражаем соболезнование Родине и нации".

Где проходила служба, какой была деятельность генерала Сулейман бека Эфендиева до семнадцатого года? Ответ на этот вопрос дают покрытые пылью архивные документы.

... Сулейман бек Алисулейман оглы Эфендиев родился 5 октября 1864 года в Агдаме. Начальное образование получил в Гянджинской прогимназии¹. Окончив эту школу в шестнадцать лет, Сулейман бек в 1880 году поступил, а в 1885 году с успехом завершил учебу в Елизаветградской кавалерийской школе². Военную службу молодой офицер начал в управлении полицейского контроля Кавказской кавалерийской армии. Через два года, 18 мая 1887 года был удостоен офицерского звания корнет.

За образцовую службу 15 марта 1899 года командир эскадрона Сулейман бек Эфендиев был возведен в чин ротмистра и удостоен по-

¹ Школа в царской России, которая давала четырехлетнее или шестилетнее неполное образование - Ш.Н.

² Ныне город Кировоград - Ш.Н.

Эфендиев был очарован двустигмией Намиг Кямала "Мир вздрогнет от непокорности стойких людей", он без остатка отдал жизнь служению народу. В одно время Сулейман бек служил в Гяндже.

Был сильный морозный день. Я пришел, чтобы повидаться с ним. Коротким предложением ответил мне: "Народ пробуждается. Отважных бойцов становится больше". И тоном боевого офицера сказал: "Если задуманное претворится в жизнь, все будет хорошо".

Покойный был далек от политики. Им владела исключительно военная служба и преданность делу, присущая военным.

После Гянджи он поехал в Тертер и там успешно довел до совершенства местную военную организацию мусульман. Затем он приехал в Карабах - в Агдам, где также проявил старание и мужество.

Сулейман бек был очень чувствительным и честным человеком. Никто не скажет, что заметил за Сулейман беком нечто предрассудительное. Один наш друг искренне говорил, что нет в Азербайджане человека более совестливого и скромного, чем Сулейман бек Эфендиев.

Очень хорошо знавший покойного и немало времени проработавший с ним член парламента Мамедбагир Шейхзаманов говорил нам, что генерал Сулейман бек Эфендиев выделялся среди азербайджанских офицеров работоспособностью и организаторскими способностями.

Да! Это большая потеря для Азербайджана. Невозможно скрыть боль этой утраты.

Второй некролог-материал о Сулейман беке Эфендиеве опубликован в газете "Азербайджан" 3 марта 1919 года. Подписан автором по имени Саид.

Генерал Сулейман бек

На днях пришло известие о кончине от тифа одного из командиров армии Азербайджанской Республики - мирлива (генерала) Сулейман бек Эфендиев. Случилось это в то время, когда армия находится на столь ответственной стадии. Да не иссякнет Божья милость! Кончина мирлива Эфендиева подвергнет в скорбь и печаль не только близких и родственников покойного, а всех тех, кому известны его служба и самоотверженная работа во имя родины и нации.

Кто же Сулейман бек Эфендиев?

На этот вопрос нынешний наш военный министр генерал Самед бек Мехмандаров ответил следующим образом: "генерал Сулейман бек Эфендиев в порядочности, честности, мужестве и отваге был первым среди подчиненных мне офицеров!". Мы же бросим взгляд на страницы жизни покойного. Я не способен рассказать всю его биографию. Это мне не под силу. Я расскажу о его деятельности в Гяндже.

Будучи в то время в звании миралай (полковник) Сулейман бек в июле 1917 года прибыл в город Гянджу. Он был командирован Закавказским правительством с определенной задачей, которая заключалась в подготовке младших офицеров для будущего пехотного милицейского полка. Сразу по прибытию в Гянджу покойный посетил Мусульманский Национальный Комитет Гянджи и сообщил о цели своего приезда. Он отметил необходимость наличия у азербайджанских тюрок собственной, хорошо подготовленной армии и добавил, что если Гянджинский национальный комитет возьмет на себя расходы и ускорит это дело, то он с удовольствием будет действовать в этом направлении. Национальный комитет начал работать. Принял решение об открытии военной школы на 150 человек. Распределив это количество по уездам Гянджинской губернии, обратился к Национальным комитетам уездов об оплате расходов на учебу кандидатов. Из некоторых уездов были направлены лица для обучения, но у них не было денег для покрытия расходов. Некоторые комитеты выделили деньги, но в меньшем, чем требовалось, количестве. Тем не менее, покойный Сулейман бек начал трудиться. Безденежье, голод, отсутствие снаряжения не испугали его. Несмотря на, что начал работать с августа 1917 года, он посетился в феврале 1918 года просить вознаграждение за прошлые месяцы и попросил сделать это меня. Прослужив столько времени за собственный счет, он тем не менее считал неудобным затрагивать эту тему.

В Гяндже началась анархия, гражданские и военные чины влились в ряды воров, грабителей. Никто никого не признавал, никто не желал подчиниться кому-то, можно было подумать, что нет в городе честных, правдивых, мужественных и совестливых лиц. Покойный Эфендиев голодный днем, без сна ночью вместе молодыми слушателями школы появлялся там, где возникала угроза городу, общественному порядку.

Он был честным и отважным, таковыми были и его слушатели

военной школы. Покойный Сулейман бек проявил мужество и в Шамкирской войне. С самого начала до конца он появлялся в самых опасных, самых ответственных участках. После этого имя Сулейман бека попало в черный список. Пришлось на время покинуть Гянджу. В это время правительство решило создать мусульманскую армию. Генерал Али ага Шихлинский был назначен верховным главнокомандующим (А.Шихлинский был назначен верховным главнокомандующим Отдельного Мусульманского корпуса, который формировался в Гяндже - Ш.Н.). В Гяндже началось формирование военной силы. Покойный Сулейман бек был приглашен в Гянджу и назначен командиром пятого полка. Он с энтузиазмом приступил к новой деятельности. В городе царил такая анархия, что никакая сила не была способна с ней справиться.

Наконец, вооружив имевших в наличии азербайджанских солдат, опираясь на их честь и отвагу, удалось восстановить порядок и справиться с защитой города от готовящегося нападения из Баку.

"Я справляюсь с этой задачей", - сказал Сулейман бек, взвалив на свой полк трудности. Действительно, в Гяндже восстановились порядок, дисциплина. Таким образом, покойный генерал Сулейман бек Эфендиев бесстрашно продолжил деятельность. На днях всех азербайджанцев поверг в скорбь и печаль уход на последнее пристанище одного неугасающих интеллигентов. Да не иссякнет Божья милость!

Из недавно раскрытых архивов

Можно с уверенностью сказать, что пройденный Национальной армией в 1918-1920 годах путь является в прямом смысле этого слова исторической летописью. Лишь в 1992 году нам удалось начать исследование ценнейших документов по военной истории, которые под грифом "совершенно секретно" Семьдесят три года держались в тайне от народа. Чего только нет в них... Каждый документ - это судьба отважных сыновей нашего народа, их боевой путь, то ли прерванный, то ли пройденный до конца. Изучая эти редчайшие документы, невольно вспоминаешь не сходящие с уст строки великого Самед Вургуна:

Не умер тот, кто славно жил
И кажется, мне скажет каждый:
"Я путь сквозь пламя проложил
К сердцам отзывчивых сограждан"

(перевод В.Кафарова)

Одна из таких папок с бесценными документами, которая хра-

няется в Государственном архиве новой истории Азербайджана, рассказывает о жизни и деятельности генерал-майора Сулейман бека Эфендиева. В подписанном временно исполняющим обязанности военного министра генерал-лейтенантом Али ага Шихлинском и начальником Генерального штаба полковником Габиб бек Салимовым приказе N89 от 21 февраля 1919 года читаем:

"Сегодня из Агдама получили печальное известие о кончине от тифа начальника Первой пехотной азербайджанской дивизии генерал-майора Сулейман бека Эфендиева. После февральского переворота 1917 года генерал-майор Эфендиев (тогда полковник) все силы и старания приложил к общественно-организационным работам и службе народу в сфере защиты Родины.

Кстати отметим, что для подготовки инструкторов для создаваемой по его инициативе в Гяндже азербайджанской армии был сформирован учебный отряд. Этот небольшой отряд, которым руководил полковник Эфендиев, сыграл важную роль в упрочении правопорядка в городе, защите от анархии, разоружении эшелонов и охране народного имущества.

Когда в Гяндже создавался Мусульманский корпус полковник Эфендиев был назначен командиром пятого Мусульманского полка. Несмотря на откровенную оппозицию различных организаций в Тифлисе, негативное отношение официальных кругов к формированию мусульманского полка и ряд других трудностей, благодаря своему умению полковнику Эфендиеву удалось получить в Тифлисе и доставить в Гянджу необходимые для полка вещи.

В условиях отсутствия органа власти, способного на месте оказать помощь военной сфере, сформированный из добровольцев пятый стрелковый полк в большинстве своем состоял из неплохо одетых и прошедших определенное обучение солдат. Заботился командир не только о солдатах. Полковник Эфендиев организовал для офицеров прекрасную столовую с дешевой пищей.

В ситуации, когда кавалерийские части азербайджанского корпуса были временно расформированы, полковник Эфендиев сдал в штаб в большом количестве предметы и продовольствие. После этого полковник Эфендиев был назначен командиром Второго Карабахского кавалерийского полка. И здесь ему пришлось столкнуться с большими трудностями. Тем не менее ему удалось довести подготовленность полка до уровня войсковой части и в отличном состоянии передать ее Военному министерству.

Военный министр высоко оценивает деятельность полковника Эфендиева и 29 декабря сего года ему присваивается звание генерал-майор и он назначается командиром Первой пехотной дивизии.

В сложившихся трудных условиях генерал Эфендиев приступает к тяжелой работе по формированию дивизии, не покладая рук стремится к утверждению правопорядка в войсковых частях в этой непростом и важном регионе Азербайджана.

Обеспокоенный медико-санитарным состоянием дивизии, генерал Эфендиев лично руководит организацией лазарета, часто посещает больных, иногда добрым словом, иногда требовательностью добивается улучшения их положения. Погрузившись в заботы, он не думает о себе, заболевает сыпным тифом и как гордый воин умирает при исполнении службы.

Неустанный боец и настоящий сын Отечества, пусть могила твоя озарится светом!

Кончина генерала Сулеймана бека поставила в затруднительное материальное положение семью, которая проживала в Батуми. Узнав об смерти сына, он, сознавая огромную ответственность порученного ему дела, не оставил должность и не принял участие в похоронах.

Приказываю расходы на похороны отнести на счет казны и оказать семье единовременное пособие в размере пяти тысяч манатов. Одновременно ходатайствую перед располагающимся в Баку Военным министерством о назначении семье пенсии, достаточной для удовлетворительного проживания".

Через пять дней - 26 февраля генерал Али ага Шихлинский сделал следующее добавление в приказ:

"Идя навстречу пожеланию вдовы Лалендар ханум скончавшегося начальника Первой пехотной дивизии генерал-майора Сулеймана бека Эфендиева, похоронить его не в Гяндже, а в Казахском уезде".

К сожалению, найти кого-либо из близких родственников генерала Сулеймана бека Эфендиева, пожертвовавшего собою во имя независимости Родины, найти не удалось. Не удастся также разыскать могилу отважного генерала. Неизвестно, где он похоронен - в самом Казахе или в каком-нибудь селе. Остается надеется на будущие исследования, архивные документы, и на память внуков-правнуков генерала в Агдаме и Казахе, носящих фамилию Эфендиев...

ГЕНЕРАЛ САМЕД БЕК МЕХМАНДАРОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

«Солдат должен походить на своего командира, офицер - на своего генерала. Если командир воинственный, то и солдат таков, если же офицер слаб, то и солдат бездарный».

*Самед бек Мехмандаров,
генерал от артиллерии.*

Говоря о военачальниках Самед беке Мехмандарове и Али аге Шихлинском, завоевавших всенародное признание, невольно вспомнишь двух наших знаменитых музыкальных деятелей со схожей судьбой. Узеир бек Гаджибеков и Муслим Магомаев. Оба родились в один год, окончили одну семинарию. Работали учителями, писали музыку. Всевышний не одарил Узеир бека детьми. Аналогию в судьбах Узеир бека и Муслима можно видеть и в жизни выдающихся военных деятелей. Али ага Шихлинский, покинул этот бранный мир, так и не познал счастья отцовства. Судьба дала Мехмандарову и Муслиму Магомаеву и детей, и славу. Однако, они раньше чем Али ага и Узеир бек, ушли из жизни.

Оба в восемнадцать лет надели солдатские сапоги, учились в Петербурге, сражались в Порт-Артуре, на фронтах Первой мировой войны. В 1918 году доблестным генералам довелось участвовать в создании первых частей Национальной армии Азербайджана. Они получили высшее звание полных генералов артиллерии. Вырастили ряд азербайджанских генералов и офицеров.

Четыре азербайджанских орла беззаветно служили своему народу с конца XIX до начала прошлого века.

Когда грянула первая мировая война, Мехмандаров был командующим 21-й пехотной дивизии, расквартированной во Владикавказе. До этого разные события случались в его жизни. После возвращения из японского плена, назначается командующим 7-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригадой, а впоследствии Самед беку предоставляют еще более ответственную должность - начальника артиллерии корпуса 3-й Сибирской армии. 1908 год преподнес Самед беку, кроме этой высокой должности, еще две большие радости. 13 июля ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Второе, наиболее радостное событие, произошло 18 ноября в городе Иркутске. После долгих лет ожидания, наконец, судьба ниспослала ему сына. Самед бек назвал его

необычным именем - Пир. Игорь (это имя он носил в дальнейшей жизни) подвергался неслыханным мукам лишь из-за того, что являлся сыном генерала. Никогда не забуду один эпизод, рассказанный мне Игорем Мехмандаровым во время встречи с ним в Баку в 1988 году.- После кончины отца меня и маму часто вызывали в ЧК. Задавали сотни вопросов. Били нас, пытали, невзирая на то, даем мы правдивые показания или нет. Однажды дошел до такого отчаяния, что не удержался от вопроса: зачем же вы меня бьете, мучаете? Искренне вам говорю, нет у меня ответов на ваши вопросы, не могу же я притворяться, лгать? Бесплезно подвергать меня истязаниям. Скажите, в чем моя вина?

- Не выбрали себе хорошего родителя - вот в чем ваша вина!

Странная логика, не правда ли, с каких это пор дети выбирают себе родителей?..

Чтобы спастись от жестоких преследований, изнурительных допросов, в 1930 году мать Елизавета Николаевна и сын Игорь после кончины отца-генерала, военного министра бывшей Азербайджанской Демократической Республики, вынужденно переезжают в Ленинград. Но и здесь не оставляют их в покое советские чекисты.

«...В 1937 году семья Мехмандаровых ссылается из Петербурга в Саратов. Однако и в этом городе Игорь Мехмандаров не обрел спокойствия. Отсутствие элементарных условий для нормальной жизни, тяжелое материальное положение, ежедневные вызовы в НКВД делают положение семьи невыносимым.

Несмотря на все это, палачи и не думают униматься. В 1941 году Е.Н.Мехмандарова вместе с сыном вновь ссылается в Сибирь. На этот раз она погибает в поезде, подвергшемся налету фашистских самолетов. А ее сын после ссылки продолжительное время живет в Калининграде. В 1977 году руководитель правительства Азербайджана приглашает Игоря посетить Баку.

...На основании запроса, направленного Генеральной прокуратурой Азербайджанской Республики в областные прокуратуры Санкт-Петербурга и Саратова, где жили в свое время Мехмандаровы, проводятся дополнительные проверки. Дела были еще раз изучены и, наконец, получены официальные оправдательные документы на Игоря Самед бек оглы Мехмандарова и его мать Елизавету Николаевну Мехмандарову. Хотя и с опозданием, но удалось стереть еще одно черное пятно из истории нашего народа» (Э.Гаджиев, «Стерлось еще одно черное пятно», статья в «Халг газети» за 8 июня 1993 года).

Родина завет

В один из теплых майских дней 1910 года родной Кавказ после долгой разлуки радостно встретил своего героического сына Самед бека Мехмандарова. 24 мая он назначается начальником артиллерии корпуса 1-й Кавказской армии, расположенной в Тифлисе. 31 июля Самед бек становится инспектором артиллерии этого корпуса, а 31 декабря 1913 года возглавляет 21-ю кавалерийскую дивизию.

С самого начала Первой мировой войны дивизия Самед бека Мехмандарова сражается в составе 3-го Кавказского армейского корпуса и завоевывает огромную славу в русской армии. Особенно отличились под его командованием 81-й Абшеронский и 83-й Самурский кавалерийские полки.

Назначенный 11 декабря 1914 года командиром корпуса 2-й Кавказской армии Самед бек Мехмандаров, провел тяжелые, но успешные бои с немецкими войсками на берегах реки Сане за населенные пункты Прасныша, Холма и Вильно. На протяжении всей войны, возглавляемый им корпус, не потерял ни одного орудия.

Близко знавший Самед бека майор Гаджи ага Ибрагимбейли в изданной в 1946 году брошюре «Самед бек Мехмандаров» с гордостью пишет:

«Офицер, официально не получивший академического образования, мог достичь высоких званий лишь благодаря необычайному дарованию, огромной любви к военному делу, беспримерной отваги в боях и воинской сноровке, преданности клятве и глубокой порядочности. Самед бек Мехмандаров был из плеяды таких офицеров.

Артиллеристу высшего класса Самед беку Мехмандарову могли позавидовать и выпускник артиллерийской академии, и каждый видный войсковой генерал».

Генерал Самед бек Мехмандаров завоевал славу как талантливый военачальник, нанесший в годы Первой мировой войны ряд серьезных поражений немецким дивизиям.

Генерал Мехмандаров обрел особую известность после боевой операции в районе Лодзи 15 сентября 1914 года. Войска немецкого генерала Макензи, взяв мощным штурмом Ивангород, начали развивать наступление на Лодзь. Отступавшие русские войска оказались в очень тяжелом положении. Перешедшие в атаку по всей линии фронта немцы пытались окружить часть противостоявших им русских соединений.

21-я пехотная дивизия Самед бека Мехмандарова состояла из 81-

го Абшеронского, 82-го Дагестанского, 83-го Самурского и 84-го Ширванского полков. Каждый из этих полков имел своеобразные боевые традиции.

Командующий корпусом, взволнованный за участь вверенных ему частей, по телефонной связи справляется у Мехмандарова положением дел в дивизии. В трубке прозвучал свойственный командирам мужественный, по-военному короткий ответ: «Положение тяжелое. Перехожу в наступление!».

В то время как две русские дивизии в панике отступали, дивизия Мехмандарова нанесла по уверенному наступавшему врагу чувствительные удары, заставив их отойти на исходные позиции. Спустя три дня после кровопролитных боев дивизия уже штурмовала Ивангород. Эта удачная операция Самед бека Мехмандарова в Первой мировой войне опрокинула далеко идущие планы немецкого генерала Макензи. А две русские дивизии избежали участи оказаться в позорном плену.

В ходе той операции генерал Али ага Шихлинский по приказу Верховного Главнокомандующего занимал должность генерала по особым поручениям при Главной инспекции полевой артиллерии. Впоследствии он писал:

«В тот период я был вызван на Западный фронт для проверки состояния дел с тяжелыми полевыми орудиями, новыми для русской армии и направления деятельности в данной сфере. Я обошел семь корпусов и установил, что только в корпусе Самед бека Мехмандарова правильно понято предназначение тяжелых орудий и они расставлены в соответствии с их функциями. Это было заслугой не корпусного орудийного инспектора, а результатом работы искусного артиллериста Мехмандарова».

За беспримерные достижения в Первой мировой войне 22 марта 1915 года Самед беку Садых бек оглы Мехмандарову присваивается звание полного генерала артиллерии. Его героизм был оценен по достоинству: за удачные операции 27-29 сентября 1914 года и 2 января 1915 года он удостоивается орденов «Святого Георгия» третьей степени и «Святого Владимира» второй степени (с мечом), а за участие в операции по взятию города Ивангорода Самед бек получает «Георгиевское оружие», украшенное бриллиантом.

Современники с большой симпатией отзываются о храбрости Самед бека Мехмандарова, его приветливом обращении с подчиненными. Майор Гаджи ага Ибрагимбейли пишет, что в ходе Первой мировой войны генерал Мехмандаров приобрел огромные почет и

уважение. Безграничная удаля генерала, потрясающее хладнокровие в самые страшные минуты сражений снискали ему заслуженную славу в русской армии.

Мехмандаров любит справедливых, добросовестных, правдивых людей, оказывает им поддержку, но он крайне беспощаден к бесчестным. Лично знавшие Мехмандарова в один голос утверждают, что все подчиненные боялись его как огня, однако любили генерала, беззаветно верили ему.

Самед бек Мехмандаров всегда хорошо относился к рядовым военнослужащим, приходил им на помощь. «Мехмандаров - редкостный артиллерист». Эти слова принадлежат командующему Краснознаменной Кавказской армией И.Э.Якиру. Командующий Иона Якир собственноручно записал их в личное дело Самед бека, работавшего в 1925 году преподавателем Азербайджанского объединенного военного училища. В годы революции жизнь Мехмандарова не отличалась безмятежностью. Представители новой власти не доверяли ему. Как резкая пощечина звучали слова «царский генерал», «мусаватский министр», брошенные в лицо Самед бека и его соратников. С тех кошмарных дней остались два листа бумаги, написанные рукой Самед бека Мехмандарова 4 июня 1920 года. Заполненные по требованию большевиков «Листки заключенного» ныне хранятся в архиве Министерства национальной безопасности.

Анкета генерала Мехмандарова

В жизни это был низкорослый человек, с расчесанной надвое белой бородой. Из-за маленьких размеров ноги, носил обувь, сшитую из специальной кожи.

Рассказывают, что в 1923 году знаменитого генерала видели... с метлой в руке на улицах Баку. 67-летний полководец, бывший военный министр мусаватского правительства, пряча глаза от прохожих, орудовал метлой, а затем торопился в Азербайджанскую Чрезвычайную Комиссию. Следовало обязательно явиться, не опоздать на регистрацию. Пусть видят, он на месте, никуда не уехал, не убежал.

Говорят, так было. Во всяком случае, в документах, которые имеются в наших руках, об этом ничего не сказано, однако этот факт остался в памяти современников. Долгое время бытовало мнение, что не очень-то важно знать свою историю, различные ее периоды, а если даже вникнуть в детали, разобраться во всех перипетиях, то «все равно мы ее, историю, правильно не воспримем». Но маленький лучик спо-

собен вынести на поверхность истину, осветить все темные закоулки, точно так же как отлив вычищает подводные камни.

В октябре 1999 года исследования привели меня в чекистские архивы. Здесь, среди анкет «бывших людей», хранится двойной листок, обесцвеченный временем и исписанный мелким почерком Мехмандарова. Двойной листок, отдающий гарью той эпохи...

Из анкеты неясно, как и где проходила военная служба Самед бека Садыг оглы Мехмандарова. Но в колонке «награждения» читаем, что он был удостоен Георгиевского ордена третьей и четвертой степеней, золотого оружия, украшенного бриллиантом, ордена Станислава первой, второй и четвертой степеней, ордена Анны первой, второй и третьей степеней, ордена Владимира второй, третьей, четвертой степеней, орденов «Белый Орел»¹ и Александра Невского и других. Понятное дело, ордена присуждались за примерную службу и героизм.

Затем в анкете следует масса вопросов.

- Последние звания и должность в старой армии?

- Полный генерал артиллерии, командир 2-го Кавказского корпуса.

- Где вы находились во время февральской революции 1917 года?

- На германском фронте.

- А во время Октябрьской революции?

- В Петрограде, в Александровском комитете раненых, членом которого был избран в мае 1917 года.

В 1918 году 62-летнему генералу предлагают должность военного министра мусаватского правительства Азербайджанской Демократической Республики и Мехмандаров принимает это предложение. 4 июня 1920 года он подвергается аресту и спустя два месяца вместе с генералом Али агой Шихлинским отправляется в Москву. По прибытии в столицу генералов задерживают и переправляют в Бутырскую тюрьму. Встречавший поезд на московском вокзале полномочный представитель Азербайджана Бехбуд бек Джаваншир посылает срочную телеграмму Нариману Нариманову: «Поезд, о котором вы говорили, прибыл, но генералов нет». Н.Нариманов по телефону связывается со Сталиным, просит вмешаться.

В настоящее время в архиве Министерства национальной без-

¹ Высшим орденом «Белый Орел» Российской империи, в 1888 году первым был награжден первый вице-адмирал из Азербайджанцев, Ибрагим бек Аллахверди бек оглы Асланбеков (1822-1900), вторым полный генерал кавалерии Гусейн хан Кялбалы хан оглы Нахичеванский (1863-1919, последним, третьим Самед бек Садыг бек оглы Мехмандаров (1855-1931). Ш.Н.

мировой войны, слава которого перешагнула далеко за пределы России?

Ответы на эти вопросы находим из документа, датированного 1920 годом. Читаем:

«Красная Армия, можно сказать, напрочь потеряла боеспособность, состояла из армянских добровольцев под командованием дашнакских офицеров. Эти отряды грабили окрестные села, что вызывало к ним ненависть у мусульманского населения».

И вот эти «добровольцы» вернулись в Баку. Чтобы унижить Самед бека Мехмандарова в глазах народа, выгнали на улицу с метлой человека, всего полтора года бывшего военным министром Азербайджанской Демократической Республики. Враги знали, что народ любит Самед бека Мехмандарова и в его лице надеется на спасение от «добровольцев», принесших свободу. Такая надежда проскальзывает в резолюциях, принятых на митингах населения Кусара, Губы, Хачмаза, Девечи:

«Мы уверены, что наше правительство (Азербайджанской Демократической Республики - Ш.Н.) будет сражаться на поле битвы до последнего воина и не отдаст в руки черных генералов наших женщин и девушек. Доблестный военный министр Мехмандаров, отличившийся в интересах Николая в окрестностях Порт-Артура, расчувствовался, побывав в нашем крае и заверил, что готов до последней капли крови защищать нашу Родину, женщин и девушек, достоинство наших матерей и сестер».

Но, казалось, колесо истории повернулось вспять. Началась война верующих с безбожниками. В этих сражениях мы понесли огромные потери. Дашнаки С.Шаумян, Т.Амиров, С.Лалаев, Б.Авакян и прочие, раздиравшие Азербайджан изнутри, выглядели волками в овечьей шкуре. Их бандитские формирования под покровом ночи врываются в дома мусульман, отбирали у сельчан оружие, зверски избивали сопротивлявшихся. Газета «Азербайджан» в номере 67 за 1919 год писала, что после отхода турецких войск с Кавказского фронта турецкие армяне объединились с кавказскими армянами и перешли в наступление, нанося предательские удары по турецким частям. С одной стороны действовали отряды Андроника, с другой - армянских генералов Дро, Гери, Мурада. Покинутые населением мусульманские села были разграблены, стерты с лица земли. Именно в этот период в результате интриг Шаумяна и Авакяна начались шемахинские события. В руки коменданта Гянджи попало письмо Шаумяна, связанное с этими событиями. Из него ясно видна дашнакская сущность Шаумяна

и Авакяна. Все эти трагические случаи имели место в 1918-1919 годах. А в апреле 1920 года 40-тысячная Национальная армия Азербайджана не смогла противостоять 72-тысячной XI Красной армии. Потому что азербайджанская армия, состоявшая из тридцати тысяч пехотинцев и десяти тысяч кавалеристов, сражалась с бандитами Амазаспа и Андроника в Зангезуре, Карабахе, Казахе и других уездах.

Прибывший в Азербайджан вместе с частями XI Красной армии будущий маршал С.А.Красовский на 70-й странице своей книги «Жизнь в авиации» (1960 год) пишет: «Когда XI армия подошла к станции Ялама, к границам Азербайджана в Баку шло заседание мусаватского правительства. На заседании глава правительства Насиб бек Юсифбеков спрашивает военного министра генерала Самед бека Мехмандарова: «Сумеет ли мусаватская армия остановить вражеское наступление?» Министр ответил вопросом на вопрос: «Какого врага вы имеете в виду? Дашнаков или меньшевиков? Если вы говорите о меньшевиках, то надежды есть. Если же вы имеете в виду XI армию, то наших сил хватит всего на одну минуту, господин министр. Мы не будем сражаться с большевиками!»

Поэтому XI Красная армия, в составе которой находился и турецкий генерал Халил Паша (1882-1957), специально прибывший в Баку по просьбе Совета, не встретив сопротивления, 28 апреля 1920 года вошла в Баку. Халил Паша на всех остановках по дороге из Дербента призывал население поддержать Советскую власть. В военном Музее Стамбула хранится серебряный кинжал, преподнесенный Халил Паше ЦИК РСФСР» (З.Буниятов, журнал «Элм ве хаят», №10, 1988 год).

Посетивший недавно Турцию наш друг - мастер по резьбе Фиридун Сейфяддин оглы привез книгу под названием «Азербайджан», изданную в 1976 году в Стамбуле. Автор Керим Одер с симпатией повествует о литературе, истории, экономике нашей страны, деятельности Азербайджанской Демократической Республики. Книга украшена также редкими фотоснимками выдающихся сынов нашего народа. Здесь дана информация о деятельности Самед бека в 1918-1920 годах, сопровождаемая неизвестной нам фотографией. Керим Одер пишет:

«Правительство республики придавало значение армейским делам. Военным министром был назначен генерал Самед бек Мехмандаров. Его заместителем был «Бог русской артиллерии» Али ага Шихлинский, а начальником Генерального штаба Мамед бек Сулькевич. Появилась оснащенная всеми видами оружия армия, состоявшая из

двадцати четырех тысяч пехотинцев, кавалеристов, артиллеристов и представителей других родов войск, на Каспийском море создан небольшой флот. Из-за непризнания национального правительства в Баку, Ленкоране и Карабахе создалась крайне напряженная обстановка. Русские и другие вражеские силы были приведены к повиновению, призваны к порядку».

Беспокойные для Самед бека Мехмандарова дни двадцатого года хорошо помнит его двенадцатилетний сын Пир: «Вернувшись с заседания парламента 27 апреля, отец увидел чемоданы, собранные мамой, и сказал: «Освободи чемоданы, никуда мы не поедем». Мать с тревогой в голосе заговорила: «Что ты говоришь? Как это не едем? Знаешь, что тебя могут расстрелять?»

Отец ответил, что после последнего заседания парламента к нему подошел лидер фракции «Гуммет» Алигейдар Караев, который сказал: «Самед бек, не уезжай, оставайся! Никуда не уезжай. Обещаю, ни один волос не упадет с вашей головы. Оставайтесь, работайте с нами...».

Мама вновь стала возражать: «Возможно, тебя они не тронут, а как судьба, будущее сына, мое положение...».

Отец решительно сказал: «Никуда не поедем». Мама продолжала настаивать: «Ведь поезд ждет в Баладжары». Отец ответил: «Поедут без нас. Нет никаких оснований отрываться от Родины».

Потом уже узнали, что поезд, увозивший руководителей мусаватского правительства в Тифлис, из-за отца полтора часа задержался на станции Баладжары».

Говоря о биографии Самед бека Мехмандарова, исследователи почти не упоминают период его деятельности с 1920 по 1924 год. С 1 августа 1920 года Самед бек Мехмандаров и Али ага Шихлинский командуются в Москву для работы в Генеральном штабе. Али ага Шихлинский в артиллерийском училище преподает будущим маршалам Л.А.Говорову, Н.Д.Яковлеву, М.Н.Чистякову, главному маршалу артиллерии Н.Н.Воронову. Самед бек Мехмандаров включается в состав комиссии, готовившей Артиллерийский устав, одновременно преподает тактику в военной академии. Возвратившиеся в Азербайджан осенью 1921 года генералы попадают в распоряжение военного комиссариата республики. Более подробную информацию об этом мы узнаем от Али аги Шихлинского: «18 июля мы выехали в Баку, а 22 июля нас уже здесь встречали. В Баку нас включили в штаб азербайджанских советских войск. Кроме этого, оба преподавали артиллерийское дело в Азербайджанском командном училище - Мехмандаров на

русском, я - на азербайджанском языке. Начальник гарнизона издал приказ «Об организации Военно-научного общества при Бакинском гарнизоне» под его председательством. Я был назначен заместителем председателя. Начальник гарнизона не председательствовал, заседания обычно проводил я. Мехмандаров же был назначен членом этого общества».

Но кто же все-таки в 1923 году вынудил генерала Самед бека Мехмандарова подметать бакинские улицы? Восседавший в Москве Сталин приказал провести чистку среди мусульманской интеллигенции. Секретарь Бакинского комитета АКП (б) Л.Мирзоян, укреплявший позиции «левых» в столице Азербайджана и усиливавший борьбу с соратниками Н.Нариманова, его подручные и группа бывших покровителей дашнаков, как червяки, разъедавшие республику изнутри, бросились ревностно выполнять указание Сталина. Они прекрасно сознавали, что Нариман Нариманов высоко оценивает генерала Мехмандарова как выдающегося полководца.

Воспоминания ныне покойного генерал-майора Акима Али оглы Аббасова:

- Благодарен судьбе за то, что три года был курсантом у знаменитых военачальников, героев русско-японской и Первой мировой войны Мехмандарова и Шихлинского. Их лекции были настолько занимательны, что все вокруг замирало, старались не пропустить ни одного слова. Человека приводило в восторг их глубокое знание военного дела. Мы, курсанты, больше других любили предметы «Артиллерия» и «Математика». Почему? Да потому что лекции по этим дисциплинам читали наши любимые преподаватели генералы Али ага Шихлинский и Самед бек Мехмандаров. Их эрудиция, способность максимально четко и всесторонне изложить самые сложные вопросы военной науки, особенно теорию и практику артиллерийского дела, приводили слушателей в восхищение. Пожалуй, не нашлось бы курсанта, который глубоко не изучил бы жизнь и деятельность этих славных полководцев, умевших в самые трудные моменты сражений отдавать точные командирские приказы, вдохновлять солдат и офицеров собственным героизмом, доблестью.

Эти старые генералы были непомерно работоспособными, от души любили тяжелую профессию, оставались верными ей до конца жизни, с поразительной выдержкой передавали молодым офицерам свои богатейшие знания.

САМЕД БЕК МЕХМАНДАРОВ В ПЕРИОД ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В 1919 году белогвардейский генерал Деникин приближался к нашим границам, угрожая республике. Но наше государство и народ не придавали значения этим устрашающим маневрам. Во время одного из банкетов зашла речь об опасности, исходящей от Деникина. Государство, народ и армия придерживались единого мнения: есть будущее, значит, стоит жить и творить. Собравшиеся на банкет слушали военного министра генерала Мехмандарова. Волевым, 63-летний старый лев грузно поднялся с места. Окинул взглядом зал и сказал: «Дорогие мои, угрозы генерала Деникина не имеют ни смысла, ни цены. Деникин знает меня лучше своего народа, царя и армии. И он хорошо знает, что русские армии, которыми командовал я, всегда превосходили другие русские армии. Дети мои, всю свою молодость, силы я посвятил укреплению русской армии. Я счастливый человек, ибо в старческом возрасте довелось заняться созданием армии своего народа. Командую армией, которую мы создаем. Деникин не найдет в себе решительности воевать с армией, которой командую я. Не беспокойтесь и занимайтесь своими делами».

*Наги бек ШЕЙХЗАМАНЛЫ,
начальник управления
контрразведки АДР в 1919 году*

Самед бек Мехмандаров, сорок шесть лет прослуживший в царской армии, 28 марта 1917 года вышел в отставку в звании полного генерала артиллерии. Последняя его должность - командующий корпусной группой 2-й Кавказской армии. По мнению специалистов, она равноценна должности командующего армией. В годы первой мировой войны он более двух лет командовал корпусом. За это время его подчиненные продемонстрировали редкую доблесть, и во 2-й Кавказской армии корпус прозвали не иначе как «группа генерала Мехмандарова». На пик славы Самед бека вознесли операции по взятию города Вильно (Вильнюс). В течение 10 лет (1904-1915 годы) за образцовую службу Самед беку трижды присваивалось звание генерала: 22 октября 1904 года - генерал-майор, 13 июля 1908 года - генерал-лейтенант и 22 марта 1915 года - полный генерал артиллерии. Кстати, в военной сфере очень редко можно встретить такое стремительное

продвижение по служебной лестнице за столь короткий период.

Наш соотечественник, не имевший высшего военного академического образования, добился в имперской армии потрясающих успехов благодаря удали и природной даровитости. Самед бек Мехмандаров был первым азербайджанцем, удостоившимся высокого звания полного генерала артиллерии.

Все это - деятельность генерала Мехмандарова до Февральской буржуазной революции. После развала империи Самед бек приезжает в город Владикавказ и 7 августа 1917 года избирается членом «Александровского комитета», оказывавшего содействие раненым. Впервые оторвавшись от ратной жизни, Самед бек усердно принялся за новую работу. Но недолго довелось боевому генералу жить размеренной жизнью, в начале августа 1918 года он вынужденно покидает Владикавказ. Отказавшись работать с большевиками, насаждавшими Советскую власть на Северном Кавказе, Самед бек Мехмандаров по Военно-Грузинской дороге направляется Баку.

1 ноября 1918 года правительство Азербайджана приняло решение о создании военного министерства: «Учредить военное министерство при правительстве республики. Портфель министра представить председателю Совета министров. Его заместителем назначить генерала Самед бека Мехмандарова».

7 ноября того же года в приказе №1 генерал Самед бек Мехмандаров перечисляет основные обязанности и трудности, возникшие при армейском строительстве:

«Постановлением Совета министров Азербайджанской Республики я назначен заместителем военного министра. Об этом объявляю военному министерству. Приступая к исполнению должности, хорошо понимаю всю серьезность, сложность и тяжесть той большой работы, которую предстоит выполнить. Но их надо выполнить и преодолеть все преграды, вставшие перед военным министерством, можно, в случае совместной деятельности и порядочного отношения к обязанностям.

Успешное создание боеспособной армии в целом зависит от правильной постановки работы. Приглашая всех к совместной, слаженной деятельности, призываю начальников всех уровней уделять особое внимание учебе и воспитанию войск, прививать крепкую дисциплину, с чувством ответственности и любовью относиться к работе, служебному имуществу, строго следовать установленному распорядку, и, наконец, проявлять заботливость и дружелюбие по отношению к подчиненным.

Только наличие этих качеств сможет оправдать создание армии и те большие расходы, что несет молодая республика, и для создания такой армии я готов преодолеть все трудности. Своевременное обеспечение и снабжение войск будет находиться под моим постоянным контролем».

25 декабря 1918 года постановлением правительства Азербайджанской Демократической Республики полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров назначается военным министром, а 29 декабря генерал-лейтенант Али ага Шихлинский становится его заместителем. 24 декабря того же год министр издает следующий приказ о воинском приветствии: «Приказываю всем офицерам приветствовать воинов в строю, а также вне строя по-азербайджански одним словом «Салам», ответом должно быть «Алейкум ассалам».

Во время награждения воину следует говорить: «Мерхаба!» («Молодец!»), в ответ должно прозвучать «Чох саг ол!» («Большое спасибо»). Приказ подписали военный министр, полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров и начальник Главного штаба полковник Габиб бек Салимов.

Возвращение в Азербайджан видных военачальников, вставших на защиту Отечества, рядовые воины встретили с нескрываемой радостью. За полтора года существования национальной армии в ее рядах служил двадцать один генерал. Но лишь двоим из них - Теймур беку Новрузову и Самед беку Мехмандарову солдаты посвятили песни собственного сочинения.

Кавказ ликует и поет,
Бальзам на раны задает,
Склонитесь, горные вершины,
Самед, любимчик, к вам идет.

Давно мы ждали этот час,
Когда заснеженный Кавказ,
Был готов приветствовать тебя,
Наш Самед, единственный, тебя.

Ведь льву подобен наш Самед,
Которому и равных нет.
Спаситель наш от внешних бед,
С врагом он грозно говорит

В Центральном государственном архиве новой истории Азербайджана семьдесят лет под грифом «совершенно секретно» прятались от нас эти песни. Когда знакомишься с текстами, становится ясно, как народ ждал своих избавителей.

Самед паша – начальник наш,
Прольет он вражескую кровь
И снова в бой идти готов,
В походный облачившись плащ,
А мы, солдаты при нем,
Пылаем его огнем.

Так будь здоров, Самед паша,
Живи и здравствуй, всласть дыша.
Ты свистни раз и мы гурьбой
На света край пойдем с тобой.

Самед бек Мехмандаров, пришедший на ответственную должность военного министра в пору, когда решалась судьба Азербайджана, был прекрасно осведомлен о проблемах, стоящих перед ним. Крайне нелегко было создать боеспособную регулярную армию для народа, у которой на протяжении ста лет отсутствовали вооруженные силы. С другой стороны, Азербайджан окружали враги. Азербайджану ничего не досталось от развалившейся империи. Ни оружие, ни живая сила, ни боевая техника. Нерешительность, подозрения, а иной раз и недоверие, мучили старого генерала. Превыше всего он ставил непоколебимую веру, патриотизм. Эта вера, как неудержимый горный поток, смывала все подозрения и шатания. Он взошел на ответственную должность с безграничной любовью к Родине в душе.

Плавная речь Самед бека, его мужественный облик, фанатичная преданность Отечеству навсегда остались в памяти Марьям ханум Байрамалибековой - одной из первых наших женщин-интеллигенок:

- На трибуне, куда падали ослепительные лучи, стоял генерал Самед бек Мехмандаров. Поседевшие волосы, благородное лицо свидетельствовали о его внутренней зрелости. Сегодня он должен был согласиться с назначением его на пост военного министра. С первого дня создания республики его настойчиво просили взять на себя эту ответственную должность. Самед бек же решительно отвергал это предложение. Не потому что боялся тяжестей. Он сознавал, что мусульман, считавшихся ненадежными при царизме и совершенно дале-

ких от военного искусства, необходимо ныне приобщать к новому ремеслу. Это походило на обучение грамоте престарелого человека. Нет, нет, бывшего царского генерала, обладавшего высокими организаторскими способностями, невозможно было испугать такими трудностями.

...Совершить такой шаг Самед бека Мехмандарова вынудило неистребимое чувство любви к Родине. Произнесенные легким волнением слова «потрачу всю силу и умение для выполнения святой обязанности, возложенной на меня», были встречены овацией. Лучи солнца, ярко сверкавшие вокруг, придавали событию особую торжественность. «Мудрость генерала достойна поклонения. Сам Всевышний направил его нам на помощь», - с такими словами я опустила голову.

Каждый найденный документ, фотоснимок станет весомой страницей новой истории Азербайджана. Особый интерес для молодежи представляет военная история страны. Потому что эта сфера долго не исследовалась, покоилась под грифом «совершенно секретно». А прикоснуться разрешалось лишь к «страницам дружбы», связанным со «старшим братом» или вероломными соседями.

Когда открываешь архивные папки, к которым не притрагивались с 1918-1920 годов, становится известно, что история национальной армии, просуществовавшие всего полтора года, изобилует интересными событиями. Узнаем, что нашу военную историю обогатили Самед бек Мехмандаров, Али ага Шихлинский, Габиб бек Салимов, Мамед бек Сулькевич, принц Амир Кязымхан Каджар, топограф-генерал Ибрагим ага Векилов, а также азербайджанские солдаты и офицеры.

Деятельность славного генерала Самед бека Мехмандарова была особенно бурной в 1918-1920 годах. Его исключительная роль в создании новой армии, обращение к азербайджанскому народу 25 декабря 1918 года, выступления перед солдатами и офицерами с отеческими напутствиями и, наконец, фанатичная преданность Родине стали основой для организации регулярной сорокатысячной армии.

Исследуя жизнь и деятельность генерала Мехмандарова, которые в достаточной степени еще не изучены, встречался не только с документами тех далеких лет, но и его выступлениями и речами, опубликованными на страницах газет.

Одну из таких речей первый военный министр Самед бек Мехмандаров произнес 25 февраля 1919 года в Национальном собрании Азербайджана. Речь генерала 7 марта опубликована в газете «Азер-

байджан» (№131).

Самед бек говорит о дезертирстве, отрицательном явлении, не обошедшей стороной и сегодняшнюю нашу армию. Он особо отмечает: «...В последнее время в Гяндже удрал один человек. Население с презрением относится к дезертирам и нередко люди сами находят беглеца и, молотя его кулаками, приводят в часть. Есть надежда, что из-за природной пристойности, присущей мусульманам, такие случаи впредь не повторятся».

Общий смысл речи Самед бека Мехмандарова, полный патриотического духа, перекликается с сегодняшними нашими горестями и болями:

«Все офицерство на фронте, выданные им со стороны армии предметы, тару и другие принадлежности, использовали не на военные цели, а исключительно на пополнение домашних вещей. Чтобы восполнить утраченное, необходимо выделить вместо 1 рубля от 30 до 100 рублей».

Выступавший с резкими речами в парламенте министр, требует строго карать тех, кто препятствует армейскому строительству в стране, где бушует дороговизна. Ведь Мехмандаров, около пятидесяти лет прослуживший в регулярной армии, никогда не видел, чтобы офицер присваивал себе то, что принадлежит солдату, продавал постельные принадлежности и боеприпасы для пополнения собственного бюджета. Он превыше всего ценил офицерское звание, честь. Поэтому в речах в Национальном собрании он особо подчеркивал, что офицер призван учить воинов, воспитывать в них готовность пожертвовать собой во имя Родины. Офицер должен быть авторитетом, образцом подражания для солдат. Человек в офицерских погонах обязан отличаться благовоспитанностью, учтивостью. Важно, чтобы его обмундирование всегда оставалось чистым и опрятным.

Самед бек Мехмандаров приехал в Азербайджан, когда здесь полыхала война. Еще до развала империи в стране воцарились хаос и анархия. В некоторых уездах сеяли страх бандитские шайки. К власти в Баку стремились большевики. Русские войска, возвратившиеся из Ирана и Кавказского фронта, соединившись с армянскими дашнакскими отрядами, под знаменем «Советской власти» только в Баку истребили около двенадцати тысяч азербайджанцев.

Погромы и грабежи совершались не только в Баку, но и в Губе, Шемахе, Гяндже, Карабахе, регионах Мугани. Число погибших соотечественников в Иреване и Зангезуре исчислялось сотнями тысяч человек, сотни сел были разграблены и преданы огню.

Росла угроза азербайджанской государственности - непризнанная Муганская республика на юге, нашествие английских войск, белогвардейский генерал Деникин, партия «Гуммет», беспартийные социалисты, дашнаки, министры без портфеля... Атаки армян на границы республики, междоусобная борьба мешали зарождению боеспособной армии. В таких непростых условиях военный министр и его окружение должны были работать с двойной отдачей. Осуществляя проверки воинских частей, Самед бек Мехмандаров не видел ничего отрадного. Профессионального военнослужащего не удовлетворяли ни дисциплина, ни обмундирование и вооружение, ни боевая подготовка в армии.

Говоря о доброжелательности наших братьев по вере и крови - турков, военный министр не забывает упомянуть и об имевшихся пороках: «Уходя, турки оставили в большом количестве продовольствие. Это - зерно, животные и другое продовольствие».

«Конечно, никто не отрицает, что турки совершили большое дело, принеся нашему народу избавление. Но здесь стоит по критиковать некоторые их действия. До переезда военного министра в Гянджу нам сообщали, что дела обстоят благополучно, ряды армии пополняются, на должном уровне ведутся занятия. Побывал во многих местах, внимательно все осмотрел. Однако дела были совсем плохи. Солдаты выглядели утомленными, подавленными, плохая еда, казарма в скверном состоянии, постелей нет, многие воины хворали. Пришлось на место больных воинов ставить здоровых. Нехорошо обстояли дела и с набором в армию. Начальники и мобилизационные команды злоупотребляли своими обязанностями. Из многих семей отправляли в армию единственного кормильца. Это вызывало недовольство народа, росло презрение к армии. Покидая Азербайджан, Нуру паша лично явился ко мне и признался, что в военном отношении дела в Азербайджане обстоят не совсем благополучно».

25 декабря 1918 года военный министр Азербайджанской Республики генерал Самед бек Мехмандаров выступил с резким, но выдержанным обращением к народу.

Основная тема обращения - неразбериха и самоуправство, царившие в армии. Несмотря на то, что военное ведомство Азербайджана возглавлял Самед бек Мехмандаров, а его заместителями были другие видные генералы Али ага Шихлинский, Мамед бек Сулкевич, Габиб бек Салимов и Ибрагим ага Векилов, в армии не прекращалось дезертирство и другие негативные явления. Но благодаря богатейшему

опыту, знаниям и стойкости им удалось создать настоящую регулярную армию.

Прошло время, изменилась эпоха. Спустя девяносто лет история вновь повторяется. Общее положение, сложившееся в тот период, частично повторилось и в наши дни: дезертирство некоторых несознательных элементов и отказ под разными предлогами защищать Родину...

Возникает вопрос: как наши знаменитые военачальники, в том числе министр Самед бек Мехмандаров предотвратили дезертирство? Именно требовательностью и резким заявлением в 1918 году Самед бек Мехмандаров поставил непреодолимые препятствия перед недостатками в армии.

Полностью перекликается с сегодняшним днем обращение военного министра Самед бека Мехмандарова «Граждане Азербайджана», написанное в нелегкие для народа времена. Отмечу, что документ, хранившийся под грифом «совершенно секретно», благодаря свету гласности, впервые предоставляется читателям. Эту ценную рукопись мы нашли во время исследований в Центральном государственном архиве новой истории Азербайджана.

«С весны текущего года Азербайджан стал независимым государством. За этот период усилия всех правительственных чиновников были направлены на обуздание анархии и восстановление законности в местах, где она была нарушена. Для достижения этой цели, среди других мер правительства было решено создать боеспособные вооруженные силы, то есть сформировать азербайджанскую армию.

...В настоящее время формирование армии взял на себя.

Теперь все граждане нашей страны - и неимущие, и состоятельные в одинаковой степени будут нести воинскую службу. И если кто-то освободит богатого человека от воинской службы, то виновник понесет тяжелую кару.

В воинских частях солдаты будут хорошо экипированы, я приказал особо обратить внимание на качество продовольственных товаров, выделяемых им. Дано указание отремонтировать помещения, поддерживать в них должную температуру, у каждого солдата будут индивидуальные постельные принадлежности.

Я принял меры по строгому наказанию всех незаконных действий против солдат и, особенно, против рукоприкладства.

...Претворяя в жизнь эти меры, обращаюсь, в первую очередь, к гражданам Азербайджана, покинувшим свои части и заявляю, что прощаю проступок - побег из армии и призываю вас вернуться в свои

части не позднее первого января по старому календарю. Но, предупреждаю, если кто-то в указанный срок не вернется в свою роту, то будет строго наказан по законам военного времени.

После этого, от лица дорогой Родины, обращаюсь ко всему населению страны и прошу во имя нашей прекрасной Родины - Азербайджана, во имя высоких патриотических чувств оказать мне помощь в организации вооруженных сил, они очень важны для сохранения законности в стране, и еще раз прошу всех лиц, достигших призывного возраста, нести воинскую службу. Все обязаны участвовать в защите наших земель. Пусть те, кто забыл свой долг перед Родиной, подвергнется осуждению родных и близких за большой грех и, конечно, будет наказан по всей строгости закона.

Это мое заявление будет распространено по всей стране и пусть грамотные донесут его смысл до неграмотных».

По следам документов

Только состоящие из азербайджанцев вооруженные силы должны знать о полной героизма нашей славной военной истории, вписанной в мировую историю, и о которой народы Европы знают больше в сравнении с нами. Тюркскому народу, освободившемуся от столетнего русского владычества, необходимо напомнить, что мы не всегда находились под игом. Мы даже диктовали свои требования Европе и Азии.

... Считаю, что надо поручить кому-нибудь из хорошо знающих тюркскую историю написать произведение об истории нашего народа с включением сегодняшних важных событий. В этом произведении как в зеркале должны отразиться прошлая слава нашего народа и муки, перенесенные в период чужой власти.

Самед бек Мехмандаров

До сих пор прочитал сотни документов, рапортов и обращений, подписанных генералами. Все они написаны на пишущей машинке или изданы в типографии. Лишь недавно обнаружил один рукописный документ. Он собственноручно написан военным министром Мехмандаровым и направлен азербайджанскому правительству. Не скрою, безмерно обрадовался этой находке. Обрадовался, потому что расценил как пик патриотизма инициативу генерала написать военную историю страны, находящейся в состоянии войны.

Использованные в качестве эпиграфа вышеприведенные слова -

из того доклада. Из-за нашей неосведомленности о наличии таких документов, некоторые невежды несут околесицу об азербайджанских военачальниках. Они даже переходят в «атаку», задавая на их взгляд «резонный» вопрос: почему от Мехмандарова, Шихлинского и других наших полководцев не осталось мудрых изречений, научных военных трудов, как от Наполеона, Кутузова, Суворова. То есть, наклеивают ярлык «непатриотов» своим соотечественникам. Отвечать таким бывает тяжело и непросто. Современным «патриотам» необходимо разъяснить, что на протяжении семидесяти лет тоталитарный режим скрывал под грифом «совершенно секретно» их деятельность в 1918-1920 годах. И вот теперь, спустя девяносто лет, таким отвечает документ, составленный Самед бекем Мехмандаровым».

«Одна из мер борьбы с врагом - пробуждение среди народных масс здоровых национальных чувств. Это крайне важно для молодой армии, зарождающейся в Азербайджанской Республике. В народе, проснувшемся ото сна, необходимо пробудить здоровые национальные чувства. Мы, мусульмане, только сейчас вступили в сознательную жизнь и период национального творчества... чтобы поднять в народе достоинство, свойственное тюркам, и национальное чувство, мы обязаны познакомить народ, армию с историческим прошлым.

Будущие значительные исторические произведения будут широко распространяться в народе и войсках, каждый сельский учитель и каждый азербайджанский офицер должен ими воспользоваться.

Впоследствии, при содействии правительства надо установить памятники великим деятелям и руководителям тюркского народа, увековечить их имена».

На мой взгляд, таким здоровым национальным мышлением Самед бек Мехмандаров ни в чем не уступает иным публицистам. Если принять во внимание его профессию и период жизни, то он, наверняка, намного опережает самого хорошего писателя-публициста - своего современника.

В папке №2, хранящейся в государственном архиве Азербайджана, есть еще одно свидетельство патриотизма, национальной гордости Самед бека Мехмандарова. Там отмечено, что пренебрежительное отношение английских войск² к азербайджанцам

² 17 ноября 1918 года под командованием генерала В.М. Томсона, вошедшие в Баку английские войска в августе 1919 года покинули пределы Азербайджана. (Ш.Н.)

вызвало ярость военного министра Самед бека Мехмандарова. В знак протеста против барских действий чужеземных солдат и офицеров, министр возвращает английскому командованию орден, которым был награжден в годы первой мировой войны:

- Мне не нужен орден двуличной страны, покорившей мою страну, мой народ. Носить на груди орден армии, поднявшей оружие на мой народ - самое большое оскорбление.

Командующий английскими войсками Томсон, покидая пределы Азербайджана, распространял слухи о том, что Азербайджан отныне не будет управляем. Будто в Азербайджане практически нет армии. Полностью отсутствуют дисциплина и порядок. Создавалось впечатление, что управляют Азербайджаном и защищают его от врагов тысяча английских солдат и восемьсот индусов в юбках.

Находившийся в Азербайджане английский военный журналист Скотленд-Лидделл в информации для британских газет указывал, что Транскавказ - регион слухов. Здесь они носятся как ветер среди холмов. Многие слухи обретают силу в Москве и затем пускаются в оборот. Английским войскам нечего делать в Баку. Азербайджан в силах постоять за себя. Я прибыл сюда два дня назад и, скажу откровенно, увиденное оставило у меня глубокое впечатление. В городе, где я не был четыре недели, произошли удивительные изменения. Я приехал, чтобы увидеть кавардак, о котором мне говорили, но я не заметил никаких беспорядков. Везде царит дисциплина и порядок. Мне внушали, что вместо армии увижу неуправляемую толпу, но я увидел примерных, образцовых, сильных, хорошо вооруженных молодых людей. Действительно, я наблюдал порядок в Баку, с началом войны до сего дня я не бывал в Баку... Дисциплина господствует не только в Баку, последние изменения прояснили положение во всей республике. На смену карабахским бесчинствам пришел мир. Азербайджанцы и армяне пришли к соглашению. В Ленкоране большевики были побеждены в результате действий азербайджанской армии. Все оружие и боеприпасы они сдали азербайджанскому правительству, а люди попросили, чтобы их приняли в зависимость от азербайджанского правительства... Несомненно, все это показывает, что Азербайджан не боится смуты и не страшится большевиков. Азербайджанское государство нынче превратилось в образец подражания для остальных транскавказских народов.³

За высокую оценку состояния дел в национальной армии, высказанную английским военным журналистом Скотленд-Лидделлом, наш

³ ЦГАР. Фонд 894, список 10, дело 82, лист. 2-10

народ, прежде всего, обязан двум выдающимся полководцам, заложившим в 1918 году основу крепких вооруженных сил - Али аге Шихлинскому и Самед беку Мехмандарову. Оба военачальника, создав боевую регулярную армию, осуществляли работы по проведению первой военной демонстрации, открытию военных училищ, оснащению войск военным обмундированием. За полтора года существования азербайджанская армия подавила большевистский мятеж в Ленкоране, нанесла поражение армянам в Зангезуре, Аскеране.

В конце 1919 года Азербайджанскую Республику подстерегали три большие угрозы: с севера белогвардейский генерал Деникин, дашнаки в Зангезуре и Карабахе, большевистская агитация внутри армии. Самед бек Мехмандаров стойко противостоял белогвардейцам и армянам, но больше всего военного министра беспокоил «большевистский» недуг. Красная пропаганда кроме армии проникла также и в рабоче-крестьянскую среду. Хотя и в малой степени, она затронула азербайджанских солдат и офицеров. Поэтому при встречах с воинами Самед бек Мехмандаров неоднократно повторял, что вооруженные силы нужны для охраны наших земель от врагов. Военнослужащие должны интересоваться политикой, быть в курсе всех событий, происходящих на международной арене. Но никогда офицер или солдат не должны становиться рабами какой-либо партии или общества.

В борьбе с большевизмом

Из протокола следствия по делу ротмистра Ильяса Аликулу оглы Шахтагинского, проводившегося большевиками 29 июня 1920 года:

«...Что касается военного министра Самед бека Мехмандарова, то могу сказать, что и он враждебно относился к большевикам и Советской власти. Говорю так, потому что он подвергал арестам большевиков. В качестве примера могу привести Джафара Бабаева. По личному указанию Мехмандарова его поместили в одиночную камеру, выделяя ежедневно на питание кусок сухого хлеба и немного воды. Кроме этого, есть распоряжение Мехмандарова об аресте и серьезном наказании всех, кто связан с большевизмом».

Этот самый большевик Джафар Бабаев в 1960 году издал 69-страничную книжку под названием «Живые воспоминания». Из его слов следует, что армянские дашнаки и русские захватчики Баку и

Азербайджан любили больше, чем мусаватисты-азербайджанцы. Представляющий себя героем-большевиком Дж.Бабаев близко общался с А.Микояном, С.Шаумяном, Т.Гахраманяном, А.Караевым, Р.Ахундовым и другими. По Дж.Бабаеву все мусаватские солдаты и офицеры - безграмотные и безжалостные люди. Лишь в одном эпизоде Бабаев не смог уклониться от правды: *«Бакинский генерал-губернатор Мурад Гярай бек Тлехас, встреча зубы, так накричал на большевика, что задрожали стекла на окнах».*

Кажется, генерал Тлехас был прав, так резко обращаясь с большевиком Мамедагой Ибрагимовым, вознамерившимся сотрудничать с врагами.

После всего этого призванный в армию 15 августа 1919 года большевик Дж.Бабаев пишет:

«...Мне принесли военный призывной лист. Предстояло теперь служить в мусаватской армии. Подумать только, призывают меня в армию мусаватистов - моих врагов, с которыми я веду борьбу днем и ночью. Против кого я должен был воевать? Против своего народа? Я должен был идти в армию ради защиты интересов кучки беков, помещиков.

Меня охватил ужас. От злобы хотел порвать повестку, бежать из Баку, скрыться. Поставил в известность руководителя Бакинской партийной организации, сказал, что буду дезертировать.

- Нет, ты должен идти в армию, - совершенно неожиданно прервал меня Анастас Иванович Микоян.

Я не мог сдержаться:

- Почему? Когда в 1918 году мусаватисты забрали меня в Гянджинское военное училище, большевистская партия выразила протест. Говорили, сделай все что угодно, но не иди в армию. А теперь...

- Да, тогда было совсем другое время. Тогда у тебя не было опыта революционной работы. Мусаватисты могли сбить тебя с толку. Нынче же ты сможешь вести в армии партийную агитацию, перетянуть солдат и офицеров на сторону большевиков.

Вскоре меня определили в 4-й Татарский кавалерийский полк, расквартированный в Кусаре. Когда взял в руки погоны, будто змея ужалила. Хотел нацепить их на плечи. Мои движения увидел офицер полка Амлохвари. Он вlepил мне пощечину, отчего я уронил из рук трубу...».

Вот вам и «ревностная служба» своей нации большевика-«патриота» Дж.Бабаева. Военный министр Самед бек Мехмандаров был совершенно прав, посадив его в одиночную камеру со скудным рацио-

ном питания.

«Вина» С.Мехмандарова состояла в том, что он не расстрелял идейного врага большевика Джафара Бабаева. Тогда стало бы на одного меньше из тех, кто обливал грязью свой народ, вел в войсках вредную большевистскую пропаганду.

И Самед бек Мехмандаров, и Али ага Шихлинский за долгие годы службы были весьма далеки от всяких политических партий и движений. Главная их обязанность заключалась в защите Родины, создании регулярной армии. На следующее утро после переворота 28 апреля чекистские следователи задали генералам один и тот же вопрос: *«Интересы какой политической партии и революции вы защищаете?»*.

Ответ генерала Самед бека Мехмандарова: «Всю жизнь я был далек от всякой политики».

Ответ генерала Алиаги Шихлинского: “К любой революции отношусь как к контрреволюции. Никогда в подобные вещи не ввязывался и не стану ввязываться”.

Ровно за год до наступления XI Красной армии на Азербайджан 20 апреля 1919 года Самед бек Мехмандаров, зная о пагубной большевистской деятельности в армии, пишет председателю совета министров: «Было бы лучше, если освобожденные из азербайджанской армии русские офицеры, как ненадежные элементы, были выдворены за пределы Азербайджана. Но не зная влияния общей политической ситуации на этот вопрос, прошу предоставить мне об этом информацию. Хочу знать о вашем решении».

В годы Советской власти о Самед беке Мехмандарове были написаны всего две книги: в 1946 году майор Гаджи ага Ибрагимбейли издал 18-страничную брошюру «Самед бек Мехмандаров», а в 1977 году вышла в свет 80-страничная - «Генерал Самед бек Мехмандаров», автором которой являлся полковник, кандидат исторических наук Али Аббасов. Из-за того, что документы 1918-1920 годов не предоставлялись историкам, исследователям жизни С.Мехмандарова, оставались в тайне чувства, переживаемые прославленными генералами, а самое главное - их гражданская позиция.

В условиях демократии удалось получить доступ к архивным документам, среди которых множество приказов, телеграмм, рапортов первого военного министра республики. Они дают ценные сведения о рядовом и офицерском составе тогдашней азербайджанской армии.

Обращение к жителям Ленкоранского уезда

Граждане!

По просьбе правительства Азербайджанской Республики направляю отряд в Ленкоранский уезд. Отряду поручено положить конец гражданской войне, восстановить законность и порядок, освободить мирное население от бандитских групп и убийц, доставляющих вам страдания.

Азербайджанские войска, питающие добрые чувства ко всем нациям, проживающим в уезде, являющемся неотъемлемой частью Азербайджана, направляются к вам как носители закона.

Под покровительством вооруженных сил во всех сферах страны срочно будет восстановлено гражданское управление. Я уверен, что вы, как полноправные граждане Азербайджанской Республики, заинтересованы в заложении крепкой основы совместного проживания в мирных условиях, своим доброжелательным отношением к представителям правительства Азербайджанской Республики, в пределах возможного, окажете содействие в принятии мер по восстановлению законности и порядка в стране, добровольном выполнении всех приказов.

Наряду с этим, уверяю вас, что не будет позволительным создание Советов, комитетов или «Муганской республики» и других самостоятельных организаций.

В Ленкоранском уезде признается лишь власть Азербайджанской Республики и каждый, кто не подчиняется ее требованиям, по законам военного времени привлекается к ответственности как бунтовщик.

По указанию начальника отряда население должно сдать оружие, не выполнивший приказ будет отдан в распоряжение военно-полевого суда.

Предупреждаю, что не допущу насилия и разбоя против русского населения, потому что считаю их, как и другие народы, проживающие в уезде, гражданами Азербайджанской Республики.

Но, предоставляя гарантии неприкосновенности представителям русской национальности, требую от них выполнения требований, выдвигаемых местной властью.

Каждое вооруженное сопротивление будет караться смертной казнью, в подобных случаях войскам приказано проявлять беспощадность.

Предупреждаю также об этом тех, кто под разными предло-

гами настраивает народ против армии и государства.

Я, в свою очередь, приказал начальнику отряда (генерал-майор Габиб бек Гаджи Юсиф оглы Салимов (1881-1920) - Ш.Н.) принять меры по недопущению угроз в отношении жителей и строго наказывать лиц, виновных в насильственных действиях против мирного населения.

**Военный министр Азербайджанской Республики,
генерал от артиллерии Самед бек Мехмандаров.
Генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевич.
Город Баку, 23 июля 1919 года.**

Телеграмма из Ленкорани, 21 октября 1919 года:

Ленкоранская городская дума на своем собрании 15 октября по желанию населения избрала военного министра генерала Самед бека Мехмандарова членом парламента Азербайджанской Республики. Члены городской Думы.

Весьма показательно выступление генерала Самед бека Мехмандарова 15 сентября 1926 года перед выпускниками Азербайджанского военного училища. В тот год в этом учебном заведении Самед бек Мехмандаров преподавал на русском языке артиллерийское дело, а Али ага Шихлинский читал лекции на азербайджанском языке. Они также являлись членами открытого по их инициативе в 1921 году Военно-научного общества Бакинского гарнизона. Выступление Самед бека Мехмандарова на церемонии второго выпуска Азербайджанского военного училища предлагается вниманию читателей впервые.

О втором выпуске Азербайджанского военного училища

Товарищи! Мы сегодня поздравляем вас как новых красных командиров.

Как красные командиры, вы вышли на более самостоятельную дорогу. На этой дороге вас ждет тяжелая и ответственная работа. Умелое и добросовестное выполнение этой работы зависит от уровня боевой подготовки людей, находящихся в вашем подчинении. Используя свой служебный и боевой опыт, хотелось бы сказать несколько слов в этот знаменательный для вас день. Вы, товарищи, окончившие Азербайджанское военное училище, должны крепко запомнить, что ни одна школа, даже высшая школа, не дает исчерпывающих знаний, она выпускает молодежь, готовя его к дальнейшему самосовершенствованию.

ванию. Эту черту, мы, военнослужащие, обязаны крепко усвоить, ибо в целом, в военном деле, особенно в артиллерии, являющемся мощным средством борьбы, боевая техника добилась больших успехов.

Техника и тактика неразрывно связаны между собой и развитие техники становится причиной огромных изменений в тактической сфере. В результате непрерывных новых военно-технических открытий увеличивается мощь артиллерийского огня, коренным образом меняются методы и тактические особенности боя, формы атаки и обороны. И чтобы не отстать от современных требований вы, товарищи, должны неустанно работать над собой, внимательно следить за текущими военными операциями, одним словом, обязаны учиться и еще раз учиться. Если вы будете соблюдать эти требования, то займете достойное место и завоюете благорасположение своих подчиненных.

Несмотря на развитие техники и растущую мощь артиллерийского огня, должен сказать, в войсках, одержимых идеей идти вперед, основным фактором остается человек, а техника - это второстепенное, ибо техникой также управляет человек.

Товарищи, в одной из своих лекций в Военно-научном обществе я говорил, что в этом деле большое значение имеют опыт и практика, которые должны брать верх над многими теоретическими положениями. Говоря это, вовсе не намерен принизить значение теории, потому что военное теоретическое творчество рождено из практики. Если это так, то какими средствами можно освоить навыки, опыт и практику?

В военное время навыки и опыт приобретаются личной практикой, в мирный же период - основательным изучением уставов, принятых в качестве руководящих указаний в периоды мира и войны, выходом на полевые учения с боевыми заданиями, двусторонними маневрами, полевыми учениями командного состава, изучением военной истории и другими методами.

Я не буду долго останавливаться на этом, а уделю внимание военной истории, которой придаю огромное значение.

Изучение военной истории расширяет мировоззрение, развивает ум, рассудительность и навыки человека, подвергшегося критике. Изучением военной истории вы, как на ладони, видите ошибки той или иной стороны. Видите, что необходимо делать, а что - нет. Постигая военную историю, вы находите выход из сложной ситуации, обретаете навыки принимать решения в соответствии с положением. Постигая же военную историю, вы гарантируете принятие предупредительных мер, освобождающих

войска от потерь в период боевых действий.

Думаю, что сказанного достаточно для понятия важности изучения военной истории.

Считаю, что для достижения успехов в профессии, которой вы себя посвятили, книга по военной истории станет настольной для каждого военнослужащего.

Каждый ваш успех будет радовать вашего бывшего начальника, потому что в нем он увидит частичку своего труда и рекомендаций.

Вот что я хотел сказать на прощание. А теперь, товарищи, примите мои самые и искренние пожелания.

**Самед бек Мехмандаров,
15 сентября 1926 года**

Спустя два года по состоянию здоровья генерал Самед бек Мехмандаров вышел на заслуженный отдых, государство выделило ему пенсию в сто рублей. 12 февраля 1931 года С.Мехмандаров скончался в Баку, был похоронен на Чемберекендском кладбище (ныне - Шехидляр хиябаны - Ш.Н.). Впоследствии, в 1939 году здесь был установлен памятник большевику С.М.Кирову, отчего кладбище разрушили. В тот период семья генерала находилась в ссылке. Могила Самед бека затерялась, так как никто не вознамерился перенести останки генерала в другое место.

Несмотря на долгое проживание и службу вдали от Родины - в России, видному азербайджанскому военачальнику Самед беку Мехмандарову не были чужды национальные чувства, национальный дух. В 1892-1894 годах в газете «Новое обозрение» он выступил с серией статей «Об исламской религии и ее значении», «Что делать?», «Причины отставания мусульман», «Новые мистерии шиитов», «О самоистязании мусульман», «Источник религиозной мистерии у шиитов». Конечно, критически относиться к исламу в стране, где широко распространилась эта вера, требовало большой смелости. Будучи последовательным и непримиримым в своей вере, Самед бек Мехмандаров призывал, в первую очередь, развивать народное просвещение и требовал от духовенства перестать вести паразитический образ жизни: «Необходимо обратиться к прошлому ислама, внимательно изучить его историю, собрать все заслуживающее внимание в нем».

В те годы полковник Самед бек Мехмандаров, служивший в Варшавском военном округе, получил полемические ответы от редактора газеты «Тарджуман» Исмаил бека Гаспринского, литературоведа Фиридун бека Кочарли, преподававшего в Горийской учительской семи-

нарии и ученого-историка Ахмед бека Джаваншира.

Фиридун бек Кочарли подверг критике Самед бека Мехмандарова за критическое отношение к религии и, якобы, нанесение оскорблений чувствам верующих.

Фиридун бек «наезжает» на редактора газеты «Тарджуман» И.Гаспринского, обвиняет его в критическом отношении к статье Самед бека Мехмандарова «Что делать?». Как подписчик газеты, Ф.Кочарли прочитал эту статью на страницах «Тарджуман». Однако Исмаил бек Гаспрински не только раскритиковал материал «Что делать?», но и в письме, направленном в редакцию «Новое обозрение», выступил с поддержкой некоторых его взглядов.

Прошло больше ста лет с тех пор, как Самед бек Мехмандаров написал эти статьи. Но они актуальны и значимы и по сей день. Поднятые им вопросы - особенно рекомендации интеллигентам-мусульманам встать на путь культурного прогресса для преодоления отсталости народа, свидетельствуют о знании до тонкостей исламской религии. Своими смелыми выступлениями он стремится спасти мусульманское общество от навалившихся бед. Самед бек Мехмандаров придает особое значение обучению и просвещению девушек - будущих матерей. Причину отсталости мусульман он видел в губительном влиянии некоторых канонов ислама. В ответном письме Фиридун беку Кочарли С.Мехмандаров пишет, что отдельные личности и сословия в большинстве случаев из экономических интересов пытаются сохранить предрассудки в народных массах и помешать прогрессу. Потому что именно из-за существования суеверия они приобрели престиж, силу, богатства. В результате этого религиозные тенденции подверглись безжалостным искажениям.

Несмотря на свою профессию и проживание на чужбине, Самед бек Мехмандаров ясно видел общественные болезни, которыми заражены мусульмане. Он безжалостно выступал против тех, кто личные интересы ставил превыше государственных, национальных. С гражданским пафосом он вопрошал: где найти силы, чтобы вырвать мусульман из лап непристойных опекунов (некоторых религиозных деятелей), утопающих в тунеядстве, необузданности, беспутстве, обладающих неограниченными правами и привилегиями, имеющих огромное влияние на правительство, но не занимающихся полезной деятельностью, преследующих корыстные интересы, оценивающих общественные и государственные интересы с призмы личной выгоды, выступающих против малейших проявлений живой, свободной мысли?

АЛИ АГА ШИХЛИНСКИЙ

Генерал – Ученый

Все, кто близко знали генерала Али ага Шихлинского, кому довелось послушать его интересные беседы, могут сказать насколько этот скромный и искренний человек был умным примером для подражания.

*Гейдар Гусейнов (1908 - 1950),
философ-ученый*

Вспомни, сколько пользы нам принесли дела хороших людей...! Тогда поймешь, что память о них также дорога нам как они сами.

*Сенека Луций Анней (д.н.е.4 – 65в),
римский философ*

Обладая врожденным талантом генерал от артиллерии Али ага Шихлинский до последних дней жизни преданно служил всей душой любимому азербайджанскому народу. Исследуя его деятельность на военном поприще становишься свидетелем его первенства во многих областях. Этот выдающийся полководец - не только боевой генерал, а также видный военный ученый. Еще в начале века "Треугольник Шихлинского" был высоко оценен военными специалистами и стал использоваться в качестве учебника в артиллерийских школах не только России, но и Франции, Австрии, Норвегии, Швейцарии и других стран.

Впервые в истории артиллерии Али ага Шихлинский разработал и описал в "Треугольнике" технику ведения пушечного обстрела невидимой цели, внес существенные новшества в усовершенствование пушек. Специалисты военной науки и сегодня признают, что генерал Шихлинским был военным специалистом редкого дарования. Он единственный азербайджанец, удостоившийся почетного "Ордена Легиона" и "Крест Легиона", которыми награждались генералы и офицеры Франции. Али ага Шихлинский был самым известным военным ученым среди генералов и самым известным генералом артиллерии среди ученых.

Их архивных документов становится ясно, что после 1939 года генерал Али ага Шихлинский имел постоянные научные творческие

связи с ученым Гейдаром Гусейновым. Обнаруженная в Центральном Государственном Архиве Литературы и Искусства письмо, датированное 15 июля 1940 года, является посланием генерала философу. В 20-страничном письме-обращении, написанном на листах большого размера, генерал Али ага Шихлинский дает разъяснения и делает исправления 852 словам. Из письма становится известно, что поводом для этой трудоемкой работы явилось чтение генералом "Русско-азербайджанского словаря", изданного в 1939 году под редакцией Гейдара Гусейнова.

В предисловии к "Замечаниям" генерал пишет: "Отвечая на призыв редакции, представляю некоторые свои соображения относительно обнаруженных мною в словаре ошибок. В целом, словарь подготовлен прекрасно. Он окажет помощь переводчикам в переводе не только отдельных слов, но и общего смысла всего предложения, особенно хороша фразеология".

В общих же положениях Али ага Шихлинский приходит к выводу, что главным недостатком словаря является его краткость. "Во многих местах словаря отсутствуют главные слова, однако нашлось место производным словам. Надо очистить наш язык от чуждых ему словообразований. Если же возникает необходимость в использовании иностранных слов, то производные слова должны отвечать законам нашего языка. Это в первую очередь касается прилагательных, образованных от существительных. К примеру: можно и надо писать "автомат". Однако, нельзя писать "автоматик". Слово "хярби" давно прижилось на нашем языке, его следует оставить, а вот "хярби" - исключить. Целесообразно, в сокровищнице азербайджанского народного языка использовать приемлимые русские и европейские слова. К примеру: ахынты/джараян/, сахландж/ехтийат/, девр/чаг/, донюм/довр/, дюзгю/гурулуш/, билги/нязярийя/ и пр."

В конце письма скромный генерал пишет: "Если хоть малая часть предложенного Вам материала будет полезной, то я посчитаю себя очень счастливым человеком. Буду радоваться, что и мне удалось добавить в Ваш прекрасный пчелиный улей маленькую каплю моего меда".

Гейдар Гусейнов, с благодарностью воспринявший замечания генерала Али аги Шихлинского, в ответном письме пишет, что в очередном издании словаря обязательно будет учтен ваш научный труд. По инициативе ученого деятельность генерала была вознаграждена.

Академик Алигейдар Оруджев в статье "Об одной рукописи А. Шихлинского" справедливо приходит к выводу, что направленные

генералом Гейдару Гусейнову "Замечания" имеют огромную ценность с точки зрения словареведения, особенно введения терминов. Интерес к вопросам языка, составлению словаря, терминологии Али аги Шихлинского, известного как специалист в военной сфере, является событием характерным. (См.: книга "Вопросы терминологии", Баку, 1987 год, стр.12). Возникает вопрос: заниматься вопросами составления словарей генерал Али ага Шихлинский начал в 1940 году. Нет. Из заметок в хранящемся в личном архиве генерала "Тетради офицера" известно, что будучи молодым офицером наряду с военной наукой Али ага Шихлинский проявлял интерес к вопросам языкознания и составления военного словаря, к проблемам терминологии. Проведя большую часть жизни, с 1879 года по 1917, вне Азербайджана, в иной обстановке и языковой среде он тем не менее сумел сохранить свою национальную сущность, свой родной язык. Из-за отсутствия на чужбине прессы и издательства на азербайджанском языке лишь в 1926 году Али ага Шихлинскому удалось выпустить в Баку "Краткий русско-тюрский военный словарь" на русском, арабском и латинском алфавитах. Тем самым он стал создателем первого в Азербайджане военного словаря. За данный неоценимый труд генерал Али ага Шихлинский решением от 23 февраля 1928 года был награжден Почетной грамотой Революционного Военного Совета СССР. Составленный А. Шихлинским словарь сыграл большую роль в переводе на азербайджанский язык военных уставов, военной литературы. Одновременно, словарь в качестве ценного пособия использовался в военных училищах, изучался азербайджанскими солдатами и офицерами, служившими в созданной национальной дивизии. Исследовавшая научно-терминологическое значение книги кандидат филологических наук А.Гаджиева обнаружила интересные факты: "Словарь Али аги Шихлинского явился результатом глубокого анализа широкого языкового материала. Словарь Али аги Шихлинского отличается от всех изданных в то время словарей широким охватом словарного состава азербайджанского языка, уместным и эффективным использованием слов и выражений, свойственных языку народа, возрождением многих забытых или редко употребляемых слов... Отсутствие военной терминологии на азербайджанском языке вызывало большие трудности. Издание словаря Али аги Шихлинского, можно сказать, устранило эти трудности".

Изданный в 1926 году научный труд генерала Шихлинского "Краткий русско-тюрский военный словарь" на 280 страницах имеет огромную ценность. Говоря о беспримерном научном значении сло-

варя ученый-философ Гейдар Гусейнов писал:

"В начале книги генерал Али ага Шихлинский отмечает, что при составлении словаря руководствовался семью основными принципами:

1. Вместо чуждых слов по мере возможности ставились Тюрско-Азербайджанские слова.

2. Следует допускать употребляемые в народе отуреченные арабские и фарсидские слова: такого рода слова написаны в кавычках рядом с тюрскими словами одинакового смысла, к примеру, чаг, вахт, заман.

3. Перемешавшиеся с тюрскими словами некоторые арабские слова даны в форме, соответствующей тюрскому произношению. К примеру, гала вместо гяла, сахат вместо сят.

4. К тюрскому произношению приспособлены слова, имеющие арабские корни, к примеру вместо вягляр, тябибляр, вязифяли вместо соответственно овгат, атибба, муаззаф и прочих."

Из статьи члена-корресподента Академии наук Азербайджанской Республики Алигейдара Оруджова "Об одной рукописи А.Шихлинского": "Несмотря на преклонный возраст, проблемы со здоровьем генерал Али ага Шихлинский до последних дней жизни интересовался положением языка, вопросами терминологии, орфографии, составления словаря. Его часто можно было встретить в Институте словаря, у директора этого института Гейдара Гусейнова. Гейдар Гусейнов проявлял к Али аге Шихлинскому глубокое уважение и нежное отношение. Он знакомил генерала с подготовленными словарями и просил высказать мнение о них. Как видно из направленного в 1940 году академику Гейдару Гусейнову 49-страничного "Замечания", наряду с родным языком Али ага Шихлинский прекрасно знал нашу классическую литературу, в особенности фольклор. Он считает целесообразным переселение в язык письма, в словари не употребляемых в литературном языке слов и по этой причине не попавших в современные словари, однако все же используемых в некоторых диалектах и наречиях. С этой точки зрения, достойно поощрения его инициатива к созданию новых слов и форм. Видимо данный вопрос, приобретший в нынешних условиях большую значимость, еще в те годы волновал Али агу Шихлинского и воспользовавшись предоставленной возможностью посредством "Замечаний" довел свои мысли до сведения составителей словарей".

Много воды утекло с той поры. Первое пособие Али аги Шихлинского - военный словарь более не выходил в свет. Тоталитарный

советский режим запретил азербайджанской нации извлечь пользу из научного труда своего генерала. На сегодняшний день сохранились редкие экземпляры этой книги, изданной небольшим тиражом. Во дворе другое время, другая эпоха. Безусловно, для вновь создающейся национальной армии словарь Али аги Шихлинского имел бы неоспоримое значение. Поэтому, издательства должны проявить инициативу и переиздать книги выдающегося военного ученого генерала Али аги Шихлинского.

Строительство национальной армии

Прослуживший в регулярной армии более пятьдесят лет генерал Али ага Шихлинский всегда находился в первых рядах. Он был свидетелем пяти, участником четырех войн: 1900-1901 годы - участие в военном походе на Китай (в историю вошел как "Мятеж боксеров")¹, 1904-1905 годы - бои за Порт-Артур, 1914 год - мировая война, 1918-1920 годы - бои с армянскими дашнаками за территориальную целостность страны. Постаревший генерал стал свидетелем Второй мировой войны, но и в эти годы не прекращал деятельность. В этот период он продиктовал и записал бесценную книгу мемуаров "Мои воспоминания". Эта первый и единственный военный мемуар в военной истории Азербайджана. Нет ни одного военного историка - ни до, ни после февральской революции 1917 года, который не обращался к этой книге, не использовал его как ценнейший источник.

Еще одно большое проявление служения выдающегося полководца Али аги Шихлинский народу приходится на ноябрь 1917 года. 15-го числа этого месяца вернувшийся на Кавказ Шихлинский впервые сформировал в Тифлисе состоящий из азербайджанцев национальный корпус. Тем самым он заложил фундамент строительства Национальной Азербайджанской Армии. Вот как описывает это время генерал в "Моих воспоминаниях":

После возвращения в Тифлис, я прочитал приказ о поручении мне временного командования корпусом. Я пожелал встать на службу народу, решившему обезопасить себя от возможного внеш-

¹ Боксерское восстание – широкое народное антиимпериалистическое восстание в Китае, начавшееся в провинции Шаньдунь и в 1900 г. охватившее всю страну. Инициатором восстания было тайное общество. «И-хэ-цюань» (Кулак во имя справедливости и согласия). Это движение явилось поводом для вмешательства проимпериалистических сил Англии, США, Франции, России, Португалии, Германии во внутренние дела Китая. - Ш.Н.

него давления и внутреннего противостояния, и начал формировать свой штаб в Тифлисе² ...

31 декабря я первым составом своего штаба переехал в Гянджу и занялся формированием частей. Нам довелось испытать большие трудности при организации частей корпуса".

Газета "Ачыг соз" в номере от 7 января 1918 года распространило сообщение о создании регулярных сил мусульманских солдат следующего содержания:

"Третьего января член Закавказского Мусульманского Центрального Комитета, председатель Центрального Комитета Фаталихан Хойский выступил с докладом о формировании отрядов мусульманских солдат. Как стало ясно из доклада, 11 декабря 1917 года Закавказский Комиссариат принял постановление о создании регулярной армии из мусульман Закавказья. Привлечени добровольцев, необходимых для регулярной армии, поручено Закавказскому Мусульманскому Центральному Комитету. После формирования регулярной армии Закавказский Комиссариат издаст декрет об отмене взимаемой от мусульман солдатского налога. На основании постановления Закавказского Комиссариата командующий войсками Кавказского фронта издал 19 декабря "Приказание" о замене шестого корпуса, состоящего из пятой и седьмой Кавказских стрелковых подразделений, регулярной мусульманской армией. Осуществление контроля за работой по изменению национального состава солдатских отрядов поручено генералу Али аге Шихлинскому.

Генерал Али ага Шихлинский приступил к выполнению обязанностей".

Выступая 20 февраля 1919 года перед солдатами новосозданного Национального Азербайджанского Корпуса генерал Али ага Шихлинский сказал: "Азербайджанцы должны помнить раз и навсегда, что родная армия небогодельня и не для того существует, чтобы получше мог устраиваться в ней всякий Азербайджанец. Это - опора Отечества, в которую должны входить достойные сыны страны".

Это патриотическое выступление было сделано генералом Али агой Шихлинским в связи с первым выпуском школы азербайджанских прапорщиков в Гяндже. На торжествах по этому поводу

² Штаб разместился на первом этаже гостиницы "Лондон". Это двухэтажное здание сохранилось по сей день. Будучи в служебной командировке в Тифлисе в 1999 году, автор этих строк нашел это здание. Ш.Н.

приняли участие главнокомандующей Кавказской Армией Нуру Паша, его отец Гаджи Ахмед, министр народного образования Насиб бек Усуббеков, депутат Министра внутренних дел Мехти бек Гаджинский, министр социального обеспечения Муса бек Рафибеков, генерал-губернатор Гянджи Ибрагим ага Векилов и другие деятели государства.

Автор по имени Эльчи 7 и 8 ноября 1918 года в газете "Азербайджан" (на русском языке) отмечает, что на следующий день прибывшие из Баку гости и почти все городское население Гянджи направились на военную площадь. На площади заранее были вырыты окопы, овраги, подготовлены различные препятствия для учений. Все пришли посмотреть на свой национальный праздник, на первый выпуск тюрско-азербайджанских офицеров. Вокруг царила праздничная атмосфера. Командующий Отдельным Азербайджанским корпусом генерал Али ага Шихлинский вместе с окружающими подошел к шеренге юнкеров и приветствовал их. В ответ на ласковое "Салам" Али аги Паши 800 молодых людей дружно произнесли "Салам". Затем началось проведение по программе испытательных учений.

В 1918-1920 годы Али ага Шихлинский сыграл исключительную роль в формировании Вооруженных Сил Азербайджана. Горячий приверженец создания регулярной армии своего народа генерал отдавал этому делу весь свой богатый военный опыт. Это подтверждает ценный документ, который более 70 лет под грифом "Совершенно секретно" хранился в Центральном Государственном архиве новой истории республики. Командующий Национальным Азербайджанским корпусом генерал в направленном из Гянджи 13 декабря 1918 года "Сведениях" разработал проект Азербайджанской Армии.

Генерал отмечает, что 27 мая из газет ему стало известно о намерении объявить Азербайджан независимой республикой: "28 мая я уже подготовил проект военного министерства нового государства, к нему была приложена подробная схема с разъяснительными замечками".

В связи с сложившейся ситуацией Али ага Шихлинский предлагает ликвидировать корпус, некогда созданный при содействии турецких офицеров. В условиях войны этих сил недостаточно. Вместо них необходимо создать дивизии. Они должны быть подчинены министру обороны и его помощникам.

Получивший прекрасное учение и образование, успешно сражавшаяся в Манчжурии, имеющая высокую боеспособность япон-

ская армия не имела представления о корпусной структуре армии.

В проекте Шихлинский затронул один чувствительный момент. При формировании первого правительства независимого Азербайджана в мае 1918 года военным министром был назначен Хосров бек Султанов. Он был гражданским лицом.

Хотя Хосров беку удалось при поддержке турецких офицеров осуществить ряд неотложных мероприятий по созданию армии, оно не способствовало ослаблению тяжелого положения в стране. Для борьбы с беспощадным врагом как внутри страны, так по соседству требовалось создание сильной армии. Угроза стала настолько серьезной, что пришлось в западных районах страны объявить военное положение. В такой ситуации, рекомендовал Али ага Шихлинский, во главе военного министерства должен находиться военный чин, а не гражданское лицо. Поэтому он справедливо отмечал, что если военным министром является лицо гражданское, то при нем должен существовать военный совет из незначительного числа полномочных лиц, а для непосредственного контроля за обучением и воспитанием войск необходимо назначение помощника министра.

Из текста становится ясно, что генерал Али ага Шихлинский направлял проект в адрес правительства второй, а то и третий раз.

"Как только правительство переехало в Гянджу в начале июня мой проект в форме подробной схемы учреждений военного министерства был вручен председателю Совета Министров. Предполагалось, что полную информацию правительству лично представит командир корпуса, приглашенный на соответствующее заседание Совета Министров.

Однако, я никуда не был приглашен и никакими сведениями о проекте не располагаю. Подозреваю, что проект даже не был обсужден. Потому, что в связи возникновением особой ситуации, вызванной необходимостью очистки Бакинской губернии от большевиков и привлечения иностранной помощи для этого, правительство отказалось от назначения военного министра".

Наконец, приказом правительства от 25 декабря 1918 года генерал от артиллерии Самед бек Мехмандаров стал военным министром и в тот день обратился к народу с горьким обращением. А 29 декабря генерал-лейтенант Али ага Шихлинский был назначен заместителем военного министра.

Забота ученого о генерале

Али ага Шихлинский является одним из тех немногих артиллеристов с глубокими теоритическими и практическими познаниями в области тактики. Он обладал необыкновенным талантом практического применения военной науки. Героизм Али аги должен стать примером для каждого человека, защищающего честь и свободу совей родины.

Доктор военных наук, профессор, генерал-майор, лауреат Государственной премии Евгений Барсуков.

Никакой генеральский амбиции у Али аги не было. Шихлинский не кончал артиллериской академии, но природный ум и практическая сметка делали его большим авторитетом в артиеллрийских вопросах.

О храбрости Шихлинского ходили легенды.

**Из романа Александра Степанова
"Семья Звонаревых"**

Забывать в беседах о прославленном нашем полководце Али аге Гаджи Исмаил ага оглы Шихлинском о заслугах ученого-философа Гейдара Гусейнова было бы большой несправедливостью. Академик Академии наук Азербайджана Гейдар Гусейнов сыграл исключительную роль в написании генералом книги "Мои воспоминания".

"Мои воспоминания" являются первым и единственным военным мемуаром в истории Азербайджана. Правда, в 70-80-е годы некоторые ветераны переносили на бумагу свои воспоминания о Второй мировой войне. Однако, ни одно из них не достигло уровня произведения Али аги Шихлинского. Книга генерала завоевала широкий читательский интерес благодаря насыщенности фактами, противоречивости описываемого периода, простоты и ясности языка изложения. Только книгу "Мои воспоминания" покойного полковника Бахыша Мехтиева, рассказывающего о боевом пути 223-й азербайджанской стрелковой дивизии, в некотором смысле можно поставить рядом с книгой генерала Али аги Шихлинского.

В 1944 году академик Гейдар Гусейнов издал "Мои воспоминания" генерала Али аги Шихлинского на двух языках - азер-

байджанском и русском тиражом 7500 экземпляров. К сожалению, беспощадная смерть не позволила выдающемуся генералу увидеть книгу. Книга вышла в свет через девять месяцев после кончины генерала. Предисловие к этой бесценной работе написал крупный военный ученый профессор, генерал-майор Евгений Барсуков. И в этом, конечно же, заслуга Гейдара Гусейнова. Интересно, что Гейдар Гусейнов, гордившийся личностью и боевым героизмом генерала Али аги Шихлинского, затем издал статью генерала Барсукова в виде отдельной книжки, опять же на двух языках. Кроме того, ученый обратился с просьбой к известным полководцам России, в свое время служившим вместе с Али агой Шихлинским с просьбой прислать свои воспоминания о генерале.

Именно по инициативе Гейдара Гусейнова в 1945 году в третьем номере издаваемого в Москве "Исторического журнала" была опубликована посвященная книге генерала статья профессора Аркадия Лавровича Сидорова "А.Шихлинский - Мои Воспоминания". Профессор Московского Государственного университета имени М.В.Ломоносова А.Л.Сидоров оценил книгу как самый лучший источник для военных ученых и историков. Вот что он писал: "Воспоминания Али аги Шихлинского являются одним из ценнейших исторических документов, написанных лицами, которые и после революции не прервали связи с Родиной и армией. Поэтому воспоминания Шихлинского представляют большую ценность для изучения истории армии. Огромное значение для историков представляет раздел о русско-японской войне. Имя известного артиллериста Али аги Шихлинского всегда с уважением упоминался в артиллерийской науке и будет упоминаться в последующие годы".

После этого воспоминания генерала приобрели еще большую известность в масштабе Союза. Главный маршал артиллерии Николай Яковлев, генерал-полковник Михаил Парсегов, служивший в годы первой мировой войны под началом генерала Шихлинского, генерал армии Павел Лебедев и другие обратились к Гейдару Гусейнову с просьбой выслать им экземпляр книги. В письме от 20 апреля 1945 года профессор генерал-майор Евгений Барсуков писал академику Гейдару Гусейнову: "Очень прошу Вас прислать мне хотя бы два экземпляра "Моих воспоминаний" генерала Шихлинского. Прошу не отказать в моей просьбе. Товарищи из Генерального штаба очень просят меня, потому, что, в первую очередь, для нас артиллеристов книга генерала Али аги Шихлинского является бесценным средством для изучения славной истории нашей артиллерии".

26 апреля 1945 года генерал-полковник артиллерии Михаил Парсегов писал директору азербайджанского филиала Академии наук СССР: "Уважаемый директор, сегодня в третьем номере "Исторического журнала", издаваемого Институтом истории АН СССР, в разделе "Критика и библиография" прочитал рецензию профессора Московского Государственного университета Аркадия Сидорова "А. Шихлинский. Мои Воспоминания". Вступительное слово лауреата Государственной премии, доктора военных наук Е.З.Барсукова. Как известно, Али ага Шихлинский является старейшим генералом артиллерии, он имеет большой героический жизненный опыт. Впервые об этом генерале я услышал двадцать лет назад, тогда я был еще слушателем курсов усовершенствования артиллеристов Красной армии. Убедительно прошу Вас, не откажите, пришлите мне один экземпляр произведения Али аги Шихлинского "Мои воспоминания". Потому, что для нас артиллеристов, для знания истории нашей артиллерии эта книга должна стать настольной".

Отмечая боевой путь, литературно-художественное творчество, а, самое главное, оценивая генерала как историческую личность ученый Гейдар Гусейнов писал: "Все, кто близко знал генерала Али агу Шихлинского, кто слушал его интересные беседы знают насколько этот скромный и искрений человек был умным и назидательным".

И после смерти генерала Шихлинского ученый Гейдар Гусейнов не забывал о его заслугах, чтит его память. Он публиковал на азербайджанском и русском языках в республиканской печати статьи о жизненном и боевом пути генерала: "Бакинский рабочий" (18 августа 1944 года), газета "Коммунист" (18 марта 1944 года), "Известия АН Азербайджана" (N8, стр.87-94, 1945 год), газета "Коммунист" (18 августа 1944 года), "Адабийят газети" (5 августа 1945 года), "Азербайджан" (орган Демократической партии Южного Азербайджана, 1946 год, N8, стр.14-15), газета "Коммунист" (18 августа 1946 года), "Известия Азербайджанского филиала АН СССР" (1944 год, N8, стр.78-83).

Выдающийся литературовед Мамед Ариф в 1965 году статье "Гейдар Гусейнов" писал: "Неустанно повторяя "напечатанное - сохранится", Гейдар Гусейнов придавал огромное значение издательской работе. Взяв в руки только что изданную книгу, он с гордостью говорил: "В переводе мы стоим на первом месте среди республик. Вот это произведение Узеира Гаджибекова "Основы азербайджанской музыки", бесподобная книга о народной музыке. А вы читали воспоминания

генерала Али аги Шихлинского? Читайте, посмотрите, что там есть, боевой и жизненный путь прославленного человека - эта целая история".

От души радуясь изданию книги, восхищаясь научной деятельностью генерала, философ Гейдар Гусейнов писал: "Генерал Али ага Шихлинский снискал мировую славу своими открытиями и деятельностью в артиллерийской науке. Наряду с этим, он активно интересовался вопросами языка и литературы. Хотя многие годы служил в России, он в совершенстве знал азербайджанский язык. Он серьезно занимался исправлением слов, построением выражений, образованием новых слов".

Из воспоминаний Лейла ханум - дочери Гейдара Гусейнова:

"В нашей семье сохранились две серебряные ложки - столовая и чайная с вензелем "АШ" на лицевой стороне. "АШ" - это инициалы генерала Али аги Шихлинского. Ложки - дар покойного генерала. Находясь в больнице, Али ага Шихлинский продиктовал свои воспоминания отцу, которые впоследствии составили книгу "Мои воспоминания".

Моя мать Талия ханум часто рассказывала следующую историю: "Когда в ЦК КП Азербайджана Гейдару задали вопрос: "Зачем пишете о царском генерале?", то он резко ответил встречным вопросом: "Почему же русские ученые так много пишут о Суворове, Кутузове? Ведь они тоже были царскими генералами."

Многие до сих пор не знают, что генерал был также большим любителем поэзии. Некоторые его стихотворения, художественные переводы и письма хранятся в личном фонде ученого Гейдара Гусейнова. Там же хранится и "Тетрадь офицера", в который генерал вносил замечания с 1904 года. Генерал с гордостью отмечает, что принадлежит к роду поэтов-классиков Молла Вели Видади, Мустафа ага Ариф Шихлинского и Мирза Магомед Гаибзаде. Мать моя Шах Йемен является внучкой Молла Вели Видади по линии дочери.

В поздравительном письме 25 апреля 1945 года по поводу 40-летия медицинской и общественной деятельности Бахадур бека Гаибова, который являлся шурином Али аги Шихлинского, ученый Гейдар Гусейнов отмечал: "Я хочу отметить Ваши еще большие заслуги перед Родиной и наукой. Вы и Ваша супруга окружили заботой и вниманием, приукрасили последние годы жизни известного военного деятеля и ученого, генерала бывшей армии, верного сына азербайджанского народа Али аги Шихлинского".

Доктор Бахадур бек Гаибов в письме от 30 сентября 1946 года

седьмом микрорайоне столицы. На фасаде здания на улице Джафар Джаббарлы, в котором некогда жил генерал, установлен памятный барельеф.

Указом президента Азербайджана от 23 июля 1990 года для студентов вузов установлена именная стипендия "Генерал Али ага Шихлинский".

Благотворительное общество Казах учредило для солдат и офицеров, проявивших активность в фронтовой зоне и в армии награду "Генерал Али ага Шихлинский". Ежегодно отмечаются дни рождения и смерти генерала. Пишутся книги и многочисленные статьи о деятельности и личности Али аги Шихлинского, проводятся дни памяти.

Как бесстрашный полководец, отдавший свои знания и опыт служению Родине, защите чести и свободы родного Азербайджана генерал от артиллерии Али ага Шихлинский достоин почитания своего народа в полном смысле этого слова.

Признание

Имя генерала Али аги Шихлинского всегда пользовалось большим авторитетом и почетом. Его хорошо знали не только русские артиллеристы, он был известен и популярен в широких кругах армий Австрии и Франции.

*Генерал-майор, доктор военных наук,
профессор Евгений Барсуков.*

Пройдут годы, изменятся время, эпоха, однако отношение к военно-научной деятельности, полководческому таланту нашего известного полководца Али аги Шихлинского не изменится... подрастающее поколение будет извлекать пользу от его военных знаний и гордится пройденным им боевым путем.

Тысячи русских генералов, некогда бывших современниками Али аги Шихлинского, служат в регулярной армии и трудятся в различных военно-научных центрах. Каждый из них по-своему способен и имеет заслуги. Однако, ни одному русскому или иной национальности генералу не удалось получить почетное звание "Бог артиллерии". Этот венок славы был положен на голову нашего соотечественника - Али аги Шихлинского. Генерал регулярной армии Али ага Шихлинский как ученый военной науки обладал необычно-

венным умением. После издания в 1912 году в Варшаве "Треугольника Шихлинского" (вступительное слова профессора В. Бертельса) его слава достигла Австрии, Франции, Норвегии и других стран. В том же году Шихлинский был назначен первым заместителем начальника Школы Офицеров Артиллерии, в его адрес поступили поздравительные телеграммы от известных артиллеристов мира.

Начальник Школы Офицеров Артиллерии Франции, генерал-майор Нолле с гордостью писал: "Узнал о Вашем назначении вторым шефом русской школы артиллерии (заместитель начальника школы считался вторым руководителем -Ш.Н.). В Вашем лице поздравляю всю русскую артиллерию". Профессор Академии Генерального штаба России, генерал-майор А.А.Незнамов отмечал: "Поздравляю Вас и русскую артиллерию".

Поздравлять в лице одного человека всю артиллерию государства... свидетельствовало, конечно, о величии и гениальности Али аги Шихлинского. Плюс к тому, это была блестящая, неоспоримая победа азербайджанца Али аги Шихлинского в чужой стороне, в христианском мире. Сегодня, когда история пишется так каковой она была в действительности, российский историк В.Семянников признает победу 90-летней давности нашего соотечественника Али аги Шихлинского. Его статья "Генерал России, сын Азербайджана" в журнале "Военное знамя" (ноябрь 1995 года) не должна вызывать удивление у читателя. Наоборот, должен вызвать гордость и радость.

Статья В.Семянникова охватывает военную деятельность Али аги Шихлинского в короткий период до 1917 года. И это естественно. Конечно, российский историк находится в неведении относительно беспримерных заслуг в создании Национальной Азербайджанской армии. К тому же, до конца своих дней (1943 год) генерал Али ага Шихлинский вкладывал силы в формирование азербайджанских дивизий, издание журнала "Военные знания", создание Военно-Научного Общества, подготовку военного словаря, написание и перевод военных уставов.

Исследование всей этой деятельности является служебной обязанностью азербайджанских военных историков.

В компактной, но читаемой статье российского историка В.Семянникова все исследовано как есть. Даже, есть несколько фактов, доселе нам неизвестных: в 1912 году впервые в Петербурге по инициативе Али ага Шихлинского был издан "Журнал Артиллерийской Офицерской Школы", 2 апреля 1917 года Али аге Шихлинскому было присвоено воинское звание генерал-лейтенант и другие, кото-

рые, несомненно, являются новостью и представляют интерес для азербайджанского читателя.

Лишь в одном факте российский историк В. Семянников допустил ошибку. Он указал, что генерал Али ага Шихлинский родился в 1866 году. Это, конечно, не такая уж и необычная неточность. На наш взгляд, указанная в статье дата рождения является следствием типографской ошибки. Однако, это нисколько не умаляет научного, публицического значения статьи историка В. Семянникова. Для азербайджанской военно-исторической науки важно то, что выдающийся сын нашего народа признается и чужими.

В целом, лишь в одном источнике неточно указана дата рождения генерала Али аги Шихлинского. В изданной спустя год после его смерти книге "Мои воспоминания" в качестве дня рождения указана дата 23 апреля 1863 года. По этой ошибочной дате и отмечаются дни рождения и дни памяти Али аги Шихлинского. Хранящиеся в архивах документы отрицают эту дату.

Не следует забывать, что книга "Мои воспоминания" издана через девять месяцев после смерти генерала. В хранящихся среди личных вещей генерала документах, относящихся к июню и августу 1943 года, кто-то сделал подделки, которые отчетливо различаются.

Только день рождения генерала - 23 апреля осталось такой, какой она есть. Год рождения же исправлен черной ручкой. 1865 год изменен на 1863. Возникает вопрос: кто сфальсифицировал принадлежащие генералу Али аге Шихлинскому документы?

Изучение хранящихся в Центральном Государственном Историческом Музее документов показало, что подделка совершена Варварой Минаевной - армянкой по национальности, супругой Бахадура Гаибова, который приходился генералу шурином. Почерком, полностью отличающейся от почерка Али аги Шихлинского, Варвара от его имени написала завещание на себя. Этот фальшивый документ подписали и утвердили плохо читаемой печатью начальник четвертого отдела тогдашнего военного комиссариата Октябрьского района Туманян и "ответственное лицо Керимарюк" из четвертого отделения полиции города Баку.

Без сомнения, Варвара Минаевна прибегла к подлогу, чтобы после смерти генерала получать в качестве наследника его персональную пенсию (500 рублей в месяц). Из принадлежавших генералу Али аге Шихлинскому личных документов становится ясно, что генерал доживал в больнице "Семашко" последние дни. Для доказательства подлога Варвары Минаевной обратимся к официальным материалам

архивов Санкт-Петербурга, Москвы и Царского Села.

В хранящемся в Музее артиллерии в Санкт-Петербурге документе генерал Али ага Шихлинский собственноручно написал, что родился 23 апреля 1865 года.

В "Полном послужном списке", которая хранится в Царском Селе, читаем: "Родился в агаларском роду 23 апреля 1865 года в селе Казахлы Казахского уезда Елизаветпольской губернии". Рядом стоит подпись Али аги Шихлинского.

На одиннадцатой странице этого документа он отмечает: "27 октября 1909 года, в 44 года женился на вдове Нигяр ханум Паловандовой, дочери муфтия Закавказья Мирза Гусейн эфенди Гаибова. Детей не имеем. Оба веруем в исламскую религию".

В изданной в 1944 году книге "Мои воспоминания" вкрался неточный возраст вступления Али аги Шихлинского в брак - 46 лет.

Будучи в 1984 году в творческой командировке в Санкт-Петербурге и Царском Селе, автор этих строк снял и привез в Баку копию принадлежащей генералу Али аге Шихлинскому "Книжки военной службы". Этот ценный документ хранится в моем личном архиве.

Напомню также, что еще одна копия данного документа находится в Центральном Государственном Военном архиве России (См.: фонд Н\к, дело 109, стр.1).

На следующий день после переворота в Баку 28 апреля 1920 года большевистские чекисты обратились к арестованным военному министру Самед беку Мехмандарову и его заместителю Али аге Шихлинскому с вопросом:

- Интересы какой партии или революции защищаете?

Ответ генерала Самед бека Мехмандарова: "Всю свою жизнь я был далек от любой политики".

Ответ генерала Алиаги Шихлинского: "К любой революции отношусь как к контр-революции, никогда такими вещами не занимался и не стал бы заниматься"

В документе допроса, который хранится в архиве Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики, есть ответ генерала Али аги Шихлинского на вопрос: "Сколько вам лет? Где проживаете?". Генерал ответил: "Мне 55 лет. Родился в 1865 году. Живу в третьей квартире дома номер пять по улице Николаевской (ныне улице Истиглал - Ш.Н.)

В 2003 году в Москве издан энциклопедический труд российского военного историка К.А.Залесскина "Кто есть кто в Первой

Мировой войне". На 675 и 676 страницах помещена обширная информация о генерале Али аге Шихлинском. Там также 23 апреля 1865 года указывается датой рождения генерала.

Генерал, больше жизни любивший родину (Документальный рассказ)

Группа азербайджанских стрелков молода. Красноармейцы Азербайджана не имели в прошлом опыта. Поэтому, они должны более стараться для повышения своих военных знаний. Я верю в боеспособность в период войны. Искренние приветствия красноармейцам Азербайджана.

**Михаил Фрунзе, Баку,
18 апреля 1925 года.**

«Товариш Али ага обладает твердой волей и энергией, умеет разобратся в обстановке, с подчиненными требователен, но справедлив, отношение товарищеское, дисциплинированный, здоров, в походной обстановке, несмотря на свой преклонный возраст, вынослив обладает умом, очень интересуется военной наукой, активнейший член ВНО (Вено-научного общества – Ш.Н.). военную подготовку имеет вполне достаточную. К Советской власти относится сочувственно. Принимает активное участие в общественных работах... Вполне соответствует должности помначшколы».

**От аттестации, Шихлинской в 6-го июня 1925 года
начальник Главного управления военно-учебных
заведенный РККА. И.Э. Якир.**

16 апреля 1925 года во второй раз в Баку прибыл Народный Комиссар по военным и морским делам СССР М.В.Фрунзе. Войска гарнизона были представлены ему у Сальянских казарм. В то время генерал Али ага Шихлинский находился на должности заместителя начальника Школы Командного состава Азербайджана. Комиссар искренне поздоровался с генералом как со старым знакомым (позна-

комились они в 1916 году на Западном фронте) и попросил быть переводчиком между ним и азербайджанскими солдатами во время короткого учения. Для проверки военных знаний, отношения к военной службе азербайджанских солдат и офицеров М.В.Фрунзе вначале задавал простые вопросы. Удовлетворенный ответами, нарком все более усложнял вопросы. По выражению лица было видно, что учебная подготовка и знания тактики артиллеристов его устраивают. Будучи в хорошем настроении, весело смеясь нарком иногда и шутил с ними: "Невеста есть, пишешь ей письма? Не заставляй азербайджанскую красавицу долго ждать. Ради кого ты защищаешь Родину - ради матери и сестер или невесты?" От полученных ответов нарком иногда от души хохотал.

Иногда употреблял тюрско-кыргызские слова, услышав которые солдаты- артиллеристы перешептывались. Чтобы развеять их сомнения, Фрунзе с гордостью сообщил о себе: "Родом я из Бессарабии. Среди наших соседей было немало тюрков и кыргызов. В прошлом году я был в Турции. Услышавшие, как я разговариваю по-турецки, говорили: "Неуловимый красный русский - турок!". Али ага Шихлинский радовался больше, чем Фрунзе. Не шуточное дело, нарком не сделал замечаний ни солдатам, ни офицерам, хотя недостатки были, мог бы их и высказать. Если и замечал мелкие недочеты, на них внимания не обращал. Шихлинский и сам понимал, что нарком поощряет молодежь к службе. В конце краткого выступления перед артиллеристами Фрунзе с гордостью отметил успехи азербайджанской дивизии: "Строевая подготовка и военное обучение в этой дивизии достойно похвалы. Вы не имеете права быть плохим солдатом, слабым офицером. Потому, у вас есть выдающиеся полководцы генерал Самед бек Мехмандаров и Али ага Шихлинский, которые являются примером для вас, для всего народа. Спасибо, что вы служите достойно их имени и являетесь хорошими продолжателями их дела.

После учений Фрунзе спросил у Алиаги Шихлинского:

- Как Вы думаете, стоит ли придавать батальонам артиллерию?

- Конечно стоит,- ответил генерал.

Михаил Фрунзе:

- А не увеличим ли мы этим ношу пехоты?

- Нет, не увеличим, потому, что пушка в войсках это как золото в кармане: чем больше, тем выше будет настроение владельца, тем увереннее он будет себя чувствовать. Если выразится по-иному, чем больше артиллерии в армии, тем быстрее он перейдет в наступление. И еще, Михаил Васильевич, выражение "батальонные пушки" не-

правильное, потому, что там будут и минометы и руками передвижаемые небольшие пушки, которые никак не являются настоящими пушками, это лишь суррогаты. Придаваемые батальонам минометы и небольшие пушки следует называть огневыми средствами батальона.

- Очень прекрасно, очень хорошее предложение товарищ генерал, - искренне заметил М.В.Фрунзе, - я всегда говорил и сейчас говорю, поле для деятельности генерала Шихлинского в Азербайджане очень узкое. Ваше место, место генерала Самед бека Мехмандарова в Москве. Ведь, в свое время вы командовали армиями. Не будь настойчивых просьб товарища Нариманова в 1921 году, Вас не вернули бы в Азербайджан. Хорошо, почему Вы не даете согласие на возвращение и работу в Москве, на помощь нам?

Генерал Али ага Шихлинский:

- Во-первых, супруга больна, возраст не тот, стала хрупкой и расставаться с родственниками не хочет. Да и сам я. - Язык не повернулся назвать себя старым, - Сейчас не 1916 год, тогда я был молодым. В свое время я столько времени провел в влажных полянах, полным воды окопах, что сейчас у меня возник сильный ревматизм. Боюсь, не смогу в таком положении с совестью работать. Ваше приглашение мне передал инспектор артиллерии, мой бывший ученик Михаил Михайлович Пацкевич. Спасибо, что не забыли. Лишь здоровье и семейное положение не позволяют мне принять ваше приглашение...

Фрунзе потрогал плечо генерала:

- Обещаю, что Вам не будет поручена трудная и ответственная работа. Квартирой и пенсией обеспечим, будете спокойно жить. Иногда за советом будем к Вам обращаться. Мы нуждаемся в этом. Али ага Шихлинский задумчиво сказал:

- Михаил Васильевич, ведь в Москве есть более лучшие военные специалисты. К примеру, мои друзья генералы Алексей Брусилов, Евгений Барсуков, в последнее время часто хвалят генерала по фамилии Ворошилов.

Фрунзе осторожно осмотрелся вокруг. Они значительно удалились от места сбора солдат и офицеров. Шихлинский не раз пытался остановиться и вернуться, однако чувствовал, что нарком не желает ни остановиться, ни возвращаться назад. Они медленно передвигались, разговаривая с горечью в душе. Они шли в западную сторону гарнизона. Обошли последнюю казарму, вышли к широкому учебно-тренировочному полигону. Только что умолкнувший Фрунзе

тяжело вздохнул. На лице появились приметы мучения. От бодрого Фрунзе, шутившего с артиллеристами, ничего не осталось.

- Али ага,- сказал он, ваш друг генерал Брусилов стар и болен. Поехал на отдых, лечение в Карловы-Вары. Правда, и нынешняя власть не очень-то хорошо к нему относится. Не признают такого умного, знающего отважного генерала, называют пережитком старого, говорят нелепости. Именно такое отношение и подорвало его дух и состарило. Поэтому, под предлогом лечения уехал из страны и правильно сделал. А Евгений Барсуков, как знаете, сугубо теоретик, прекрасный деятель науки. В практической работе не силен. У названного вами Ворошилова ничего, кроме угодливости, я не заметил. Ни в военной науке, ни в практике не разбирается. Ради Бога, простите меня за откровенность...

- Я Вас понимаю, Михаил Васильевич, против правды не пойдешь. Мне не довелось ни работать с Ворошиловым, ни иметь знакомства.

Михаил Фрунзе сразу:

- Хорошо, что не довелось. Представляете, какая ныне ситуация в организации, именуемой Красной армией? В сегодняшнем состоянии она полностью потеряла боеспособность, напоминает разрозненную бандитскую группу. Поверьте, я говорю вам эти слова как руководитель Главного Военного управления. Я вас хорошо знаю по мировой войне, а потому так откровенен с вами. Новой власти армия не нужна. Власть не обращает внимания на армию, верхние эшелоны заняты политическими интригами.

- Михаил Васильевич, по дошедшим до меня сведениям, большинство хороших военных кадров иммигрировали из страны. Напрасно их отпустили.

Фрунзе:

- Не отпустили, а выгнали... Беда в том, что большинство умелых военных кадров, оставшихся здесь, либо были расстреляны в 1918-1920 годах, либо гниют в тюрьмах. Помните земляка Гусейн хана Нахичеванского?

- Конечно, конечно крупным был полководцем. Жаль его. Говорят, после расстрела Гусейн хана его семья уехала за границу.

- Взяв за повод факт "ты родственник царя, написал ему, чтобы не отрекся от престола" в 1919 году расстреляли Гусейн хана. Также поступили с кавалерийским генералом Алексеем Калединым, его братом генералом Василием Максимовичом, а Колчака расстреляли в Иркутске. Деникина выжили из страны. После покушения

на Ленина расстреляли генерала Дмитрия Багратиона, Эрис хана Алиева и десятки таких. Ныне структура под названием Красная армия фактически обезглавлена. Армия осталась на попечение бывших прапорщиков и подпрапорщиков.

Али ага Шихлинский с одной стороны верил в искренность собеседника, с другой - в глубине души его мучили сомнения. Он тоже хотел поделиться наболевшим, рассказать о несправедливости, об увиденном за пять лет новой власти. Однако, он осторожничал...

Выбросив папиросу, Фрунзе помял его ногой:

- У вас, - сказал он, - вижу ситуация с армией не плоха, хотя и являетесь маленькой республикой. Два дня езжу, наблюдаю. По моим сведениям, в армии оставили не только офицеров, но и солдат, служивших при царе и мусават. И правильно поступили. Инициатива, видимо, Самед бека Мехмандарова и Ваша. У нас же говорят, призывайте рабоче-крестьянскую молодежь в армию, пусть учатся командовать. А ведь целая эпоха нужна, чтобы и крестьянин, и рабочий созрели как профессиональный военный. Во-первых, многие из них абсолютно безграмотны. Разве можно назначить командиром безграмотного человека. Конечно, нет!

- Михаил Васильевич, у нас могло быть намного лучше. Не будь бывшего председателя АзЧКа подлого Семена Панкратова. Он нанес очень тяжелый удар по нам, по нашей армии. В двадцатые годы сотни, тысячи солдат и офицеров, передовых интеллигентов были расстреляны, выжиты из страны, высланы в Сибирь. Из мусаватских генералов остались только Самед бек и я. И то благодаря Нариману Нариманову. Трижды нас арестовывал, допрашивал, причинял тысячи головных болей. Как у нас говорят, помогли молитвы матерей, покойный Нариман часто нами интересовался и спас нас...

Опасаясь восстаний и смуты, которые имели место в Азербайджане в мае 1920 года, Нариман Нариманов (1870-1925) специальным письмом направил генералов Самед бека Мехмандарова и Али агу Шихлинского в Москву в распоряжение Ленина.

Дорогой Владимир Ильич!

Во время Гянджинского восстания все офицеры старой Азербайджанской армии были арестованы, в числе их были и податели сего известные генералы Мехмандаров и Шихлинский. После тщательного расследования оказалось, что эти генералы не причастны, но все же до упрочения нашего положения и с целью помочь нашему общему делу мы решили их отправить в

Ваше распоряжение для работы в Штабе, так как они, как военные специалисты являются незаменимыми. Один из них Шихлинский в николаевской армии считался "богом артиллерии". До окончания польского фронта пусть они работают в Москве, а затем попрошу отправить их к нам для формирования наших частей. Необходимо за это время за ними поухаживать...

*С коммунистическим приветом Н.Нариманов
01.08.1920*

Прибежавший молодой капитан остановился в пяти шагах:

- Разрешите доложить, товарищ нарком. Наш командир приглашает Вас на обед.

Унылый Михаил Фрунзе:

- Вы идите, мы сейчас придем,- сказал и вновь обратился к Али аге. - Отсюда я еду в другие республики. Моя поездка продлится около месяца. Прошу, еще раз обдумайте мое предложение. По возвращении в Москву мне придется опять думать над этим вопросом.

- Подумаю, может найду какой-нибудь выход. Пока же слова не даю...

Фрунзе смеясь:

- Вы посоветуйтесь с домашним "генералом" и приходите к общему решению. Я от своего имени желаю вашей супруге здоровья. Надеюсь, что мы снова встретимся в Москве...

К сожалению, 31 октября того же года при загадочных обстоятельствах М.В.Фрунзе внезапно скончался. Проводивший хирургическую операцию врач Центрального Комитета, арменин по национальности Погосянц специально применил такую дозу для анестезии, которую организм Фрунзе не выдержал. Нарком скончался в операционной. Выяснив преднамеренный характер убийства, покончила с собой супруга Фрунзе Софья Алексеевна. Писатель Борис Плиняк в тридцатые годы написал об этой трагедии повесть "Неугасшая лунная легенда". Произведение дорого обошлось автору. В 1937 году он был расстрелян. Генерал Али ага Шихлинский же последних своих дней остался и работал в Азербайджане, которую любил больше, чем свою жизнь.

Первый Азербайджанский военный мемуар

Генерал Али ага Шихлинский всем своим существом был предан азербайджанскому народу, выходцем которого он был, беззаветно любил его. "Мои воспоминания" Али аги Шихлинского чрезвычайно интересны и поучительны. Книгу следует рекомендовать широкому кругу читателей, с нею необходимо познакомиться командный состав армии, а артиллеристы же должны изучить ее.

Полученные Али агой военное воспитание, образование, его служба в армии, доблестная боевая деятельность и пройденный путь являются образцом жизни, которую должен перенять каждый считающий себя достойным такой священной обязанности, как защита честь и достоинства, свободы и независимости Родины.

**Евгений Барсуков, генерал-майор,
доктор военных наук, профессор,
лауреат Государственной премии.**

В годы, которые мы называем застойными, я, добавив раздел пояснения и замечания, подготовил к переизданию "Мои воспоминания" славного нашего полководца Али аги Шихлинского. (1982-1984). В какое бы издательство я не обращался, через месяц-другой книгу возвращали мне и говорили, что мол Шихлинский был царским и мусаватским генералом, а потому издать книгу не можем. Наконец, я обратился к покойному народному писателю Исмаилу Шихлы. Точнее, попросил его о помощи. Взяв папку, вместе с Исмаил муаллимом мы пошли в издательство. Что тут начало твориться - споры, бессмысленные упреки,...

Исмаил Шихлы степенно сидел, терпеливо слушал этих невежд. Вместо него нервничал я. Не мог сидеть на месте. Я поржался его терпению. Хотел ответить им. Правда, остерегался Исмаил муаллима. С другой стороны, все присутствовавшие были старше меня по возрасту.

Старики так "пламенно" голосили. А когда один начал чихать, другой - кашлить, а третий - вовсе охрип, Исмаил Шихлы строгим голосом как его герой Джахандар ага спросил:

- Все сказали? Ко всем троим у меня один вопрос. Эту книгу в 1944 году к изданию подготовил всем вам хорошо известный ученый-философ Гейдар Гусейнов. Книга была издана как на азербайджанском, так и на русском языках. Тираж каждой составил по семь с половиной тысяч экземпляров. Это было сделано в такое время, когда Мир Джафар Багиров мог расправиться с кем угодно и как угодно. Естественно, и Сталин находился у власти. А теперь ответьте мне, вы умнее, патриотичнее или Гейдар Гусейнов? Что на это скажите? ... Нам книгу на русском, на армянском что ли печатать? Имея свое издательство, свой язык...

Никто из троих не заикнулся. В комнате восцарилась гробовая тишина. Я с гордостью смотрел на полководца, с победой вышедшего из трудного боя - невозмутимо восседавшего Исмаила Шихлы. Смотрел и думал про себя почему у нас так мало людей, душой болеющих за Азербайджан, как Исмаил Шихлы... Однако, хоть мимоходом, но заметил как дрогнула мышца на лице величавого Исмаила Шихлы. Он длинными пальцами поправил очки, сказал: "Пошли, Шамистан", встал и направился к выходу. Не успел сделать шаг-второй, как сидевший в конце стола старик мягким голосом сказал: "Исмаил, оставь папку, посмотрим, посоветуемся с верхами". Исмаил муаллим резко повернулся назад:

- Не надо прикрываться верхами, - сказал. Вы включите книгу в план, а с верхами я сам поговорю...

После долгих мучений и споров "Мои воспоминания" генерала Али аги Шихлинского увидели свет в 1984 году тиражом в шестьдесят тысяч экземпляров на азербайджанском и русском языках.

Три экземпляра книги я отправил в Москву, в Главную редакцию Советской Военной Энциклопедии. К книгам приложил письмо, в котором выразил упрек редакции и заявил, что в энциклопедию включены статьи о русских генералах и полковниках, а об азербайджанских генералах Самед беке Мехмандарове и Али аге Шихлинском там ни строчки не написано. Как это следует понимать? Почему в восьмитомной "Советской Военной Энциклопедии" не помещены материалы о таких прославленных полководцах? Если у вас нет сведений о генерале Шихлинском, то могу написать о нем и отправить вам. В то же время направляю вам три экземпляра книги генерала, откуда вы можете почерпнуть более широкую информацию.

Ровно через месяц я получил ответное письмо от главного редактора редакции "Военная мемуарная литература" В.Макеева. Он

сообщал о получении письма и книг: "Для отзыва книга генерала Али аги Шихлинского была направлена в Институт Военной Истории Министерства обороны СССР. В ближайшее время получим отзыв и проинформируем вас". Наконец, 26 июля 1986 года получил радостную весть из "Венного издательства". На этот раз писал исполняющий обязанности главного редактора "Военной мемуарной литературы" А.Крюков. Он сообщил, что книгу генерала Шихлинского в редакции прочитали и посоветовавшись с военными историками решили его переиздать. Книга очень понравилась им, сотрудники института отметили особую ценность произведения. Однако, для повторного издания придется подождать как минимум пять лет.

К письму В. Крюков прилагал отзыв старшего преподавателя кафедры истории военного искусства Военной Академии имени М.В.Фрунзе, полковника Л.Зайцева к новому изданию книги.

Гордость переполнила меня, когда прочитал отзыв. Потому, что в шестистраничном машинописном материале, написанном от широкого сердца и огромным темпераментом, Л.Зайцев характеризовал генерала Али агу Шихлинского истинным героем, пламенным патриотом своего народа. Он особо выделял беспримерные заслуги в Порт-Артуре, Первой мировой войне и в области артиллерии. Ученый выражал готовность нести полную ответственность в качестве редактора нового издания "Моих воспоминаний". Он сожалел, что книга издана в республике столь малым тиражом (тираж на русском языке составил 30 тысяч экземпляров). Я потому отмечаю это, так как "Азернешр" при издании книги исключил слова "герой своего народа, мужественный генерал" из написанного мною к книге замечаний и пояснений.

Дополнительно полковник Л.Зайцев сообщал о подготовке к изданию объемного сборника "Первая Мировая война", в котором будут собраны воспоминания, репортажи, очерки и документы: "Раздел "На западном фронте в июле 1916 года" направленного вами книги Али аги Шихлинского я целиком внес в этот сборник. Книга включена в план 1989 года".

В том году отрывок из воспоминаний Али аги Шихлинского вошел в 607 страничный сборник. Однако, из-за развал Советского Союза книга генерала так и не увидела свет в Москве...

новшеству и в одном из заметок "От редакции" отмечает, что статья Шихлинского вызвала большие и существенные изменения в мышлении командиров артиллерийских войск.

Вот что говорит об этом методе генерал Али ага Шихлинский в книге "Мои воспоминания", написанной им в 1942 году: "Еще в 1924 году в одном из сборников Красной армии была сделана ссылка на этот вопрос. Без сомнения, и сейчас есть скептики, с подозрением относящиеся к такому методу стрельбы".

Вновь перелистываю журнал, отпечатанный на бумаге высокого качества. Наряду с многочисленными статьями, сведениями о высокого ранга артиллеристах нередко попадаются и различные фотографии Шихлинского, которые я не видел ни в личном архиве генерала, ни у его родственников - вот он во время штабных учений, а здесь в окружении курсантов и офицеров.

В февральском номере журнала за 1914 год помещен "Отчет об исполнении курса, выполненного офицерами артиллерийской школы в 1913 году". Сорокадвухстраничный отчет состоит из семи разделов и эпилога. Его подписали начальник школы, генерал от артиллерии Александр Николаевич Сеницын, заместитель начальника школы генерал-майор Али ага Шихлинский и начальник штаба Сергеев, начальник военно-учебного полигона подполковник Иванов.

Со страниц журнала узнаю, что осенью 13 декабря 1913 года начальник Школы офицеров артиллерии, генерал от артиллерии А.Н.Сеницын ушел в отставку по возрасту. В этой связи журнал помещает на второй странице фотографию генерала и отводит большое место рассказу о нем. Здесь же даются две строфы стихотворения, написанные в этой связи Али агой Шихлинским.

Ты много лет, усталость не зная,
Бессменный кормчий вел своего ладью...
Артиллеристов всех объединяя,
Ты их сливал в могучую семью...

Ладья ты – школа наша! Будешь вечно,
В ее анналах ты родным отцом...
И шлем мы все тебе привет сердечно,
И до земли склоняемся челом!

Почти год после отставки Сеницына, с осени 1913 года по октябрь 1914, работой Школы руководил генерал-майор Али ага

Шихлинский. В октябрьском за 1914 год номере журнал в статье "От редакции" пишет: "Исполняющий обязанности начальника Школы офицеров артиллерии генерал-майор Али ага Шихлинский обратился к участникам нынешней войны с просьбой подробно описать деятельность бойцов, артиллерии и направить по соответствующему адресу".

В декабрьском номере журнал напечатал сорокастраничный отчет о деятельности школы. Его подписали исполняющий обязанности начальника школы генерал-майор Али ага Шихлинский, начальник штаба Сергеев и начальник военноучебного полигона подполковник Иванов.

Спустя некоторое время в высших кругах обсуждается вопрос нового начальника Школы офицеров артиллерии. Великий князь рекомендует на эту должность генерал-лейтенанта Гаитинова. Однако, тот заявляет о неготовности занять этот пост.

В ответ Великий князь заметил:

- Я назначаю вас всего лишь на один год. Предстоит осуществить большую программу по реформе армии, тогда вы будет назначены начальником артиллерии Одесского военного округа. Руководство школой же будет поручено Шихлинскому. Он не долго работает на должности заместителя начальника школы и поэтому я не могу получить согласие своих консультантов на его назначение сейчас.

Генерал-лейтенант Гаитинов спрашивает:

- Ваше высокопревосходительство, а что я могу сделать за один год?

- У вас такой хорошо знающий работу помощник как Шихлинский.

- Тогда разрешите сначала поговорю с ним.

- Говорите... "Меня вызвали к телефону. Я услышал взволнованный голос.

- Здравстуй Али ага, с вами говорит Гаитинов.

- Здравствуйте Валерий Михайлович, я к вашим услугам.

- Я говорю из кабинета Его высокопревосходительства. Мне предлагают стать руководителем вашей школы. Очень прошу вас, прийти после пяти часов в клуб армии и флота. Вместе пообедаем и посоветуемся.

Я пошел в клуб. Поговорили. Руководство школой Гаитинов взял на себя, а у меня спросил согласен ли руководить научной и учебной частью школы. Я согласился. Благодарю,- сказал...

Новый начальник генерал-лейтенант Гаитинов постоянно заходил в аудитории, интересовался лекциями и тактическими занятиями, которые проводили офицеры Генерального штаба, однако в учебный процесс не вмешивался, все это он поручал своему заместителю".

Этот небольшой эпизод взят из "Моих воспоминаний". В крепкой памяти Шихлинского все сохранилось как есть. К примеру, в 1907 году начальник школы рекомендовал его на должность командира батареи во вторую Константиновскую артиллерийскую школу, однако начальник Управления артиллерии отклонил кандидатуру Шихлинского и заявил, что "на эту должность не татарина (азербайджанец), а русского найти подобрать". - Несмотря на все это, царское правительство, высший состав царской армии не могли игнорировать неопределимые заслуги Али аги Шихлинского...

В 1912 году он был назначен заместителем начальника артиллерийской школы. Этому событию радовались немало людей. Телеграммы с поздравлениями шли не только из России, но и из за рубежа. Профессор Академии Генерального штаба генерал-майор А.А.Незнамов писал: "Поздравляю Вас и русскую артиллерию".

Начальник Школы Офицеров Артиллерии Франции, генерал-майор Нолле так выражал свои чувства: "Узнал о Вашем назначении вторым шефом русской школы артиллерии (заместитель начальника школы считался вторым руководителем -Ш.Н.). В Вашем лице поздравляю всю русскую артиллерию".

Перелистывая страницы журнала понимаешь какую славу Али аге Шихлинскому принесла его теоретическая работа "Треугольник Шихлинского". Она была включена не только в российские военные учебники. Известно, что с ней были хорошо знакомы во Франции и Австрии. Так, командир французского артиллерийского дивизиона майор Лавер в одной из бесед с Шихлинским сказал: *"Я везу с собой во Францию очень много полезного для науки материала. Поэтому я благодарен Вам".*

Летом 1913 года в Россию прибывает делегация французской армии в количестве 17 человек во главе с генералом Джоффре. В течение нескольких дней они знакомятся с программой Школы офицеров артиллерии. Французы просят продемонстрировать закрытую стрельбу батареи из короткоствольной пушки. Организация стрельбы поручается Али аге Шихлинскому. Проведенная под руководством Шихлинского точная стрельба восхищает французов и они там же принимают решение о внедрении у себя метода стрельбы

из короткоствольной пушки.

Посетивший через год Россию президент Франции Пуанкаре Раймон привез награды российским военным, оказавшим почести делегации генерала Джоффре. В их числе - два Ордена Почетного Легиона, *(Орден Почетного Легиона, присуждаемый известным общественным, политическим, государственным деятелям, военачальникам, был учрежден в 1802 году императором Наполеоном Бонапартом. Является высшей государственной наградой Франции)*, которым награждаются генералы. Один из них был вручен кавалерийскому генералу Безобразову, а другой - Али аге Шихлинскому.

Знакомясь с военной и педагогической деятельностью Али аги Шихлинского невозможно не восхищаться его беспримерным талантом этого выдающегося полководца.

Беседуя в 1897 году с молодым Шихлинским главный врач двадцатой артиллерийской бригады Зеленски спрашивает, почему имея такой талант он не пошел в академию? Али ага Шихлинский отвечает, что мол так уж случилось. Принимавший участие в встрече генерал Баумгартен включается в разговор: "Зачем ему академия, академия - это его голова".

Действительно, не было в бывшей русской армии второго такого лица, который будучи представителем иной нации, не получив высшего военного образования сумел через четыре года и тридцать четыре дня получить очередное звание - стать генерал-майором.

Причины своего стремительного роста по военной службе генерал Али ага Шихлинский объясняет участием в русско-японской войне и военно-педагогической деятельностью в Школе офицеров артиллерии. Его работа в Артиллерийской офицерской школе с 26 ноября 1908 года по 8 июля 1914 года была высоко оценена. Он был награжден орденом "Святого Владимира" третьей степени и вышеупомянутым французским Орденом Почетного Легиона.

Страницы журнала ""Известия Артиллерийской офицерской школы", помещенные в ней отдельные объявления свидетельствуют о том, что Али ага Шихлинский выступал с циклом лекций в войсковых подразделениях школы и различных научных собраниях Петербурга. Приказом Генерального штаба эти лекции были изданы в виде отдельных книжек. Были напечатаны его монументальные работы "Инструкция по организации артиллерийских маневров в масштабе дивизиона", "Сборник задач и примеров для горной и полевой артиллерии" (в период 1913-1916 годы издавалась три раза - Ш.Н.), "Применение полевой артиллерии на фронте" и "Краткое содержание

лекций, прочитанных подполковником Шихлинским в Школе офицеров артиллерии".

Наибольшей популярностью в артиллерийской среде пользовалась последняя книжка. Отметим, что напечатанная в типографии школы книжка приносила большую прибыль самой школе. Из той прибыли Али аге Шихлинскому был выплачен авторский гонорар в размере 500 рублей золотом...

К сегодняшнему дню нам известна одна книга Али аги Шихлинского. Это изданная в 1944 году Азербайджанским филиалом Академии Наук СССР на азербайджанском и русском языках "Мои воспоминания". И больше ничего. А какова судьба вышперечисленных книг, где, у кого они хранятся? Надо найти ответы на эти вопросы.

В поисках книг

Устал заполнять чистые страницы анкет. По лежащему передо мной списку заказывал книги генерала Али аги Шихлинского. Приходя на следующий день за заказом читаю одни те же слова: "Такой книги нет. Уточните источник".

Я пришел в замешательство. Ведь автор собственноручно пишет, что издана такая та книга. Замечу, что "Мои воспоминания" Али ага Шихлинский писал исключительно по памяти. Причем в семьдесят восемь лет! Когда я готовил "Мои воспоминания" к новому изданию, то, честно говоря, засомневался: возможно ли в такие лета запомнить столько фактов, информации, исторических событий, цифр? Поэтому, еще раз сверил по энциклопедии отдельные события, фамилии и звания упомянутых в книге лиц. Ни одной неточности не обнаружил. По этой причине ко всем фактам, приведенным Али агой Шихлинским, я отношусь с абсолютной уверенностью в их реальности. На шестой день просмотра анкет дежурная девушка сообщила, что меня ждет старший хранитель библиографического фонда. Собрав тетради и ручки направился к ней. Она сразу "наехала" на меня:

- До сих пор не видела такого настойчивого человека как вы. Все азербайджанцы такие?

- Нет,- ответил я, - не будь на руках не убедительных фактов, никогда неуместно не проявляем настойчивости.

- Вам же не однократно говорили, что таких книг нет, а вы каждый раз заказываете их. Хотя бы анкеты пожалейте. Подумайте

сами, как мы можем дать вам то, чего нет?

Я вновь не отставал:

- Вы поверьте,- сказал я,- около пятнадцати лет я занимаюсь исследованием жизни и деятельности Шихлинского. Подготовил к изданию на азербайджанском и русском языках его воспоминания. По многу раз проверял сотни фактов, им отмеченных, и иногда не обнаружил ни одного несовпадения. Он сам пишет, что в 1910 году в городе Луга вышла в свет такая моя книга. Сами подумайте, что я должен сделать после этого?

- Не знаю, молодой человек,- ответила она,- о нем у нас есть всего одна книга. Это монография Сабира Ибрагимова "Генерал Али ага Шихлинский". Вас она устраивает? В годы Великой отечественной войны город Луга был разгромлен немцами. Возможно, тогда и книга была уничтожена и к нам не попала?

Расстроенный вернулся в читальный зал, чтобы забрать пропуск. Вдруг меня осенила дерзкая мысль. Я взял новую анкету и заказал касающиеся артиллерии все книги, которые были изданы в Луге до революции. Через полчаса на столе появилось больше десяти книг. Перелистав их, обратил внимание на объявления, помещенные на последних страницах книг. Вот напечатанная в 1911 году "Принятые на склад школы офицеров артиллерии для продажи книги".

Седьмой в перечне числится книга "Применение полевой артиллерии на фронте" Али аги Шихлинского. Восторгу моему нет предела. Еще раз читаю. Ясно и точно написано. "Шихлинский А. 1910-й год, цена 70 коп. Город Луга. Напечатано в новой типографии В.М.Курочкина". Встал, подошел к дежурной. Показал ей запись. От нее напрямиком к старшей хранительнице фонда.

- Смотрите, смотрите,...

- Старшая хранительница успокаивает меня:

- Придите в себя, дайте повнимательнее взглянуть. Она снимает очки, читает, причем вслух. "А.Шихлинский". Да, мы сдаемся. Молодой человек. Теперь я знаю где находится книга.

- Нина Григорьевна, - обращается она к рядом стоящей сотруднице. Смотрите, этот азербайджанец победил нас. Значит, такая книга существовала. Нина Григорьевна:

- Эта книга может быть только в отделе учебников, - сказала. Обновите заказ...

Уже неделю как в напоминающем белые ночи Петербурга здании меня ждет письменный стол. Если опаздаешь на пять-десять минут, то придется ждать, пока кто-нибудь не встанет. А желающих поки-

нуть "теплое место" до перерыва практически не бывает. Поэтому, выработал привычку - ровно в девять часов быть у входа в библиотеку. Предъявив временный пропуск, обращаюсь с просьбой:

- Будьте добры, проверьте пожалуйста заказ К-9178.

- Нужная вам книга найдена, однако придется немного подождать...

- Немного - это сколько?

- Точно не могу сказать... Может день, может три, а может неделю... Поэтому, приходите каждый день и справляйтесь о заказе.

Военная деятельность Али аги Шихлинского тесно связана с двумя городами, расположенными недалеко от Санкт-Петербурга. Это Луга и Царское Село (ныне Пушкин - Ш.Н.). Он с нежностью и любовью вспоминает эти города. До революции Школа офицеров артиллерии располагалась в Царском Селе, а образцовый во всей Европе учебно-боевой полигон находился в Луге. Поэтому, меня не отпускало желание поехать в Царское Село, увидеть город, в котором Али ага Шихлинский жил и работал...

Азербайджанец или поляк?

День был выходным, а потому посетителей Лицея-музея было больше, чем в будни. Хотя погода была облачной и дождливой, у входа выстроилась большая очередь. Старинные и богатые постройки, неповторимая красота алеей, далекие туманные леса, безмолвные волны "Тихиго" озера поражали человека.

Стоявший рядом мужчина свернул газету и начал жаловаться:

- Не могу понять, почему в такое огромное здание пускают мало людей.

Я был здесь в прошлом году и тогда такая картина ни была.

- Если были в прошлом году, так опять приехали? - спросил острожно я.

- Не говорите. К истории надо обращаться неоднократно... Простите, откуда вы?

- Из Азербайджана...

- Я из Тамбова. Давайте знакомиться: я кандидат биологических наук.

Я тоже представился новому знакомому и сообщил о цели приезда. Он быстро спросил:

- Хорошо, друг, подожди. Какая связь между Лицеєм и Азербайджаном? Разве здесь учились азербайджанцы?

- По правде говоря, об этом я ничего не знаю. Однако об одном факте знаю точно. Азербайджанский генерал Али ага Шихлинский служил здесь, в бывшем Царском Селе. Это и привело меня сюда. Пользуясь возможностью решил и в музее побывать. Николай Харитонович изумленно спросил:

- Разве генерал Шихлинский сын вашего народа?

- Да, а что?

- Он же поляк.

Я горько усмехнулся. В то же время подумал, мы сами виноваты в том, что нашего генерала принимают за представителя другого народа. Не можем как следует представлять славного сына нашего народа. К тому же, некоторые товарищи по перу к месту или нет прикрепили на него ярлык царского генерала. И здесь, пользуясь моментом, из кожи вон лезу и доказываю собеседнику, что Шихлинский азербайджанский, а не польский генерал.

Я напоминаю ему слова лауреата Государственной премии, генерал-майора, доктора военных наук, профессора Евгения Захаровича Барсукова: "Генерал Али ага Шихлинский всем своим существом был предан азербайджанскому народу, выходцем которого он был, беззаветно любил его. В то же время как горячий патриот всегда был готов отдать жизнь за всю Россию и всю страну Советов" Николай Харитонович:

- Читал, - говорит, - о нем. Хотя и биолог, интересуюсь историей. Не хвалюсь, мало найдется исторических романов или историко-научных произведений, которые я бы не читал. "Порт-Артур" и "Семья Звонаревых" Александра Степанова являются моими настольными книгами. Там капитан Шихлинский, генерал Шихлинский представлен как отважный человек, таким человеком стоит гордиться. Представьте, побежденных в Порт-Артуре русских генералов Стеселя, Фока, Смирнова и других царь предал суду, а Шихлинского же наградил орденом Святого Георгия четвертой степени (в 1905 г. 28 сентября - Ш.Н.).

- Азербайджанский генерал Шихлинский, - я сознательно часто повторял "азербайджанский", чтобы оно закрепилось в сознании моего собеседника и чтоб больше он ошибался, - написал книгу своих воспоминаний. Без сомнения, вы ее читали.

- Нет, не читал. Почему она не попалась мне в глаза?

- Она издана в Азербайджане. Я ее вам обязательно пришлю...

- Ааа, вспомнил, - радостно сообщил Николай Харитонович. Его фамилию я видел в книге "Русская артиллерия в Первой мировой

войне". Однако, признаюсь, до сегодняшнего дня я думал, что он поляк. Вот теперь вы говорите, что он азербайджанец. Есть ли бесспорный факт, это подтверждающий?

Кажется влип, подумал я. Хорошо, в портфеле у меня были материалы, фотоснимки, касающиеся Али аги Шихлинского, его супруги Нигяр ханум.

- Куда пойдете после посещения Лицея-музея?- спросил я.

- В Санкт-Петербург, там остановился, гостиница "Советская".

- Какое приятное совпадение, и я там остановился, тринадцатый этаж, девятая комната. Вечером вы мой гость, тогда же подробно поговорим...

Самым радостным днем пребывания в Санкт-Петербурге я считаю 1 октября 1984 года. Книга, которую я так долго искал, нашлась. "Применение полевых артиллерии на фронте", автор полковник Шихлинский, город Луга, 1910 год.

Исходя из опыта Порт-Артура, Али ага Шихлинский в конкретной форме подготовил и научно обосновал правила применения полевой артиллерии в бою. Книга состоит из шести разделов.

В этот удачный день мне посчастливилось также заполнить изданную в 1912 году в Варшаве книгу В.Бертельса "Сведения об использовании артиллерийских приборов при ведении огня сухопутными войсками и тяжелой артиллерией крепости". Снял ксерокопии обеих книг. Во второй части книги В.Бертельс пишет о большой, незаменимом значении "Треугольника Шихлинского" для артиллерии: "При ведении артиллерийского огня "Треугольник Шихлинского" играет важную роль. Подробное описание и комметарии "Треугольника" впервые напечатаны в 1912 году. "Треугольник Шихлинского" завоевал большую славу не только в русской артиллерии, но и в артиллерии Франции, Швейцарии, Норвегии и Австрии".

Запаздавшее счастье

Сохранилась фотография Нигяр ханум Шихлинской, сделанная в начале двадцатого века. Изображена она на ней вместе с сыном. Нам хорошо известно, что Нигяр ханум 22 года состояла в браке с Али агой Шихлинским, однако от совместной жизни с генералом у нее детей не было. Тогда кто же является отцом Хосрова? Это имеет небольшую историю.

Отец Нигяр ханум муфтий Закавказья Гусейн Эфенди Гаибзаде приходился двоюродным братом матери Али аги Шах Йемен ханум.

Будучи на ответственной должности муфтия, Гусейн Эфенди Гаибзаде лично занимался воспитанием и обучением Али аги, когда тому было 12 лет. Он привез Али агу в Тифлис и поместил его в частную гимназию Семена Монастырцева. Пройдут годы и в последние годы своей жизни Али ага Шихлинский так вспомнит об этой незаменимой доброте: "Отец и мать все время жили в деревне и поэтому я полностью перешел под опеку Мирза Гусейна Эфенди. Все мое последующее воспитание находилось в его руках. Его наставления и достойная подражания личная жизнь оказали на меня огромное воздействие и оставили такой глубокий след в моем характере и мировоззрении, что я обязан этой личности, который заслуживает всяческого внимания".

Муфтий, сыгравший незаменимую роль в воспитании и обучении Али аги, вначале дал согласие на брак дочери Нигяр с ним. Хотя молодые люди не были обручены, он знал о переписке дочери и курсанта Михайловской артиллерийской школы в Петербурге Али аги. Мудрый муфтий Мирза Гусейн прекрасно понимал, что у необыкновенно талантливой Али аги блестящее будущее и поэтому в душе был согласен на этот брак.

В 1886 году Али ага с успехом завершил школу артиллеристов в Петербурге. За отличную учебу он был поощрен денежной премией и золотыми часами. В звании подпоручика он получил направление по месту службы в 39-ю артиллерийскую бригаду.

Хотя прошло пять месяцев, от Али аги никаких вестей не было. В это время князь Мамед бек Палавандов, аджарец по национальности, был назначен судьей Казахского уезда. Служивший многие годы на высоких должностях на территории Ставрополя Мамед бек еще в молодые годы хорошо знал муфтия. В те годы в несколько родствеников Мамед бека учились в Горийской семинарии. По этой причине он часто приезжал в Гори.

Они познакомились и подружились, когда муфтий преподавал в семинарии. Он пригласил Мамед бека в Тифлис, чтобы поздравить его с назначением на должность судьи Казахского уезда, откуда родом был Гусейн Эфенди. Увидев на этом торжестве Нигяр жена Мамед бека тотчас же пожелала сосватать ее за сына Дервиш бека. Мать девочки Саадат не раз дала понять, что Нигяр любима двоюродным братом. Кроме того, мать сообщила что девочка еще мала и учится. Но ничего не помогло. Ни Мамед бек, ни его настойчивая жена отставали. Кое-как получили добро от муфтия. Когда муфтию напомнили, что Нигяр и Али ага давно любят друг друга и спрашивали

почему он отдает дочь Палавандовым, какой недостаток он увидел в Али аге, муфтий полушутя-полусерьезно отвечал:

- Али ага военный, его скраб на плече. Сегодня будет жить в одном городе, завтра - в другом. К тому же он умен и талантлив. Он везде сможет найти свое счастье. Нигяр я люблю как свет очей своих. Она моя помощница в делах. Не могу я ее дальше глаз отпускать, короче, не желаю, чтобы моя дочь жила в чужих городах, среди иноверцев.

Прошли годы, накопились лета. Однако, Али ага никак не мог забыть первую любовь, не мог полюбить и жениться на другой. Вернувшегося из Порт-Артура с честью и славой Али агу Шихлинского по собственному желанию направляют в 1906 году для продолжения образования в расположенное в Царском Селе "Артиллерийская офицерскую школу". Подполковник Шихлинский с большим успехом окончил курсы и был оставлен в школе в качестве преподавателя. Построенный им "Треугольник" наделал в школе много шума в хорошем смысле этого слова, еще больше прославил его. Начальник школы вынес на совет вопрос о его научной работе. Преподаватели и профессора поручили ему составить новый задачник для офицеров. Начальник училища полный генерал артиллерии Александр Николаевич Сеницын приказал, чтобы в издаваемой книге треугольник был комментирован как "Треугольник Шихлинского".

25 ноября 1908 года в Екатеринском дворце в Царском Селе отмечался день Георгия Победоносцева. По приказу императора приглашение получили главным образом участники боев за Порт-Артур и кавалеры Георгиевского креста. В числе приглашенных был и Али ага Шихлинский. Во время представления императору от внимания последнего не ускользнуло то, что на правую ногу Али ага надел черные блестящую, а на левую - суконную туфлю.

Император с улыбкой спросил:

- Господин офицер, вы думаете, у прошедшего огонь и пламя офицера не спросят почему хромаете? Разве раны не зажили до сих пор?

- Ваше высокопревосходительство, рана выше левого колена никак не заживает. Нога не сгибается. Рана никак не заживает. По словам врачей, она глубоко въелась.

Император мягко улыбнулся:

- Награждаю вас почетным Георгиевским орденом и рекомендую лечение на Кавказских водах в течение шести месяцев за счет царь-

ской казны. Вижу, вы молодой и здоровый офицер. Еще долго сможете служить в армии. Постарайтесь, скоро вылечиться - сказал и пожал руку Али аге Шихлинскому.

Два месяца из шести, отведенных на отпуск, Али ага Шихлинский провел в Ессентуках. Рана начала постпенно заживать. Захотелось побывать в родных краях. Его приезд в Казах стал настоящим праздником. Все близкие и родтсвенники, просто односельчане и незнакомые люди приходили навещать героя Порт-Артура, звать его в гости. В один из дней из Тифлиса приехал старший сын муфтия Бахадур. Несмотря на разницу в возрасте Али ага очень любил Бахадура. - Али ага, мать тебя приглашает тебя в гости,- сказал он. - А муфтий, он что не приглашает? - пошутил Али ага. - Я и без приглашения собирался приехать. И мать моя не раз речь заводила об этом. Однако, только вот не знаю как быть с гостями? Ни дня не бывает, чтобы кто-нибудь не пришел. Да я и сам соскучился по селу, по людям. Ведь, больше десяти лет как не бывал на Родине.

После многих лет разлуки Али ага приехал в город своей молодости Тифлис и увидел с Нигяр, которую никогда не забывал.

Хотя прошло немало лет, Нигяр мало изменилась, она сохранила былую свежесть. Хоть старалась выглядеть веселой, однако в душе Нигяр скорбила и желала участия. Два года назад скончался муж Дервиш бек Палавандов. У них был сын по имени Хосров бек, которого дядя взял с собой Турцию. На днях ребенка должны были привезти к матери. Улучив момент, Али ага поговорил с Нигяр. От чистого сердца сказал, что не может ее забыть.

Узнав о намерении Али аги жениться на Нигяр, некоторые Шихлинские стали выговаривать ему, что мол мало девушек, зачем женишься на вдове. Тогда Гаибовы не сочли достойным тебя свою дочь. Муфтий из-за жадности выдал дочь за сына должностного лица и тем самым оскорбил нас. А ты снова хочешь жениться на его дочери-вдове.

Переубедить Али агу было невозможно:

- Нигяр - сказал он, моя первая любовь, первая мечта. Если даже мир перевернется, то на женюсь. Что касается девушка или вдова, то для меня приемлемо любое. Лишь бы первой любовью была Нигяр...

Вот так, 27 октября 1909 года сорокачетырехлетний Али ага Шихлинский соединился с первой любовью.

Советы великих бесполезными не бывают

Супруга Али аги Шихлинского Нигяр ханум является первой азербайджанской женщиной, работавшей на военной должности. Нигяр ханум была председателем женского комитета, которая в годы первой империалистической войны в рядах армии оказывала медицинскую помощь раненым. Обращение Шихлинской к русским женщинам, напечатанное в газете "Русский инвалид" 1 августа 1914 года, заслуживает внимания как с точки зрения патриотических чувств, так и формы выражения. Нигяр ханум очень активно занималась вопросами азербайджанской литературы. Эта самоотверженная женщина широкого кругозора и высокой культуры немало сделала для общего развития и культурного роста азербайджанского народа.

Гейдар Гусейнов, действительный член АН Азербайджана, доктор философских наук.

В личной жизни Али ага Шихлинский был преданным мужем, безгранично любящим супругу Нигяр ханум.

Евгений Барсуков, генерал-майор, доктор военных наук, профессор, лауреат Государственной премии.

Судьба распорядилась так, что у генерала Али аги Шихлинского не было детей. Он считал свою жизнь после смерти супруги Нигяр ханум совершенно бессмысленной. Так ли было на самом деле или это слова, внезапно, в порыве отчаяния сказанные выдающимся полководцем с поэтической душой?

Нигяр ханум скончалась 12 августа 1931 года. После этого генерал прожил еще тринадцать лет. Все эти тринадцать лет одиночества он ни минуты своей жизни не представлял без Нигяр ханум. Он каждый четверг посещал могилу любимой супруги, каждый год в день ее кончины давал поминальный обед.

Многочисленные представители рода Шихлинских в беседах со мной не раз говорили, что более всех генерал любил только и только супругу Нигяр ханум. Об этом не раз говорит в известном про-

изведении "Мои воспоминания", в стихах и статьях.

Во время исследований в Государственном Историческом музее Азербайджана в 1983 году в "Фонде Шихлинского" я обнаружил не распечатанное письмо. На синем конверте на русском языке было написано: *"Завещание. Открыть после моей смерти"*.

Взяв в конверт я несколько мгновений пережил нежные чувства. Глаза прослезились, а в голове метались смешанные мысли: "открыть, не открыть. Не буду ли я проклят духом этого святого человека...".

Сорок лет прошло со времени, когда 18 августа 1943 года скончался генерал Али ага Шихлинский. Грустно вздохнув смотрю на улицу. Во дворе февраль. Меня сотрясает изнутри. Такое ощущение, что февральская стужа перебралась в меня. Как человек, более-менее изучивший жизнь и деятельность Али аги Шихлинского знаю, что генерал был очень интересным человеком. Ему были присущи крепкая память, начитанность, широкий кругозор. Такой человек не способен на необдуманное действие. Исследуя его рукописи, можно убедиться, что каждой мелочи он придавал большое значение. Я был уверен, что и завещании генерала содержатся мудрые слова.

В этот момент мне в голову пришла удивительная мысль. Если сотрудники архива разрешили, я бы взял письмо и поехал с ним к родственникам Али аги Шихлинского и в присутствии распечатал бы его. Ясно, завещание в первую очередь написано для близких родственников. Я хотел прочитать это письмо вместе с родным генералу человеком, мудрым Исмаилом Шихлы. Однако, это невозможно. Это письмо не клочок бумаги. Оно опечатано, пронумеровано и стало историческим документом. Почему в таком случае этот исторический документ по сей день не привлек внимание исследователей. Может быть, просто он не попался им в глаза. Значить, повезло мне и если распечатаю конверт, то никакого греха не совершу.

Осторожно приближаю кончик карандаша к конверту. Высохший за сорок лет клей легко подчиняется. В конверте находятся четыре листа ученической тетради. Заголовок первого: "Семейное завещание", написано 30 октября 1933 года. Второе - "Родным Бахадuru и Варье" (написан в тот же день). Третье - без заглавия, проставлена дата 3 января 1938 года. Четвертое - "Последняя просьба", написана 13 марта 1942 года.

Аккуратно переписываю все четыре "Завещания" Али аги

Шихлинского и возвращаюсь домой. Всю дорогу с болью в сердце повторяю про себя предложение из второго завещания.

"Если судьбе будет угодно надолго продлить мне эту жизнь без любви, то мое "имущества" не покроет расходы на мои похороны и установку простого надгробного камня и в этом случае мое завещание будет выглядеть смешно".

Читатель, не только это предложение в завещаниях генерала Шихлинского грустно. Грустью и печалью полны все завещания одиноко проживавшего человека. В них ты станешь свидетелем его беззаветной любви к Нигяр ханум.

Я разделил скорбь мудрого генерала. Предлагая вашему вниманию завещания, я преследую одну цель: сделать причастным к оптимизму, заботам генерала Али аги Шихлинского, так много сделавшего на благо нашего народа. Советы великих бесполезными не бывают.

Все имущество, которое останется после моей смерти: мебель, посуда, одежда и другие предметы, а также оставшиеся наличные деньги - завещаю доктору Бахадуру Гаибову и его жене Гаибовой, проявивших заботу обо мне в годы одинокой жизни. Написанное подтверждаю собственной подписью. 30 октября 1933 года, Баку Али ага Шихлинский Мы, поставившие свои подписи под этой текстом, агроном Насрулла Ализаде и техник Садиг Ализаде, свидетельствуем, что Али ага Шихлинский при нашем участии составил завещание 30 октября 1933 года, при подписании находился в здоровом уме и памяти. 1.Насрулла Ализаде. 2.Садиг Ализаде.

Дорогие Бахадур и Варья!

Если судьбе будет угодно надолго продлить мне эту жизнь без любви, то мое "имущества" не покроет расходы на мои похороны и установку простого надгробного камня и в этом случае мое завещание будет выглядеть смешно.

Однако, взамен этого, я выражаю вам безграничную благодарность за то, что после кончины незабываемый моей супруги Нигяр ханум Вы окружили меня всесторонней заботой, сделали для меня прожитые без нее дни возможными и терпимыми.

Эту вековую благодарность я унесу с собой в могилу.

Пусть Бог воздаст Вам за Ваше милосердие ко мне.

***Любящий Вас Али ага Шихлинский
Баку, 30-Х-1933 год/ 3 января 1938 года***

Когда писалось завещание, у меня были некоторые ценные

вещи, которые могли бы покрыть не только заботу и моральную поддержку, оказанную мне Бахадуром и Варьей, но также частично и их материальную помощь мне.

Однако, я прожил больше, чем ожидал, что можно было продать я продал и потратил и тем самым завещание потеряло свой смысл.

Если стоимость оставшихся в доме вещей будет достаточна для похорон и простого надгробного камня, то и этому слава. Никаких поминок и объявлений не надо.

Оповестить родственников можно по телефону, а если телефона нет, то письмом.

Надгробный камень нужен лишь для того, чтобы мое имя стояло рядом с именем незабываемой моей супруги Нигяр ханум.

Али ага Шихлинский

Последняя просьба

1. Если болея я буду прикован к постели, поместите меня в больницу.
2. Если умру в больнице, то труп мой везите на кладбище, а не домой.
3. Объявление в газету не давайте.
4. Старайтесь уменьшить расходы на похороны. Завернутый в белый материал труп положите в некрашенный гроб, покрытый белым паласом.
5. Никаких поминальных обедов не надо, это всегда ненужное действие, а если учесть нынешние трудности, то и предрассудительно.
6. Похороните меня рядом с Нигяр ханум, покройте могилу плоским камнем и напишите на ней: Али ага Шихлинский - никаких дат не нужно. Ни в гроб, ни на гроб цветов не кладите.

*Али ага Шихлинский
Баку, 13.03.1942-й год*

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЖИЗНИ (документальный рассказ)

Природа щедро одарила Али агу Шихлинского огромным умом, исключительными выдающимися способностями и талантом военного искусства, мужеством и благородством характера, необычайно кипучей энергией, полной страстного порыва и деятельности, полезной для обороны Отечества.

*Евгений Барсуков генерал артиллерии,
профессор, Лауреат Государственной Премии*

Видимо таково предначертание, а может и веление судьбы. Чтобы там ни было, однако проделанная пятьдесят пять лет тому назад работа стала бесценным вкладом в военную историю нашего Азербайджана. Если в 1942 году выдающийся философ-ученый Гейдар Гусейнов не встретился бы с доживающим последние дни нашим всемирно известным полководцем Али агой Шихлинским, не появилась бы и книга "Мои воспоминания", ставшая первенцем отечественной военной мемуарной литературы. Воспоминания генерала увидели свет в 1944 году, спустя год после смерти автора. Тираж издания составил семь с половиной тысяч экземпляров. В 80-е годы невозможно было найти эту книгу, ставшую редкостью. Начиная с того времени возник "читательский голод" к нашей военной истории, воспоминаниям генерала Али аги Шихлинского.

В 1984 году благодаря заботе ныне покойного народного писателя Исмаила Шихлы военному журналисту Шамистану Назирли удалось массовым тиражом (60 тысяч) переиздать на азербайджанском и русском языках ясные как родниковая вода воспоминания генерала. Книга была снабжена комментариями, замечаниями и дополнениями Шамистана Назирли, который на основе собранных им новых фактов написал документальный рассказ «Последние годы жизни».

Генерал сильно постарел. Настолько сильно, что толком ни видел, не слышал, да и походка была не та. Полководец, некогда на коне и пешком обходивший фронты, командовавший батальонами, полками, армией, сегодня перемещался с огромным трудом. Из нескольких комнат, выделенных ему государством, он оставил себе лишь одну. И жил в ней в одиночестве. Без детей, без внуков. Судьбе было угодно лишить генерала этих даров. Но жизнь не стала для него обре-

менительной. Оптимистический взгляд, степенность, жажда жизни и пытливый ум не покинули генерала. При виде его улице прохожие указывали на него: "Это - герой Порт-Артура, бог артиллерии Али ага Шихлинский!". Так его называли с 1906 года. Так его представляли всюду.

... И ныне не умолкают пушки, стреляют ружья, умирают люди, разрушаются села, города. Его рекомендации по применению артиллерийских орудий оказали немалую услугу советским солдатам в эту войну. Из открытий русской артиллерийской науки наиболее широко применялись "Треугольник Шихлинского" и "Формула Шихлинского". А генерал находится в одиночестве, словно лев за железными воротами. Ему не стыдно за прожитые семьдесят восемь лет. Когда речь заходит о прошлом, он с гордостью вспоминал: "Я оглаживаюсь на свое прошлое со спокойной совестью и смело смотрю в глаза современников". Затем, прислонившись к столу и закрутив концы густых усов, выждав паузу, с улыбкой продолжал: "Жаль, эти дни пришлось на нашу старость".

Шестьдесят лет безупречного исполнения воинского долга снискали ему небывалую славу. Служба на Дальнем Востоке, Русско-японская и первая мировая войны, неоценимая деятельность по формированию национальной армии в 1918-1920 годах ставились в пример всем военнослужащим.

Вся эта самая благородная, незабываемая работа была сделана во имя свободы Родины. Сердце генерала наполнялось светом, в глазах играла искра, когда он рассказывал о годах военной службы. В эти минуты он словно слышал грохот орудий, отдававших салют о победе.

Только одиночество его угнетало. В эти мгновенья генерал находил утешение лишь в безмолвной беседе с самым любимым человеком. Эта была его супруга, Нигяр ханум Мирза Гусейн кызы. Она скончалась в 1931 году и с тех пор генерал "разговаривал" с фотографией, висевшей на стене. Когда генерал говорил, то голос в пустой комнате эхом возвращался к нему.

Он сидел на кресле, таком же старом как сам. Хотел прогнать из головы мысли о прошедших днях, стереть с памяти воспоминания о прожитых годах. Думая о прошлом, он невольно возвращался к образу дорогой Нигяр. Но обходится без этого, он не мог. Это было невозможно. Нигяр была рядом во время всей службы. Своими нежными руками она исцелила и помогла вернуться к жизни многим солдатам.

В комнате было холодно. Над Баку стоял густой туман. Мельчайший дождь сделал мокрый асфальт блестящим. Людей на улицах не было. Город, переживающий военное время, словно был перенесен в

иное место. Стоявший у окна генерал вспомнил сообщения Советского Информбюро, которые передавались каждое утро. Потянув за цепочку, он вынул старинные часы из кармана жилета и подвел к свету. Было без пяти минут восемь. У висящего на столбе репродуктора собралось немало людей. Генерал сел ближе к окну, чтобы лучше услышать последние новости с фронта:

"... Сегодня в боях под Сталинградом части Красной армии разгромили армию генерала Фридриха Паулюса и фельдмаршала фон Манштейна. Части освободительной Красной Армии с успехом продолжают наступление... Полная победа за нами. Гнездо озверевшего врага будет разгромлено..."

Генерал больше ничего не слышал. Он быстрыми шагами стал ходить по комнате. От радости шевеляться усы на лице. Генерал искал человека, чтобы поделиться с радостью. Повернувшись назад, он обратился к фотографии:

- Поздравляю, Нигяр моя, сыны Родины сломали хребет врагу.

Генерал, являясь внуком поэта Видади, за всю жизнь написал несколько стихов. Все они были посвящены верной подруге Нигяр ханум. Теперь ему казалось, что и уши слышат, и глаза видят. Чтение последних новостей по радио закончилось.

После небольшого марша победы диктор сказал: "У микрофона поэт Самед Вургун".

Мощный, пламенный голос поэта разнесся по городу:

*Добрые вести доходят до нас,
ряды врага рушатся каждый час!
Сдается славным воинам проклятый немец,
скоро войне наступит конец!*

В дверь постучали. Он резко пошел вперед. Подумал, возможно, это возвращающиеся с прогулки соседи Бахадур с супругой Варварой. Промелькнула мысль поцеловать обеих, поздравив их с победой. Не спрашивая, открыл дверь. Несколько растерялся, увидев в дверях молодого незнакомого человека. Спустя некоторое время спросил:

- Кого хотите?

- Вы генерал Али ага Шихлинский?

- Да, проходите.

Сделав шаг вперед, гость протянул руку:

- Я научный сотрудник академии. Меня к вам направил вице-президент Гейдар Гусейнов. Поручил помочь вам в написании воспоминаний.

- Очень хорошо, что ты пришел. Честно, мне очень трудно писать. Руки трясутся, глаза плохо видят, да и слышу неважно. А память

еще свежа. Все события, случаи помню по дням, даже по часам.

Затем указал на холодную комнату:

- Не знаю, в таких условиях это возможно?

Наутро академик Гейдар Гусейнов сам приехал к старому генералу. Выдающийся ученый с восхищением смотрел на стоящего перед ним статного, широкоплечего генерала. Словно не верил, что он жив. После чтения книги профессора Барсукова, тепло и нежно отозвавшимся о генерале Али аге Шихлинском, он поручил научному сотруднику Аведьяеву во что бы ни стало найти генерала, даже если придется обойти весь город.

Ученый и генерал сели друг против друга. Мельком оглядев комнату, ученый не обнаружил в ней ничего, кроме книг и старой мебели. В приоткрытом шкафу висел генеральский мундир. Трясущейся рукой генерал выпрямил ветку увядающего цветка, который стоял на столе.

С нескрываемым волнением гость сказал:

- Товарищ генерал. Наша академия получила только что изданные произведения генерала-профессора Евгения Барсукова. В четырехтомнике "Русская артиллерия в Первой Мировой войне" профессор с большим уважением, любовью говорит об огромной вашей славе в эпопее Порт-Артура, отмечает ваш авторитет и уважение не только среди артиллеристов, но всей русской армии.

Молча слушавший гостя генерал, скромно заметил:

- Да, перед Родиной имею кое-какие заслуги. Около двадцати лет мы служили вместе с Евгением Захаровичем. Работали в школе офицеров-артиллеристов, в городе Луга, в инспекции генералов-артиллеристов.

Гейдар Гусейнов как ребенок радовался тому, что нашел генерала. В мыслях, в душе упрекал себя, что не ищем, не находим славных сынов, коими богат наш народ. Известный русский профессор не зря вспоминает о заслугах генерала. Причем не раз и не два. Ровно в сорока одном месте Барсуков живо рассказывает о знаменитом «Треугольнике Шихлинского», о деятельности генерала в годы Первой мировой войны.

Ученый положил на стол принесенную книгу. Открыл страницу с одним из тонких вкладышей и обратился к генералу:

- С вашего позволения прочитаю один эпизод, вам тоже, наверно, будет интересно.

- Пожалуйста, - ответил генерал, - и продвинул свой стул ближе. Положив руки на колени, продолжил:

- С удовольствием послушаю.

"Генерал Али ага Шихлинский руководил операцией по прорыву

германских позиций близ Крево в 1916 году, отвечал за артиллерийскую подготовку операции на фронте десятой армии Западного фронта в июле 1917 года. Али агу Шихлинского часто можно было видеть на передовых позициях. Он проверял расположение артиллерийских частей, давал указания для более правильного размещения орудий, следил и руководил их боевыми действиями".

Гейдар Гусейнов прочитал до конца и перевернул страницу. Взглянул на генерала, молча его слушавшего. Он внимательно слушал славу, доносившуюся из прошлого. Снял вспотевшие очки и протер их. На лице проявилась едва заметная дрожь.

- А на этой странице дан текст рапорта, написанного вами в бытность командующим десятой армией, - сказал ученый.

- Интересно, я написал не одну сотню рапортов. Хотелось бы узнать, о какой операции идет речь, если она даже в книгу попала? Сынок, прошу тебя, прочитай этот отрывок.

"Началась артиллерийская подготовка. За три года войны я ни разу не видел такой блестящей операции. Поднялся дух бойцов. Даже пехота, предъявляющая высокие требования артиллерии, была довольна. Пехотинцы тридцать восьмого корпуса посчитали подготовку полностью завершённой, отказались от его продолжения ... части пошли в наступление, перешли два-три ряда окопов врага, достигли его батарей, сняли со снарядов и принесли прицелы".

- Да, припоминаю, - сказал генерал, вздохнув в полную грудь. - Спасибо, сынок...

- Еще не все прочитал, товарищ генерал, - сказал Гейдар Гусейнов и продолжил чтение. Он сам радовался тому, что обрадовал генерала.

"Али ага был очень требовательным и строгим командиром. Одновременно с этим, он был справедливым, доброжелательным, заботливым о подчиненных человеком. Они уважали и очень любили Али агу".

- Хватит, сынок, - прервал ученого генерал. Взял за кисть руки. - Здесь Евгений Захарович слишком перехвалил меня.

- Мне кажется, что хвала Евгения Захаровича соответствует вашим заслугам. А вы почему-то избегаете похвалы.

- Сынок, мы сделали ту работу не из-за хвалы. Эта был долг каждого из нас и каждый выполнил его как мог.

- Что касается долга, товарищ генерал... На этом месте Гейдар Гусейнов умолк и стал просто так перелистывать книгу.

- У меня есть просьба к вам, но вы не должны мне отказать...

- Сынок, скажи сначала, смогу ли я ее выполнить. Неужели, этот

старый человек может на что-то пригодится?

- Было бы хорошо, если и вы напишите свои воспоминания. Ваши воспоминания стали бы прекрасным подарком для наших солдат и офицеров, ведущих смертельную схватку с фашизмом.

Генерал взял в руки книгу, одел очки. Прошелся глазами по первой странице:

- Сынок, вчера у меня был ваш сотрудник и ему я сказал. Эта такая трудная работа, что один с ней я не справлюсь. Помню все, начиная с интереса к военному делу в детстве, учебу в военной гимназии, Михайловском Артиллерийском Училище в Петербурге, Русско-японскую войну, Мировую войну, деятельность в годы революции. Видимо, потому, что ни разу в жизни водку не пил, мясо не ел. Вообще, с детства у меня было отвращение к азартным играм и несвойственным людям развлечениям. Свободное время проводил за верховой ездой, за чтением книг. Возможно поэтому память у меня хорошая. Однако слух и зрение меня подводят. Видимо, постарел я. Не шутка, на жизненный путь я вступил в середине прошлого века.

Ученый очень обрадовался согласию генерала и ответил:

- Ничего, товарищ генерал. Я дам вам помощника. Вижу, что чувствуете себя неважно. Если не откажете, выделим вам комнату в первой больнице. Там вы можете и лечиться, и воспоминания диктовать. Помощник будет днем и ночью находится рядом с вами.

- Я не возражаю. Дома одному скучно. Даже читать врачи мне запретили. Однако хочу заметить - а в чем "провинился" ваш сотрудник, что его здорового помещаете в больницу...

- Это вас пусть не беспокоит. Он с радостью согласился на это. Понимает, что каждый эпизод ваших воспоминаний как воздух, как вода необходим солдатам и офицерам, переносящим ради свободы родины лишения, с призывом "За Родину" идущим на штурм врага.

- Я готов, - по-военному отчеканил генерал, - Но у меня есть одно условие. Начну с раннего детства. Потому, что самая дорогая для меня пора. Хочу напомнить вам, что мой отец Гаджи Исмаил ага Али Казах оглы был мелким собственником, принадлежал к героическому роду, начало которого восходит к 1537 году. Наш прадед Агдолаг Мухаммед был известен смелостью в Казахском уезде. У него было два сына. Старший Шихы был умным и спокойным, младший Али Казах смелым, но неуравновешенным. Я потомок Али Казаха. Раньше оба брата жили в селе Казахлы. Когда семья Шихы разрослась, по-видимому, места стало не хватать. Поэтому они переехала несколько на запад, одни обосновались у моста Сыныг, а другие - на берегу Куры. Нынешнее села Шихлы носят имя моего прадеда.

- Я слышал, что великий поэт Молла Вели Видади также приходится вам родственником?

- Приходится, сынок, - с гордостью сказал генерал. - Моя мать, Шах Йемен ханум, является внучкой Видади. Два известных поэта того времени также являются представителями нашего рода. Вы слышали о Кязым ага Салике и Мустафа аге Ариф Шихлинских?

- Да, в истории литературы были такие поэты. К сожалению, мало стихов дошло до нашего времени. Да и то благодаря Фиридун беку Кочарли...

Ученый почувствовал, что вспоминать прошлое для генерала было хоть и тяжело, но все же приятно. Здоровье подводило. Взволнованный генерал встал и взял толстую книгу с полки. Нашел нужную ему страницу. Сел в кресло и тяжело вздохнул.

- Покойный Фиридун бек Кочарли проделал огромную работу, собрав произведения азербайджанских поэтов. Вы, наверное, читали эти книги. Видите, сколько стихотворений Кязыма аги Салика и Мустафа аги Арифа даны здесь. Мустафа ага к тому же был военным. Он провел многие годы в ссылке в глубине России. Кстати, Мустафа ага и Кязым ага были родными братьями. Обратите внимание, что как в письме Салику вспоминал родину находящийся на чужбине Мустафа ага:

*Как там Казах, Шамшаддин,
Нет давно вестей оттуда,
С бедою своей остался я один,
Куда ушли вы, добрые года.*

Беседа протекала так интересно, что генерал забыл о своем недуге, а ученый - о необходимости уходить. Было ощущение, что эти два человека знают друг друга много лет. Ученый подумал про себя: "Каждый народ имеет и шута, и выдающегося полководца. Умный народ, безусловно, гордится полководцем. Мы же не интересуемся таким полководцем. Человек, некогда прозванный "Богом русской артиллерии", способный вписать немало славных страниц в военную историю народа, в одиночестве ожидает конца жизни в квартире четырнадцать на улице Джафара Джаббарлы".

- А военных было в вашем роду?

- Наш род известен рыцарством, вспыльчивостью. Поэтому нас в уезде прозвали "дяликазахлы". Первым человеком, получившим образование в роду Али Казахоглы, был мой отец. В 1804 году он в составе кавалерийского отряда участвовал в русско-персидской войне. За особые отличия в боях был удостоен награды. Первым человеком из рода Шихлинских, получившим европейское военное образование,

стал я. Отец хоть и не знал русского языка, но видимо питал большое уважение к нему. Моего брата, который старше меня на двадцать пять лет, он направил на службу в царский конвой. На присланные отцом деньги он нанял себе учителя русского языка. Через три года выдержал экзамен на офицера, получил звание кавалерийского офицера. Дать мне европейское военное образование было заветной мечтой отца. Поэтому он взял меня в Тифлис. Поручил меня двоюродному брату матери Мирзе Гусейну Эфенди Гаибзаде, известному человеку того времени, грамотному, много сделавшему для получения образования азербайджанскими детьми. Всей своей последующей деятельностью я глубоко обязан Мирзе Гусейну как учителю и как тестю.

Генерал умолк. Задумчиво погладил короткую бороду, густые усы. Вопрос гостя вернул его годам юности, затронул нежные чувства. Как будто гость привез с собой всех увиденных им бесчисленных солдат, друзей, знакомых. При слове "тесть" невольно вспомнил Нигярханум. Приложил голову к спинке кресла.

- Да, сынок, - с грустью сказал генерал, - кажется, первую главу книги мы уже написали.

Ученый почувствовал, что генерал устал. Он встал, тепло попрощался и ушел. После беседы генерал долго не мог прийти в себя. Он забыл про обед. Прошлое не отпускало его. Взгляд устремился в неизвестную точку, события выстраивались в мыслях год за годом.

... 25 ноября 1908 года. В Царском Селе отмечается праздник ордена Святого Георгия Победоносца. За отличную службу подполковнику Шихлинскому присвоено звание полковника. Десятилетний служебный долг он отдал за три года. Это событие в высших кругах, в армии расценивалось как редкий случай. Это было непостижимое для мирного времени поощрение.

Али агу представили к легендарному герою Шипки, генералу пехоты Николаю Григорьевичу Столетову. У члена Военного Совета Империи Н.Г.Столетова были большие голубые глаза и сросшиеся брови. Он пронизающим взглядом посмотрел на Али Агу и, на чистом азербайджанском сказал:

- Очень рад знакомству, господин полковник.

Али ага растерялся. Ему показалось, что он ослышался. Смирно встав перед генералом, с удивлением спросил:

- Я тоже... Здесь голос его сорвался.

- Как проходит служба, не скучаете по прелестному Кавказу?

- Работы много и скучать не приходится. однако родина она есть родина. Разве можно по ней не скучать?

- Давно расстались с Кавказом?

- Уже восемь лет, господин генерал. С вашего позволения хочу спросить, если не секрет, у кого научились так чисто разговаривать на нашем языке?

Генерал улыбнулся, по-дружески положил руку на его плечо:

- Когда я научился этому языку, ты, наверное, был маленьким. В 1860 году я находился на военной службе в Тифлисе. После Севастопольской кампании мне присвоили чин штабс-капитана и направили в распоряжение Генерального штаба Кавказской армии. Тогда и познакомился с одним молодым азербайджанцем. Он получил хорошее образование на арабском и персидском языках, а русским языком владел слабо. Но у него был большой интерес к русскому языку. Мы с ним подружились и решили, что я его буду учить русскому, а он меня азербайджанскому языку. Без азербайджанского языка трудно действовать на Кавказе. Это признание принадлежит великому поэту Лермонтову, ставшей невинной жертвой пули Мартынова.

И еще скажу, что ваш азербайджанский язык не раз помогал мне в боях при Шипке. В ходе одного из последних натисков мы пленили известного турецкого полководца Гаджи Осман Пашу. Когда я стал его допрашивать на азербайджанском языке, у него глаза полезли на лоб. Пробурчав про себя, он посмотрел на меня и гневно сказал: "продавшийся неверным кавказец".

- Скажите пожалуйста, господин генерал, не помните как звали того азербайджанца?

- Помню, конечно, помню. Мирза Гусейн Эфенди.

Али ага Шихлински радостно спросил:

- Гаибзаде, не так ли?

- Да, и вы его знаете?

- Как мне его не знать. Гусейн Эфенди приходится моей матери двоюродным братом. В то же время он мой тесть. Благодаря полученному у него образованию я достиг всего этого.

- Видите, мы оказались знакомы. Это очень хорошо. Если глубже взглянуть, то все вы кавказцы родственники. Будет время, приходите к нам, господин полковник. Мы вас угостим кавказским чаем.

- Господин генерал, если позволите, я вас приглашу на кавказский плов, приготовленный дочерью вашего старого друга

- С большим удовольствием...

Али ага Шихлинский вспомнил годы службы на Дальнем Востоке, визит в Китай, участие в Русско-японской и мировой войнах, службу в Азербайджане, встречи с такими известными государственными деятелями и выдающимися полководцами как Нариман Нариманов, генерал Самед бек Мехмандаров, Мухаммед бек Сулькевич,

Габиб бек Салимов, Михаил Фрунзе, Абдулгамид бек Гайтабашы, и дрожащей рукой делал пометки.

С того дня забытому старому генералу была назначена персональная пенсия. Врачи хоть и рекомендовали ему не волноваться, но соблюдать этот совет было трудно. Легендарный полководец не мог без волнения говорить о боевых операциях, которыми он руководил и в которых участвовал.

В апреле 1943 года он продиктовал последние страницы книги. Вспоминая о гражданском долге военного, генерал говорил: "Я всегда верно служил, служу и буду служить народу, из которого вышел, и правительству, которое он себе выбрал".

Всем существом бесконечно любившему свой народ генералу не довелось стать свидетелем ни выхода книги в свет, ни исторической победы народа в войне. Он оставил бесценный клад будущему поколению. Известная книга А.Шихлинского "Мои воспоминания" была издана через год после смерти генерала. В этой книге как в зеркале отражен его назидательный жизненный путь, военная служба.

Лауреат Государственной премии, доктор военных наук, профессор тактики артиллерии Евгений Захарович Барсуков еще раз подтвердил это в предисловии книге:

"Али ага Шихлинского не стало, его нет в рядах доблестной артиллерии нашей Армии, но все созданное им осталось в боевых традициях русской артиллерии, продолжает жить и будет жить. Лучшие из этих традиций полностью восприняты славными нашими советскими артиллеристами, и они, верные им, вдохновляемые подвигами русской артиллерии в прошлом, - и в дни Великой Отечественной войны с немецко-фашистскими захватчиками беспощадно уничтожают врага, своим огнем оказывая мощное содействие доблестной Красной Армии отстаивать честь и независимость своей Родины».

В направленном в 1944 году письме в Академию наук профессор писал: "Уважаемый товарищ Гусейнов! От всей души благодарю вас за присланные шесть экземпляров книги Али аги Шихлинского. Эти книги я дал товарищам маршалу Воронову, Яковлеву, Прочко, Хохлову и Самсонову. Кроме этого, прошу вас, если можно прислать еще шесть экземпляров книги для вручения их директору Института истории АН СССР академику Грекову, некоторым членам командования славной Красной Армии, проявившим интерес к книге Али аги Шихлинского "Мои воспоминания"

Высказывания генерала Али аги Шихлинского

Человек обычный, возомнивший себя гением – величайший глупец. Человек не ангел и не животное, но, вообразив себя ангелом, оказывается в скотском положении.

* * *

В 1880 году Али ага Шихлинский, курсант Тифлисского кадетского корпуса, как-то вместе с товарищами выходит в город на прогулку. Молодые люди подходят к силовым весам и принимаются демонстрировать друг другу свои мускульные возможности. На предложение принять участие Али ага говорит: давайте я сорву их со стены (весы в то время крепились на стене, и упражняющийся тянул их на себя).

- Али ага, ты шутишь? Если потянешь семь раз, ты победитель.

- Сынок, вначале потяни, а потом уже похвались, - заметил весовщик насмешливо. Али ага взялся и так дернул, что начисто сорвал весы со стены. Пораженный весовщик заметил:

- Да, сынок, ты и впрямь силен и имеешь право похвалиться силой. Тому, кто сумеет потянуть 5 раз, достаются шесть рублей. Тебе же причитаются десять рублей, возьми.

- Мне десять рублей не нужны, - отозвался Али ага. - Я просто хотел показать вам, что есть мужчины, которые выдергивают весы со стены.

* * *

Наутро после переворота 28 апреля 1920 года арестованному генералу Али аге Шихлинскому чекист задает вопрос:

Интересы каких партий или революций защищаете?

- К любой революции отношусь как к контрреволюции. Никогда в подобные вещи не ввязывался и не стану ввязываться.

* * *

20 февраля 1919 года, выступая перед бойцами молодой азербайджанской армии в Гяндже, генерал Али ага Шихлинский сказал:

- Азербайджанцы должны раз и навсегда запомнить, что своя армия не благотворительное общество и существует не для того, чтобы каждый занял в ней удобное для себя место. Армия - опора Родины, в нее должны вступать самые лучшие. Люди, ставящие свои личные интересы превыше интересов родной страны и народа, стоят немного, и армия без сожаления расстается с ними. Пусть никчемные, думающие лишь о себе люди не доставляют армии лишних хлопот. Такие не принесут пользы ни на какой государственной службе.

* * *

В апрельские дни 1920 года руководители правительства Азербайджана убегали из страны. Заместитель министра внутренних дел АДР Шафи бек Рустамбеков спросил А.Шихлинского:

- Ну как, генерал, не бежите?
- С чего это мне бежать из собственной страны?

- Вас же убьют.

- Видите ли, если эти пришедшие люди умные, то убивать меня не станут, поскольку я им пригожусь. Ну, а от дураков нигде не спасешься. Так что покидать Родину в момент, когда она так нуждается в людях, я не стану.

* * *

В 1919 году генерал Али ага Шихлинский, выступая перед молодыми людьми, отправляющимся на учебу за границу, сказал:

- Любовь к родине начинается с семьи и школы.

* * *

Ответ Али ага Шихлинского философу Гейдару Гусейнову, предложившему в 1942 году генералу написать книгу воспоминаний: "Моя военная служба была счастливой. С курсантской поры до ухода в отставку меня не постигала неудача. С юношеским азартом иноходца я бросался вперед и нашел свое место в жизни. Не раз на себе испытал старую русскую пословицу "не родись красивый, а родись счастливый". Как на военной службе, так и в личной жизни счастье никогда не обходило меня стороной. Я никогда не гнался за чином, званием, оно само шло за мной. Можно даже сказать, что чин, звание само бежало мне навстречу. Поэтому я с чистой совестью смотрю на свое прошлое и смело в лицо современников".

* * *

"Три года как наши студенты лишены университета. Студенты направляются в Америку. Познав Запад, следует вернуться готовым к современному миру. Идти на Запад с высоким идеалом. Отправляющиеся в Америку и Европу должны знать, почему и зачем они едут. Получившие образование в России должны жить национальной жизнью. Нельзя, чтобы Ильясы становились Ильями, Мухаммеды - Мишами, Вели - Васями и Владимирями. Они должны вернуться на родину с высокими идеалами, национальными чувствами.

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ – ПЛЕМЯННИКИ ГЕНЕРАЛА АЛИ АГА ШИХЛИНСКОГО

*Если не вдохновимся отчим краем,
То время нас, как дерево, иссушит.
Не вспомним прадедов за чашкой чая,
Не вспомнят завтра нас и внуки.*

*Гусейн Ариф,
Народный поэт Азербайджана*

В советский период истории не принято было говорить о многих наших военнослужащих, живших до «красной революции». Особенно о генералах и офицерах, служивших в армии Азербайджанской Демократической Республики. Если и назывались чьи-то имена, то приходилось вопреки истине обязательно указывать, что такой-то горячо приветствовал советскую власть.

Вот так и чернили более семидесяти лет сотни, тысячи наших сыновей и дочерей. Есть среди них и такие, чьи имена нигде не упоминались. Даже близкие родственники иной раз опасались называть их имена. Этого требовало время, эпоха. Мы далеки от мысли обвинять тех родственников, которые оказались под мощным давлением тоталитарного режима. При общественном строе, где муллу ссылали в Сибирь за чтение Корана, как можно обвинять дядю, не упомянувшего в своих воспоминаниях племянника, сражавшегося против ненавистной XI Красной армии. Представьте себе его судьбу в период, когда слагались песни, восхвалявшие на все лады «доблестную Красную армию».

Полный генерал артиллерии Али ага Шихлинский на 22-й странице книги «Воспоминания», изданной в 1942 году пишет: «В 1896 году инспектировавший бригаду начальник артиллерии округа генерал-лейтенант Баумгартен, указывая на меня, сказал командиру бригады князю Химшиеву: «Этот офицер – очень умный человек, представляю его тебе». Князь Химшиев ответил: «Вы видели его в юнкерстве, а мы уже десять лет видим его способности и по достоинству оцениваем их». В приказе по итогам инспектирования начальник учебной команды написал: «учебная команда 39-й артиллерийской бригады находится в отрядном состоянии...». Затем в своем приказе он

перечисляет преимущества нашей команды и объявляет мне благодарность.

...В 1896 году сын моего родного брата, молодой офицер перешел в нашу бригаду. Начальник артиллерии генерал-лейтенант Паршевский сказал, что офицеры освобождаются от дачи ему указаний. Потому что для него существует образец – дядя Али ага Шихлинский».

В 1983 году, когда готовилось новое издание книги генерала, довелось мне писать главу «Примечания и разъяснения». Поневоле пришлось поинтересоваться племянником генерала, вышеупомянутым молодым офицером. В Баку о нем не нашел никаких сведений. Побывав как-то в Казахе спросил у аксакалов, как звали племянника Алиага Шихлинского, военнослужащего. Они же, в свою очередь, справились, мол, какого военнослужащего-племянника имеете виду, их у генерала было двое: Джавад бек и Рустам бек Шихлинские.

Таким образом, возникло еще одно затруднение.

Узнал, что дочь полковника Рустам бека живет в Казахе. Позвонил, выразил желание встретиться. Телефонный разговор с Адилей ханум не установил моста доверия. Она посетовала на представителей прессы. Сказала, что во время съемок фильма «Кура неукротимая» один режиссер забрал много фотоснимков, до сих пор они не возвращены, пропала и фотография деда Али ага верхом на белом коне.

Справедливо выражала недовольство эта женщина. После нашей беседы с Адилей ханум я не стал настаивать. Она говорила очень огорченно, я понял, что потеря фотоснимков ее родных тяжело опечалила ее. И еще я почувствовал, что Адилей ханум остерегается говорить о Джавад беке Шихлинском...

Спустя короткое время, познакомился с молодым представителем рода Шихлинских. Между делом, спросил об имени молодого офицера. Он уверенно сказал, что имя молодого офицера, о котором опасался говорить дед Али ага, Джавад бек Шихлинский. Поверив его словам, на 211-й странице книги «Воспоминания» дал следующее разъяснение: «Этот молодой офицер Джавад бек Мамедага оглы Шихлинский, возвысившийся впоследствии до звания генерал-майора».

Для уточнения периода жизни отца генерала Джавад бека и полковника Рустам бека Мамед аги обратимся к воспоминаниям Али аги Шихлинского: «Приехав в Бум (село в Габалинском районе – Ш.Н.) и Куткашен узнал, что Исмаил бек Куткашенлы – поэт, в то же время знаменитый и славный человек, причем куткашенец. Об этом сообщил

мне родной, по возрасту старше меня на двадцать пять лет брат Мамед ага Шихлинский, работавший заместителем уездного начальника в Шеки» (А.Шихлинский. «О Куткашене», институт рукописей, арх.38 Г-11 (250).

О Мамед аге Шихлинском вновь читаем в книге «Воспоминания» генерала: (стр.14, издание 1984 года). «Мой отец не знал русского языка. Старший брат, по возрасту на двадцать пять лет старше меня, был направлен в царский конвой. Взятые у отца деньги он тратил не на развлечения, как другие конвоиры, а на учебы. Нанял учителя, освоил русский язык: спустя три года он сдал экзамены по несложной программе и получил звание рядового корнета, в то время как его товарищи только через год смогли стать милицейскими прапорщиками. Второй брат, старше меня на двадцать два года, был малограмотным, плохо говорил по-русски. Другие братья скончались еще во младенчестве».

Отсюда узнаем, что старший брат Мамед ага родился в 1837 году, а младший Осман ага – в 1841 году, а скончался в 1908 году. Поручик Мамед ага Шихлинский скончался в 1889 году.

Хоть и поверил близкому родственнику генерала, но в душе зародились недоверчивость, беспокойство. Работая в архивах, нигде не сталкивался с упоминаниями о Джавад беке. Не попадались на глаза даже его фотографии. Бесплодность поисков наталкивала на подозрение: а существовал ли вообще такой офицер? С другой стороны, не мог усомниться в энциклопедических знаниях Али аги Шихлинского, его феноменальной памяти. Не раз сравнивал с данными в военных энциклопедиях имена и фамилии, должности десятков военнослужащих, представителей других профессий, встречавшихся в 200-страничной книге «Воспоминания». И не нашел ни единой, даже мелкой ошибки в работе старого, восьмидесятилетнего генерала.

Али ага Шихлинский обратился к воспоминаниям в 1942 году. Еще были свежи в памяти репрессии 1930-х годов. Деятельный руководитель гянджинского восстания против захватнической XI Красной армии генерал Джавад бек Шихлинский имигрировал в Иран. Поэтому генерал и не стал называть его имени.

Что же теперь делать? Как и откуда узнать о деятельности генерала Джавад бека Шихлинского? И еще подумал, кто же согласится напечатать статью о нем?

А аксакалы Казаха, как бы подзадоривая меня, на пиршествах и траурных церемониях восхваляли Джавад бека. А когда я желал под-

робнее узнать о его военной деятельности, тут же меняли тему разговора со словами «поговорим в другой раз». Действительно, выпустив стрелу, прятали лук. Чувствовал, чего-то боятся, остерегаются аксакалы. Откуда им было знать, что сменится эпоха, оживут под яркими лучами солнца темные страницы истории. Нынче наступило это время, но к сожалению, не осталось уже тех хорошо информированных старцев. Они забрали с собой в лучший из миров воспоминания о Джавад беке и его брате полковнике Рустам беке. Лишь один из них - Абдулла Бабанлы помог мне в некоторых вопросах.

Помню, тогда же речь зашла о полковнике Джахангир беке Шихлинском. Несколько аксакалов с гордостью говорили о его деятельности в 1918-920 годах. Сказали, что Джахангир бек вместе с единомышленниками Мамед Коха Махмудовым из Дашсалахлы, Сеюн беком Субханвердихановым, Мадад беком Векиловым, Михаил агой из Аскипара сражались с армянскими дашнаками, грузинскими меньшевиками, защищали родную землю.

Я рассказал им эпизод, приведенный в книге «История Азербайджана».

- Там написано, что в 1915 году рабочие фабрики (неизвестно какой - Ш.Н.) провели забастовку, требуя повышения заработной платы. Пришлось владельцу предприятия накинуть на жалование пять копеек. Однако рабочие отказались от такой милостыни и не вышли на работу. Видя решительность забастовщиков, заместитель уездного начальника Джахангир бек Шихлинский вызывает пятерых представителей рабочих и угрожает им арестом. Приказывает выйти на работу. Полицейские берут фабрику в осаду. Но бастующие добиваются своих требований, их зарплата повышается с пяти до пятнадцати копеек, к тому же рабочее время сокращается на полчаса...

Тут не смог сдержаться аксакал-просветитель Абдулла Бабанлы:

- Все это неправда, сынок. Во-первых, в Казахе никогда не было такой фабрики. И тогда, и сейчас у нас существовали мелкие цеха по производству ковров, головных платков, мороженого и конфет. Владельцами этих цехов и магазинов до революции являлись братья Мамедали, Абдулали, Мирзавели и другие, известные как дети Гаджи Расула. Это были доброжелательные люди, помогавшие сиротам, бедным. В одном из магазинов за каждый приобретенный головной платок дарили другой. Они не занимались мелкой торговлей, а были настоящими купцами. Я старше века (XX века), как же получается, что не видел и не слышал о такой забастовке. Нелепицу несет твоя

книга «История Азербайджана...».

Каюсь, прочитав эти строки хорошо знакомого мне профессора-историка поверил в то, что Джавад бек Шихлинский является врагом народа. Не поленился, прочитал Абдулле муаллиму и другие предложения: «Непосредственными организаторами мятежа были мусаватский генерал Джавад бек Шихлинский, полковник Джахангир бек Кязымбеков, генерал Магомед Мирза Каджар, известные мусаватисты братья Хан Хойские и другие.

Мятежники - контрреволюционные элементы, имели в распоряжении большой отряд в десять-двенадцать тысяч человек и три артиллерийские бригады.

26 мая мятежники овладели военным арсеналом, захватили железнодорожный вокзал. Мусаватисты распространяли среди городского населения клеветнические измышления в отношении большевиков, будто против новой власти взбунтовался весь Азербайджан».

Как только я закончил чтение, Абдулла муаллим прошелся дрожащими, сухими пальцами по странице книги и сказал:

- Если в этой писанине зачеркнуть слова «изменники», «клевета», «ложь», «контрреволюция» и вместо «мятеж» и «мятежники» написать «смелые повстанцы», то мнение профессора будет правильным.

Конечно, все это Абдулла муаллим говорил мне наедине, причем, вполголоса, с осторожностью. Тогда еще не было ни демократии, ни гласности.

Несказанно обрадовался, обнаружив в 1991 году одну книгу в архиве. Обрадовался от того, что удостоверился в правоте написанного Али агой Шихлинским и в верности слов его родственника. Это еще раз подтвердила справочная книга «Кавказский календарь», изданная в 1912 году в типографии Кавказского наместничества. На 489-й странице есть следующее примечание: «Командир 39-й артиллерийской бригады генерал-майор Калинин, а командир первой роты капитан Джавад бек Шилинский».

Хочу представить вниманию читателей короткие отрывки из этой книги. Потому что в них есть информация о видных военнослужащих - сынах нашего народа.

479-я страница: «Несут службу инспектор артиллерии корпуса 1-й Кавказской армии генерал-лейтенант Самед бек Мехмандаров, командир первого дивизиона 52-й артиллерийской бригады Асад бек

Талышханов, шталмейстер (кавалерийский офицер в армии - Ш.Н.) в военном штабе Кавказского наместничества Бахрам хан Нахичеванский».

136-я страница: - Повествуется о прапорщике Тертерской волости Джаванширского уезда Гярай беке Векилове, деятельности в Карасаккале Исфендияр бека Мурадова (сын сестры генерала А.Шихлинского. Непродолжительный период был начальником Казахского уезда. В мае 1920 года обвинен большевиками и за участие в Гянджинском восстании расстрелян вместе со знаменитым литературоведом Фиридун беком Кочярли, доктором Меджид беком Векиловым и учителем Надир беком Дагкясаманли - Ш.Н., помощнике старшины Казахского уезда Джахангир беке Шихлинском и Меджид беке Шихлинском.

На 529-й странице указывается, что Али ага Шихлинский является командиром первого полка 22-й артиллерийской бригады.

Воодушевившись находками в «Кавказском календаре» в сентябре 1990 года в передаче «Наши генералы» провел опрос относительно генерала Джавад бека Шихлинского. Спустя два дня позвонил знакомый человек. Сказал, что слушал мое выступление. Поблагодарил за информацию о дедах Джавад беке и Рустам беке Шихлинских. Посетовал, что в передаче не показали фотографии.

- Брат, нет их, ни в одном архиве не нашел. В передаче я попросил выслать их фотоснимки, если таковые имеются. Если, действительно, эти мужчины - твои предки, то помоги, найди их снимки, - сказал я.

- Они имеются, - уверенно ответил голос в трубке.

Я не мог не воскликнуть:

- Где, у кого?

- У мамы, в Казахе. Несколько лет назад вы говорили с ней на эту тему по телефону. Мама же всегда осторожничает, когда речь заходит о ее деде Джавад беке. Да и после пропажи фотоснимков она никому не верит. После передачи она позвонила из Казахстана, сказала, что следит за телетрансляциями, читает опубликованные в газетах статьи, поэтому может вам доверить фотографии...

Моим собеседником был сын Адили ханум Шихлинской Рустам. Выразил благодарность внуку полковника Рустам бека и спустя десять лет с новой надеждой отправился в Казах. Не забыл захватить с собой и два редких снимка, найденных в Республиканском архиве кинофотодокументов. На них были изображены генералы и офицеры, слу-

жившие в 1919 году в армии Азербайджанской Демократической Республики. На обеих фотографиях отчетливо просматривались имя и фамилия одного молодого офицера: Бахадур бек Векилов.

С первой же встречи попросили прощение друг у друга. Адиля ханум тоскливо призналась, что гнетут ее воспоминания, двадцатые и тридцатые годы нанесли немало незаживающих ран их семье. Сказала, что десять лет назад еще саднила тяжелая рана. Говорю, мол, о фотоснимках, среди которых была и фотография деда Али аги верхом на белом коне. Сама виновата, надо было снять копии, оставить у себя. Рустам долго искал того режиссера. Оказалось, он скончался. Так и исчезли бесследно фотоснимки. Да ладно, что было, то прошло... Кое-что у меня все-таки сохранилось.

Адиля ханум положила на стол «николаевский альбом». На первой же странице фотография офицера в черкеске... Как знакомы мне эти большие серые глаза. Заметив, что я внимательно разглядываю снимок, Адиля ханум сказала:

- Это - мой дядя. Он был офицером мусаватской армии, за что и расстреляли его большевики в двадцатом...

Непередаваемая волна печали всколыхнула мое нутро. В такие минуты не находишь сил, чтобы выразить утешение собеседнику. Внутреннее смятение, голос совести восстают против совершенной несправедливости, зверства. Остается лишь глубоко вздохнуть и произнести «очень жаль». Потому что нет оправдания тем, кто пролил невинную кровь, обрек на гибель ни в чем не повинных людей. Таких сегодня судит история. На своих страницах она выносит палачам беспощадный приговор, хоть и поздно, но называет вещи своими именами.

Чтобы прервать тягостное молчание, спрашиваю:

- Как звали вашего дядю, Адиля ханум?

- Бахадур бек Векилов, капитан национальной армии...

- Не может быть, - не помня себя, громко сказал я. - Прошу, обратите внимание на эти снимки...

Я протянул привезенные с собой две фотографии женщине.

- Здесь, прямо в центре - дядя Бахадур. - Она посмотрела на второй снимок. - И тут он, моя дядя... У нас нет таких снимков. Откуда они у вас?

- Нашел в архиве, - ответил я.

- Ой, как хорошо, что вы их обнаружили, большое спасибо. Моя мама Беюкханум из рода Векиловых. Она - дочь Ибрагима аги. Не ге-

нерала-топографа Ибрагима аги, а сына моего деда Панаха аги Векилова. У мамы было два брата: Исфендияр бек и Бахадур бек. Старший мой дядя Исфендияр в 1907 году окончил Горийскую семинарию. Какой-то период работал учителем в Бакинской русско-татарской школе. Летом 1910 года в Дилижане отмечалось 25-летие литературной деятельности видного просветителя Ахмед аги Мустафаева. Дядя был организатором юбилейных торжеств. Собирал пожертвования для издания «Хоп-хопнамэ» великого поэта М.А.Сабира. В 1918 году, когда открылась Казахская семинария, Фиридун бек Кочярли пригласил его в Казах. Здесь он преподавал Самеду Вургуну, Сейфулле Шамилову, Миркасыму Эфендиеву, Осману Сарывелли, Мехти Гусейну, Мехтихану Векилову и сотням других семинаристов. Когда установилась власть большевиков, его за контрреволюционно-мусаватскую деятельность сослали в Соловецкий концлагерь. Много родственников с маминой стороны прошли Соловецкий ад. А член мусаватского парламента Рагим бек Векилов, просветитель Закария Векилов, Мамедгасан Векилов-Бахарлы, директор Бакинского Дарюлмуаллимата (женская семинария – Ш.Н.) Медина ханум Векилова-Гиясбейли были расстреляны в 1937 году. Член азербайджанского парламента, второй лидер мусаватской партии Мустафа ага Надирбек оглы Векилов в 1920 году эмигрировал в Турцию... После десятилетнего заключения в Соловках в ноябре 1936 года Исфендияр бек Векилов вернулся на родину. До конца жизни работал учителем. У скончавшегося в 1960 году дяди остались сын и дочь. Сын Ибрагим Векилов - полковник в отставке. Младший дядя - Бахадур бек Векилов. Как я уже говорила, был расстрелян большевиками совсем молодым в двадцатом году, он даже не успел обзавестись семьей. На снимке, который вы показали, проставлена дата?

- Да, 1919 год, - ответил я.

- Значит, фотоснимок - мой ровесник, - Адиля ханум скорбно покачала головой. Узорчатым платком вытерла выступившие слезы.

- Адиля ханум, неслучайно большевики уничтожили, сослали столько ваших родственников с маминой стороны. Рагим бек Векилов был членом мусаватского парламента и, кроме этого, ваш род относится к дворянским. Особенно много было просветителей. Работая в архиве Горийской семинарии в Тбилиси, поинтересовался, сколько Векиловых учились в этом учебном заведении. Насчитал одиннадцать человек. А ведь некоторые окончили и Казахскую семинарию... А зачем подверглась репрессиям отцовская сторона?

- И со стороны отца имелись беки. До сих пор остались земли, именуемые «Агалыг» и принадлежавшие Шихлинским. Места на берегу Куры, не доезжая до Шихлы I, значились за Шихлинскими. Нынче там заложены виноградники... Отца полковника Рустам бека Шихлинского большевики тоже расстреляли в 1920 году. Наша семья переехала из Баку в Казах. Затем вспыхнул гянджинский мятеж. Дядя Джавад уехал в Иран. В доме не осталось мужчин. Мама работала портнихой в Казахской артели, кое-как обходились. Никогда не забуду событие, случившееся в 1932 году. Вовсю развернулись так называемые «чистки». В один из дней комсомольцы позвали маму в клуб. Она никогда не появлялась в общественных местах, не хотела идти, стеснялась. Сказали, что из Баку приехал представитель, ответственный за «чистку», если не пойдешь, положение твое станет угрожающим. Вышлют как «кулачку», пожалей детей. Тогда мама решила взять меня с собой. Началось собрание. Поставили на голосование вопрос лишать или нет голоса Бююкханум Ибрагимага кызы Шихлинскую. С мест многие говорили, что эта беспомощная женщина, у которой расстреляны муж, деверь, один из братьев, а другой находится в ссылке, поэтому ее можно простить. В это время попросил слова один комсомолец - сын нашего бывшего слуги. Мама немного приободрилась. Стеснительная женщина впервые подняла голову и с надеждой посмотрела на трибуну. Комсомолец пламенно говорил о Ленине, Сталине, пролетариате. На чем свет стоит ругал беков, дворян, затем повернулся к маме и протянул в ее сторону руку:

- Она - из рода Векиловых и Шихлинских! Они пролили море пролетарской крови. Ее надо лишить голоса. Баста!

После этих слов он гордо прошествовал на свое место. Маму уволили с работы, лишили прав. Так наша семья стала изгоем. Слова не дали сказать бедной маме.

Свет не без добрых людей, сынок. Спустя некоторое время мама обратилась к уважаемым людям той эпохи Гамиду Эфендиеву и Саяду Бахарзалову. Они были совестливыми людьми, несмотря на принадлежность к коммунистической партии. Маме вернули избирательное право, восстановили на работе. В то время дядя Джавад бек жил в Иране. Граница была не на крепком замке, многим удавалось проникнуть за кордон и вернуться обратно. Пришла весть о том, что генерал Джавад бек Шихлинский является командиром Ардебильского гарнизона. В национальной армии Азербайджана ему присвоили звание генерал-майора. Если не ошибаюсь, мама рассказывала, что этот

высокий чин он получил в девятнадцатом году. Отец и дядя участвовали в Первой мировой войне, сражались в составе Татарского полка, оба были удостоены орденов «Святой Георгий» и «Святой Владимир». В 30-40-е годы, когда с того берега приходили вести о Джавад беке, наши старики шепотом говорили, что он в военном деле был сноровистее моего отца, таким же удалцом, как и его дядя Али ага Шихлинский. До 1946 года слышали, что дядя жив, женился, имеет двоих сыновей и дочь - Чингиза, Назира и Говхар.

- Кто был старше - Джавад бек или ваш отец Рустам бек?

- Дядя Джавад родился в 1874 году. Обзавелся семьей, когда возраст его перешагнул за сорок лет. Вообще, в роду Шихлинских немало было таких мужчин.

- Адиля ханум, подтверждение тому генерал Али ага Шихлинский. Он тоже женился поздно, в сорок четыре года.

- Помню, мама рассказывала, что телосложением, деловитостью, характером Джавад бек походил на своего дядю Али ага Шихлинского. Отца и дядю дед Али ага определил в Тифлисский кадетский корпус, где учились дети из аристократических семей. После окончания этого учебного заведения обоих забирает в Петербург, где они поступают в Михайловское артиллерийское училище, где в свое время учился дед Али ага (до этого Джавад бек окончил Константиновское военное училище по первой степени - Ш.Н.). Отец был на два три моложе дяди. Рустам бек родился в 1877 году. Оба появились на свет в Казахе. Узнала я все это от мамы, она когда-то изложила воспоминания на бумаге, вот только не помню, куда я положила ее записи... Мама писала все это еще до начала войны. Говорила ей, мама, порви, выброси записки, зачем они тебе. Вдруг стряется что-нибудь, навлечем на себя беду. Мама же спокойно говорила: «Нет, дочка, придет время, понадобятся они, поверь мне, не должны быть преданы забвению имена таких мужчин».

Да, Адиля ханум, не забыты беспримерные заслуги вашего дяди Джавад бека и отца Рустам бека в Азербайджанской национальной армии. В статье «Путь, пройденный Азербайджанской национальной армией», вышедшей из-под пера выдающегося сына нашего народа Мирзабалы Мамедзаде, есть информация о генерале Джавад беке и полковнике Рустам беке: «В 1918 году в Агдаме открылась подготовительная школа, принадлежавшая пулеметной роте. Вслед за ней была организована артиллерийская часть под командой полковника Рустам бека из Шихлы, казненного впоследствии большевиками».

Автор далее пишет, что командиром первой дивизии в созданной мусаватской армии был Джавад бек Шихлинский.

В официальном документе, полученном из Центрального архива военной истории России, содержится информация о братьях Джавад беке и Рустам беке Шихлинских. Он свидетельствует об их деятельности до 1917 года.

В служебной книжке, составленной 12 января 1914 года, указывается, что подполковник Джавад бек Шихлинский родился 3 января 1874 года в Казахском уезде Гянджинской губернии в бекской семье. После получения начального военного образования в Тифлисском кадетском корпусе юнкер Джавад бек 28 августа 1892 года оканчивает по первой степени Константиновское военное училище в Петербурге и удостоивается звания подпоручика. Для продолжения образования поступает в училище офицеров-артиллеристов.

Недолгое время служит в артиллерийской батарее в городе Кременчуг. 9 мая 1895 года командирится в 39-ю артиллерийскую бригаду. Назначается на должность преподавателя по учебной работе. 18 августа направляется в Казахский уезд. Цель - сбор лошадей для кавалерийской армии. В последующие годы Джавад бек Шихлинский проходит службу в Карсе и Александрополе и 19 августа 1901 года получает звание штабс-капитана.

28 марта 1904 году командир пятой батареи, расположенной в городе Карсе, Джавад бек за отличия в службе удостоивается ордена «Святого Станислава» третьей степени.

Джавад беку приходилось часто менять место службы - Иран, Иреван, территории Гомбари и Мухраван Тифлисской губернии, Царское Село. И везде офицер-азербайджанец оставил о себе добрую память. 21 февраля 1913 года в честь 300-летия восшествия на престол династии Романовых, он удостоивается памятной медали и получает звание подполковника.

Из документов становится ясно, что с первого дня службы Джавад бек был образцовым офицером, никогда не получал взысканий. Задания начальства выполнял в срок и на высоком уровне.

В 1913-1914 годах подполковник Джавад бек Шихлинский назначается командиром 23-го дивизиона крупнокалиберной артиллерии. 10 февраля 1916 года он становится командиром четвертой батареи 45-й артиллерийской бригады. 22 апреля 1917 года Джавад беку Шихлинскому присваивается звание полковника.

За двадцать три года службы в царской армии заслуги Джавад

бека Мамедага оглы Шихлинского были оценены по достоинству. Ему присваивались ордена «Святой Анны» третьей степени (16.03.1908), «Святого Станислава» второй степени (02.03.1911), «Святой Анны» второй степени (15.02.1914), «Святого Владимира» четвертой степени (31.01.1915), «Святого Владимира» четвертой степени (вместе с мечом и бантом, 29.09.1915), «Святой Анны» второй степени (вместе с мечом, 21.10.1916), «Святого Владимира» третьей степени (вместе с мечом, 02.12.1916), «Святого Владимира» третьей степени (03.10.1917). Дважды - 5 марта 1916 года и 14 октября того же года Джавад бек удостоивался поощрений Верховного Главнокомандующего.

Обосновавшиеся в Зангезуре армяне при подстрекательстве дашнаков пытались подчинить себе эту область и открыто игнорировали распоряжения азербайджанского правительства. В октябре 1919 года под командованием генерала Джавад бека Шихлинского началось наступление против зангезурских армян. Поход продолжался более одного месяца.

Джавад бек разрушает укрепления армянских воинских частей на территории села Дыг и очищает этот населенный пункт от врага. Вскоре из-за вмешательства англичан наступление задерживается. На основе соглашения, заключенного 23 ноября, армянские вооруженные формирования покидают Зангезур.

В Центральном государственном архиве сохранилась телеграмма, направленная в Военное министерство Джавад беком Шихлинским 8 ноября 1919 года.

«Учитывая утомляемость личного состава и невозможность осуществления дальнейшего контроля над селом Дыг, принял решение перевести группу на северный берег реки Забых и занять здесь выгодные позиции.

Все части благополучно перешли реку и заняли заранее определенные позиции. На спуске одно из орудий сошло с дороги и упало в ущелье, вытащить его не удалось. Разобрали орудийный замок, колеса, другие составные части. Орудие находится недалеко от наших позиций, постараюсь до девятого числа извлечь его из ущелья. Для выполнения моих приказов в село Абдаллар прибыл отряд Ядигярова.

Хочу особо отметить смелость героически павших подпрапорщика Джаванширского полка Мурадова и прапорщика Закатальского полка Казиева. Не могу не отметить смелость подполковника Новрузова, имеющего боевые заслуги в нашей артиллерии. Наши потери та-

ковы: в Закатальском полку убиты сорок человек, ранены пятьдесят. В Джаванширском убиты пять человек, ранения получили двадцать человек. В Шекинском полку ранены двое, в Карабахском полку ранены два бойца и один артиллерист. Из офицеров погибли трое, четверо получили ранения. О других потерях сообщу дополнительно.

*Генерал Джавад бек Шихлинский,
село Абдаллар».*

Когда в марте 1920 года армянские дашнаки перешли в мощное наступление на карабахском направлении, генерал-майор Джавад бек Шихлинский находился в передовых рядах сражающейся азербайджанской армии. Сохранились три срочные телеграммы, отправленные им в те дни Совету министров и председателю Комитета государственной обороны Насиб беку Усуббейли.

«23 марта 1920 года¹. Сегодня до утреннего рассвета армяне напали на Аскеран, завладели частью крепости. Сведения, посылаемые мной по телеграфной линии, обрываются на почте. Я случайно прибыл сюда. Посчитал своим долгом поставить вас в известность о чрезвычайном событии. Вместе с местным уездным начальником собираем вспомогательные воинские части. Эти сведения передал также в Барду и Тертер.

*Генерал Джавад бек Шихлинский.
Агдам».*

«Насиб беку Усуббейли. Армяне уже овладели Аскераном. По полученной информации, армяне установили контроль за всеми прилегающими высотами. По свидетельствам бежавших из Аскерана урядника и стражника, рано утром начались бои в направлении Ханкенди. Пока наступила небольшая передышка. В небе густой туман. Наши партизаны вернули себе позиции в Аскеране и Агдаме. Продолжаются бои против армян. При содействии члена парламента Кара бека Аливердиева созданы Комитет обороны и отделение по лечению раненых.

*Генерал Джавад бек Шихлинский.
Агдам».*

«Насиб беку Усуббекову. Часть аскеранской крепости занята нами после проведенной боевой операции. Здесь нет никого из представителей правительства. Не удалось найти и уездного начальника. Сам занимаюсь организацией вспомогательных отрядов. Местным

¹ Проставлена дата получения из Баку. Во всех трех телеграммах проставлена одна дата (Ш.Н.).

партизанам направил дозорных. Голову сложим, но Аскеран врагу не сдадим.

Генерал Джавад бек Шихлинский».

Первая пехотная дивизия, которой командовал Джавад бек Шихлинский, в конце 1919 года находилась в Гяндже. Дивизия состояла из трех полков и трех батальонов. Джаванширской дивизией командовал подполковник Самед бек Рустамбеков, Закатальской - полковник Ахмед бек Дибиров, а Гянджинскую дивизию возглавлял Джахангир бек Кязымбеков.

«Срочная телеграмма 27 апреля 1920 года². Гянджа. Начальнику первой пехотной дивизии генералу Шихлинскому.

«Большевики перешли в наступление на станцию Ялама. Они непрерывно продвигаются вперед. Завладели Худатом. Мы в безвыходном положении. Приказываю вам не позднее чем сегодня направить из Казаха и Гянджи по одному батальону в Кызыл-Бурун. В каждом батальоне должно быть не менее 500 штыков и пулеметов. Уже выслали грузовой поезд. Прибытие частей подтвердите телеграфом. Мы ждем батальоны завтра.

*Военный министр, генерал артиллерии
Самед бек Мехмандаров».*

Еще один документ из Центрального государственного архива республики. 30 апреля 1920 года военно-морской комиссар Чингиз Ильдырым и временно исполняющий обязанности начальника штаба армии большевиков республики генерал-майор Абдулгамид бек Гайтабаши издают следующий приказ:

«Приказываю частям, находящимся в подчинении начальника первой пехотной дивизии, генерал-майор Джавад бека Шихлинского, всем воинским частям, расположенным в Гянджинской и Закатальской губерниях, а также бойцам карабахской зоны в период боевых операций подчиняться командованию XI Красной армии.

Во всех остальных случаях эти воинские части остаются в моем подчинении».

Ни доблестный Джавад бек, ни храбрые его солдаты и офицеры

² Некоторые авторы ошибочно приписывают эту телеграмму на имя полного генерала артиллерии Али аги Шихлинского. Во-первых, Али ага Шихлинский никогда не был начальником первой пехотной дивизии. Во-вторых, в 1913-1917 годах Али ага Шихлинский был в звании генерала-майора. Телеграмма, о которой идет речь, направлена его племяннику Джавад беку Мамед ага оглы Шихлинскому (1874-1959), (Ш.Н.).

не подчинились несправедливому приказу большевиков. Гянджинское восстание продолжалось до последнего патрона...

Когда двадцать седьмого апреля большевистская армия захватила Азербайджан, Гянджа напоминала кипящий котел. От мала до велика все взялись за оружие. События тех далеких дней реально видим из «Воспоминания о гянджинском восстании», написанных в эмиграции командиром полка, полковником Джахангир беком Кязымбековым. Он пишет: «...В шесть часов утра двадцать третьего мая для определения дальнейшего плана деятельности и совместной работы пригласил на совещание командира находившейся в городе первой пехотной дивизии генерала Джавад бека Шихлинского, главного интенданта Азербайджанской армии генерала Магомеда Мирза Каджара и начальника кавалерийской дивизии генерала Теймур бека Новрузова. Первые два генерала явились в сопровождении посланных за ними полковых адъютантов. Особо стоит отметить радость населения, высыпавшего на улицы. Народ встретил генералов у входа в здание штаба полка возгласами «Да здравствует!». В штаб их внесли на руках. Долго не смолкали радостные крики. Лишь после моих настойчивых просьб людская масса немного успокоилась. Народ разошелся по домам.

На этом совещании генерал Магомед Мирза Каджар избирается общим руководителем и организатором местного правительства. Генерал артиллерии Джавад бек Шихлинский восстанавливает разрушенную большевиками азербайджанскую артиллерию и командует орудиями, полученными от большевиков.

Я продолжаю руководить своим полком и деятельностью партизанских отрядов».

В который раз с Адилей ханум перелистываем страницы старого альбома. Именно здесь впервые увидел фотографии генерала Джавад бека и полковника Рустам бека. А сколько лет искал я их в различных архивах? Радости моей не было предела. Благодарю Адилю ханум за предоставление ценнейшей информации о двух выдающихся азербайджанских военачальниках, имена и дела которых на протяжении семидесяти лет были вычеркнуты из нашей военной истории.

Али ага Шихлинский, Ибрагим ага Векилов, Самед бек Мехмандаров, Габиб бек Салимов, Миркязым хан Талышханов, Фиридун бек Везиров, Ибрагим ага Усубов, Галиб бек Векилов, Даньял бек Галладжов. Ахмед бек Дибиров... Чего только не пришлось пережить этим славным полководцам в первые дни после революции? Ведь

большевики сразу наклеили на них ярлык «мусаватских генералов». В любое время суток могли постучаться в двери, сотнями сыпались совершенно неуместные вопросы: когда скончался дед-бек, почему служили в старой армии?.. Есть ли родственники в Турции, Иране?

Дочь полковника армии Азербайджанской Демократической Республики Ахмед бека Дибирова Наджиба ханум Абдуллаева в 1995 году проживала в доме №8 по улице Гагарина в Баку. Она с грустью вспоминает те страшные годы:

- Мой отец был близким другом генерала Али ага Шихлинского. Их огромным желанием являлось превращение этой дружбы в родство. Генерал хотел видеть меня женой своего племянника Джавад бека. Отец не препятствовал этому желанию. В марте 1920 года к нам явились сваты. Осенью должна была состояться свадьба. После восстания в Гяндже все планы разлетелись в пух и прах. Джавад бек эмигрировал за рубеж. Не довелось нам отпраздновать свадьбу...

Отец Ахмед бек гордился генералом Али ага Шихлинским. Любил его как старшего брата, выдающегося полководца. Даже вывесил его фотографию, снятую в 1906 году в Тбилиси в большой рамке в нашем доме. После ареста отца бабушка спрятала фотоснимок в подвале. Он и сейчас хранится в нашем доме в Махмалар. (В 1993 году внук полковника Ахмед бека Дибирова полковник Ахмед Дибиров привез в Баку и любезно предоставил нам большую фотографию Али ага Шихлинского - Ш.Н.).

- Уйдя в отставку, отец поселился в селе Махмалар Белоканского района. Многое пришлось ему пережить в тридцатые годы. Однако улики для ареста найти не удалось. Наконец, берут под стражу моего супруга Амира Абдуллаева, члена партии с 1917 года. Повод - женитьба на дочери мусаватского полковника.

...В центре села отец беседует с местными аксакалами. Вдруг на край колодца вспрыгивает петух и начинает безостановочно кукарекать. Лишившись терпения, отец в шутку кричит распоясавшемуся петуху: «Эй, что ты, раскричался хуже комсомольца». Запускает в птицу небольшой камень, прогоняет петуха. Неспешно возвращается домой, на полдороге его останавливают и препровождают в органы. Начинается допрос, его обвиняют в оскорблении комсомола. Приговаривают к ссылке в Сибирь. Больше мы его не видели. С того дня я стала дочерью и женой «врагов народа». Спустя пару месяцев пришла весть о том, что отец скончался в тюрьме от разрыва сердца.

Газета «Коммунист», издававшаяся в 1920 году на русском

языке, печатала достаточно материалов о преследованиях наших генералов и представителей интеллигенции. Перелистывая страницы органа партии азербайджанских большевиков не находишь ничего положительного об Азербайджане и его сынах. Если эту газету возьмет в руки человек неосведомленный об истории Азербайджана до двадцатого года, то весь народ предстанет скопищем разбойников, вредителей, контрреволюционеров, взяточников и воров.

Чтобы утвердиться в Азербайджане, новое правительство большевиков, опираясь на штыки XI армии, прибегало ко всяким подлостям. Конфисковывались дома, арестовывались и расстреливались представители интеллигенции, осуществлялись самые жестокие и омерзительные акции. В номере газеты за 29 июня 1920 года читаем: «Гянджинская губернская Чрезвычайная комиссия объявляет: Чрезвычайная комиссия Гянджинской губернии оставляет в заложниках следующие семьи: Каджаров, Кязымбековых, Шихлинских, Хан Хойских и около двухсот лиц, являющихся видными выходцами буржуазного класса Гянджи.

Если кто-то из этих семей будет задержан за попытку поднять мятеж, за участие в заговоре, то это лицо будет расстреляно без суда и следствия».

Газета «Коммунист» в номере за 30 июня 1920 года пишет: «Гянджа. Товарищи, прибывшие из Тифлиса 28 июня, сообщают, что все азербайджанские контрреволюционеры вышли на улицы Тифлиса. В настоящее время там находится вся семья Рафиевых, генерал Джавад бек Шихлинский, Теймур бек Новрузов и все шамхорские беки.

Насиб бек Юсифбеков отправился в Константинополь. В Тифлисе также распространяются слухи о том, что за неудачную организацию гянджинского мятежа мусаватисты убили Хан Хойского³. Сообщается также, что во время столкновения с советскими войсками в Грузии грузинские солдаты в Закатальском округе отказались в них стрелять. Потому что среди расстрелянных офицеров - семеро грузин».

Вот номер газеты «Коммунист» за 6 июня 1920 года:

«Арестован генерал Шихлинский. Гянджа, 3 июня. Известный контрреволюционер и организатор гянджинского мятежа генерал Джавад бек Шихлинский арестован начальником управления уголовного

³ На самом деле министр иностранных дел Азербайджанской Демократической Республики Фатали хан Хойский был убит в 19 июня 1920 года в Тбилиси выстрелом в спину. Преступление совершили нанятые большевиками армянские террористы Арам Евкянян и Мисак Григорян (Ш.Н.).

розыска и передан в распоряжение особого отряда в Тифлисе.

Грузины обвиняют арестованного генерала Джавад бека Шихлинского в том, что для службы в Азербайджанской Республике (имеются в виду 1918-1920 годы - Ш.Н.), он насильно привлекал к воинской службе грузинских офицеров».

Последнее утверждение насквозь лживо и факты здесь высосаны из пальцев. Во-первых, с полной ответственностью можно сказать, что слова «грузинские офицеры насильно привлекались к военной службе» не что иное, как попытка вбить клин в отношения грузинского и азербайджанского народов. Во-вторых, в 1918-1920 годах грузины насильно не призывались в азербайджанскую армию. Напротив, они добровольно вступали в ряды азербайджанских вооруженных сил. В Центральном государственном архиве республики можно встретить заявления и рапорты десятков грузинских солдат и офицеров, изъявивших желание служить нашей армии. Среди них находились и высокопоставленные офицеры: начальник Азербайджанского военного училища, генерал-майор Константин Давидович Чхеидзе, начальник штаба первой кавалерийской дивизии в 1919 году Амашукели, генерал-квартирмейстер В.Д.Каргалетели, генерал, князь Макаев, генерал-майор Александр Пирселидзе и другие.

В.Д. Каргалетели 20 марта 1920 года за образцовую службу в нашей армии приказом №167 удостоен звания генерал-майора.

Историк того периода Джахангир Зейналоглы, описывая в книге «Краткая история Азербайджана» мартовские события, не забыл упомянуть о бескорыстной помощи грузинской роты пехотинцев. Он пишет: «Милостью и великодушием Маваран-Кавказского правительства в Тифлисе под видом мусульманской армии организуется небольшой отряд и направляется навстречу врагу, в Кюрдамир. Отряд, заново сформированный первым татарским (азербайджанским - Ш.Н.) кавалерийским полком, состоял из второго кавалерийского полка, одной грузинской пехотной роты и одной Гянджинской орудийной батареи. Грузинская рота в бакинских событиях действовала совместно с мусульманами и как бы являлась помощью для мусульман».

Можно привести десятки таких фактов, подтверждающих тогдашние азербайджано-грузинские отношения. Поэтому измышления большевистской прессы о, якобы, враждебном отношении генерала Джавад бека Шихлинского к грузинам, преследует цель разжечь межнациональную вражду.

В последующих номерах русского «Коммуниста» нет никакой

информации ни о генерале Джавад беке Шихлинском, ни о Теймур беке Новрузове. Не имея возможности «достать» Джавад бека и Теймур бека большевики учинили расправу над оставшимися в Азербайджане нашими достойными военнослужащими.

В номере газеты за 19 июля 1920 года опубликовано следующее сообщение:

- Революционно-полевой суд Азербайджанской Советской Социалистической Республики 17 июля рассмотрел уголовное дело Теймур бека Мелик-Асланова. При участии четырнадцати коммунистов в доме Теймур бека изъято предметов на сумму 280.340 рублей. Вина Теймур бека состоит в том, что он служил мусавату и активно участвовал в борьбе с большевиками. Поэтому революционный суд приговаривает начальника управления Азербайджанской железной дороги, бывшего мусаватиста Теймур бека Мелик-Асланова к высшей мере наказания - расстрелу. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит».

Новость, напечатанная в газете через четыре дня, касается племянника генерала Джавад бека Шихлинского:

«23 июня 1920 года. Военно-полевой суд осуществил проверку в рабоче-крестьянском батальоне, командиром которого является Шариф Абдулла оглы Шихлинский. Выяснилось, что Шариф Шихлинский присвоил денег и продовольствия на сумму 22.600 рублей. Его разъяснения относительно расходования денег неубедительны. Признанся в принадлежности к мусаватистам. Поэтому этому вредному элементу, буржуазному пережитку из бекского рода назначено наказание в виде лишения свободы на три года».

Передо мной извлеченная из архива папка с выцветшей обложкой, составленная сорок лет назад против одной из ветвей рода Шихлинских. В этом деле имеется справка, написанная 17 мая 1949 года сотрудником первого отдела Министерства государственной безопасности Азербайджанской ССР майором Сиплисом. В то время этот документ считался совершенно секретным. Эта справка положила начало гонениям на Шихлинских. Вот полный текст этого ничем не обоснованного и никакими фактами не подтвержденного документа.

«Политический эмигрант в Турции Шихлинский Гияс бек Джухандар оглы⁴ родился в 1895 году. Житель села Шихлы Казахского рай-

⁴ Джухандар ага из исторического романа народного писателя Исмаила Шихлы «Кура неукротимая» (Ш.Н.).

она Азербайджанской ССР. Авторитетный в прошлом бек в Казахском районе в период мусаватского правительства был приставом Гянджи. В 1930 году организовал политическую банду (?), провел несколько операций в районах Азербайджана. Затем вместе с братьями и бандитским отрядом (?) эмигрировал в Турцию. По указанию мусаватских лидеров в приграничных с СССР регионах Турции занимался организацией бандитских групп для их заброски на нашу территорию. С помощью этих отрядов на территорию Азербайджанской ССР переходили эмиссары для создания тайной антисоветской организации. Он сам и проживающие в Турции его близкие родственники тесно связаны с мусаватскими кругами и осуществляют провокационные действия против СССР».

Все это - ничем неприкрытая ложь, ибо в Турции Шихлинские находились в оппозиции к советскому режиму и никогда не осуществляли провокации против своего народа. Они, как и русские эмигранты во Франции и других странах, занимались разоблачением методов правления большевистской диктатуры.

Конечно, вынужденная эмиграция лидеров мусаватской партии после падения Азербайджанской Демократической Республики, их пребывание за рубежом не давало покоя тоталитарному режиму. Среди них были и Гияс бек Шихлинский, его братья и близкие родственники. Чтобы унижить их в глазах народа, режим фабрикует материалы, представляет их в личине «врагов народа», оставшихся в Азербайджане родственников целыми семьями ссылает в холодные степи Казахстана, Сибирь, таежные края Дальнего Востока.

Когда узнаешь о мучениях, выпавших на долю Шихлинских, язык не поворачивается осуждать Джавад бека за отъезд в Иран. Сотни достойных, доблестных сынов Азербайджана, самоотверженно защищавшие свою землю от врага, до последнего патрона сражавшиеся с оккупационной XI армией, умерли на чужбине с тоской по Родине. Один из них - генерал национальной армии, руководитель Гянджинского восстания Джавад бек Мамедага оглы Шихлинский. Он скончался в Турции в 1959 году.

Штабс-капитан Гияс бек Шихлинский и...

**«Раны, нанесенные нашей Родине, каждый из нас
должен ощущать в глубинах своей души»**

**Виктор Гюго (1802-1885),
французский писатель**

Оказавшись в тридцать пять лет на чужбине, Гияс бек до последнего вздоха жил с любовью в сердце к Азербайджану, мечтал вернуться на Родину. Он всей душой возненавидел большевистско-дашнакских врагов, оккупировавших земли предков. Днем и ночью во главе кавалерийского отряда совершал нападения на советские границы то со стороны Карса и Сарыкамыша, то с Башкечида и горы Маймаг. Единственным желанием Гияс бека было освобождение соотечественников, которые при советском тоталитарном режиме использовались как рабы в колхозах и совхозах.

Гияс бек Джахандар ага оглы Шихлинский, работавший в 1918-1920 годах начальником второго участка приставства Арашского уезда, родился в 1895 году в Казахе. После апрельского переворота и до 1930 года работал начальником милиции Казахского уезда, а затем, не выдержав преследований большевиков, эмигрировал в Турцию. Из судебных материалов по делу М.Д.Багирова: «Еще один образец защиты и покровительства Багирова антисоветским элементам - легализации служившего в царское время, бывшего мусаватского пристава и политического бандита Гияс бека Джахандар ага оглы Шихлинского. Багиров не только защищал его, но и назначил на должность начальника милиции Казахского уезда.

В те годы сотрудники Главного политического управления Азербайджана неоднократно подчеркивали близость Шихлинского и Багирова.

В 1930 году Шихлинский вместе с родственниками бежал в Турцию. Установил связи с турецкой разведкой, совершал вооруженные нападения на территорию СССР».

Во время следствия М.Д.Багиров подтвердил, что он действительно выдвинул на эту должность Гияс бека Шихлинского. Однако опроверг факт защиты и покровительства ему. С изобличениями слов Багирова 28 августа 1954 года выступил допрошенный в качестве сви-

детеля Зейнал Мехрали оглы Алиев: «Очень часто Багиров привлекал на свою сторону бывших мусаватских активистов и поручал им ответственные должности. Так, я хорошо помню как Багиров назначил на пост начальника Казахской уездной милиции бывшего мусаватского пристава Гияс бека Шихлинского. Работая начальником милиции, Шихлинский не оказывал никакой помощи советской власти, не проводил полезную работу.

Багиров всячески покровительствовал Шихлинскому. Пользуясь этим, Шихлинский не считался с местными советскими органами власти, подчеркивал, что подчиняется исключительно Багирову.

Приблизительно в 1930 году, когда местные правительственные органы занялись раскрытием преступных дел в районе, Шихлинский с вооруженным отрядом перебежал в Турцию».

Эти показания в ходе следствия подтвердил и обвиняемый Т.М.Борщов: «Из слов Шихлинского мне стало ясно, что Багиров его хорошо знает. В тот период Гияс бек Шихлинский гордился этим.

Сейчас вспоминаю, что в те годы среди сотрудников Главного политического управления Азербайджана Шихлинский неоднократно упоминал о хороших отношениях с Багировым».

О том, что Багиров покровительствовал Шихлинскому, видно и из документов.

Несмотря на информацию начальника Гянджинского областного отдела о причастности Гияс бека Шихлинского к тяжелым преступлениям, он так и не был привлечен к ответственности. Вдобавок ко всему, 12 мая 1930 года Гияс бек Шихлинский отправляет личное письмо Багирову, в котором жалуется на притеснение и подозрения в антисоветской деятельности. Багиров ставит на письме следующую резолюцию:

«Товарищу Неверову. Посредством областного отдела раз и навсегда положите конец этому безобразию. О результатах информируйте меня до 21 мая».

После этого письма 29 июля 1930 года этому Шихлинскому за подписью начальника областного отдела Главного политического управления Азербайджана Кулиева выдается справка номер 1345. Согласно справке, Гияс беку Шихлинскому дано указание беспрепятственно следовать в направлении Гянджи с семьей вооруженными соратниками.

Прошло немного времени, и Гияс бек Шихлинский вместе с этим вооруженным отрядом и родственниками перебежал в Турцию».

Гияс бек Шихлинский в 1914 году окончил азербайджанское отделение учительской семинарии в городе Гори.

Информацию о деятельности Гияс бека в Турции представил нам его племянник Туран Гасан бек оглы Алказах⁵, проживающий в Игдыре.

Непрерывно преследуемый советскими чекистами Гияс бек с отрядом скрывается в Гянджабасаре и Дилижанских горах. Наконец, в январе 1931 года вместе с отрядом в восемьдесят пять человек, состоявшем из жителей Казахского, Дилижанского и Алавердинского районов, переходит в Турцию. В его отряде находились ненавидевшие советскую власть близкий родственник Амираслан бек Томтиев, брат Гасан ага, двоюродный брат Алай бек Шихлинский, односельчанин Исрафил бек, Мустафа ага, Сулейман ага и Гамза бек Борчалы.

Узнав о переходе Гияс бека в Турцию, начальник Казахского особого управления Хорен Григорян становится карателем рода Шихлинских. Он подвергает аресту и ссылке большую часть близких и дальних родственников Гияс бека. В тюрьме умирают мать Гияс бека Дюрлю ханум, сын Кямилъ. Двоих братьев расстреливают. Остальных ссылают в Казахстан.

Туран Гасан бек оглы Алказах пишет, что отряд Гияс бека прибыл в Карс. Вскоре с помощью двоюродного брата инспектора национальной безопасности Хусни Бунгола устроился в Игдыре.

После протестов Советского правительства Гияс бек с единомышленниками ссылается в Ван. С Кара Коте, расположенной на ванской дороге, Гияс бек звонит Ататюрку. Между ними состоялся следующий разговор:

- Мой Паша, хочу знать причину моей высылки из Игдыра.
- Ататюрк:
- Вы должны сделать это ради собственной безопасности.
- Мой Паша, или отправьте нас обратно, чтобы русские расстре-

⁵ Шихлинские – старинная фамилия. Об этом Али ага Шихлинский подробно пишет в книге «Воспоминания». Он пишет: «Мой отец Исмаил ага Алказах оглы Шихлинский принадлежал к знатному роду, берущему начало в 1537 году. Наш предок Агдолаг Мамед ага переселился в Казах из Шамкира. У него было двое сыновей, старший Шихы был очень умным и смирным, младший Алказах – чересчур отважным, по крайней мере буйным. Я из рода Алказах... Дети от старшего сына получили фамилию Шыхзаде, а наш род, произошедший от младшего сына принял фамилию Алказах оглы. После вступления Азербайджана в состав России наши земляки из бекского рода приняли фамилии, похожие на русские, обоим ветви нашего рода взяли себе фамилию Шихлинский (Ш.Н.)»

ляли, или же разрешите остаться жить в Кара Коте.

Ататюрк:

- Хорошо. Помогу вам остаться там.

Гияс бек:

- Спасибо, мой Паша.

По приказу Ататюрка, на помощь Гияс беку пришли чиновники по расселению и имуществу. Гияс бек отказался от их помощи и предпочел опереться на свои силы.

В самый разгар Второй мировой войны в 1943 году между Германией и Турцией было заключено тайное соглашение. По этому договору, под руководством Гияс бека Шихлинского, проживавшие в Турции представители кавказских народов, должны были вернуться в Советский Союз и открыть второй фронт против большевиков внутри страны. Однако один из «друзей» Гияс бека Иман Боллуг за 20.000 лир передал русским информацию о готовящейся акции. Гияс бека и вооруженных эмигрантов берут под стражу в Догубаязиде. Чтобы выслужиться перед советским правительством, Гияс бека приговаривают к смертной казни. Узнав об этом, германское правительство выдвигает перед турками ультиматум:

- Или Гияс бек будет освобожден, или Германия атакует Турцию.

После этого приговор в отношении Гияс бека Шихлинского отменяется. Его высылают в Джумухана. В 1949 году Гияс бек вновь переезжает в Карс, а в 1955 году в Агры. В 1965 году разместился в Бандырма. Спустя пять лет Гияс бек скончался с неизбывной тоской о Родине, близких и родственниках. Живя в Агры, Гияс бек Шихлинский женился, у него родились три сына и две дочери.

В Турции Шихлинские приняли в качестве псевдонима имя своего прадеда Алказаха. Славу как военный летчик завоевал полковник Чингиз Алказах (1938-1992).

Зимой 1999 года беседовал с известным нашим писателем Исмаилом Шихлы в его квартире. Основной темой разговора был генерал Али ага и его племянник – генерал Джавад бек Шихлинский. В те годы готовил к изданию два тома книги об Али ага Шихлинском. Поэтому часто встречался с Исмаил муаллимом, ощущалась надобность в его содействии. Между делом, улыбаясь из-под усов, Исмаил Шихлы сказал:

- У меня есть подарок для тебя. Встань, возьми, пожалуйста, папку на книжной полке.

Писатель подарил мне редкий документ о своей родословной и

две фотографии.

На одном из снимков запечатлен Гияс бек в 1952 году с семьей в Турции. На другом – полковник Чингиз Алказах.

- Чингиз бек, - сказал Исмаил муаллим, - окончил в Турции военно-авиационное училище, становился чемпионом Европы по парашютно-десантному спорту. Он с честью служил в вооруженных силах Турции, занимал высокие должности. Скончался в пятидесятичетырехлетнем возрасте. Последняя его должность была командир военно-авиационной эскадрильи.

В 1989 году Исмаил Шихлы написал об одном эпизоде, случившемся с его дядей Гияс беком. Это трогательное событие имело место в 1952 году в гостях у критика Масуда Алиоглы.

«...Мир Джалал муаллим украдкой поставил передо мной пиво. Я не торопясь прикладывался к бокалу. Это увидел Самед Вургун:

- Эй, ты что пьешь? Мужчина должен пить водку. Что поделать, устал я немного, а то научил бы тебя пить.

Он налил мне водки.

Чувствовал, что он следит за мной. Но отчетливо было видно, что мысли его в другом месте. Понял, что смотрит на меня, а сам вернулся в свое детство. Может, прохаживается нынче с друзьями молодости по берегу Куры, в гарязинских лесах, может быть...

Вдруг, как будто очнулся. Выпрямил стан, посмотрел на гармониста Фейруза:

- Слушай, сынок, сыграй «Молтаны».

Встал, пригласил и меня. Пляшем друг против друга. Он и тут глядел на меня, не отрываясь. Танцевали довольно долго, затем он стал увлекать меня в угол. Помню, большая была комната. Как и во всех старых домах, высокие потолки, широкие окна и двери. Остановились в углу, крепко обнял меня, шепотом сказал: «Ты очень похож на тятку Гияса». У него увлажнились глаза. Понял, он имел в виду моего дядю, уехавшего в Турцию в 30-х годах. Слышал, что они были крепкими друзьями.

Но запрещалось в те годы произносить имя дяди. Поэтому он говорил шепотом, в укромном месте. Видать, расчувствовался от моего сходства с дядей. Наполнились слезами и мои глаза. Склонил голову на грудь рано состарившегося поэта, так и постоял немалое время. Спустя мгновение вновь вскинул руки, как ни в чем не бывало, танцуя, вернулся в середину комнаты» (Исмаил Шихлы, книга «Пуля изменника», 1991 год, стр. 141-142).

Пристав Гусейн бек Шариф оглы Шихлинский – (1886-1920). Работал приставом Геранбойского и Ахмедлинского районов. 13 мая 1920 года арестован как чиновник мусаватского режима и участник гянджинского восстания, расстрелян. По указанию председателя Чрезвычайной комиссии Семена Панкратова группа комиссара Григорьева арестовала Гусейн бека за активное участие в ликвидации бандитского отряда большевика Гатыр Мамеда в феврале-марте 1919 года.

Пристав Шихлинский, известный еще и как «глухой Гусейн бек», был беспощаден к большевикам, являлся самоотверженным борцом за независимость Родины. Он родился в 1886 году в селе Шихлы Казахского уезда.

В трудные дни 1941 года учившегося в институте Исмаила Шихлы как сына кулака не допускают к государственным экзаменам. Тогда на помощь приходит председатель экзаменационной комиссии профессор Михаил Рафили. Впоследствии, в 1988 году в статье «Отделившиеся дороги...» так описал один эпизод: «Знаешь, отчего я проявил уважение к тебе?» Я передернул плечами. Он же продолжал. «Конечно, и преподаватели попросили за тебя. Ты и сам мне понравился. Но основная причина в том, что во времена мусавата меня арестовали в Гяндже. Освободил меня один пристав по фамилии Шихлинский (Гусейн бек - Ш.Н.), наверное, из твоих родственников. Захотел отплатить тебе добром». Не знал тогда, кем является мне этот пристав. Всегда страдали от фамилии. Впервые она пришла мне на помощь. Он говорил еле слышно, и я почти шепотом выразил ему благодарность».

В 1918-1920 годах в армии Азербайджанской Демократической Республики достойно служили представители рода Шихлинских.

Полковник Рустам бек Мамедага оглы Шихлинский в 1912-1913 годах служил в чине штабс-капитана в 1-м Кавказском стрелковом артиллерийском дивизионе. В 1918 году был начальником оружейной части и пулеметного училища в Агдаме.

С пятого февраля 1919 года командир отдельного дивизиона тяжелых орудий, а в начале 1920 года командующий 2-й артиллерийской бригадой. 11 июня 1920 года арестован как подозрительная личность со стороны сотрудников АзЧК Трояна и Полякова, расстрелян. Младший сын Мамеда аги - брата знаменитого генерала Али ага Шихлинского. Родился в 1877 году в Казахе. Окончил Тифлисский кадетский корпус и Михайловское высшее артиллерийское училище в Петербурге. В Первой мировой войне в звании капитана сражался в составе

Кавказского стрелкового артиллерийского дивизиона. Его фронтовые заслуги отмечены орденами «Святой Анны» четвертой степени (с надписью «За отвагу») и «Святого Владимира» четвертой степени (с мечом и бантом).

Поручик Исрафил бек Ага оглы Шихлинский в 1918 году окончил военное училище в Гяндже. В училище работал в должности прапорщика второй роты. Родился 10 сентября 1897 года в аристократической семье в Казахе. Окончил азербайджанское отделение Горийской семинарии. После прихода к власти большевиков в 1920 году короткий период командовал отрядом особого назначения при АзЧК. Обвинен как сторонник Мусавата и злейший враг советской власти. В 1926 году сослан в Соловецкий концентрационный лагерь.

Али Ага оглы Шихлинский - прапорщик военно-учебной команды во 2-м Закатальском пехотном полку.

Абдулла ага Омар ага оглы Шихлинский родился 5 января 1899 года в Казахе. 6 апреля 1918 года окончил Бакинскую реальную школу. В том же году после внезапной кончины отца Омара аги покровительство над Абдулла агой осуществлял его дядя генерал Али ага Шихлинский. Служил в чине юнкера в Азербайджанской национальной армии. Кандидат медицинских наук, видный специалист советской медицинской науки. Скончался в Баку 23 мая 1970 года.

Генерал-майор
Джавад бек Шихлинский

ПЕРСИДСКИЙ МАРШ «ГЕНЕРАЛ ТАГИЕВ»

(О музыкальном произведении,
посвященном азербайджанскому меценату)

Прежде чем написать эту небольшую заметку о славном сыне азербайджанского народа – миллионере и меценате, действительном статском советнике Гаджи Зейналабдине Тагиеве, я решил провести своего рода некий опрос. Хотел, так сказать, убедиться в том, насколько нашим гражданам известно, что Гаджи имел генеральское звание с этим намерением я вышел на улицу.

Первым навстречу мне попался пожилой человек лет 75-80 с тросточкой в руке. Представившись, я поинтересовался у него:

- Вы знаете, кто такой Гаджи Зейналабдин Тагиев?
- Конечно, - без обдумывания парировал мой респондент.
- А какое он имел воинское звание ?

- Ты что, смеешься надо мной? - чуть ли не со злобой ответил он, уставив на меня свой суровый взгляд.

- Он был безграмотным. Зато владел богатством. Гаджи даже подписываться не мог, и потому специально для этого на его перстне был выбит специальный штамп-«Г.З.Т». Перстень заменял ему подпись...

Вопросом на вопрос ответили мне двое молодых людей в возрасте 30-35 лет.

- Вы сначала скажите, кто такой Тагиев? Где и в какие годы жил?.....

Комментарии, как говорится, излишни. Продолжать далее опрос после того, что я услышал, не имело смысла. Мои собеседники с изумлением смотрели на меня, когда я попытался им объяснить, что Гаджи Зейналабдин Тагиев был сыном простого башмачника, ставший миллионером, имел генеральское звание, в его честь был сложен марш «Генерал Тагиев»...

«Если мы задумаем перечислить заслуги Гаджи Зейналабдина Тагиева перед мусульманской нацией и только в течение лишь одного месяца будем заполнять газету этими подробностями, все равно обо всем им сделанном не расскажем». Эти строки взяты из статьи известного издателя Гашим бека Везирова, опубликованной в газете «Tazə həyat» («Новая жизнь») 10 апреля 1907 года.

В начале прошлого века Гаджи Зейналабдин Тагиев во всем мире воспринимался как гордость мусульман Кавказа. И вправду

невозможно перечислить всего того, что сделал этот благороднейшей души человек для азербайджанского народа. С именем Тагиева связаны открытие школ, лицеев, прокладка водопровода в Баку, возведение здания театра, строительство особняков.....

К сожалению, мало кто из наших современников знает, что Гаджи Зейналабдин Тагиев носил генеральские погоны. Безусловно, некоторые мне могут возразить, так сказать, подвергнуть сомнению генеральский чин Тагиева. Однако только знающие могут подтвердить, что служение Гаджи народу принесло во много раз больше пользы, чем служба любого генерала во благо отечества. И дело вовсе не в генеральских погонах, эполетах, шевронах, кантах и лампасах и даже в участии в боях. Гаджи был генералом во всех начинаниях своего народа в гражданской одежде.

Ему было чуждо пристрастие по национальному признаку. Г.З.Тагиев наглядно доказывал свое величие личными делами и поступками. За проявленную им щедрую благотворительную деятельность, особенно в выделении денег в пользу единоверцев-мусульман, 25 января 1907 года Его Императорское Величество царь Николай II пожаловал коммерческому советнику Гаджи Зейналабдину Тагиеву титул действительного статского советника. Этот гражданский чин соответствовал армейскому званию генерал-майор.

В связи с этим событием наместником на Кавказе графом Воронцовым-Дашковым была направлена телеграмма в адрес Г.З. Тагиева. В телеграмме говорилось:

«Высочайшим приказом вы произведены в действительные статские советники. Поздравляю вас с этой высокой наградой, убежден, что в этом Высочайшем признании заслуг ваших почерпнете вы новые силы продолжать служение высокополезному делу насаждения образования среди единоверцев ваших.

Граф Воронцов-Дашков»

В ответной телеграмме Гаджи Зейналабдин Тагиев написал:
«Тифлис».

Наместнику Его Императорского Величества на Кавказе графу Иллариону Ивановичу Воронцову-Дашкову:

«Примите, ваше сиятельство, мою сердечную благодарность за лестное для меня поздравление ваше с Монаршей милостью. Прошу ваше сиятельство верить, что до конца моей жизни я неустанно буду идти по намеченному пути просвещения своих единоверцев, что при вашей гуманной отзывчивости и отцовском попечении так легко удастся. Верьте также, ваше сиятельство,

что в лице всех мусульман Кавказа, как нас стариков, так и воспитываемой нами молодежью вы имеете преданных Царю и Отечеству сынов, которые не на словах, а на деле готовы доказать это. Заботы вашего сиятельства о нас навеки будут запечатлены в сердцах всех мусульман, которые вам обязаны, и потомкам нашим завещаем мы помнить и благословить дорогое всему Кавказу имя вашего сиятельства.

Действительный статский советник Тагиев».

К слову заметим, что обе телеграммы были напечатаны в одном из февральских номеров газеты «Каспий» за 1907 год.

За неоценимую службу перед народом Гаджи Зейналабдину Тагиеву в 1900 году был присвоен титул потомственного почетного гражданина, а решением Сената от 8 февраля 1910 года он был удостоен дворянского титула.

Деятельность Гаджи Зейналабдина Тагиева была удостоена (отмечена), в том числе орденами и медалями: три золотых и две серебряной медали с надписью «За усердие» (Səyünə görə), серебряной памятной медалью времен правления императора Александра III, 2-ой и 3-ей степенями ордена «Святого Станислава», первой, второй и третьей степенями Иранского ордена, «Шире-Хоршуд» и медали «Золотая звезда» второй степени амира Бухары Сейид Абдул Ахад хана (1859-1910)

Еще при жизни Гаджи Зейналабдину Тагиеву было посвящено немало стихов и публицистических произведений. В 1910 году Нариман Нариманов опубликовал ценное произведение «50-летие Гаджи Зейналабдина Тагиева-заслуги перед обществом и народом». А композитор В.М.Кнеидин написал Персидский марш «Генерал Тагиев». Интересно, что слова марша также принадлежали Кнеидину.

Редкие ноты этого произведения я случайно обнаружил в архиве моего близкого друга композитора Тофика Бабаева в 1991 году. К сожалению, из-за давности лет титульный лист нот утратил былой лоск и потому установить, дату написания марша представляется невозможным. Как видно из обложки, произведение это было напечатано в Киеве и распространено в Баку.

Надеемся, что десятилетиями остававшийся в «плену» Персидский марш «Генерал Тагиев» будет переработан нашими композиторами и вновь озвучен.

ГЕНЕРАЛ, ТОПОГРАФ ИБРАГИМ АГА ВЕКИЛОВ

(Странная судьба)

Уходя на закат, Солнце спросило: «Есть здесь кому меня заменить?» Ответила ему керамическая лампа: «О, Повелитель, постараюсь сделать все, что в моих силах»

*Рабиндранат Тагор,
известный индийский писатель*

Генерал-топограф Ибрагим ага Векилов – единственный в Азербайджане: ни до него, ни после, ни среди современников не было в этой области специалиста такого высокого ранга.

Автор

Наступали сумерки, медленно начинало темнеть. Прекратилось мычание скота, возвращающегося с пастбища. Голодные собаки грызли цепи, то грозно, то смиренно выли. Только-только рождающаяся Луна «купалась» в водах Куры. Каким-то странным выдался этот вечер в Салахлы. Терпению Ибрагима совсем пришел конец. Он все чаще входил-выходил в дом, не мог найти себе места. Все смотрел на ту сторону. А Панах киши все не появлялся. Ибрагим несколько раз всматривался в халхал¹ Панах киши и безнадежно возвращался. Друг отца, табунщик Панах киши был человеком, держащим данное слово. После смерти Паша аги табунщик перенес дружбу на Ибрагима, ставшего во главе семейства. «Что стряслось, почему не приходит дядя Панах, может ...» Эти вопросы, задаваемые себе, делали ожидание Ибрагима еще более беспокойным.

У леса Шяммятли послышалось ржание лошади. Всадник прикрикнул на коня. Конь с шумом полез в воду, в мгновение ока пересек реку и оказался на этой стороне. Ибрагим встретил всадника на берегу и тихим голосом спросил:

- Это ты, дядя Панах?

Табунщик замер. Сначала растерялся как человек, получивший внезапный удар. Затем пришел в себя:

- Я, сынок, - сказал, - кажется, ты твердо решил уехать. Ладно, готов ехать? Подожди здесь, заскочу домой и вернусь.

¹ Строение для содержания домашнего скота в летнее время

Чуть отошел, но внезапно остановился и повернул назад:

- Ай Иби, домашним ты хоть сказал что-нибудь?

- Нет, не сказал, дядя Панах. Только двоюродного брата Юсифа крепко предупредил, что если будут искать, а мать – сильно переживать, то скажешь, что вчера был в Казахе и там услышал, что Ибрагим поехал учиться в Тифлис.

- В таком случае, сынок, иди к парому и там жди меня. Вдруг ненароком кто-то появится тут. Посиди там и еще раз подумай.

Панах киши пришпорил коня.

Долго пришлось Ибрагиму просидеть у камышей. Его насторожили слова Панах киши «подожди немножко». «Может испугался мамы, не хочет, чтобы на него лились проклятья». Сидя на пне, брошенном Курой при разливе, он высмотрел дом, в котором жил Панах киши.

Шумный берег, на котором он днями играл босяком и в папaxe, крепко спал. Тишина и безмолвие еще больше пугали его. И река вроде не была той, которая с шумом текла днем - как будто и она уснула. Если не бросить камень, то ее не услышать. Послышался шум камышей. Ибрагим встрепенулся и протянул руку к земле. Кто-то пробирався в его сторону сквозь камыши. В темноте заблестела пара глаз. Напуганный, со словами «вон, негодник», он бросил камень в камышник. Шакал исчез. «Хорошо, что это был не заяц. Бабушка говорила, что шакал к пути – это хорошая примета».

Ибрагим снова всмотрелся в дом Панах киши. В это время дверь его хаты со скрипом отворилась. Сначала в дверях появился он, а затем жена с полным хурджуном.

- Ай киши, не забудь белье купить детям.

- Дочь покойного, я за покупками еду или коня продавать? - прикрикнул Панах киши на жену.

- Слепой Баграт допоздна торгует одеждой, трудно тебе к нему сходить? - не унималась жена. - Могилкой отца твоего прошу, хоть монпасье купи детям. Столько дней они радуются, что отец в город поедет.

- Хорошо, хорошо,- нехотя ответил Панах киши и перебросил хурджун через седло коня. Сесть на коня почему-то не захотел, погладил гриву и пошел в сторону Ибрагима.

- Крепко держись за руку, а затем вскочи на лошадь.

Ибрагим вмиг оказался на лошади.

- Устраивайся позади, - в голосе Панах киши все еще чувствовалась недовольство, с которым он говорил с женой. Вдруг он изменил мнение: «Нет, нет, ты садись впереди, этот конь необузданный, вдруг

испугается и сбросит тебя на середине реки. Крепко держись за гриву, главное реку переплыть.

«Аллах в помощь», - сказал табунщик и забрался на коня. Необученный конь влез в реку и, брыкаясь, пошел к другому берегу.

Противоположный берег сплошь состоял из леса. Древний лес Караязы, который начинался в Шамкире, тянулся как зеленый пояс вдоль берега Куры до границ Грузии. Этот лес кормил население сел Салахлы, Шихлы, находившихся на правом берегу реки. Народ здесь набирал дрова, пас скот. И Панах киши держал здесь табун. Каждый год осенью он вез в Тифлис на продажу пять-шесть дильбозов и на вырученные деньги содержал семью.

Как только вышли на берег, конь ускорил шаг. Лес стал менее густым, и конь вдруг рванул с ходу. Панах киши потянул узды:

- Сынок, погладь шею коню, с чего это он, на ночь глядя, стал шуметь?

Поглаживая гриву коня, Ибрагим сказал:

- Что за беспокойный конь, дядя Панах. С ним даже на кражу нельзя идти.

- Только выловил, пока не приучен. А почему ты на упрямом коне нехорошие слова произносишь? Слава Аллаху, в роду твоём никто воровством не занимался. С чего это ты про воровство заговорил?

Ибрагим ничего не сказал.

- Ай Иби, а где живет Мирза, ты хоть знаешь?

Панах киши задел больное место Ибрагима. Тот без настроения ответил:

- Нет.

- А как ты его найдешь? Ты город знаешь?

- Прошлым летом, когда Мирза был в деревне, написал мне бумажку. На ней есть адрес.

- Боюсь за тебя, сынок. Затеряешься среди этих неверующих, как потом я в глаза матери твоей Тукязбан смотреть буду.

- Не бойся, дядя Панах. Кроме меня, у матери десять детей. Пока не спугнет и не соберет в кучу, сосчитать их не может. Не до меня им будет.

- Не говори так, сынок. Ребенок – частичка материнского сердца. Тяжело будет ей перенести твое отсутствие. С другой стороны, что ты нашел в городе? Остался бы в деревне, работал и матери помог бы.

- Нет, дядя Панах, я учиться хочу, чтобы специальностью овладеть, человеком стать.

- А что, школа муллы Мустафы мешает тебе стать человеком? Учись, стань муллой или же, как Аббас ага, сочини от себя стихи. Он тоже как мулла.

- Поэт и мулла – это разные вещи.

- Видади, Вагиф могли быть муллами, а Аббас ага – нет?

- Видади, Вагиф – это не такие муллы как Мустафа. Их называли муллами потому, что они были грамотными.

- Ладно, оставим их в покое. А что ты будешь делать в городе, на кого учиться собираешься? – ехидно спросил он. Ибрагим заволновался: вдруг ответ его не устроит Панах киши и этот сумасшедший вернет его в деревню. Взяв себя в руки, ответил:

- Я стихи сочинять не буду, я на военного буду учиться.

- Неужели солдатом хочешь стать?

Ибрагим испуганно ответил:

- Да.

- А язык их знаешь? Урусский?

- От Баграта, который продает монпасье, узнал несколько слов, остальные там выучу.

- С утра до вечера общаюсь с пастухами-грузинами, но ничего, кроме «биджо», не знаю. Думаешь легко язык выучить?

Ибрагим хотел ответить, что Панах киши неумелый, но смолчал. Подумал, что рассердится Панах и здесь же высадит его. И останется тогда он, Ибрагим, ни с чем. Лесная тропа закончилась. Путники вступили в Джейранчельскую степь, конца которой не было видно. Луна находилась вровень с горой Авей. Когда она выглядывала из-за туч, то в степи становилось светло. Пасшиися вдалеке лошади походили на надгробные камни. Увидев табун, конь, на котором ехали Панах киши и Ибрагим, несколько раз заржал. Неожиданно, совсем рядом из-за куста вышел человек. Ибрагима охватил страх и он еще крепче схватился за гриву коня. Панах киши сразу почувствовал это и успокоил юношу:

- Не бойся, - сказал он. – Это мой друг табунщик. Только никому не говори, что видел его. Он – бедный грузин, убил хозяина и теперь скрывается. Нашел у меня убежище. Есть в селе Года у меня друг жестянщик, он его племянник. Страх ему не ведом. Скажи ему «пойди на кладбище и там спи», сделает. У него есть газета на русском языке и каждый день ее читает. С полудня ждет меня...

- Гацо, кто это с тобой?

- Ибрагим, сын Паша аги. Он тоже в город едет.

- С чего это мальчику вздумалось в Тифлис поехать?

- Не знаю, Николаз. Говорит, что учиться желает. Хочет стать, как его, военным, солдатом.

Николаз озабоченно заметил:

- Гацо, ты что, с ума сошел? Потеряешь в городе чужого ребенка.

- С чего он должен потеряться? Ему уже четырнадцать лет.

... Ибрагим легко нашел дом односельчанина Мирзы Гусейна Гаибзаде, который жил рядом с Шайтанбазаром. В те годы в Тифлисе проживало много азербайджанцев, а Мирза Гусейн эфенди был уважаемой и известной личностью. Авторитет завоевал он когда был учителем восточных языков в русско-татарской школе, занимал должность Закавказского муфтия. Он протягивал руку помощи детям из бедных семей, которые хотели стремиться получить образование. По его словам, это было самым благородным и почетным делом.

Супруга муфтия Саадат ханум не поверила глазам, увидев на пороге Ибрагима. От удивления она чуть не вскрикнула. Как родного сына она обняла, поцеловала Ибрагима. Расспросила про близких, родственников. Выразила сожаление в связи с безвременной кончиной Паша аги. Она очень обрадовалась, когда узнала, что Ибрагим приехал в Тифлис, чтобы получить образование.

- А ты знаешь, Саадат ханум, куда хочет поступить Ибрагим? - спросил Гусейн эфенди.

- Нет!

- Он предан делу отца. Сын прапорщика Паша аги хочет стать военным.

- Да, - замешкалась женщина. - Значит, ты станешь первым жителем моего родного села Салахлы, который получит военное образование. Очень хорошо, прекрасно.

Саадат ханум снова обняла Ибрагима:

- В кадетском корпусе мест нет, ты приехал несколько поздно, сегодня уже шестое сентября. Однако дядя Гусейн не даст тебе разочароваться.

Мирза погладил белую и мягкую как шелк бороду и заговорил:

- Тебе повезло. В третьей Межевой Военной Гимназии есть одно свободное место. Директор мой друг. Мне кажется, что учиться там Ибрагиму не будет трудно. По национальности директор является крымским татаринном. И наш язык хорошо знает. Он Ибрагима научит русскому языку и образование даст.

В ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ (Ибрагим ага Векилов)

Об одном прошу тех, кто проживает это время: не забудьте! Не забудьте ни добрых, ни злых. Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за вас.

Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды, и муки самого незаметного из них были не меньше, чем муки того, чье имя выйдет в историю. Пусть же эти люди будут всегда близки вам, как друзья, как родные, как вы сами!

**Юлис Фучик (1903-1943),
Известный чешский журналист**

Наш народ вырастил немало личностей, имена которых можно встретить только лишь в различных источниках, архивных документах. Их деятельность широко освещалась в годы жизни. Однако со временем они были преданы забвению. Прделанная ими большая работа во имя народа была забыта. Тоталитарный режим ставил на них клеймо «му-саватский генерал» и стирал с памяти народа. Подростающее поколение практически ничего не знает о них. Хотя пройденный ими героический путь является примером для многих из нас.

Генерал, топограф Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов является одним из таких личностей. Родился он 7 мая 1853 года в селе Гыраг Салахлы Казахского уезда Елизаветпольской губернии. В одиннадцать лет потерял отца. На руках у матери Тукязбан ханум Юсиф ага кызы остались десять детей. Но больше других ее радовала сметливость и рассудительность Ибрагима.

Архивный документ об отце и дедах генерала Ибрагима аги Векилова:

1900 года Марта 15 дня. Вследствие надписи г. Казахского Уездного Начальника, от 7-го Января 1900 года за N 80, я, и.д. Пристава II участка, Казахского уезда, Поручика Коломейцева сего числа,

проведя дознание, с целью выяснения когда и от каких родителей родились Прапорщик Паша ага, Прапорщик Халил ага, майор Алиев Векил Казахский и Панах-Бек Векилов Казахский, вызвал старожилы селения Салахлы Молла Насиба Орудж оглы, Молла Мустафу Гаджи-Оглы, Молла Али Малик оглы, Ибрагима Эфенди оглы, Мамеда Панбух Баши оглы, Амир хана Гаджи оглы, Ягуба Гаджи Вели оглы, Вали Умуд оглы, местных приходских духовных Молла Усуба эфенди, Мамеда Эфенди оглы и Молла Мамеда Зариф оглы, показания которых заслуживают доверия, и по предварительным приводам их к присяге опросил, причем по вышеизложенному предмету показали они следующее: как нам достоверно известно, прапорщик Паша ага родился от законных родителей – отца Халил аги и матери Фатьма ханум Алибек кызы; Прапорщик Халил ага родился от майора Али аги и матери Шахрияр ханум Гаджи Касум ага кызы; майор Али ага родился от Панах аги и Захра ханум Абдулла аги кызы; а Панах бек же родился от Мамед Шариф аги и матери Етар ханум Йолчи ага кызы, но когда именно все они родились не знаем за давностью времени их рождения. О выше изложенном я, и.д. Пристава, постановил: составить настоящий протокол и таковой представить г. Казахскому Уездному Начальнику.

Пристав второго участка Коломейцев.

Настоящая копия с подлинным верна, Гербовым сбором оплочена и выдана жителю селения Салахлы Казахского уезда, Корпуса военных топографов Капитану Ибрагим беку Векилову вследствие просьбы его; в чем Закавказское Суннитское Духовное Правление подписом и приложением казенной печати удостоверяют. Декабря 12 дня 1901-го года - город Тифлис.

Председатель правления

Закавказский Муфтий: Гусейн эфенди Гаиров

Печать.

Секретарь подпись

Помощ. Секретаря подпись

В папке под номером пятьдесят шесть, хранящейся в научном архиве Государственного Исторического музея Азербайджана, указано, что Ибрагим ага Векилов поступил в третью Межевую военную гимназию в Тифлисе 6-го сентября 1866 года. Гимназия давала образование в объеме средней школы. Будущий генерал проучился здесь девять лет, а затем по совету земляка Мирзы Гусейна эфенди Гаирзаде поступил в Военно-топографическое училище в Петербурге.

В 1879 году Ибрагим ага Векилов успешно завершил учебу и получил звание прапорщика. Молодой офицер был направлен в Тифлис, где прослужил некоторое время в военно-топографическом отделе Кавказского военного округа.

В первые годы службы Ибрагим ага Векилов занимался топографическими съемками Дагестана. В 1883 году он был включен в состав русско-персидской комиссии, которая занималась уточнением границ от Каспийского моря до Афганистана. Важнейшее задание было завершено успешно и досрочно – за два года. По этому поводу Ибрагим ага Векилов был удостоен высшей награды Персии - ордена «Шире-Хоршид». В течение пяти лет он руководил военно-топографическим отделом Кавказского военного округа. В эти годы Ибрагим ага занимался топографическими съемками различных районов Кавказа и Крыма. В 1891 году он был командирован в Турцию. В течение четырех лет он жил в русском посольстве и выполнял особые поручения. Затем в звании майора он был исполнителем важнейших заданий в Кавказском военном округе.

С 1901 года в должности начальника отдела подполковник Ибрагим ага Векилов руководит топографическими съемками на русско-турецкой границе в Карсской области и готовит военную карту Босфора.

В соответствии с русско-персидскими межправительственными соглашениями И.Векилов в 1912-1913 годах руководит топографическими съемками в южно-азербайджанских городах Тебриз, Урмия и Хой.

В годы первой мировой войны он работает в штабе действующей армии. После октябрьского переворота 1917 года И.Векилов возвращается в Тифлис. Его деятельность в царской армии была оценена орденами Святого Станислава, Святой Анны и ордена Святого Владимира четвертой степени. Ибрагим ага Векилов является единственным на Кавказе топографом, удостоившимся звания генерал-майор.

Проработав некоторое время в Закавказии в должности председателя Закавказского Благотворительного Общества, Ибрагим ага Векилов заканчивает свой трудовой путь в Баку и Гяндже.

В 1918 году он принимал активное участие в строительстве Национальной армии Азербайджана. До этого правительство Азербайджана направило его в Казахский уезд для руководства выборами в сельские и городские советы. Авторитет Векилова сыграл важную роль в укреплении позиций недавно созданного Азербайджанской Демократической Республики в регионе.

**Генераль-маіоръ
САМЕДЪ-БЕКЪ-САДЫКЪ-БЕКЪ-МЕХМАНДАРОВЪ,**
командиръ 7-й Вост.-Сиб. стр. артилерійской бри-
гады. За отличія во время осады Портъ-Артура
онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-й ст.

Третий слева, в первом ряду генерал артиллерии Самед бек Садыг бек оглы Мехмандаров, Насиб бек Усуббейли. С членами четвертого кабинета правительства. 1919 год, город Баку

*Первый военный министр Азербайджана генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров
1919 год город Баку*

Генерал Али ага Шыхлинский, кавалер ордена Св. Георгия
4-й степени и Золотого оружия с надписью "За храбрость".
Декабрь 1917 года. Город Тифлис

В первом ряду, первая слева Нигяр ханум Шихлинская четвертый генерал Али ага Шихлинский. Царское село, 1912 год.

*Первая военная сестра милосердия
Азербайджана Нигяр ханум
Мирза Гусейн кызы Шихлинская
(10.10.1871-12.08.1931)*

Подполковник Али ага Шихлинский 1906 год город Тифлис

НОВАТОР РУССКОЙ ЗЕНИТНОЙ АРТИЛЛЕРИИ

*Полковник А.Лашков
Научный сотрудник Военного университета ПВО
полковник в отставке В.Голощук*

«Неотложная необходимость снабжения нашей армии специальными полевыми орудиями для борьбы с летательными аппаратами побуждает меня ходатайствовать... о сформировании теперь же 4-х орудийной автомобильной батареи..., вооруженной 3-дм пушками для стрельбы по летательным аппаратам. Формирование означенной батареи и командование ею считаю необходимым возложить на гвардии штабс-капитана Тарновского, так как во 1-х, предлагаемые орудия изготавливаются Путиловским заводом по идее и под наблюдением штабс-капитана Тарновского и никто из офицеров не может быть в данное время в такой мере знаком с предлагаемым орудием, как гв. штабс-капитан Тарновский, и во 2-х, командование этой батареей даст ему много ценных данных для дальнейшего усовершенствования своей системы на основании боевого опыта...»

*(Из доклада генерал-майора А.А. Шихлинского
в Главное артиллерийское управление 8 сентября 1914 г.)*

нее - противовоздушной) обороны страны.

В предвоенные годы гвардии поручик (позднее - гвардии штабс-капитан) В.В. Тарновский состоял в постоянном составе Офицерской артиллерийской школы, располагавшейся в Царском Селе (ныне гор. Пушкин). По долгу службы он часто участвовал в проведении боевых стрельб из полевых орудий. Наибольшее предпочтение отдавалось оценке и способам стрельбы по летательным аппаратам. Тарновский был в

Часть I

Генерал-майор А.А. Шихлинский, начальник артиллерии Петроградского укрепленного района, фотография 1913 г.

1911 г. Идеи Смысловского о том, что «вражеские аэропланы никогда не осмелятся летать над позициями наших войск, т.к. огня русской трехдюйм-

Страница журнала “Техника и вооружение”, изданного в Москве в декабре 2003 года. Статья о Али аге Шихлинском

*Академик - философ Гейдар
Наджаф оглы Гусейнов
(1908-1950 год)*

*Полковник Али ага Шихлинский
вместе с супругой Нигяр ханум
27-го октября 1909 года*

*Штабс- капитан Ибрагим ага
Паша ага оглы Векилов
(1853-1934)*

*Генерал-топограф
Ибрагим ага Паша ага оглы Векилов*

Топограф - генерал Ибрагим ага Векилов вместе с членами семьи, Тбилиси, 1912 год

Ибрагим бек Асланбеков в молодости

Адмиралъ
А. Б. Асланбеговъ.

*Вице-адмирал Ибрагим бек Аллахверди
бек оглы Асланбеков (1822-07.12.1900)*

Портрет Ген.-м. Исрафил бека Иедигарова.

Место съемки : Тифлис
Фотограф (Э. Вестли)

*Слева полковник Рустам бек
Рза бек оглы Карабаглы
(1781-1845) и император
франции Наполеон Бонапарт
(1769-1821)*

*Полковник Вели бек Садыг бек
оглы Ядигаров (1898-1973)
Во время его службы в поль-
ской армии 1921-1945-ом годах*

*Зулейха ханум Ядигарова - Ка-
линовская. Дочь полковника
Вели бека Ядигарова.
Родилась в 1942-ом году, ныне
живет в Варшаве.*

Аббаскулу бек Ядигаров

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
при СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Гр-ку ЗЕЙНАЛОВУ ДЖАЛАЛУ
САЯД-оглы

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ СССР
ЦГВИА СССР

374666,
Азербайджанская ССР,
г. Баку, с/с Моруг,
ул. К. Маркса, 15

20.04.76 № 373

На Ваш запрос сообщаем, что в материалах архива хранится послужной список инженера милиции, подпрапорщика Татарского конного полка Зейналова Саяда (п/с 58-150), из которого видно, что он родился 30 августа 1886 г., происходил из граждан Елисаветпольской губ.; в 1914 г. вступил добровольцем в Татарский конный полк, в 1915 г. произведен в урядники, в 1917 г. - в подпрапорщики и инженера милиции. Участвовал в войне с Австро-Венгрией и Германией с 20 сентября 1914 г., имел Георгиевские кресты всех 4-х степеней.

Женат на Гулгузар Гаджи Исмаил Кизим.

Одновременно сообщаем, что военный орден св.Георгия - один из старейших русских орденов, разделялся на 4-е степени. Высшей степенью являлась первая. Девиз ордена "За службу и храбрость"; орденом св.Георгия всех степеней награждались только воинские чины "единственно за особое мужество и храбрость и отличные воинские подвиги".

Начальник отдела

М.С. Головникова

Первый справа полковник Джахангир бек Кязымбеков, полковник Исафил бек Исафилов вместе с польскими товарищами 12 марта, 1932 год, Варшава

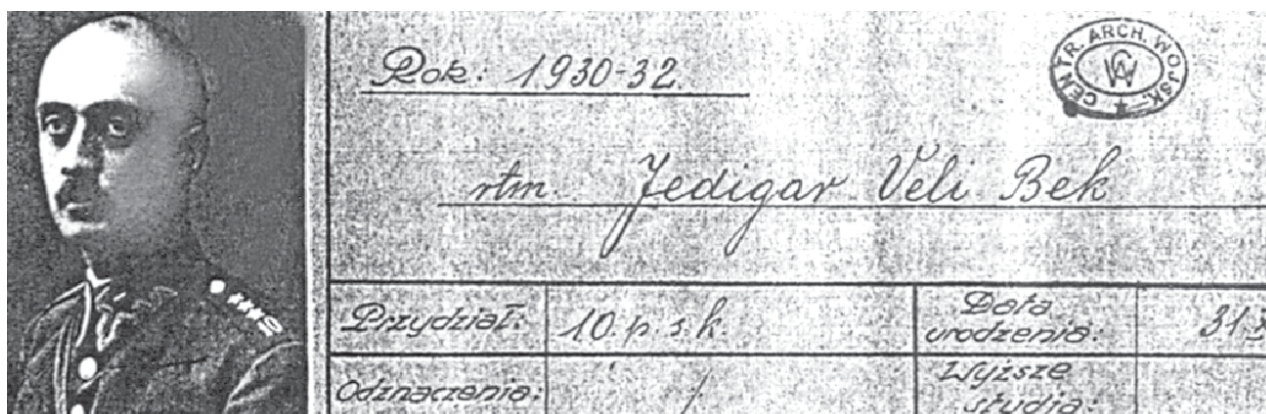
*Четырежды кавалер Ордена Святого Георгия поручик Саяд бек Зейналов
(30.08.1886-1942)*

*1916 год. Татарский-Азербайджанский полк во время атаки.
Художник В.В.Мазуровский*

Арчил бек Садыг бек оглы Ядигяров. 1916 год, западный фронт.

Удостоверение выданное в польской армии полковнику Вели беку Ядигярову в 1930-ом году

*Полковник Исрафил ага
Мамед ага оглы Ядигяров
(1888-1944)*

Садыг бек Ядигяров

*Дворцовой советник Кавказского
наместника Ага бек Ядигяров (1823-1892)*

*Вели бек Садыг бек оглы
Ядигяров в годы
Первой Мировой войны
(1898-1973)*

23 июня 1918 года приказом министра внутренних дел республики полковник Ибрагим ага Векилов был назначен генерал-губернатором Гянджи. Ему предстояло разоружить остатки дашнакских сил, скрывавшихся в округе Гёран и отдельных селах. В донесении, отправленном им министру внутренних дел 23 марта 1919 года, говорится, что в Гянджинском уезде имеют место провокации, устроенные дашнакскими агрессорами и иностранными агентами. Задержаны армяне, которые, объединившись с местными большевиками, планировали массовое убийство мусульман. Арестован их главарь деревенский богач Джамшид Восканов.

В честь праздника Новруз в марте 1919 года состоялся парад Национальной армии. Для участия в нем в Гянджу прибыли военный министр Самед бек Мехмандаров и группа парламентариев. За образцовый порядок в гарнизоне военный министр выразил искреннюю признательность Ибрагиму аге Векилову.

Решением правительства Азербайджана от 30 марта 1919 года за продолжительную и безупречную службу в армии Ибрагим ага Паша ага оглы Векилову было присвоено звание генерал-майора.

Спустя полмесяца решением правительства за номером 248 генерал Ибрагим ага Векилов был назначен начальником военно-топографического отдела Генерального штаба. Он с честью и достоинством служил на этой должности до апрельской оккупации Азербайджана большевиками.

В декабре 1919 года Генеральный Штаб принял решение о создании первого военного флага. Создатель флага был начальник военно-топографического отдела генерал-майор Ибрагим ага Векилов. Флаг был изготовлен из шелка. На одной его стороне было вышито слово «Азербайджан», а на другой – боевой клич Великого Эмир Теймура, с которым он вел свою конницу в бой: «С Божьей помощью победа близка» которая была взята из Священного Корана. В приказе номер пять Генерального Штаба говорится о создании флага единой формы для конных, пехотных полков, отдельного батальона и военных школ.

Ибрагим ага Векилов активно участвовал в литературной жизни Тифлиса начала прошлого века. Здесь он подружился с великим драматургом Джалилом Мамедкулузаде. Об этом можно узнать из книги супруги Мирза Джалила Гамиды ханум «Мои воспоминания о Мирзе Джалиле». Гамида ханум пишет: «*В 1907 году в Карабахе ожидалось нашествие саранчи и голод... Узнав о безвыходной ситуации в нашем районе председатель Мусульманского Благотворительного Общества*

в Тифлисе Ибрагим ага Векилов, секретарь Мирза Джалил отправили по почте на мое имя шестьсот рублей для раздачи среди пострадавших».

8 января 1906 года на собрании Мусульманского благотворительного общества, проходившем в зале сельскохозяйственного общества Кавказа, Ибрагим ага Векилов был избран первым его председателем. Представители передовой азербайджанской интеллигенции единогласно назначили его председателем Общества. Секретарем общества был избран Джалил Мамедкулузаде, а членами были избраны – Алимардан бек Топчубашев, Самед ага Гаиров, Осман бек Муфтизаде, Рашид бек Исмаилов, Имададдин Субханкулов, Кямал эфенди Унсизаде, Мамед Гасан Иманов, Адиль-Гирей Даидбеков, Абдуррахман бек Эфендиев и др.

У нас имеется убедительное свидетельство совместной деятельности Мирза Джалила и генерала Ибрагим ага Векилова. Это двенадцатый номер журнала «Молла Насреддин», датированный 22 марта 1909 года. В журнале помещены два дружеских шаржа на Ибрагим ага Векилова. На первом Ибрагим ага стоит посреди улицы, идущие навстречу ему мусульманские интеллигенты с улыбкой на лице поклоняются ему и говорят, что «ты организуй благотворительное общество, и мы все окажем тебе материальную поддержку». Под рисунком, мастерски исполненным Изофом Роттером, написано: «Ибрагим ага Векилов до избрания председателем Мусульманского благотворительного общества».

На втором шарже Ибрагим ага Векилов вновь стоит посреди улицы, но в одиночестве. Он с удивлением смотрит на разбегающихся по сторонам, прячущихся тех же интеллигентов и спрашивает: «что с ними стряслось?». Под рисунком стоит надпись: «после избрания председателем Мусульманского благотворительного общества».

В начале прошлого века Ибрагим ага как топограф пользовался большим авторитетом. Около сорока лет он служил в качестве военного топографа. Его заслуги были высоко оценены. Ибрагим ага Векилов был награжден орденом Святой Анны третьей степени (1886 год), персидским орденом «Шире-Хоршид» (1888 год), орденом Святого Святослава второй степени (1894 год), орденом Святой Анны второй степени (1897 год), орденом Святого Владимира четвертой степени (1903 год).

В изданном в 1902 году в Тифлисе «Известиях Кавказского отделения русского императорского географического союза» (том XV) читаем: «Четвертый отдел, которым руководит подполковник Ибрагим ага Векилов, получил задание продолжить съемки района Карсской крепо-

сти. До сих пор отделение успешно справлялось с работой. В отделе географических съемок подполковника И.Векилова принимали участие коллежский ассесор Богданов, подъесаул Борисенко, подпоручик Беклешов и три землемера».

Генерал-майор Ибрагим ага Векилов был автором первой географической карты Азербайджана и заложил основы создания отечественной топографической школы. Он был членом Национального Совета, объявившего 28 мая 1918 года о независимости Азербайджана.

В приказе Народного Комиссариата по Военно-Морскому Флоту от 3 декабря 1922 года читаем: «За выдающиеся заслуги при организации и руководстве курсами военных топографов, а также за добросовестное отношение к подготовке новых топографов, реализацию первого выпуска топографов начальник военно-топографического отдела товарищ Ибрагим ага Векилов **решением общего собрания избирается почетным курсантом курса военных топографов.**

Народный комиссар Военно-Морского Флота, Начальник Штаба».

Несмотря на травлю «мусаватского генерала» новой, советской властью, Ибрагим ага не прекращал военно-научную, педагогическую деятельность. Живший в нужде генерал в последние годы жизни писал правительству: «Вдовец. (жена скончалась в 1923 году и похоронена в Тифлисе – Ш.Н.). Кроме кровати, стола и перегородки ничего не имею. Доживаю дни в одном из углов тесной квартиры сына...».

Об отношении власти большевиков к Векилову говорит и другой факт. В архиве хранится «Военно-послужная книжка» Ибрагима аги Векилова. Некий чиновник черной тушью зачеркнул слово «генерал-майор» в графе «звание»...

Глубокие познания в области топографии пригодились Ибрагиму аге Векилову и при советской власти, когда он был начальником Управления топографии-геодезии Народного комиссариата земли, работал в Комитете охраны древних памятников искусства и природы Азербайджана.

Знакомясь с богатым архивом Ибрагима аги Векилова, начинаешь ярче видеть каким честным, любящим свой народ человеком он был.

Написанные генералом статьи содержат богатый материал для изучения отдельных сложных и противоречивых моментов нашей истории. Хранящийся в Государственном историческом музее Азербай-

джана рукопись содержит перечень статей и выступлений, подготовленных в советский период. Конечно, он не отражает всю деятельность генерала в советское время, не говоря о царском периоде и периоде существования АДР:

1) Копия приказа 373а по военному ведомству, §4 подтверждает, что я действительно избран почетным курсантом топографических курсов.

2) Информацию № 2406 от 8 мая 1929 года для Центрального Исполнительного Комитета Народного Комиссариата Земли Азербайджанской ССР подготовил я.

3) Выписку журнального постановления Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана от 23/XI-1922 года написал я.

4) Я подготовил свидетельство Военного Комиссариата Азербайджана за номером 1347 от 8 мая 1923 года.

5) Выписку постановления Центрального Исполнительного Комитета Азербайджана от 1 апреля 1922 года написал я.

6) Статья о кочевниках напечатана в третьем номере журнала «Общества по Изучению и Исследованию Азербайджана».

7) В журнале «Йени кянд» («Новое село») опубликована моя фотография как основателя Землемерного Техникума имени Самеда аги Агамалы.

8) Книга Т.Г.Султанова «Нахичеванский Край и его экономика» напечатана вместе с составленными мною картами.

9) Составил карты а) Азербайджана, б) всего Кавказа, в) Европы, г) Азии, д) Америки (Северной и Южной), и) проживания тюрских народов в Азии и Европе.

Слово ученого

*Гоча тарих илһам алмыш
Мәрд әлләрин јазысындан.*

Самед Вургун.

Кроме полководческой деятельности генерал-топограф Ибрагим ага Векилов имеет большие заслуги перед нашим народом и в других областях. Он является составителем первой «Политической и физической карты Азербайджанской Республики». Какова судьба этой карты? Эта национальная карта не использовалась, ни мало, ни много

70 лет. Единственный экземпляр карты до наших дней сумел сохранить ученый, кандидат географических наук, доцент Малик Мирзоев.

- Малик муаллим, по каким качествам картографическая карта генерала Ибрагим ага Векилова отличается от советских карт?

- Составленная генералом «Политическая и естественная карта Азербайджанской Республики» является картографическим произведением. Он не только не уступает, но даже превосходит карты, составленные известными учеными и картографами мира. Составители карт, как правило, довольствуются отражением одной сферы (рельеф, политика, экономика и др.). Объединить в одной карте две сферы впервые удалось генералу Ибрагим аге Векилову. Он объединил как политические пространства, так и естественные. В результате генералу удалось создать глубоко содержательное, подробное, легко читаемое оригинальное картографическое произведение. Изучая карту, приходишь к выводу, что для ее составления автор провел основательные исследования, уделил большое внимание изучению топографии, топономии, истории, ономастике, а также географических наук. При составлении карты использованы красные тона, на ней помещен флаг с полумесяцем и звездой. Масштаб выбран 1:420000. Для удобства в пользовании масштаб указан также в верстах. Этой единицей измерения, как известно, пользовались англичане. Тем самым значительно возросло практическое значение карты. Особое значение имеет компактность указанных на карте маршрутов. В сравнении с нынешними картами их количество очень мало. Четко обозначены построенные, строящиеся, узкие железные дороги, шоссейные, обозные пути, реки. Исследование карты показывает, что автор отлично знал топографию, а потому он указал сады, болота, засаленные места как вокруг крупных населенных пунктов, так отдельно расположенные. Чаше других садовые участки встречаются в местностях Ходжавенд, Лянбяран, Квартабойахмедли.

- Малик муаллим, а как даны названия местностей? Подверглись ли они изменениям как в русских источниках и картах или даны на тюркском языке?

- Главное достоинство карты Ибрагим ага Векилова в том и заключается, что названия местностей даны по-тюркски. К примеру, в Кура-Аразской низменности сохранены такие названия как Муганьская степь, Мильская степь, Ширванская степь. Естественные географические названия мало чем отличаются от нынешних. Из карты

можно почерпнуть немало интересных сведений. Особо ценным ее делает сохранение исторических названий (Карабулаг, Абдялляр, Горусу, Тертер, Иревань, Тифлис). Историческое значение имеют названия крепостей на территории Сальян и Сабирабада (Махмудгала, Джавадгала, Шингала, Абулгала). С научной точки зрения ценность представляет указание на карте притока Араза - Нового Араза, который и создал эти крепости. Названия многих мысов и предгорий вдоль Каспийского моря – от Астары до Дербента - указаны на тюрско-азербайджанском языке.

В последние годы армянские националисты безосновательно изменили и исказили многие географические названия. Карта Ибрагим ага Векилова – достойный ответ таким «горе-исследователям». Охчи, Акстафа, Алагель, Гарагель, Базарчай и другие названия тюрского происхождения наглядный тому пример. Правильное указание географических названий имеет в настоящее время большое научное значение. Карта Ибрагима аги Векилова является единственным картографическим произведением, имеющимся у нас на руках. Он нуждается в глубоком изучении историками, языковедами, географами, политиками. Карту можно использовать и при решении ряда спорных вопросов (названия, границы). **Она может сыграть большую роль в восстановлении забытых слов и названий, имеющих тюрское происхождение.** На карте отмечены границы Азербайджана с соседними государствами, что свидетельствует о глубоком знании автором Кавказа. «Политическая и естественная карта Азербайджанской Республики» Ибрагима аги Векилова четко указывает границы уездов (политическую ситуацию).

Эту карту талантливого топографа-картографа Ибрагима аги Векилова необходимо переиздать. Мне кажется, что в различных архивах ждет исследователей еще немало трудов Ибрагима аги Векилова. Прделанную Ибрагим ага Векиловым работу необходимо должным образом довести до его соотечественников. Для этого надо прививать молодежи чувство любви к Родине, уважения к историческому прошлому. К сожалению, в Азербайджанской энциклопедии нет ни одной строчки о таком выдающемся ученом, генерале.

Звездный час семьи

*Коран и шариат мужей и жен
Соединяют испокон веков.
Мой брачный договор – четверостишие,
Религии какой подвластен он?!*

*Мехсети Гянджеви, поэтесса
конца XI века-начала XII века*

В архивных документах имеются немало свидетельств того, с каким усердием и старательностью трудился Ибрагим ага Векилов в области военной топографии. Одно из них привлекло мое внимание. Это свидетельство, выданное 30 июля 1928 года народным комиссаром общественного обеспечения Мухтаром Гаджиевым:

«Настоящим подтверждаю, что в период моего пребывания на посту председателя ЦИК Азербайджана военный топограф Ибрагим ага Векилов неоднократно избирался членом различных комиссий, а также принимал участие в определении границ между республиками Азербайджан и Армения, и в целом в различных работах при ЦИК Азербайджана. Товарищ Векилов искренне любит свою специальность, ответственно, добросовестно и аккуратно выполняет возложенные на него обязанности»

Из воспоминаний покойного поэта Мансура Векилова:

В 1952 году с моим отцом Фахри Мамедрза оглы Векиловым, работавшим заместителем министра здравоохранения Азербайджанской Республики, произошло интересное событие, которое я никак не могу забыть и сейчас. Неожиданно, среди ночи отца вызвал Мир Джафар Багиров и прямо на пороге спросил: «Генерал Векилов твой родственник?». Отец, побледневший от ничего хорошего не сулящего ночного вызова, еле выговорил: «Да». **Несколько смягчившись, Багиров понизил тон и сказал: «Чего волнуешься? Таким родственником гордиться надо. На днях я спорил с армянами о наших границах. Нашел карту Векилова и наглядно им доказал, что оспариваемые земли являются нашими».**

Это признание, конечно, было чудом того времени: эти слова говорил человек, по указу которого один сын генерала Ибрагима аги Векилова – полковник Галиб бек был расстрелян в 1935-ом году, а другой – инженер Фарис бек на восемнадцать лет сослан в Сибирь.

29 ноября 1933 года Народный комиссариат АзССР установил

персональную пенсию старейшему генералу.

Большую часть жизни проведший в Тифлисе Ибрагим ага Векилов в 1884 году женился на русской девушке Елене Ефимовне Ермолаевой. Однако искренно любящие друг друга молодые люди попали в безвыходное положение. Дело в том, что в тот период действовал указ императора Александра III, категорически запрещающий мусульманину жениться на русской. Если же мусульманин все –таки решил связать брачные узы с русской, то он был обязан отречься от своей религии и принять христианство. В противном случае он лишался родительских прав. В поисках выхода из создавшейся ситуации Ибрагим ага Векилов обращается в Священную синод Русской Православной Церкви, его обер-прокурору Победоносцеву, который имел огромное влияние на Александра III. Ибрагим ага Векилов просит не обязывать его принять христианство и узаконить брак, однако получает решительный отказ. Победоносцев советует не мечтать о браке с русской. “Мы отберем у вас детей, у вас нет прав на отцовство над ними.”

Наконец, в 1891 году наступил звездный час семьи. Словно судьба решила взять под свою опеку их счастье. В тот год капитан Ибрагим ага Векилов как самый лучший топограф был по приказу царя командирован в Турцию.

Спустя два года болгарский священник Георги Мисаров сочетал браком Ибрагима агу и Елену. В это время мужу было тридцать девять, а жене – тридцать два года. В семье росли два мальчика: семилетний Борис и шестилетний Глеб.

Генерал Ибрагим ага Векилов приходится двоюродным братом нашему великому поэту Самеду Вургуну. Брат поэта Мехдихан Векилов в повести «Мой брат» пишет:

«Последняя беседа Самед Вургуна с генералом Ибрагимом агой (генерал И.Векилов скончался 2 июня 1934 года – Ш.Н.) касалась обращения его жены Елены Ефимовны Л.Н.Толстому по поводу возможности принятия сыновьями ислама и ответного письма великого писателя».

ПИСЬМО ЛЬВУ ТОЛСТОМУ

В душе нашей есть Божий свет. Имя ему – совесть.

Лев Толстой

Прошло шесть лет. Однако отцовское сердце Ибрагима аги не успокоилось, и материнская душа Елены Ефимовны не перестала тревожно биться. Их волновал вопрос – какой религии должны были служить дети? Судьба подарила им третьего ребенка. Дочери Рейхан шел тринадцатый год. Как быть? У кого просить совета? Официальные государственные органы и религиозные деятели не могли помочь семье.

Старший сын генерала Борис учился в Петербургском Технологическом институте, младший, Глеб - в Алексеевской военной школе в Москве. Они тоже задавались вопросом: Кто мы? Какой нации принадлежим? За ответом мальчики часто обращались родителям.

Из беседы с Фарис беком Векиловым:

- Мне исполнилось девять лет. Наряду с учебой меня не покидала мысль о переходе в мусульманство. Ситуация, сложившаяся в 1904-1905 годах, должна была помочь осуществлению замысла. Русско-японская война, революционный настрой масс вынудили правительство предпринять ряд либеральных шагов. В 1904 году был опубликован «Манифест о свободе вероисповедания».

Документ допускал возвращение в религию тех, кто по каким-то причинам от нее отрекся. Казалось, что достаточно подать соответствующее заявление и вопрос решится. Опытные люди, в том числе и мои родители, не советовали мне в первый год приезда в Петербург поднимать вопрос религии в присутствии защитников православной религии. Эта предосторожность нашла свое отражение и в письме моей матери Льву Толстому. Дабы избежать ненужных осложнений, реализацию моего намерения пришлось отложить на некоторое время.

Родители решили, что кроме Льва Николаевича Толстого никто не сможет дать умный совет. Поэтому второго марта 1909 года Елена Ефимовна написала из Тифлиса Льву Толстому:

Глубокоуважаемый наш наставник Лев Николаевич, я не нахожу слов для извинения перед Вами за то беспокойство, которое причиняю своим письмом, я знаю, как нас много желающих получить от Вас совета, но, несмотря на все это, я пишу, потому, что жизнь задала мне непосильную задачу.

Я постараюсь в коротких словах изложить мою просьбу. Мне

50 лет, я имею трех детей, муж мой магомед (магометанин – ред.); но брак наш законный; дети православного вероисповедания; дочери 13-й год, одному сыну 23-й год, он студент Технического института в Петербурге, а 2-му 22-й год, он юнкер Алексеевского военного училища в Москве. Вот эти-то сыновья просят моего разрешения перейти в веру отца, т.е. магометанскую. Что мне делать? Я знаю, что теперь это можно, но я также знаю и те гонения на инородцев, которые у нас существуют. Причина, побудившая их, не имеет мелкой жизненной подкладки, ни материальный расчет, ни карьера не толкают их на этот шаг, а только одно желание прийти на помощь этому темному татарскому (азербайджанскому – ред.) народу, а слиться с ним, войти в его среду мешает религия.

Но я боюсь своим близоруким советом толкнуть их на плохое: я одинока со своим горем, о если бы могла описать мои муки, мою борьбу. Я пишу со слезами матери, безумно любящей своих детей. И вот, обезумевшая от мук, я решаюсь просить Вашего совета, Вы, только Вы Вашим умом можете предугадать, к чему это может привести при настоящих условиях нашей жизни. Вам мое горе покажется и маленьким, но меня оно давит до физических мук.

Лев Николаевич, Вы нам, маленьким, сереньким, никогда не отказывали в Вашем теплом, сердечном совете, зная это, я решилась, осмелилась беспокоить Вас своей просьбой; бросьте песчинку мне в утешение.

Много раз извиняюсь, что отняла у Вас дорогое время, на этот шаг меня толкает безумная любовь матери.

Всей душой преданная Елена Ефимовна Векилова.

Город Тифлис, 2 марта 1909 г.

Учебный переулок 1, дом 8¹.

В письме, написанном в Ясной Поляне пятнадцатого марта 1909 года, великий просветитель отвечал:

Елена Ефимовна,

Не могу не одобрить желания ваших сыновей содействовать просвещению татарского (азербайджанского – ред.) народа. Не могу судить о том, насколько при этом нужен переход в магометанство. Вообще должен сказать вам, что не признавая государства, я считаю излишним и всякое формальное заявление кому бы то ни было о

¹ В настоящее время улица называется Уш.Чхеидзе - Ш.Н.

том, к какой вере принадлежит человек. И потому думаю, что если сыновья ваши и захотят усвоить взгляды магометанские предпочтительно перед православным, то им не нужно бы заявлять об этом, т.е. о своем переходе от одного вероисповедания в другое. Может быть, это необходимо, но я об этом судить не могу, и поэтому ваши сыновья должны решить сами, заявлять ли или не заявлять им об этом предержавшим властям.

Что касается до самого предпочтения магометанства православию, и в особенности по тем благородным мотивам, которые выставляют ваши сыновья, я могу только всей душой сочувствовать такому переходу. Как ни странно это сказать, для меня, ставящего выше всего христианские идеалы и христианское учение в его истинном смысле, для меня не может быть никакого сомнения в том, что магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия. Так что, если человеку поставлено только два выбора: держаться церковного православия или магометанства, то для всякого разумного человека не может быть сомнения в выборе, и всякий предпочтет магометанство с признанием одного догмата, единого Бога и Его пророка, вместо того сложного и непонятного богословия - Троицы, искупления, таинств, Богородицы. Святых и их изображений и сложных богослужений. Оно и не могло быть иначе, т.е. не могло не быть того, чтобы магометанство, по отсутствию многих суеверий, затемняющих сущность учения и вошедших в церковную веру, не стояло бы выше этой церковной веры уже по одному тому, что магометанство возникло на 600 лет позднее христианства.

Все на свете развивается, совершенствуется; как совершенствуется отдельный человек, так и совершенствуется все человечество и главная основа жизни всех людей – их религиозное сознание. Совершенствование же религии состоит в ее упрощении, уяснении, освобождении от всего того, что скрывает ее. Такое освобождение религиозной истины от того, что ее скрывает, совершалось с самых древнейших времен великими мыслителями человечества, сделавшимися основателями всех больших религий. Так, прежде всех других, известных нам религий, такое новое, более высокое понимание религии дано было в книгах Веды (в Индии), позднее в учениях Моисея, Будды, Конфуция, Лао-Тсе, Христа, Магомета. Все эти основатели новых религий, освобождавшие религию от древнего грубого понимания ее и заменявшие его более глубоким, простым и разумным, были великие

люди, но все-таки люди, и потому не могли выразить истину во всей ее ясности, глубине и чистоте от всяких прошлых заблуждений. Но если бы даже предположить, что люди эти не могли ошибаться, и все, что они говорили, была несомненная истина, то те ученики их, которые стояли много ниже их, не усвоив истину во всей ее глубине, естественно, желали украсить ее, сделать ее обязательною для всех, извращали ее, прилагая к ней опять много ненужного и в особенности чудесного, из-за которого трудно было большинству людей видеть саму истину во всем ее значении. И такие извращения истины, чем дольше исповедовались религии, тем все больше и больше нарастали на открытую основателями истину и затемняли ее. И потому в самых древних религиях больше всего чудесного и всякого рода суеверий, скрывающих истину: более всего в самой древней, в браминской, уже меньше в буддийской, конфуцианской, таосистской, еще менее в христианской, но уже меньше всего в самой последней большой религии – в магометанской.

И потому магометанство находится в самых выгодных в этом отношении условиях. Ему стоит только откинуть все неестественное, внешнее в своем вероучении, в основу поставить основное религиозно-нравственное учение Магомета, и оно естественно сольется с основами всех больших религий, и в особенности с христианским учением, которое оно признает истиной.

Пишу вам так длинно, потому, что думаю, что вы сообщите мои мысли вашим сыновьям, и что мысли эти могут им пригодиться в исполнении их прекрасного намерения. Содействовать очищению религий от всего того, что затемняет те великие истины, которые составляют их сущность, одна из лучших деятельностей, которую может избрать человек. И если ваши сыновья поставят себе эту деятельность целью своей жизни, то жизнь их будет полна и благотворна.

Не знаю, известно ли вам и вашим сыновьям о двух известных мне учениях в магометанстве, которые стремятся к этой самой цели: освобождению высших основных истин от скрывающих их заблуждений и суеверий. Оба эти учения подвергались и подвергаются за это гонениям. Одно из этих учений – это учение бабистов, зародившееся в Персии, перешедшее в Турцию, где тоже терпело гонения и теперь сосредоточилось в сыне Бага-Улла, живущем в Акке. Учение это не признает никаких внешних форм богопочитания, считает всех людей братьями и признает только одну религию любви, общую всему

человечеству. Другое учение возникло в Казани. Последователи его называют себя Божьим Полком или Ваисовцами, по имени своего основателя. Эти люди также полагают сущность веры в делах любви и потому воздерживаются от участия во всех делах против любви, как-то: податях, которые употребляются во зло, и от солдатства. Секта эта также гонима, и на днях только руководитель их был посажен в тюрьму.

Очень буду рад, если мои советы пригодятся хоть на что-нибудь и вы или сыновья ваши известят меня о своем решении и своей дальнейшей деятельности. Лев Толстой².

Видимо, письмо матери очень взволновало Льва Толстого. Это можно понять из четырехстраничного и, можно сказать, безотлагательно написанного ответа. Его мнение: **«магометанство по своим внешним формам стоит несравненно выше церковного православия»** положило конец переживаниям семьи. Письмо писателя в семье было воспринято как приговор, закон.

После письма Льва Толстого Закавказское Духовное Управление в Тифлисе приняло детей Ибрагим аги Векилова в мусульманство, и это было письменно подтверждено официальным документом за подписью муфтия Мирзы Гусейн эфенди Гаибзаде. Были сменены имена мальчиков: Борис стал Фарисом, Глеб – Галибом.

Оригинал письма Льва Толстого Елене Ефимовне Векиловой Фарис бек передал в Музей имени Льва Толстого в Москве в 1978 году. У автора этих строк хранится фотокопия того письма.

Свое уважение к мусульманской религии гениальный Толстой выразил не только в этом письме. О его сердечной любви к исламу, личности Пророка Мухаммеда свидетельствовали многочисленные его друзья. Из предлагаемой ниже беседы, которая впервые представляется вниманию уважаемого читателя, отчетливо видно его собственное признание.

Словак Д.П. Маковицкий в течение шести лет был личным врачом Льва Толстого и свидетелем многочисленных визитов к писателю. Об увиденном и услышанном он поведал в монументальном произведении «У Толстого в 1904-1910 годах». Этот четырехтомный труд впервые был издан в 1979 году в Москве под названием «Яснополянские записки». На странице триста пятьдесят шесть третьего тома

² Письмо написано на пишущей машинке. Подчеркнув текст, автор собственноручно написал «Лев Толстой» – Ш.Н.

Л. Н. Толстой

опубликован разговор в семейном кругу Толстого, из которого читатель может еще раз убедиться не только о внимании великого писателя к просьбе супруги генерала Ибрагима аги Векилова, но стать свидетелем глубокого почитания им исламской религии.

Душан Петрович Маковицкий пишет:

«Во время беседы 13 марта 1909 года Лев Николаевич сказал: «Получил письмо от одной матери, пишет, что отец детей является мусульманином, сама же - христианкой. Имею двух сыновей: один студент, другой офицер. Оба хотят исповедовать му-

сульманскую религию».

Софья Андреевна: - Наверное, дети хотят перейти в мусульманство ради многоженства.

Лев Николаевич: - Ну и что... У нас разве мало мужчин, имеющих несколько жен?

Затем Лев Николаевич сказал, что многое ему стало ясно, когда он задумался над этим письмом. **Лев Николаевич:** Коран всегда превосходит Евангелие. Он не считает Иисуса Богом и себя не приравнивает к Богу. У мусульман нет Бога кроме Бога и Мухаммед его пророк. В этом нет никакой загадки и тайны. Что лучше: христианство или мусульманство? Для меня ясно, что мусульманская религия лучше, она выше. **После некоторого молчания Лев Николаевич повторил:** - Мусульманство несравнимо превосходит христианство. Мусульманство очень помогло мне.

Михаил Васильевич: - Запорожские некрасовцы³ приняли мусульманство. **Лев Николаевич:** - С развитием человека развиваются и основы религии: Таосизм, Буддизм, Христианство. У них одинаковая религиозная основа. С течением времени это приводит к единству и счастью.

“Мусульманство очень помогло мне” - говоривший так Лев Толстой в своей переписке с еще одной нашей известной личностью, просветителем Гасан беком Зардаби (1837-1907) еще раз признался в

³ После подавления в 1708 году восстания Булавина донские казаки под предводительством атамана Игната Некрасова перебрались в Турцию – Ш.Н.

своих симпатиях к мусульманской религии.

“Значительный интерес представляет письмо Г.Зардаби, адресованное Л.Н.Толстому, написанное в октябре 1903-го года.

Это письмо показывает самую тесную связь между Л.Н.Толстым и Г.Зардаби

“Уважаемый граф Лев Николаевич!

Дорогое для меня Ваше ответное письмо от 11 октября получил. Само собой разумеется, из него я узнал, что дорогой мой друг в совершенном здравии, чему я очень рад. Благодарю Вас за внимание, что удостоили ответом; не менее радуюсь и тому, что Вы очень дорожите общением с магометанами: это дает мне смелость сноситься с Вами, как с дорогим другом, откровенно и сообщать все те знания и потери, которые носят в душе “...(Гейдар Гусейнов” Из истории общественной и философской мысли в Азербайджане XIX века” Из.Ак. наук Азербайджана, Баку, стр.673.)

ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

Спустя восемьдесят два года в своем досье за номером семь (1991 год) «Литературная газета» сообщила о семейном письме Ибрагима аги Векилова. Досье было посвящено священной книге – Корану, который вобрал в себя догмы всех религий. Эта инициатива была началом важной работы – предоставления русскому читателю открытой, непредвзятой информации об основах исламской религии.

Газета опубликовала отрывки письма писателя Льва Толстого Елене Векиловой и с сожалением заметила об отсутствии у нее каких-либо сведений о личности Векиловой. В Азербайджане нашелся человек, который обладал достаточно полной информацией о Е.Е.Векиловой. Это была внучка генерала, профессор Векилова Лейла Галиб кызы. Вот что она писала газете:

«Предыстория события такова. Елена Ефимовна, девичья фамилия Ермолаева, родилась в семье аристократа – военнослужащего. На одном из мероприятий с участием офицеров она познакомилась с молодым офицером Ибрагимом агой Паша ага оглы Векиловым.

Род наш Векиловых происходит из уездного города Азербайджана Казаха и принадлежит аристократическому сословию. Ее история насчитывает более трехсот пятидесяти лет. Наш род вырастил немало военнослужащих, ученых, писателей и поэтов, в том числе корифея азербайджанской литературы Самеда Вургуну.

Двое молодых людей – Елена Ермолаева и Ибрагим ага Векилов влюбляются. Однако их семейному счастью мешает различие в вероисповедании. Азербайджанец И.Векилов является мусульманином, русская Е.Ермолаева – христианкой. По законам царской России того времени при сочетании браком христиан с представителем другой религии, одна из сторон должна была отказаться от своей религии. Однако ни Е.Ермолаева, ни И.Векилов не могут идти против религии, на канонах которой воспитывались. Поэтому мой дед решил обратиться императору. Он просит Его высочество разрешить бракосочетание без отказа от религии. После долгих разбирательств было получено согласие. Однако законы России требовали, чтобы дети, рожденные от таких браков, обязательно получали православное воспитание.

Таким образом, все трое детей – дочь Рейхан, сыновья Борис и Глеб были крещены. Однако под влиянием отца и родственников дети больше тяготели к мусульманской религии. Повзрослев, дети, очень любящие мать, попросили у нее разрешения на переход в мусульманство.

По этой причине моя бабушка с вопросом «что делать?» обратилась к писателю Льву Толстому, который считался «совестью христианской религии».

Лев Толстой ответил бабушке пространственным письмом на четырех страницах. Отрывки из этого письма вы опубликовали в досье седьмого номера газеты.

После письма Толстого дети Елены Ефимовны и Ибрагима аги Паша ага оглы переходят в ислам. Изменяются и имена мальчиков – Борис становится Фарисом, а Глеб – Галибом.

Всю свою жизнь Елена Ефимовна посвятила преданному мужу и любимым детям. Она всегда находилась рядом с дедушкой, где бы он ни служил (он возвысился до звания генерал штаба). Она была очень грамотной женщиной, знала несколько языков, занималась литературно-художественными переводами, написала интересные воспоминания. Бабушка умерла в 1923 году в Тифлисе.

Мой дед и двое его сыновей верой и правдой служили своей Родине – Азербайджану. Особенно неocenимы их заслуги в 1918-1920 годах, когда шло строительство Азербайджанской Демократической Республики.

Дед мой Ибрагим ага был военным топографом. Он создал карты Ирана, Турции и Закавказья. Он занимал видное место общественной

жизни Азербайджана. В Азербайджанской Демократической Республике он занимал должность генерал-губернатора Гянджи. Награжден орденами России, Ирана и Турции.

Отец мой Галиб бек Ибрагим ага оглы Векилов получил военнотехническое образование. Участвовал в Первой мировой войне. За боевые успехи удостоен ряда наград, в том числе «Креста Святого Георгия».

Дядя Фарис бек Ибрагим ага оглы получил патенты на ряд изобретений, был талантливым инженером. К сожалению, и нашу семью не обошла волна репрессий.

В первый раз отца арестовали в 1931 году, но освободили по состоянию здоровья. В 1937 году его арестовали во второй раз и, невзирая на невиновность, расстреляли как бывшего царского и мусаватского генерала в ночь с 15 на 16 ноября...

Фарис бек Векилов
в студенческие годы

Дядя же восемнадцать лет находился в ссылке в Караганде, Магадане и Сибири. В память об отце у меня сохранились лишь полученные после смерти справки об оправдании.

Это все, что я хотела сказать о семье Е.Е.Векиловой, о которой вы упомянули на страницах досье.

Да, я хотела сказать несколько слов о себе. Я, Векилова Лейла Галиб кызы, являюсь доктором педагогических наук, профессором Педагогического института русского языка и литературы им. М.Ф.Ахундова, автором ряда книг по русскому языку для высших и средних школ Азербайджана. Всю сознательную жизнь посвятила обучению и воспитанию молодежи.

ПИСЬМО ИЗ ЧУЖБИНЫ

В семье топографа генерала Ибрагима аги Векилова росли трое детей – два мальчика и девочка. Лейла ханум с гордостью говорит об отце и дяде, но ни разу не упоминает тетю Рейхан. На то была веская причина. Рейхан была супругой Аббас бека Атамалибекова, который

в качестве представителя Азербайджана работал во Франции. Они уехали в эту страну в 1919 году и не вернулись на родину после большевистского переворота апреля 1920 года.

Вне сомнений, если бы Рейхан ханум вернулась в Азербайджан, где установился большевистско-дашнакский режим, ее судьба мало чем отличилась бы от судьбы братьев. Всем нам хорошо известны потрясения, выпавшие на долю представителей поколения интеллигенции Азербайджана. Векиловы – не исключение. Разве можно было вернуться в страну, доверившись советской тоталитарной власти, которая в черные, зловещие дни 1937 года на одиннадцать лет лишила свободы девятнадцатилетнего юношу, расстреляв отца-мать и даже дальних родственников? Конечно, нет. Все это - ссылки и расстрелы хорошо было известно им, всем проживающим в эмиграции.

Хорошо помню, в семидесятые годы я часто встречался с Фарис беком. Он не сдерживать слезы, когда упоминал сестру Рейхан ханум.

- Фарис бек, сестра была старше или младше вас?, спросил как-то я.

- Она была самой младшей в семье, - ответил он. - Сестра была веселой, задорной девочкой. Она родилась 20 июня 1896 года в Тифлисе. Она появилась на свет после двух мальчиков. Начальное образование сестра получила в школе благородных девиц в Тифлисе. В 1917 году состоялась ее свадьба. Муж Аббас бек Атамалибеков был сыном Сейфулла бека, который был родом из Шемахи, давно жил в Баку. Они были зажиточными, в то же время предельно интеллигентными людьми. Аббас бек крепко дружил с братом Узеир бека – Джейхун беком Гаджибековым, Алимардан беком Топчубашевым. Они вместе уехали во Франции и не больше вернулись. При жизни отца, до ареста брата и моего мы переписывались. А теперь даже не знаю, жива она или нет...

Пройдет ни мало, ни много – семьдесят семь лет, когда единственная наследница семьи генерала Лейла ханум получит письмо и фотографию из Америки. Письмо и фотографию ей отправил двоюродный брат, сын Рейхан ханум Галиб. Естественно, насколько радостно получить такое письмо, настолько велико и волнение. Профессор Лейла ханум познакомила с текстом письма, который написан на английском языке.

- Сына, родившегося в 1923 году, тетя в честь моего отца назвала Галибом. В детстве отец мне говорил, что у меня есть тетя. Даже показывал две ее фотографии, сделанные в детстве. После кончины де-

душки в 1934 году я ничего не слышала ни о тете, ни о ее сыне. В июне две тысячи первого года мне сообщили, что тебя ищет двоюродный брат Галиб Атамалибеков. Я отправила ему номер телефона и домашний адрес.

- Лейла ханум, в 1919-1920 года Рейхан ханум и ее семья жили во Франции. А как получилось, что письмо к вам пришло из Америки?

- Как пишет двоюродный брат, после 1920 года жизнь их стала очень трудной и мучительной. Несмотря на это, Галиб получил хорошее образование, побывал в нескольких крупных государствах мира. Еще во Франции он окончил Сорбонну. В годы войны в составе французских оккупационных войск служил в Германии. В 1946 году вся семья переехала в Латинскую Америку, в Чили. Как фармаколог Галиб работал в фирме которая имела филиалы в Тайване, Чили, Индии, Югославии, Египте. Наконец, в конце шестидесятых годов он обосновался в Америке. Тетя Рейхан ханум скончалась в 1966 году в Чили, а муж ее Аббас бек – в 1971 году в Америке.

В Югославии двоюродный брат познакомился с девушкой сербской национальности, специалистом в области химии и женился на ней. У них двое детей – сын Аббас-Доминик и дочь Тамар-Мария. В письме Галиб обещает, что в 2002 году посетит родину предков – Азербайджан. И в тот же год приехал...

*Гярай бек Векилов вместе с братом
Лютвели беком Векиловым и с сестрами*

НАШ СЛЕД В ТИФЛИСЕ

Свои молодые годы азербайджанские семинаристы провели в Гори. Они уезжают с самыми лучшими впечатлениями от Грузии и грузин. Грузия была нравственной родиной многих деятелей культуры Азербайджана. Разве можно забыть такую родину? Я выражаю глубокую признательность жителям Грузии и города Гори за искренние отношения.

*Фиридун бек Кочарли,
из интервью газете «Грузия» в 1918 году.*

С начала XIX века все большая часть нашей передовой интеллигенции поселялась в Тифлисе. Поэтому, при изучении жизненного пути большинства дореволюционной интеллигенции невольно обнаруживаешь их связь с Тифлисом. К сожалению, имена таких выдающихся личностей не увековечиваются. А оставшиеся кое-какие свидетельства постепенно утрачиваются.

Построенный в конце девятнадцатого века Ибрагим ага Векиловым собственный особняк на улице Уш. Чхеидзе был настоящим памятником архитектуры. Я нашел здание в 1985 году по схеме, которую нарисовал мне сын генерала Фарис бек. По возвращении в Баку я сообщил Фарис беку, что дом цел-целехонек. Один Бог да и я свидетели как он радовался этому известию. Девяносточетырехлетний одинокий старец встал, достал из черного шкафа изображение дома, поцеловал и загрустил.

В двухэтажном особняке жили две грузинские и одна армянская семья. Я спросил у них: «знают ли они, кому принадлежал этот дом?». Ответили, что одному генералу-татарину.

Я не выдержал и решил посмотреть особняк и в этот приезд в Тифлис. Какая-то сила тянула меня туда. Мне казалось, что там, в особняке, в саду перед домом, похожим на рай, расположен кусочек Азербайджана, который ждет не дождется своего сына.

Фарис бек говорил, что все деревья, которые росли у ворот особняка, отец привез из Гараязы, Салахлы. Отец всегда беседовал с ними. Отец заботился о них, с любовью ухаживал за ними. А когда уезжал в долгие командировки, то посылал им привет. Он говорил нам, что деревья – это память о родине, их следует своевременно поливать, не давать им высохнуть.

Переходя через Верийский мост, я поднялся на небольшую крутизну и не поверил своим глазам. Особняка генерала не было, он был

стерт с земли, как будто здесь ничего и не было. Сохранились только бесхозные деревья. Не осуждайте меня. Мне показалось, что деревья осиротели и плачут. Подошел поближе и начал ласкать их. Повел руками по стволам. Добрыми словами помянул генерала, Фарис бека. Стало не по себе. «Эх мир, почему ты так изменчив», - прошептал я. Листья деревьев зашелестели. То ли ветер подул, то ли они обрадовались моему приходу? Не могу сказать...

У соседей спросил: «Почему снесли особняк?». Ответили, что, мол, дорогу хотели расширить. Однако дорогу так и не расширили, и теперь раскаиваются в содеянном...

Вот так, в Тифлисе исчез памятник нашей истории. Обидно, что это никак не волнует наших официальных лиц. Тогда, в 1985 году, когда дом еще стоял на месте, я сказал одному официальному лицу, что в Тифлисе сохранился дом генерала Векилова.

- Что этим хочешь сказать? – спросил он, недоумевая посмотрев мне в глаза.

- Было бы хорошо, - ответил я – переговорить с грузинским правительством и прикрепить памятную доску на особняк. Ведь в этом доме жил единственный наш топограф генерал Ибрагим ага Векилов. Это – личность историческая...

Не дослушав меня, руководящий чин с безразличием сказал:

- Подумаем. Сейчас не до этого.

Пока наш руководитель «думал», особняк был снесен.

В том же 1985 году в Тифлисе я стал свидетелем события, которое очень обрадовало меня как азербайджанца. Проходя по улице, заглянул в книжный магазин. За прилавком стоял молодой симпатичный парень. Я на русском языке спросил: «Есть ли у вас хорошие книги на историческую тему? Сколько скажите, заплачу». Парень посмотрел на меня и на чистом азербайджанском ответил:

- Есть. Вот документальная повесть о жизни рано скончавшегося в Гяндже поэта Николоза Бараташвили. Не пожалеете, если купите. Здесь есть немало эпизодов о Гяндже того времени.

- Ты азербайджанец? - спросил я.

- Нет, - ответил он, - грузин. Живу на Мейдане. Все здесь живущие нации чисто говорят на азербайджанском языке. Я еще ваши песни пою, каждое воскресенье с нетерпением жду «Час мугама» на радио.

Снос особняка Векилова вчера меня огорчило. А сегодня я испытал гордость за уважительное отношение к нашему языку, нашей музыке. Я вышел из магазина с радостью на душе.

«ТЫ СЛУЖИЛ СВОЕЙ СТРАНЕ...»

Воспоминания – как историческая наука. Здесь нельзя ничего преувеличивать или замалчивать. В этом деле наличие дневника незаменимый помощник. К сожалению, эта традиция у нас почти что забыта.

Академик Мамедджафар Джафаров

В советское время не каждый осмеливался вести дневник или писать мемуары. Считалось, что мемуары могут писать только знаменитые люди и высокопоставленные государственные чиновники. Азербайджанцы, занимающие высокие посты, так притеснялись, что многие из них предпочитали не заниматься этим столь неблагодарным в то время делом. В противном случае им пришлось бы писать о подавляемых в душе чувствах, о разногласиях, раздирающих их внутренний мир.

Записи, оставшиеся от Фарис бека Векилова, нельзя назвать дневником, это скорее воспоминания. Доживший до девяноста одного года, этот, в истинном смысле слова, интеллигент, не допустил ни одной неточности в исторических фактах. Во времена Н.Ежова, в 1936-1937 годах, Фарис бек за свои знания и трудолюбие хоть и был назначен директором подмосковного «Завода №5», его тюркское происхождение постоянно вызывало недоверие со стороны тогдашних правоохранительных органов. Вспоминая те тяжелые годы, Фарис бек писал: «Если описать все, что я тогда чувствовал, то можно было бы создать большую впечатляющую картину тех лет. В сознании русского «тюрок» и «враг» были синонимами. Несколько недель, возвращаясь с работы, я спал, не раздеваясь, каждую минуту ждал ареста. Вопрос «За что?» - звучал смешно».

Когда, наконец, он был вынужден вернуться на родину – в Азербайджан, только один человек - секретарь партийной ячейки Александра Дудецкая - с сожалением сказала:

- Зачем вы уезжаете? Мы верим, что вы честный и порядочный человек.

В воспоминаниях Фарис бек переходит с 1917 года к 1923 году. Это естественно. В семидесятые годы цензура советских органов была сильна. Он мимоходом освещает времена правления партии «Мусават» в период своей жизни во Франции. Хотя живущий в эмиграции во Франции ученый генерал Мамедсадыг бек Агабекзаде в письмах к

своему двоюродному брату ученому Али беку Гусейнзаде в 1922 году пишет, что встретил в городе Фарис бека Векилова, и они долго говорили о покинутой родине.

Нельзя винить Фарис бека за то, что он не отразил всего этого в своих воспоминаниях. Виной тому является время, в которое он жил. Есть поговорка: «Обжегшись на молоке, дуют на воду». За восемнадцать лет, проведенных в тюрьмах и ссылке, он успел насмотреться многого.

Говорят, чему быть, того не миновать, от судьбы не уйдешь. На родине Фарис бека встретили тепло. Стране нужны были специалисты его уровня, но как мусаватиста держали под наблюдением. «Руководство приняло решение перевести меня с завода в систему Баксовета. Следить за полнокровной работой предприятий, подчиненных Баксовету, воодушевление их работников на ратный труд было поручено третьему лицу в Баксовете, начальнику спецотдела, «зоркому глазу» Арсену Аракелову. Я так и не узнал, какая у него специальность. Но зато я хорошо знал, чем этот человек занимается на своем посту. Выходца из бекской семьи, старорежимного инженера, беспартийного нельзя было оставлять без присмотра».

Наконец, летом 1942 года, начинается черный период жизни Фарис бека. Следящие за каждым его шагом работники НКВД Медведев и Ишханов его арестовывают. Фарис бек: «Совершенно неожиданно для себя в сентябре 1942 года я был арестован, обвинен в намерениях, никогда мне в голову не приходивших, и осужден. Последовали годы заключения - тюрьма, лагерь, ссылка... Это длилось восемнадцать лет.

Боль, причиненная моральной травмой от незаслуженного наказания, в некоторой степени забывалась в работе, которой я отдавался на чужбине, и которая там получила соответствующую оценку.

В 1959 году был реабилитирован в возрасте 74 лет. Вернулся в Баку. Здесь, знавшие меня старые друзья по работе и знакомые, поставили вопрос об предоставлении мне работы. Я был принят в научно-исследовательский институт стройматериалов, где должен был организовать и возглавить специальное конструкторское бюро. Отработал еще девять лет. На «заслуженный отдых» ушел, когда мне исполнилось восемьдесят три года. В последующие годы еще некоторое время принимал участие в работах».

На первом допросе следователь Ишханов (Ишханян – Ш.Н.) сказал с мрачным видом:

- Мы проинформированы о вашей производственной деятельности – она безупречна, но ваше инакомыслие должно быть наказано.

Тут невольно вспоминаешь перипетии судьбы знаменитого тюрколога Льва Николаевича Гумилева. Когда на Лубянке Л.Н.Гумилеву вручали решение специального органа НКВД, прокурор сказал: «Как человек грамотный, вы представляете опасность. Поэтому вы приговорены к десяти годам лишения свободы».

Только из-за инакомыслия через восемнадцать лет тюрем и ссылок Фарис бек вернулся на родину. Позже полковник КГБ Величенко, вручая оправдательный приговор Фарис беку, сказал:

- Документы и факты подтверждают, что за вами нет никакой вины. Собранное следователем Ишхановым двухтомное дело не стоит выведенного яйца.

По-моему, единственной «виной» Фарис бека Векилова было то, что он был сыном мусаватского генерала, полномочным представителем Азербайджана в Грузии в 1918-1920 годах, а также его талант инженера. На основании этих трех фактов Ишханов и состряпал дело об инакомыслии.

Написанные в 1977 году воспоминания Фарис бека Векилова начинаются с 1914 года. Эти воспоминания носят не только личностный характер. Здесь описаны случаи и факты, ярко характеризующие то время, которые невозможно читать без волнения.

Я много раз слушал воспоминания Фарис-бека, и о хорошем, и о горьком. Это были воспоминания о его доблестном роде, об отце, об эмиграции, о годах, проведенных в тюрьме. Но есть одно воспоминание, которое он не отразил в своих мемуарах.

Он рассказывал, что однажды в тюрьме, в столовой, между заключенными произошла драка. «Сидящего рядом со мной заключенного так ударили арматурой по голове, что его мозги, смешанные с кровью, упали мне в миску. Убрав кровавое месиво из тарелки, я, не испытывая чувства брезгливости, доел свой обед. Я был очень голоден, а просить добавку не разрешалось. Через минуту нам была дана команда встать и покинуть столовую».

Я на одном дыхании прочитал эти воспоминания. Мне вспомнилось французское изречение: «Писатель, занимаясь творчеством, должен придерживаться заповедей божьих и творить во имя человечества». Пройдя все жизненные невзгоды, покойный ныне Фарис бек избрал эпитафией к своим мемуарам такие слова: «На одной из забытых могил было написано:

*Спи спокойно, инженер.
Трудолюбием и знаньем
Ты служил своей стране*

ВЕКИЛОВЫ - ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ

Затындан бир хүнәр көрүнсә сәндә,
Сәни јашадачаг өзүн өлсән дә!

*Амир Хосров Дехлеви (1253-1325),
великий индийский поэт.*

Представители рода Векиловых доблестно служили в царской армии, в Национальной армии в годы существования Азербайджанской Демократической Республики, а также в советский период. В приказе командующего Отдельной Кавказской армии генерала Н.Н.Муравьева от 12 сентября 1855 года читаем:

«Наградить командира роты, состоящего из казахцев, третьего мусульманского (азербайджанского – Ш.Н.) кавалерийского полка, капитана Мансур ага Векилова орденом «Святой Анны» четвертой степени «За храбрость», присвоить прапорщику милиции из Казахской полусотни Мир Мирза Мухаммед Шариф оглы чин подпоручика, разрешить адвокату Борчалинской бекской полусотни Мамед Шах Агасултанову ношение серебряного темляка и присвоить чин юнкера, разрешить Мустафа аге Мирзали ага оглы Векилову из Казахской бекской полусотни ношение серебряного темляка и присвоить чин юнкера» (См. газета «Кавказ», № 85, 24 сентября 1855 года).

В изданном в 1889 году в Тифлисе «Справочнике» Кавказского военно-исторического музея я нашел следующую информацию: «Полковник Мирза Худадат бек Векилов родился в селе Салахлы в 1822 году. Первое офицерское звание получил 2 июня 1847 года, чин полковника получил 14 декабря 1879 года. В настоящее время служит в Отдельной Кавказской регулярной армии. За отвагу награжден орденами: «Святой Анны» четвертой степени (1847), «Святой Анны» третьей степени с бантом (1851), «Святого Станислава» (1858), медалью в честь десятилетия коронации императора (1860), «Святой Анны» второй степени с кинжалами (1861), «Святого Владимира» четвертой степени с бантом (1875), «Святого Владимира» третьей степени (1883) и персидский орден «Шире Хоршид» третьей степени.

Полковник Мирза Худадат бек Векилов окончил военную гимназию в Тифлисе. Служил в Отдельной Кавказской армии в качестве переводчика восточных языков. Он двоюродный брат (сын дяди по отцу – Ш.Н.) известного доктора, ученого-медика Мамедрза ага Ве-

килова, дядя (по матери –Ш.Н.) одного из лидеров «Мусават»а Алимардан бека Топчубашева.

Газета «Тифлиский листок» в номере от 3 июня 1889 года писала, что скончавшийся на днях полковник Мирза Худадат бек Векилов выводится из общего списка Отдельной Кавказской армии.

БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ МЫ, АЛЕКСАНДР ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ. и прочая, и прочая, и прочая

Нам верноподданному Казахскому народу *

Главноуправляющий в Нашем Грузинском Царстве Генерал от кавалерии Тормасов донес НАМ, об отличной храбрости, верности и преданности к Престолу НАШЕМУ, оказанных Казахским Народом в Грузии обитающем, при нашествии на границы Наши в прошедшем 1809 году многочисленных Персидских войск.

Мы желая ознаменовать особенное НАШЕ внимание к таковой храбрости и преданности НАМ вернолюбезного Казахского Народа, признали справедливым изъяснить оному сею Грамотою МОНАРШУЮ НАШУ признательность и благоволение.

**Санкт- Петербург, 7 Мая 1810 года Царствования
НАШЕГО десятого лета Император Александр Первый
Помощник Министра внутренних дел Козодоев**

БОЖЬЕЮ МИЛОСТЬЮ МЫ, АЛЕКСАНДР ВТОРОЙ ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦ ВСЕРОССИЙСКИЙ. и прочая, и прочая, и прочая

Известно и ведомо да будет каждому, что блаженной памяти Государь Император НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ, Самодержец Всероссийский, НАШ Вселюбезнейший Государь Родитель, Корнета Кязыма Гусейна Кули оглы, за оказанную его в службе ревность и прилежность, Всемилостивейше пожаловал в Подпоручики тысяча восемь сот пятьдесят первого года Августа тридесятого дня, МЫ сим жа-

* Должно быть написано “по соседству с Грузией”. Казахский султанат вошел в состав России вместе с Восточной Грузией в 1801 году. Безусловно, ошибка исходит оттуда - Ш.Н.

луем и учреждаем, повелевая всем НАШИМ подданным оногo Кязыма-Гусейна Кули оглы за НАШЕГО Подпоручика надлежащим образом признавать и почитать: и МЫ надеемся, что в сем ему Всемилостивейше пожалованном чине так верно и прилежно поступать будет, как то верному и доброму Офицеру надлежит. Во свидетельство чего, МЫ сие Инспекторскому Департаменту Военного Министерства подписать и Государственной НАШЕЮ печатью укрепить повелели. Дань в Санкт-Петербург, 26 декабря 1855 года

Помощник Дежурного Генерала Главного Штаба

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА,

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Генерал-Майор _____

Исправляющий должность Вице-Директора,

Полковник _____

**В Инспекторском Департаменте Военного Министерства
записан под №9218 При запечатании в Министерстве Иностран-
ных Дел под №1519**

* * *

По этим официальным документам благодарность и уважение Александра Первого заслужили военнослужащие состоящего из казахцев кавалерийского отряда – капитан Мансур ага Векилов, Векил Алы ага оглы, Гаджи Мамедхан оглы, Хан Шихлинский, майор Мустафа ага Шихлинский, Алказах оглы Алиага, Насрулла бек, поручик Мехралы бек Союнбейли, Аллахяр ага Дильбазов, Сулейман ага Усубов, Гасан ага Кясамянли, Шариф Зал оглы, Молла Иманверди Тюклюбашоглы, Чопур Нясиб и другие.

Оригинал Императорского Указа хранится в семье внука полковника Мансур ага Векилова – поэта Мансура Фахри оглы Векилова.

Кстати, газета “Русский инвалид” в 1856 году 12 декабря, за номером 271 пишет:

“Высочайшими именными указами от 28 ноября 1855 года Мансур ага Ибрагим ага оглы Векилов пожалованы кавалерами ордена св. Анны 4-ы степени с надписью “за храбрость”

В награду отличной храбрости и мужества, оказанных в деле с турецкою кавалериею, 23-го июня сего года, при Сульдинском летнем казачьем посту, житель Елисаветпольского уезда Казахского участка, капитан милиции Мансур ага Ибрагим ага оглы Векилов.”

А другой Мансур ага Усуб ага оглы Векилов первое офицерское

звание получил 2 августа 1843 года, старшинство в чине полковника с 10 декабря 1873 года. Он был командиром запасного эскадрона 14-го уланского Ямбургского Ее Императорского Высочества великой княгини Марии Александровны полка. Имел награды: орден св. Анны 3-й степени для мусульман установленный 1859-года, орден св. Станислава 2-й ст. для мусульман установленный 1866 года, орден св. Владимира 3-й ст... (“Список полковникам по старшенству” Санкт-Петербург, 1878 г. стр.442)

В исторических источниках имеется факт о поездке на Кавказ императора Николая Первого весной-летом 1837 года. 18 августа царь возвращался из Дилижана в Тифлис и при этом его сопровождал авторитетный и снискавший доверие Мамедгулу ага Векилов. Более подробно об этом событии в 1912 году сообщает издававшийся в Тифлисе «Кавказский сборник» (часть I, том XXII, стр. 329):

«...Его Императорское Величество в Дилижане гражданский губернатор во второй раз встретил вместе с тридцать девятью беками Елизаветпольской губернии в местности Шамсаддин. Двадцать человек из них во главе с поручиком Тахси ханом сопровождали Его Величества до села Истибулаг. Здесь Его Величество Императора встретили тридцать беков Казаха. Двадцать кавалеристов во главе с подполковником Гасан ага были назначены в сопровождение и проводили Его Величество до Красного моста. Затем Его Величество встретили уважаемые люди уезда Сыгнах и двадцать беков и дворян по прежним правилам сопровождали его до Муганлы. На станции Муганлы Его величество встретили тридцать человек из местности Борчалы. Двадцать человек из них под предводительством Мамедкулу аги Векилова сопровождали Его Величество до местности Алгет Тифлифского уезда».

Немало представителей рода Векиловых храбро сражались и снискали уважение в Первой мировой и предыдущих войнах. Полковник Асад ага Векил ага оглы Векилов (1853-1921), Аббаскулу бек Мамедгасан оглы Векилов (1844-1927), Гярай бек Аббаскулу бек оглы Векилов (1884-1952), прапорщик Лютвели бек Аббаскулу бек оглы Векилов (1890-1932) и другие были награждены орденами, медалями империи.

Один из них – Аббаскулу бек Векилов окончил Тифлискую военную гимназию. Офицерского звания удостоился 10 октября 1867 года. В течение продолжительного времени служил в Кубинском сто пятьдесят пятом кавалерийском полку, который располагался в Карсе.

*Ибрагим ага Векилов
(1853-1934)*

6 марта 1884 года получил звание подполковник. На военной службе находился около 40 лет, дослужился до звания полковник. Награжден орденом за военное отличие (1861), орденом «Святого Станислава» третьей степени (1873), орденом «Святого Владимира» четвертой степени с бантом и мечами (1873), орденом «Святого Станислава» второй степени с мечами (1879), орденом «Святой Анны» второй степени (1888) и другими орденами и медалями. Скончался в 1927 году в возрасте семидесяти трех лет в Баку.

Государственными деятелями были: член парламента Азербайджанской Демократической Республики, организатор первых поликлиник в Баку, действительный член Кавказского Медицинского Общества с 1900 года Мамедрза ага Векилов (1864-1944), начальник канцелярии парламента АДП Мустафа бек Векилов (1899-1943), министр внутренних дел Рагим бек Векилов (1897-1934), начальник парламентской канцелярии Мамед ага Векилов (1863-1939).

В Центральном государственном историческом архиве республики хранится один список. В нем указаны имена и фамилии добровольцев Казахского уезда, изъявивших желание идти на фронт в составе Татарского-Азербайджанского кавалерийского полка в июне 1915 года.

В этом списке перечислены 67 человек. Из девяти жителей села Салахлы пятеро являются представителями рода Векиловых:

Ахмед ага Касым ага оглы Векилов, Мустафа ага Абдулла оглы Векилов, Мустафа ага Абдулкерим оглы Векилов, Салех ага Ахмед ага оглы Векилов, Вели ага Наби ага оглы Векилов

ПОЛКОВНИК ГЯРАЙ БЕК ВЕКИЛОВ

*Любой настоящий человек должен
гордиться своим происхождением*

*Самед Вургун,
народный поэт Азербайджана*

Он был одним из организаторов формируемых в 1918 году кавалерийских рот. В звании штабс-капитана служил в составе Первого Азербайджанского полка в Гяндже, Тертере и Баку. В начале 1920 года был начальником Отдела военного образования Первого кадетского корпуса в Баку.

Полковник Гярай бек родился в 1884 году в семье Аббаскулу бека Мамедгасан оглы Векилова. Окончил кадетский корпус в Тифлисе. Находился в составе действующей армии в русско-японской и Первой мировой войнах. За боевые заслуги награжден орденом «Святого Георгия» третьей степени. После 1920 года служил в расквартированном в Шеки Втором красном кадетском корпусе.

Как бывший царский и мусаватский офицер все время находился под подозрением, не раз подвергался арестам. Он является прототипом с положительной стороны, образа Гярай бека в поэме Самеда Вургунна «Комсомольская поэма». Вовсе не случайно, что в произведении, написанном в мрачные годы страны, поэту удалось с внутренней гордостью описать мужество Гярай бека, передать его историческую трагедию:

Удачи нет. Я не поладил с нею
И отвернулась от меня она.
Я забываю сам того Герая.
Что на коне летал, не уставая.

В начале восьмидесятых годов я часто встречался с профессором Фатьмой ханум Векиловой. Причин для встреч было много. В то время я работал над повестью «Поезд, идущий из Гори», собирал необходимые для книги материалы. Главным героем произведения был известный наш литературовед Фиридун бек Кочарли. В архивах, особенно в Государственном архиве просвещения Грузии чаще других я встречал имена двух лиц. Мамеда аги и Исмаила аги Векиловых. У доброжелательного человека Миргасыма Эфендиева я узнал, что они являются

братьями, были товарищами Фиридун бека по семинарии, а потом стали его родственниками – Фиридун бек женился на их сестре. Бадисаба ханум Векилова была дочерью Исмаил ага Векилова.

Первая наша встреча с Фатьма ханум состоялась 3 апреля 1983 года в ее двухкомнатной квартире на улице Юсифа Мамедалиева. Эта дата зафиксирована в моей записной книжке. Она поведала мне о никому неизвестной из наших современников семейной родословной известного полководца Али аги Шихлинского. Оказалось, что ее бабушка по матери Бедирджахан ханум была сестрой генерала, а племянник генерала – уездный пристав Исфендияр бек Мурадов приходился Фатьма ханум дядей по материнской линии.

Фатьма ханум родилась в 1912 году. Ей были известны многие сведения о семьях, корнях, родословной Векиловых и Шихлинских. Одним словом, она была живой энциклопедией двух авторитетных родов. Фатьма ханум рассказала мне немало интересных эпизодов из жизни отца Исмаила аги и дяди Мамеда аги, подарила редкие фотографии. Их я внес в повесть «Поезд, идущий из Гори». Я попросил ее рассказать о полковнике Гярай беке, о котором я мало что знал. Фатьма ханум с материнской нежностью сказала:

- Сынок, ты Назима Ибрагимова знаешь? Не можешь не знать...

- Вы имеет виду председателя Комитета по делам печати и издательства? – осторожно спросил я.

- Да!

- Знаю. Судьба всех писателей находится в его руках. Писатели довольны им. Однако между нами существует разница в возрасте, в должности... А с чего это вы вспомнили Назим муаллима?

- Не с проста. Ты знаешь, что супруга Назима Ибрагимова – Назима ханум – является внучкой полковника Гярай бека Векилова? Мать Назимы ханум – Сона ханум – жива-здорова. Сона ханум – дочь полковника Гярай бека, внучка полковника Аббаскулу бека Векилова. Одна из ветвей нашего рода Векиловых задолго до революции жила в Иреване и Нахичеване, а другая - в Карсе и Тифлисе. Будет лучше, если ты встретишься с Сона ханум.

Спустя семь лет, когда работал над книгой «Генерал-топограф Ибрагим ага Векилов», я вновь перелистал записную книжку тех лет. Перед глазами встало полное доброты лицо Фатьмы ханум. Я многократно благодарил ее за ценные сведения, которые она мне сообщила о двух известных родах.

* * *

... Месяцами содержащиеся в камерах арестанты устали пересказывать свои истории. Через каждые дня приходилось отвечать на вопросы следователя:

- Где был во время Гянджинского мятежа? Когда в последний раз встречался с Нуру пашой? Кто руководитель восстания в Закаталах? Кого ты знаешь из членов «Иттихад»? Когда был принят в организацию?

Таким вопросам конца не было. Арестованные напрягали память, чтобы вспомнить события шестилетней давности.

Вечер наступил давно. В одной камере сидели штабс-капитан Фархад бек Алибеков и полковник Гярай бек. Последний был не в духе. Он думал о доме, о семье. Задумывался он и своим будущем:

- Все равно я должен возратить одну жизнь. Рано или поздно я покину этот мир. Жаль Ситару. Каково ей будет с четырьмя детьми...

...С наступлением вечера камера словно наполнялась тоской, печалью. Он вспоминал детей, их шалости, беседы. Особенно невмоготу становилось, когда перед глазами вставала единственная дочь Сафия, которую он назвал в честь матери. К ней он относился с особой отцовской нежностью. Вот уже год как эта бесконечная любовь к детям причиняла ему боль. Тяжело вздохнув, Гярай бек с грустью сказал:

- Фархад бек, видимо, такая судьба нам предначертана...

Свет в камере постепенно тускнел. Это был сигналом к сну. Вызывать после этого дежурного или коменданта запрещалось.

- Вот, - сказал Фархад бек, - ты сказал «судьба» и свет потух. Я одного боюсь, Гярай бек, как бы нам не отомстили...

- За что? В чем наша вина? – спросил тоскливо Гярай бек.

- А разве виноваты азербайджанские интеллигенты, офицеры и солдаты, которых расстреливают в течение шести лет? И ты, и я – мусаватские офицеры. Этим все сказано. Для бесчинствующих в Азербайджане дашнаков и большевиков этого достаточно.

- Ты прав. Все может быть.

- Стой, кажется кто-то идет. Наверное, надзиратель.

Большевицкий офицер открыл, затем закрыл глазок. В комнате опять стало светло. Офицер вошел в камеру, поглаживая ремень на пузатом животе. Оба арестанта сразу встали.

- Который из вас будет полковник Гярай бек Векилов? - спросил надзиратель.

- Я, - сказал Гярай бек, - выпрямившись по-военному.

Надзиратель с безразличным видом осмотрел его с ног до го-

ловы, словно видел арестованного в первый раз. Посмотрев на солдата, который с ним пришел, надзиратель сказал:

- Очень хорошо, можете взять свой «подарок».

Гярай бек хотел сделать шаг, но надзиратель его остановили грозным голосом скомандовал:

- Не так, так нельзя, с вещами. Таков приказ.

Фархад бек широко раскрыл руки и крепко обнял Гярай бека. Фархад бек был готов расплакаться:

- Бог в помощь, брат, надо же ...

- Зря волнуешься. Может быть в другое место переводят, может в ссылку... - Прекратите лишние разговоры. Арестованный Векилов, возьмите вещи и на выход,- сказал надзиратель. Потом он косо посмотрел на Фархад бека и сказал:

- Вы за друга не беспокойтесь. Он идет в очень хорошее место.

Его многозначительное выражение насторожило Фархад бека:

- Куда он идет? – спросил он.

- А куда он может идти? Домой, дорогой, домой!

Не веря своим ушам, ругая про себя надзирателя, Фархад бек замер на месте. Свет в камере снова начал тускнеть...

Комендант тюрьмы, что на Шемахинской дороге, грел руки около печки и обратился к Гярай беку:

- Да, полковник Векилов, такие вот дела.

Показав на лежащую на столе бумагу с размером в ладонь, продолжил:

- Пожалуйста, пока ваша вина перед большевистской властью не доказана. Самый верный вам человек дал показания против вас, но «иттихадовцы» все отрицали.

- И вы человек военный. Вам должно быть известно, что профессиональные военные всегда стояли в стороне от политики. Это, вернее, армейское правило...

- Ого, Векилов, ты очень умный, мыслящий человек. Видимо, не зря ты носишь бекский титул, - комендант подвинул к нему большую канцелярскую книгу: - распишись здесь, пока вы свободны, отпущены домой. После этого вы можете с гордостью сказать, что большевистская пуля вас миновала. Однако вы...- злобно посмотрев на Гярай - много пул выпустили по большевикам, много крови пролили, не так?

Гярай бек ничего не ответил...

Этот эпизод при первой встрече мне рассказала дочь Гярай бека

Сона ханум. Она хорошо помнит снежную зимнюю ночь 1926 года, когда внезапно в дверях появился отец Гярай бек.

- Мать была в растерянности от неожиданного возвращения отца и все время спрашивала: «как это тебя отпустили?».

Отец же с радостью целовал, обнимал нас. Он спросил у старших братьев Беюк аги и Рустама, как идут уроки. А младшего Фарруха и меня он посадил на колени. В ту ночь свет в нашей квартире горел до утра. Вдруг отец сурово сказал матери:

- Все говоришь, как хорошо, что меня отпустили. А почему должны были держать? Разве я чем-то виноват? Свели меня в очной ставке с одним подлым родственником. Сколько он на меня клеветал, все бесполезно. Тогда этот низкий человек сказал, что ты, Гярай бек служил в белой гвардии. Я ответил ему, мусаватская армия не состояла из белогвардейцев. А если это не так, то получается, что и ты служил в белой гвардии. В мусаватской армии ты был прапорщиком, а я полковником. На мое счастье следователь оказался совестливым. Он был астраханским татаринном. На одном из допросов он спросил у меня, где я был в 1924 году? «Работал в красном кадетском корпусе в Шеки, - ответил я. – В честь выпуска курсантов в составе делегации корпусе был на приеме у Нариманова в Москве 7 ноября 1924 года. У меня есть фотография этой встречи». Услышав это, следователь приободрился. Он сказал, что Нариманов лечил его в 1918 году, когда находился в Астрахани. «Он спас меня от смерти, вернул к жизни. Поэтому, я испытываю огромное уважение к Нариманову», - продолжил следователь.

Отец все время говорил, что причиной его освобождения стало отношение следвателя к Нариманову. Поэтому, до конца жизни отец вспоминал Нариманова добрым словом.

- Сона ханум, в составе мусаватской армии ваш отец служил в Гяндже, Тертере. В 1920 году стал начальником Школы красных кадетов. А где вы жили в 1926 году, в момент ареста?

- В том году мы жили в Баку, в доме на десятом переулке улицы Чадровой (ныне М.Алиева – Ш.Н.). Я родилась 11 февраля 1920 года в Баку. Когда известие о моем рождении дошло до отца, он сказал, что его мать Сафия ханум появилась на свет во второй раз. Мать моя Ситара поняла намек и назвала меня Сафия. Не знаю почему, но впоследствии меня стали называть Сона. Однако отец никогда меня Соной не называл. Мать моя родом благородной семьи из Шеки. В то время ее семья жила в Тифлисе. Родители мои поженились в 1913 году. Дед по

матери Мамед был известным купцом. Имел собственный особняк, магазины в Тифлисе. Мать моя была врачом, имела высшее образование.

- Сона ханум, вы упомянули Тифлис и я вспомнил о телеграмме, которая хранится в архиве. Ее поручик Гярай бек Векилов отправил 7 октября 1901 года Гаджи Зейналабдину Тагиеву в связи с открытием первой школы для девушек: «Отец поздравляет с открытием женской школы и желает успехов.»

- Когда вы сказали поручик, я вспомнила поговорку, которую отец часто с иронией приводил. Офицерам, действия которых ему не нравились, он говорил: «Если прапорщик станет офицером, то курица будет летать». В 1926 году, когда отца арестовали, на него клеветал человек в звании прапорщик. Отец до последних лет жизни часто вспоминал генерала кавалерии Гусейн хана Нахичеванского. В боях за Порт-Артур отец воевал под его началом. Помню, он рассказывал, что в битве с японцами Гусейн хан приказал взять кинжал в зубы, саблю – в правую руку, а винтовку – в левую. «Вот так мы пошли в наступление, японцы оставили позиции, пустились в бегство. Не выпустив ни одной пули, мы овладели позицией».

История одной фотографии

Все три сына полковника Гярай бека Векилова были живы до последнего времени: Беюкага (1914-1995), Рустам (1916-1998), Фаррух (1921-1998). Автор этих строк встречался и беседовал с ними.

Беюкага был руководителем лаборатории Института геологии АН, кандидат геолого-минералогических наук, Рустам – заслуженный инженер, Фаррух – полковник юстиции и почетный работник прокуратуры.

В время одной из наших встреч в 1992 году Беюкага муаллим показал мне две редкие фотографии. Я видел их впервые и сделаны они были шестьдесят восемь лет назад – 7 ноября 1924 года – в Москве. На фотографии был запечатлен славный сын нашего народа Нариман Нариманов в окружении курсантов и офицеров Закавказской школы военной подготовки. Среди курсантов находится и Беюкага Векилов. Поэтому он подробно рассказал мне историю фотографии:

- В 1922 году по совету отца я поступил в Школу «Корпус красных кадетов». Тогда мне было восемь лет. В школу принимали детей в возрасте от семи до четырнадцати лет. Школа была интернациональной. Большинство составляли азербайджанцы. В 1923 году школу переименовали в Закавказскую пролетарскую военную школу, а через

год она стала называться Школой военной подготовки.

Хорошо помню, учебный корпус школы размещался в здании, в котором ныне находится школа №1, а общежитие – в здании нынешнего дома офицеров. Обучение, политико-воспитательная работа и культурно-массовые мероприятия проводились в учебном корпусе. Эта была образцовая, нового типа школа в Закавказье. Школа была создана в октябре 1921 году по инициативе председателя Совета Народных Комиссаров Азербайджана Наримана Нариманова. Поэтому школа всегда находилась в центре его внимания. На всю жизнь я запомнил прием у Нариманова. В то время я учился на первом курсе. Как заботливый отец он искренне беседовал с нами. Интересовался учебой, материальным положением, настроением. У каждого из нас подробно спросил, знаем ли мы во имя чего, каких целей мы поступили в школу? Мы уверенно, от души отвечали ему, что желаем стать командирами. Он радовался нашим ответам и говорил: «Мярхаба, дети мои, спасибо».

В 1924 году для участия в параде в Москве были отобраны сто двадцать шесть курсантов и офицеров нашей школы. Отправились в путь мы третьего ноября. До Ростова мы ехали в товарном поезде. Там нас пересадили в скорый поезд. В Москву прибыли утром седьмого ноября.

Я хорошо помню командиров, которые везли нас в Москву. Это командир курса Хагги Кенгерлинский, политрук Аллахкулу Мехтиев, начальник школы Гаджи ага Ибрагимбейли, начальник учебной части, мой отец Гярай бек Векилов и другие. При прохождении по Красной площади мы еще громче закричали «Ура!», когда увидели на трибуне Наримана Нариманова. После официального прохождения наш батальон остановили у трибуны. Руководители государства спустилась к нам и приветствовали нас. Они искренне беседовали с такими как я 10-12 летними курсантами, некоторых брали на руки, целовали.

На следующий день в кремлевском клубе нас принял председатель ЦИК СССР Нариман Нариманов. Он долго разговаривал с нами. Мы видели как он радовался нам. Он сообщил, что дал поручение выделить каждому из нас по двадцать рублей из средств Совета Народных Комиссаров. Эти деньги давались на карманные расходы и на приобретение подарков родителям. Затем мы посетили Школу командирского состава, который располагался на территории Кремля. После этих встреч мы сфотографировались с Нариманом Наримановым, секретарем Президиума ЦИК Авелем Енукидзе у Царь-колокола.

Посмотрите, кто запечатлен на этом историческом фото. Многие тогдашние курсанты впоследствии стали известными учеными, военачальниками. Полковник Али ага Бабаев, бывший президент АН республики Рустам Исмаилов, заслуженный деятель науки, доктор наук Мамедтаги Нагиев, начальник отдела Министерства нефтяной промышленности СССР Алиовсат Караев, ученый-ирригатор Каррар Алиев, Герой Советского Союза Аслан Везиров, народный артист СССР, известный дирижер Ниязи, Чингиз Гаджибеков, академик Шафаят Мехтиев, заслуженный инженер Бююкага Мамедов, доктор наук Мамед Фарзалиев, сын известного нашего поэта М.А.Сабира, Мамедсалим Тахирли, профессор, доктор юридических наук Эйюб Аскеров, полковник Саттар Гаджиев, Фархад Агаев, ветеран войны Аскер Мирзоев, доктор физико-математических наук Кямал Мамедов, командир батальона Гусейн Рагимов и другие. Большинство из них уже нет в живых. А эта редкая фотография осталась новому поколению в память о тех днях.

Сын Гярай бека, Рустам Векилов: - Отец всегда говорил, что до 1920 года провел славную жизнь. Однако он с горечью вспоминал боевой путь в период Мусавата. Хорошо помню, в тридцатые годы часто к нам навещался Самед Вургун. Их беседы длились далеко за полночь. Иногда, когда разгорался спор и они повышали голос, мать моя Ситара, шутя говорила:

- У этих классовых врагов беседа никак не закончится.

Помню и то, что когда однажды я подносил чай, услышал, как отец рассказывал о встрече с Нариманом Наримановым в Москве в 1924 году. Я испуганно сообщил об этом матери. Мать встревожено сказала:

- Кровь затмила ему глаза, влипнем опять в какое-то дело.

Дело в том, что в время личность Наримана Нариманова была несправедливо очернена. Его соратники подвергались арестам.

После увольнения из армии в 1924 году, Гярай бек до конца своей жизни работал в Министерстве финансов республики. Скончался 4 марта 1952 года в Баку. Мать выдающегося нашего певца Рашида Бехбудова, просветитель Фируза ханум Векилова (1889-1933) была сестрой полковника Гярай бека Векилова.

Из воспоминаний покойного публициста Азада Шарифа:

- С Рустамом я познакомился в 70 годы в кабинете моего друга

Акрама Шекинского, с которым мы в студенческие годы увлекались альпинизмом, в те годы, он был начальником Главного управления по геологии. А Рустам был его Первым заместителем и главным геологом управления. Акрам рассказал мне, что Рустам, вернувшийся в Баку после окончания нефтяной академии, имея, огромный практический опыт в геологической разведке, активно взялся за осуществление детальной разведки полезных ископаемых с утверждением крупных месторождений.

При следующей встрече, Акрам сказал мне, что Р.Векилов интереснейший объект для журналиста, имеет большие заслуги перед страной, 13 лет работал на Крайнем Севере, в качестве руководителя геологоразведочной экспедиции. Но пока на эту тему не любит рассказывать, дал подписку о неразглашении содержания своей работы. Журналистским расследованием, которое я провел, было выявлено, что Рустам Векилов до 1939 года был младшим научным сотрудником Азербайджанского филиала Академии Наук СССР. В июне 1940 года 24-х летнего молодого геолога, даже не члена партии к удивлению всех, назначают заведующим секретной частью АЗФАНА, но не на долго. А дальше происходит то, о чем многое до сих пор неизвестно, не только друзьям, но и родственникам. В ноябре 1940 года Р.Векилова вызывают в Москву и решением Орг ЦК ВКПБ, направляют на работу в систему НКВД СССР, а потому он выезжает в Коми АССР, в город Ухту, на комбинат, где отбывали сроки политические заключенные. Судя по автобиографии, написанной собственноручно, здесь он безвыездно проработал 13 лет, до сентября 1953 года. До апреля 1942 года он был геологом-петрографом Центральной научно-исследовательской лаборатории комбината. Затем был назначен руководителем этой лаборатории.

Еще до войны известные советские русские академики Л.Карпинский и В.Вернадский прогнозировали о наличии урановой руды в районе рек Печора и Колымы. В 1925 году был организован Всесоюзный трест по редким металлам. А в 1928 году И.Башиловым была создана технология извлечения радиоактивного сырья. С этой целью было решено в 1934 году построить такой завод в Ухте, что потребовало дешевой рабочей силы для массовых производственных работ. Для этого в этих местах были созданы исправительно-трудовые лагеря для заключенных, системы ГУЛАГ. И вот весной 1946 года экспедиция наконец достигает своей цели - было найдено первое богатое месторождение советского урана. Правительственное задание было выпол-

нено. Дальше, чтобы не привлекать внимание, необходимо было вывезти найденную партию руды в Ухту. С этой целью во все государственные и военные организации была направлена директива об оказании помощи для срочного вывоза важного груза в Ухту.

В 1949 году Р.Векилов назначается начальником первого специального геологического отделения Управления Ухткомбината. Потом начальником управления № 36 МВД СССР. Заканчивая свою 13-ти летнюю трудную, но в важную деятельность, в условиях Крайнего Севера и жесткого лагерного режима, Р.Векилова назначили начальником геологоразведочного отделения.

Рассказывают, что во время первой Северо-Таманской экспедиции, которая продолжалась 13 месяцев, геологи разбили свой лагерь около небольшой деревни, откуда набирали рабочих. Так вот, эту деревушку потом долгие годы называли «Рустамкой», т.е. место, где стоял лагерь Рустама Векилова.

Штабс-капитан Насиб ага Асад ага оглы Векилов родился в Казахе в 1899 году. Окончил азербайджанское отделение семинарии в Гори. Военное образование получил в Школе прапорщиков в Гяндже в 1919 году. За службу в армии правительства Мусават подвергся ссылке в Магадан и Норильск (1940-1955 годы). Восьмого мая 1954 года написал письмо родственнику, народному поэту Самеду Вургуну, в котором просил помощи в возвращении на родину. Поэт оказывал материальную помощь семье безвинно арестованного двоюродного брата. Кстати, отметим и то, что в тридцатые годы был репрессирован не один представитель рода Векиловых. Самеду Вургуну удалось добиться освобождения от ареста только одного из них – народного учителя Теймур бека Векилова. Насиб ага Векилов писал из Норильска:

«Уважаемый и дорогой Самед!

Ты, наверное, удивишься, когда получишь мое письмо после шестнадцатилетнего расставания. Никому из родственников писем я не писал, чтобы их не тревожить. Я боялся навредить им. Сейчас можно сказать, что я хоть наполовину, но свободный гражданин. Поэтому решил написать письмо, отважился напомнить о себе. Это письмо тебе доставит возвращающийся из Норильска домой наш общий знакомый Али Сабри¹.

Али Сабри расскажет обо мне. Прошу, если тебе не будет трудно и, если можно, ради детей помощи, насколько сможешь, моему

¹Али Сабри (1892-1983), прозаик, переводчик

возвращению на Родину.

Я очень состарился, последние годы жизни хочу провести рядом с детьми, в родном краю. Мне кажется, что ты не отклонишь мою просьбу, потому, что ныне не те времена. Здесь многие возвращаются домой по ходатайству родственников и знакомых. Передай сердечный привет Мехдихану и Хавер ханум. Целую тебя, Мехдихана, Юсифа и Вагифа. Желаю счастья и спокойствия. С уважением Насиб ага.»

Насиб ага Векилов вернулся на родину в 1955 году и скончался в Баку в 1963 году. Он был сыном полковника Асад бека Векилова.

* * *

Четырнадцатого февраля 1919 года прапорщик **Лютвели бек Векилов** написал командиру Азербайджанского кавалерийского полка рапорт следующего содержания:

«Довожу до Вашего сведения, что восемнадцатого июня 1918 года полковник Четвертого Борчалинского полка Туганов представил документ о награждении меня в соответствии с приказом номер одна тысяча пять всеми четырьмя степенями ордена Креста Святого Георгия за боевые заслуги в годы мировой войны и на этом основании Первый Моздокский горно-казачий полк выдал мне аттестат за номером одна тысяча сто сорок шесть. В этих боях я четыре раза был ранен и контужен. Все это указано в личном деле, которое я вам направил.»

На оборотной стороне листа есть отметка, сделанная прапорщиком Лютвели беком Векиловым: *«Свидетелем моего героизма на фронте и поощрения является ротмистр Чаевский. В настоящее время он служит в Главном штабе Военного министерства в качестве старшего офицера.»*

Возможно, это свидетельство прапорщика Лютвели Векилова современный читатель воспримет как обыкновенное заявление. Однако не следует забывать, что в то время таких высоких наград офицеры удостаивались в очень редких случаях. На пальцах можно сосчитать наших соотечественников, которые за доблесть и героизм награждены всеми степенями ордена Креста Святого Георгия – ротмистр Теймур бек Новрузов (2 августа 1919 года получил звание генерал-майор – Ш.Н.), прапорщик Саяд бек Зейналов, поручик Осман ага Гюльмамедов.

На сто сорок первой странице хранится представление Главному штабу соратника Лютвели бека – Чаевского. Он пишет, что с первых

дней мировой войны до сентября 1918 года участвовал в боях вместе с прапорщиком Четвертого Борчалинского кавалерийского полка Лютвели бек Векиловым. Он был свидетелем отваги и героизма. Подтверждает проявление им храбрости в боях с дашнаками в Казахе, Лорийском ущелье, Борчалы, с большевиками в Баку, Караязы и Шамхоре. Считает вполне закономерным присвоение очередного звания отважному офицеру. Резолюцию на документе поставили два генерала: начальник кавалерийской дивизии генерал-майор принц Амир Кязым Каджар и начальник штаба генерал Захар Амашукели.

К сожалению, на этом месте след документов теряется. Остается неясным получил ли очередное звание прапорщик Лютвели бек Аббаскулу бек оглы Векилов или нет?

Младший брат полковника Гярай бека Векилова – прапорщик Лютвели бек был арестован Главным Политическим Управлением Закавказья 2 февраля 1932 года как антисоветски настроенный офицер и сослан на пять лет. Как и в случае со многими тысячами азербайджанских офицеров, осталось тайной в каком военном лагере провел последние годы жизни сорокадвухлетний Лютвели бек.

Подпоручик Садыг Аскер оглы Векилов родился в 1895 году в селе Салахлы Казахского уезда. При АДР служил младшим офицером в Третьем Гянджинском пехотном полку. Окончил азербайджанское отделение Закавказской семинарии в Гори и школу прапорщиков в Гяндже в 1918 году.

Капитан Национальной армии Азербайджана **Бахадур бек Ибрагим ага оглы Векилов** также принадлежит к этому знатному роду. Родился он 24 марта 1889 года в аристократической семье в Казахе. Начальное образование получил в Первой мужской гимназии в Тифлисе. 15 мая 1918 года добровольно вступил в формируемый Мусульманский корпус. С первого сентября служил в пехотных частях младшим юнкером, старшим юнкером, а 18 ноября окончил первой степенью Школу прапорщиков в Гяндже. За отличную учебу был оставлен в Школе в качестве командира роты. В характеристике, выданной молодому офицеру Бахадур беку начальником Школы полковником Ширин бек Кесаманским говорится, что тот обладает отличным поведением и высокими нравственными качествами. Ему можно доверить подготовку офицеров. Политически подготовлен. 22 марта военный министр, полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров направил начальнику Школы прапорщиков в Гяндже приказ следующего содержания:

«Присвоить в канун глубокопочитаемого праздника Новруз звание прапорщик более пятидесяти выпускникам Школы прапорщиков в Гяндже. Направить их для прохождения службы в Первую Азербайджанскую кавалерийскую дивизию, в Третий Гянджинский кавалерийский полк, дивизион легкой артиллерии Отдельного Закатальского батальона. В связи с праздником за успешное завершение учебы в Гянджинской школе прапорщиков выдать денежную премию подпрапорщику Исрафил аге Шихлинскому, Бахадур беку Векилову, Муса беку Шамиаддинскому, Гашим беку Султанову, Гамиду Мустафаеву, Махмуд Мустафаеву, Али ага оглы Шихлинскому и Сулейман хану Султанов-Илисуйскому.»

В марте того же года умелый офицер Бахадур бек Векилов командирится на Юго-Восточный фронт, в состав Третьего Гянджинского кавалерийского полка. Он назначается командиром военного отряда в Ордубадском районе. В рапорте командующего Нахичеванским и Шярурскими уездами ротмистра Кялбалы хана Нахичеванского от 9 мая 1919 года, направленном начальнику Главного штаба, сообщается о героизме, который прапорщик Бахадур бек Векилов проявил в боях с бандитскими отрядами Персии и дашнакского генерала Андроника. Он пишет: *«Напавший 17 марта на село Яйчы бандитский отряд из Персии угнал принадлежащий местному населению две сто семьдесят пять голов крупного рогатого скота. По моему приказу прапорщик Векилов с тридцатью кавалеристами помчался за ними и достиг бандитов у берега Араз. После тяжелого боя скот был отбит, а пятнадцать трупов бандитов остались на берегу Араза.*

26 марта на село Парага напали армяне, которые угнали две сто голов крупного рогатого скота и убили семерых крестьян-мусульман. На следующий день армянское село было окружено кавалеристами во главе прапорщиком Векиловым, который потребовал возвращения украденного скота и выдачи преступников для наказания. Однако армяне ответили стрельбой. После боя, который продолжался три часа, армяне вернули скот и выдали преступников. После боя выяснилось, что ранения получили трое бойцов прапорщика Векилова.

10 апреля, после переговоров с англичанами «герой» армян Андроник прибыл из Гориса в село Карчеван, который находится в 25 километрах Ордубада. С целью оккупации отдельных сел Ордубада армянская регулярная часть напала на село Нюснюс. В результате успешной боевой операции прапорщика Векилова село Нюснюс было

очищено от армян. И другие мусульманские села были спасены от наступления армян. 15 апреля армянская регулярная часть вновь перешла в наступление и остановилась в восьми верстах Ордубада. Несмотря на нападение крупными силами, в течение пятичасового непрерывного упорного боя большая часть вражеских сил была уничтожена, остальные же пустились в бегство. В этом бою погибли семь солдат прапорщика Векилова Бахадура, а двенадцать получили ранения.

После всего указанного прошу вас за умелое командование в ходе боев и проявленный героизм присвоить Бахадур беку звание подпоручик.»

Однако в Центральном Государственном Архиве каких-либо документов о храбром капитане Бахадур беке Ибрагим ага оглы Векилове обнаружить не удалось. Но в архиве Министерства национальной безопасности есть очень тонкая папка под номером 21392, посвященная Бахадур беку Векилову. Он был арестован 25 июня 1920 года. Следствие вели следователи Акопджанов и Левитский. Вопросы и ответы кратки. В графе «характер преступления» листа ареста читаем: «Был офицером и командиром роты мусаватской армии. Подлежит расстрелу!».

Волей-неволей задаешься вопросом: с каких пор служба в Национальной армии считается преступлением? А вот резолюция начальника особого отдела XI армии, палача Семена Панкратова: «Расстрелять, приговор подлежит немедленному исполнению. 3 июля 1920 года». Вот таким образом была прервана жизнь двадцати одного летнего мужественного капитана Бахадур бека Векилова, который бесстрашно защищал родину от врагов.

СТРАНИЦЫ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

*Qarayazı,
Kür qırağı Qarayazı,
Ömrə çox da bel bağlama
Bir də gördün qara yazı.*

El bayatısı

Он встретил меня без настроения и даже нехотя. Сначала я не понял в чем причина безразличия - мой приход расстроил старика или он болен? Ради приличия он сказал: «садитесь». По одежде, убранству квартиры можно было сделать вывод об аккуратности одинокого ста-

рика. Сначала он снял очки, затем закрыл и отложил в сторону книгу, которая лежала на коленях. Открыл широкий ящик большого шкафа и, тяжело вздыхая, раскрыл сверток. Взяв маленькую фотографию, повернул на свет. «Посмотрите, - сказал он. Это мой отец». При слове «отец» голос его задрожал. Он отвернулся в сторону.

Я посмотрел на фотографию. С нее на меня смотрел молодой, очень красивый офицер. Снимок был сделан в конце девятнадцатого века.

- Фарис бек, - сказал я, - а документы? Что можно сделать с одной лишь фотографией? Если можно, поищите и документы, вместе посмотрим, здесь же, при вас... Не заберу их никуда.

Он с неохотой повернулся назад и тяжелыми шагами вновь подошел к шкафу. Долго повозился. Книгу, которую читал незадолго до этого, перекладывал из стороны в сторону, раскрывал тетрадь, нервничал, ничего там не находя...

Терпению моему приходил конец, его состояние переходило ко мне. Наконец, извлек из шкафа толстую папку и протянул ее мне:

- Зачем тебе, молодой человек, документы моего отца?

- Фарис бек, ваш отец был первым и последним генералом нашего народа в области военной топографии. Хочу выступить статьей о нем в газете, журнале. Пусть молодое поколение узнает о жизнедеятельности такой выдающейся личности.

- Мой отец давно забыт, - с обидой сказал он и помахал руками. После небольшой паузы добавил: - Может быть, это к лучшему. Кому интересен мусаватский генерал?..

Только теперь я понял, почему с неохотой встретил меня старик.

- В одно время я сам пытался рассказать о нем, хотел, чтобы и его имя называлось в ряду генералов. И он ведь старался ради Азербайджана, ради своего народа, воевал на фронтах, дни-ночи проводил на топографических съемках. Еще в 1883 году в составе русско-иранской комиссии отец участвовал в работах по уточнению границы от Каспийского моря до Афганистана. За досрочное выполнение такой серьезной работы он удостоился высокой награды Персии «Шире-Хоршид». Он разработал топографические карты Крыма, Дагестана и всего Кавказа. В 1892 году отец был командирован в Турцию. Здесь он руководил топографическими работами на русско-турецкой границе. Под руководством отца были выполнены топографические снимки городов Южного Азербайджана – Тебриза, Хоя, Урмии и других. Все приходящие брали у меня документ, фотографию, а потом исчезали и больше

не появлялись. Они ни статьи не писали, ни фотографии не возвращали. Не остались у меня их адреса, номера телефонов.

- Я буду здесь смотреть, ничего отсюда не унесу. И заметки буду делать здесь, при вас...

- Хорошо, открой папку, давай посмотрим что там сохранилось. Но вначале скажи, откуда ты узнал про моего отца?

- Вышла книга «Мои воспоминания» одного маршала. В ней даны подробные сведения об участии вашего отца, полковника Ибрагим ага Векилова в операциях в Сардарабаде, Верхнем Абаране. Его отвагу на должности начальника штаба маршал ставит в пример всему личному составу армии.

По лицу заметил, что этот факт обнародовал старика - сам развязал узелок на папке.

... Вот так весной 1978 года я познакомился с Фарис бекком Ибрагим ага оглы Векиловым. После статьи в журнале «Азербайджан» я снова встретился с ним. Фарис бек взял журнал в руки, перевернул страницы с статьей об отце. Мы сели рядом на диване.

- Прочитай,- сказал, - посмотрю, что ты написал?

Не дойдя до середины текста, еще раз спросил о названии.

«Удивительная судьба», - ответил я и посмотрел на него. Его умные, широкие глаза стали влажными. Я остановился.

- Больше не надо читать, сам дочитаю, - сказал он и холодной, как лед рукой взял меня за запястье, - спасибо тебе, что напомнил об отце...

* * *

Всю обратную дорогу я думал об одиноком старике. «Черных страниц в моей долгой жизни больше, чем светлых». Нет, не с проста он сказал эти слова. Знакомясь позже с его жизненной историей, я поразился – как он перенес эти трудности? Странно, несмотря на все перенесенные невзгоды, лишения его память была очень крепка.

Восемнадцать лет своей жизни Фарис бек провел за пределами Азербайджана, в ссылке в Сибири и Караганде. Выдержал испытания революциями, войнами. Почему? Потому, что цель жизни была правильной, убеждения были чистыми. Независимо от ситуации, местонахождения, в душе у него горела одна свеча. Называлась эта свеча Азербайджан.

Когда грянула Первая мировая война студент пятого курса Петербургского Технологического Института Фарис бек Векилов был мобилизован на защиту артиллерийской мастерской Путиловского завода.

Добросовестная работа поднимала молодого инженера по ступенькам вверх. В 1916 году с хорошей характеристикой был назначен на должность главного инженера известного завода «Феникс» в Петрограде. Через год, во время октябрьской бури, предприятие остановилось. Фарис бек вернулся в Тифлис, к своей семье. Вместе с большевиком Алигейдаром Караевым он занимается общественно-политической работой. Познакомились они в Петербурге, в «Обществе Азербайджанских Соотечественников».

В 1918-1920 годы Фарис бек был полномочным представителем Азербайджанской Республики при правительстве Грузии.

Спасаясь от преследований после апрельской оккупации Азербайджана, уехал во Францию. Стал работать конструктором на заводе «Рено». Пять лет работал Фарис бек Векилов в Париже, встречался с находящимся в эмиграции ученым-востоковедом, генерал-майором Мамедсадыг бекком Агабейзаде, повышал уровень технических знаний. Однако грусть по Родине, любовь к отцу заставили его вернуться в Азербайджан.

«Я был уверен, что нахожусь в Париже временно. Часто поддерживал связь с отцом, который остался в Азербайджане. В 1925 году отец написал, что хорошо знавший меня с Петербурга первый секретарь центрального Комитета Коммунистической партии Азербайджана Алигейдар Караев предлагает мне вернуться на Родину и принять участие в восстановлении разрушенного во время событий хозяйства. Я с удовольствием принял предложение. Получив в советском консульстве соответствующие документы, я в феврале 1926 года вместе с супругой вернулся в Баку.

Алигейдар Караев очень тепло принял меня. Помог в получении квартиры и направил на работу в завод имени лейтенанта Шмидта».

...Вечером сосед позвонил мне и сказал, что Фарис бек хочет видеть тебя. Если можно, зайди.

Выйдя с работы несколько раньше обычного, я приехал к нему. Мы встретились как многолетние друзья, я бы сказал, как родственники.

- Теперь у меня к тебе дело есть,- сказал он.- Ты знаешь, что дядя отца по матери Ибрагим ага Усубов тоже был генералом? И о нем надо бы написать.

В тот день он показал мне немало документов, фотографий. Щедрости Фарис бека не было предела. На одной из фотографий, подаренных мне Фарис бекком, сделанной в 1901 году в Карсе, Ибрагим ага

Векилов изображен во время топографических съемок. Оригиналы обеих фотографий хранятся у меня. Он повел разговор о письме, которое его мать Елена Ефимовна Векилова написала великому русскому писателю Льву Толстому 2 марта 1909 года. В письме она просит совета о возможности принятия детьми исламской веры.

Фарис бек дал мне фотокопию этого письма и собственноручно написанные воспоминания с автографом.

- Сынок, - обратился он ко мне, - моя жизнь на исходе, а твоя только начинается. Оставь это у себя. Однако иногда навещай меня, одинокого старика, я дам тебе немало нужных тебе материалов...

БЕСЕДА - РАНА НА СЕРДЦЕ

Наше дело святое, справедливое, оно не завершится нашей гибелью. Много нашей крови будет пролито на пути к победе – великие идеи побеждают лишь при проявлении самоотверженности, принесенными жертвами. Умирая, мы оставляем будущему поколению обгаженный нашей красной кровью знамя свободы и равенства.

С п а р т а к

После исследования удивительной жизни топографа генерала Ибрагима аги Векилова и публикации статей мое знакомство с девятидвулетним Фарис беком переросло в дружбу. После нескольких бесед старик доверился мне, поведал о своем жизненном пути, рассказал о генерал-майоре Ибрагим аге Усубове. При каждой встрече он с болью в сердце рассказывал мне о незаконном аресте, о тяготах и лишениях, выпавших на его долю в период восемнадцати летней ссылки в Сибири, а затем в Караганде, о событиях, один ужаснее другого.

Я знал, что младший брат Фарис бека, полковник Галиб бек Векилов внес большой вклад в формирование национальной армии в 1918 году. Его арестовали в 1937 году. Иногда я задавал Фарис беку вопросы о брате. Однако он каждый раз уходил от ответа, менял тему разговора. Видно было, что он не хочет рассказывать о брате. Поэтому я не настаивал на ответе. Однажды я повел разговор о Чингизе Ильдырыме. Я знал о его дружбе с Галиб беком. Старик вынужден был мимоходом рассказать одну историю. Я не отстал и спросил: «Почему арестовали Галиб бека?». Старик с грустью посмотрел на меня и на-

долго умолк. В этот момент ударили старинные часы на стене. Мы одновременно посмотрели на часы - стрелки показывали одиннадцать. Сегодня наша беседа с Фарис беком затянулась. Он действительно сильно устал. Когда я хотел встать, чтобы уйти, он взял меня за руки:

- Сегодня я сильно устал, - сказал он. – Разговор о брате оставим на потом. Его трагедия страшна. Эта беседа – рана на моем сердце, которую ношу многие годы.

Он сказал:

- Не обижайся, в следующую субботу-воскресенье поговорим...

К сожалению, Фарис бек не дожил до воскресного дня...

Впоследствии я несколько раз встречался с дочерью Галиб бека Лейли ханум. Доктор педагогических наук, профессор, она работала в Институте русского языка и литературы имени М.Ф.Ахундова. Я иногда, когда делал копии с редких фотографий генерала Али аги Шихлинского, готовил передачу о дедушке, генерале Ибрагим аге Векилове, спрашивал про отца у Лейла ханум. Как дядя Фарис бек, она была немногословна и почему-то обходила эту тему.

«... Сегодня все это выглядит странным, однако порою и дети репрессированных в те годы считали своих родителей виновными и открыто от них отворачивались. С чем это было связано? Страхом или беспокойством за свою жизнь? Этого нельзя исключить. Однако главная причина кроилась в слепой, фанатичной вере власти». Эти строки профессора Николая Трушенко я прочитал в журнале «Смена» (1988, №9) и сразу вспомнил Лейла ханум. Словно в этих строках я обнаружил причину ее молчания. Так мне казалось. Однако когда она начала говорить об отце, я заметил, что Лейла ханум чуждо чувство страха. Не шутка, пятьдесят лет запрещалось говорить, писать о родном отце. Она никогда не отрекалась от отца – «врага народа», не преклонялась перед личностью «отца народов» Сталина, палача М.Дж.Багирова. Как и другие пятьдесят одна тысяча обиженных семей «врагов народа», она переживала тихо, в глубине души. Возможно, она и представляла, что настанет время гласности, демократии и обо все можно будет говорить открыто, все подозрения, сомнения будут стерты с души, справедливость восторжествует.

- К сожалению, отца я видела меньше, чем дедушку Ибрагима агу, - начала беседу Лейла ханум. – При первом аресте отца мне было шесть лет. Во второй раз – тринадцать лет. Поэтому, больше всего об отце я помню из рассказов матери.

- Когда арестовали отца, дедушка генерал Ибрагим ага Векилов

о нем ничего вам не рассказывал?

- Нет. Дедушка никогда не говорил об аресте безвинного сына. Потом мне стало известно, что дедушка сильно переживал арест сына, но не показывал этого. Он не был в силах рассказать мне о заслугах отца, трудившегося во благо народа, Родины, поведать о его невинности. После ареста отца дедушка сильно изменился. Он был словно птица без крыльев.

В семье генерала росли трое детей - два мальчика и девочка. Младший сын Глеб решил идти по стопам отца. В 1910 году юнкер Глеб Векилов окончил Алексеевское военно-техническое училище и приступил к службе. В годы мировой войны он воевал на Восточном фронте в составе инженерного полка. За храбрость, проявленное в боях за деревню Молодечный Галиб бек Векилов был награжден орденом Креста Святого Георгия второй степени. Ему как военно-техническому специалисту вменялось в обязанность укрепление паромов и переходов, установление противопехотных и противотанковых мин.

Все фотографии, которые Лейла ханум разложила на столе, относятся к дореволюционному периоду. Есть среди них и тонкая книжка. Эта книга «Литература татаров Азербайджана» известного литературоведа Фиридун бека Кочарли. Автор надписал ее и подарил дедушке Лейла ханум 22 октября 1903 года: *«Уважаемому Ибрагим аге Векилову в знак большой любви от Фиридун бека Кочарли. Город Гори»*.

Наибольший интерес представляют две фотографии. Относятся они 1915 году и никогда не публиковались. Генерал-лейтенант Али ага Шихлинский с супругой Нигяр ханум находятся в кругу офицеров и медицинских сестер.

- Рядом с Нигяр ханум сидит моя мама Александра Ивановна Векилова. Она в годы войны служила вместе с отцом Галиб бек в действующей армии. Она была в звании лейтенант. Она, как Нигяр ханум, работала в полевом госпитале. Октябрьская революция застала их в окрестностях Минска. После трех месяцев службы на должности командира, для продолжения службы командование направило отца в Баку. Он был назначен начальником отдела военных инженеров формируемой национальной армии. В звании подполковник он служил в армии до падения АДР. Затем отец служил в XI Красной армии. Он был начальником инженерных войск в городе Энзели. Мама и здесь находилась рядом с отцом. Отец тяжело заболел, его схватила мальтийская лихорадка. Несмотря на болезнь, в 1922 году он вновь начал

работать на должности начальника Главного военно-инженерного отдела Азербайджана. Затем он был директором военно-промышленного комитета Военно-Революционного Совета Закавказской Красной армии. На этой должности он находился пять лет.

- Лейла ханум, когда был арестован ваш отец?

- В первый раз это произошло в 1931 году. Как осужденный, он работал на строительстве Беломор-Балтийского канала. В 1933 году он вышел на свободу. Постаревший, болезненный, поседевший отец стал угрюмым. Лишь однажды он рассказал мне о своем аресте: «Кто и что тебе говорят обо мне, не знаю. Запомни только одно: ни перед Родиной, ни перед народом, ни перед тобой, ни перед твоей матерью, ни перед кем я не виновен».

После возвращения в Баку отец работал заместителем директора треста бытового строительства. Помню, он часто болел. Лечился в больнице имени Семашко, больнице железнодорожников, в больнице на Баилово. Ему сделали операцию. Мы с мамой навещали его. Через некоторое время ему стало лучше. Жили мы неплохо. Отец сменил место работы. Теперь он работал в поселке Банка на Кюре. Оказывается, худшее было впереди. Наступил тридцать седьмой год. Он поглотил отца, как и многих других светлых, честных интеллигентов того времени...

В 1956 году я получила два оправдательных письма о безвинном уничтожении отца. Один за 1931 год, другой – за 1937 год. В последнем было написано, что полковник Галиб Векилов погиб 19 марта 1937 года. А мы с матерью с 1937 года по 1956 год искали его по тюрьмам.

На столе Лейла ханум находится еще одна историческая фотография. На ней изображены шесть человек. Они вернулись с охоты, пообедали, а теперь отдыхают. Один из них - известный советский полководец Михаил Фрунзе глубоко задумался. О чем-то думают стоящие справа от него Алигейдар Караев и Галиб бек Векилов. Лишь командир дивизии Мамед Вейсов продолжает есть. Держа в руках нож и вилку, он что-то режет в тарелке. Личности двух других человек неизвестны. Лейла ханум говорит, что этот снимок сделан во второй приезд Фрунзе в Азербайджан зимой 1925 году на территории Хачмасского района, в бывшем особняке Неручева (затем совхоз №1).

Не прошло шести месяцев, как внезапно скончался один из них – М.Фрунзе. Алигейдар Караев, Галиб бек Векилов стали жертвами тридцать седьмого года. Мамед Вейсов был осужден на девять лет и

вернулся на родину. Умер он в 1957 году.

- Лейла ханум, помните кого-либо из друзей отца?

- Я была еще маленькой, помню, что часто у нас бывали Фрунзе, Али ага Шихлинский, Серго Орджоникидзе и чаще других Чингиз Ильдырым. Чингиза Ильдырыма я называла «дядя Чи». Семьи у него не было. Большую часть времени он проводил с отцом у нас. «Дядя Чи» относился к детям с особой теплотой и уважением. Помню его полуфантастические рассказы. Он говорил, что как-то он на ходу спрыгнул в поезд, оттуда зацепился за летящий самолет и полетел. При этом он то, как я, изумлялся, то от души смеялся. Помню, он рассказывал, что однажды во время охоты в Ленкорани внезапно перед ним появился мой отец, а он принял его за кабана и чуть было не выстрелил в него. В каждый приход «дядя Чи» приносил мне детские цветные книжки. Однажды он принес вырезанную из дерева фигуру кабана. На лапах был автограф. Эту фигуру храню по сей день. Вот она. На письменном столе отца стояла фотография «дяди Чи», которую он сделал после получения ордена Красного знамени. И на ней был автограф.

Внезапно «дядя Чи» исчез, некоторое время он у нас не появлялся. Когда я спрашивала об этом отца, он молчал. Мой вопрос оставался без ответа. Намного позже я поняла, что страшные руки черных тех лет и его схватили за ворот. Чтобы спастись от М.Дж.Багирова, Чингиз Ильдырым сначала уезжает в Магнитогорск, а в 1934 году - в Кривой Рог. Однако палач Багиров и здесь находит и расстреливает его.

Лейла ханум берет фотографию со стола и грустно говорит:

- Эта фотография случайно сохранилась у нас. Когда отца арестовали, то его книги, личное оружие, документы были конфискованы. Фотография «дяди Чи» оказалась в совсем ненужной книге. Отец ожидал ареста Чингиза Ильдырыма. А когда узнал об аресте, то сказал мне, что теперь его черед. Видимо, отец специально положил фотографию «дяди Чи» в ненужную книгу, чтобы она не попала в не те руки. После оправдания Чингиза Ильдырыма эта фотография, можно сказать, единственная память о нем. Наши музеи сделали копии с фотографии, бюст перед Политехническим институтом был сделан на основании этой фотографии.

ИБРАГИМ БЕК АСЛАНБЕКОВ (Первый Вице-Адмирал)

Когда у человека нет отца и матери его называют сиротой. Когда народ остается сиротой это является большим бедствием. Какой народ называют сиротой? Народ который не знает своей истории сирота. Люди которые живут не зная своих великих людей, гениев считают сиротами.

Мы являемся таким народом который подарил миру всемирно известных людей, великих гениев, но другие народы пытаются их присвоить.

**Акрам Джафар
профессор**

Впервые я услышал его имя в 1976 году, в одном из музеев Севастополя. Гид, стоя на фоне огромного изображения крейсера, рассказывала о героях Крымской войны:

- В марте 1854 года Англия и Франция были серьезно обеспокоены укреплением позиций России на Балканах. Пытаясь захватить черноморские проливы и закрыть торговые пути для России, они вступили в войну и отправили войска в Крым. Севастополь был блокирован, началась героическая оборона города. Хотя русские солдаты под командованием адмиралов Истомина, Нахимова, Асламбекова сражались героически, английские и французские войска взяли город. Бессилие и гнилость крепостной России дорого обошлись стране. Вице-адмирал Асламбеков, которого вы видите на этой картине, в 1871 году, будучи начальником третьего экипажа флота, руководил строительством железной дороги в Севастополь.

В поисках истины

После недолгой паузы гид предложила группе пройти в следующий зал. Я же продолжал внимательно разглядывать портрет Асламбекова, которого, непонятно почему, гид называла Асламбековым, особенно делая ударение на букве «м». Мужественные черты лица, величавая осанка и истинно кавказские закрученные усы свидетельствовали о его знатном происхождении. На раме было написано: «Вице-адмирал А.Б.Асламбеков. 1820-1900 годы».

В одном из залов, улучив момент, я попытался выяснить у гида

ответ на интересующий меня вопрос.

- Пожалуйста, но покороче, – ответила она.

- Меня интересует национальность вице-адмирала Асланбекова, и больше ничего...

- Не знаю, - удивленно парировала она. – А вы откуда?

- Я из Баку. Уверен, что он...

- Нет, он не бакинец, - категорично отрезала она меня. – Говорят, армянин. Если это вас так интересует, зайдите попозже, постараемся что-то разузнать. Кажется, его документы сохранились...

В тот день основной фонд музея оказался закрыт. С Еленой, так звали гида, мы договорились встретиться наутро.

- Но если хотите, приходите сегодня на «Панораму города Севастополя», - посоветовала она, - думаю, там тоже могли сохраниться сведения об адмирале Асламбекове.

В панораме-музее меня встретили весьма радушно. Но цель моего визита несколько не устроила хранителей музея, на что они заявили, что адмирал не может быть азербайджанцем, дескать, в то время «ваших в армию и на флот не брали».

- Почему же? – возразил я. – На той войне сражались азербайджанские кавалерийские полки и отдельный Карабахский кавалерийский полк по пятьсот бойцов в каждом. Сами же русские военные историки пишут, что азербайджанские кавалеристы особенно отличались в боях, в которых Россия одержала победы на кавказском фронте. Их успехи облегчали положение в боях за Крым. На этой войне более 350 офицеров и солдат-азербайджанцев получили награды. Причем, большинство сражавшихся были выходцы из бекских, ханских, знатных родов.

Газета «Кавказ» в номерах за 1849, 1852, 1855, 1858 гг. поместила немало статей о воинах-азербайджанцах. Был опубликован даже список группы солдат и офицеров-азербайджанцев, служивших в Петербурге. Приведены краткие сведения о ратном пути корнета кавалерии Магомедали Эйваза Али оглы, Алиискендера ага Сулейман ага оглы, корнета Фарзали Фатали ага оглы, Абдуллы Аскер ага оглы, Муртузали Магомедамин оглы, Ахмеда ага оглы, Мирюсиф бека Мирмешади бек оглы, Насруллы бека Гусейн бек оглы, Адема Магомед Гаджи Магомед оглы, Али Гаджи Аббас оглы, Гаджи Алхангу оглы, Гаджи Магомед оглы, выходцев из дворянских семей.

Газета «Кавказ» (№48, 1855 г. и №83, 1858 г.) сообщает: «Поручик-азербайджанец Али Шабан оглы командирован из Варшавы в Пе-

тербург; полковник Зия хан Мирза Наби хан оглы живет в Петербурге; корнет Идрис бек Агаларов служит в отдельном мусульманском полку в Варшаве». В «Кавказе» размещены статьи о генерал-лейтенанте Балакиши беке Араблинском, о генерале Исмаил беке Куткашынлы, генерал-лейтенанте Джафаргулу аге Бакиханове и его братьях, тоже военных, и других известных азербайджанских воинах.

Биограф адмирала Нахимова

К сожалению, документов, касающихся адмирала Асланбекова, я здесь не нашел. Из представленных работниками музея литературных источников удалось только узнать, что в 1855 году, в ходе упорных боев в Севастополе, был тяжело ранен адмирал Нахимов.

Я отправился в центральную библиотеку и заказал всю имеющуюся литературу об адмирале Нахимове. В документальной повести «Нахимов» писателя Юрия Давыдова мне попался такой эпизод: «Консилиум определил, что состояние Нахимова безнадежно. Врачи не верят, что он может жить дальше. Страдания Нахимова на смертном одре продолжались сорок часов. По истечении сорока часов началась агония. Эти мгновения в точности изложены в дневнике капитан-лейтенанта Асланбекова:

«30 июня около одиннадцати часов дыхание его еще более участилось. В комнате царила тишина, врачи прервали споры, присутствовавшие приблизились к постели. Соколов громко и очень ясно сказал: «Вот она, смерть приближается...»

Спустя несколько мгновений на вопрос Воеводского Соколов громко ответил «Скончался». Все взглянули на часы, было одиннадцать часов десять минут».

Далее писатель Ю.Давыдов разъясняет, что в заметках капитан-лейтенанта Асланбекова, как самого близкого к Нахимову человека, никаких фантазий нет. Именно поэтому на записи Асланбекова ссылаются все русские исследователи биографии адмирала Нахимова – академик Е.Тарле, известный военный хирург Н.Пирогов и другие.

Я с беспокойством ждал следующего дня.

Миновав длинный коридор, мы вышли во двор. Спустившись по винтовой лестнице, вошли в двери с надписью «Дореволюционная охранная комната». Седовласая женщина, услышав от Елены о цели моего визита, смерила меня каменным взглядом с головы до ног и что-то буркнула под нос.

- Пожалуйста, не отказывайте, - умоляюще, попросила ее Елена, - товарищ приехал издалека. Видимо, очень нужно...

Та, не желая подниматься с места, нехотя подняла взгляд.

- И ради этого вы приехали из Баку? – не без иронии спросила она меня. – Асламбеков – армянский адмирал. Ваши поиски, по моему, бессмысленны.

- Не может быть. Фамилия адмирала вовсе не Асламбеков, а Асланбеков. Да и будь он армянином, фамилия его была бы Асланян.

- А на какие источники ссылаются ваши утверждения?

- В армянских фамилиях никогда не было и быть не может частицы «бек». Титулы – бек, хан, ага присущи только мусульманским народам. У армян же был только титул мелика, и то впоследствии.

Ничего не ответив, заведующая фондом нехотя приподнялась со своего кресла и исчезла между бесконечными рядами полок. Елена, явно «болевшая» за меня, с любопытством посмотрела вслед за ней, после чего повернулась ко мне:

- Ну, как говорят моряки, так держать, - сказала Елена. – Кажется, мы победили. Только вот дай Бог, чтобы с фамилией мы не попали впросак.

Минут через десять-пятнадцать заведующая вернулась со старой серой папкой в руках. Усевшись в свое кресло и не обращая на нас внимания, словно, нас и не было тут, она принялась перелистывать содержимое папки. Затаив дыхание, мы с волнением следили за каждым ее движением. Воцарившуюся тишину нарушал лишь шелест бумаги. Наконец, она произнесла:

- Что ж, посмотрим, есть ли в ваших словах правда. Лично я сомневаюсь, чтобы такой выдающийся адмирал оказался мусульманином...

Тут я не выдержал.

- Вот, вам мои документы, - боясь, так и не увидев содержимое папки, я протянул ей свой паспорт и удостоверение личности. – Позвольте мне самому взглянуть на архивный материал.

Моя излишняя нетерпеливость явно не понравилась Елене.

- Что ж, пожалуйста... - с заметным, правда, раздражением, заведующая протянула мне папку...

Я читал личное дело адмирала и не верил своим глазам – сколько же тут подделок и подтасовок! От злости у меня перехватывало дыхание, дрожали руки. Наконец, обнаружив нужную мне запись, я воскликнул:

- Позвольте зачитать вам имя и фамилию адмирала!

Заведующая промолчала.

- Пожалуйста, зачитайте, - обратилась ко мне Елена, чувствующая, что я обнаружил нужное доказательство.

- Асланбеков Ибрагим бек Аллахверди бек оглы, - с достоинством победителя я зачитал фамилию, имя и отчество славного сына азербайджанского народа. - Так значит в подлиннике. Но имя и фамилия закрашены тушью и переправлены на Асламбеков Авраамий Богданович. Родился в 1822 году в Баку, дворянского происхождения, вероисповедание – исламская религия. Перечеркнуты и последние два слова, взамен написано - «православный». Позвольте, законспектировать личное дело адмирала...

- Пожалуйста, конспектируйте, - ответила Елена, а сама, приняв мои искренние изъявления благодарности, попрощалась, оставив нас с заведующей вдвоем.

- Товарищ, можете конспектировать, но снимать фотокопию личного дела, хранящегося в уникальном фонде, не разрешается, - суровым тоном заведующая нарушила воцарившуюся было тишину.

- Спасибо, мне достаточно и конспекта, - мне было хорошо известно, что подобного запрета не существует, но в такой критической ситуации не хотелось ввязываться в спор. К тому же в фотокопии и не было такой необходимости. Главное – я нашел редчайший документ о первом вице-адмирале-азербайджанце, моем соотечественнике!

Голоса из прошлого

Бакинский порт приводился все более пригодное состояние. Большая часть личного состава корабля становились бакинцы. Развитие мореплавания многих бакинцев навсегда связало с морем. В те годы редко встречались семьи члены которых не были моряками. Много было и тех кто работал чернорабочими на кораблях. В 20-х годах 19-го века в бакинских водах плавало около шестидесяти парусных судов.

Гьылман Илькин

Народный писатель

Первым в истории азербайджанского военно-морского флота адмиралом был Мирза Магомед хан I, сын Даргяхгулу бека. К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями о его биографии, не сохранились также снимки.

Став бакинским ханом в двадцать лет, он приложил немало усилий для возрождения судоходства на Каспии и в целом экономики, ока-

завшейся после отца Даргяхгулу бека в плачевном состоянии. Решив начать с обустройства Бакинского порта, он отправился в Европу для изучения передового опыта судостроения. В книге народного писателя Гыльмана Илкина «Баку и бакинцы» есть интересный эпизод, связанный с Мирзой Магомед ханом I.

«Однажды Мирза Магомед хан вызвал своего сына Мелика Магомеда:

- Слушай меня, Мелик Магомед. Мы живем на берегу моря, но своих судов у нас нет. Одними рыболовецкими судами далеко не уедешь. Нам нужны корабли, с которыми мы могли бы дать отпор врагу.

Ничего не понимая, Мелик Магомед моргая смотрел на отца.

- Для этого я должен поехать в Европу, - пояснил сыну Мирза Магомед хан. – Только там и делают хорошие суда.

- А кто останется здесь?

- Что значит - кто? Ты!

Мелик Магомед уже помогал отцу в некоторых делах, но такого доверия к себе не ожидал никак.

Побывавший в те годы в Баку путешественник Лерх писал, что бакинский хан адмирал Мирза Магомед часто ездил в Лангерт, где руководил строительством судов.

Согласно другому источнику, в 1804-1806 годы в Азербайджан пришли с захватническими целями русские войска, которые встретили достойный отпор от наших моряков на Каспии. Как писал иранский историк Насир Наджими, смелый военачальник Аббаса Мирзы и бесстрашный командующий Баку Гусейнгулу хан установил одно из своих орудий в некотором отдалении от русских кораблей и с поразительным мастерством и ловкостью потопил залпами несколько судов противника».

17-летний Ибрагим бек Асланбеков окончил в Петербурге Военно-морской корпус с ведома и по желанию Мирзы Магомед хана. В роду Бакихановых был некто Аллахверди – не его ли сын Ибрагим бек? К сожалению, выяснить это не удалось. С другой стороны, уже тот факт, что Ибрагим бека в 13 лет отправили учиться в Россию, может служить достаточно надежным свидетельством его принадлежности к роду бакинских ханов. На это же указывает пометка о его дворянском происхождении, оказавшаяся в его личном деле.

Ясно, что в энциклопедических изданиях, как правило, указываются данные о месте рождения и национальности выдающихся лич-

ностей. Но – поразительный факт! – ни в многотомной «Военной энциклопедии», выпущенной в свет в 1911 году известным издателем И.Сытиным, ни в военно-морских энциклопедиях советского периода этих данных об адмирале Асланбекове мы не встречаем. Очевидно, российские историки решили «прихватизировать» этого незаурядного военачальника, который был к тому же и видным исследователем истории военного флота.

Биография

В ряде литературных источников, особенно советского периода, год рождения Асланбекова указывается 1820-й. Однако в трудах, изданных до 1917 года, датой рождения адмирала Ибрагим бека Аллахверди оглы Асланбекова указывается 22 сентября 1822 года, а место рождения – Баку. Проучившись три года в военно-морском училище в Петербурге, Ибрагим бек окончил его в 1837 году с занесением фамилии на «красную доску». Служил в Балтийском море на фрегатах «Александр Невский» и «Прозергин» в звании мичмана, на судне «Император Петр Первый» принимал участие в маневрах у Дагерорда. В 1842 году Ибрагим бек окончил офицерский класс морского училища, после чего плавал на военно-сторожевых судах Черноморского флота, участвовал в сражениях у восточного побережья моря. Лейтенант Асланбеков командовал судном «Эльбрус», и в 1854 году четырежды – 30 июня, 7 июля, 3 и 6 августа выходил в открытое море для того, чтобы потопить торговые суда противника, в августе командовал батареей десантного судна. За эти заслуги ему присвоили звание капитан-лейтенанта. С 13 сентября и до окончания войны служил в Севастопольском гарнизоне, при отражении последнего штурма был контужен. После восточной войны командовал 36-м флотским экипажем в порту Николаев. В 1860-1861 годах в качестве командира винтового корвета «Сокол» плавал на Средиземном море и привел судно в Кронштадт, а в 1863 году вернулся на нем же в Николаев. Спустя два года Ибрагим бек был назначен командиром судна «Ретвизан». Некоторое время занимал должность начальника штаба бронированной эскадрильи известного вице-адмирала Бутакова.

В 1869-1872 годах И.Асланбеков возглавлял различные комитеты, создававшиеся для изучения тех или иных вопросов государственной важности. Он был членом комитета, созданного с целью открытия судоходных училищ и строительства торговых судов. 1 января 1878 года командир 8-го флотского экипажа И.Асланбеков был

возведен в контр-адмиралы.

Биография Ибрагим бека Асланбекова и как военного, и как военно-морского историка весьма насыщена. Его заслуги как историка сопоставимы из других военных-азербайджанцев лишь с заслугами генерала Али аги Шихлинского в области истории артиллерии. Различие между ним в том, что и научная, и военная деятельность Али аги Шихлинского больше связана с Азербайджаном. Научные же исследования адмирала Асланбекова, будучи широко использованы в российской военной науке, до нас все еще не дошли, оставшись вне сферы внимания отечественных исследователей.

В 1872 году во время празднеств в связи с 200-летием со дня рождения Петра I на И.Асланбекова были возложены участие в технической выставке и руководство императорским эскортом легких вельсельных судов.

В 1879-1882 годах Ибрагим бек осуществил кругосветное путешествие. Он руководил в Тихом океане эскадрой быстроходных военных бронированных и парусно-паровых судов («Минин», «Князь», «Пожарский», «Герцог Эдинбургский», «Ассия» и «Африка»). Во время этого плавания вице-адмирал И.Асланбеков побывал на островах Полинезии. И.Асланбеков является автором инициативы применения в военных целях быстроходных крейсеров и «летучих эскадрилий».

Из материалов личного дела Ибрагим бека Асланбекова явствует, что он снискал большое уважение среди всех подчиненных. Так, контр-адмирал, фамилия которого на пожелтевшем от времени документе неразборчива, писал, что Асланбеков высоко нес звание полководца и пользовался широкой известностью за рубежом, отличался умением поднимать дух экипажа корабля, высоко ценил инициативу младших по званию, отличался открытым характером и принципиальностью.

В 1884 году контр-адмирал И.Асланбеков был назначен младшим флагманом Балтийской команды. Спустя три года – 22 сентября 1887 года за выдающиеся заслуги перед военно-морским флотом он был возведен в звание вице-адмирала и назначен флагманом Балтийского флота. 7 декабря 1901 года Ибрагим бек Асланбеков скончался в Петербурге.

Интересно, что Лев Толстой в своих «Севастопольских рассказах» немало почерпнул из воспоминаний адмирала Ибрагим бека Асланбекова, который по просьбе велико русского писателя рассказал

ему о гибели адмирала Нахимова.

И.Асланбеков, отдавший более чем полвека жизни российскому военному флоту, был награжден высокими орденами России и других стран.

Орден Святого Станислава 3-й степени

Орден Святого Станислава 2-й степени с императорской короной и мечами (1856)

Орден Святого Станислава 1-й степени (1881)

Орден Святой Анны 3-й степени

Орден Святой Анны 2-й степени с мечами (1855)

Орден Святой Анны 1-й степени (1883)

Орден Святого Владимира 4-й степени с бантом (1857)

Орден Святого Владимира 3-й степени (1874)

Орден Святого Владимира 2-й степени (1885)

Орден Белого орла (1888)

Сербский Орден Такова (1879)

Орден Святого Александра Невского (1898)

Японский Орден Восходящего Солнце (1882)

Гавайский Королевский Орден Калакауа 2-й степени (1882)

Серебряная медаль на Георгиевской ленте для ношения в петлице «За защиту Севастополя» (1855)

Бронзовая медаль «В память Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. (1856)

В 1881 году на церемонии коронации императора Александра III И.Асланбекову была пожалована сабля и выдана единовременная денежная премия в размере годового жалованья. 1888 году избран Действительным Членом Императорского Русского Географического общества. 1898 году вышел в отставку.

Еще в 1882 году, при жизни Ибрагим бека Асланбекова его именем были названы полуостров на Сахалине и залив в Охотском море.

В книге Б.Масленникова «Рассказывает морская карта» (1986 г.) содержатся достаточно интересные биографические данные о замечательном флотоводце-азербайджанце:

«Полуостров Асланбекова. Охотское море, остров Сахалин.

Назван по фамилии командующего на Тихом океане, контр-адмирала эскадрильи Ибрагим бека Аллахверди бек оглы Асланбекова. На карте фамилии написаны с орфографическими ошибками.

Залив Асланбекова. Охотское море, остров Сахалин. Открыт в 1882 году и занесен на карту как Пластон. С того же времени назван

фамилией И.А.Асланбекова.

Ибрагим бек Аллахверди бек оглы Асланбеков (1822-1900). Окончил училище морского корпуса. В 1837-42 годах плавал на Балтийском море. В 1842-61 годах служил в Черноморском флоте на судах «Селафаил», «Варшава», на бриге «Фемистокл» и др. В 1865-68 годах был командиром судна «Ретвизан», в 1879-82 годах – командиром тихоокеанской эскадрильи. В 1887 году получил звание вице-адмирала».

Счастливое совпадение

В сентябре 1993 года во время командировки в селе Марсан (Гахский район) я познакомился с молодым человеком по имени Эльдар Мамедов. В то время он работал инженером на Сахалине, добывал нефть. Приехал на родину отдохнуть.

- А не встречал ты там острова, носящего имя нашего прославленного соотечественника адмирала Асланбекова? – спросил я Эльдара.

- Я вот уже 14 лет живу и работаю как раз на этом острове живу и работаю. А разве адмирал Асланбеков азербайджанец? Вы точно это знаете?

- Конечно, он первый вице-адмирал азербайджанец, - сказал я.

- Мы там часто спорим об этом. Мы, азербайджанцы, ссылаясь на сходство фамилии, заявляем, что он – сын нашего народа, но никаких конкретных аргументов на руках у нас нет. Подробными сведениями о нем не располагаем. Пару раз, будучи в Гахе, я интересовался у нашей районной интеллигенции, но все они говорят, что у нас такого адмирала нет.

Я обещал Эльдару передать ему фотографии адмирала и подробную биографическую справку, с тем, чтобы у него были веские аргументы, доказывающие тот факт, что Асланбеков – сын азербайджанского народа. В ответ, поблагодарив меня, он обещал устроить в поселковом кинотеатре уголок адмирала И.Асланбекова.

И воин, и ученый

Русский автор, писавший об адмирале Ибрагим беке Асланбекове, отмечает: «...больше известен как биограф адмирала Нахимова». Не случайно очерк Ибрагим бека «Биография Нахимова» был переиздан несколько раз. Но наиболее тщательного и всестороннего исследования достойны научно-публицистические работы И.Асланбекова. Эти работы до сих пор широко используются как важ-

ный источник по истории российского военного флота XIX века. О высоком авторитете адмирала-азербайджанца свидетельствует и то, что в 1880 году в Петербурге вышла книга В.Фридрикса «Крейсер «Африка», плавающий под знаменем контр-адмирала Асланбекова», а в 1889 году увидела свет книга «Полувековой юбилей вице-адмирала Асланбекова». В книге исторических очерков Г.Семина «Севастополь» (1955) широко использован дневник адмирала Асланбекова.

Начиная с 1860-х годов, в российском журнале «Морской сборник» публиковалась серия научно-публицистических статей адмирала И.Асланбекова. Это «Плавание трехмачтового военного судна «Сокол» в Кронштадт» (1861), «Адмирал Нахимов (биографический очерк)» (1868), «Адмирал А.С.Грейг» (1873), «Адмирал А.И.Панфилов» (1874), «Речь в связи с празднованием 50-летия Морской академии» (1877), «Сведения о плаваниях контр-адмирала Асланбекова» (1881) и другие. Эти материалы не утратили интереса со стороны исследователей и в наши дни.

Безусловно, не живи Ибрагим бек Асланбеков в России, он не достиг бы таких высот. Спустя полтора столетия мы сумели пролить пусть скудный, но все же свет на его биографию и деятельность, во многом остающиеся в тени. Но и это необходимо хотя бы уже в том отношении, что забытых нами выдающихся азербайджанцев немедленно «перехватывают», приписывают себе другие народы, в особенности наши злополучные соседи. Впоследствии нам приходится слышать высокомерные высказывания о том, что у нас в истории, мол, не было выдающихся деятелей в тех или иных областях человеческой деятельности. Что же касается истории военно-морского дела, то она у нас действительно небогата, военачальников-флотоводцев азербайджанской национальности можно пересчитать по пальцам: контр-адмирал Джалил Джавадов (1916-1980), вице-адмирал Гамид Гасымбеков (1923-2005), контр-адмиралы Рафик Аскеров (р. 1949), Эдуард Гусейнов (1938-1993), вице-адмирал Шахин Султанов. Приятно, что к этому краткому перечню совсем недавно добавилось новое имя – вице-адмирал Ибрагим бек Асланбеков!

ЕЩЕ РАЗ О ПОЛКОВНИКЕ РУСТАМ БЕКЕ КАРАБАГЛЫ (1781 - 1845)

*Наука – не есть чья-то собственность,
чтобы всякий мог ее присвоить.*

Аббас Саххат, поэт

Есть такие книги, к которым читатели обращаются чаще, ибо они богаты историческими фактами. Мудрецы нисколько не ошибались, когда называли такие книги умными, настольными. И в моей личной библиотеке немало книг, которые я часто беру в руки, перечитываю. Берегу эти книги как зеницу ока. Не каждому обратившемуся даю эти книги для чтения.

К такому роду книг принадлежат произведения Г.Гейбуллаева, который в последние годы настойчиво раскрывал неизвестные страницы нашей истории. Велики заслуги Гиясаддин муаллима, в течение тридцати лет упорно исследующего этнографию и топонимию нашего народа.

На днях я вновь перечитал книгу профессора Гиясаддина Гейбуллаева «Карабах». В этом интересном произведении, когда автор говорит об армянезированных албанцах, в качестве примера приводит «историю» двух стражников известного французского полководца Наполеона Бонапарта – Рустама и Петроса, принявших то ли мусульманство карабахских армян, то ли или армянезированных албанцев.

Отмечается, что эти двое молодых людей выехали с целью занятия торговлей из Нагорного Карабаха и через турецкий город Измир попали в Египет. Петрос принял мусульманство и стал зваться Омаром. Когда представлялся Наполеону, назвался Пьером. А Рустам бек и при Наполеоне звался Ростом.

Эти факты Гиясаддин муаллим, наверное, черпнул из армянских источников. Армянин Петрос «приставлен» к Рустам беку Карабахлы в изданной в 1899 году книге «Армяне. Краткий очерк их истории и современного положения». Всем известно, фальсификация событий, фактов является излюбленным методом армянских историков. Во всех российских источниках говорится о службе у императора Наполеона карабахского полковника Рустама бека.

Шушинец Рустам бек не является ни албанцем, ни армянином. Он азербайджанец и личность историческая.

Говоря об этом, мы не преследуем цель указать на ошибку про-

фессора Гиясаддина Гейбуллаева. Мы хотим лишь довести до читателей факты, которые он не встретил при работе над книгой.

Сведения о полковнике Рустам беке Карабахлы я представил читательскому вниманию в 1991 году, поведав о нем, хотя вскользь, в предисловии к моей книге «Азербайджанские генералы». Заключение Гиясаддином Гейбуллаевым в кавычки слова «по преданию» является лишним. Во-вторых, в скобках правильнее будет написать не Ростом, а «его настоящим именем является Рустам».

Почему, доверившись армянину, мы пишем «по преданию». Разве мы сегодня доподлинно не знаем, что на девяносто процентов дела армян являются фальшивыми и у них не могло быть полководца по имени Рустам бек? И не было!

Исторические документы свидетельствуют, что азербайджанский, карабахский полковник Рустам бек действительно принимал участие в походе Наполеона на Россию. Будучи в 1999 году в творческой командировке в Тбилиси, в фонде редких изданий Центральной библиотеки я обнаружил изданную в 1902 году книжку «Первые добровольцы после установления русской власти в Карабахе». Заказал книжку, получив ее на руки, стал читать. Автором ее является проармянски настроенный генерал-лейтенант Василий Потте, который в начале девятнадцатого века заведовал Закавказским Военно-Историческим музеем. Каким бы проармянским он не был, но пройти мимо факта генерал Василий Потте не смог. Он подтвердил, что Рустам бек является азербайджанцем, точнее Карабахским беком и местным татаром (так в царской России называли азербайджанцев – авт.). А армянина Петроса он просто «пристегнул» к нему. Хотя и Потте ставит под сомнение о совместной поездке с целью торговли в Турцию, а затем в Египет.

Существует еще один достоверный источник. Крупный советский историк Академик Милица Васильевна Нечкина является автором книг по истории восемнадцатого и девятнадцатого веков. Она известна как один из лучших исследователей службы декабристов на Кавказе, деятельности наместничества периода А.П.Ермолова, И.Ф.Паскевича, Воронцовых.

В 1977 году академик М.В.Нечкина в третий раз издала книгу «Грибоедов и декабристы». На 244-й странице этого 735-страничного издания она пишет: *«У генерала Алексея Ермолова служил, например, Карабахский Татарин (Азербайджанец) принадлежавший к Наполеоновскому корпусу Мамлюков, входивший в личную стражу императора, он побывал с Наполеоном в Египте и в Мадриде, по-*

лучил из рук императора крест «Почётного Легиона» за битву при Ваграме; во время отступления Наполеона из Москвы он был взят в плен и вернулся на родину, в Карабах».

Как видно из текста, автор ни словом не обмолвился об армянине Петросе. Хочу напомнить также читателям, что Наполеон Бонапарт был не тем руководителем, который щедро раздавал офицерам орден «Почетного Легиона». В архивных документах указывается, что в качестве адъютанта Наполеона Рустам бек принимал участия в испанской и египетской кампаниях. За необычайный героизм, проявленный во время боев при Ваграме, Наполеон лично вручил Рустам беку орден «Почетного Легиона».

Представляем вниманию читателей еще один исторический факт, доказывающий, что Рустам бек был мусульманином из Карабаха. В 1818 году Кавказ посетил испанский майор Хуан Ван Гален (1790-1864). Он в течение двух лет сражался в горах в составе Нижегородского Драгунского полка. По возвращении на родину он пишет объемные воспоминания. В них он делится впечатлениями от встреч с Шемахинским Мустафа ханом, увлеченно рассказывает об бесстрашных карабахских конниках – татарах (Азербайджанцах –авт.), о Гяндже, Шуше, Шекинском Селим хане. Глава семнадцатая воспоминаний, опубликованных в 1884 году в журнале «Исторический Вестник», так и называется «Азербайджанец – обладатель ордена Почетного Легиона».

Описывая сражение, которое шло за Кызыкумух, Ван Гален отмечает, что в ходе кровополитных боев он стал свидетелем отваги одного офицера из числа Карабахских Мусульманских кавалеристов.

«Внимательно присмотревшись к нему, он заметил на груди воина французский орден «Почетного Легиона». Вечером после боя я послал одного из кавалеристов за мусульманином с орденом «Почетного Легиона». Его нашли и привели в шатер генерала. Я спросил у него на русском:

- Вы говорите по-французски?

- Да, господин майор, - ответил он на французском языке.

- В связи с чем Вы награждены французским орденом, который у вас на груди?

- Его удостоил меня лично император Наполеон за отвагу, проявленную в боях при Ваграме. Если он был бы свидетелем сегодняшних моего сражения, то, наверняка, наградил бы меня вторым орденом.

Офицер-мусульманин служил в составе военного корпуса импе-

ратора в Египте. Он воевал в личном гвардейском эскадроне Наполеона. Попав в плен в ходе незабываемых битв за Москву, Рустам бек по инициативе русской милиции был отправлен на родину в Карабах. И здесь он с честью выполнял свой воинский долг...

В посвященных Наполеону научных, исторических, документальных и публицистических трудах «Мусульманин Рустам бек», «Карабахский Рустам бек» иногда указывается как «Турок Рустам бек». Только недавно армяне поместили в интернете статью под названием «*Рустам Раза Мамлюк армянин в 1812 году – в свите Императора*», в котором представляют его в качестве армянина.

Осуществляя «ревизию» исторических фактов, армяне и на этот раз «преуспели» в фальсификации и присвоении себе чужих заслуг. Они назвали отца Рустам бека «Резой» в то время как того звали Рза бек.

Их «версия» такова. Во время похода Ага Мухаммед шаха Каджара на Тифлис в тринадцатилетний Рустам попадает в плен в городе Аперкан (?) Армении (?). Некий азербайджанский бек семь раз перепродает пленного Рустама. В Константинополе его покупает один араб, который и увозит пленного в Каир. В таком духе гуляет более чем стостраничный интернет-вымысел.

Из отдельных документов, исторических произведений доапрельского переворота становится известно, что вернувшегося на родину после наполеоновского поражения Рустам бека Карабахского приглашает на службу в Тифлис генерал Алексей Ермолов, предоставляет ему работу в Отдельном Военном Корпусе Кавказского Наместничества. Самое интересное заключается в следующем: снискавший своим свирепством титул «таинственное существо нового времени» Ермолов обращался с Рустам беком не как с пленным, а как с умелым, отважным полководцем. Нам предстоит еще изучить неизвестные страницы жизни и службы Рустам бека Карабахского. К примеру, в некоторых документах его воинское звание указывается не полковник, а подполковник.

Существует лишь один путь уточнения воинского звания Рустам бека Карабахского. Необходимо исследовать личный архив Наместника Императора России на Кавказе в 1816-1827 годах генерала Алексея Ермолова, который хранится в Зимнем Дворце в Санкт-Петербурге.

Нам известны сведения о боевой службе полковника Рустам бека Карабахского в армии Наполеона и деятельность на Кавказе, а также дата кончины.

После многолетней службы в отдельной Кавказской армии Рустам бек вышел в отставку и вернулся в родной Карабах. Последние годы жизни провел в Шуше и Ханкенди. Скончался он в 1845 году в возрасте шестидесяти четырех лет. С воинскими почестями (при участии полка, который расквартировался в Шуше) его похоронили на кладбище Мирза Гасан аги в Шуше.

Примечание: Хотел бы напомнить, что вторым нашим соотечественником, заслужившим орден «Почетного Легиона», является прославленный военный начальник Али ага Шихлинский. Эту высокую награду он получил 13 сентября 1913 года, будучи заместителем начальника Школы офицеров-артиллеристов.

Вот как пишет об этом событии генерал Али ага Шихлинский в книге «Мои воспоминания»: «Это лето выдалось очень шумным. Вместе со свитой из семнадцати человек в Россию прибыла делегация французских офицеров во главе с начальником Генерального Штаба Франции генералиссимусом Жоффре Жозеф Жак Сезар (1852-1931). Один из дней они отвели на знакомство с нашей артиллерийской школой. Провели маневры. Французы остались довольны гаубичной стрельбой, оснащением полигона обучения, работой связи. После маневров в честь гостей был дан торжественный обед. Во время обеда рядом со мной сидел французский полковник Варлен. Прозвучали здравницы в честь глав государств, русского и французского народов, наших дружественных армий. Полковник Варлен наклонился ко мне и сказал на ухо:

- Вне очереди, за ваше здоровье, Али ага!

Я удивился тому, откуда он знает мое имя – мы виделись в первый раз. Когда я спросил у него, откуда ему известно мое имя, то получил ответ:

- Али ага, артиллеристы Франции хорошо Вас знают. Все кто посещает школу, по возвращении всегда о Вас говорят.

Через год с визитом к царю в Россию прибыл президент Франции Раймон Пуанкаре (1860-1934), который привез с собой награды в связи с показом русской армии Жоффре. В числе наград были два ордена «Почетного Легиона» для командиров. Один из них был вручен генералу кавалерии, командиру гвардейского корпуса, генерал-адеютанту Безобразову, а вторая – мне».

ГЕНЕРАЛЫ – БРАТЯ ЯДИГЯРОВЫ

От автора

В тридцатые годы прошлого столетия многие представители азербайджанской интеллигенции из-за страха подвергнуться расстрелу, ссылке и аресту, меняли свои имена и фамилии. Были и такие, кто через не очень зорко охраняемые советские границы переезжали вместе с семьями и находили убежище в Турции, Иране. А когда не складывалась жизнь и в этих странах, уезжали в Европу – Германию, Францию или в Соединенные Штаты Америки. Одним словом, приходилось вести скитальческий образ жизни. После кончины лиц старшего поколения, молодые женились на представительницах других народов и родословная подвергалась ассимиляции. Азербайджанцы европеизировались, теряли присущие предкам благородные качества. Поэтому о большинстве из них до сегодняшнего дня нет никаких известий.

Несмотря на прошествие многих лет, я и сейчас не теряю надежду, что откликнется кто-то из влиятельного в свое время борчалинского рода Ядигяровых. Даже предав забвению язык, религию, когда-нибудь вернется на родину предков – в Азербайджан. Возможно, обрадует нас фотоснимками, документами, увезенными за рубеж старшими. Поделится с нами приятными и горестными воспоминаниями, которые прольют свет на военную историю республики.

Дорогой читатель, я живу с такой надеждой и продолжаю свое расследование в отношении Ядигяровых.

В предлагаемом вашему вниманию очерке о достойных сыновьях – военнослужащих из одного рода, делюсь сведениями, почерпнутыми в Санкт-Петербурге, Тбилиси, Москве, Баку и Борчалы...

Проживая в Тифлисе в конце восьмидесятых-девяностых годов XIX века, мы часто переезжали из одной квартиры в другую. Больше всех мне понравилось последнее пристанище – поместье Аллахверди бека Ядигярова на Воронцовской улице. Это было трехэтажное здание, примыкающее к фабрике Мирзоева.

**Абдулла Шаиг,
«Воспоминания»**

Генералы – братья Ядигяровы были выходцами из борчалинского села Текели. Во время моего пребывания в Борчалы, большинство аксакалов говорили, что фундамент села заложили Ядигяровы. Поэтому очень часто населенный пункт также называют «Агалыг».

Текели – соседнее с нами село. Его разделяет с нашим селом Кёрпюлю гора Бабакар. Еще в детстве много слышал от родственников, особенно от деда Мамиша Ахмед оглы Назирли, о родословной генералов и землевладельцев, проживавших на этой территории. Он рассказал много эпизодов о дружбе деда Алы, Назира, Сулеймана и Омара с генералом Гасан беком и помещиками Мустафа беком, Садыг беком из рода Ядигяровых.

Из воспоминаний бабушки Зейнаб ханум Назир кызы (1857-1958):

- Ядигяровы из своей земли выделили пай нашему селу в знак почтения к моему отцу Назиру Абдулла оглы (1820-1904). Отец, Мустафа бек и его сын – генерал Исрафил бек крепко дружили с Ядигяровыми. Затем эту дружбу продолжил племянник Назира сельский староста Сулейман ага Али оглы (1849-1918). Сулейман ага в 1900 году купил у Садыг бека его земли от реки Дебет до Красного моста. В 1916 году Садыг бек продал Сулейману аге за золотые деньги и лес Мушула.

В живописном местечке нашего села, называвшемся платановой долиной Керпюлю, помещик Садыг бек Ядигяр строил себе дачу. После установления в 1920 году советской власти Садыг бек эмигрировал за границу, поместье осталось недостроенным. До 1928-1929 годов ни народ, ни власти не притрагивались к владениям, оставленным беками и бывшими хозяевами. Беки, бывшие хозяева, да и сельчане жили с надеждой «авось, все вернется на круги своя». 20 февраля 1930 года советское правительство издало особое распоряжение «о коллективизации и борьбе с кулачеством». Именно с того времени

бывшие беки и дворяне подверглись арестам, расстрелу и ссылке. Вырубили сады «врагов народа», разрушили их поместья. Именно тогда Асад Инджали оглы снес в селе недостроенную дачу Садыг бека и построил себе дом с семью комнатами. Но в 1936 году Асада Инджали оглы арестовали как кулака, и его с тех пор больше никто не видел. Дом из семи комнат конфисковали, в нем разместили колхозное правление, кузницу и магазин.

Генерал-лейтенант Исрафил бек Ядигяров

В Баку приехал проживающий в Москве наш земляк Эльдар Исмаилов. Позвонил один из друзей, сказал, что Эльдар желает познакомиться с тобой. Мне довелось читать статьи Эльдара в «Вестях Азербайджанского исторического генеалогического общества». Он ведёт такую плодотворную работу, что я не нахожу слов для оценки его заслуг... Огромный труд требуется для написания этих статей, выявления фактов.

С готовностью решил встретиться с Эльдаром. Условились, увиделись уже на следующий день. Читая исследования Эльдара, почему-то представлял его человеком средних лет. Но я ошибся, Эльдару было всего тридцать. По специальности – геолог. Горячая приверженность к своему народу подвигла его на исследования исторических документов 150-200-летней давности, хранящихся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга. Обнаруживает и предаёт гласности факты о жизни и деятельности видных представителей нашей интеллигенции, военачальников.

Состоявшаяся интересная беседа восхитила меня. Прогулялись по старинным, достопримечательным местам города. Посетили и исторический музей. Эльдар подарил мне свежий, четвертый номер «Вестей». Я же вручил ему брошюру «Генералы – братья Ядигяровы».

При расставании он сказал:

- Несмотря на оторванность от Родины, слежу за вашими поисками. Бакинские друзья пересылают мне ваши статьи, книги. Может быть, вам что-то надо в Москве?

- Эльдар, - сказал я, - никак не удастся найти фотоснимок первого из генералов Ядигяровых – Исрафил бека. Может там вам представится такая возможность. Вы часто бываете в архивах. Пожалуйста, найдите время, поинтересуйтесь, сохранились ли фотографии Исрафил бека.

- У меня много знакомых в Центральном военно-историческом

архиве в Москве, обязательно поищу – уверенно ответил Эльдар.

Не прошло и двадцати дней как позвонил Эльдар. Мой молодой и благородный друг сообщил из Москвы радостную весть, которая и по сей день остается в моей памяти.

- Нашел сделанный в 1877 году фотоснимок генерал-лейтенант Исрафил бека. Скоро отправлю вам. Работники архива пообещали найти и «Военно-служебную книжку» генерала.

Может ли быть лучший подарок для человека, которой на протяжении тридцати лет занимается военной историей Азербайджана и исследованиями в отношении наших военачальников? По-моему, нет!

Под снимком, присланным Эльдаром, читаю: «Фото сделано в городе Тифлисе. Фотограф Ю.Вестли». На этом снимке генералу Ядигярову шестьдесят два года. На правой груди орден «Святой Анны» первой степени, через левое плечо перекинута обшитая галуном лента серебристого цвета. Это парадная форма одежды, которой не удостаивались даже иные генералы.

«Дорогой отец! Не забудьте донести до покорившего меня Его Превосходительства генерала Исрафила бека, который временами дозволяет себе интересоваться у Вас моим положением, чувство глубокого почтения и вечной благодарности удостоившегося славы стать его верным слугой. Я никогда не забуду Его Превосходительство Исрафил бека и всегда буду с благословением вспоминать о нем как о самом лучшем друге отца».

*Из письма сына М.Ф.Ахундова Рашид бека.
Брюссель, 7 ноября 1877 года.*

В составленной 10 января 1883 года «Военно-служебной книжке» генерала Исрафил бека указывается, что он родился 15 декабря 1815 года в аристократической семье в селе Текели Тифлисской губернии. По религии – мусульманин.

Начальное образование получил в Тифлисской личной гимназии. 1 сентября 1834 года Исрафил бек Ядигяров добровольцем вступает в мусульманский кавалерийский полк, состоявший из дворян Закавказья. Спустя год прапорщику Исрафил беку за отличие в сражениях с горцами 23 декабря 1839 года присваивается звание подпоручика. Продолжает службу в штабе Отдельного Кавказского корпуса.

2 января 1841 года направляется в мусульманский кавалерийский полк, созданный по личной инициативе Его Величества императора. В 1846 году Исрафил бек получает звание штабс-ротмистра, а 3 апреля 1849 года – ротмистра и участвует в боях против восставших венгров.

29 января 1851 года подполковник Исрафил бек возвращается из Петербурга в Тифлис, продолжает службу в Отдельном Кавказском кавалерийском корпусе.

Когда в 1853 году началась Крымская война, подполковник Исрафил бек Ядигяров был заместителем командира мусульманской кавалерийской бригады, насчитывающей тысячу воинов-азербайджанцев. Спустя год Исрафил бек создает в составе армии второй азербайджанский кавалерийский полк, укомплектованный из борчалинских добровольцев – призванных бойцов-«охотников».

19 августа 1854 года командующий армией пишет в донесении командиру Отдельного Кавказского корпуса: «Сегодня произошло мощное и ужасное наступление. Противник попытался обороняться. Однако, они не сумели устоять перед атакой кавалеристов полковника Исрафил бека Ядигярова. Кавалеристы прорвали оборону врага на левом фланге. Драгуны, казаки, кавалеристы второго азербайджанского полка и грузинская дружина бросились вперед и изгнали их с театра сражения».

Архивные документы подтверждают, что в июле 1855 года полковник Исрафил бек Ядигяров вместе с кавалеристами-добровольцами из Шеки и Шемахи принимал активное участие при решительном наступлении на Карс. Среди награжденных за беспримерный героизм 350 азербайджанцев был и полковник Исрафил бек Ядигяров.

Проживавший в Москве наш соотечественник, полковник, доктор исторических наук Гаджимурад Ибрагимбейли (ныне покойный), упоминая о заслугах русских военных деятелей в Крымской войне, справедливо пишет: «Не ошибемся, если в один ряд со славными военными деятелями России в период Крымской войны поставим военных начальников из числа кавказских национальных военных деятелей. К ним можно отнести азербайджанцев генерала Исмаил бека Куткашенского, подполковника Мансур ага Векилова, полковника Исмаил бека Ядигярова, генерал-лейтенанта Фарадж бека Агаева, генерала Гасан бека Агаларова, кабардинца, полковника Султана Кази Герая, осетин полковников Кондукова, Дударова и других».

17 января 1855 года Исрафил беку Ядигярову присваивается зва-

ние полковника. 10 декабря того же года он назначается начальником Карсского военного округа. Но из-за поездки на лечение в Тифлис не может принять назначение.

За отличную службу в регулярной армии 8 ноября 1866 года Исрафил беку Ядигярову присваивается воинское звание генерал-майора.

Возглавляемый Исрафил беком кавалерийский корпус в составе армейского корпуса 6 июня 1877 года был командирован на кавказско-турецкую границу и в сражениях за Игдыр, Сардарабад, Арпачай, Кюрякдьяр и Карс продемонстрировал невиданную доблесть.

За полувековую безупречную службу в рядах регулярной армии 14 апреля 1883 года Исрафил беку Ядигярову было присвоено звание генерал-лейтенанта. В тот же год он уходит в отставку, вместе с сохранением жалования получает право на ношение генеральской формы до конца жизни. В официальном документе – «Служебной книжке», полученной в центральном военно-историческом архиве России, указывается боевой путь генерал-лейтенанта Исрафил бека Мустафа бек оглы Ядигярова, его семейное положение, в хронологической последовательности перечисляются ордена и медали, которых был удостоен военачальник.

Исрафил бек впервые был награжден орденом «Святой Анны» третьей степени в 1848 году. Затем в его послужном списке следуют орден «Святой Анны» второй степени (1854), орден «Святого Станислава» второй степени с изображением императорской короны (1856), орден «Святой Анны» второй степени с изображением императорской короны и шашки (1850), медаль «За безупречную 20-летнюю службу» (1860), учрежденный для мусульман орден «Святого Владимира» четвертой степени (1863), орден «Святого Владимира» четвертой степени (1869), учрежденный для мусульман орден «Святого Владимира» первой степени (1877), медаль с серебристо выгравированными словами «За храбрость» и памятной медалью светлого цвета за героизм в Крымской войне.

В документе так же отмечается, что генерал-лейтенант Исрафил бек Ядигяров имеет в селе Текели Борчалинского уезда именное двухэтажное здание (совместно с братьями) и каменный дом в Тифлисе со всеми удобствами. Генералу также принадлежат несколько магазинов, села Хорпухис-Санели, Казих-Калоне, Гялябли, Кёрпюлю, Анвели и Лорис-Агек возле Красного моста и две тысячи десятин земли.

Семейное положение: жена генерала Саида ханум дочь ротми-

стра Исмаил бека Везирова. Генерал-лейтенант Исрафил бек был отцом семерых детей. Первый сын Рагим бек появился на свет 10 октября 1845 года, второй Керим бек – 21 января 1854 года, третий Мамед бек – 25 августа 1855 года, 8 октября 1856 года родились близнецы Гасан бек и Гусейн бек, дочери Сакина ханум родилась 27 марта 1843 года, а Хейранса ханум – 23 декабря 1850 года. Супруги и дети относились к исламской вере.

После выхода в отставку генерал-лейтенант Исрафил бек до конца жизни работал мировым судьей второго отделения Тифлисской губернии, то есть занимал должность начальника отделения, занимавшегося решением споров, возникающих между крестьянами и землевладельцами.

Генерал Исрафил бек скончался 6 февраля 1884 года. В тот период газета «Кавказ» (№99) опубликовала следующее объявление: «6 февраля скончался генерал-лейтенант в отставке Исрафил бек Ядигяров. Сыновья просят близких родственников и знакомых принять участие в похоронах 8 февраля в 12 часов. Тело покойного установлено в его личном имении на Воронцовской улице. Похороны состоятся на мусульманском кладбище Тифлиса».

Генерал-лейтенант Исрафил бек Ядигяров был соседом и близким другом выдающегося азербайджанского драматурга Мирзы Фатали Ахундова. По воспоминаниям внучки Ахундова Махманзар ханум Каджар, 10 марта 1878 года Мирза доживал последний день своей жизни и возле умирающего собрались родственники, друзья. Сидевший возле кровати Мирзы Фатали сосед, генерал Исрафил бек Ядигяров со скорбью и болью в голосе спросил:

- Мирза, по какому обычаю устроить вам похороны? Можно ли по мусульманскому обряду?

Заданный напрямую вопрос не потряс Мирзу Фатали, который все религии считал никчемными мифами. Видать, он еще не потерял разум, способность мыслить. Мирза собрал последние силы, на его искаженном лице появилась слабая, дрожащая улыбка. Затем послышался его жесткий и крепкий ответ:

- Вы знаете, я не верю ни в какую религию, - на его лице была слабовыраженная улыбка. – Мне совершенно неважно как живые страдают по покойникам. Как желаете, так и хороните. Я никогда не верил в потусторонний мир. Мне все равно.

Из истории рода ...

Несмотря на нашествия и руины, созданные непрерывными войнами, многие из них (азербайджанцев – Ш.Н.) своей ученостью и продемонстрированной в сражениях отвагой, завоевали большую славу. В каждую эпоху, в каждой стране они были почитаемыми и доверенными личностями.

**Аббаскулу ага Бакиханов,
из произведения «Гюлистан-Ирем»**

Как бы безжалостными и суровыми не были годы, они не в состоянии стереть с нашей памяти, из истории бесценные заслуги представителей этой благородной династии.

В ноябре 1879 года генерал Исрафил бек Ядигяров оказывает материальную помощь в издании газеты «Зия» («Луч») и становится ее первым подписчиком на следующий год. Присоединиться к этому благожелательному делу он приглашает Мирзу Гусейна эфенди Гаибова, Шарабчы оглы, Хафиза Эфендизаде, Халила Агазаде и Гаджи Моллу Эфендизаде.

Известный ученый-востоковед В.Дмитриев изданную им в 1864 году книгу «Коран Магомета» посвятил видному азербайджанскому интеллигенту Исрафил беку Ядигярову.

В книге «История тринадцатого лейб-гвардии Иреванского полка» повествуется о мужестве унтер-офицера Агабека Ядигярова. Там отмечается, что во время сражения Агабек всегда находится в передних рядах. Этот бесстрашный офицер с огромным энтузиазмом бросается на врага. К сожалению, из-за семейного положения 17 июня 1830 года Агабек Ядигяров подает в отставку в звании поручика.

В принадлежащем Отдельному Кавказскому корпусу документе от 6 октября 1827 года указывается, что представитель бекского рода из Борчалинского округа поручик Паша ага Вели бек оглы Ядигяров награжден генералом Паскевичем за отличные боевые качества, проявленные в составе кавалерийского подразделения грузинских князей и аристократов.

В различных пластах отечественной истории можно найти следы славных сынов рода Ядигяровых.

Неповторимый наш историк Аббаскулу ага Бакиханов в знаменитом произведении «Гюлистан-Ирем» упоминает о прадеде рода

Ядигяровых: «...С мыслью упорядочить дела в Азербайджане, а возможно, и во всем Иране, Фатали хан решил встретиться и посоветоваться с царем Ираклием. Царь Ираклий посылает Садыг бека Ядигярова к Фатали хану в качестве посла. Он происходит из древнего рода наместников. Его сыновья и внуки до сих пор проживают в Тифлисе. После Садыг бек был представлен хану в Нухе (Шеки - Ш.Н.) и удостоен безграничной милости и великодушия».

Статья «Ядигяровы» (газета «Грузия», 6 декабря 1996 год) автора интересных исследовательских трудов, доктора филологических наук Шураддина Мамедли очень ценна с точки зрения изучения истории этого рода в XVIII веке. Автор пишет: «Эта династия получила дворянские привилегии в 1701 году от Ираклия I, в 1707 году от Давида I, а впоследствии от Анны, Константина и Теймураза II. Ядигяровым были переданы села по эту сторону Сыныг Кёрпю. Один из Ядигяровых Мирза Багир бек являлся мустофи (казначеем) при дворе Ираклия I, другой – Бахадур бек в 1730 годах был приказчиком двора грузинского наместника, владел большим имением в Борчалинском крае.

...Магомед Садыг бек – сын Мустафы бека Ядигярова. В 1780 году Ираклий подарил Садыг беку и его сыновьям Агаджану беку, Мустафе беку, Аллахверди беку и их наследникам пять магазинов недалеко от мечети в квартале Мейдан. В 1787 году по желанию принца Георгия Садыг беку передано село Агою в Лорийском ущелье. Садыг бек разместил там своих батраков. В конце века старший сын Садыг бека Агаджан становится султаном Байдара, переселяет туда своих домочадцев и закладывает фундамент хутора Гялябили. В 1797 году царь Ираклий возвращает прежнее правление Садыг беку, его сыновьям Агаджану, Мустафе, Аллахверди, Исмаилу. Он пишет: «...Когда Ага Магомед хан сжег и разорил Тифлис, ты был с нами, оказывал нам сильную помощь, твои сыновья Агаджан и Аллахверди в Арагви-джане добросовестно служили нам. Во время разрушения Тифлиса ты многое потерял, в тот же период лишился прежних привилегий. Учитывая добросовестную, преданную службу, восстанавливаем в силе прежние привилегии и дарим тебе в подданство население Сыныг кёрпю».

В ходе командировки в Тбилиси в октябре 1978 года встретился с академиком Паатой Виссарионовичем Гугушвили. В Грузии его знают как близкого друга нашего великого поэта Самеда Вургуну. Волей-неволей зашла речь о многовековой дружбе двух братских на-

родов, совместной борьбе с иноземцами. Паата Виссарионович сказал, что во время наступления на Тифлис шаха Каджара в 1795 году против неприятельского войска доблестно сражались и проживавшие в Грузии азербайджанцы. Одним из них был Садыг бек Ядигяр оглы, другим – Худу бек Борчалинский. Последний являлся близким другом царя Ираклия II. В самые трудные моменты монарх доверял Худу беку. Был случай, когда освободил одного грузинского полководца от управления войсками и доверил это дело Худу беку. Наши исследователи и сегодня отмечают этот неординарный факт. Худу бек также происходит из рода Ядигяровых.

Я столкнулся с этим фактом в архиве при написании работы «Грузинская книга» (охватывает период с 1629 по 1929 год).

Отрадно, что о героизме Худу бека с гордостью пишут в принадлежащих Грузии документах и исторических произведениях.

В историческом романе «Бесики» Акакия Белиашвили (1903-1961), включенного в список лучших грузинских литературных произведений, широкое место отведено деятельности двоих сыновей нашего народа. Тепло повествуется о дипломатической деятельности нашего великого поэта М.П.Вагифа, совершившего визит в Тифлис в период правления Ираклия II и героизме военачальника Худу бека Борчалинского. На страницах 168 и 178 романа писатель отзывается о героизме Худу бека: «Возвращавшийся с триумфом из сражения Худу бек Борчалинский сошел с коня и бросил под ноги Ираклия II отрезанную голову вражеского полководца».

Худу бек показывает беспримерную храбрость и в бою с лезгинцами, вторгшимися в Грузию со стороны Ахалциха. Ираклий II отправляет борчалинский кавалерийский отряд в Гори и пишет наместнику – русскому генералу на передовой линии сражения: «Направляю вам 400 мусульман-удальцов Худу бека. Борчалинцы бесстрашные, хорошие и отважные люди».

В настоящее время одна из улиц в городе Марнеули носит имя Худу бека Борчалинский.

С искренней любовью относящийся к нашему народу Паата Виссарионович вдруг радостно восклицает: **«Да, вспомнил еще об одном факте. До начала наступления на Тифлис Ага Мухаммед шах Каджар 12 сентября 1795 года посылает письмо-ультиматум Ираклию II. Каджар требует, чтобы грузинский царь нарушил договор с русскими, заключенный в 1783 году. Шах пишет: «Приказ сей объявляем Его Высочеству царю грузинскому.»**

Ожидающему нашу милость да будет ведомо: дело, которое грузины учинили семьдесят лет тому назад в Кандагаре и как они уронили честь Ирана, - это ныне уже известно, ибо Шах Султан Гусейн умер и его уже нет более в живых. Ныне и Ваше Высочество знает, что в продолжение этих ста поколений Вы были подвластны Ирану; теперь же с удивлением изволим мы сказать, что Вы примкнули к русским, у которых нет других задач, как торговать в Иране и дело которых только торговля. Ты девяностолетний человек и такие вещи допускаешь: привел неверных, соединился с ними и даешь им волю! Хотя ваша вера и наша неодинаковы и различны, но Вы всегда имели связь с Ираном. В Иране много татар, грузин, армян, неверных и других религий: поэтому следует, чтобы Вы постыдились пред всеми и не допустили этого дела. В прошлом году ты заставил меня погубить нескольких грузин, хотя мы совершенно не желали, чтобы наши подданные погибли нашею же рукою. Теперь по милости Бога, силой которого мы достигли столь большого величия, верность заключается в следующем: ныне велика наша воля, чтобы Вы, как умный человек, бросили такого рода дело, так как в этом и говор (желание) страны, и порвали бы связь с русскими. Если приказанное не исполнишь, то в это короткое время совершим поход на Грузию, прольем вместе русскую и грузинскую кровь и из нея создадим реки наподобие Куры. Так как следовало известить тебя об этом, для этого мы Вам написали сей фарман, чтобы ты не ослушался нашего приказания и познал свое положение».

Ираклий II чувствовал, что на его страну надвигается ужасная беда. Поэтому он решил обезопасить семью, отправить их в Тушет. Трудными, почти недоступными дорогами жену царя Дареджан ханум и ее детей сопровождают Хейранса ханум Ядигярова и еще несколько отважных азербайджанских женщин. С подобным фактом я столкнулся в номере газеты «Кавказ» от 1854 года.

Полученный в архиве Азербайджанского государственного исторического музея документ датирован 1846-м годом. В мае того же года кавказский наместник князь, генерал М.С.Воронцов в рапорте на имя царя Николая I просит оставить за Садыг беком Ядигяровым сёла в Лорийском ущелье.

«В прошлом грузинские цари Ираклий и Георгий представили указы о дарении Садыг беку Ядигярову села Кёрпюлю. Наряду с этим, цари дарят ему христианские и азербайджанские села и до сегодняшнего дня эти села находятся в его распоряжении» (из

рапорта М.С.Воронцова).

6 декабря в ответном письме императора М.С.Воронцову отмечается, что он не возражает против оставления земель в Лорийском ущелье в распоряжении проживающих в Грузии азербайджанских аристократов.

Аромат родных мест

Встретился в Баку с некоторыми пожилыми выходцами из села Текели. Никто не узнал человека на фотографии. Поехал в Борчалы. Там встретился с сельскими старожилами Гусейном Эюбовым и Али Курбановым. И они не смогли узнать человека на фотографии, сделанной в восьмидесятых годах девятнадцатого века.

Впоследствии, в Государственном центральном архиве Грузии довелось мне найти фотографии полковника Вели бека и поручика Надир бека Ядигяровых.

Сегодня в крае не осталось никого из некогда знатного в Борчалинском регионе роде Ядигяровых. Жесткая политическая атмосфера двадцатых годов, черные дни 37-го разметали представителей этого рода. Однако, в памяти аксакалов живут как легенда воспоминания о мужественных братьях Ядигяровых. Обширные участки земли от нынешнего Гюмри (бывший Ленинакан – Ш.Н.) до Сыныг Кёрпю, от Борчалы до нынешнего Степанавана (бывший Джалалоглы – Ш.Н.) принадлежали семейству Ядигяровых. Двухэтажный двенадцати комнатный дом Ядигяровых сегодня превращен в сельскую среднюю школу. Мельницу и мечеть в селе тоже построили эти братья. Сейчас мельница используется как хлебопекарня, а мечеть отведена под дом культуры.

- Исрафил бек был высокорослым, широкоплечим, смуглым человеком, - вместе с дядей Гусейном прогуливаемся по разоренному нынче садовому участку Ядигяровых. Он рассказывает мне о внуке – ротмистре Исрафил беке. – Бек привез из Англии коня. Не конь, а настоящий огонь. Тогда я был молод, всего 14-15 лет. Отец и дядя говорили, что в русско-японскую войну Исрафил бек, орудуя одной саблей, захватил артиллерийское орудие неприятеля.

Сражавшийся в составе кавказского кавалерийского полка ротмистр Исрафил бек Ядигяров в 1905 году был удостоен учрежденного для офицеров ордена «Святого Станислава» второй степени.

В 1916 году царские войска сильно притесняли бедных крестьян. Тяжелые налоги, призывы молодежи в армию для участия в первой

мировой войне довели сельское население до отчаяния. Губернатор, приставы и урядники грабили села. Мустафа Тагиоглы из Гаджагана, Мамедтаги Ахундоглы и Гасымлы Керем убивают двоих солдат губернатора. Вскоре армейский полк окружает село Гаджаган, солдаты мучают и пытаются крестьян, требуют выдачи преступников. Несколько беков села и даже средний брат семьи Ядигяровых Садыг бек просит губернатора остановить избиение крестьян. В тот период Гасан бека не было в селе. Он находился в Тифлисе. Послали ему весточку. Бек тотчас возвращается в Гаджаган. Увидев сходявшего с фэзтона бека, губернатор несколько присмирел. Гасан бек гневно спросил:

- Что за произвол устроили в моем селе?

- Ваше Превосходительство, - откликнулся губернатор, - я требую от них выдачи преступников, убивших двоих солдат.

- Господин губернатор, возместите нанесенный бедным крестьянам ущерб, а я немедленно оплачу с лихвой убийство солдат. Что же касается расправы над двумя сельчанами... Пока я жив, вы никогда их не получите...

Губернатор еле слышно пробормотал:

- Ваше Превосходительство, откуда у меня столько денег?

- Тогда передавайте дело в суд...

Несолоно хлебавши, губернатор вместе с солдатами покинул село. Больше он туда не возвращался.

Из воспоминаний аксакала Гусейна Эюбоглы:

- Обладавший положительными человеческими качествами генерал Гасан бек был очень добродушным и щедрым. Оброк у крестьян, арендовавших его землю, брал в зависимости от урожая. Устанавливал льготы для многодетных семей, тех, кто задерживал выплату долгов. Спутница жизни Рухсара ханум приходилась ему двоюродной сестрой. Они словно были созданы друг для друга. Как и Гасан бек, Рухсара ханум участвовала во всех мероприятиях в Борчалинском крае. И бедняки, и середняки провожали жениха и невесту в нарядном бекском фэзтоне, принадлежащем их семье. Они ничего не жалели для народа. Обходительная и сердобольная бабушка Рухсара ходила на все сельские свадьбы, дарила подарки молодоженам. Для неимущих отдельно готовили блюда, никто не оставался в стороне от веселья.

Жена Садыг бека Ядигярова наполовину была грузинкой и польской татаркой. Было у него трое сыновей – Арчил бек, Вели бек и Давид бек. Двадцатый год заставил их покинуть не только село, но и страну. Никогда никому не причиняли вреда. Они были очень скром-

ными людьми: одинаково относились к бекам и к своим подданным.

Говорят, как-то внук Садыг бека Давид бек приезжал поклониться могиле бабушки. Сказал, живет в грузинском городе Зестафони. Азербайджанская фамилия причиняла ему много беспокойства. Потому он и стал именоваться Давид Ядигярашвили.

От Тбилиси до Гянджи нет такого места, где бы не говорили о братьях Ялигяровых, не вспоминали бы их добрым словом. От этого уважаемого рода остались дворец в Тбилиси, дом в Борчалы, щедрость в памяти гянджинцев, любовь в сердце народа. Если доведется побывать в Гяндже, посетите построенный то ли в начале XIII, то ли XIV веке комплекс «Имамзаде». Прочитайте золотом выбитые надписи на входной двери этого древнего архитектурного памятника.

На мраморной доске на внутренней стене мавзолея арабским алфавитом написано: «Он (Аллах) вечен. Это почтенный (райский) сад на святом месте Ибрагима и подаренный имамом Мамедгадиром – да прославится его имя – сыну Мовлану. Он скончался через сто двадцать лет после своего деда. Да упокоит Аллах его душу. Поэтому в 1296 году по магометанскому летоисчислению (1878-1879 годы) тифлисский генерал-майор Исрафил бек Ядигяров отдал приказ восстановить это достопочтенное место».

В 1878 году командир второго мусульманского кавалерийского корпуса генерал Исрафил бек Ядигяров, оставаясь верным религиозным воззрениям своих предков, за собственный счет восстановил мавзолей.

В гробнице Имамзаде похоронены военнослужащие – родственники генерала Исрафил бека Ядигярова, уроженцы Тифлиса Джалал бек и его сын Исмаил бек Везирзаде.

Живший и творивший в начале XIX века поэт Мустафа ага Ариф Шихлинский (1774-1845) написал стихотворение восхвалявшее борчалинских беков.

Удостоившийся титула «чудесное творение нового времени» безжалостный генерал Алексей Петрович Ермолов со дня своего назначения наместником на Кавказ в 1816 году заподозрил местных беков, интеллигенцию в нелояльности к царскому правительству и стал целыми группами ссылать их в Сибирь. Из стихотворения «Попался», написанного Мустафа агой в ссылке, становится ясно, что один из беков совершает вероломство, клеветает на него. По этой причине правительство и ссылает его в Сибирь. В стихотворении «Плачу» Му-

стафа ага Ариф воспеваёт мужество казахских, шамсаддинских и борчалинских беков, которые четырнадцать лет жили тоской по родине, величественным горам. В самые страшные дни борчалинские беки оставались верны своей Родине, в жестокую эпоху проявляли образцы доблести и непокорность.

В верхней части села Текели есть небольшой холм. В этой серой местности у подножья, свидетельницы многих веков – горы Бабакар в могиле под ветвями ивовых деревьев покоится один храбрец, один бек. Было время, когда от ржания его гнедого коня в Суговушане, вынашивавшие дурные цели в Гюмри армяне пугались, вздрагивали. От конского ржания приходят в содрогание дачные места в Чубухлу, леса в Джалалоглы. Отвесные скалы в долине Лори эхом откликались на это непрерывное ржание. Сейчас на ничем не привлекательной могиле есть одна короткая надпись: «Генерал-майор Гасан бек Исрафил бек оглы Ядигяров, 1856-1943».

Хоть и с опозданием, но поклонились могиле незаслуженно забытого нашего генерала. Произнесли молитву. Прошлись по разоренному саду, бывшим местам охоты, изобилующим дичью. Когда-то в этих покрытых растительностью горах он охотился на соколов...

Генерал-майор Асадулла бек Ядигяров

«Для человека и большие уроки становятся историей. Открой перед собой страницы истории, и если увидишь, что в какой-то период люди совершили ошибку, ты ее больше не повторяй».

***Джалил Мамедкулизаде,
писатель-драматург***

Из многочисленных братьев Ядигяровых нам удалось детально изучить жизненный путь Асадулла бека Ядигярова. После тридцати двух лет службы в регулярной армии в октябре 1895 года ему было присвоено звание генерал-майора.

В аристократических кругах Петербурга середины XIX века особым почтением пользовались выходцы из дворянского рода Ядигяровых – генерал-лейтенант Исрафил бек, дворцовый советник Агабек Ядигяров и их двоюродный брат, видный ученый-востоковед, профессор Петербургского университета Мирза Джафар Топчубашев (1784-1869). Мирза Джафар проявлял особую заботу об учебе и вос-

питании своих родственников.

20 декабря 1844 года Мирза Джафар Топчубашев везет своего родственника Асадулла бека Ядигярова, родившегося в селе Текели Борчалинского округа, для получения образования в Петербург.

Шестнадцатилетнего Асадулла бека определяют в Павловский кадетский корпус, находившийся недалеко от Петербурга. 12 июня 1863 года корнет Асадулла бек успешно завершил учебу и приступил к службе в пехотных войсках Отдельной Кавказской армии. Спустя два года, 9 февраля 1865 года, 21-летний Асадулла бек Ядигяров получает звание поручика.

В относящейся к 1899 году книге «Список генералов и офицеров, проходивших службу в Кавказском военном округе» и хранящейся в Государственном центральном архиве Грузии указывается, что за отличную службу молодой офицер удостоивался многих почестей. 12 марта 1866 года он получает звание штабс-ротмистра, а спустя два года ему вручают орден «Святого Станислава» второй степени.

16 января 1873 года согласно личному рапорту штабс-ротмистр Асадулла бек Ядигяров переходит на гражданскую службу и таким образом на четыре года порывает с армией.

В начале 1877 года резко обострились отношения между Турцией и Россией. Царская Россия настойчиво требовала от Турции открыть черноморские проливы и к тому же вела борьбу за усиление своего влияния на Балканах. Наконец, искра вызвала огонь. 24 апреля Россия официально объявила войну Турции.

23 мая подполковник Асадулла бек Ядигяров вызывается в действующую армию и направляется в Гянджинский, Бакинский, Загатальский и Казахский регионы Кавказа для организации регулярных кавалерийских отрядов. Более двух месяцев работал для поставки на фронт повозок, фургонов, упряжных лошадей. Из представителей дворянских семей Гянджи и Карабаха создает добровольческий кавалерийский отряд численностью в двести человек и вместе с ними отправляется на фронт. За участие в военных операциях на Балканах и проявленные при этом талант и сноровку подполковник Асадулла бек Ядигяров удостоивается орденов «Святой Анны» третьей степени (с саблей и бантом) и ордена «Святого Станислава» четвертой степени (с саблей и бантом).

И после завершения войны как образцовый офицер Асадулла бек работает на ответственных военных должностях. 30 мая 1881 года назначается командиром Кавказского военного телеграфного парка, а 13

апреля 1883 года – командиром Кавказского санитарного батальона. 18 мая того же года за безупречную службу Асадулла беку Ядигярову присуждается звание полковника. 16 октября 1899 года согласно приказу командования отдельной кавказской армии полковник Асадулла бек назначается командиром 78-го Навахинского полка. **А 12 октября 1895 года полковнику Асадулла беку Ядигярову присуждается высокое звание генерал-майора пехотных войск.** В наградной книжке генерала Асадулла бека, 32 года прослужившего в регулярной армии, указывается на получение им кавалерских орденов: третьей степени ордена «Святого Станислава» (1874, 1883, 1889 годы), второй и четвертой степени ордена «Святого Владимира» (1879, 1893 годы), второй и третьей степени ордена «Святой Анны» (с саблей и бантом, 1877, 1889 годы). Кроме этого, в 1884 году он был удостоен личной благодарности Его Величества императора.

Активный участник трех военных походов – 1869, 1871 и 1877-1878 годов генерал-майор Асадулла бек Ядигяров был также удостоен в 1897 году «Почетного кавалерийского крестового ордена «Даневорг» Дании, в 1898 году «Золотой звезды Бухары» первой степени, в 1899 году иранского ордена «Шире-Хоршид» второй степени.

В ходе своего первого визита в Европу в 1873 году шах Ирана Насреддин Каджар проехал через Азербайджан и побывал в некоторых регионах страны. В путевых заметках шах тепло отзывается о встречах с нашим соотечественником Асадулла беком Ядигяровым:

«Спустя полчаса после наступления ночи добрались до Дилижана. Горы в окрестностях покрылись снегом. А у подножия холмов буйная растительность. Во многих местах как и на горах в Иране дикорастущие цветы. Они только недавно распустились. Но увидел очень дивную и странную картину, с этим я нигде не сталкивался. Дилижан утопает в лесах, расположен в очень красивом месте. Дом полковника Асадуллы бека Ядигярова в Дилижане стал нашим местопребыванием. Асадулла бек начальник Дилижанского полка. Он из тифлисских мусульман, командир полка.

У полковника Асадуллы бека Ядигярова приветливый особняк, небольшие красиво убранные комнаты...» (Шах Насреддин Каджар, произведение «Рузнамейи Сафари-Севвоми-Фирянгистан», стр. 42, издание Бомбей, 1891 год).

В документах Центрального государственного архива Грузии указывается, что генерал-майор Асадулла бек Ядигяров скончался в Тифлисе в 1903 году. Их Высочество шейх уль-ислам (Ахунд Абдуса-

лам Ахундзаде, 1843-1907), муфтий Гусейн эфенди (Мирза Гусейн эфенди Гаибов, 1830-1917 – Ш.Н.), оба казии губернии и другие официальные и неофициальные представители духовенства почтили своим присутствием прощальную церемонию, выполняя присущие им обязанности.

Принес свои соболезнования также принц, полковник Шахрух Мирза Каджар (1844-1915).

Также присутствовали многие почетные лица из русских, грузин. Среди них представитель министерства финансов, непременно участвующий в таких делах в нашей стране, не скрывающий особой любви и почтения к мусульманам крымский султан Гярай, начальник знати Тифлисской губернии князь Орбелиани. На похороны собралось несчетное число мусульман и христиан. На всех лицах грусть, тоска, скорбное выражение. Так хоронили личность, пользующуюся всеобщей любовью и признанием.

Пожаловавшие на кладбище Его Святейшество шейх уль-ислам, кази Гаджи Ахунд и принц Шахрух Мирза настойчиво просят шиитское и суннитское духовенство дабы не осрамиться в глазах собравшихся позабыть об обычае разбрасывать халву на кладбище. Нельзя допустить, чтобы на похоронах Асадулла бека произошли столкновения и драки. Затраты на халву подайте как эхсан!» (газета «Шаргирус», 2 июля 1903 года, №39, стр.2).

Генерал-майор Давуд бек Ядигяров (1881-1920)

Генерал-майор Давуд бек Ядигяров 10 августа 1903 года окончил Петербургский пажский корпус в звании корнета. В 1909-1914 годах служил в звании ротмистра 17-го Нижегородского драгунского полка, расположенного в Иране. В 1918 году был заместителем начальника дивизии охраны национальной армии Азербайджана. **23 октября 1919 года приказом № 492 военного министра Самед бека Мехмандарова ему присваивается звание генерал-майора.** В августе – ноябре 1919 года был командиром первого отряда первой пехотной дивизии генерала Джавад бека Шихлинского и участвовал в боях за Зангезур. Все сражения против дашнакских вооруженных формирований в Дыге, Гаранзуре, Ханазахе, Абдаллар и других населенных пунктах.

После переворота 28 апреля 1920 года эмигрировал в Турцию. С тех пор о нем нет никакой информации.

Полковник Вели бек Ядигяров (1898-1971)

Есть у меня мечта: в будущем кто-то должен серьезно заняться историей Казах-Борчалинской области. Потому что до сих пор не сказано и не написано ни слова о положении этого великого и смелого народа на протяжении многих веков.

Зия Буниятов, академик

С сентября 1918 года был командиром эскадрона при корпусе национальной армии. При наступлении XI армии на Баку с разрозненными частями Шекинского кавалерийского полка оказал сопротивление и перешел на территорию Грузии. До марта 1921 года сражался с большевиками, в том же году Вели бек эмигрировал в Турцию, а затем в Польшу. Работал в тайной военной организации «Армия Крайова», созданной в Польше эмигрантским правительством в Лондоне. В народной армии был начальником кавалерии в оперативном отделе и командиром 10-й отдельной стрелковой дивизии.

Выходящая в Польше газета «Жиче Варшавы» («Жизнь Варшавы») в номере от 6 июля 1990 года писала о полковнике Вели беке Ядигярове: «В прошлую субботу на варшавском кладбище по мусульманско-татарским обычаям был перезахоронен Вели бек Ядигяров. Похороны проходили с соблюдением воинских почестей и в сопровождении почетного караула. В последний путь покойного провожали близкие родственники, друзья, бывшие однополчане. Был произведен салют, оркестр сыграл похоронный марш Шопена. Мусульманские обряды над покойником исполнил имам Варшавской и Белостокской иерархии Александр Али Шалетски.

Кто такой полковник Ядигяров? Мусульманин, азербайджанский князь...

Этот иностранец воевал в составе польской армии. Был офицером 7-го уланского полка имени К.Сосковского. в 1920 году он вместе с подчиненной ему воинской частью был вынужден покинуть Азербайджан, в марте 1921 года нашел пристанище в Польше, по контракту вступил в ряды польской армии.

После окончания кавалерийского училища в Грузденце и высшего военного училища в Варшаве был назначен заместителем командира 7-го кавалерийского полка. Женится на польской девушке,

выучил польский язык. Бывшие сослуживцы вспоминают о нем как о человеке высокой культуры, придерживавшегося здорового образа жизни, очень требовательном офицере.

Вели бек участвовал в оборонительной кампании против гитлеровских агрессоров, напавших на Польшу 11 сентября 1939 года, был начальником штаба Мазовецкой кавалерийской бригады. После оккупации Польши вступил в Армию Крайовы (АК), как командир полка «Олен» принимал участие в Варшавском восстании.

После завершения войны Вели бек Ядигяров эмигрировал в Аргентину, 19 лет назад – 13 января 1971 года скончался в Буэнос-Айресе.

Согласно завещанию, перезахоронен в Польше. В церемонии похорон участвовала дочь покойного – Зулейха ханум Ядигярова-Калиновская. В настоящее время вместе с мужем – поляком она проживает в Испании».

Еще в советский период я проводил поиски влиятельного рода Ядигяровых. Часто выступал со статьями в газетах и журналах. В разделе «От автора» книги «Генералы – братья Ядигяровы» я писал:

«Несмотря на прошествие долгих лет, я и сегодня надеюсь что рано или поздно найдется кто-то из влиятельного борчалинского рода Ядигяровых. Даже лишившись своего языка, религии, вернется на Родину – в Азербайджан. Возможно, обрадует нас документами, фото-снимками, когда-то принадлежавшими предкам. Приятными и горькими воспоминаниями об ушедших из жизни предках, обогатит нашу военную историю».

Прошло всего пять лет и мои надежды оправдались. Проживающая в Варшаве дочь полковника Вели бека Зулейха ханум Ядигярова-Калиновская предоставила информацию об отце. Невозможно без волнения читать воспоминания Зулейхи ханум, никогда не бывавшей в Азербайджане и Борчалы, родившейся в 1942 году в Варшаве. Из ее слов отчетливо видно, что проживавший после 1920 года на чужбине, в Европе Вели бек воспитывал Зулейху ханум в духе преданности, любви к Азербайджану. Неслучайно, Зулейха ханум Ядигяр озаглавила свои воспоминания словами «Я всегда гордилась своей родословной...»

Вот что писал о нашем соотечественнике Вели беке бывший главнокомандующий вооруженными силами Польши, генерал армии Казимеж Сосновски (1885-1969):

«Никогда не забывавший о судьбе родного народа полковник

Вели бек Ядигяров, в то же время, был пламенным и верным сыном Польши».

А сейчас приведу выдержки из воспоминаний Зулейхи ханум Ядигяр-Калиновской, дочери прославленного героя:

«Для меня было большой честью предложение Бюллетеня Армии Краевой (АК) написать воспоминания о моем отце — АКовце. Я волнуюсь, потому что это приглашение от коллег из АК, и еще потому, что могу написать в бюллетень, знакомый мне с детства и молодости. Ведь в этот Бюллетень — тогда он издавался в Лондоне — часто писал статьи мой отец.

Дипломированный полковник Вели бек Ядигяр был для послевоенной Польши противоречивой фигурой. С одной стороны, он считался нежелательной личностью: «белогвардеец», в молодости воевавший за независимость своей первой родины — Кавказа; с другой стороны, его уважали видные польские военные деятели, которые говорили (в 70-х годах), что «Вели не обязан был оставаться верным Польше, поскольку был азербайджанцем». В этом отношении высказывания моего отца всегда были одинаковы: «Остаться в Польше во время войны было моим долгом».

Вели бек Ядигяр родился в красивом, богатом, гостеприимном крае. Юноша Велибек бросил учебу и пошел на войну. Борьба за свободу Кавказа закончилась тем, что в 1918 году Азербайджан, Грузия и Северный Кавказ провозгласили независимость, признанную Лигой наций.

Когда Красная армия вновь заняла Кавказ, отец и его старший брат — Аббас Али (Арчилбек Ядигяр) получили распоряжение отца (владельца Борчалы) немедленно покинуть родные края. Юноши переехали в Грузию, а оттуда бежали на пароходе в Европу. Во время краткого пребывания в Стамбуле им стало ясно, что быстрого возвращения домой не ожидается. В это время несколько стран (Турция, Греция, Франция и Польша) открыли свои границы и предложили политическое убежище молодым офицерам с Кавказа, обещая при этом продолжение военной карьеры. Молодые братья Ядигяр выбрали далекий «Лехистан».

Это не было случайным решением — в их родовом имени служил поваром Мартин Яницкий — польский повстанец 1863 года. Вечерами, после работы, старый поляк рассказывал молодым кавказцам «байки» о свободе и как за нее сражаются. Эти рассказы о подлинных событиях вызвали в молодых головах восхищение и уважение

к народу, который так долго мог бороться за свою независимость — именно поэтому они выбрали Польшу.

В 1921 году Вели бек и его старший брат приехали в Польшу. Их приняли очень радушно. После прохождения различных курсов для офицеров отец получил первое назначение — в 10-й полк конных стрелков, который стоял в Ланьцуте. Во время очередных маневров он получил высокую оценку генерала Януша Глуховского (военного вице-министра и первого командира 7-го полка Люблинских Уланов). Генерал и его жена Мария занялись молодым кавказцем. По указаниям генерала отец закончил Высшее военное училище (выпуск 1930-32), а затем был переведен в 7-й полк Уланов, с которым был связан до конца своей жизни.

Окружение, в котором он находился, было в основном легионерским. Закадычным другом отца стал генерал Станислав Гжмот-Скотницкий. Может быть, из-за него отец, который никогда не служил в легионах, стал легионером по своим взглядам. Трижды в жизни он встречался с маршалом Пилсудским. Первый раз — во время подготовки к экзаменам в военном училище. Перед свиданием с невестой он засиделся в Бельведерской библиотеке. Сильно опаздывая, он выскочил из дворца, не успев застегнуть по уставу длинный войсковой плащ. На бегу он натолкнулся на человека, который оказался первым маршалом Польши — Юзефом Пилсудским. Увидев перепуганную мину отдающего честь молодого человека, маршал с улыбкой спросил: «А скажи-ка, парень, красивая она?» «Так точно, пан маршал!» — прозвучал ответ. «Ну беги, только плащ свой застегни».

Следующая встреча была во время визита важных гостей из Турции. Маршал потребовал: «Позовите мне этого турка, пусть переводит».

«Турком» был мой отец. Третьей и последней встречей был 3-минутный почетный караул у катафалка маршала в мае 1935 года.

Война застала отца на посту научного директора в Центре обучения кавалерии в Грудзензе. Он вернулся в свой полк и принимал участие в сражениях. Был взят в плен немцами. Через несколько месяцев был освобожден как чужестранец.

Немедленно по прибытии в Варшаву отец начал создавать 7-й конспиративный уланский полк; был создателем и командиром «Оленя» вплоть до 1944 г. Из рассказов «его хлопцев» — как он сам их называл — знаю, что был очень строгим и аккуратным командиром, но при этом его очень любили. Все считали, что с ним всегда

«счастливая звезда», солдаты шли на задание спокойно, когда он шел с ними, знали, что ничего плохого не случится. Из-за личной дружбы с генералом Бур-Коморовским у отца были две функции в АК. Кроме своего любимого полка он был начальником отдела кавалерии в главном командовании.

Я родилась в 1942 году в столичном городе Варшаве, моя мать Ванда была связной в «Олене», а я «помогала» ей возить секретную почту в моей детской коляске. Когда был создан подчиненный СССР аппарат власти в Польше, звучали призывы к восстанию в Варшаве, а Красная армия занимала восточные польские земли, генерал Бур-Комаровский дал отцу личный приказ выехать на запад, а также обещание, что восстания пока не будет. 17 мая 1944 года мы покинули Варшаву и выехали в Вену.

Получив трагическую новость о начале восстания, отец вернулся в Польшу. К сожалению, было уже слишком поздно. Полк был почти полностью уничтожен при неудачной атаке на здание гестапо у аллеи Шука. Тогда отец, сохранив полковое знамя, которое было закопано на территории имения Белковских, отдал свой последний приказ: распустить полк.

В эти драматичные и, как оказалось, последние минуты на польской земле отец отыскал моего деда — Станислава Эминовича, который после смерти на улице моей бабушки — Ядвиги (Булгарин-Эминович) бродил по руинам Варшавы. Отцу удалось покинуть (вместе со своим тестем) свою вторую родину в те минуты, когда советские танки начали входить в Варшаву. Семья воссоединилась в Вене и после трех месяцев пути добралась до Италии. Из Италии вместе с польской армией мы поехали в Англию. Сначала мы жили в лагере Тилсток, комендантом которого был отец, потом перебрались в Лондон. Родители все время искали во временных лагерях своих товарищей из АК.

Для меня, единственного ребенка, это незабываемые времена. Мне было четыре года, я была любимицей друзей моего отца: генерала Бур-Коморовского и его очаровательной жены Ирены, генерала Януша Глуховского и его жены — моей крестной матери, генерала Владислава Андерса и полковых товарищей. По желанию подчиненных отца из «Оленя» мое крещение было отложено на послевоенное время. Оно состоялось в Лондоне 28 декабря 1947 года. Крестной матерью была, как я уже вспоминала, жена генерала Глуховского, крестным отцом — генерал Казимир Сосковский, которого предста-

вил генерал Бур-Коморовский (вспомнить собственное крещение — это удивительное чувство...). Я была с отцом в тот день, когда польские боевые знамена были переданы в музей в Лондоне, тогда я не понимала, почему все такие серьезные, почему у генералов слезы на глазах...

После войны и демобилизации нам не оставалось ничего, кроме эмиграции. Мы попали в Аргентину. Приплыли 28 февраля на военном транспорте. Вместе с нами на корабле были люди, у которых не было ничего — даже документов. Сейчас же по прибытии отец приступил к созданию военных организаций: Независимого товарищества Армии Крайовой в Буэнос-Айресе (много лет он был его председателем), Товарищества 7-го полка Уланов, а через некоторое время — Союза кавказцев. Наконец, он стал вице-председателем Организации поработанных народов Европы; ее председателем был литовец, генерал Теодор Даукантас, большой друг поляков.

Спустя четыре года после приезда в Аргентину после долгой и тяжелой болезни умерла моя мать. Она до конца мужественно занималась нашим скромным хозяйством и в меру возможностей общественной деятельностью. После ее смерти на отца легла ответственность по воспитанию единственной дочери. С работой было нелегко, особенно польскому офицеру-профессионалу. Первые несколько лет он работал в порту грузчиком на разгрузке судов, потом на текстильной фабрике, тоже как рабочий. Впрочем, не он один был в таком положении. Польские офицеры, часто уже немолодые, работали ночными сторожами (например, дипломированный полковник Земовит Грабовский), рабочими на разных фабриках (например, генерал Ежи Завиша — на фабрике синтетических материалов). Потом, одинокие, в преклонном возрасте, они умирали в приютах для стариков.

По мере взросления я делила свое время между учебой, общественной деятельностью и ведением хозяйства, позднее еще и работой. 13 декабря 1971 года Ядигяр скончался от третьего инфаркта.

Некоторое время спустя я поехала в Польшу, а потом в Англию. Я хотела показать многие памятные вещи и бумаги его товарищам. И в Варшаве, и в Лондоне меня необычайно тепло приняли. Один из незабываемых моментов — когда генерал Пелчиньский водил меня по лондонскому музею подпольной Польши. Товарищество выпускников Высшего военного училища, Главный совет во главе с председателем Собоневским, Полковое товарищество и многие другие организации

воздали мне все почести, причитающиеся моему отцу.

Два года спустя я переехала в Испанию, в 1980 году вышла замуж за Ежи Калиновского, которого знала еще в Аргентине, внучатого племянника святого Рафала Калиновского.

4 августа 1990 года я перезахоронила прах моих родителей на мусульманском кладбище в Варшаве, с участием почетного караула Войска Польского. Так моя мечта исполнилась. Полковник Ядигяр возвращался на свою вторую любимую родину. Это стало возможно благодаря большой помощи моих хороших друзей и товарищей отца. Аргентина и Польша вместе преодолели организационные трудности.

Не знаю, как закончить эти воспоминания. Может быть, так: отец воспитал меня как польку, гордую своим кавказским происхождением.

Мадрид, май 2003-го»

Сохранились принадлежащие генерал-майору Давуд беку и корнету Вели беку Ядигяровым рапорты – документы, повествующие о сражениях за Карабах и Зангезур. Когда в марте 1920 года армянские дашнакские формирования наступали на Аскеран, Вели бек находился в составе 3-го Шекинского кавалерийского полка. 26 марта командир полка подполковник Тонгиев информирует командующего территориальными войсками генерал-майора Габиб бека Салимова: «Сегодня – 26 марта, после артиллерийской и оружейной подготовки заняты села Чайлы и Бурч. От Чайлы армяне отошли на запад – к восточному подножию гор. Убито несколько армянских солдат. С нашей стороны ранено несколько партизан. Ставлю в известность, что будущие успехи и наша решительная и окончательная победа над армянами будут зависеть от укрепления моего отряда регулярными частями. Потому что фронтовая зона все больше увеличивается, в моем отряде мало бойцов и после трехдневных тяжелых сражений изнуренные партизаны расходятся по домам.

Хочу особо отметить наступление мобильных кавалеристов, возглавляемых корнетом первой сотни Вели беком Ядигяровым. Они вынудили бежать в панике крупный кавалерийский отряд врага. Метким огнем командира артиллерийского взвода прапорщика Сеидзаде были выведены из строя вражеские позиции – подполковник Тонгиев» (Государственный архив Азербайджана, ф.2894, список 2, дело 5, лист 6).

Вели бек Садыг бек оглы родился 30 сентября 1892 года. Он представитель влиятельного рода Ядигяровых из борчалинского села

Текели. После окончания тифлисской гимназии в 1916 году добровольцем вступил в 1-й Дагестанский кавалерийский корпус русской армии. Принимал участие в знаменитом «Брусиловском прорыве» фронта. Для продолжения образования был направлен в Киевскую артиллерийскую школу офицеров. После большевистского переворота школа перестала существовать – Вели бек не смог ее окончить. Вернулся в родной Азербайджан, стал командовать батальоном, в качестве командира эскадрона участвовал в боях за Карабах. Впоследствии продолжил службу в Шекинском кавалерийском полку. После оккупации Азербайджана и Грузии большевиками 19 ноября 1922 года уехал с Кавказа, через Турцию и Румынию перебрался в Польшу. В 1923 году был командиром батальона, затем майором польской армии, командиром эскадрона 10-го кавалерийского стрелкового полка в Ланьцуте. В 1928-1930 годах учился и успешно окончил высшее военное училище. Получил назначение в штаб кавалерийского бригады «Баранович» (Новоградска ВК), в 1936 году был первым заместителем командира седьмого полка люблинских уланов. В сентябрьской программе 1939 года становится офицером штаба командования полка, а затем работает начальником штаба Мазовецкой кавалерийской бригады. Как иностранца, немцы отпускают его на свободу. Он начинает службу в польской армии. Назначается командиром секретного полка, в то же время выполняет обязанности начальника отдела в кавалерии национальной армии. В июле 1944 года командованием национальной армии из Варшавы направляется в военные части на западе Польши. 1 января 1945 года получает назначение в секретный полк 7-го люблинского уланского полка «Олене», а весной того же года проходит регистрацию при командующем вторым польским корпусом генерале Владиславе Андерсоне. После освобождения в 1949 году переезжает в Аргентину. Оседает в Буэнос-Айресе, принимает активное участие в деятельности организаций эмигрантов, борющихся за свободу Польши и Кавказа. Удостаивался азербайджанского боевого ордена «Знак доблести», а также польских орденов «Храбрость», «Красный крест» (с мечом) и ордена Национальной армии Польши «Крест».

Из рода Ядигяровых в 1918-1920 годах в Национальной армии Азербайджана проходили службу восемь офицеров: поручик Надир бек, корнет Рагим бек, прапорщик Адиль бек, поручик Абузар бек, командир третьей роты второго карабахского кавалерийского полка штабс-ротмистр Мамед бек, ротмистр второй роты второго карабахского кавалерийского полка Даньял бек, заместитель начальника, ге-

нерал-майор Давуд бек. Выходец из аристократической семьи Вели бек первое военное образование получил в 1900-1915 году в Тифлисской военной гимназии. С 1916 года корнет Вели бек служил в корпусе Отдельной кавказской армии.

Проживавший долгие годы в польской эмиграции ротмистр Вели бек Ядигяров в 1933 году на польском языке издал в Варшаве книгу «Военно-исторический очерк татарского уланского полка имени Мустафы Ахметовича». В книге широко освещается деятельность российских мусульман в татарском уланском полку после 1920 года. Работа была повторно издана в 1990 году. Отметим, что после большевистского переворота в 1920 году подполковник Вели бек Ядигяров неслучайно эмигрировал именно в Польшу. На это решение его подтолкнули рассказы, услышанные от их домашнего повара Мартина Яницкого, поляка по происхождению, а также женитьба его отца Садыг бека Ядигярова в середине XIX века, на жившей в Польше татарской девушке, принцессе Ольге Корчибашевой, которая впоследствии приехала вместе с ним в Борчалы.

Служивший в чине корнета в 17-м Нижегородском полку Керим бек Ядигяров за успешное участие в сражениях был награжден орденами «Святой Анны» третьей степени (с мечом и бантом), «Святого Станислава» второй степени (с мечом) и «Святой Анны» четвертой степени (с надписью «За храбрость»).

Из архивных документов становится известно, что служивший в кавалерийском полку Мамед бек Ядигяров был удостоен ордена «Святой Анны» четвертой степени с надписью «За храбрость».

Это ордена, которых были удостоены братья Ядигяровы в 1914-1916 годах. К сожалению, после апрельского переворота 1920 года об их судьбе ничего не известно.

Полковник Исрафил бек Ядигяров (1888-1944)

В январе 1916 года Исрафил бек направляется на службу в татарско-азербайджанский полк «дикий дивизии», участвует в боях на румынском фронте. 29 апреля того же года приказом Его Высочества императора ему присваивается звание ротмистра. После развала Российской империи ротмистр Исрафил бек Ядигяров в ноябре 1917 года возвращается в родной Борчалы. Весной 1918 года в рядах грузинской армии сражается с дашнаками, вознамерившимися отторгнуть от Грузии Лорийский район.

Служивший в 1918-1920 годах в Национальной армии Азербай-

джана Исрафил бек был активным участником Гянджинского восстания. Он прекрасно знал грузинский язык и потому 24 мая 1920 года был направлен в Тифлис для получения от грузин военной помощи. Еще 16 июля 1919 года между правительствами Азербайджана и Грузии был заключен трехлетний военный союз, состоявший из десяти пунктов. Согласно военному оборонительному пакту, в случае угрозы территориальной целостности Азербайджана и Грузии и агрессии со стороны третьей страны обе республики обязывались оказывать друг другу военную помощь.

В мае 1920 года не выдержавшие большевистской кабалы азербайджанские солдаты и офицеры в Гяндже взяли за оружие. Целью восстания были определены низвержение оккупантов, выдворение за пределы страны силой оружия захватнической дашнакско-большевистской армии.

«...Я разработал план выступления против большевиков. Для этого назначил восстание на 24 мая. Для поддержания связи с грузинской армией и определения общих боевых действий направил в Тифлис трех офицеров из Гянджи – грузинских подполковников Эристави, Сумбатова и подполковника Исрафил бека Ядигярова и всесторонне разъяснил им свой план. Для налаживания связи с карабахским отрядом направил в Карабах двух офицеров с соответствующей инструкцией. Расположившийся в Агдаме и Тертере третий Шекинский кавалерийский полк должен объединиться с Гянджинским кавалерийским полком и как авангард всего карабахского отряда будет спешить на помощь Гяндже.

Все были готовы вести борьбу до конца. В городе уже начались кровопролитные бои. Пусть день 28 мая впишется в нашу историю не только как день провозглашения независимости, но и как дата больших жертв, принесенных ради свободы родины. Пусть в этот день враг столкнется с тяжелой, безжалостной войной – войной не за жизнь, а на смерть! 28 мая должен стать символом величия нашей духовности, нравственной победы.

В ночь с 28 на 29 мая было получено первое сообщение о том, что Грузия уже несколько дней заключила мир с большевиками. Это означало катастрофу для восставших. Ведь заключенное между Азербайджаном и Грузией военное оборонительное соглашение вынуждало обе страны оказывать друг другу взаимную помощь» (полковник Джахангир бек Кязымбейли. «Воспоминания о Гянджинском восстании», журнал «Азербайджан» - орган Азербайджанского националь-

ного объединения в США, 1953 г., №12).

После подавления восстания ротмистр Исрафил бек с большой группой азербайджанских солдат и офицеров был вынужден эмигрировать в турецкий город Стамбул. Жизнь здесь складывалась тяжело и в ноябре 1922 года Исрафил бек Ядигяров переезжает в Польшу. Он создает семью с находившейся в эмиграции родственницей Зулейхой ханум (Исрафил бек Ядигяров в первый раз женился на татарке из Литвы Адиле ханум Атабековой-Кобылинской в 1911 году. В 1912 году у них родился сын Энвер – Ш.Н.). Служит в польской армии. В годы Великой Отечественной войны в рядах азербайджанских легионеров принимает активное участие в сражениях против русских оккупантов.

Полковник Исрафил бек Магомед бек оглы Ядигяров родился 7 августа 1888 года в городе Тифлисе. Происходит из аристократического борчалинского рода. Отец Магомед бек определяет его на учебу в Кадетский корпус первой степени, где получали образование дети из лучших семей Тифлиса. Успешно окончив учебное заведение в 1910 году, Исрафил бек в звании подпоручика начинает службу в расположенном на Кавказе Нижегородском кавалерийском полку. За образцовую службу в 1913 году получает звание поручика и назначается командиром второго эскадрона.

Когда началась Первая мировая война, Исрафил бек какой-то период служил в 17-м Нижегородском кавалерийском полку под командованием генерала Гусейн бека Нахичеванского. Как участник успешных боевых операций на кавказском фронте и на Черноморском побережье, Исрафил бек Ядигяров награждается 21 января 1915 года орденом «Святого Владимира» четвертой степени (с мечом и бантом), 11 сентября 1915 года орденом «Святой Анны» третьей степени с надписью «За храбрость», 15 апреля 1915 года орденом «Святой Анны» третьей степени с надписью «За храбрость», 16 мая 1916 года орденом «Святого Станислава» третьей степени (с мечом и бантом) и орденом «Святого Станислава» второй степени (с мечом и бантом).

За достойную службу в отряде азербайджанских легионеров и в рядах польской армии Исрафил беку Ядигярову присваивается звание полковника. После апреля 1920 года военнослужащие Ядигяровы вели скитальческий образ жизни. Не был исключением и доблестный офицер Исрафил бек, жизнь которого трагически оборвалась в 1944 году.

Жившие с неистребимой любовью в сердце к Азербайджану полковник Исрафил бек и его единомышленники надеялись на скорое освобождение от советского тоталитарного режима. В 1943 году Ис-

рафил бек выступил с патриотической речью на созванном в Берлине Азербайджанском национальном съезде.

Когда советская армия вела боевые действия в Европе, англичане совершили коварство, выдав спецслужбам красной армии легионеров как изменников. Тогда преданный своим солдатам и офицерам полковник Исрафил бек Ядигяров заявил во весь голос: «Пока я жив, никто не имеет права передать возглавляемый мной отряд варварскому советскому режиму. Или мы вместе сольемся со свободой, или погибнем как один! Мой отряд состоит из солдат и офицеров, стремившихся избавить родину от рабства, десятками тысяч отдавших жизни ради освобождения Азербайджана. Как командир, я не могу бросить их, отдать в кровавые когти коммунизма. Они – мои родные дети. Я никогда не оставлю их в беде. Погибнуть вместе с ними – самая большая честь для меня».

В июле 1944 года советские чекисты расстреляли отважного полковника Исрафил бека Магомед бек оглы Ядигярова как «изменника Родины».

Я никак не мог оторваться от борчалинской ложбины. Эти места родные для меня с детства. С гор Лялвар и Бабакар впитывал я в себя аромат своего родного села Кёрпюлю, земли своих предков. Проследил, когда увидел стаю птиц, несущихся под тучами к нашему селу. Сердце гулко забилося. Как не тяжело это признавать, но в 1988 году мои земляки и я, вынуждены были покинуть родные места из-за оккупации наших земель армянскими дашнаками.

В селе Текели я явственно ощутил постигшее меня горе. В этих местах не осталось никого из рода Ядигяровых... Чтобы найти утешение, излить душу, я сошел на берег реки Дебет. Берущая начало на горном плато Чувухлу, обиваясь о камни, неторопливо текла река, В моём сознании беспорядочно путались мысли, но самыми отчетливыми из них были мои детские годы. Перед глазами в светлых водах горной реки как бы оживали оставшиеся под вражеской пятой село, родной край, его ледяные источники, отвесные скалы и зеленые леса. Навсегда запечатлелась в памяти неповторимая красота моего родного, но теперь далекого села Кёрпюлю...

Интервью с Нармин ханум

«Господин предводитель, народный советник Агабек Ядигяров изложил свои мысли об изменениях в арабском, персидском и тюркском алфавитах, попросил меня прочитать их, в письменном виде поделился мыслями об их правдивости или ошибочности. Содержание письма Агабека Ядигярова состоит в том, что причина отсталости исламских народов от европейских народов кроется в недостатках алфавита. Потому что наши дети несколько лет тратят на прочтение книг и из-за это не могут изучить науки. Он пишет, что халифат Аббасидов и власть арабов сошли в результате невозможности изучения наук и трудностей в деле чтения».

Из письма Мирзы Фатали Ахундова принцу Фархаду Мирза Каджару

Для ознакомления с документами деда-генерала вновь встретился с Реной ханум. Она посоветовала показать фотографию Ядигярова научному сотруднику Азербайджанского государственного исторического музея Нармин ханум Тагирзаде, может, она его узнает. По-моему, она встречалась с покойной ныне Сарой ханум Талышинской-Хуррамович. Сара ханум дочь генерала Миркязым хана. Он до революции окончил юридический факультет Киевского университета.

Не раз, помогавшая мне в поисках Нармин ханум положила конец многомесячным ожиданиям. Едва увидев фотографию, она сказала:

- Это Агабек Ядигяров, один из первых представителей азербайджанской интеллигенции, получивший образование в России. Несмотря на то, что в одном из писем М.Ф.Ахундова о реформах алфавита упоминается имя Агабека Ядигярова, его жизнь и деятельность до 1966 года не была изучена. В связи со своей научной работой я посещала архивы в Грузии, Москве и Ленинграде и собрала материал о деятельности Агабека. В том же году в «Научных трудах» Академии выступила с научной статьей под названием «Первый выпускник – азербайджанец Петербургского университета».

- Нармин ханум, в начале XIX века наши связи с Россией не

были обширными. Лично я причину вижу в отдаленности и различиях в религии. Нам известны имена немногих интеллигентов, проживавших и работавших в России. Мирза Кязым бек, Мирза Джафар Топчубашев, Ибрагим Рагимов, Махмуд Исмаилов и другие. Как получилось, что Агабек Ядигяров оказался в те годы в Петербурге? Наверняка, кто-то был «виновником» этого, посредником?

- Поездке Агабека Ядигярова в Петербург способствовал знаменитый востоковед Мирза Джафар Топчубашев. Этот выдающийся ученый и родной дядя Агабека. Архивные документы свидетельствуют, что весной 1844 года не существовало никакой перспективы относительно отправки представителя молодежи Южного Кавказа для обучения на восточном отделении Петербургского университета. В это время заведующий кафедрой персидского языкознания профессор Мирза Джафар Топчубашев обращается с просьбой о принятии за государственный счет своего племянника Агабека Ядигярова в это отделение. К тому периоду Агабек Ядигяров окончил Петербургскую гимназию второй степени.

Биографические сведения о Ядигярове очень малы и недостаточно полны. Из имеющихся на руках документов ясно, что Агабек Ядигяров родился в Грузии в 1823 году. В 1837 году поступил в Петербургскую гимназию. До июня 1844 года на общих основаниях воспитывался в пансионе при гимназии. После долгих переписок по согласию императора просьба профессора М.Д.Топчубашева была удовлетворена, ректору Петербургского университета дано распоряжение об учебе Агабека Ядигярова за государственный счет.

После окончания Петербургской гимназии Агабек Ядигяров без сдачи экзаменов поступает на восточное отделение университета. 22 июля 1844 года Агабек принимается в пансион при университете.

В 1848 году Ядигяров сдает экзамены на «отлично» и завершает учебу в университете. За выполнение ученой степени получает звание кандидата по восточному языкознанию. После окончания высшего учебного заведения Агабек Ядигяров какой-то период остается в Петербурге, живет у командира царской мусульманской конвойной команды, ротмистра, своего брата Исрафил бека Ядигярова.

- А когда началась его деятельность на Кавказе? Есть ли на этот счет какая-то информация?

- В мае 1848 года Агабек Ядигяров направляется в распоряжение наместника Кавказа. Его назначают заместителем заведующего канцелярией наместника. На этой должности он работал более 35 лет. По-

лучивший всестороннее образование Агабек Ядигяров не получил возможность использовать свои знания и навыки. Прекрасно разбиравшийся в восточной и русской культуре Агабек глубоко знал и азербайджанскую культуру, питал к ней безмерную любовь. Он хорошо знал и потребности народа в этой сфере. Над реформой алфавита трудился вместе с великим просветителем Мирза Фатали Ахундовым. По свидетельству М.Ф.Ахундова, Агабек Ядигяров даже написал небольшую книгу, в которой изложил свои мысли по замене арабского алфавита другим более совершенным алфавитом.

- Нармин ханум, оценило ли государство по достоинству 35-летнюю деятельность Ядигярова в качестве дворцового советника в кавказском наместничестве?

- С уверенностью можно сказать, нет! Из документов видно, что Агабек Ядигяров был очень скромным человеком, не стремившимся к высоким должностям и титулам. Он вначале работал в канцелярии наместничества, а впоследствии служил в главном управлении данной структуры. Его деятельность была отмечена орденом «Святого Владимира» четвертой степени, учрежденной для мусульман.

В память о Крымской войне 1853-1856 годов ему была вручена бронзовая медаль с Андреевской лентой. Это была, по существу, единственная награда за 35-летний безупречный труд.

После долгих поисков мне удалось найти внуков Агабека Ядигярова и детей его старшей сестры Масумы ханум. Старшая из них – Сара ханум Талышинская-Хуррамович сказала, что ее дед скончался в Тифлисе в 90-х годах XIX века от холеры. Действительно, в 1892 году на Кавказу распространилась сильнейшая эпидемия холеры. Так установили точную дату кончины. О последних годах жизни Ядигярова, можно сказать, нет никакой информации.

Ядигяровы имели близкое родство с тремя аристократическими, интеллигентными семьями: Талышхановыми, Векиловыми и Везириными. Каждое поколение этих славных семей подарило нашему народу видных деятелей просвещения, культуры, военного дела.

У внучки генерал-майора Миркязым хана Талышханова Рены ханум Ахундзаде хранится «Служебная книжка» деда, датированная 1 марта 1905 года. В разделе «Семейное положение» читаем:

«В 1888 году Миркязым хан создал семью с дочерью тифлисского дворцового советника Агабека Ядигярова Масумой ханум. Отец четверых детей. Сын Мирали хан родился 9 сентября 1895 года, дочери Сарабеим 7 февраля 1890 года, Лиябеим 8 февраля 1891 года,

Зулейха ханум 3 августа 1892 года».

Масума ханум Ядигярова (скончалась в 1923 году) являлась членом женского благотворительного общества в Закавказье. Их вторая дочь Лиябеим была женой Фарис бека – старшего сына генерала-топографа Ибрагим аги Векилова.

ЭПИЛОГ

Впервые о братьях Ядигяровых написал в 1985 году. Мой очерк был опубликован в газетах «Совет Гюрджустани» («Советская Грузия») 4 ноября 1989 года, «Бярякят» («Благодать») 8 мая 1991 года, книге «Азербайджанские генералы» в 1991 году и журнале «Борчалы» (1993, №1).

Открывшиеся после восстановления независимости архивы и собранные в Центральном государственном архиве Грузии в 1990 году факты вынудили меня вернуться к этой теме. На мой взгляд, и эту работу о влиятельном семействе нельзя считать завершением поисков. Потому что до сих пор нет достоверной информации об окончательной судьбе многих представителей рода Ядигяровых.

В заключение, привожу строки из книги «Кавказский календарь», изданной в Тифлисе в 1912 году:

- Надир бек Ядигяров – военный советник кавказского наместничества. В звании поручика.

- Абузар бек Ядигяров – в звании поручика служит в кавказском наместничестве.

- Али бек Ядигяров – начальник милиции в Ашагы Ачария города Батуми.

- Давуд бек Ядигяров – штабс-ротмистр расположенного в Тифлисе 17-го Нижегородского драгунского полка.

Исрафил бек Гасан бек оглы Ядигяров – ротмистр 17-го Нижегородского драгунского полка.

ФАРРУХ АГА ГАИБОВ

Первый военный летчик Азербайджана

*Мы хотим сохранить от наших
предшественников не пепел, а огонь»*

Жан Жорес

*Кто не летал, тот не может знать всей прелести и
красоты пространства.*

*Генерал Али ага Шихлинский,
«Из дневников офицера»*

Воинская слава героических сынов нашего народа прочными корнями связана с ратными традициями, уходящими в глубокую старину.

На фронтах Первой мировой войны сражались свыше трех тысяч рядовых, до двух сотен офицеров и высших военачальников – наших сонародников. Среди них были и знаменитые генералы Али ага Шихлинский, Самед бек Мехмандаров, Ибрагим-ага Усубов, Гусейн хан Нахичеванский, Фейзулла Мирза Каджар, Абдулгамид бек Гайтабашы, Габиб бек Салимов, Магомед Мирза Каджар, Амир Кязым Каджар, Джавад бек Шихлинский, полный георгиевский кавалер, ротмистр Нижегородского драгунского полка Теймур бек Новрузов, прапорщик Лютвели бек Векилов, поручик Осман ага Гюльмамедов, корнет Саяд бек Зейналов и военный летчик поручик Фаррух ага Гаибов.

Двадцатипятилетний поручик Фаррух ага Гаибов был первым летчиком-азербайджанцем и пал смертью храбрых в воздушном бою 12 сентября 1916 года.

18 сентября газета «Петроградские известия» писала: «Из штаба Верховного главнокомандования сообщают, что на западном фронте наш аэроплан в районе Боруны-Крево вторгся в тыл вражеских войск.

Точными бомбовыми ударами были взорваны различные пункты, вызваны пожары во вражеском складе. Кроме того, разбомблены транспортные средства, железнодорожные станции, автомобили.

Во время полета поручик Фаррух ага Гаибов со своим составом вступил в схватку с силами противника и сбил четыре германских аэроплана. После того, как они подожгли и два аэроплана «Альбат-

рос», они упали на вражескую территорию и погибли».

Фаррух ага Мамедкерим оглы Гаибов родился 2 октября 1891 года в селе Гыраг-Салахлы Казахского уезда.

Мамедкерим ага, отец четверых детей, и сам был военным. Являлся юнкером четвертого мусульманского взвода лейб-гвардейского конвойного эскадрона Его Императорского Величества. 27 июля 1877 года приказом Государя за многолетнюю образцовую службу в регулярных войсках Мамед Керим ага был произведен в звание прапорщика. В последующие годы он работал в Казахском и Елизаветпольском¹ уездах начальником суда, в Джеванширской и Елизаветпольской губерниях околоточным надзирателем при полицейском приставе. 30 августа 1894 года за отличную службу Мамедкерим ага был награжден орденом Святого Станислава третьей степени. К сожалению жизнь его была недолгой.

Очень рано потерявший отца, Фаррух ага рос под опекуном видного просветителя своего времени, своего дяди по отцу Самед аги Гаибова. Окончив в родном селе пять классов русско-азербайджанской школы, Фаррух ага по совету прославленного генерала, «Бога артиллерии» Али аги Шихлинского поступил в Тифлисский кадетский корпус. 16 июля 1910 года, окончив с отличной аттестацией это военной учебное заведение, он поступил в Петербурге в Константиновское артиллерийское училище. Здесь он отличился своими способностями, точным глазомером, храбростью, умелым ведением орудийной стрельбы и удостоился первой награды на стрельбах, – золотых часов швейцарской фирмы «Павел Буре».

Подпоручик Фаррух ага Гаибов с отличными оценками окончил Константиновское училище и 6 августа 1913 года начал служить в 39-й артиллерийской бригаде в городе Александрополь. Когда началась Первая мировая война, он был направлен в одиннадцатой авиационный корпус, на Западной фронт.

В дальнейшем он получает чин поручика. Героический воздушный бой в сентябре 1916 года, ознаменовавший вершину его ратной судьбы и стоивший ему и его соратникам жизни, нашел отражение в российской и даже в германской печати. В папке № 31, хранящейся в архиве музея истории Азербайджана содержатся 11 фотографий Фаррух аги Гаибова и интересные документы, освещающие его героизм. Среди этих документов особую ценность представляют заметки гене-

¹ Елизаветполь – ныне г.Гянджа.

рала Али аги Шихлинского «Первый пилот Азербайджана». О последнем подвиге отважного сокола ведут речь командовавший авиацией на Западном фронте генерал-майор Шидловский, военный летчик штабс-капитан Лазарев.

...Офицер артиллерии шестнадцатого воздушного корабля поручик Гаибов по заданию штаба Западного фронта 12 сентября 1916 года совершил налет на Боруны, подверг бомбардировке интендантские и артиллерийские склады, аэродром, 89-ю германскую резервную дивизию. Несмотря на шквальный огонь зенитных батарей противника, Гаибов с присущей ему большой смелостью подверг разрушению и обратил в пепел склад и штаб врага в Борунах. Во время бомбометания на аэроплан Гаибова одновременно напали четыре германских истребителя. Два из них – типа «Альбатрос», и два других – «Фоккер». В ходе неравного боя отважный поручик поджег три истребителя противника, а «Илья Муромец» из-за серьезного повреждения рухнул на землю и весь экипаж, в том числе и Гаибов, погибли. Геройски погибший Фаррух ага Гаибов в 1916 году был представлен посмертно к награждению орденом Святого Георгия четвертой степени.

Короткий, но славный боевой путь Гаибова был отмечен такими наградами, как орден Св. Станислава третьей степени (с мечом и бантом, 8 ноября 1915 года), Святой Анны четвертой степени (с надписью «За отвагу», в декабре того же года), Святого Станислава второй степени, с мечом и бантом (в 1916 году)...

Черeda наград продолжалась и после смерти героя. Официальные бумаги движутся медленнее, чем смертоносные события войны. Как позднее, по другому поводу, в другую войну напишет Константин Симонов: «Письмо медлительнее пули...»

В 1917 году ратные свершения Ф. Гаибова отмечаются посмертными орденами, – 26 января – «Святой Анной» второй степени, (с мечом), 14 марта – «Святой Анной» третьей степени (мечом и бантом), наконец, 25 марта – «Святым Георгием» четвертой степени, венчающим его послужной список.

Орден Святого Георгия, учрежденный в 1769 году императрицей Екатериной II, вплоть до конца существования Российской империи оставался высшей наградой государства за воинскую доблесть и героизм. В статусе ордена, относящемся к 1913 году, (часть первая, отделение 2, статья 9-я, литера «Г»), в частности, говорится о соискателях, заслуживающих награждения «Святым Георгием»:

«Кто смертью своею запечатлеет содеянный им героический по-

двиг, достойный увековечения в истории Отечества».

Четырехмоторный «Илья Муромец-16» на котором летал Гаибов, насчитывал экипаж из четырех бойцов. Это был первый в мире по тем временам первый четырехмоторный тяжелый бомбардировщик. Был построен на Петербургском Русско-Балтийском заводе. В 1914 году этот аэроплан покрыл расстояние в тысячу километров за 14 часов 38 минут с одной промежуточной посадкой. Это в ту пору считалось мировым рекордом.

Самолеты класса «Илья Муромец-16» использовались в Первую мировую войну и на Гражданской войне для ударов в тыл противника. Именно на таком аэроплане знаменитый пилот капитан Петр Нестеров 26 августа пошел на таран и героически погиб. А 12 сентября 1916 года новую страницу в историю авиации вписал подвиг, который совершил экипаж «Ильи Муромца» в составе которого был наш соотечественник Фаррух ага Гаибов.

В ходатайстве о его награждении подполковник Брант отмечал: «12-го сентября сего года, по приказанию начальника штаба Главнокомандующего армиями Западного фронта под командою Генерального штаба подполковника Бранта был совершен налет на тыл противника воздушною эскадрою в составе 2-х воздушных кораблей типа «Илья Муромец» и 13 аппаратов.

Целью налета было избрано м.Борун в 12-ти верстах в тылу расположения противника и ближайший его район, где по имеющимся сведениям, расположены: штаб 89-ой германской дивизии, узел узкоколейной железной дороги с артиллерийскими и интендантскими складами, а также аэродром.

Эскадра, прорвавшись и район Крево и севернее сквозь артиллерийский заградительный огонь противника и оттеснив его авиацию сбросила 78 бомб общим весом до 100 пудов взрывчатого вещества.

Общий порядок эскадры представлялся в следующем виде:

В голове шел 16-ый корабль с 2-мя «Моран-Парасолями» и 1 «Вуазеноим», затем Киевский корабль, вместе с которым на фронте до 3-4 верст перелетело позицию до 6-ти малых аппаратов; остальные 5-ть самолетов перелетели позиции противника одновременно, на широком фронте от 10-ти до 15-ти верст к северу и югу от Крево...

16-ый корабль, под командою поручика Макшеева при поручике Рахлине, артиллерийском офицере поручике Гаибове и наблюдателе поручике Карпове, следуя в авангарде эскадры, был у Крево встречен сильным артиллерийским огнем противника и... вступил в ожесто-

ченный и неравный бой с превосходящими силами противника, состоявшими из 4-х аппаратов, хорошо вооруженных и со значительно большей корабля скоростью; оставшись один против 4-х противников, 16-ый корабль продолжал, отбиваясь, движение в тыл противника к Борунам.

В последующие минуты неравного боя, под сильным артиллерийским огнем, 16-му кораблю удалось отбить атаку 3-х неприятельских самолетов, которые снизились, уклонившись от боя, не только с 16-м кораблем, а с остальными силами эскадры, следовавшими сзади. Четвертый же немецкий самолет держался над 16-м кораблем и, находясь, видимо, в мертвом пространстве, обстреливал его из пулемета.

Когда корабль под огнем противника уже достиг м.Боруны, он, видимо, был поврежден артиллерийским огнем, а быть может, часть экипажа была выведена из строя ружейным огнем самолетов противника, и аппарат упал, разбившись при ударе о землю у названного местечка, причем все летчики погибли. Вслед за падением корабля снизился и 4-й германский самолет.

Беззаветное мужество и решимость артиллерийского офицера поручика Гаибова дали возможность главным силам эскадры в составе Киевского корабля и 10 малых аппаратов прорваться в расположение противника к м.Боруны без сопротивления со стороны авиации противника, четыре аппарата коего были выведены из строя. Таким образом, 16-м кораблем в решительный момент боя было произведено сильное расстройство в неприятельской авиации, что и повлияло на успех всей операции.

Кроме того, артиллерийский офицер 16-го корабля поручик Гаилов свой геройский подвиг запечатлел смертью. Поручик Гаилов неоднократно совершал удачные полеты с явной опасностью для жизни и наносил ущерб неприятельским лагерям, складам, сообщениям и станциям...»

3 ноября 1916г. ходатайство подполковника Бранта было поддержано временно исполняющим должность генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями Западного фронта, а затем начальником штаба и направлено в канцелярию Кавалерской Думы военного ордена Св.Георгия.

Посмертно утверждено награждение орденом Св.Анны 3-й ст. с мечом и бантом (14.03.1917).

Приказом от 25 марта 1917г. по армии и флоту о чинах военных по удостоению Петроградской Георгиевской Думы «39-й артиллерий-

ской бригады поручик, погибший в воздушном бою с неприятелем, Фаррух ага Гаибов» посмертно был пожалован орденом Св.Георгия 4-й ст. «за то, что 12 сентября 1916г., состоя артиллерийским офицером воздушного корабля «Илья Муромец № 16», следуя с кораблем в авангарде воздушной эскадры из 2 воздушных кораблей и 13 малых аппаратов, совершившей налет на местечко Боруны, прорвался сквозь заградительный артиллерийский огонь противника, вступил в ожесточенный бой с 4 германскими самолетами, принудив 3 из них снизиться и, проникнув в тыл противника на 12 верст, достигнув Борун, погиб с кораблем от артиллерийского огня, дав возможность главным силам эскадры достигнуть цели и нанести неприятелю явный вред» (Э.Э.Исмаилов «Георгиевские кавалеры-азербайджанцы», Москва «Герои Отечества», 2005г. Стр.227-228.).

В архиве генерала Али аги Шихлинского, в числе других материалов остались уникальные двухстраничные заметки «Первый пилот-азербайджанец», написанные за год до кончины (в 1942 году). Генерал Али ага Шихлинский – единственный из наших соотечественников, который находился в гуще драматических баталий на Западном фронте как командующий десятой армией и стал свидетелем подвига экипажа «Ильи Муромца», в составе которого был и его героический земляк. Чрезвычайно насыщенные живыми фактами записки генерала мы сочли нужным привести полностью, сохраняя орфографию оригинала.

В мировую войну 1914-1918г. первым военным летчиком-азербайджанцем был Фаррух ага Гаибов – родной брат доктора Мамеда аги Гаибова. Фаррух ага Гаибов поступил в отряд крупных самолетов и вошел в состав экипажа «Илья Муромец № 16». На этом аппарате он служил артиллерийским офицером. На нем лежали обязанности бомбометания, стрельбы из пулемета, фотографирование с воздуха позиций противника. В первый же свой вылет Фаррух ага Гаибов разрушил очень важный в стратегическом отношении мост через Неман и этим сильно задержал перевозку немецких войск и различных грузов.

Немцы караулили «Илью Муромца № 16» и не раз бросали с самолета записки с угрозой, что они сделают налет на город Минск, где был расположен фронтовой аэродром. Они налетали несколько раз, но каждый раз их отгоняли тогдашними примитивными зенитными батареями.

12 сентября 1916 года группа наших самолетов совершила налет на ближайшие тылы немецких позиций на Виленском направлении. В

этой операции участвовали 12 аппаратов и «Илья Муромец № 16». Они завязали воздушный бой вылетевшим на встречу немецкими самолетами. Немцы, заметив своего опасного врага, ворвались в строй наших самолетов и отделили «Илью Муромца № 16». Целый час доблестный экипаж «Ильи Муромца» выдерживал неравный бой с 4-мя немецкими самолетами. Как выяснилось в дальнейшем, пулемет Фаррух ага Гаибова нанес немцам значительные потери.

Наконец, одному из немецких «Альбатросов» (название тогдашних немецких самолетов) удалось вызвать пожар на «Илье Муромце», и он, объятый пламенем, упал вниз. Весь его экипаж сгорел.

Георгиевская Дума присудила наградить посмертным орденом Георгия Победоносца командира экипажа капитана Машкеева, управлявшего самолетом, артиллерийского офицера Фарруха аги Гаибова, до последней минуты наносившего немцам потери своим пулеметным огнем.

Отличительными чертами Фарруха аги Гаибова были следующие качества: острое зрение, благодаря которому он получил первый приз за стрельбу из пушки еще в бытность свою юнкером артиллерийского училища, верный глазомер, отвага, невозмутимое хладнокровие, давшее возможность производить точный расчет и направлять бомбы в намеченную точку при самых опасных для жизни положениях, крепкие нервы, необходимые для правильного наблюдения и верной оценки явлений в сложной боевой обстановке.

Благодарная память и любовь

Наш долг перед собственным народом – развитие и усиление чувства глубокой любви и почитания к великим личностям нашего прошлого, нашей истории, возвышение их ценной значимости в сердцах азербайджанской интеллигенции, военнослужащих и всего народа. В нашем прошлом много больших личностей, достойных снискать нам зависть иных народов. Если мы стремимся к тому, чтобы в будущем из нашего народа возрастали великие личности, мы должны хорошо ознакомить наших современников, нашу молодежь с этими предтечами. Любовь к прошлому – служение будущему.

Акрам Джафар, профессор

Село Салахлы, взрастившее отважного летчика Фарруха агу Гаибова, подарило азербайджанской истории многих выдающихся сынов отечества. Среди уроженцев Салахлы – генерал-топограф Ибрагим ага Векилов, известный просветитель и религиозный деятель Мирза Гусейн Гаибов, Ахмед ага Мустафаев, Мамед бек Караев, Закарийя Векилов, Ахмед ага Гюльмамедов, Селим Эфендиев, Исмаил Гаибов, крупный математик XIX века Абдулкерим ага Гаибов, генерал от кавалерии Ибрагим ага Усубов; родом из этого же села – первая военная сестра милосердия Нигяр ханум Шихлинская; гордость нашей поэзии двадцатого столетия – Самед Вургун (Векилов).

Гибель на поле брани обессмертила имя нашего первого летчика Фарруха аги Гаибова. В память о герое-земляке в родном Казахе возведен обелиск, увенчанный самолетом. Одна из улиц районного центра носит его имя. Народный поэт, земляк героя Самед Вургун посвятил ему прекрасные строки:

Во имя народа он пал, как герой,
Достойная жизнь оборвалась нежданно,
Но нет, он не умер, наш воин родной,
И жить ему вечно в воспоминаньях,
И в чистых сердцах и высоких мечтаньях
Подобьем сказанья, подобьем дастана...

Но все же... Очерк под названием «Наш первый воздушный сокол» я представил в журнал «Азербайджан». Главный редактор Исмаил Шихлы сам прочел мою работу и опубликовал во втором номере журнала за 1979 года.

Затем с киностудией мы сняли десятиминутный документальный фильм о Фаррухе аге. Тогдашнее руководство воспрепятствовало выпуску фильма на экран. Дескать, «нельзя... о первой мировой войне Ленин говорил так-то и так-то, к тому же Фаррух ага был царским офицером». И, увы, озвученный фильм до сих пор остается в архиве.

В 1971 году маршал авиации Павел Кутахов был избран депутатом Верховного Совета ССР от Казахско-Таузского избирательного округа. Год спустя, когда маршал прибыл на встречу с избирателями, казахские аксакалы, интеллигенты поведали ему о подвиге своего героя-земляка Гаибова, павшего смертью храбрых в первую мировую войну. Маршал отнесся к этой истории с долей сомнения. Увы, не смогли выискать и показать ему фотоснимки, документы в подтверждение рассказанного.

Впервые написать о нашем первом летчике Фаррухе аге Гаибове мне довелось в 1975 году; к тому времени я приступил к поискам материалов в его короткой, но яркой жизни и ратном пути.

В те времена, в семидесятые годы, публикации о царском офицере Гаибове, восстановление правды о его воинском подвиге и широкое ее оглашение не очень одобрительно воспринималось властью предрержащими.

Самые первые записки о нем принадлежат перу генерала Али аги Шихлинского (в старой транскрипции его имя писалось как «Али Ага»). Они датированы 1942 годом. Я нашел эту статейку в архиве в 1977 году. Конечно же, работа генерала послужила мне подспорьем; но надлежало продолжать поиски о герое, ибо записки генерала были очень лаконичны. Я отправился в Тбилиси, порылся в тамошних архивах. повстречался, порасспросил некоторых аксакалов в Казахе. Внимательно просмотрел российские газеты и журналы за 1916 год. Прочел «Летопись войны», изданную в 1914 году; провел поиски в петербургских архивах. Мне очень помог Зульфугар Гаибов, ныне покойный. Поначалу, зная «погоду», Зульфугар-муаллим мне даже говорил, мол, зря тружусь, никто не опубликует мои материалы. Маршал обещал по возвращении в Москву поручить проверить архивы и, если факты подтвердятся, обеспечить установку памятника, обелиска. После архивной проверки и уточнений маршал Павел Кутахов сдержал слово: прислал в качестве памятника самолет позднейшего типа за номером 1, с мемориальной дощечкой: «Памяти первого азербайджанского летчика Фарруха аги Гаибова».

Однако тогдашний секретарь райкома из перестраховочных соображений распорядился открепить доску от самолета и переиначить надпись таким образом: «Памяти павших в Великой Отечественной войне». Между тем, из Казахского района ни летчиков, ни офицеров, погибших на полях Великой Отечественной войны, нет и нигде не числится.

А ошибочная надпись на мемориальной доске по сей день остается...

Как было сказано, Фаррух ага погиб в очень молодом возрасте. Ему не суждено было жениться, обзавестись семьей. Его подвиги, геройство остались примером для нашей сегодняшней молодежи.

Дорогой реликт той поры – именные часы швейцарской фирмы, подаренные питомцу Константиновского военного училища с надписью: «Отличнику юнкеру Фаррух-аге Гаибову 1913 год», – в настоящее

время находятся у проживающего в Гяндже племянника Ф.Гаибова – Турана Сеидова. И еще памятная вещичка, принадлежавшая летчику, – шелковый платочек, хранящийся в нашем историческом музее, представленный в свое время генералом Шихлинским. Платок, на котором изображена афиша Петербургского Павловского театра, несколько не поблек по прошествии длительного времени. Примечательна и запечатленная на платке программа первого концерта-бала, проведенного 5 ноября далекого 1913 года в пользу бедных студентов азербайджанцев-мусульман.

В первом отделении, гласит программа, исполняются произведения русских, европейских композиторов, отрывки и арии из опер, в третьем отделении – азербайджанские национальные танцы – «Узундере», «Гайтаги», «Лезгинка» и «Джанги».

Главный попечитель концерта – студент Ислам бек Гаджибеклинский, организатор – Гярай бек Джабагиев.

Вот уже несколько лет я занимаюсь изучением именной родословной Фарруха аги. Сложилась новая моя книга – «Родом – от Гаиба...»

Эта фамилия дала азербайджанской истории очень больших просветителей. До двадцати представителей Гаибовых учились в Горийской, а затем в Казахской (после перевода азербайджанского отделения в этот город) семинарии. Первым инициатором открытия этого отделения в Горийской семинарии в 1879 году был также представитель этой фамилии – известный деятель религии и просветитель Мирза Гусейн эфенди Гаибзаде (1830-1917). Его перу принадлежит очень солидный труд – четырехтомный «Сборник стихотворений поэтов, знаменитых в Азербайджане». Эту поэтическую антологию Мирза подготовил в 1860 году, но из-за отсутствия средств не смог издать. Первый том увидел свет только в 1986 году, второй – три года спустя, а третий – в 2002 году; эти издания осуществлены научными усилиями и бережной заботой профессоров Джахангира Кахраманова и Шамиля Джамшидова. В роду Гаибовых было два профессиональных военных; как мы уже говорили, это Абдулкерим ага и Фаррух ага Гаибовы; первая азербайджанская пианистка Хадиджа ханум Гаибова – в череде этих славных имен; на исходе минувшего века генеральный прокурор республики (ранг, соответствующий генеральскому званию) Исмет Гаибов, многие годы спустя после гибели Фарруха аги, погиб с группой других ответственных лиц в вертолете, сбитом над Карабахом, где разгоралась война, навязанная Азербайджану вероломными сосе-

дями... Исмет Гаибов с товарищами погиб, выполняя благородную миссию по пресечению разгоравшейся кровавой бойни, во имя мира над исстрадавшейся родиной. Помнится, он подвигал автора этих строк к написанию книги о родословной Гаибовых. Обещал помочь с изданием.

Увы...

Говорят, на древнеегипетских надгробных памятниках часто встречается изречение: «Воспоминание имен погибших равнозначно их воскрешению».

Память о павших героях нетленна. Их имена становятся клятвенным знаком, и память о них живет в веках. Может, тягчайшее наказание – забвение. Короткая жизнь Фарруха аги Гаибова преступила последнюю черту и обрела новое продолжение в бессмертии народной памяти.

В сообщении Генерального штаба о гибели Ф.Гаибова содержится подробность, преисполняющая сердце гордостью величием духа, которое обезоруживал даже смертных врагов: «Германцы похоронили поручика Гаибова... с воинскими почестями. Над его могилой был произведен оружейный залп».

Это было 12 сентября 1916 года. Верх взяла рыцарская воинская мораль, воздающая долг храброму и достойному. Неувядаемая страница в истории российско-германской войны, в летописи нашего национального воинства. К прискорбию, на протяжении многих десятилетий в силу навязываемой советской идеологией искажений шкалы ценностей и исторической «амнезии» мы «забывали» эту героическую быль. Даже на памятнике-самолете, переправленном благородным маршалом Павлом Кутаховым для увековечения памяти героя, не позволили остаться имени Фарруха аги Гаибова...

Впрочем, инертность национального самочувствия имела и более дальние причины, связанные с непросвещенностью масс... Подобную косность и дремотное беспамятство бичевал великий сатирик М.А.Сабир:

Век окликает нас, а мы храним молчание,
Из пушек хоть пали, что нам их грохотанье...
На дирижабле ввысь взлетают чужаки,
А нам в автомобиль садиться не с руки,
Как птицы реют, глянь, земляне в небесах,
А нас святоши вновь в земной вгоняют прах...

Светлую мечту Сабирова о «реющих в небесах» людях первым из

его соотечественников воплотил Фаррух ага Гаибов. И это неспроста, есть духовная почва, питавшая гражданское становление будущего летчика: его дядя по отцу, известный просветитель Самед ага Гаибов, был единомышленником и другом таких великих подвижников, радевших о будущем и прогрессе нации, как Джалил Мамедкулизаде, Узеир бек Гаджибеков, Мирза Алекпер Сабир, Солтан Меджид Ганизаде, Фиридун бек Кочарли... Рано осиротевший и росший под опекой дяди по отцу, Фаррух ага впитывал юной душой эту благотворную ауру. Прочитированные стихи написаны Сабиром в старом Тифлисе, куда он приезжал на лечение... Напомним и о роли генерала Али аги Шихлинского в выборе жизненного поприща и профессии юным земляком.

Первый полет Фаррух аги Гаибова ознаменовал начало истории авиаторства в Азербайджане.

Благо, что «рукописи не горят».

Память, история... Так хочется, чтобы они жили, чтобы время от времени мы могли оглядываться назад. Каждая реликвия может приоткрыть неизвестную страницу прошлого. Как, например, надпись к старой фотографии, хранящейся в раритетном фонде нашего исторического музея: «Азербайджанский офицер Солтан Ахмедов, совершивший прыжок с парашютом в годы Первой мировой войны. 1916 год». Старый снимок подсказывает: значит, речь идет о втором нашем соотечественнике, причастном в авиаторству, о котором мы вспоминаем теперь, спустя восемьдесят лет...

Историческая память неисчерпаема. Колесо истории вращается... Но оно движимо волей, деянием, мыслью человека, и движение нации вперед, в будущее определяется энергией людей, одухотворенных любовью к отечеству. История памятьлива. Герои – незабвенны. Как сказано всенародно любимым нашим поэтом Самедом Вургуном:

История помнит великие дни,
Героев, являвшихся в мир искони...

До недавнего времени место захоронения поручика Фаррух аги Гаибова оставалось неизвестным. Его обнаружили на восстановленном в наше время немецком кладбище у деревни Боруны белорусские энтузиасты изучения истории 1-й мировой войны. Об этом и событиях, связанных с гибелью поручика Фарруха аги Гаибова, было рассказано в статье руководителя «Военно-исторического центра»

В.Н.Лигуты «О чем говорят документы (о судьбе участников военных действий у Сморгони в первую мировую войну)», помещенной на белорусском сайте <http://smorgonnews.promedia.by/archiv/42-43> (500-501). htm:

«О подвиге экипажа бомбардировщика «Илья Муромец» № 16, который один дрался с 4 немецкими истребителями, из которых сбил 3, а затем сам погиб, совершенном 12 (25) сентября 1916 года у местечка Боруны, писала вся общероссийская пресса. Посмертно офицеры экипажа – поручики Машкеев Д.Д., Рахлин М.А., Гаибов Ф. и Карпов О.С. – были награждены орденом Святого Георгия IV степени. Служили эти авиаторы в эскадре тяжелых дальних бомбардировщиков (командир – генерал-майор Шидловский), которая, получив и освоив новейшие в то время самолеты «Илья Муромец», созданные главным конструктором авиационного отдела Русско-Балтийского завода И.И.Сикорским (1887-1972), свой фронтовой путь начинала на аэродроме города Лиды в июне 1915 года. Отсюда шесть первенцев мирового тяжелого самолетостроения улетали на боевые задания в тыл противника, бомбили цели на территории Восточной Пруссии, атаковали и Кенигсберг.

В начале сентября 1915 года, отступая вместе с армейскими частями эскадра перебазировалась под Псков. Самолеты группами были приданы командованию фронтов. Авиатряд из двух бомбардировщиков был расквартирован у имения Таньково (Минская губерния). В доме графини Ганской разместились авиаторы, палатки с самолетами находились позади парка, в поле. Все было хорошо замаскировано от германской авиации. Аэродром был прикрыт зенитной артиллерийской батареей (трехдюймовые орудия были установлены на специальных деревянных станках, позволявших без труда поднимать орудийные стволы почти вертикально, в «зенит»). Одним из базировавшихся здесь самолетов и был «Илья Муромец» № 16. Отсюда героический экипаж улетал в свой последний бой, и именно в семье хозяйки усадьбы 22 сентября (5 октября) 1916 года прошла траурная служба по погибшим. Друзья и товарищи по службе, конечно же, давали слово друг другу после войны найти могилу павших героев. В то время авиаторы знали, что их самолеты – национальная гордость России. И потеря такого самолета и экипажа была первой и последней за всю войну. От этого еще больше была горечь утраты. Оставалось верить немецкой записке, сброшенной с самолета, что погибшие друзья похоронены, как было написано, с воинскими почестями.

Окончилась война, другие большие и малые вихри истории раскидали участников тех событий по разным странам и континентам. Что-то знали и видели местные жители там, где это происходило, но прошло уже слишком много времени.

И все-таки... Копию представления к награждению поручика Гаибова Фарруха – одного из членов экипажа погибшего самолета – передали в музей истории Азербайджана в Баку его родственники. Они помнят и чтят подвиг сына своей земли. Много лет назад родные героя приезжали в Крево, искали могилу погибших авиаторов, но тогда не смогли найти. А она есть. И совсем недавно ее обнаружили на восстановленном уже в наше время немецком кладбище у деревни Боруны большие энтузиасты изучения истории первой мировой войны на Сморгонщине Н.Е.Маркова, В.В.Прихач и А.М.Бумай. Перезахоронены российские авиаторы на этом кладбище были уже, видимо, в 30-е годы прошлого века, когда проводилось упорядочение немецких военных погребений. Этим занимались польские власти при участии германской стороны.

Надпись на могильном кресте по-польски:

4 NIEZNANYCH ROS.LOTN.25.16

(4 неизвестных русских летчика захоронены 25.16). Дата по европейскому календарю (по российскому календарю до 1 января 1918 года – это было 12 сентября 1916 года). Месяц погребения в надписи отсутствует, но его нет и на некоторых других крестах этого кладбища. Теперь мы знаем еще об одном захоронении русских воинов, уже не безымянном. Там покоятся герои-авиаторы:

- поручик Машкеев Дмитрий Дмитриевич;
- поручик Рахлин Митрофан Алексеевич;
- поручик Гаилов Фаррух Мамедкерим оглы;
- поручик Карпов Олег Сергеевич.

Они честно выполнили свой воинский долг. Вечная им слава и память!»

СОКОЛЫ ПЕРВОЙ РЕСПУБЛИКИ

Азербайджанское государство для укрепления воздушных сил намеревалось в 1920 году приобрести двенадцать гидропланов и шесть аэропланов.

Из архивных документов

Были ли военные летчики в Национальной Армии Азербайджанской Демократической Республики в 1918-1920 годы? Сведения об этом можно найти в Азербайджанском государственном архиве новой истории. Министр обороны первой республики, полный генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров 22 января 1919 года направил на имя дипломатического представителя АДР в Грузинской Республике Мамед Юсиф бека Джафарова (1885-1938) письмо следующего содержания:

«Высокочтимый Мамед Юсиф бек.

Я доволен Вами и признателен за близкое участие в деле организации наших войск. Могу командировать к Вам для обучения радиотелеграфному делу двух офицеров или прапорщиков, двенадцать молодых людей с необходимым образованием. Прошу заблаговременно оповестить о времени их прибытия в училище.

Наряду с этим, прошу выяснить, возможен ли прием и азербайджанцев на тех же условиях в летное училище, находящееся в Тифлисе...»

А 14 сентября военный министр дал приказ о создании в армии авиаотряда. Девять человек, окончивших трехмесячные курсы в Тифлисском авиационном училище, вернулись в Азербайджан. Это прапорщики второго Бакинского полка Алигусейн Дадашев, Теймур Мустафаев, Гянджинский, подпоручик первого Джаванширского полка Асад Алиев, капитан Фиридун Мирза Каджар из первой артиллерийской бригады, прапорщики третьего Гянджинского кавалерийского полка Ахмедали Аждар Гасанзаде, Мамед Гарашаров и другие.

В архиве хранится и приказ № 370 от 19 августа 1919 года за подписями генералов Самед бека Мехмандарова и Мамед бека Сулкевича о назначении военного летчика подпоручика Теймур хана Афшара начальником авиаотряда при генштабе Азербайджанской Армии, с обеспечением соответствующего жалованья.

Проходит восемь месяцев. Чем отличились летчики новосозданного отряда за это время?

Об этом узнаем из телеграммы генерал-лейтенанта М.Сулкевича из Шуши в Баку, генералу-квартирмейстеру (23 января 1920 года):

«Опыт грузинских летчиков по подавлению мятежа в Сванетии доказал действенность этого способа в труднопроходимых горных местностях. Среди грузинских летчиков был и лейтенант Макаев, сбросивший пятипудовую бомбу на восставшее село. Опытом можно воспользоваться с таким же быстродействующим результатом и в Загезуре. Поддерживая телефонную связь с Тифлисом, выясните вопрос, переговорите с Захариадзе на грузинском языке. Можно направить один аэроплан, причем летчиком может быть Афшар Теймур хан. Таким образом, грузины не нарушат военную конвенцию, запрещающую участие грузинских офицеров в наших внутренних экспедициях. Полеты будут короткими, радиус полета не будет дальше ста верст. Авиационная база в Шуше или в Ханкенди. Ответ сообщите мне телеграфом. 29-го января буду в Ханкенди, 30-го – в Евлахе, а 31-го – в Баку, в этом случае ответ сообщить мне домой. Я дал поручение коменданту отправить вагон в Евлах.

*Начальник Генерального штаба генерал-лейтенант
Мамед бек Сулкевич».*

Настал апрель кровавого двадцатого года... Большевистские войска с дашнакским охвостом вторглись в нашу страну. На долю достойных сынов народа выпал тяжелый жребий – расстрелы, репрессии, ссылка. Жестоким волею красной инквизиции была придана забвению слава сотен азербайджанских офицеров и аскеров. Их имена остались лишь в протоколах судилищ и в воспоминаниях.

Документ, в котором мне еще раз встретилось упоминание о военном летчике нашей Национальной Армии Теймур хане Афшаре – протокол допроса нашей первой пианистки, основательницы Восточной консерватории в Баку Хадиджы ханум Осман кызы Гаибовой (1893-1938). Арестованная в 1938 году 17-го марта по обвинению в «шпионаже», через два месяца на допросе говорила: «Я знаю офицера-летчика Теймур хана Афшара... (с ним) меня познакомил ныне разоблаченный как враг народа Чингиз Ильдым».

Другие обстоятельства судьбы летчика мы узнали из книги маршала С.А.Красовского «Жизнь в авиации», изданной в 1960 году. На странице 46 автор сообщает, как в первые годы советской власти в авиаотряд набирали военные кадры из числа добровольцев.

«Помню, к нам прибыл Овшар (Афшар – Ш.Н.) уроженец Ирана (Южного Азербайджана – Ш.Н.). Во время беседы выяснилось, что он был пилотом при мусаватском правительстве. На вопрос: не про-

тиворечит ли его убеждениям служба в Красной Армии, Овшар (Афшар)) ответил:

– Мои убеждения зависят от количества выплачиваемых денег.

Овшар (Афшар) человек ненадежный, и мы не взяли его на должность летчика. Он устроился на работу в штаб воздушного флота Азербайджана. Поработав немного, Овшар вместе с женой-врачом сбежал в Иран...»

Ясно, что такой ответ азербайджанского летчика был вызван отнюдь не примитивной меркантильностью, он знал, с кем говорит и не мог отвечать совершенно искренне; искренним было только желание не расставаться с любимой авиацией.

Да, Афшар мог выглядеть «ненадежным человеком» после вынужденной увязки убеждений с жалованьем, которую бдительный собеседник принял за чистую монету...

Нетрудно предположить, что дальнейшая судьба Теймур хана Афшара мало чем отличалась бы от участи его соратников по Национальной Армии АДР Махмуда Махмудзаде, Теймура Мустафаева и других...

Сохранилось письмо Махмуда Махмудзаде из лагеря в печальной памяти Соловках, датированное 1927 годом.

Приведем строки из этого письма:

«...Я родился в 1896 году в Ленкорани. До тринадцати лет учился в школе. Выучил арабский и фарсидский языки... поступил в гимназию. 23 февраля 1918 года экстерном окончил гимназию.

Оказался перед необходимостью, оставив незавершенным высшее образование, взять в руки оружие, ради спасения моей земли от агрессоров.

Начав с прапорщика кавалериста, перешел в артиллерию и в 1919 году поступил в Тифлисе в авиационное училище. В 1920 году вернулся в Баку. Генштаб Азербайджанской Армии направил меня и моего друга в военно-воздушное училище.

Начальник училища, военный летчик Павлов, проверив наши авиационные знания, перевел нас всех от теории к практике. Нам поручили сборку гидросамолета М-5 под руководством старшины Карпузина. Моими сотоварищами были Теймур Мустафаев, Алигусейн Дадашев, Ахмедали Аждар Гасанзаде, Мелик Микаил Мирза.

После сборки испытательного самолета М-5 мы стали летать по очереди. В 1921 году первым совершил полет Теймур Мустафаев. После тренажа он получил звание военного летчика. 22 сентября 1922 года полетел и я. После меня к полетам допустили Алигусейна Дада-

шева и курсанта Асада Алиева. Алигусейн... и я, сдав дополнительный экзамен, получили звание военного летчика. В 1923 году меня направили в Качинское военно-авиационное училище под Севастополем...

25 октября 1926 года я был арестован. Я спросил о причине, сказали, что в 1920-21-е годы ты вел в народе разговоры, связанные с национальным вопросом. Незадолго до меня арестовали моих... друзей Алигусейна Дадашева и Теймура Мустафаева. Нас, по пятьдесят второй статье, отправили сроком на пять лет в лагерь заключения на Соловецких островах...»

После напряженных поисков мне удалось разыскать только одного родича из упомянутых Махмудом Махмудзаде сослуживцев-товарищей, – брата Теймура Мустафаева, аксакала Исрафил-муаллима.

Как по-детски расчувствовался до слез старый человек при упоминании имени забытого, запечатанного обществом брата!..

В голосе Исрафил-муаллима сквозила тоска по брату:

– В двадцатые годы имя брата моего было легендой. Все от мала до велика гордились им. Отец и мать очень тревожились из-за «небезопасной» этой славы... Молились: «Не сочти это счастье чрезмерным, о Аллах...» Семья у нас была бедная. Отец плотничал. Со службой Теймура житье стало получше. Он был постарше меня, 1896 года рождения. В 1919 году, когда его приняли без всякой платы в школу, отец не мог нарадоваться...

В 1922 году Теймура Мустафаева дважды наградили как отличного пилота. 14 ноября он был награжден орденом Красного Знамени Республики. А ранее, в апреле морвоенком Республики за успехи в летной службе наградил его именными золотыми часами.

В 1924 году, совершая облет Каспия на высоте 500-600 метров, Т.Мустафаев заметил на поверхности моря маслянистые пятна нефти и сообщил об этом в наркомат нефтяного хозяйства. Степан Акимович Красовский, служивший в те годы в нашей республике, впоследствии маршал и Герой Советского Союза, пишет, что мы не ошибемся, если скажем, что первым наличие нефти на Каспии обнаружил азербайджанский летчик Теймур Мустафаев..

На исходе двадцатых годов начался один из первых инспирированных политических процессов. Обвинялись члены так называемой Промпартии, якобы эта организация, объединявшая верхушку «буржуазно-технической» интеллигенции, опираясь на помощь из-за рубежа и прочих контрреволюционных сил, занималась вредительской деятельностью в различных отраслях советской промышленности и

транспорта. По этому делу были арестованы многие известные в стране авиаконструкторы, летчики и инженеры.

Теймур Мустафаев тоже угодил в число этих мнимых «вредителей». По ложному, сфабрикованному обвинению он был в 1926 году арестован, осужден и сослан в Соловки, а затем – переправлен в Караганду. Наш земляк, ставший одной из первых жертв сталинских репрессий, даже в тягчайших условиях режима находит поле приложения своих незаурядных творческих и организаторских способностей, участвуя в разработке новооткрытых каменноугольных месторождений. Ему доверяют ответственные должности в объединении «Караганда-уголь»; он вносит существенный вклад в изготовление газогенераторных установок, а в годы Великой Отечественной войны – весомую лепту в капитальный ремонт грузовых автомашин для фронта.

Казалось бы, зловещая «охота на ведьм» уходила в прошлое, и несправедливо загнанный в «места, не столь отдаленные» Теймур Мустафаев смог занять достойное место в обществе и снискать признание. Государство награждает его медалями: «За самоотверженный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовое отличие», «За освоение целинных земель». Он удостоивался почетного звания горного инженера третьей степени. В 1976 году общественность Караганды отмечает юбилей – 80-летие Теймура Мустафаева, живущего и работающего вдали от родных краев.

В статье В.Жилкина, опубликованной в газете «Индустриальная Караганда» 27 сентября того же юбилейного года, читаем:

«Этого худощавого, не по годам подвижного человека с теплой и приветливой улыбкой на лице знают многие жители шахтерской Караганды как доброго и отзывчивого человека. Одним он помогает добрым советом, другим – непосредственным участием в разрешении жилищно-бытовых неурядиц. Уже много лет Тимур Расулович Мустафаев является общественным инспектором городского комитета народного контроля, он же член постоянной жилищно-бытовой комиссии горисполкома. Ему доверено выполнять столь важные общественные обязанности.

Большая жизнь за плечами у старейшего жителя и первостроителя Караганды Мустафаева. В нашем городе он живет и трудится вот уже почти полвека. 1930 год. Начало организации угольной промышленности в Казахстане. Росла и развивалась Караганда, увеличивалось ее автохозяйство. Автомашин становилось все больше, но водителей не хватало. Работая механиком гаража, Мустафаеву приходилось ор-

ганизовать курсы шоферов, самому вести занятия.

Сотни водителей воспитывал, привил им любовь к профессии Тимур Расулович.

Грозные годы Великой Отечественной войны. Тимур Расулович руководит ремонтом автомашин для фронта. По его инициативе бензиновые автомобили своими силами переоборудуются в газогенераторные, работающие на буром угле, добываемом в Михайловском разрезе. Это дало возможность сэкономить для нужд фронта сотни тонн бензогорючего.

Отшумели фронтовые годы. Мустафаев занимается организацией строительства Тихоновской, Ново-Майкудукской, Пришахтинской автобаз и авторемонтных мастерских.

40 лет отдал автотранспортному делу старый автомобилист и все время – в Караганде. За свой труд он имеет много наград и поощрений.

Безо всякой вины отторженный от любимого летного дела, от родного Азербайджана, хлебнувший лиха в соловецкой неволе, уже в преклонные годы Теймур Мустафаев несколько раз приезжал в качестве гостя на свою родную землю. Не раз обращался в высокие инстанции с целью получить право на жительство в родном Азербайджане, но бездушные чиновники отвечали отказом под разными невразумительными предложениями...

В Караганде, где в 1981 году окончил свою многострадальную, но достойную, светлую жизнь Теймур Мустафаев, живут двое его сыновей. Старший Юсиф – горный инженер, а младший сын, Искендер, продолжает прерванный начавшейся в ореоле молодой славы полет отца, – он стал летчиком.

Все возвращается на круги своя.

Первоисточки помогают идти в будущее, невзирая на преходящие затмения исторической памяти. Правда пробивает себе путь. Сегодня забытые имена славных сынов и дочерей возвращаются народу. Среди них имена таких пионеров азербайджанского авиаторства, как Фаррух ага Гаиров, Теймур хан Афшар, Махмуд Махмудзаде, Теймур Мустафаев, Алигусейн Дадашев, Мелик Микаил Мирза, Асад Алиев, Ахдали Аждар Гусейнзаде. Их жизненный и ратный путь заслуживают бережного изучения.

Вечная им память!

ПРЕДИСЛОВИЕ К ВОСПОМИНАНИЯМ ПОЛКОВНИКА ИСРАФИЛ БЕКА ИСРАФИЛОВА

Двадцать седьмого апреля 1920 года XI большевистско-дашнакская армия перешла в наступление на Азербайджан и варварски оккупировала территорию нашей страны.

С этого дня берет начало страшная, жуткая эпоха. Безжалостные большевики и дашнаки утопили в крови патриотически настроенных сынов Азербайджана. Страна под названием Азербайджан подверглась преследованиям, клеветническим обвинениям. Усилилась волна ничем не обоснованных арестов. Были расстреляны тысячи ни в чем не повинных людей. Более тысячи двухсот солдат и офицеров национальной армии Азербайджана перешли Араз и нашли пристанище у братьев на другой стороне реки. Сотни подвергшихся преследованиям представителей интеллигенции эмигрировали в Турцию, Германию, Францию. Поручик Алескер Мамед оглы Кенгерлинский один из тех, кто подвергался гонениям со стороны большевистско-дашнакской власти.

Он лично проверял списки и достоверно свидетельствует, что во время владычества большевиков в Азербайджане были уничтожены двенадцать генералов, двадцать семь полковников, сорок шесть капитанов и штабс-капитанов, поручиков и подпоручиков, сто сорок прапорщиков и подпрапорщиков, а также еще двести шестьдесят других людей в погонах (все – мусульмане).

С апреля 1920 года по август 1921 года в Азербайджане бушевал красный террор, в ходе которого были расстреляны сорок восемь тысяч человек. Подавляющее большинство составили представители национальной интеллигенции и военнослужащие.

В 1918-1922 годах Алескер Кенгерли работал военным атташе вначале в Тифлисе, а затем в Турции. В своей статье «Трагедия Азербайджана» он пишет:

- Несмотря на отсутствие достаточного материала, я был передан в Бакинское ЧК, непосредственно в лапы знаменитого палача Семена Панкратова. Как назло, мое появление совпало с восстаниями, охватившими всю территорию Азербайджана. (После мая-июня 1920 года в некоторых азербайджанских уездах – Гяндже, Шуше, Казахе, Шеки, Губе и Закаталах произошли мощные восстания против большевистских оккупантов – Ш.Н.). Поэтому все мои товарищи по военному

училищу, все младшие офицеры, а также бывший военный министр, генерал артиллерии Самед бек Мехмандаров вместе со своим штабом находились в ЧК. Я не буду перечислять все угрозы и оскорбления, которым нас подвергли. Лишь отмечу, что когда нашему уважаемому аксакалу, военному министру Самед беку Мехмандарову приказали почистить отхожее место, мы, молодые офицеры, бросились вперед, согласившись выполнить за него эту работу. Однако, охранник-армянин, бывший сотрудник полиции грубо одернул нас: «Нет, туалет будет чистить Мехмандаров, причем своей бородой»...

Интересно, какие чувства при прочтении этих строк испытает азербайджанец, взявший себе в жены армянку или не устающий повторять «надо дружить с армянами».

Уцелевшие от гибели, избавившиеся от большевистско-дашнакского гнета, наши офицеры разметались в разные стороны. Вынуждены были эмигрировать генерал Джавад бек Шихлинский, Давуд бек Ядигяров, Мамедсадыг бек Агабекзаде, Теймур бек Новрузов, генерал-губернатор Амир хан Хойский, Хосров бек Султанов, генерал Аманулла Мирза Каджар, полковник Самед бек Рафибеков, Джахангир бек Новрузов и многие другие...

Такая незавидная судьба была уготована и полковнику Исрафил беку Исрафилову.

Исрафил бек имел особые заслуги в формировании в 1918-1920 годах национальной армии Азербайджана. Он завоевал известность и славу как патриот, бескорыстно сражавшийся с армянскими дашнаками в Аскеранском регионе Карабаха, Ленкоране и Зангезуре. По прошествии лет, находившийся в эмиграции полковник Исрафил бек Исрафилов так вспоминает о героизме азербайджанских солдат и офицеров в борьбе против армян в Аскеране:

“Двадцать второго марта 1920-го года, в праздничную ночь Новруз-байрама, армяне, заселившие горные местности Карабахской области, учинили бунт и захватили Аскеранский перевал. На Аскеранский фронт было двинуто мощное армейское соединение под командованием генерал-майора Габиб бека Салимова. Третьего апреля Национальная Азербайджанская Армия нанесла по армянским боевикам сокрушительный, неотвратимый удар. Какой азербайджанец не помнит тот счастливый день?! Победоносность, дисциплина, порядок и организованность, дух и моральное состояние армии были в неопикуемой, непередаваемой степени экстраординарны, чрезвычайны. Зарубежный мир был восхищён тем, что в столь короткий пе-

риод времени, при отсутствии необходимых средств и ресурсов, мы смогли создать такую организованную регулярную Национальную Армию. Многие в тот день от переполнявших их чувств не могли сдерживать слёз. Это был самый славный, самый счастливый день Азербайджана.”

Полковник Исрафил бек Магомеднаби оглы Исрафилов родился в 1893 году в семье гянджинских интеллигентов. Получив военное образование, служил в рядах императорской армии. Во время Первой мировой войны до революции 1917 года был командиром батальона на румынском фронте. После падения империи вернулся в Азербайджан, принимал активное участие в создании национального армейского корпуса.

Решением правительства Азербайджана от 11 января 1919 года Исрафил беку присваивается звание подполковника. 14 января того же года приказом военного министра, полного генерала артиллерии Самед бека Мехмандарова назначается командиром I Джаванширского пехотного полка, а 19 февраля офицером-порученцем при военном министре. 25 июня Исрафил бек назначается командиром недавно созданного V Бакинского пехотного полка и направляется на подавление большевистско-эссеровского мятежа в Ленкорани.

Избегая преследований со стороны большевиков и дашнаков в 1920 году Исрафил бек уезжает в Иран. Испытав здесь немало тягот, переезжает в Польшу. Он с честью служит в польской армии, оканчивает военную академию. В 1930 году оказывается в плену у фашистов, оккупировавших Польшу. Отважный полковник бежит из лагеря и какой-то период участвует в боях против советской армии. В книге «Мусульманские легионы во Второй мировой войне» ее автор В.В. Романько посвящает ему несколько строк (Москва, 2004 год, стр.283):

«Эмигрант-полковник Исрафил бек с лета 1943 года председатель Азербайджанского комитета. В мае 1943 года командир 314-го пехотного полка 162-й тюркской пехотной дивизии. С 12 декабря 1944 года в чине Ваффен-штандартенфюрера (полковник СС) командир боевой группы «Азербайджан» Кавказского соединения СС. 17 марта 1945 года назначен ответственным за военные вопросы при Азербайджанском национальном комитете. Выдан в СССР и 11 июля 1945 года военным трибуналом Бакинского военного округа приговорен к смертной казни».

В 1923 году храбрый полковник Исрафил бек Исрафилов по просьбе Мамедэмина Расулзаде описывает пережитые ужасы и в

письме редактору журнала «Горцы Кавказа» отмечает:

«Милостивый государь, господин редактор!

После оккупации большевиками Азербайджана в 1920 году мне пришлось скитаться около двух лет по Персии, Аравии, Индии, Египту, и, наконец, попасть в Стамбул. Здесь в начале 1920 года ко мне обратился глава Азербайджанской национальной организации М.Э.Ра-сулзаде с просьбой написать для него воспоминания об азербайджанской армии. Просьбу эту я исполнил, правда, может быть, с недостаточной полнотой, ибо не имел под рукой никаких материалов. Ниже копию этих воспоминаний посылаю уважаемой редакции «Г.К.». Надеюсь, что они представят известный интерес и она сочтет возможным их использовать. Остаюсь с совершенным почтением – Исрафил бек, генштаба полковник!»

Журнал «Горцы Кавказа» опубликовал статью «Воспоминания об азербайджанской армии» полковника Исрафил бека Исрафилова в 1932 году в номерах 31, 32, 33 и 34. Не стоит забывать, что некоторые лидеры азербайджанской демократической республики, оказавшиеся в эмиграции, в разной степени затрагивали эту тему. Но ни одна из этих работ не является такой масштабной как историко-документальный очерк доблестного полковника Исрафил бека Исрафилова.

Необходимо помнить, что упоминавшиеся в документальном очерке полковника Исрафил бека многие азербайджанские офицеры и генералы, самоотверженно сражавшиеся с врагами в Аскеране, Зангезуре и Карабахе в 1920 году были расстреляны большевистско-дашнакскими властями.

Среди расстрелянных генерал-майор Габиб бек Гаджиусиф оглы Салимов (08.02.1881 -30.12.1920).

- генерал-майор Ибрагим ага Муса оглы Усубов (06.05.1875-06.07.1920).

- генерал-лейтенант Мамед бек Александр оглы Сулькевич (20.06.1865-15.07.1920).

- генерал-майор Магомедкулу Бахман Мирза оглы Каджар (11.06.1872-1920).

- полковник Рустам бек Мамедага оглы Шихлинский (1877-1920).

- полковник Хосров Мирза Каджар (после оккупации 1920 года его судьба неизвестна).

- полковник Махмуд бек Зейнал (после оккупации 1920 года его судьба неизвестна).

- полковник Эфендиев (после оккупации 1920 года его судьба неизвестна).

- полковник Ахмед бек Дибиров (расстрелян в Шекинской тюрьме в 1930 году).

Шамистан Назирли

Воспоминания полковника Исрафил бека Исрафилова об Азербайджанской армии

Как известно, азербайджанцы так же, как иные мусульмане Южного Кавказа, не отбывали во времена царизма воинской повинности, а вместо этого платили в казну специальный налог. Неоднократные заявления наших представителей с трибуны Государственной думы о распространении на азербайджанцев закона о всеобщей повинности оставались русским правительством без внимания. Несомненно, такому отношению способствовало наше географическое положение по соседству с братским турецким государством. Это положение продолжалось до начала мировой войны, когда в 1914 году правительство решилось сформировать из азербайджанцев конный полк, названный Татарским конным полком. Полк вошел в состав Кавказской туземной дивизии великого князя Михаила Александровича и немало прославился в боях на русском Западном фронте. Во время революции, после отречения Николая II от престола. Временное правительство разрешило организовать Закавказский мусульманский корпус. Командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант Али ага Шихлинский. Я лично командовал в то время батальоном на Румынском фронте и, воспользовавшись разрешением Временного правительства, выехал на Кавказ в распоряжении генерала Шихлинского. При организации корпуса удалось создать только штабы дивизий, так как Временное правительство пало и во главе России стал Ленин.

События на Кавказе развивались с чрезвычайной быстротой. Большевизм был глубоко чужд Кавказу. Кавказ вступал на новый исторический путь. Образовался Закавказский сейм, а весной 1918 года объявили о своей независимости четыре кавказские республики: Горская Республика - на Северном Кавказе, Азербайджан, Грузия и Армения - на Южном Кавказе. Началась борьба с большевизмом.

В Азербайджане большевики были очень сильны в Баку, систематически наводняемом еще при старом правительстве русским элементом. В остальных городах русский элемент был представлен в

минимальной степени, и их вскоре удалось освободить. Возрожденному Азербайджану предстояло освободить свою столицу – Баку. Главную роль в этом пришлось сыграть Татарскому конному полку, который перед этим вернулся с фронта великой войны и представлял единственную организованную вооруженную силу молодой республики. В помощь полку было начато к формированию так называемой «Зеленой гвардии», куда входили главным образом студенты и интеллигенция. Командование этой гвардией поручено было мне. Конным отрядом командовал полковник Рафибейли. Грузинское правительство прислало нам бронированный поезд.

С этими незначительными силами было начато к подготовительным операциям для занятия Баку. В короткий срок весь Азербайджан, до станции Баладжары под Баку, был очищен от большевиков. Видя это, большевики пошли по старой дороге царизма - натравливание одной нации против другой. В результате в Баку и Шемахе произошли достойные сожаления события, известные под названием «Мартовские события». Натравив армян на мусульман, большевики с армянами произвели в этих двух городах резню мусульманского населения. Вместе с этим армянские добровольцы усилили большевистские отряды, обороняющие Баку. Малочисленный отряд наш, продвинувшийся уже до станции Аджигабул, после ожесточенного боя принужден был отойти. Опасность занятия стала угрожать и второй столице Азербайджана – Гяндже. Тогда правительство наше обратилось за помощью к Турции, прося о присылке войск. Орлы Турции подоспели в самый критический момент: большевики недалеко от Гянджи у станции Мусусли. Прибывшие турецкие части вместе с нашим отрядом остановили наступление большевиков и через 2 недели отбросили их вновь из Аджигабула. Наши пехотные части действовали в составе турецкой пехоты, я же лично командовал бронированным поездом.

После ожесточенных боев 15 сентября 1918 года, Баку, наконец был занят соединенными турецко – азербайджанскими войсками.

Правительство переехало в Баку, и пост военного министра занял генерал от артиллерии Самед бек Мехмандаров.

10 ноября 1918 года в силу Мудросского договора турки приступили к эвакуации из Азербайджана, и после этого столицу нашу оккупировали англичане. Военное министерство наше было вынуждено переехать в Гянджу. С этого – то момента, собственно, и начинается организация армии.

При формировании штабов и частей войск за обоснование при-

нимаются русские уставы и штаты. Помощником военного министра назначается генерал А.А. Шихлинский, начальником главного штаба – генерал Габиб бек Салимов, и. д. дежурного генерала штаба – генерал Абдулгамид бек Гайтабаши, организуются все отделения главного штаба. Военный министр генерал Мехмандаров реорганизует Гянджинское военное училище, открытое турками, и назначает начальником училища полковника Ширин бека Кясаманского.

Генерал Ибрагим ага Усубов приступает в Агдаме к формированию 1-ой пехотной дивизии, начальником штаба дивизии назначается полковник Самед бек Рафибейли. В состав дивизии входили: 1 –й пехотный Джаванширский полк, 2-й пехотный Загатальский. 3 –й пехотный Гянджинский полки. Командиром 1 –го Джаванширского полка был назначен я, 2-м Загатальским командовал полковник Ахмед бек Дебиров, 3-м Гянджинским. Принц Каджар (весной 1919 года командование 5-м Гянджинским полком принял Кязым бек, бывший до этого в армии Крымской Республики и приехавший в Азербайджан после эвакуации турок). Татарский конный полк разворачивается в два полка: 1-й конный татарский и 2–й конный Карабахский полки. В Гяндже формируется учебно- пулеметная команда, здесь же полковник Рустам бек Шихлинский (младший племянник Али аги Шихлинского) начинает формировать артиллерийскую бригаду. Открывается в Гяндже саперная школа. В мае 1918 г. прибывают к нам и поступают на службу офицеры поляки, грузины и горцы Кавказа, которые оказывают громадные услуги в деле организации и формировании армии.

Генерал – летеинант Мамед бек Сулькевич (польский татарин, родом из Вильно) назначается на должность начальника генерального штаба и принимает самое деятельное участие в реорганизации штаба и оперативных работах. Полковник Дунин – Марцинкевич (поляк) был в армии с самого начала, принимая участие во всех боях с большевиками и командуя дивизионом конно – горной артиллерии, вплоть до оккупации Азербайджана большевиками.

Генерал Мамед бек Сулькевич совместно с генералом Габиб беком Салимовым выработали для частей армии окончательные штаты: каждая дивизия (как пехотная, так и кавалерийская) состояла из 5 батальонов (по 4 стрелковые роты в каждой), команды конных разведчиков. Саперной роты, команды связи и нестроевой роты. Кроме этого. При каждом полку были еще учебная команда музыкантская, в которые командировались аскеры из батальонов. Число штыков в батальонах доходило до 650. Штат конных полков и артиллерии остался

таким, как в русской армии.

Дивизии (как пехотной, так и кавалерийской) были подчинены непосредственно начальнику главного штаба. (В Азербайджанской армии начальник главного штаба проводил обучение армии, а начальник генерального штаба – оперативные работы: планы, мобилизация, концентрация и т.д.). В помощь генералу Габиб беку Салимову по реорганизации штатов приказом военного министра была назначена комиссия под председательством начальника 1-й пехотной дивизии генерала Ибрагима аги Усубова, членами комиссии были полковник Р. Шихлинский и я.

В феврале 1919 г. на основании этого приказа мы трое как члены реорганизационной комиссии выехали из Агдама в Гянджу в распоряжение военного министра. Генерал И. Усубов сдал дивизию генералу Сулейман беку Эфендиеву (после смерти последнего 1-й дивизией командовал генерал Д. Шихлинский (Джавад бек, старший племянник А. Шихлинского), я же сдал 1-й Джаванширский полк полковнику Софиеву (от него командование полком принял полковник С. Рафибейли). Работа комиссии продолжалась до конца апреля 1919 года. После этого генералу И.Усубову было поручено формирование 2- пехотной дивизии. Начальником штаба которой был назначен полковник Махмуд бек Зейнал. В состав дивизии входили: 4 – й пехотный Губинский полк, 5 – й пехотный Бакинский и 6-й пехотный Гейчайские полки. Формирование 5-го Бакинского полка было поручено мне. Формирование происходило в столице Азербайджана – Баку. Таким образом, мне пришлось распрощаться с 1 – м Джаванширским полком и принять в командование 5 –ым Бакинским полкам.

В первых числах июня 1919 г. правительство нашло возможным перевести в Баку военное министерство. После перехода военного министерства в Баку формирование и обучение частей начались в усиленном темпе. Должен подчеркнуть, что при формировании 5 – го бакинского полка большую помощь мне оказали командиры батальона: подполковник Сиамашвили и подполковник Кутателадзе, работали с необыкновенной энергией и днем, и ночью. И когда через 2,5 месяца полку пришлось выступить в Ленкоранский поход с целью усмирения и разоружения русских частей, полк показал большую выдержку и подготовленность, покрыв славой молодую Азербайджанскую армию.

Одновременно с формированием 2 –й пехотной дивизии началось формирование 3 –го конного Шекинского полка и 2 –й артилле-

рийской бригады. Кроме этого, Азербайджанская армия располагала 2 броневыми поездами, 6 броневыми автомобилями, 8 гидропланами. Орудия на канонерках « Карс » и « Ардаган » были отремонтированы.

В последних числах августа 1919 года начальник 2-й пехотной дивизии генерал Ибрагим ага Усубов был командирован в Италию для покупки зимнего обмундирования (35000 комплектов), снаряжения, автомобилей и прочего имущества для нужд армии. Командование 2-й дивизии принял генерал Махаев (грузин) – любимец офицеров дивизии.

Ленкоранский поход

После формирования двух пехотных дивизий с артиллерийскими бригадами и одной Кавказской дивизии правительство решило подчинить себе русское население неотъемлемых частей Азербайджана: Мугани и Ленкорани, поселенное здесь в целях колонизации царским правительством и ныне не признающее правительство свободного Азербайджана. Население это, приютив у себя части старой русской пограничной стражи, не подчинялось распоряжениям правительства и содержало собственную армию с пушками и пулеметами.

18 августа 1919 г. отряд в составе 5 – го пехотного Бакинского полка, 3 – го конного Шекинского полка и 2 –й артиллерийской бригады выступил в поход. Начальник отряда генерал Габиб бек Салимов назначил станцию Аджигабул как сборный пункт, где части отряда должны были соединиться.

Накануне выступления вверенного мне 5-го Бакинского полка в поход дежурный генерал штаба сообщил мне по телефону, что в 3 часа дня приедут осмотреть полк премьер – министр Насиб бек Усуббейли, председатель национального совета и лидер партии «Мусават» М.Е. – бек Расулзаде и военный министр. К назначенному времени полк был выстроен в полной походной форме и вскоре встречал высоких гостей при звуках азербайджанского национального марша. После того, как полк прошел церемониальным маршем, к нему обратились с речью премьер и военный министр. Последний с особенной силой подчеркнул, что предстоящий поход является первым походом полка и с ним связана честь не только полка, но и всей армии.

На другой день в 5 часов утра полк выступил. Впечатление было такое, что будто жители города не спали в эту ночь. Улицы полны были народа. Женщины, мужчины, дети встречали аскеров приветствиями, отовсюду несло « Яшасын », из окон домов осыпали полк

цветами.

К вечеру на сборном пункте – станции Аджигабул – соединились все части отряда. Одновременно с прибытием на станцию Аджигабул войсковых частей туда прибыл со своим штабом и генерал Габиб бек Салимов. Здесь доблестный командир 3-го кон. Шекинского полка полковник принц Хосров – Мирза Каджар проявил прекрасную инициативу: желая объединить и познакомить всех офицеров отряда, он устроил общий ужин, куда были приглашены все чины штаба отряда, а также все офицеры вверенного мне 5 – го пехотного Бакинского полка. Таким образом. Полки отряда стали «кунацками», ибо большинство офицеров не только познали себя взаимно, но и успели сойтись ближе за дружеской беседой, продолжавшейся до поздней ночи. В результате уже во время похода каждый офицер стремился не только возложенную на него боевую задачу, но и помочь «кунацкому» полку, если этого требовала обстановка.

Ленкоранский поход продолжался месяц. Лето было знойным, что чрезвычайно затрудняло движение. В отряде было несколько случаев солнечного удара. Но, несмотря на это, переходы доходили до 35 – 45 верст, и молодые аскеры поражали офицеров своей выносливостью и выдержкой.

Двигаясь таким образом, отряд достиг без сопротивления до села Пришиб. Здесь русское население, вместе с отрядом прежней пограничной стражи вздумало обороняться. Наш авангард был встречен ружейным и пулеметным огнем. Провокационная стрельба не смутила начальника отряда. Он спокойно приказал занять господствующие высоты, лежащие на восток и на юг от села, подчеркнув одновременно, чтобы начальники отдельных частей по возможности избегали кровопролития. Сам же, рискуя жизнью, при непрекращающейся стрельбе со стороны села, выехал вперед, делая знаки, что хочет вступить в переговоры. В результате стрельба прекратилась, и после переговоров пограничники решили сдать оружие. Таким образом без кровопролития отряду удалось отобрать 6 орудий, 24 пулемета системы «Максим», большое количество винтовок, снарядов, патронов и 150 кавалерийских лошадей. За первым крупным успехом отряда последовал ряд дальнейших успехов. Пример Пришиба показал остальным русским селам, что молодая азербайджанская армия стремится лишь насадить в пределах республики нормальный государственный правопорядок, не нарушая ничем в остальном спокойствия мирных жителей. Дальнейший путь отряда благодаря этому сопровождался

полным спокойствием. Русское население и пограничники сдавали пушки, пулеметы и казенных лошадей, не оказывая уже никакого сопротивления.

Таким образом, «церемониальным маршем», как выразился генерал Габиб бек Салимов, отряд дошел до села Пришиб до г. Ленкорани, население которого составляют исключительно азербайджанцы – мусульмане. Жители города устроили отряду торжественную встречу: во многих местах города были устроены триумфальные арки, несмолкаемые приветствия «Яшасын» были слышны до поздней ночи.

По распоряжению военного министерства 5-й п. Бакинский полк выделил один батальон, который был переименован в отдельный Ленкоранский батальон, долженствующий составить гарнизон г. Ленкорани. Отряд же в первых числах сентября 1919г. выступил обратно. Русское население по пути следования отряда встречало уже последний вполне доброжелательно, высказывая удивление, что азербайджанцы за такое короткое время создали такое организованное и дисциплинированное войско. 13 сентября 1919 г. отряд прибыл на станцию Аджикабул, где был расформирован, и полки двинулись в места своих стоянок.

5-й Бакинский полк по прибытии в гор. Баку спешно приступил к формированию 3-го батальона, взамен оставленного в Ленкорани.

Результатом похода была следующая выдержка из приказа по военному министерству, рисующая высокою дисциплину и выдержку Азербайджанской армии.

«2. Для занятия г. Ленкорани и восстановления в его районе порядка и утверждения власти Азербайджанского правительства мною был снаряжен и отправлен в Ленкорань отряд из 3 родов войск под командой начальника главного штаба генерала Габиб бек Салимова.

Расстояние в 430 верст от Аджикабула до Ленкорани по мало-водным степям. При сильной жаре наши молодые войска прошли за 15 дней без больных и оставших. Во время похода порядок в отряде не нарушался. Никому из местных жителей не нанесено ни малейшей обиды. Население попутных городов и деревень с великой благодарностью отзывается о коректном отношении со стороны офицеров и аскеров. В этом я лично убедился при посещении моем Ленкорани после ухода оттуда отряда.

Произведя на всех сильное впечатление своим истинно воинским видом и образцовой дисциплиной, отряд возвратил в лоно родного Азербайджана Ленкоранский уезд и Мугань с богатой военной

добычей, умиротворил и успокоил население, страдающее от насилия и анархии.

Выражаю от лица службы искреннюю благодарность генералу Салимову.

Благодарю командиров полков, вошедших в состав отряда, всех офицеров и санитарный персонал отряда за заботу о меньшем брате, за поддержание полного порядка в пути и на остановках.

Сердечное спасибо юным аскерам, показавшим себя молодцами и честными воинами в первом военном походе Азербайджанских войск»...

Приказ подписан был военным министром генералом от артиллерии Мехмандаром.

Зангезурский поход

Большевистские агенты не ограничивались натравливанием представителей одной нации против другой в Баку и Шемахе. Аналогичную работу они вели в Карабахе. Распропагандированное ими армянское население Зангезура не стало повиноваться властям и стремиться к отделению от Азербайджана. Умело играя на чувстве национальной розни, большевистские агенты грозили обратить Карабах в очаг анархии и произвола. Чтобы прекратить эту предательскую работу правительство Азербайджана в первых числах октября 1919 года постановило послать в Карабах отряд под командой генерала Джавад бека Шихлинского, долженствующий умиротворить край и освободить население от все усиливающихся анархии и бесправия.

В состав отряда входили: 1-й Джаванширский полк, 2-й пех. Загатальский полк, 2-й конный Карабахский полк и один артиллерийский дивизион.

Поход этот продолжался около 2 месяцев. Ибо стремление н-ка отряда поначалу было добиться умиротворению, не прибегая к кровопролитию. К сожалению стремление это не увенчалось успехом. Распропагандированное армянское население оказалось вооруженным не только винтовками, но и пушками, и пулеметами и приступило к сопротивлению отряду по всем правилам военного искусства. В результате и генерал Дж. Шихлинский вынужден был приступить к решительным действиям. Военные действия привели к тому, что повстанцы очутились под Дыгом, составившим их последний опорный пункт. Имея перед собой отряд генерала Шихлинского. Со стороны Шуши в это время двигались высланные в подкрепление нашим вой-

скам 5–й пех. Бакинский полк и батальон 3-го пех. Гянджинского полка, грозя повстанцам окружением. Тогда последние через армянское правительство обратились к английскому представителю в Грузии м –ру Шательворту, прося его посредничества.

Благодаря вмешательству английского представительства наше наступление было приостановлено приказом военного министра.

В карабахе наступило успоение, и части отряда двинулись на свои стоянки.

Празднование “Новруз байрамы” в марте 1920-года

По возвращении из Зангезурского похода части армии приступили к усиленной подготовке к предстоящему параду по случаю праздника Новруз байрама. Полки пополнялись людьми, получали обмундирование, проводились усиленные строевые занятия. Каждый полк хотел своей выправкой и экипировкой перещегоолять другие полки.

Наконец, наступил долгожданный Новруз байрам. В этот день в Баку на площади Военного министерства приняли участие в параде следующие части: Военное училище, 5 –й Бакинский полк, 6 –й Гейчайский полк, батальон 4-го Кубинского полка, 1 – й кон. Татарский полк, 2– ая артиллерийская бригада, кон. Горный арт. Дивизион, мортирный дивизион, 6 бронированных автомобилей, канонерки «Карс» и «Ардаган» (площадь с одной стороны оканчивается набережной), саперная школа и резерв полиции.

Улицы, окна и даже крыши домов на площади полны были народа.

Выправка и молодцеватый вид аскеров произвели на всех отличное впечатление. Восхищены были даже иностранцы, а у многих азербайджанцев показывались на глазах слезы радости.

Это был блестящий, но к сожалению, последний парад азербайджанских войск. Офицеры и аскеры никогда не забудут этого дня, в их ушах и сейчас звучат радостные звуки азербайджанского национального марша, которым войска встречали председателя правительства и любимого военного министра Мехмандара.

Вечером 20 марта офицеры вверенного мне 5– го п. Бакинского полка устроили банкет , на который были приглашены военный министр, начальники генерального и главного штабов, начальник 2 –й дивизии, а также все командиры частей. Которые принимали участие в параде.

Военный министр прибыл на банкет с опозданием (около 10 час. вечера) и сообщил. Что останется только на несколько минут. Так как в Кабинете министров состоится важное заседание. Затем, что – то сообщив генералу Салимову, он попрощался и покинул собрание.

После ужина – т.е. около 12 часов ночи – генерал Салимов попросил меня в отдельную комнату и сообщил мне приблизительно следующее: «Завтра в 11 часов утра вверенный вам 5-й п. Бакинский полк вынужден выступить на ст. Евлах. Дело в том, что вчера ночью армянские повстанцы, воспользовавшись тем что наши офицеры Шушинского и Ханкендинского гарнизонов праздновали байрам, устроили нападение на спящих аскеров. К счастью, повстанцы встретили должный отпор. Но им удалось все же захватить Аскеранский проход, так как вследствие малочисленности наш гарнизон не смог задержать повстанцев. Таким образом, единственная дорога, которая соединяет Карабах с остальным Азербайджаном, находится в руках мятежников. Нужно восстановить положение. Для этого правительство постановило выслать специальный отряд войск из трех родов, начальником коего назначен я – генерал Салимов. В состав отряда входят: вверенный вам 5 – пех. бакинский полк, 8 –пех. Агдамский полк, 1-й кон. Татарский полк, батальон 4 –го пех. Кубинского полка, два эскадрона охраны парламента, 2 –я артиллерийская бригада и мортирный дивизион».

Около 2 час. ночи генерал Габиб бек Салимов уехал, разъехались и остальные гости. Немедленно после этого я созвал командиров батальонов и начальника хозяйственной части и сделал необходимые распоряжения к завтрашнему выступлению.

В 10 часов утра 21 марта 5- пех. Бакинский полк выступил из Баку: вечером по железной дороге прибыл на ст. Евлах, где выгрузившись и пройдя до Агдама 85 верст прибыл в 2 часа дня.

Бой под Аскераном

Нагорный Карабах отделяется от остальной части Азербайджана сплошными горами, высота некоторых из них превосходит 2 версты. Единственная дорога, которая соединяет горный Карабах с Агдамом, проходит через старинную Аскеранскую крепость. Последняя, а также горы направо и налево от нее были заняты повстанцами, которыми лично руководил Дро – известный военный организатор армянских чет. Перед нашими войсками стояла очень тяжелая задача: необходимо было атаковать крепость и высокие горы.

Усиленной разведкой наш отряд выявил у повстанцев наличие

количества пулеметов сосредоточенных, главным образом, в самой крепости и на высотах расположенных восточнее нее.

2 апреля прибыл на фронт военный министр. И 3 апреля в 3.00 утра отряд без артиллерийской подготовки приступил к атаке прохода в Аскеране и высоты восточнее него. В 6 часов утра наша артиллерия приступила к обстрелу крепости и пулеметных позиций на высотах. (Оперативный приказ предусматривал поддержку артиллерии с началом выступления, но этому препятствовал до 6 утра густой туман). Большую услугу оказал в наступлении вверенному мне 5 пехотному Бакинскому полку артиллерийский дивизион подполковника Набибекова.

Офицеры и аскеры отряда, воодушевляемые присутствием военного министра, как на маневрах, шли вперед, несмотря на убийственный пулеметный и ружейный огонь повстанцев. Раздавалась громкая и уверенная команда «Ирели!» - «Вперед!». Артиллерия наша разрушала укрепление за укреплением. Повстанцы упорствовали. Нужно отдать справедливость – противник выказывал в этом бою необыкновенную стойкость и храбрость и вел кровавый бой.

Только к вечеру упорство противника было сломлено. 8 – Агдамский полк, под командой полковника Эфендиева, родом из Дагестана, и охрана парламента овладели крепостью; вверенный мне 5 – Бакинский полк штурмом взял высоты восточнее нее. В этом бою вверенный мне полк потерял убитыми и ранеными 40 человек. Был ранен командир 3-го батальона подполковник Кутателадзе.

Началось бегство повстанцев. 1-й конный Татарский полк, находившийся в резерве двинулся преследовать противника. Наступившая ночь остановила преследование.

В Агдаме начались торжества: звуки национального марша и крики «Яшасын» доходили до старой крепости. Расположенные на занятых позициях противника офицеры и аскеры также переживали торжественные и счастливые минуты.

К вечеру, после занятия крепости Аскеран, к войскам прибыл начальник отряда генерал Салимов. Он поздравил войска с победой. Передав благодарность военного министра офицерам и аскерам. Начальник штаба отряда, полковник Зейналзаде передал мне в частном разговоре, что, выезжая в Баку, военный министр при прощании, прослезившись, сказал: «Очень рад, что последние годы своей жизни я посвящаю родному народу: молодая армия оправдала мои надежды – задача выполнена блестяще. Передайте офицерам мою благодар-

ность, а молодцам аскерам – сердечное спасибо».

До рассвета отряда остался на занятой позиции. На рассвете приступили к преследованию противника. Повстанцы, потеряв под Аскераном все свои пулеметы и почти весь обоз отступили по направлению на Кешишкенд. Наш отряд к вечеру без боя занял Ханкенди и направился далее на город Шушу. По дороге отряд имел два столкновения с отступавшими частями противника: под селами Дашкенд и Шушукенд. Наконец, отряд подошел к селу Кешишкенд, где все говорило о том, что противник решил оказать серьезное сопротивление.

Местность, где расположено село Кешишкенд, сильно пересечена. Масса обрывов и скал окружает селение. Через эти естественные препятствия можно пройти к селу только по нескольким пешеходным и вьючным тропинкам. Достаточно десяти стрелков, занявших подступы к селу, чтобы задержать наступление батальона.

Задача, лежащая перед отрядом, была не из легких. Наше командование решило приостановить наступление, чтобы дать возможность подойти двигавшимся в помощь отряду подкреплениям. Части отряда расположились в городе Шуша и селе Дашкенд. Куда вскоре прибыли и ожидавшие в качестве подкрепления 1- пехотный Джаванширский и 2-й конный Карабахский полки.

12 апреля (1920) решено было атаковать село Кешишкенд. 1-й конный Татарский полк, батальон Кубинского полка и дивизион конно – горной артиллерии были заблаговременно посланы в обход. Около 11 часов дня началась артиллерийская подготовка, после которой 5-пехотный Бакинский и 1-й пехотный Джаванширский полки перешли в наступление. Разыгрался кровопролитный бой. В котором повстанцы были окончательно разбиты и отряд занял Кешишкенд.

Задача была выполнена, о чем начальник отряда телеграфировал военному министру.

В ответ генерал Шихлинский предписал отряду оставаться в Карабахе. Впредь до особого распоряжения, хотя уже со стороны повстанцев не было никакой опасности. Распоряжение это сыграло значительную в развитии дальнейших событий в судьбе Азербайджана.

В это время, когда азербайджанские войска громили враждебные силы, нарушающие внутренний порядок молодого государства, большевики разбив Деникина и ведя бой с горскими войсками в горах Кавказа, приближались к нашей границе часть деникинских войск нашла

убежище в Азербайджане, где была интернирована.

С приближением Красной Армии к границам Азербайджана местные большевики, представленные в парламенте ничтожным меньшинством, подняли головы. Началась усиленная подпольная работа, направленная на захват власти большевиками. Одновременно части Красной Армии сосредотачивались у границ Азербайджана. Против них стояли лишь два батальона 4-го пехотного Кубинского полка, два батальона 6-го пехотного Гейчайского полка и артиллерийский дивизион. Положение становилось угрожающим, и карабахский отряд (в составе трех полков пехоты, двух полков кавалерии и трех артиллерийских дивизионов) получил приказ немедленно двинуться на дагестанскую границу против большевиков. Части отряда уже грузились в Евлах, как получен был второй приказ за подписью генерала А.А. Шихлинского, отменяющий первый приказ и предписывающий отряду вернуться в Карабах. Впоследствии оказалось, что этот второй приказ был без ведома правительства сфабрикован большевистскими агентами при участии большевистствующих «политических знаменитостей».

Красная Армия, воспользовавшись своим громадным численным превосходством, переходит Самурчай и вторгается в пределы Азербайджана. Батальоны Геокчайского и Кубинского полков оказывают ей отчаянное сопротивление, но по своей малочисленности не могут задержать продвижение противника. 27 апреля Красная Армия занимает Баку – столицу Азербайджана. Сейчас же под охраной красных штыков формируется новое большевистское правительство; народный комиссар по военно-морским делам Чингиз Ильдрым издает циркулярное письмо, в котором просит командиров частей и офицеров оставаться на своих постах. В войсковых частях начинается брожение. Многие офицеры отказываются служить. Генерал Габиб бек Салимов увольняется со службы; начинаются аресты генералов и штабных офицеров в Баку, аресты и расстрелы общественных и политических деятелей – националистов, начинаются ревизии и грабежи. В Москву направляют поезда с награбленным азербайджанским частным и национальным добром.

В результате этого в скором времени по всему Азербайджану вспыхивает ряд восстаний. Население и воинские гарнизоны в Гяндже, Нухе, а также карабахский отряд начинают военные действия против красных частей. Вначале повстанцы действовали с большим успехом. Под городом Гянджа была уничтожена русская кавалерий-

ская дивизия. А в самом городе весь русский гарнизон в 5000 штыков был взят в плен. К сожалению, здесь нервы генерала Мамед Мирзы Каджар, руководившего движением не выдержали, и он на третий день, после такого блестящего начала, покинул Гянджу. В Карабахе движение против оккупантов развивалось также успешно. За три дня весь Карабах был освобожден от большевиков; красноармейцы сдавались тысячами, прося пощады. Целая дивизия ушла из Агдама под натиском одного батальона 5 - го пехотного Бакинского полка. Загаталы и Нуха также были очищены от большевиков.

Но этот народный порыв не принес ожидаемых, судя по началу, результатов. Отсутствие общего руководства, отсутствие связи между отдельными отрядами повстанцев, истощение военных припасов и продовольствия¹ - вот те причины, которые помогли большевикам подавить восстание, в начале в Гяндже и Загаталах, а затем и в Карабахе.

Но Карабахский отряд не сложил оружия. После блестящей победы и последнего боя под Бардой отряд отошел на Худаферинский мост и перешел в Персию. Отсюда некоторые части прошли в Турцию. Много офицеров, унтер-офицеров и аскеров карабахского отряда поступило на службу в Турции и Персии.

Перед приходом большевиков Азербайджан располагал европейски организованной армией в 30000 человек. В армии было 8 пехотных полков, 3 отдельных пехотных батальона, 3 конных полка, 3 артиллерийские бригады, конно-горный дивизион, мортирный дивизион, 2 бронированных поезда. 6 бронированных автомобилей, 2 канонерки («Карс» и «Ардаган») и 8 гидропланов.

Если бы вся эта армия была своевременно сосредоточена на границе с Дагестаном против большевиков, то оборона страны была бы обеспечена, тем более, что существовал оборонительный союз с дружественной Азербайджану Грузией. Малодисциплинированные и плохо организованные части 11 – Красной Армии в этом случае вряд ли вступили бы в пределы Азербайджана.

¹ *Военные припасы были сосредоточены в Баку и Кюрдамире, которые все время продолжали оставаться в руках большевиков.*

III ЧАСТЬ

ГЕНЕРАЛЫ-ЖЕРТВЫ 37-ГО

Пройдут сотни лет, а наши имена все ещё будут милы людям; и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами.

*Н.Т. Чернышевский
Полные собрание сочинений,
Т. XIV, М. 1949 г., стр. 456.*

ГЕНЕРАЛЫ - ЖЕРТВЫ 37-ГО...

Овладевшие полководческим искусством в мусаватской армии генералы Гамбай Везиров, Джамшид хан Нахичеванский, полковники Сейфулла Мехтиев, Муртуз Талыбзаде, Мамед Вейсов в тридцатые годы стремительно продвигались по служебной лестнице, командовали национальными полками и дивизиями.

Преданные Родине, обладавшие необыкновенным талантом наши высшие офицеры вышли из «шинели» таких знаменитых генералов как Самед бек Мехмандаров, Али ага Шихлинский, Мамед бек Сулкевич, Ибрагим ага Векилов, принц Эмир Кязым хан Каджар, Габиб бек Салимов.

Молниеносное возвышение азербайджанских военачальников стало причиной беспокойства в высших кругах советской империи. Чтобы уничтожить их, придумывались различные предлоги: пантюрист, мусаватский офицер, троцкист-зиновьевец и т.д. и т.п.

Началась массовая ссылка азербайджанских офицеров в Сибирь и на Соловецкие острова. Высокопоставленные офицеры - генералы были расстреляны в тюремных застенках. Национальные азербайджанские дивизии распущены.

В начале Великой Отечественной войны азербайджанские солдаты и офицеры, служившие в составе русских дивизий, подвергались неслыханным издевательствам, уничтожались. Тогда (в 1942 году) перед своей кончиной наш легендарный генерал Али ага Шихлинский выступил с предложением создать национальные дивизии.

Весьма прискорбно, что «хозяин республики» М.Багиров прозрел тогда, когда увидел, что для командования национальными дивизиями нет ни одного азербайджанского генерала, все расстреляны...

Меня давно волновала судьба наших военных деятелей, безвинно арестованных и расстрелянных в тридцать седьмом году. В тот период с особой жестокостью уничтожались самые искусные полководцы, во время следствия их безжалостно истязали, заставляли наговаривать друг на друга. Ни в республике, ни в азербайджанской дивизии не существовало «контрреволюционной организации», однако следователям удалось получить клеветнические, ложные показания. Все это произошло в результате применения силы, бесчеловечных пыток и свирепого наказания.

Когда сыновья, дочери, спутницы жизни, дальние и близкие род-

ственники репрессированных рассказывают об ужасных муках, которым подвергались наши офицеры, мне невольно вспоминаются слова Федора Достоевского: «Животное никогда не сможет стать таким жестоким как человек, не сможет так искусно и творчески совершать жестокости».

Дорогой читатель, если вы найдете время и прочтете эти заметки, то станете свидетелями непереносимых мучений и уничтожения наших достойных сыновей в военных мундирах.

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГАМБАЙ ВЕЗИРОВ

*Если не дотронешься до огня,
То как ощутишь его тепло.*

Низами Гянджеви

В тридцать седьмом году, когда начались аресты среди высшего военного командного состава, командующий армией Ока Городовиков (1879 – 1960) сказал маршалу Семену Буденному:

- Семен, забирают всех подряд. Чем все это закончится?

Не теряя сдержанности, Буденный отвечает:

- Забирают не всех, а только умных. Ни тебя, ни меня это не касается...

Ознакомившись с этим эпизодом, вспомнил о невинных жертвах среди наших высших офицеров. Такими умными, даровитыми военачальниками были командир дивизии генерал-майор Гамбай Везиров, командир бригады Джамшид хан Нахичеванский, комиссары Гейдар Везиров, Джабир Алиев, полковники Сейфулла Мехтиев, Джалил Алиев, Муртуз Талыбзаде, комиссар Шамистан Эюбов и десятки других... Эти полководцы имеют неоценимые заслуги в подготовке национальных военных кадров в двадцатые-тридцатые годы, укреплении обороноспособности нашей Родины. Среди них особое место занимает Гамбай Везиров. Этот доблестный командир выходец из авторитетного рода Кенгерли из Нахичевани, давших военной истории Азербайджана пять отважных генералов.

Арестованный в тридцать восьмую весну своей жизни Гамбай Мамед оглы Везиров родился 19 августа 1899 года в армянском городе Гюмри (впоследствии Ленинакан). Окончив семилетку в Иреванской гимназии, Гамбай в 1918 году был мобилизован и шесть месяцев проработал в Турции. В 1919 году, окончивший военное училище Гамбай,

Фото-карточка обвиняемого
Везирова Гамбая Мамед оглы,
под № 141
Суд. Дело за № 13896/1.

служит в национальной армии Азербайджанской Демократической Республики. С 1920 по 1922 год участвует в боях против дашнаков, ведущих борьбу против большевиков в Казахе, Джебраиле и Карабахе.

В чем же состояла вина Гамбая Везирова в тридцать седьмом году, добровольно перешедшего в большевистскую

армию в 1920 году, удостоенного впоследствии высшего звания генерал-майора и занимавшего ответственную должность командира дивизии?

Архивные документы указывают, будто он являлся руководителем националистической контрреволюционно-террористической организации. Основная ее цель состояла в организации вооруженного мятежа в Бакинском гарнизоне 77-й дивизии с последующим отторжением Азербайджана от СССР.

Хоть и с опозданием, но история доказала лживость подобных обвинений. Но когда внимательно анализируешь, размышляешь, приходишь к выводу, что «вина» такого талантливое военачальника как Гамбай Везиров состоит в стремительном продвижении по служебной лестнице. Этого страшилось всякого рода отребье, внутренние враги, занимавшие важные посты. Ведь был период, когда Гамбай служил рядовым в мусаватской армии. К тому же, в те годы он непосредственно участвовал в уничтожении дашнакских элементов в Карабахе, Казахе. А теперь, в 1937 году ему мстил начальник пятого отдела УГБ НКВД Азербайджана Аванесян. Этот дашнак был инициатором ареста и выдвижения необоснованных обвинений против Гамбая Везирова. Невольно чувствуешь боль в сердце, когда читаешь об эпизоде из статьи академика Зии Буниятова «Следственное дело номер 13896» о капитане Кеби Саниеве, репрессированном в тридцать седьмом году. 2 сентября 1955 года следователь Генеральной Прокуратуры СССР спрашивает у одного из подследственных:

Вопрос: - Скажите, применялись ли в отношении заключенных карательные меры в период вашей работы в НКВД Азербайджанской ССР?

Ответ: - Карательные меры (репрессии) в отношении заключенных применялись в возглавляемом мною отделе, но сейчас не могу сказать конкретно против кого. Помню, что били начальника полити-

ческого отдела Азербайджанской дивизии Алиева Джабира. Другие фамилии не помню. Алиева избивали, чтобы он дал нужные показания следствию, показания о «контрреволюционном центре», управляемом Везириным, Ахундовым и другими.

Вопрос:- Вы знаете Гамбая Везирова?

Ответ: - Знаю. Он был командиром Азербайджанской дивизии. Был арестован нашим отделом. Его дело вел лично бывший начальник пятого отдела Аванесян. Во время допросов Гамбая Везирова сильно избивали. Его бил лично Аванесян при мне и других сотрудниках отдела. Аванесян хлестал Гамбая плеткой и требовал, чтобы он дал показания о возглавляемом им контрреволюционном террористическом центре. Вначале Гамбай не признавал себя виновным, затем подвергшись сильным избиениям принял вину на себя и дал нужные показания. Я не бил Везирова Гамбая, но еще раз говорю, что являюсь свидетелем избиения его Аванесяном.

Вопрос: - Были ли основательными арест и обвинение Везирова Гамбая?

Ответ: - В то время среди дел, о которых я знал, не было ничего достойного внимания. Все дела фабриковались после допросов обвиняемых с применением пыток, и все эти дела были необъективными. В том числе дело Везирова Гамбая фабриковалось на ложных показаниях, полученных путем применения насилия и пыток в отношении его самого и арестованных лиц. Во время следствия заключенные не раз отказывались от своих показаний, однако их признания не принимались во внимание, не подшивались к делу. К делам подшивались только показания, выгодные следствию. Другие заявления и отказы арестованных никогда не подшивались к делам».

Был арестован не только Гамбай Везиров. Вместе с ним были подвергнуты аресту сорок человек из Азербайджанской дивизии, двадцать высокопоставленных азербайджанских офицеров военного комиссариата республики. Все они были расстреляны как «члены контрреволюционной военной организации».

Командира 77-й Азербайджанской дивизии, генерал-майора Гамбая Везирова расстреляли 13 октября 1937 года. Пули попали не только в Гамбая, но и в военную историю Азербайджана. В его лице мы потеряли одного из лучших азербайджанских военачальников. Рассказывают, что знаменитый генерал Али ага Шихлинский после гибели Гамбая держал траур и когда его спрашивали о причине печали,

отвечал: «расстреляли моего сына Гамбая, согнулась моя спина».

После ареста генерал-майора Гамбая Везирова такой же каре подверглись его жена - председатель женсовета Азербайджанской дивизии Иззет ханум Гиясбейли-Везирова и единственный сын Явуз, сосланные впоследствии в Казахстан. Пробыла она там восемь лет, вернулась больной и скончалась в Баку в 1976 году.

22 октября 1937 года Иззет ханум Исмаил ага кызы Везирова содержалась в Бакинской общей тюрьме. Была допрошена старшим оперуполномоченным 18-го отдела, лейтенантом государственной безопасности Мошечковым.

Вопрос: - С какого времени вы создали семью с Гамбаем Везириным?

Ответ: - Создали семью в 1920 году и с ним я прожила до его ареста, то есть до 27 июня 1937 года.

Вопрос: - Что вам известно о контрреволюционной деятельности вашего мужа Гамбая Везирова?

Ответ: - Мне ничего неизвестно о контрреволюционной деятельности Гамбая Везирова.

Вопрос: - Что вы можете добавить по делу?

Ответ: - Добавить ничего не могу. Показания написаны с моих слов. Честность мужа подтверждаю своей подписью.

2 ноября 1937 года следственное дело Иззет ханум Везириной как жены изменника Родины направляется на рассмотрение Особого Совещания НКВД СССР. Выписка из протокола Особого Совещания при НКВД от 9 декабря 1937 года:

Заслушано: с 6 октября 1937 года Иззет Исмаил кызы, 1903 года рождения, заключить в исправительно-трудовую колонию сроком на восемь лет, срок заключения считать с 6 октября 1937 года. Дело передать в архив.

После этого решения Особого Совещания Иззет ханум Везирова ссылается сроком на 8 лет в казахстанский город Акмолинск. Они поженились в 1920 году, спустя семнадцать лет расстались навсегда. Иззет ханум арестовали 5 октября 1937 года. 13-го числа того же месяца Гамбай был осужден по первой категории за контрреволюционно-террористическую деятельность и расстрелян.

Освобожденная из застенков в 1944 году Иззет ханум вернулась в Баку. Но ей не разрешили жить в столице, она вынуждена была уехать в Шемаху. Какой-то период проживала в этом городе. В 50-е годы получила разрешение вернуться в Баку. Иззет ханум вела борьбу

с «верхами» за признание невиновными себя и Гамбая Везирова.

В письмах из Казахстана Иззет ханум интересуется судьбой сына и признается, что сильно скучает по Родине. 14 апреля 1938 года она пишет письмо И.В.Сталину, где сообщает о невиновности своего единственного сына и просит его освободить.

Находясь в ссылке, единственный сын Гамбая Явуз Везиров пишет письмо Сталину. Пишет, что его отец расстрелян как «враг народа». Как представитель советской молодежи, желаю искупить вину отца. Разрешите в эти тяжелые для родины дни участвовать в сражениях за освобождение наших земель...

Воевавший в составе штрафного батальона Явуз Везиров героически погиб недалеко от Сталинграда в 1942 году. Ему тогда было всего двадцать два года.

Постановлением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 28 июля 1956 года командир 77-й Азербайджанской дивизии, генерал-майор Гамбай Мамед оглы Везиров посмертно реабилитирован.

В одной мудрой восточной поговорке сказано: слово, услышанное в детстве и изученная наука как письмо, нанесенное на камень. Ничто не может его стереть - ни ураганы лет, ни бури столетий. Когда в 37-м сгустились черные тучи, Фахраддину Везирову было 12 лет. Его детскую душу ранила невинная смерть дядей Гамбая и Гейдара Везириных. Навечно запечатлелись в памяти воспоминания о тех нелегких годах:

- Гамбай Везиров был сыном брата моего отца. Старший брат Садраддин был работником финансовой сферы. Имел даже ученую степень. Военнослужащим являлся и младший брат Гусейн, носивший погоны полковника. Дядю Садраддина как брата врага народа расстреляли в 37-м. А дядя Гусейн бежал из республики, поговаривают, жил в Грузии под фамилией Везирашвили. До сих пор нет никаких сведений о нем...

После всего случившегося непрерывно преследовали нашу семью, весь род. Выслали дядей Хагги и Кямала Кенгерлинских, деда. Когда схватили дядю Гамбая, мы находились на даче. Вернувшись, увидели, что в доме все перевернуто верх дном. Вещи выброшены во двор, исчезли все ценности, книги, рукописи. Начались нескончаемые муки.

И сегодня становится стыдно, когда вспоминаю об одном событии. Учился в шестом классе. Придя утром в школу увидел, что все

дети собрались перед входом. Директор подозвал меня и сказал, что надо выступить, выразить свое возмущение по поводу того, что дяди являются «врагами народа» и прилюдно отказаться от них. От имени всех членов семьи надо заявить, что они по-праву расстреляны как «враги народа». Иначе тебя не пустят в школу. А я очень хотел учиться. Пришлось поступить так, как повелевал директор...

Всего семнадцать лет прослужил в армейских рядах Гамбай Везиров и за это время прошел путь от рядового солдата до генерал-майора. Надо признать, что такое удается не каждому военнослужащему. Пожалуй, это редчайший случай в истории советских вооруженных сил, когда в тридцать три года человек нерусской национальности становится командиром дивизии и удостоивается звания генерал-майора. Обычно, в советской армии представителю иного народа высшее генеральское звание присваивали после отправки в отставку, или уже в преклонном возрасте. И то в исключительных случаях...

Весной 1932 года народный комиссар обороны СССР К.Е.Ворошилов телеграммой вызывает Гамбая Везирова в Москву и высоко оценивает его военную деятельность в Белоруссии. Приказом народного комиссара обороны №886 он назначается командиром Азербайджанской горно-стрелковой дивизии.

Гамбай очень уверенно продвигался по трудным дорогам овладения военным искусством. Еще в 1922 году 23-летний Гамбай как наиболее отличившийся политический руководитель приказом Военно-Революционного совета Отдельной Кавказской армии направляется на учебу в Военную академию имени Фрунзе. Гамбай Везиров стал первым азербайджанцем, получившим образование в этом прославленном учебном заведении. Спустя три года, в августе 1925 года, он назначается начальником Объединенного азербайджанского военно-политического училища. После проведенной аттестации по результатам годичной деятельности Гамбая Везирова, главный инспектор высших Военно-образовательных учреждений Краснознаменной Кавказской армии Артамонов писал:

«За время работы в течение года начальником училища проявил только положительные качества. Обладает большой волей, инициативностью. Уважающий себя, решительный, деловитый и хороший методист-преподаватель. Завоевал уважение курсантов, преподавателей и командного состава. Активно участвует в общественных делах, особенно в работе военно-научного общества. Не имея большого административно-практического стажа, благодаря способностям и

трудолюбию полностью справляется с должностью начальника училища» (Центральный Государственный Архив Советской армии, личное дело Г.М.Везирова №157-871. 1-я страница).

Напряженно трудившийся в сфере подготовки национальных военных кадров Гамбай Везиров во время второго выпуска курсантов училища в статье под названием «Сто семнадцать» с гордостью отмечал, что слушатели из рабоче-крестьянских семей способны продолжить самые лучшие традиции армии. Мы верим, что в лице ста семнадцати слушателей наши воинские части будут укомплектованы командирами взводов, обладающими всесторонними знаниями и командирскими способностями.

Гамбай Везиров далее пишет: «Одна из главных задач - повышение боеспособности национальных полков. Выпуск 15 сентября ста семнадцати слушателей из Объединенного азербайджанского военного училища не только имеет огромное значение, это достойный факт, привлекающий внимание широких масс рабоче-крестьянского общества. Новый выпуск принципиально важный шаг в деле подготовки кадров для национальных полков и укреплении их ядра».

В связи с военной реформой в октябре 1927 года национальные высшие военные учебные заведения Закавказья объединяются и перебрасываются в Тифлис. В тот же год Гамбай становится начальником штаба 3-й Кавказской стрелковой дивизии, расквартированной в Ленинакане. Под командованием талантливого командира Гамбая Везирова Азербайджанская стрелковая дивизия в августе-сентябре 1929 года успешно участвует в первых маневрах Отдельной Кавказской армии. За проявленное в этих маневрах мастерство награждается именованным оружием.

В ноябре 1930 года как лучший боевой офицер Гамбай Везиров назначается командиром 111-го стрелкового полка Белорусского военного округа и одновременно начальником гарнизона города Жиздра.

Начиная с 1925 года во всех аттестационных справках, выдаваемых Гамбаю Везирову, отмечается, что он хорошо освоил военное искусство, является отличным администратором, аккуратным и чутким командиром. В представлении командира дивизии Джамшид хана Нахичеванского, военного комиссара дивизии Гусейна Рахманова, военного комиссара Коробкина подчеркивается, что Гамбай Везиров способен командовать дивизией и даже корпусом.

Необходимо напомнить, что в становлении Гамбая Везирова как

талантливому военному деятелю большая заслуга принадлежит знаменитым генералам Али аге Шихлинскому и Самед беку Мехмандарову. Именно благодаря их мудрым рекомендациям и помощи стрелки, артиллеристы и кавалерия Азербайджанской национальной дивизии не только на тактических учениях в Аджикенте и Караязы, но и на Северном Кавказе занимала первые места.

В «Моих воспоминаниях» Али ага Шихлинский пишет, что в 1924 году по просьбе начальника Азербайджанского училища комсостава его назначают заместителем руководителя этого учебного заведения. В следующем, 1925 году, личный состав училища отправляют в лагерь недалеко от города Сурами. Здесь собрались курсанты военных училищ со всего Закавказья. В предшествующий год на этой местности проводились соревнования по стрельбе. Из-за неподготовленности азербайджанское училище не выступало на данном мероприятии. Это меня сильно затронуло. Мне было тяжело от того, что хорошо владеющие оружием наши юноши не участвовали в стрельбах.

На первом заседании научного комитета сказал, что обучать таким образом нельзя. Каждому курсанту надлежит выдать один патрон, сообщив о результате выстрела разъяснить причину непопадания в цель, для исправления допущенной ошибки позволить выстрелить повторно и т.д. Начальник школы приказал «отметить в протоколе замечания моего заместителя и неукоснительно этому следовать». С этого периода на учебных стрельбах мы стали «задавать работу» нашим курсантам. В конце лагерных сборов наш взвод завоевал первое место на соревнованиях по стрельбе. Таким образом, было удовлетворено мое азербайджанское самолюбие.

Внимательный читатель, наверное, обратил внимание, что автор в своих воспоминаниях не упоминает имя начальника училища Гамбая Везирова. Этому есть причины: Али ага Шихлинский написал свои воспоминания в 1942 году. В то время прошло всего пять лет после ареста Гамбая Везирова. В его биографии все еще оставалось клеймо «врага народа».

30 декабря 1935 года отмечалось 15-летие со дня создания Азербайджанской стрелковой дивизии. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета СССР дивизия удостоилась ордена Красного Знамени. А 27 января 1936 года группе азербайджанских солдат и офицеров были вручены ордена Красного Знамени. В числе награжденных находились командир дивизии Гамбай Везиров, комиссар Сабир

Алиев, командир полка Сейфулла Мехтиев, младшие командиры Рагим Асланов и Ильяс Вердиев. В связи с этим состоялось торжественное прохождение частей Бакинского гарнизона.

По воспоминаниям современников, среди комсостава того времени Гамбай Везиров был самым грамотным, отважным и умелым. Его боевой друг, бывший военком республики Агали Исмаилов пишет, что Гамбай Везиров, не будет преувеличением сказать, родился военачальником. Он непосредственно участвовал в претворении в жизнь ряда важных мероприятий в сфере организации воинских соединений и повышении знаний военных кадров. Приезжавшие на инспектирование из центра члены военного совета восхищались его многогранным талантом.

В своих свидетельских показаниях 3 мая 1956 года бывший офицер Азербайджанской дивизии Муса Гамид оглы Эйбатов сказал:

«Хорошо знал большинство командиров и политработников Азербайджанской дивизии. Я категорически отвергаю наличие какой-то контрреволюционной организации в нашей дивизии. Об этом говорил еще в 1937 году. Поэтому меня вначале исключили из партийных рядов. А затем как неблагонадежного человека уволили и из армии.

Гамбая Везирова знал как идейного, высококультурного, образованного, благородного и умелого командира. Наряду с требовательностью, генерал Гамбай Везиров проявлял заботу о солдатах и офицерах, искренне относился ко всему комсоставу, за что его любили и уважали все окружающие».

Славный сын нашего народа, ныне покойный генерал Аким Али оглы Аббасов прошел очень достойный армейский путь. В первые годы службы ему доводилось встречаться и работать плечом к плечу с доблестным командиром дивизии Гамбаем Везириным. Вот как вспоминает о своем начальнике генерал Аким Аббасов:

- Помню, в 1935 году наша дивизия только вернулась с военных учений. Часть совершила 420-километровый поход по хребтам Больших Кавказских гор. Проводили очередные занятия. Ко мне подошел боец и сказал: «Товарищ лейтенант, вас срочно вызывает командир дивизии Везиров». Не мешкая, направился в штаб. Кроме меня, здесь были еще четверо офицеров. Командир дивизии принял меня и сказал:

- Выражаю всем благодарность за активность, проявленную на летних учениях. Нарком обороны маршал Ворошилов награждает вас именными часами.

Гамбай Везиров поздравил нас. Вручил часы, пожелал новых успехов в боевой и политической подготовке. Подарок любимого командира и сегодня храню как бесценную реликвию.

В этом походе моя рота первой покорила вершину Казбека. За отличную подготовку бойцов к «наступлению» и «оборонительным боям» Гамбай Везиров лично вручил мне эту награду. Память о Гамбае Везирове очень дорога мне. В те годы его имя являлось символом самоотверженности, доблести для каждого азербайджанского бойца. На политических занятиях, военных учениях мы внимательно слушали каждое его слово. Он был не только пламенным оратором, искусно разбирался в тактических вопросах. В совершенстве знал боевую технику своей эпохи.

Большая заслуга незабываемого моего командира Гамбая Везирова в том, что в 1935 году меня, еще совсем молодого азербайджанского офицера, назначают на должность командира инженерной роты 4-го горно-стрелкового полка. Гамбай неустанно трудился над тем, чтобы повысить численность командиров-азербайджанцев в армии, национальных частях.

Появление журнала «Военные знания» связано с именем генерала Али аги Шихлинского. Журнал издавался по его инициативе. А газета «Красный боец» увидела свет благодаря инициативе комиссара Джабира Алиева. Гамбай Везиров и Джабир Алиев имели непосредственное отношение к открытию первого армейского клуба в Баку. Они были крепкими друзьями. Досадно, что оба стали жертвами тридцать седьмого года. Мы, молодые офицеры, с жадностью читали материалы на военную тему генерала Шихлинского, а также Гамбая и Джабира.

Генералы Гамбай Везиров, Джамшид хан Нахичеванский, комиссары Гусейн Рахманов и Гейдар Везиров прекрасно разбирались в вопросах военной теории. Гамбай переводил с русского на азербайджанский язык уставы, военную литературу. Выступал с публицистическими и научными статьями о национальной дивизии и соединениях в газетах «Красный боец», «Военные знания», «Коммунист» и «Бакинский рабочий».

Посвятивший свою жизнь с 1920 года укреплению оборонной мощи своей страны Гамбай Везиров, принимал активное участие и в общественно-политической жизни республики. Неоднократно выдвигавшийся в Центральный Комитет Азербайджана Гамбай Везиров избирался также членом ЦИК Закавказья и Центрального

Исполнительного Комитета СССР.

К сожалению, имя славного нашего военачальника было предано забвению. Один или два раза в семидесятые годы в газетах упоминалось о его дне рождения. Прискорбно, что автором сухих, бездушных, отдававших партийностью статей был армянин по национальности. Сегодня его имя увековечено лишь по одному адресу: средняя школа №6 в Нахичеване носит имя Гамбая Везирова.

В феврале 1989 года после телевизионной передачи «Хюняр» («Подвиг»), посвященной отважному командиру Гамбаю Везирову поступило множество писем. В редакцию пришла и бывшая соседка Иззет ханум Гиясбейли-Везировой Захида Мустафаева, которая рассказала о трагедии семьи генерала. Одно письмо было особенно трогательным и поэтому хотел бы вкратце ознакомить читателей с его содержанием. Письмо отправил хорошо известный в нашей стране аксакал ашуг Барат Ширванлы, служивший в свое время под командованием отважного военачальника. Он пишет: «14 января посмотрел вашу передачу (по просьбе телезрителей мы дали три передачи о генерале Г.Везирове). Одновременно и взгрустнул, и обрадовался. Обрадовался, что спустя хоть и пятьдесят лет вновь увидел своего любимого командира, теперь уже в эфире. Взгрустнул, потому что вновь вспомнил те годы. В этом пожилом возрасте не мог сдержать слез. После передачи тряслось все мое существо. И сейчас пишу вам письмо дрожащими пальцами...

В 1937 году проходил воинскую службу в Сальянских казармах. Вначале был денщиком капитана Шахтактинского. Командиром нашей дивизии был Гамбай Везиров. У него была лошадь по кличке Човгун, за которой я также присматривал. Эта красивая лошадь будто понимала человеческий язык. Я ее научил: после оседлания и взнуздывания слегка прикрикивал на нее - «иди, привези командира». И Човгун с уздечкой на седле из Сальянских казарм напрямиком направлялся к квартире Везириных на улице Низами. Два-три раза лошадь ржала, чтобы сообщить о своем появлении. Вот так каждое утро Човгун привозил на работу нашего любимого командира Гамбая Везирова. Човгун ни разу не заблудился, не потерял уздечку или седло.

Во время одного из политзанятий пришло известие о том, что арестован командир дивизии Гамбай Везиров. Утром, когда настало время седлать Човгуна, невозможно было слушать его громкое ржание, он дергался, подрагивал на месте. Со слезами на глазах оседлал

Човгуна, как всегда уздечку прикрепил к седлу. Проследил за тем, куда пойдет. Лошадь напрямик направилась во двор дома командира на улице Низами. Приблизившись увидел, что Човгун стоит с низко опущенной головой, из глаз его льются слезы. Не мог удержаться и я, горько заплакал. С большим трудом потягивая за уздечку, привел лошадь в казарму. Човгун никого не подпускал к себе. Ржание вставшей на дыбы лошади разносилось по всей казарме. Подбегал к зданию штаба, оглышительно ржал, кидался в сторону клуба, тренировочной площадки, метался по двору. Будто Човгун стонал во весь голос: «Где мой командир?» Никто не мог спокойно смотреть на несчастную лошадь. Все затыкали уши и торопились скрыться в помещении. Около недели Човгун не принимал пищу, беспрестанно стонал и, зачахнув, умер.

Такое вот было событие. Вспомнил о нем после вашей передачи...

КОМИССАР ГЕЙДАР ВЕЗИРОВ

В одну из мрачных ночей «черный ворон» въехал во двор дома комиссара Гейдара Садых оглы Везирова. Из автомашины вышли три тени - один остался возле входных дверей, двое других торопливо взбежали на второй этаж. Перерыли весь дом, не обращая внимание на дрожавших от страха младенцев. Человек с начавшими сесть висками открыл папку из меховой кожи, выложил на стол ордер на арест и стволом нагана указал на страницу: «подпиши здесь». Не проронив ни слова, комиссар Гейдар Везиров поставил свою подпись. Он знал, что в такой ситуации бесполезно оправдываться, защищаться. «Забрали двоюродного брата Гамбая, арестовали его семью. Теперь настал и мой черед...» Одел шинель. Сначала поцеловал четырнадцатилетнюю дочь Эльмиру. Девочка вся тряслась, обвив руками шею отца, давилась от рыданий. С трудом оторвал ребенка от себя, передал матери Лейле. Поцеловал в лоб старшего сына Гейдара, тихо прошептал «береги маму, сестру. Хорошо, хорошо, перестань, стыдно, ведь ты же мужчина». Сказав это, он сам еле сдержал слезы.

Так был арестован двоюродный брат Гамбая комиссар Гейдар Везиров. Как стервятники на добычу, враги набросились на лучших представителей нашего народа, людей со знатными родословными, проводили «чистку». В 37-м году был нанесен мощнейший удар по всем сферам жизнедеятельности азербайджанского общества - лите-

ратуре, искусству, сельскому хозяйству, промышленности. Особо чудовищные удары пришлись на нашу военную историю. Каждую ночь уходили в небытие армейские политработники, высокопоставленные офицеры, военные комиссары. Если бы не безвинные жертвы тех лет, то славой скольких генералов, адмиралов гордились бы мы сегодня. Наши офицеры, ставшие жертвами страшных преступлений Сталина, Берии, Багирова, подвергались необоснованным арестам, выбрасывались в заснеженные, без признаков жизни бескрайние степи Сибири и Казахстана, заточались в тесные, душные камеры-одиночки, их расстреливали без суда на основе ложных, клеветнических свидетельств.

В 1937 году под именем «пантюриста» был арестован один из первых создателей в 20-х годах военных учебных заведений в республике и второй после Алигейдара Караева военный комиссар Азербайджана Гейдар Везиров, работавший в то время народным комиссаром земледелия.

Из воспоминаний видного поэта, покойного ныне Касыма Касымзаде:

- Тогда мне было лет тринадцать-четырнадцать. Как сейчас помню беспокойные дни той эпохи. Пропускали через сито наиболее уважаемых, авторитетных в селе людей. Никак не забуду одно событие, имевшее место на моих глазах. Кажется, отмечалась годовщина установления Советской власти в Азербайджане. В селе проводилось торжественное собрание. В клубе, как говорится, яблоку негде было упасть. Мы, школьники, уступив свои места старшим, стояли в проходах. В то время после каждого доклада, выступления было в моде провозглашать здравицы в честь руководителей, комиссаров, начальников, начинавшиеся словами «да здравствует». Закончился очередной доклад, раздались аплодисменты. Вдруг вскакивает один колхозник - поливальщик Гусейн и громко кричит: «Да здравствует нарком земледелия Азербайджана товарищ Везиров!» Его приветствие было встречено жидкими рукоплесканиями. Оказывается, за день до этого Везирова разоблачили как «врага народа». Несколько аплодирующих тоже не знали об этом. В президиуме начался переполох. Поднялся председатель:

- Гражданин, возьми свои слова обратно!

Поливальщик Гусейн растерянно спросил:

- Почему я должен взять свои слова обратно, что случилось с товарищем Везириным?

- Значит, не знаешь, что произошло?

- Не знаю...

- Растреляют, тогда узнаешь...

Собрание подошло к концу. Все разошлись. И поливальщик Гусейн взял свою железную лопату, направился поливать хлопковые плантации. Не прошло и пары часов, как перед клубом притормозили два автомобиля. Из них высыпали сурового вида люди с десятизарядными револьверами в деревянных кобурах. Вскоре милиционер привел поливальщика Гусейна с засученными до колен брюками, измазанными глиной башмаками. Заставили его помыться. Принесли из дома туфли, еду на неделю, затолкали в машину. Бедный Гусейн ничего не мог понять. Все спрашивал:

- А что случилось с товарищем Везириным?!

- Вот у самого товарища Везирова и спросишь, что случилось?

С тех пор и исчез бесследно поливальщик Гусейн...

В тридцатых годах немало было таких глупых, безжалостных арестов. Многие семьи лишились главы, разорились дома. Отец, поужинавший вечером со своей семьей, наутро объявлялся «врагом народа». Поганые руки сумбатовых, борщовых, маркарянгов, григорянов пролили невинную кровь таких простых людей как поливальщик Гусейн. Из семей Гамбая и Гейдара Везириных, о которых мы повествуем, никто не остался в живых. Ссылки, тюремный режим нанесли непоправимый вред их здоровью, заставили преждевременно распрощаться с жизнью.

Имя Гейдара Везирова, верно служившего своему народу с 1913 года и до последних дней жизни, незаслуженно забыто, предано забвению. Его деятельность не нашла отражения и в Азербайджанской Советской Энциклопедии. Одна из причин ареста в составлении документов на русском языке. Очень часто его путают с Гамбаем Везириным. На русском языке имя Гейдар тоже начинается с буквы «г», как и Гамбай. Оба были военнослужащими. Поэтому многие исследователи иной раз приписывают Гейдару заслуги Гамбая Везирова. До сих пор ни разу не отмечалась годовщина со дня рождения Гейдара Везирова, не увековечено его имя.

Гейдар Садых оглы Везиринов родился в 1893 году в семье интеллигента в старинном нахичеванском селе Нехрам. Начальное образование получил в передовом очаге просвещения того времени - школе с особым уклоном под названием «Воспитание». В этой школе Гейдар Везиринов учился с будущими знаменитыми литературоведом Азизом

Шарифли, театральным деятелем Рзой Тахмасибом. Попечителем учебного заведения был известный просветитель Мамед Таги Сидги.

После окончания школы в Нахичевани, по совету Мамед Таги Сидги, отец Гейдара Садых киши определяет его в Иреванскую гимназию. Успешно завершивший учебу Гейдар в 1913 году сдает экзамены в восьмой класс гимназии. Но в связи с началом первой мировой войны Гейдар Везиров оказался в числе мобилизованных и короткое время получал образование в военном училище. В июне 1915 года сражавшийся в Галиции младший офицер Гейдар Везиров попадает в плен.

Три года пришлось Гейдару Везирову провести в неволе. В 1918 году между Россией и Германией произошел обмен военнопленными и он в рядах получивших ранение через Турцию вернулся на Кавказ.

С ноября 1918 года работает преподавателем в училище, готовившим младших командиров для Национальной армии Азербайджанской Демократической Республики. После апрельского переворота 1920 года Гейдар Везиров и личный состав военного училища переходят на сторону большевиков. В июне того же года вступает в ряды Коммунистической партии.

С той поры вся сознательная жизнь комиссара Гейдара Везирова была посвящена подготовке национальных военных кадров. Он назначается начальником военного училища.

В документах двадцатых годов указывается, что комиссар Гейдар Везиров с достоинством носит звание командира. Выпускники умело возглавляемого им Азербайджанского объединенного военного училища активно участвуют в боевых операциях против грузинских меньшевиков и армянских дашнаков. Это отчетливо проявляется в приказах председателя Азербайджанского Революционного Комитета Наримана Нариманова, народного комиссара по военно-морским делам Алигейдара Караева.

В рапорте, посланном Алигейдаром Караевым в Центральный Исполнительный Комитет 29 июня 1929 года, говорится: «Начальник военного училища, носящего мое имя (в те годы военное училище носило имя командира корпуса Алигейдара Караева - Ш.Н.) товарищ Везиров Гейдар Садых оглы до сего времени с исключительной самоотверженностью выполнял задачи по организации учебного заведения. Прошу наградить Гейдара Везирова как командира, умело справляющегося со своими обязанностями.

Училище во главе с товарищем Везировым в полном составе

принимало участие в боях с дашнаками в Губинском, Гянджинском и Казахском уездах, а также в Карабахе, потеряв несколько курсантов и одного командира. Последний поход училища состоялся в Грузию, во время наступления Красной Армии на Тифлис. Поэтому военное училище удостоилось Красного Знамени. Считаю целесообразным наградить командира училища Гейдара Садых оглы Везирова орденом «Красного Знамени».

В 1923 году Гейдар Везиров удостоился ордена “Красного Знамени” и почетной грамотой №6197. Комиссар Гейдар Везиров неоднократно награждался ценным именованным оружием за активную деятельность в военной сфере и борьбу с бандитизмом в уездах Азербайджана. В тяжелые для республики годы Гейдар Везиров совместно трудился с мужественными государственными деятелями и знаменитыми генералами Али агой Шихлинским, Самед бекком Мехмандаровым, майором Гаджи агой Ибрагимбейли. Служивший в двадцатые годы в Азербайджане генерал-лейтенант Александр Тодорский впоследствии в газете «Бакинский рабочий» (22 февраля 1958 года) писал о бесценных заслугах ряда выдающихся сыновей нашего народа: «Несмотря на прошедшие годы, я хорошо помню тогдашнего военного комиссара Азербайджана, обладавшего всесторонними военными знаниями, красивого, степенного Гейдара Везирова. Гейдар был порядочным, очень трудолюбивым человеком, горячо любившим свой народ».

В марте 1925 года для проверки тактической подготовки военных училищ и Азербайджанской дивизии в республику приехал начальник Главного управления военно-учебных заведений СССР, комкор И.Э.Якир. Талантливый военачальник особо отметил заслуги Гейдара Везирова в подготовке национальных военных кадров.

Напомним, в те годы Гейдар Везиров работал на нескольких ответственных должностях: был военным комиссаром Азербайджанской Советской Социалистической Республики. Он регулярно выступал со статьями по злободневным проблемам в периодической печати, посвященными военной тематике. Гейдар Везиров - автор интересных публикаций о подготовке к проведению военных учений, качестве боевых занятий, боевой тактике, разработке и печатании военных уставов.

Всего 44 года прожил комиссар Гейдар Везиров, но как военный деятель он имеет неопределимые заслуги перед нашим народом. В 1925 году работает председателем Гейчайского уездного исполнительного

комитета, спустя два года назначается народным комиссаром земледелия Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, а в 1933 году народным комиссаром земледелия Азербайджанской ССР.

Карательные акции Сталина в стране обескровили промышленность, сельское хозяйство, науку и просвещение. И Красная Армия, и Азербайджанская дивизия лишились лучших своих командиров. Под жернова репрессий попали командиры дивизий Джамшид хан Нахичеванский, Гамбай Везиров, комиссар Шамистан Эюбов (Сары Шамистан - Ш.Н.), полковники Сейфулла Мехтиев, Муртуз Талыбзаде, Абдулла Меликов и сотни других мужественных сынов Азербайджана.

В 1937 году в адрес народного комиссариата земледелия Азербайджанской ССР было выдвинуто нелепое обвинение в создании «контрреволюционно-буржуазной, националистическо-повстанческой, террористическо-вредительской организации». Этого показалось недостаточно, и руководителю комиссариата Гейдару Везирову прикрепили еще и ярлык «пантюкиста». Сотрудники НКВД добавили это слово, чтобы во время допроса наркома иметь на руках «основательные» улики. Ведь возвращаясь с первой мировой войны, Везиров прошел через территорию Турции. В 1918 году работал в мусаватском военном училище, к тому же большинство его сослуживцев по мусаватской армии нашли пристанище именно в Турции. На основе этих вымышленных доводов были уничтожены несколько работников комиссариата и нарком Гейдар Везиров вместе с семьей.

В ночь с 13 на 14 октября 1937 года вместе с генералом Гамбаем Везировым были расстреляны 26 высокопоставленных азербайджанских военнослужащих.

Не веришь своим глазам, когда читаешь отчет, отправленный Мирджафаром Багировым в Москву в 1937 году. К глубокому сожалению, это факт, а самое главное - документ. И у нас нет оснований не верить этому документу. Там указано, что как «враги народа» арестованы и впоследствии ликвидированы 32 секретаря районных партийных комитетов, 28 председателей районных исполнительных комитетов, 18 народных комиссаров и их заместителей, 88 командиров и военных политработников национальной дивизии.

БЕСЕДА С САХИБОЙ ХАНУМ

Баку, улица Алескера Алекперова, квартира Дадашевых. Здесь живет зять комиссара Солтангамида Пашаева - Хейрулла. Узнав о том, что жена необоснованно репрессированного в 1937 году Солтангамида Пашаева Сахиба ханум отправилась навестить внуков и правнуков к дочери Рафиге, решил встретиться с ней, ибо пока невозможно было найти второго человека, который хорошо знал бы о жизни и деятельности этого военного деятеля. Неслучайно говорим «пока», может после публикации нашего материала кто-то из бывших боевых друзей Солтангамида напишет более обстоятельное письмо.

Отмечу, что Сахиба ханум с 1932 года являлась членом коммунистической партии. Спустя двадцать три года после ареста мужа ее восстановили в партийных рядах.

- Сахиба ханум, когда арестовали вашего мужа Солтангамида, сколько лет было детям?

- Сыну Рафику было 10 лет. Я очень рано потеряла его. Розе - 8, Эльмире - 5, а Рафиге всего годик. Одним словом, была матерью одного сына, троих дочерей. После ареста Солтангамида не растерялась. Сохранила стойкость. Несмотря на все тяготы, вырастила детей. Все они учились, получили высшее образование. Потеряла только горячо любимого Рафика. Сейчас у меня семь внуков, четыре правнука. Спасибо им, не уронили честь семьи. Все с высшим образованием. Таир - врач, а Гюльнара - кандидат наук.

- Что запечатлелось в вашей памяти от тех кошмарных дней?

- С Солтангамидом поженились в 1926 году. Жили, что называется, душа в душу. Он работал в комиссариате. Пользовался уважением и почтением среди окружающих. Прошло немного времени и его назначили военным комиссаром в Шемахе. Наступил 37-й год, каждый день доносились вести: «Такого-то забрали, такой-то оказался врагом народа». И все эти люди были почитаемы в обществе, верой и правдой служили партии и народу. Все пребывали в оцепенении, тревожном ожидании. Когда наступал вечер, подкрадывались сумерки и раздавались шорох или треск говорили, что пришли за очередной жертвой. Скольких достойных сыновей увез в небытие этот проклятый «черный ворон». Эх, большое это горе, сынок. Сколько наших безвинных людей расстреляли с клеймом «враг народа».

- Наверное, помните день, когда арестовали Солтангамида. Когда произошло это ужасное событие?

- Был август 1937 года. Точнее сказать, 17 августа. Я с детьми отправилась в село Сулут. Солтангамид должен был вернуться к вечеру. В Шемахе проходило собрание, поэтому он задержался. 18 августа собирались отметить день рождения Розы. Солтангамид обещал явиться рано. В селе зашла к знакомому учителю, попросила патефон, чтобы повеселиться с детьми. Под разными предложениями отказал. Он как-то загадочно, двусмысленно говорил со мной. В недоумении возвращалась домой. По дороге встретила работника милиции Алашрафа. Он возвращался из Шамахи. Давно не виделись, хотела поговорить с ним. Но Алашраф опустил голову и с тоской в голосе сказал: «Брата моего Солтангамид арестовали». Больше ничего не помню...

Наутро засобирались, приехали в Шемаху. Узнала, что мужа забрали во время собрания. Вместе с ним были арестованы первый секретарь райкома партии Халифа Гусейнов, второй секретарь Авалов, заведующий земельным отделом Юханов, директор винодельческого совхоза №6 Алисахиб Мамедов, прокурор района Ахмед Амиров, председатель Падарского сельского совета Бабалы Багиров.

Одним словом, будто метлой вымели всю шамахинскую интеллигенцию. Если в доме находили книги или рукописи с арабским алфавитом, то человека арестовывали и подвергали наказанию как пантюркиста, панисламиста.

Попросила председателя НКВД Шабанбекова вернуть ключи от дома. Здесь же находился Сумбатов-Топуридзе. Он с неприязнью посмотрел на меня: «Кажется, ты пришла своими ногами, убирайся отсюда, не то и тебя сейчас арестую». С того дня и начались наши мучения...

- Сахиба ханум, в чем заключалась «вина» Солтангамиды?

- Потом мне стало известно, что какого-то кладовщика под пытками заставили оговорить Солтангамиды. Будто он сказал, что в кабинете Солтангамиды мы часто проводили собрания. Под руководством комиссара Пашаева готовились к вооруженному мятежу. Он учил нас стрелять. Комиссар Пашаев освободил меня от призыва в армию, чтобы я активно участвовал в работе организации. Я приобретал для организации оружие.

- Свидания разрешались?

- Нет. Дважды в месяц принимали «передачи». Было запрещено передавать еду, продовольствие. Разрешали лишь приносить одежду для смены. Однажды каким-то образом неизвестный человек доставил от него клочок бумаги. Солтангамид писал: «Сахиба, я - не враг народа. Моя совесть чиста и ничем не запятнана. Объясни это детям, пусть ходят с высоко поднятой головой». Когда пришла в третий раз

сказали, что Солтангамида осудили на 20 лет. А затем добавили, мол, муж ваш расстрелян, и больше нет смысла приходить сюда...

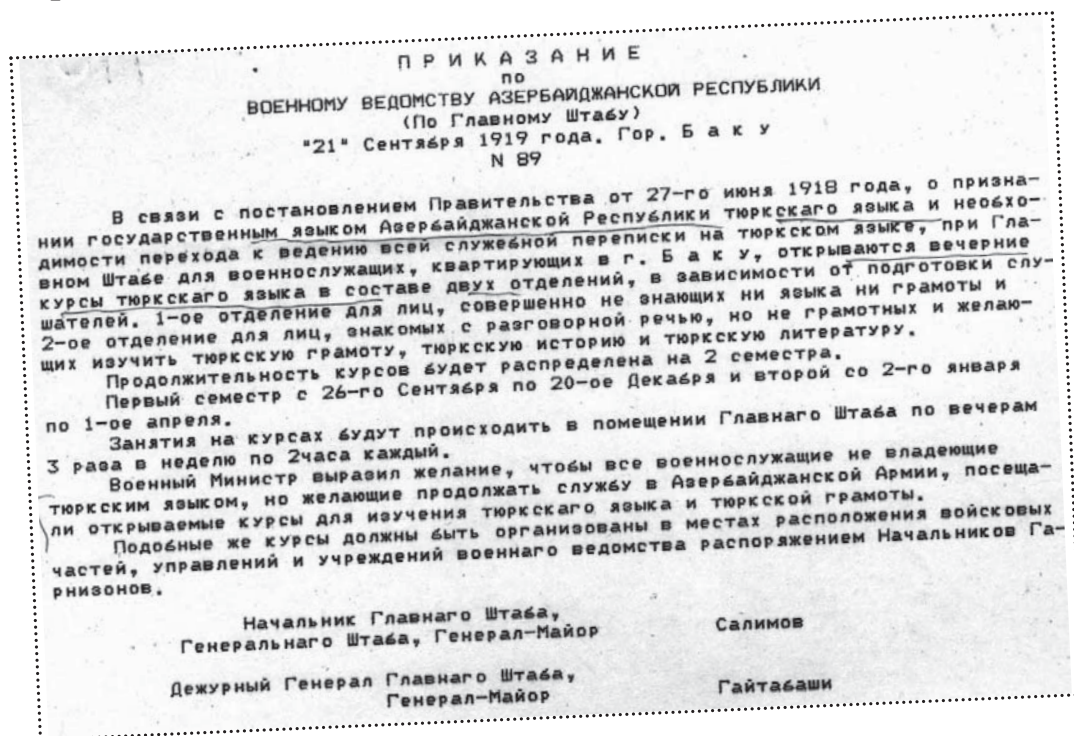
Когда услышала «расстрелян», потеряла сознание. Не помню, сколько времени находилась в беспомощности. Но взяла себя в руки. Вспоминала, что нахожусь в окружении врагов. Подумала о детях. Спасибо дальним и близким родственникам, в те годы хоть и скрытно, но помогали семье «врага народа».

Супруга Солтангамида Пашаева Сахиба ханум мужественно перенесла навалившуюся беду, вырастила и воспитала дочерей Розу, Эльмиру, Рафигу, достойно прошла по дороге жизни, не уронив чести мужа-комиссара, престижного интеллигентского рода.

Смотрел на побелевшие раньше времени от невзгод волосы Сахибы ханум, ее лучезарные глаза и вспоминал слова нашего мудрого просветителя Аббаскулу аги Бакиханова: «Порядочная женщина для мужчины ни с чем не сравнимое сокровище».

Напомним, что Солтангамид Джебраил оглы Пашаев родился в 1898 году в семье шемахинских интеллигентов. Начальное образование получил в реальном училище, впоследствии окончил Азербайджанское военное училище. Как офицер, верой и правдой служил в армии, работал председателем Баскальского районного исполнительного комитета, помощником комиссара в военкомате Гейчайского района (1925-1930 гг.). Неоднократно награждавшийся за военную деятельность Солтангамид приходился двоюродным братом знаменитому поэту Магомеду Хади (1879 – 1920).

Комиссар Солтангамид Пашаев был расстрелян в ночь с 3 на 4 января 1938 года.

ГЕНЕРАЛ ДЖАМШИД ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ (последний генерал рода Кенгерли)

Если Азербайджан думает о своем суверенитете, полной свободе, он в первую очередь должен думать о собственной национальной армии, национальных офицерах. Обо всем этом я думал. Двадцать пять лет назад я высказал мысль о создании не имеющего подобия, не имеющего аналога специализированной военной школы. Мы создали эту школу. Действительно, спустя двадцать пять лет с того времени, в числе прочих дел я сам высоко оцениваю этот шаг, эту инициативу.

**Гейдар Алиев, Президент
Азербайджанской Республики
(из интервью 1990 года)**

Все, что свершается в первый раз, бывает красивым и запоминающимся. Первый учитель, первый генерал, первый космонавт, первая любовь... Они сладки и близки как первый ребенок. Сегодня, когда речь заходит об офицерском составе славной военной истории, невольно вспоминаются выпускники военного лицея имени Джамшид хана Нахичеванского.

Мы должны гордиться, что вышедшие из «шинели» Джашид хана офицеры в рядах Национальной Армии Азербайджана с честью воевали за освобождение наших земель от захватчиков.

Известный полководец Али ага Шихлинский в июне 1918 года заложил основу юнкерской школы в Гяндже. Создание в тисках тоталитарного режима такой школы второй раз довелось Гейдару Алиеву в 1971 году. Безусловно, вдыхавшие горький вкус атмосферы тех лет прекрасно понимают, не то что открытие школы для воспитания национальных офицеров, но даже попытка думать об этом, требовали огромного мужества и риска. Гейдар Алиев по справедливости достоин безграничной любви нации.

Джамшид Нахичеванский является последним генералом из рода Кенгерли. Его предки Эхсан хан, Кялбалы хан, Гусейн хан и Исмаил хан умерли своей смертью в преклонном возрасте. Судьба опре-

делила Джемшид хану жизнь в сорок три года. Двадцать три из них пришлось на военную деятельность. В расцвете сил и таланта стал одним из невинных жертв тридцатых годов. Против Джемшид хана было выдвинуто обвинение в организации и руководстве «группой диверсантов», которая якобы наладила тесную связь с братьями Давуд ханом и Кялбалы ханом, служившими в шахской гвардии Ирана. После установления советской власти в Азербайджане оба брата получили официальное разрешение, и уехали в Иран. Вскоре завоевали популярность там и получили высокие должности. Но в тридцатые годы шах потерял доверие к ним. Причина – их брат Джемшид хан Нахичеванский служит командиром бригады в Красной армии. Некогда их отцы-деды воевали против Ирана в составе русских войск. Видимо, об этом доложили шаху. По этому он приказал расстрелять братьев. А на этой стороне, в мае 1938 года арестовали Джемшид хана. 26 августа он был расстрелян. Это произошло через четыре года после убийства братьев в Иране. В то время Дж. Нахичеванский был начальником кафедры общей тактики Военно-политической академии имени М.Фрунзе в Москве.

Из обвинения двенадцатого августа 1938 года «злостного врага Советской власти» Джемшид хана Нахичеванского:

Первое – активный участник Азербайджанской антисоветской националистической организации Азербайджанский Национальный центр. Привлечен в организацию Караевым.

Второе – принимал активное участие в разработке плана свержения советской власти в Азербайджане и отторжении Азербайджана от Советского Союза, лично подготовил план военного восстания в Азербайджане.

Третье – установил связь с служившим в армии Ирана братом, иммигрантом Кялбалы ханом. Поручил брату при начале восстания в Азербайджане направить на помощь военные отряды из числа иммигрантов.

Четвертое - после освобождения из-под ареста в 1931 году¹ прибыл в Москву и вновь установил связь с Караевым. Усилил свою антисоветскую деятельность в Азербайджанском Национальном центре и принял активное участие в делах центра.

¹В качестве активного участника антисоветской националистической организации Джемшид хан был арестован 22 февраля 1931 года Особым отделом Главного политического управления Закавказья – Ш.Н.

Пятое – держал непосредственную связь с антисоветским военным покушением и заверил их в оказании конкретной помощи Азербайджанскому национальному центру.

Шестое - занимался шпионажем с 1921 по 1926 год, через бывшего председателя Азерхлопка Мамеда Гаджиева, передавал брату Кялбалы хану секретные сведения об армии (РККА).

Через четырнадцать дней после предъявления обвинения Военная коллегия Верховного суда СССР провела закрытое заседание. Заседание под председательством В.В.Ульриха с участием трех свидетелей длилось всего 15 минут и завершилось в 12.50, с вынесением смертного приговора. После чтения приговора ему было предложено сказать последнее слово. Получивший тяжелые раны в результате избиения Джамшид хан отказался что-либо говорить. Да и какой смысл... В ту же ночь генерал был расстрелян в Москве.

* * *

«За ним пришли ночью. Для проведения обыска нужны были понятые. Дворник отказался быть свидетелем: «Будь любой – пойду, только не Нахичеванский. Как я ему в глаза смотреть буду?». Один из тех, кто прибыл на черной «эмке» с орденом на арест, поспешно поднялся по лестницам.

Запахаясь, сказал открывшей дверь хозяйке: «Прячьте ценное, что есть». Командир бригады Красной армии из ханской династии не был человеком, жадным до денег, предметов. Прощаясь, он поцеловал сонные глаза дочери Алии, обнял жену и сказал: «Береги себя и детей. Я ни в чем не виновен. Скоро вернусь». Он вернулся, спустя многие годы. Вернулся, чтобы навечно остаться в памяти народа» (Григорий Аксельрод. Командир бригады ханского происхождения. Газета «Неделя», №17, 1988 год).

Кровь застывает, когда знакомишься с документами расстрелянных в годы репрессий командира бригады Джамшид хана Нахичеванского, командира дивизии Гамбая Везирова, полковника Джалила Алиева, Сейфуллы Мехдиева, Галиб бека Векилова и Солтангамида Пашаева, слушаешь воспоминания членов семей и их выживших современников генерал-майора Акима Аббасова, профессора Эйюба Аскерова. Обидно, что в деятельности этих героев-командиров не просматриваются ни крупинки недоверия к новому строю, нет ошибок или недостатков. Так, почему пролита невинная кровь, почему семьи подвергались тысячам невзгод в ссылках? Почему Сталин и его подручные – Берия, Багиров уничтожали выдающихся полковод-

цев при кровавой «чистке»? Вопросы, вопросы... Найти ответы на них трудно.

В тридцатые годы уничтожались сады, ибо их разбили беки, а потому плоды нельзя было есть. Сносились здания, так как они строились беками, ханами. Закрывались мечети и учреждались союзы Безбожников. Вырезали сыновей потому, что они были представителями бекских, ханских родов, служили правительству Мусавата.

Сегодня эти ошибки истории признаются, жертвы репрессий тридцатых-сороковых годов, а также начала пятидесятых, получают оправдание. В их честь возвышаются памятники, их имена присваиваются улицам, площадям. И наконец, молодежь, хотя и с опозданием, выполняет нравственный долг перед памятью отцов и дедов.

Не имевший никакой «шпионско-диверсионной группы» (такой организации вообще не существовало), не поддерживавший отношений с братьями в Иране Джемшид хан также стал жертвой ставшего нормой страшного беззакония.

Тревога смутных лет

... В Нахичеване немало передовой интеллигенции. Я с уважением вспоминаю и представителей рода Кенгерли. Из этого рода вышли ряд известных интеллигентов. Бекюк хан, генерал Исмаил хан, Гусейн хан, Джафаргулу хан, Мамедкулу бек, Мамед ага Шахтахтинский, художник Бахруз Кенгерли могут быть примером тому. Нахичеванцы верят этим людям, обращались к ним в сложных ситуациях. Отмечу также, что известный генерал Джемшид хан Нахичеванский является достойным представителем этого рода.

*Али Сабри (1892 - 1983),
прозаик, переводчик*

Род ханов Кенгерли подарил миру вписавшего золотые страницы в военную историю Азербайджана Джемшид хана 15 августа 1895 года. К семи годам мальчик у матери Фярянтадж ханум научился писать по-азербайджански, а у няни Анны Ивановны Николаевой –

говорить на русском и французском языках. Отец, офицер царской армии Джафаргулу хан отдал восьмилетнего Джамшида в юнкерскую школу в Тифлисе. 8 ноября 1914 года его направили в гвардейскую школу в городе Елизаветград (ныне Кировград) в Восточной Украине. В том же году окончил школу в звании прапорщика. В годы первой мировой войны Джамшид хан назначается командиром татарского конного эскадрона, сформированного из мусульманского населения империи. В ходе боевых действий он проявил лучшие качества военного начальника. За участие в Брусиловском прорыве Джамшид хан был удостоен ордена Святого Георгия четвертой степени. Он трижды был ранен на австрийском и румынском фронтах, за боевые заслуги в период с февраля 1916 года по январь 1917 года был награжден серебряным Георгиевским оружием, орденами Святой Анны второй, третьей, четвертой степеней, Святого Станислава второй, третьей степеней. После распада южно-восточного фронта штаб-ротмистр Нахичеванский со своим конным полком вернулся в родной Азербайджан.

15 сентября 1918 года турецкие войска совместно с Отдельным азербайджанским корпусом освободили Баку от врагов. За независимость Азербайджана в рядах корпуса мужественно сражался и Джамшид хан. Размещавшийся в живописнейшем уголке Азербайджана – городе Шуше полк Джамшид хана Нахичеванского в марте 1920 года активно участвовал в боях против остатков дашнаков и внутренних врагов.

Через несколько дней установления советской власти в Азербайджане председатель Совета народных комиссаров направил срочную телеграмму в Шушу. Началась организация частей национальной армии. Карабахский кавалерийский полк под командованием Джамшид хана Нахичеванского добровольно перешел на сторону новой власти и под названием Первый рабоче-крестьянский полк вошел в состав XI армии. Подполковник Джамшид хан Нахичеванский был назначен заместителем начальника, а затем начальником первой Азербайджанской объединенной командной школы. Его успешная служба всегда положительно отмечалась в характеристиках.

Преданность народу, Родине талантливого полководца высоко оценивалась командующим XI армией М.К.Левандовским, членом Военного Революционного Совета армии С. Орджоникидзе, Военно-морским народным комиссаром Азербайджана Алигейдаром Караевым. Из характеристики, выданной Джамшид хану Нахичеванскому коман-

дующим армией М.И.Левандовским 14 марта 1921 года, читаем:

«С позиции оперативного, тактического управления достоин командовать всеми частями, включая корпус. Спокоен, уравновешен, активен и инициативен. Избран в состав ЦИК Азербайджана и Закавказья. Полностью соответствует должности командира дивизии».

Пройдут годы. В черные метели тридцать седьмого года меньше стало доверия и таким известным военным командирам как М.К.Левандовский. В марте 1938 года и он был арестован. 23 марта чекисты заставили его дать показания против Джамшид хана: «У меня сложились дружеские отношения с Джамшид ханом Нахичеванским с 1927 года. Именно в это время - в 1927 году Нахичеванский был привлечен в буржуазно-националистическую контрреволюционную организацию бывшим секретарем ЦК Азербайджана Караевым (Алигейдар Караев – Ш.Н.). Об этом говорил лично сам Караев. Одновременно, он мне сообщил, что для поднятия авторитета Нахичеванского необходимо принять его в ряды КПСС. Караев в своем кабинете собственноручно подготовил рекомендацию коллектива. Не могу вспомнить, кажется и бывший секретарь Бакинского городского комитета партии Левон Мирзоян поставил подпись. На посвященном Нахичеванскому собрании ЦК АКП(б) было принято решение, чтобы я «лично» в открытой форме поговорил с ним. Я вызвал Нахичеванского к себе в отель «Европа». Сказал все обвинения в его адрес. То есть, обвинил его в связях с работающим губернатором дядей и шпионской деятельности. После того как я напугал Нахичеванского, я предложил ему вместе работать со мной как член контрреволюционной организации бывших офицеров. Нахичеванский дал согласие. Я посоветовал ему с целью отвода от себя подозрений выступать на собраниях, лицемерить, на словах стоять на позиции защиты советского правительства. После этого Нахичеванский сообщил мне, что он привлек в организацию бывшего командира азербайджанского полка Вейсова² и других».

²Полковник Мамед Керим оглы Вейсов (1900-1972) окончил краткосрочные курсы в военной академии имени М.В. Фрунзе и военную академию имени В.И. Ленина. В тридцать седьмом году был арестован, провел девять лет в ссылке в Сибири - Ш.Н.

ПРОТОКОЛ
допроса арестованного Нахичеванского
Джамшида Джафаровича

От 12 августа 1938 г. Нахичеванский Джамшид Джафарович, 1895 г. рождения, уроженец города Нахичевани, по национальности азербайджанец, гр-н СССР, беспартийный, происходит из семьи хана, в царской армии был в чине подполковника, в Мусаватской армии командовал полком. В 1931 году арестовывался органами ОГПУ. До ареста был преподавателем кафедры тактики Академии имени Фрунзе – комбриг РККА.

Вопрос: В 1931 году Вы были арестованы органами ОГПУ. Скажите за что Вы были арестованы?

Ответ: В 1931 году, будучи командиром Азербайджанской дивизии, я был арестован органами ОГПУ, находился под следствием несколько месяцев, а затем был освобожден.

Мне были предъявлены обвинения в том, что я являлся как будто бы участником антисоветской Азербайджанской националистической организации.

Вопрос: Вы сознались тогда в своей антисоветской работе?

Ответ: Нет, так как я ни в какой антисоветской Азербайджанской националистической организации не состоял.

Вопрос: В какой должности Вы служили в Мусаватской армии?

Ответ: В Мусаватской армии я служил с начала ее организации и до 1920 года в должности командира кавалерийского полка. В 1920 году я перешел на сторону советской власти!

Вопрос: Следствие располагает достаточно проверенными материалами, изобличающими Вас как активного участника антисоветской Азербайджанской националистической организации.

Требуем прекратить заперательство и рассказать о своей преступной деятельности.

Ответ: Считаю дальнейшее заперательство бессмысленным, так как вижу, что следствие располагает достаточными материалами, изобличающими меня: Я действительно являюсь участником антисоветской Азербайджанской националистической организации под

названием Азербайджанский национальный центр (АНЦ).

Вопрос: Кем, когда и при каких обстоятельствах Вы были завербованы в Азербайджанский национальный центр?

Ответ: В Азербайджанский национальный центр я был завербован в 1924 году бывшим секретарем ЦК КП(б) Азербайджана – Алигейдаром Караевым. Должен оговориться, что обработка меня Караевым началась значительно раньше, относится она примерно к 1921 году, когда я впервые познакомился с ним.

В сентябре 1921 года после назначения Караева народным комиссаром военных дел Азербайджана, он вызвал меня к себе и предложил мне принять командование Азербайджанской дивизией (до этого я работал заведующим хозяйством Азербайджанской военной школы). Я пытался отказаться, Караев пригрозил мне и я принял дивизию.

Вступив на эту должность, я встретил большую поддержку со стороны Караева и его отношение ко мне было самое внимательное. Таким хорошим отношением он меня подкупил, и я стал преданным ему человеком.

В разговорах Караев всегда старался внушить мне непрочность моего положения в рядах РККА, как бывшего хана и мусаватиста. Так продолжалось до 1924 года.

В 1924 году в одном из разговоров он сообщил мне, что в Азербайджане существует антисоветская националистическая организация, которая носит название Азербайджанский национальный центр (АНЦ), предложил мне войти в него, на что я дал свое согласие.

Вопрос: В чем конкретно выражались задачи Азербайджанского национального центра?

Ответ: Основной задачей Азербайджанский национальный центр ставил свержение советской власти, отделение Азербайджана от Советского Союза и восстановление в Азербайджане капиталистического строя во главе с национальным буржуазным правительством.

Вопрос: Каким образом мыслилось выполнить эту вражескую антисоветскую задачу?

Ответ: Путем вооруженного восстания.

Вопрос: Что для этого было проделано?

Ответ: Для подготовки вооруженного восстания Азербайджанским национальным центром была проделана большая работа; был создан военный центр, который возглавлял работу по подготовке восстания и в момент восстания должен был руководить им.

Вопрос: Кто входил в этот военный центр?

Ответ: В состав военного центра входили следующие лица: Чингиз Ильдырым, Я - Нахичеванский и Галиб Векилов.

Вопрос: Продолжайте показания о работе проведенной Азербайджанским национальным центром и военным центром по подготовке вооруженного восстания.

Ответ: Военный центр разработал подробный план вооруженного восстания, который был обсужден и утвержден на одном из заседаний военного центра. Заседание это происходило на квартире Чингиза Ильдырыма, где присутствовали: Чингиз Ильдырым, Фируз бек Ордубатский, я - Нахичеванский, Г.Векилов, Тагиев и Новрузов. Информацию о плане подготовки вооруженного восстания готовил я Нахичеванский.

План вооруженного восстания заключался в следующем.

Вооруженное восстание приурочивалось к началу войны СССР на западе или на востоке. Было известно, что с началом войны уходила из Азербайджана 2-я Степинская дивизия. В Азербайджане, кроме Азербайджанской стрелковой дивизии, оставался 24 полк ГПУ, который охранял промыслы Азнефти и Каспийский флот.

По плану захвата города предполагалось в первую очередь обезоружить 24 полк АзГПУ и захватить правительственные учреждения, почту и телеграф; город разбивался на сектора.

Для выполнения этих задач в распоряжении военного центра имелось два стрелковых полка Аздивизии, артополк Аздивизии, сапрота, батальон связи и кавэскадрон Аздивизии. Если в смысле численного состава все обстояло более или менее благополучно, то в смысле социального и национального состава не все обстояло благополучно. Нужно сказать, что 3-й Бакинский полк Аздивизии состоял больше чем на 50 % из русских и больше чем на 60-70 % - из рабочих. В других частях дивизии был также большой процент рабочих и красноармейцев не тюркской национальности.

Поэтому важнейшей задачей считалось увеличить тюркский состав дивизии за счет сокращения русских красноармейцев.

Особой работы по подготовке красноармейского состава Азербайджанской дивизии вести не требовалось, так как ставка делалась на природу красноармейца-тюрка, на его беспредельное доверие старшему начальнику.

Поэтому основным стоял вопрос о подборе командных кадров, который был поручен мне. С этой задачей удалось справиться.

Во главе артполка стоял бывший офицер Мусаватской и царской армий Новрузов, начальником штаба полка был также бывший офицер Мусаватской и царской армии Шахтагинский и, наконец, помкомполка был бывший офицер Дагиров.

В других полках были также надежные лица как командир четвертого Азполка бывший мусаватский офицер Исмаилов; начальник штаба первого стрелкового полка Мирзоев, командир кавэскадрона Абдуллабеков.

Кроме этой задачи ставился вопрос о накоплении оружия у населения и подготовке самого населения к восстанию.

Вопрос: Как удалось военному центру справиться с этой задачей?

Ответ: С этой задачей военный центр справился следующим образом. Нужно сказать, что в Азербайджане не было дома, где бы не имелось оружие. Оружие это сохранилось еще с периода 1917-1920 гг. и под предлогом того, что это оружие нужно населению для защиты своего имущества от бандитов, оно не отбиралось до 1930 года. Кроме того, производилось новое накопление оружия за счет организации Осоавиахим. Эта работа облегчалась тем, что Председателем Осоавиахима был Караев.

По линии Осоавиахима и по инициативе Алигейдара Караева была развернута большая работа по подготовке населения как самого Баку, так и районов Азербайджана к восстанию, с этой целью в городе Баку были организованы под видом «рабочих» организаций так называемые «рабочие батальоны». Численность этих батальонов я точно не помню, но во всяком случае цифра эта была довольно внушительная. Оружие находилось на руках у бойцов этих батальонов. Учет оружия был плохой и шло большое хищение его.

В районах Азербайджана работа по созданию вооруженных отрядов, главным образом, шла по линии агитации масс против советской власти. Учитывался низкий культурный уровень тюркского населения, а также некоторые перегибы в колхозном строительстве, создаваемые работниками Азербайджанского Центра. Снабжение оружием населения шло также, главным образом, за счет Осоавиахима. Были случаи, когда нападали на воинские обозы везшие военное имущество и забирали оружие и боеприпасы. О количественном положении этих отрядов на местах мне неизвестно, во всяком случае их было также большое количество, как и в самом Баку.

Вопрос: В свержении советской власти Вы рассчитывали только

на внутренние силы контрреволюции?

Ответ: Азербайджанский национальный центр при организации свержения Советской власти в Азербайджане, помимо своих сил, рассчитывал на помощь со стороны Персии. Помощь эта должна была заключаться в первую очередь в лице отрядов, сколоченных на территории Персии из Азербайджанских эмигрантов.

Формирование этих отрядов персидским правительством было возложено на Кялбалы хана Нахичеванского - моего брата. Нужно сказать, что вся эмиграция персидским правительством поселялась в приграничной полосе, оружие у них не только не отбиралось, но принимались меры к довооружению населения.

Таким образом, на границе в постоянной готовности находились весьма боеспособные отряды, готовые в любую минуту перейти границу.

Задачей этих отрядов являлось - после перехода границы направиться в определенные пункты и служить ядром, вокруг которых должны были сплотиться повстанцы. Поэтому эти эмигрантские отряды формировались по территориальному признаку.

Помимо этой помощи Азербайджанский национальный центр вел переговоры с персидским правительством об оказании помощи в случае надобности регулярными войсками, но эти переговоры шли помимо меня.

Вопрос: Через кого конкретно поддерживалась связь с Персией?

Ответ: О существовании ориентации на персидское правительство мне было известно от Фируз бека Ордубатского. Кем конкретно велись переговоры – мне неизвестно. Я лично поддерживал связь лишь с Кялбалы ханом. Эта связь поддерживалась через бывшего председателя Азхлопка Мамеда Гаджиева, который часто по делам службы ездил в Персию (Иран). Связь заключалась в выработке совместных действий в случае наступления.

Кялбалы хан, как я указывал выше, пользовался большой популярностью у Азербайджанской эмиграции и из них должен был сформировать отряды, которые должны были быть во время войны перекинуты на территорию Азербайджана. Эти отряды должны были служить ядром, вокруг которого могли группироваться повстанцы.

Вопрос: Следствию известно о том, что Азербайджанский национальный центр подготовил и провел ряд вооруженных антисоветских выступлений по ряду районов Азербайджана. Требуем рассказать все, что Вам известно по этому вопросу.

Ответ: Как я указывал выше, АНЦ вел весьма большую работу по подготовке восстаний в районах Азербайджана. Подготовка заключалась в том, чтобы не отбирать имеющееся у население припрятанное оружие, снабдить районы Осовахиновским оружием, а также широко проводилось амнистирование (перевод на легальное положение) бандитов, хотя это мероприятие себя не оправдало. Как правило, при первом же удобном случае, амнистированные бандиты вновь брались за оружие.

Вооруженное восстание мыслилось, как я указывал, в период войны на западе или востоке. Но ввиду затягивания начала войны АНЦ решил в начале 1930 года приступить к вооруженному восстанию.

Решено было начать восстание с более отдаленных районов, с тем, чтобы по выводе русских войск из Баку для подавления восстания, провести вооруженное восстание в самом Баку.

Восстания эти начались недостаточно организованно, с большими перерывами, вследствие чего они быстро подавлялись. Вооруженные восстания происходили в Нахичевани, Карабахе, Закаталах, Нухе и Агдаше. Лично я в руководстве этих восстаний участия не принимал.

Вопрос: Расскажите о своей дальнейшей преступной деятельности как участника Азербайджанского национального центра?

Ответ: После неудачного вооруженного выступления в указанных выше районах Азербайджана, наша деятельность была органами ОГПУ вскрыта и большинство участников АНЦ, в том числе и я, были арестованы. После нескольких месяцев заключения я был освобожден, восстановлен в армии и в 1931 году уехал в Москву на учебу в Академию имени Фрунзе. С этого момента всякая моя антисоветская деятельность прекратилась, так как я проживал в Москве и никакой связи с участниками Азербайджанского национального центра не поддерживал.

Вопрос: Неправда! Вы на протяжении всего периода поддерживали связь с Алигейдаром Караевым и продолжали вести антисоветскую деятельность.

Ответ: Да, действительно, связь с Караевым я поддерживал, я имел с ним несколько встреч чисто случайного характера, но антисоветской какой-либо деятельности я не вел. Это я категорически утверждаю.

Вопрос: Предлагаем, Нахичеванский, прекратить Ваши фило-

софские рассуждения. Нам хорошо известна ваша деятельность в Москве с 1931 года и по день ареста. Приступайте к показаниям о своей антисоветской деятельности в периоде 1931 года.

Ответ: После освобождения из-под ареста и прибытия в Москву, я в 1931 году возобновил свою контрреволюционную деятельность. В эту работу вовлек меня бывший секретарь ЦК АКП(б) Алигейдар Караев, работавший с 1930 года в Москве.

Встреча моя с Алигейдаром Караевым произошла зимой 1931 года у него на квартире, куда он меня пригласил, когда мы встретились на похоронах бывшего начальника политотдела Аздивизии Алекперова.

Подробности разговора я не помню, но они сводились к тому, что он уговаривал меня продолжить мою контрреволюционную работу. Караев указывал, что ныне существующий Азербайджанский национальный центр, не в пример разгромленного в 1930 году, представляет мощную организацию и задуманное этой организацией дело является верным. Об этом можно судить по тем лицам, которые входят в эту организацию.

Вопрос: Кого из участников Азербайджанской националистической организации Вам назвал Караев?

Ответ: Караев назвал мне следующие фамилии: Рухуллы Ахундова, Мирзы Давуд Гусейнова, Газанфара Мусабекова, Гусейна Рахманова, Дадаша Буньятзаде, Гамида Султанова, Джабиева, Ахундзаде, Эфендиева, Талыблы и др. Я ему дал свое согласие, и на этом наша беседа прекратилась. Нужно сказать, что большинство фамилий он мне назвал после того, что я ему дал согласие работать с ним.

Вопрос: С какими контрреволюционными формированиями блокировалась Ваша националистическая организация?

Ответ: В 1931 году мне от Караева стало известно, что Азербайджанский национальный центр связан с правотроцкистским центром.

Вопрос: В чем заключалась связь Азербайджанского национального центра с правотроцкистским блоком?

Ответ: При информации меня о связи Азербайджанского национального центра с правотроцкистским блоком Караев указал, что переговоры велись им - Караевым, Рухуллой Ахундовым и Мирза Давуд Гусейновым с представителями правотроцкистского центра Бухариным и Рыковым. При этих переговорах удалось добиться соглашения о совместной работе. Эта совместная работа должна была заключаться в совместной борьбе с партией и правительством, а также согласие на

отделение Азербайджана от Советского Союза.

В работе по совместной борьбе с партией и правительством роль АНЦ должна была заключаться, главным образом, в организации вредительства во всех областях народного хозяйства (главным образом, нефтяного хозяйства) и в подготовке восстания в Азербайджане.

Постоянную связь между этими центрами осуществлял Караев, который с 1930 года постоянно жил в Москве.

Вопрос: О чем еще информировал Вас Караев при встрече с ним?

Ответ: В этой же беседе Караев информировал о программе Азербайджанского национального центра, которая сводилась к свержению советской власти в Азербайджане, установлению буржуазно-демократического строя и отделение Азербайджана от Советского Союза. Осуществление этой цели мыслилось при помощи вооруженного восстания, которое должно было быть приурочено к моменту войны с одним из сопредельных государств. Причем мыслилось не изолированное выступление в Азербайджане, а совместное выступление с Грузией и Арменией. Нужно сказать, что в тот период (1931 год) полностью этой договоренности не было.

Вопрос: Когда же была осуществлена договоренность Азербайджанского национального центра с националистическими организациями в Грузии и Армении и через кого именно?

Ответ: Начало этих переговоров относится к 1931 году. Для организации вооруженного восстания АНЦ располагал силами Азербайджанской дивизии, а также силами местного населения, среди которого велась соответствующая работа. По словам Караева, в Армении и Грузии в армии также ведется большая работа и Караев говорил, что национальные дивизии в этих республиках будут основной силой при организации вооруженного восстания.

Полная ставка в этих республиках делалась на вооруженное выступление местного населения.

Национальные центры Грузии и Армении возглавляли Элиава, Орахелашвили, Тер-Габриэлян.

Работа среди местного населения заключалась в соответствующей агитации против советской власти, в вербовке наиболее влиятельных лиц в деревне, секретарей райкомов и председателей райисполкомов. К этой же работе нужно отнести сохранение в руках населения большого количества оружия и военное обучение через армию и Осоавиахим большого процента лиц, которые не должны

призываться (дети кулаков и т.д.)

Вопрос: Расскажите о Вашей роли в Азербайджанском национальном центре?

Ответ: Не то в конце 1932 года, не то в начале 1933 на квартире у Караева между нами произошла беседа, в которой он указал, в чем конкретно должна выражаться моя работа в Азербайджанском национальном центре.

В этой беседе Караев указал, что через Бухарина АНЦ установил связь с военным центром, и представители Азербайджанского национального центра (Караев, Ахундов, Гусейнов) вели переговоры с представителями этого центра (Тухачевским и Корком).

Договоренность АНЦ с военным центром заключалась в том, что военный центр должен всячески содействовать вооруженному восстанию в Азербайджане, конкретно это должно выражаться в задержке войск для отправки на подавление вооруженного восстания и выводе русских частей из Азербайджана.

Здесь же Караев указал, что я должен буду поддерживать связь между ними, как представителем Азербайджанского национального центра в Москве, и Корком, как представителем военного центра.

Эта связь с Корком должна была заключаться в информации о ходе подготовки восстания в Азербайджане, в руководстве со стороны военного центра ходом подготовки восстания и руководством, если это будет осуществимо, и самим восстанием. Сведения эти я должен был получать от Караева и через Корка информировать Тухачевского.

Вопрос: Вы связались с Корком?

Ответ: Да, связался. Недели через две после разговора с Караевым я зашел к Корку. Разговор этот происходил в его служебном кабинете в Штабе Московского военного округа. Корк принял меня очень любезно и сказал, что ему от Караева известна цель моего посещения.

Вопрос: Расскажите подробно о Вашем разговоре с Корком и какие задачи он поставил перед Вами?

Ответ: Корк в разговоре указал, что в основном моя роль должна заключаться в информации его о ходе подготовки вооруженного восстания в Азербайджане и осуществлении руководства военным центром ходом подготовки восстания.

Каким способом должна была осуществляться эта связь, я указал выше. Далее Корк мне повторил то, о чем Тухачевский и он договорились с АНЦ, а именно, что восстание должно было быть приурочено

к моменту войны с одним из сопредельных государств, а если потребуется, в срок, который укажет военный центр.

Также он сообщил директиву военного центра о том, что вооруженное восстание должно быть подготовлено так, чтобы оно могло начаться повсеместно и одновременно, а не в отдельных районах.

Вопрос: Расскажите, какую работу в исполнении директив правотроцкистского центра и Тухачевского проделал Азербайджанский национальный центр?

Ответ: При следующей встрече с Караевым весной 1935 года у него же на квартире он подробно информировал меня относительно положения в Азербайджане. Караев указал, что дела идут блестяще, что благодаря вхождению в Азербайджанский национальный центр таких авторитетных лиц, как Мусабекова, Рахманова, Рухуллы Ахундов, Эфендиев и других вербовка протекает весьма успешно. Он указал, что завербовано большинство руководства районов (секретари райкомов и председатели райисполкомов).

В этой же беседе он указал, что удалось проделать большую работу в армии. В Азербайджанский национальный центр завербована не только большая часть высшего и среднего начсостава Аздивизии, но что очень важно, большой процент политсостава.

Из лиц, завербованных по дивизии, он назвал командира дивизии Гамбая Везирова, начальника штаба дивизии Ибрагимова, военкома дивизии Джабира Алиева, председателя трибунала Аздивизии Тагиева. По фамилии он всех не знал.

По сведениям Караева вербовка продолжается и есть надежда охватить не только высший и старший начсостав дивизии, но и средний начсостав. На мой вопрос Караеву - должен ли я связаться с командованием дивизии и следить за работой, Караев ответил, что этого делать не надо, так как это вызовет недовольство со стороны командира дивизии Гамбая Везирова.

Вопрос: Вы информировали Корка о Ваших разговорах с Караевым?

Ответ: Да. Встретившись в кабинете у Корка, который был в это время начальником Академии, я ему передал все эти сведения. Корк сказал, что если все это верно, то нужно считать, что работа проделана большая, но выразил опасение, что вербовка большого процента начсостава может привести к провалу, а потому было предложено охватывать узкий круг лиц начсостава и вести умелую работу среди остальных (агитация, соответствующий подбор начсостава и красно-

армейцев).

Вопрос: Расскажите подробно, что Вам известно о плане вооруженного восстания?

Ответ: План восстания в Азербайджане мне был известен со слов Алигейдара Караева.

Как я уже указывал, силой, на которую должен был опереться Азербайджанский национальный центр при восстании являлась Аздивизия, отчасти милиция и местное население, к подготовке которого шла усиленная работа по всем районам Азербайджана.

Районные повстанческие отряды должны были возглавить председатели райисполкомов и секретари райкомов - участники организации. Начальниками штабов отрядов должны были быть райвоенкомы или начморы райвоенкоматов. Ядром этих отрядов и комсоставом должны были быть демобилизованные красноармейцы, милиция и проживающие в этих районах демобилизованный начсостав.

Восстание должно было начаться одновременно во всех районах. Районные отряды, быстро покончив свое дело в районах, должны были сосредоточиться на близлежащих железнодорожных станциях, где получают дальнейшее назначение. Этим дальнейшим назначением должно быть, смотря по обстановке, или Баку (если бы произошла задержка в захвате власти) или же граница с РСФСР для организации сопротивления на случай наступления частей Красной армии из РСФСР, а часть отрядов шла на борьбу с погранотрядами.

Власть в Баку и близлежащих районов предполагалось захватить при помощи Аздивизии, милиции и местного населения.

Части Аздивизии, которые были расположены вне Баку, должны были, не задерживаясь, следовать в Баку.

План захвата власти в Баку и общий план по всему Азербайджану составлялся командиром Аздивизии Гамбаем Визировым.

Вопрос: Вы информировали Корка об этом плане вооруженного восстания в Азербайджане?

Ответ: Да, информировал. После моего доклада Корку, а последнего Тухачевскому этого плана, были внесены следующие коррективы:

1) повстанческие отряды и Аздивизия должны не только сосредоточиться на границе, но и быть готовыми оказать помощь Дагестанским повстанцам;

2) части Аздивизии, расположенные вне Баку, под разными предлогами должны были быть перед восстанием приближены к Баку, чтобы захват власти в Баку осуществить наверняка и быстро.

Эти указания военного центра я передал Караеву. Подробные же планы были в Армении и Грузии. Военные организации этих республик возглавляли участники организации - командиры соответствующих дивизий.

Не знаю, были ли известны планы вооруженного восстания этих республик Караеву, во всяком случае, он мне об этом не говорил.

Вопрос: После разгрома Азербайджанского национального центра в 1930 году, вновь созданным центром была ли установлена связь с капиталистическими странами?

Ответ: При моей беседе с Караевым в 1937 году, что в Баку Азербайджанским национальным центром ведутся соответствующие разговоры с правительствами Турции и Персии через соответствующих консулов. Помощь должна заключаться в вооруженной помощи, за счет соответствующей компенсации. Кто конкретно из Азербайджанского Национального Центра был уполномочен вести эти переговоры, мне Караев не говорил, и я об этом его не спрашивал.

Компенсация правительствами Турции и Персии должна была заключаться в территориальной уступке (Нахичеванской Республики - Турции и Ленкоранского уезда - Персии), материальной компенсации, главным образом нефтью и соответствующих льгот при заключении в дальнейшем торговых договоров.

Караев тут же меня предупредил о большой секретности этого разговора и просил не информировать об этом Корка.

Вопрос: С кем еще из участников Азербайджанского центра вы встречались во время Вашего нахождения в Москве?

Ответ: Из участников Азербайджанского национального центра, приехавших из Азербайджана, имел беседу о положении в Азербайджане с бывшим военкомом Аздивизии Рахмановым Гасаном, который работал начальником Каспийского флота (гражданского) и комендантом города Баку Магерамовым.

С Рахмановым Гасаном я говорил относительно вербовки, которая производится Азербайджанским национальным центром, и о подготовке вооруженного восстания. Рахманов мне назвал лиц, которые входят в Азербайджанский национальный центр; фамилии сходятся с теми, которые назвал мне Караев. Всех фамилий я не помню; фамилии, которые помню, я перечислил уже в показании. Рахманов меня также информировал о ходе подготовки вооруженного восстания. Он указал, что благодаря весьма авторитетному составу Азербайджанского национального центра, вербовка идет весьма успешно, и что ра-

бота особенно успешно идет в районах. Рахманов указал также, что основная разница в подготавливаемом восстании и бывших восстаниях в Азербайджане будет та, что будущее восстание будут возглавлять ответственные работники районов.

Рахманов выражал полную уверенность, что восстание окончится полным успехом.

С Магерамовым я говорил, главным образом, о положении с вербовкой и работой, проводимой в Аздивизии.

Магерамов указал, что после примирения, которое состоялось между командиром дивизии Везириным и военкомом дивизии Джабиром Алиевым, работа пошла успешно.

Магерамов назвал лиц, которых удалось завербовать. Магерамов назвал мне фамилии комдива Везирова, военкома Джабира Алиева, замначальника политотдела Аздивизии Юсупова, начальника штаба дивизии Сурсала Ибрагимова (не помню был ли он начальником штаба дивизии или начальником 1 части штаба), предтрибунала Аздивизии Тагиева, помощника начальника штаба дивизии (фамилии хорошо не помню, кажется Мамедов). Он назвал также фамилии ряда лиц старшего и среднего начсостава. Всех фамилий я не помню. Запомнились мне фамилии следующих лиц: командира Бакинського полка Мехтиева, командира полка Муртуза Талыбзаде, командира четвертого артполка (фамилию забыл). Назвал он фамилии также ряда начальников штабов полков и помкомполков, но эти фамилии я сейчас не помню.

Магерамов указал, что вербовка продолжается и нужно полагать, что охватит очень большой процент начсостава дивизии.

Я сообщил Магерамову, что такая массовая вербовка вызывает опасение у московских работников (я имел ввиду военный центр), что это нарушает принципы конспирации и может привести к провалу всей работы. Магерамов указал, что этот вопрос ни у кого в Азербайджане не вызывает опасений, так как вербуются надежные люди. Однако он знал об указании ограничить вербовку охватом наиболее надежных и нужных людей и центр тяжести перенести на соответствующий подбор начсостава и красноармейцев, а также на воспитание личного состава дивизии в шовинистическом духе.

Вопрос: Вы показали, что имели связь с братом Кялбалы ханом, эмигрантом, проживающим в Персии. Скажите, с Кялбалы ханом Вы были связаны только по антисоветской работе?

Ответ: Нет, кроме связи по антисоветской работе, я был связан

с Кялбалы-ханом и по шпионской деятельности.

Моя шпионская деятельность началась с конца 1921 года. В конце 1921 года ко мне пришел один житель Нахичевани, фамилию которого не помню, и сообщил о том, что он часто нелегально бывает в Персии. Сообщил также некоторые сведения о моих родителях и передал письмо от моего брата Кялбалы хана, в котором брат сообщал о себе и о всех родных. И просил через подателя письма давать ему информацию о положении в Азербайджане, в том числе и о расположении войск.

Я через подателя письма передал для брата дислокацию и численность частей Кавказской армии.

В 1924 году я связался по шпионской работе с начальником Азхлопка Мамедом Гаджиевым.

Мамед Гаджиев по делам службы часто бывал в Персии и встречался там с моим братом Кялбалы ханом.

Однажды Гаджиев пришел ко мне и передал привет от моего брата и рассказал, что он в Персии видел моего брата и что брат просил при следующей поездке Мамеда Гаджиева в Персию переслать ему через него сведения о численном составе и дислоцировании частей Красной армии в Азербайджане.

Спустя некоторое время Гаджиев при встрече со мной поставил меня в известность, что он на днях выезжает в Персию и просил составить и передать для брата просимые им сведения. Что мною и было сделано.

Аналогичные сведения я передавал через того же Гаджиева для Кялбалы-хана до 1926 года.

В 1926 году Мамед Гаджиев уехал в Персию и стал невозвращенцем. С тех пор до дня ареста со мной по шпионской работе никто не связывался и я свою шпионскую работу не возобновлял.

Протокол мною прочитан и с моих слов записан верно.

Подпись
(НАХИЧЕВАНСКИЙ)

Допросили:

ВРИД начальника 4-го отдела 2-го Управления НКВД
Капитан Государственной безопасности

Подпись
(МАЛЫШЕВ)

ВРИД начальника 3-го отделения 4-го отдела
2-го Управления НКВД, Младший лейтенант
Государственной безопасности

Подпись
(БАРАНОВ)

*(Допрос из следственного дела Д. Д. Нахичеванского,
Центральный Архив ВЧК- ОГПУ- НКВД, ПР 33749, с. 12- 43).*

* * *

За активную деятельность в деле создания национальной дивизии 19 декабря 1921 года Военно-морской народный комиссариат Азербайджана объявил Джемшиду хану Нахичеванскому благодарность и подарил меч с серебрянной ручкой. Он был назначен командиром создаваемой Азербайджанской горнострелковой дивизии.

В 1923 году Джемшид хан Нахичеванский был направлен на краткосрочные курсы в Высшую военную академию, где получил образование до 1924 года. Вернувшись в Азербайджан, он вновь был назначен командиром дивизии. Через три года он во второй раз был направлен на учебу в Военную академию. В 1928-1929 годах был одним из редакторов издаваемого на азербайджанском языке журнала «Военные знания».

Покойный генерал Аким Аббасов в свое время служил в дивизии, которым командовал Нахичеванский. Из его воспоминаний: «Джемшид Нахичеванский был решительным командиром. Лицо с красивыми чертами, аккуратно расчесанные черные волосы и густые брови, из-под которых светились ясные глаза - таким он и сегодня предстает передо мной. Он выделялся выправкой, присущей военным стойкостью. Мы, служившие в дивизии Джемшид хана Нахичеванского, у него познали тайны профессии военного и высоко чтим память о легендарном полководце. В дань уважения прошлым традициям мы называем его «Ханом Нахичеванским» или боевым псевдонимом «Шамо». В двух километрах на юге-востоке Ханларского района (ныне Гейгельский район – Ш.Н.) находится гора, которую мы – командиры и красноармейцы, а также местные жители именуем «горой Хан Нахичеванский».

На этой горе располагался командный пункт Джемшид хана. Рельеф здесь таков, что с этой горы отчетливо видны учебные площадки Азербайджанской дивизии.

Джемшид хан Нахичеванский был всесторонним специалистом,

политически подготовленным, преданным военному делу офицером. Именно эти качества были приняты во внимание, когда по приказу Военно-революционного совета он в 1923 году был зачислен слушателем курсов высшего командного состава Красной армии. После успешного окончания курсов Нахичеванский продолжил образование в специальной группе Высшей военно-политической академии имени М.В.Фрунзе, куда он был принят в 1931 году. Завершив учебу с отличием, Джемшид Нахичеванский по приказу Народного комиссариата обороны был оставлен в академии в качестве преподавателя. В аттестации того периода читаем: «Ранее данные Дж. Нахичеванскому положительные отзывы оставить в силе. Он всесторонне развит. На военных учениях, оперативно-тактических занятиях Джемшид Нахичеванский показал себя умелым полководцем. Дж. Нахичеванского можно использовать на должности командира корпуса. Он выдержан, спокоен по природе, обладает неиссякаемой энергией, инициативен, прекрасный администратор, имеет хорошие организаторские способности...»

А вот это заключение об утверждении этой аттестации начальника и комиссара курса, впоследствии маршала Советского Союза Бориса Шапошникова: «С аттестацией на Джемшида Нахичеванского согласен, соответствует должности командира стрелковой дивизии».

В свое время Джемшид хан был ярым поклонником кавалерии. Однако он не соглашался с теми, кто под впечатлением гражданской войны сильно преувеличивал ее значение. Призывал слушателей академии скорее отказаться от устаревших шаблонов. Доказывал, что в будущей войне будет преобладать сужение флангов; победит на поле боя тот, кто сумеет обеспечить взаимодействие различных родов войск, творчески подойдет к управлению боем. Зерно впало в благодатную почву, но ростки не дала.

Да, невежды, приверженцы клеветы и оговорки не позволили взойти этому зерну. Воспитанные им курсанты – С.С.Бирюзов, А.А.Гречко, П.Ф.Батицкий дослужились и до маршала. Сам же жестоко был уничтожен. После ознакомления с характеристиками, оценками деятельности с трудом вериться, что Джемшид хан Нахичеванский был «врагом народа». Это то же самое, что называть белое черным. Стального Джемшида долго не удавалось сломать. Он не признавал ни одной клеветы, не предал безвинных друзей, не запятнал имя народа, именитый род. Однако после долгих пыток чекистам удалось выбить у него нужные «показания».

Пролетели годы. Как и другие, он тоже получил оправдание. Представилась возможность информировать молодое поколение о выдающемся командире, о котором мы не могли в свое время вдоволь поговорить. Ныне его имя носит военный лицей в Баку. В родном Нахичеване открыт дом-музей.

Доктор юридических наук, профессор, преподаватель Бакинского государственного университета Эйюб Аскеров некогда служил офицером в семьдесят седьмой Азербайджанской стрелковой дивизии. Он был свидетелем последних дней талантливого полковника Джамшида Нахичеванского:

- Осенью 1937 года я возвращался из отпуска, который проводил Санкт-Петербурге. Чтобы встретиться с друзьями поехал в Военную академию имени Фрунзе. Был гостем близкого друга и слушателя академии Гаджибабы Зейналова, встретился с соотечественниками Джалилем Алиевым, Ахмедали Алиевым, Байрамом Шихиевым, Фархадом Шахбазовым и другими. В один из дней мы собрались на ужин в комнате Гаджибабы Зейналова. В этот момент пришел Джамшид Нахичеванский. Все мы встали, уважительно, в официальном порядке приветствовали его. На лице сияла добрая улыбка... Узнав, что я служу в семьдесят седьмой дивизии, стал расспрашивать меня. Интересовался жизнью народа Азербайджана, внимательно слушал и радовался моим словам об успехах дивизии в политической и боевой подготовке. Он отметил важность постоянного наращивания оборонной мощи Родины, подготовки высокообразованных, отвечающих требованиям времени кадров, приобщения к новой военной технике. Затем он сказал: «Сынок, нашему народу необходимы хорошо подготовленные кадры». Уходя, обратился ко всем: «Ваше место – в этой высшей военной школе, жаль, что наших представителей здесь очень мало». Затем повернулся ко мне: «Старайтесь, будьте смелым, я и вас хотел бы видеть здесь».

Трагедия четырех братьев

В доме-музее генерала из ханского рода в Нахичеване есть старая картина, нарисованная в 1898 году. В середине сидит мать Фярянтадж, прижав к груди маленькую дочь. Рядом сидят стройные три сына – Эхсан хан, Кялбалы хан и Джамшид хан. Все три брата одеты в черкеску, на их лицах читается не соответствующие юному возрасту храбрость, мужество и гордость.

Жизнь протекает мирно и спокойно. Трехлетний Джамшид

сидит на подушке и свойственным маленьким детям удивлением смотрит в объектив. Он еще не знает какие испытания его ждут в грядущем через два года веке. Революционная буря, жизненные вихри и пламя войны как сталь закалили маленького Джемшида через шестнадцать лет... До предстоящей жизненной трагедии оставалось более одной эпохи. Той трагедии, которая сделала жертвой коварства и клеветы не только Джемшид хана, но его братьев Эхсан хана, Кялбалы хана и по какой-то случайности не попавшего на фотокарточку Давуд хана.

В июне 1920 года второй Карабахский конный полк, в котором служил Джемшид хан, располагался в Карабахе. Подполковник Нахичеванский был заместителем по строевой части. Однажды за полночь раздался стук в дверь его дома. Брат Эхсан хан гостил у него. Эхсан хан был на два года старше брата и также был профессиональным военным.

Он закончил в Москве кадетский корпус, в котором учились дети аристократов. Образцом для подражания, как и для многочисленных офицеров, Нахичеванских, был дядя, полный генерал кавалерии Гусейн хан Нахичеванский. Слава Гусейн хана распространилась по всей России. Молодые люди гордились дядей, как последователи военной профессии добросовестно несли службу.

Проявленным во время войны героизмом снискали славу Нахичеванские Мурад хан, штабс-ротмистр семнадцатого Нижегородского Драгунского полка имени Его Императорского Величества, гвардии ротмистр Кялбалы хан (внук), поручик Искендер хан. Со своей ротой разбивший вражеские силы Мурад хан за боевые заслуги в 1914 году был удостоен ордена Святой Анны четвертой степени, в 1915 году - ордена Святого Станислава третьей степени (вместе с мечами и лентой), ордена Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), ордена Святого Станислава второй степени (с мечами), в 1916 году - ордена Святой Анны второй степени (с мечами).

После окончания войны ротмистр Мурад хан Нахичеванский вернулся на Родину, стал командиром первой роты Шекинского полка Национальной армии Азербайджана.

Мужественно сражался в боях и поручик Искендер хан Нахичеванский, за что был награжден орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны четвертой степени (с надписью на оружии «За храбрость») и ордена Святого Станислава третьей степени (с мечами и лентой).

В номере от 1-го апреля 1916 года газета «Каспий» писала: «Ротмистр Уланского лейб-гвардии полка Кялбалы хан Нахичеванский за

освобождение от врага 15 августа 1914 года села Сококов награжден Георгиевским оружием, Взвод по его командованием вел бои на левом фланге полка и неожиданно подвергся набегу одного австрийского эскадрона. Не растерявшийся ротмистр Кялбалы хан малыми силами перешел в наступление, принудил неприятеля к отступлению и, преследуя их до наступления темноты, заставил оставить поле боя. Заслуги ротмистра Кялбалы хана, достигшего успехов и в предыдущих боях, оценены орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой) и орденом Святой Анны второй степени (с мечами)».

Имеется рапорт на имя председателя Совета Министров Республики, написанный в марте 1919 года, в отношении продолжавшего военную службу в Азербайджанской национальной армии Кялбалы хана Нахичеванского и Керим хана Иреванского. Документ подписан военным министром, полным генералом артиллерии Самед бекон Мехмандаровым и начальником Генерального штаба генерал-майором Габиб бекон Салимовым. В нем читаем: «Гвардии штаб-ротмистры Кялбалы хан Нахичеванский и Керим хан Иреванский в соответствии с военным уставом бывшей России имели звание штаб-ротмистра. В нынешней армии это соответствует чину подполковник. За отличие при освобождении Шярурского и Нахичеванского уездов от армянских дашнаков они вполне заслуживают звания полковник». К сожалению, присвоение командующему войсками Шярурского и Нахичеванского уездов Кялбалы хану звания полковник, мы не встретили в последующих документах. После большевистской оккупации в 1920 году два брата из четырех – Давуд хан и Кялбалы хан вынуждены были эмигрировать в Иран.

Штаб-ротмистр Эхсан хан также прошел в годы первой мировой войны славный путь. Служил он в Варшавском лейб-гвардии Уланском полку. В 1914-1916 годах он был награжден орденом Святой Анны четвертой степени (с надписью на оружии «За храбрость»), орденом Святого Станислава третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны третьей степени (с мечами и лентой), орденом Святой Анны второй степени (с мечами).

В характеристике на Эхсан хана, выданной 29 августа 1918 года полковник Туганов отмечал, что во всех походах и боях, особенно в разведывательной деятельности, проделанной 3 апреля 1916 года, он проявил себя как умелый командир.

После распада имперской армии ротмистр Эхсан хан вернулся на Родину и до 6 мая 1919 года в качестве командира роты в Четвертом Борчалинском конном полку вел бои с армянскими дашнакскими отрядами в Лорийском участке и на территории Караязы. В том же году Эхсан хан был назначен командиром третьей роты в третьем конном полку и за героизм, проявленный в боях в Карабахе, ему было

присуждено звание полковника.

Джамшид как младший брат восхищался храбростью Эхсан хана, очень радовался полученным наградам и повышениям в звании. Подполковник Эхсан хан вновь прибыл, чтобы защитить Карабах от дашнаков. Вторгшиеся в Азербайджан в апреле 1920 года вооруженные большевики все разнесли в пух и прах. Азербайджанское правительство было распущено, армия разрушена. Они только что завершили неделю погромов в Баку и Гяндже. Однако безоговорочный расстрел мусаватских солдат и офицеров продолжался. Когда раздался стук в дверь, Эхсан хан проснулся раньше других и сам открыл дверь. Штыки винтовок большевистско-дашнакских солдат засверкали при лунном свете. Дашнакский офицер с деревянной кобурой маузера спросил: «Вы Джамшид хан Нахичеванский?». Эхсан хан понял в чем дело. Чуть помедлил, переступил порог и ответил: «Да, я Джамшид хан». Его отвели за город и расстреляли как мусаватского офицера...

11 июня 1920 года Чрезвычайная Комиссия составила «Документ на арест» под номером 1108. В графе «за что арестован и расстрелян» написано: за отказ служить в одиннадцатой армии расстрелян как мусаватский офицер. Подлецы поставили точку в жизни Эхсан хана Нахичеванского, которому только исполнилось двадцать семь лет.

Достигших высоких чинов в Иранской армии Давуд хана и Кялбалы хана по приказу шаха расстреляли в 1934 году. Поверивший доносам с противоположного берега большевистско-дашнакских перебежчиков шах потерял доверие храбрым братьям Кенгерли. Ни один из братьев не уцелел в урагане тридцатых годов...

Джамшид хан Нахичеванский

КОМИССАР САРЫ ШАМИСТАН

“Комсомольская поэма” была написана в тридцатых годах прошлого века. В 1970-ом году на основе Самеда Вургуна произведения был снят художественный фильм “Семеро сыновей моих”. В обоих произведениях одноименного героя - образ Сары Шамистана многие считали образом рожденным благодаря художественному воображению поэта. И сейчас очень мало тех кто знает, что Сары Шамистан был исторической личностью.

Известный среди народа как Сары Шамистан, Шамистан Махмуд оглы Эюбов родился в 1895-ом году в селе Даг Кесемен Казахского уезда в семье землепаниша. Перед апрельской революцией в Казахе окончил двухлетнюю школу.

В 1924-ом году был активным участником борьбы против бандитизма. Ещё в октябре 1918-го года двадцатитрехлетний Шамистан Эюбов стал членом партии большевиков.

Веря всем сердцем в то что революция принесет угнетенным народам счастье, Шамистан Эюбов добровольно вступает в ряды красной армии. Он участвовал в боях произошедших в Закаспийском, Андижанском, Актюбинском фронтах.

25-го октября 1918-го года вызванный в Ташкентскую организацию РКП (б) Шамистан Махмуд оглы в тот же день был принят в партию большевиков. Во время принятия в партию он сказал: “В партию большевиков я вступаю не из за страха, а из за чести. Ради своей идеи, в твердой памяти даю слово, что буду служить всей душой и телом в рядах этой партии. Никакая сила не сможет заставить меня свернуть с этого правильного пути избранного моими рабоче-крестьянскими братьями и сестрами.” Комиссар Шамистан Эюбов, как отважный комиссар участвовал в подавлении произошедшего в Ташкенте антиреволюционного Осиповского восстания.

В марте месяце того же года как стойкий большевик был отправлен в бой против контрреволюционеров на территорию Бухары. Здесь он работал на должности заместителя председателя Мусульманского Комитета Полторотского городского РКП (б) Турестанского бюро и Закаспийского Мусульманского Комитета. В июне 1920-го года Шамистан Эюбов вернулся в Азербайджан. Был назначен председателем Комитета Партии и Комитета революции Казахского уезда. После полугодовой деятельности в Казахе его назначают на ответственную работу в Шемахинском и Гейчайском уездах. В этих уездах он уничтожил много разбойничьих гнезд.

Комиссар Шамистан Эюбов в 30-е годы работал на таких ответственных должностях как секретарь Комитета Партии Казахского Района, директором Евлахского хлопкового завода, председателем Билясуварского Районного Исполнительного Комитета, председателем Союза Азербайджанских Ткачей.

Когда черные дни 1937-го года как кошмар начали надвигаться на нашу страну опасность постучалось и в дверь отважного комиссара Шамистана Эюбова. Ещё с ноября 1935-го года эта трагедия, это неверие людей власти начали преследовать его по пятам. В том же месяце того же года на него был подготовлен ложный документ подписанный Мир Джафаром Багировым и Шахвердияном: “За антипартийные действия, симпатию остатком реакционных традиций в буржуазной семейной среде уволить Шамистана Эюбова с должности председателя РИК -а . Чтобы привлечь Шамистана Эюбова к партийной ответственности документы направить в Партийную Коллегию”.

Председатель ЦКАКП (б) М.ДЖ.Багиров.

Директор особого отдела ЦКАКП (б) и БК Шахвердиян.

Полевая сессия Военной Коллегии Верховного Суда СССР отважного комиссара Шамистана Махмуд оглы Эюбова за контрреволюционно-троцкистскую и националистическую деятельность приговорил к расстрелу по первой категории. Его расстреляли в ночь 5-го по 6-го января.

После расстрела комиссара Шамистана Эюбова Пери ханум Абдулла кызы Векилова - Эюбова как супруга “предателя родины” по решению НКВД СССР от 9-го апреля 1938-го года была лишена свободы сроком на 8 лет с отбыванием наказания в Исправительно-трудовом лагере. Мать четырех детей Пери ханум была отправлена в ссылку в Мордивию. Старший сын, пятнадцатилетний Махмуд был арестован и заключен в Баиловскую тюрьму. Одинадцатилетнего Исмаила, четырнадцатилетнюю Адилю отправили в лагерь для “беспризорников” в Шувалане.

Младшая дочь Сары Шамистана Адиля ханум Эюбова (05.10.1925-06.06.2006):

- Все дети в колонии были арестованы за преступления. Между ними и нами не делали никаких различий. В колонии, как и малолетних преступников, нас тоже каждый день зверски избивали.

Мы не выдержав этих жестоких наказаний, невзгод, написали письмо в Москву к Н. Крупской, жене В.И. Ленина. Написали, что нас двоих сестер и одного брата без всякой вины держат в колонии вместе с маленькими преступниками и мучают нас. Просим вас помоч нам. Не прошло и двух трех недель как меня отправили в Ростов, а моих

брата и сестру в детский дом в Краснодарской области. Старшего брата Махмуда из-за того что ему исполнилось пятнадцать лет, арестовали. Услышав это мама в тюрьме объявила голодовку. Написала и объявила верхам, что если не отпустите моего сына, налажу на себя руки. После этого письма мамы старшего брата Махмуда из тюрьмы отправили прямо на военную службу.

Меня привезли в детский дом номер один в Пролетарской станции Ростова. Директор детского дома Ирина Михайловна Тарасова меня очень любила. Спустя некоторое время началась война. В ноябре 1942-го года фашисты оккупировали Ростов. Тогда набив нас в вагоны увезли в Германию.

Нас заставляли работать на оружейном заводе в городе Зиген. Три года мы оставались в лагере для заключенных. В 1945-ом году когда Советская армия начала наступление на Германию охранявшие нас немецкие солдаты и офицеры разбежались. Вместе с пленными мы разобрав забор убежали. После двух дней и ночей мы дошли до советских войск. Нас занесли в списки. Каждого отправили туда откуда он пришел. Я снова вернулась в детский дом в Ростове. Мне уже было семьнадцать лет. Спустя два года я получила письмо от своего двоюродного брата Абдуллы Великова. Он писал, что мать вернулась из ссылки, ты тоже возвращайся в Баку.

Я приехала в Баку. Мне некуда было идти, поэтому я пришла к дяде Мехдихану. Жена дяди, Ругия ханум меня не узнала. Спросила, что ты чья дочь, кто тебе нужен? Я ответила, что я дочь Сары Шамистана и Пери ханум. Вернулась из Ростовского детского дома. Здесь у нас дома нет, и я не знаю где мама. Куда же мне теперь идти? Ругия ханум сразу позвонила своему деверю Самеду Вургуну и все рассказала. Дядя Самед нашел Абдуллу и наказал, что мол отвези ее в Шемкир - к матери Пери. И в то время тоже, из-за того что мама была женой, “врага народа” Сары Шамистана, ни в Баку, ни в Казахе ей не разрешили ни жить, ни работать. Поэтому она оставалась в Шемкире у дальних родственников.

Мой младший дядя Эюб написал письмо в Краснодар и привез обратно из детского дома сестру и брата. Отвез их в Даг Кесемен и сам их растил. Сестра Гюльзар окончила техникум для учителей. Из-за того, что она была дочь “врага народа” ее нигде не брали на работу.

Старший брат Махмуд с войны вернулся слепым на один глаз. Я окончив Гянджинский медицинский техникум на отлично, без экзаменов поступила в Медицинский Институт. Младший брат Исмаил окончив Институт Сельского Хозяйства Гянджи работал агрономом. Когда мне исполнилось тридцать два года создала семью с двоюродным бра-

том Абдуллой Паша оглы Векиловым.

В ту пору дядя Самед - Самед Вургун часто приезжал к нам, утешал нас, не жалел своей заботы.

Невозможно без волнения читать одно письмо написанное в 1954-ом году Пери ханум Векиловой Самеду Вургуну. То самое письмо хранится в научном архиве (Арх.46,Q-51 (929); s.v.429) Института Рукописей.

Когда читаешь это письмо начинаешь все сильнее ненавидеть бывший тоталитарный советский режим за то положение, за ту нужду в которой вынуждена была жить дочь благородного рода и супруга отважного комиссара Сары Шамистана.

Пери ханум Абдулла кызы Векилова (1898-1975) пишет:

Дорогой Самед! Сначала, приветствую тебя от своего имени и от имени Исмаила. Дорогой, я больна, очень плохо когда глаза болят. Один глаз совсем ослеп, никакое лечение не помогает. Что же поделать, видно, такова моя участь. Да дарует тебе Аллах здоровье, если бы не ты я бы наверное покинула бы этот мир. Самед, не думай, что я не чувствую душевную боль когда обращаюсь к тебе. Я очень гордый человек, но горечь участи заставляет меня обратиться к тебе. За это я день и ночь, молюсь Аллаху за твое здоровье. Ничего, скоро наступит конец моим страданиям. Исмаил скоро закончит свою учебу в Институте Сельского Хозяйства. Может, тогда наше положение немножко поправится. Ты не думай что мне легко обращаться к тебе. Не могу удержать свои слезы, но я в безвыходном положении. Исмаил получает всего 320 манат денег, нас двое. Он сейчас не может работать; с девяти часов, утра до пяти, иногда до семи часов вечера он бывает на уроках. Поэтому я прошу, чтобы ты помог нам как и обещал. Зима, холодно, голод, очень трудно. Кроме всего этого, у Исмаила нет одежды, у него есть всего одна сорочка. И в таком положении он вынужден идти на уроки, тебе известно как к нему относятся, какими глазами на него смотрят окружающие. Еще раз извиняюсь, нужда заставляет меня обратиться к тебе. Надеюсь, что ты не оставишь меня в беде, в таком тяжелом положении. Сколько посчитаем возможным. Вот уже несколько ночей мы голодуем.

Твоя несчастная сестра Периханум Векилова

Мой адрес: город Гянджа, дом 31.

Эюбов Исмаил

Если хочешь передай деньги Адиле, она остается у дяди Паши. Она передаст мне, ее адрес: город Баку, Вторая Паралельная улица 65, Векилова Нигяр.

СУДЬБА ГЕНЕРАЛА - ЭЙБАТ ЭЙБАТОВА

*Фамилия моя русская, но плоть от плоти я азербайджанец.
Эйбат Эйбатов*

*Закон силен, однако нужда сильнее его.
Йоган Вольфанг Гете*

Сегодня уже немногие знают о выдающемся азербайджанском полководце Эйбате Эйбатове. Удивительного здесь мало, так как молодое поколение вообще мало знает о Второй мировой войне, как и о славных сыновьях Азербайджана, сложивших головы на полях кровавых сражений. А те из пожилых людей, кто слышал о генерале Эйбате Эйбатове, относятся к нему с прохладцей. Бытует даже мнение, что, мол, он отрекся от своей фамилии и взял фамилию своей русской супруги Зювановой. Иные даже утверждают, что, дескать, после этого генерал перестал говорить на родном языке.

Пользуясь возможностью, смею вас заверить – все это вымысел и не более! В этом нетрудно убедиться самим, полистав военно-послужной список генерала Эйбатова, который велся до 17 декабря 1952 года, ознакомиться с заключениями аттестационной комиссии и его боевыми характеристиками.

В моем личном архиве хранятся копии многочисленных документов, опровергающих всякие сомнения в отношении генерала Эйбатова. Во-первых, супругой генерала была Анна Федоровна Калакатова, татарка по национальности, уроженка Астрахани (1901 г.). Во-вторых, во всех собственноручно заполненных анкетах и документах генерала в графе «национальность» значится азербайджанец, а в графе «родной язык» - азербайджанский. И лично я не вижу необходимости в том, чтобы кому-то доказывать прописные истины, оставим это на совести тех, кто всячески пытается запятнать доброе имя славного сына азербайджанского народа – генерала Эйбата Эйбатова. Тем не менее, считаю своим долгом внести ясность в некоторые вопросы, касающиеся доблестного полководца.

*Генерал-майор Гамбай Мамед
оглы Везиров (1899-1937)*

*Комиссар Гейдар Садыг бек
оглы Везиров вместе с супругой
Лейла ханум (1898-1938)*

Комиссар Гейдар Садыг бек оглы Везиров (1893-1937)

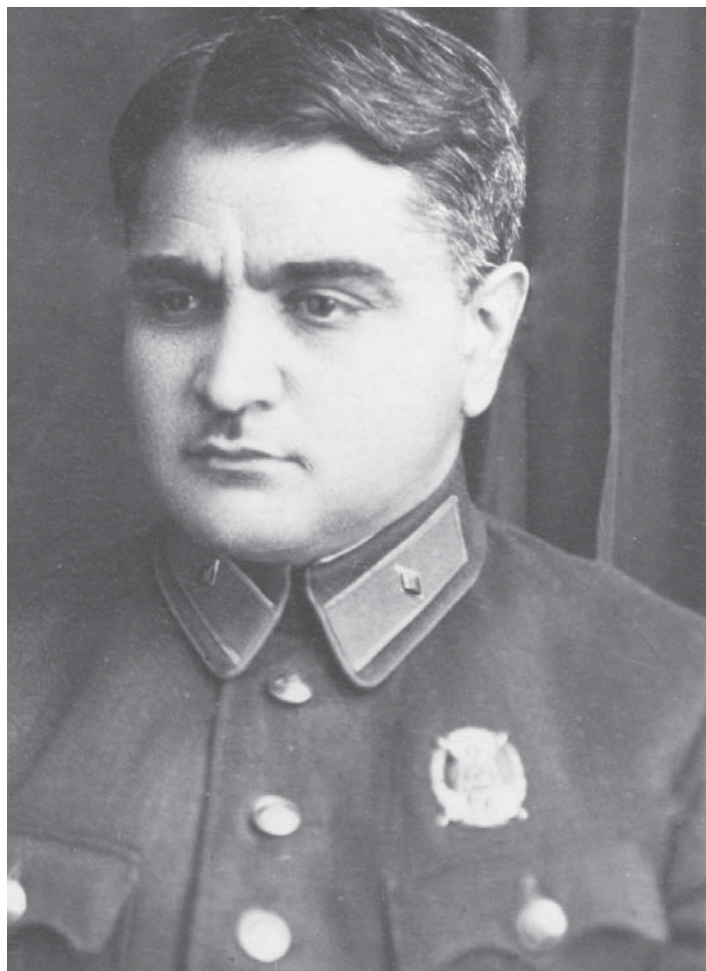
*Впереди: генерал-майор Гамбай Везиров (1899-1937),
1-ый справа полковник Муртуз Талыбзаде*

Второй справа генерал-майор Гамбай Везиров (1899-1937), 3-ий полковник Муртуз Талыбзаде (1902-1937), Гаджикенд, 13-е сентября 1928-го года

Ледигаровъ Кн. Д Ханъ Кн. З. Кн. П Маха- Кн. Кн.
 Чавчавадзе. Зіатханъ. Чавчавадзе Трувецкой. тадзе. Микеладзе. Джорджадзе.
 Кн. Я Шорометовъ Косіанъ Машковъ

*Джамшид хан Джафаркулу
хан оглы Нахичеванский
(09.08.1895-26.08.1938)*

*Джамшид хан Нахичеванский
1930 год*

Посвящается
Его Превосходительству Г. З. А. ТАГІЕВУ.

ПЕРСИДСКІЙ МАРШЪ

„ГЕНЕРАЛЬ ТАГІЕВЪ“

Цѣна 50 коп.

СОБСТВЕННОСТЬ АВТОРА.

СИЛАДЪ КІДАНІ

Постадиць Бакинскаго отд. Императоръ Рус.

Г. И. ИНДРЖИШЕ
КІЕВЪ—БАКУ.

Москва, С.-Петербургъ, Варшава, Одесса,
Ю. Г. Цаммерманъ, Ф. А. Деглафъ, Ю. Г. Цаммерманъ, Н. Х. Давидовъ, И. Г. Шуганъ, Л. Козловъ.

Посвящается Его Высокопревосходительству

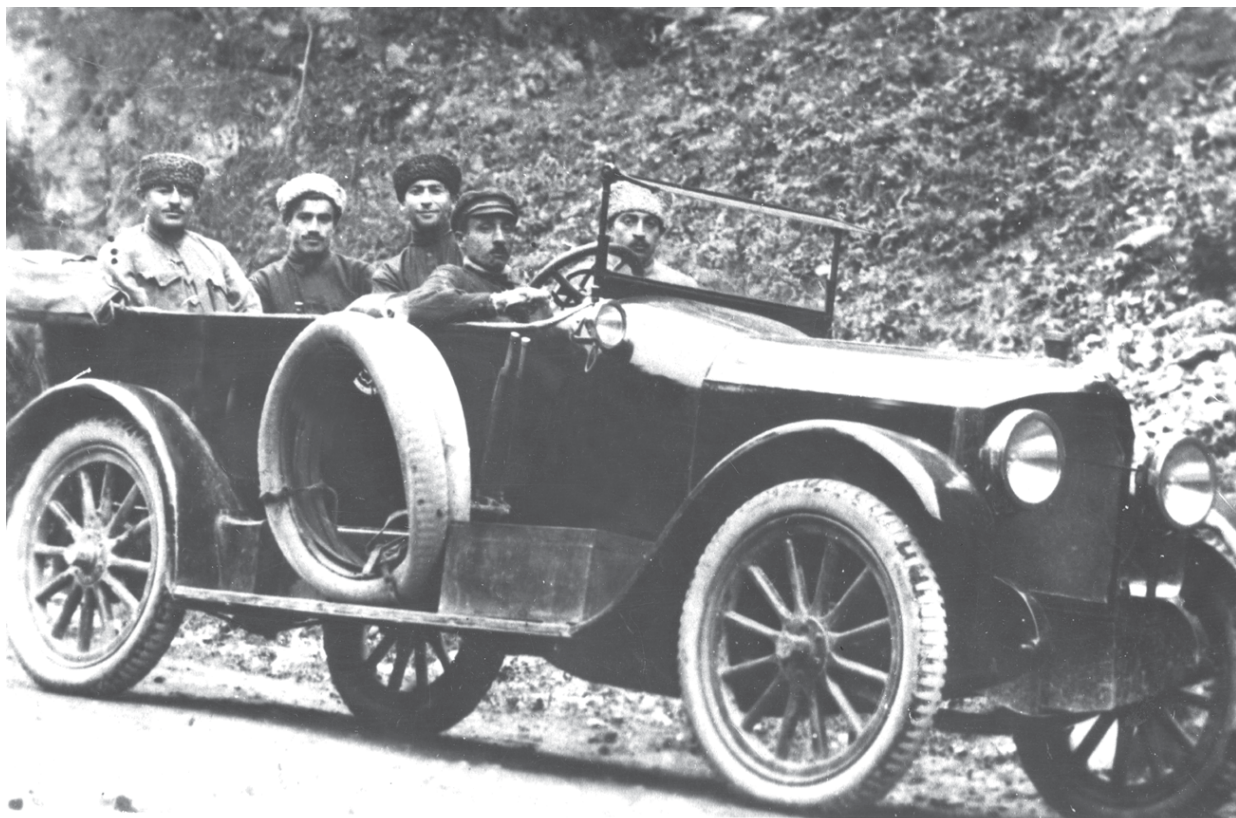
Г. З. А. ТАГІЕВУ.

МАРШЪ

ГЕНЕРАЛЬ ТАГІЕВЪ

Соч. В. М. Кнейдиль. Op. 20

The musical score is written for piano and violin. It begins with a key signature of one sharp (F#) and a 2/4 time signature. The piano part features a rhythmic accompaniment with chords and moving lines, while the violin part has a more melodic and rhythmic line. Dynamics include *mf*, *f*, and *rit.*. The score includes first and second endings, marked with '1.' and '2.' respectively.

Сзади слева первый Фархад Бабаев, впереди Камиссар Шамистан Махмуд оглы Эюбов, (1896-1937) (Главный герой в “Комсомольской поэме” Самеда Вургуня. Фотография снята в 1930-м году

Первый военный лётчик Азербайджана Фаррух ага Гаибов (1891-1916)

Памятник воздвигнутый в 1960- году в городе Мары Туркменистана Ягубу Кулиеву

Генерал Ягуб Аллахкулу оглы Кулиев

Лейтенант Ягуб Кулиев

Один полк из войска Саттархана: в середине в белой одежде Саттар хан Салари-Милли и Багир хан. Город Тегеран 15-е апреля 1910-го года.

*Министр Обороны Южного
Азербайджана генерал
Джафар Маммедзаде (Кавиан)
Город Тебриз, 1946-й год*

*Первый выпуск Национальной военной школы в городе Тебриз,
1946-ой год. В середине генерал Джафар Маммедзаде (Кавиан)*

Полковник Агахи Мухаммед Руководитель Карадагских фидаинов Южного Азербайджана (1909-1946)

Защитники Портъ-Артура—изъ бригады генералъ-маіора Ирмана. Группа офицеровъ-артилеристовъ во главѣ со своимъ командиромъ Али-Ага Шихлинскимъ: Шишкинъ, Михайловъ, Карамышевъ, Гюнтеръ, Шулейкинъ, Бухало. По фот. авт. «Нивы».

*Генерал Эйбат Атамоглан
оглы Эйбатов (1898-1959)*

*Полковник Бахыш Мехди
оглы Мехдиев*

Генерал Эйбат Эйбатов. 1942-ой год, Кавказский фронт.

Сотрудники Военного атташе представительства Азербайджана в Турции в 1918-1920-м годах: Исмаил Исмаилов (личный секретарь Ибрагима Абилова), Алескер Кенгерли, Агагусейн Агасиев и др.

Журналистка Афэг
Кулиева и Шамистан
Назирли у могилы генерала
Али ага Шихлинского
28 марта 1999 года

Слева на право: сестра Сафия, отец Герай бек, Рустам Векилов,
мать Ситара Мамед кызы, невестка Сара Таирова. 1931 г.

Третий справа Герай бек Аббаскулу бек оглы Векилов

Удостоенный полного Георгиевского ордена прапорщик Лютвели бек Векилов (1890-1932)

Медальон выпущенный к 140 летию генерала - топографа Ибрагима аги Векилова

Журналист-исследователь Шамистан Назирли и сын генерала С.Мехмандарова Игорь Самед бек оглы Мехмандаров. 1986-ой год.

Штабс-капитан
Герай бек Векилов
(1884-1952)

Нигяр ханум Шихлинская
вместе с сыном Хосров беком

*Дочь генерала, Рена ханум
Ибрагим ага кызы Векилова
(1896-1966)*

Как Эйбатов стал Зювановым

После долгих поисков, в 1985 году мне удалось разыскать родную сестру генерала - Сару ханум Эйбатову, которой тогда было уже 86 лет.

- В прессе, на радио и телевидении искажается фамилия и отчество моего брата, словно все сговорились и называют его «Эйбат оглы», - возмущалась она. - Нашего отца звали не Эйбат, а Атамоглан. Нас в семье было семеро детей – Эйбат, Ази, Джахангир, Наджаф, Сара, Салман (погиб под Ленинградом) и Рахман. Отец родился в селе Маштага, мать – Тутуханум Агаали кызы – была родом из села Сарай. Отца припоминаю с трудом, его дашнаки застрелили во время резни в 1918 году. После смерти отца жить стало невмоготу. Мать устроила старшего брата на работу к генералу Зюванову. Трудолюбие, смекалка, храбрость и феноменальная память Эйбата пришлись генералу по душе, и он помог брату поступить в военное училище. Детей у Зюванова не было, а потому он каждый раз упрашивал нашу мать позволить ему усыновить Эйбата и дать ему свою фамилию. Но мать долго не соглашалась, хотя, было нелегко без отца растить ей нас. В конце концов острая нужда и обещания генерала заставили нашу мать уступить мольбам генерала, и Эйбат был усыновлен Зювановым. Вот вам, если хотите знать, вся правда о том, как мой брат принял чужую фамилию.

Курсант, комвзвода, комдив

В 1912 году Эйбат окончил русско-татарскую школу, а четырьмя годами позже – трехклассную высшую начальную Алексеевскую школу. В поисках работы он нанимается зазывалой к фэтонщику, стоявшему на улице Большая морская (ныне проспект Бюльбюля - авт.). Затем работает укладчиком на заводе колесной мази Рабиновича, помощником ковальщика-кузнеца в мастерской на улице Будаговская 83, слесарем в Амираджан-Баладжарском нефтепромышленном товариществе «Абнето».

В 1920 году Эйбат поступает в Азербайджанскую военную сводную школу. За годы учебы проявил себя как прилежный курсант. В январе 1922 года, экстерном сдал экзамены, Эйбат с отличием завершает учебу.

Прослужив некоторое время командиром взвода кавалерийского дивизиона, Э.Эйбатов переводится на службу в Азербайджанскую стрелковую бригаду на должность командира взвода. В январе 1923

года он назначается командиром роты Первого Железного стрелкового полка. В октябре 1928 года направляется на курсы тактико-стрелкового усовершенствования «Выстрел» имени Коминтерна при Военной академии имени Фрунзе в Москве. Успешно завершив учебу, Э.Эйбатов возвращается в родной Азербайджан. Служит начальником штаба Первого Железного стрелкового полка, начальником полковой военной школы, а в 1937 году – командиром 77-й Азербайджанской горно-стрелковой дивизии.

С 1938 года Э.Эйбатов проходит службу в различных воинских частях вне Азербайджана – командир воинской части в Курске, руководитель группы военного контроля Орловского военного округа, командир 641-го Стрелкового полка в Грозном.

С началом Второй мировой войны Э.Эйбатову поручается формирование воинского контингента и он назначается заместителем командира 347-й Стрелковой дивизии. Приказом Военного Совета Закавказского фронта, в феврале 1942-го Э.Эйбатов назначается на должность командира 223-й Азербайджанской стрелковой дивизии.

В поисках личного дела генерала

Семью генерала Эйбатова я искал долго. С трудом мне удалось разузнать место проживания его сына Бориса.

По указанному адресу в Ахмедлы дверь мне открыла женщина средних лет. Представившаяся супругой Бориса Надежда Евгеньевна, сказала, что муж умер в 1983 году. К сожалению, каких-либо документов и фотографий о генерале Эйбатове в семье не сохранилось. Надежда Евгеньевна посоветовала мне обратиться к сестре генерала Саре ханум и отставному полковнику Бахышу Мехтиеву. А еще она посоветовала обратиться в республиканский военкомат, где, по ее предположениям, могло бы сохраниться личное дело генерала.

Но сотрудник республиканского военкомата майор Николай Чебунин заявил, что личное дело Эйбата Эйбатова, как и некоторых других, было уничтожено в 1971 году и рекомендовал обратиться в районный военкомат по месту его жительства.

Но и здесь меня ждало разочарование:

- Никаких документов и фотографий, связанных с генералом Эйбатовым, у нас нет, - категорично заявили мне в райвоенкомате.

- Как это нет? - подумал было я. - Ведь в конце концов речь идет об одном из немногих азербайджанских генералов, жизнь и боевой путь которого не только его личная, но и всего народа и страны история.

Наконец, мои многолетние поиски увенчались успехом. У ныне покойного полковника Бахыша Мехтиева, оказывается, хранился настоящий клад...

С трепетом смотрю на пожелтевшие от времени редкие снимки генерала (в окопе, с боевыми друзьями, при вручении дивизии переходящего Красного знамени Верховного Совета республики, снимки послевоенных лет в рабочем кабинете). Среди прочих ценных документов – «Аттестация» на имя генерал-майора Эйбата Эйбатова от 4 июня 1945 года, подписанная Героем Советского Союза, гвардии генерал-лейтенантом Жеребиным, командующим 5-й ударной армией генерал-полковником Берзариным, членом Военного совета генерал-лейтенантом Боковым и командиром 416-й Таганрогской дивизии генерал-майором Дмитрием Сызрановым.

Командир полка Б.Мехтиев вместе с генералом Эйбатовым прошел всю войну. В опубликованных в 1983 году своих мемуарах «223-я Краснознаменная Белградская дивизия» он с гордостью пишет о своем боевом друге:

«В сопровождении начальника медицинского пункта Шукюра Ахмедова генерал Эйбатов подошел к раненым бойцам. Увидев одного из них, Ахмедов, изменился в лице. В раненом бойце он узнал своего друга Бейгулова.

Обессиленный Бейгулов улыбнулся и попытался что-то сказать Шукюру. Но...

Генерал осторожно притронулся к руке бойца, крепко сжавшего уголок шинели:

- Держись, сынок, - подбодрил он.

- Ничего, товарищ генерал, я еще... - Бейгулов хотел что-то сказать. Но на лице выступил холодный пот, от боли он стиснул зубы.

Генерал, по-отцовски, погладил по голове бойца.

- Ничего, сынок, сейчас тебя отведут в госпиталь и вылечат.

Скоро вернешься в строй, и мы с тобой еще повоюем ...»

В октябре 1959 года, после смерти Эйбата Эйбатов, Анна Федоровна передала Б.Мехтиеву на хранение личные документы и фотографии генерала.

- Бахыш, мне известно, что у Эйбата нет друга более близкого, чем вы, - сказала она. – Хочу, чтобы его «Аттестация» и остальные документы хранились у вас. Я вам доверяю больше, чем кому-либо. Этого хотел и сам Эйбат. Он считал вас самым близким другом.

«Аттестация»

замкомандира Краснознаменной ордена Суворова
416-й Таганрогской стрелковой дивизии
генерал-майора Эйбата Эйбатова
(ноябрь 1943-го - 4 июня 1945 года)

1. Год рождения: сентябрь 1898 г.
2. Национальность: азербайджанец. Хорошо говорит на русском языке. Читает и переводит с английского. Социальное происхождение – из рабочего класса.
3. Партийность и стаж: член ВКП (б) с августа 1931 года.
4. Образование:
 - а) общее и специальное: среднее - 8 классов;
 - б) военное: военное сводное Азербайджанское пехотное училище в 1922 году и курсы «Выстрел» кавалерийское отделение в 1929 году - 1 год;
 - в) политическое: не имеет.
5. С какого времени в РККА: с октября 1920 года.
6. Деятельность пребывания на фронтах Второй мировой войны: ноябрь 1943 года - получил ранение в боях под Ростовом, декабрь 1944 года – второе ранение под Варшавой, третье ранение получил под Одессой. После краткосрочных курсов лечения возвращался на фронт, принимал активное участие в боевых действиях. Всего пробыл на фронте с 13 октября 1941 года - 3 года, 7 месяцев и 17 дней.
7. Офицер кадра или запаса: кадра, с 1922 г.
8. Когда получил первичное офицерское звание: в ноябре 1942 года было присвоено звание генерал-майора.
9. Состояние здоровья: болен.
10. Специальность по роду работы и службы до начала войны: командир 641-го стрелкового полка 55-й стрелковой дивизии СКВО.
11. Какие имеет награды: ордена - два «Красного знамени», «Суворова» II степени, «Кутузова» II степени, «Богдана Хмельницкого» II степени, «Отечественной войны» I степени и медаль «За оборону Кавказа».
12. Ранения и контузии: три легких ранения и три легкие контузии.
13. С какого времени в занимаемой должности: с 21 ноября 1943 года.

Воспоминания однополчан

- Анна Федоровна была медсестрой, - вспоминает Б.Мехтиев. - Кстати, в нашей дивизии служили три представителя семьи Эйбатовых: Николай – сын генерала, павший смертью храбрых в бою, Анна Федоровна и сам Эйбат Эйбатов.

Летом 1942 года полковник Эйбат Эйбатов был назначен командиром 223-й Азербайджанской стрелковой дивизии. А уже в сентябре приведенная в состояние полной боеготовности дивизия стояла в Буйнаксе.

Прибывший на встречу с бойцами дивизии руководитель Азербайджана Мир Джафар Багиров, выступая перед строем военнослужащих, не без иронии сказал:

- Это – национальное соединение, и его командиром должен быть представитель азербайджанской национальности. Зюванову-Эйбатову надобно бы поменять фамилию.

Полковник сильно занервничал. Бойцы сильно переживали за своего командира. Им были хорошо известны деспотичность, жестокий нрав и беспощадность М.Дж.Багирова к окружающим, особенно к тем, кто смел ему перечь. В тот день по приказу Багирова были расстреляны несколько дезертиров из соседней дивизии.

Ответ полковника был неожиданным:

- Фамилия моя русская, но плоть от плоти я азербайджанец, - смело отчеканил полковник Эйбатов. - Я сын азербайджанского народа и до конца буду предан ему. Что касается фамилии, то к существу дела она не имеет никакого отношения. Взяв фамилию Зюванов, я не отрекся ни от своего народа, ни от родины. Я служил в разных уголках страны и всюду гордился, что являюсь азербайджанцем. Я не хочу выглядеть неблагодарным по отношению к Зюванову, когда-то заменившему мне отца. В священном Коране говорится, что твой долг быть верным человеку, сделавшим тебя счастливым.

До освобождения Харькова генерал Эйбатов был командиром нашей дивизии. Но в июньские дни 1943-го, когда шли бои за станцию Дьячкино, поступил приказ о назначении генерала Эйбатова замкомандиром 416-ой Таганрогской дивизии. Безусловно, для такого талантливого полководца это было понижением. Мало того, генерал Эйбатов назначался заместителем Дмитрия Сызранова, который был в звании полковника. Таким вот образом М.Дж.Багиров отомстил Э.Эйбатову.

А вот, что пишет в «Фронтовом дневнике» прошедший с генерал-майором Эйбатовым путь до Берлина майор в отставке, ныне покойный писатель Мамед Аранлы:

«9 марта 1944 года. Наши перешли в наступление. Идут кровопролитные бои. Наконец, немцы ударились в бегство. Беседуем с Бахтияром Эфендиевым. Подходит генерал-майор Зюванов. Завязывается интересная беседа. Генерал вспомнил Сафара Мамедова, который не раз помогал ему своими мудрыми советами в проведении боевых операций. Генерал Зюванов на вид простой, скромный, любящий пошутить. Несмотря на русскую фамилию, он настоящий азербайджанец. Интересный собеседник. Странно, он не ест мясо, масло...»

В 1983 году я розыскал Бахтияра Эфендиева, о котором упоминалось в дневнике Мамеда Аранлы. Капитан в отставке, ветеран 416-й Таганрогской дивизии был директором интернациональной средней школы №39 Наримановского района Баку. Победу встретил с Эйбатовым в Берлине.

- Полковник Дмитрий Сызранов расценил назначение Эйбатова своим заместителем несправедливостью в отношении генерала, - вспоминал Бахтияр Эфендиев. - Он питал личные симпатии и уважение к генералу. Как-то раз, в разговоре с Рашидом Меджидовым, начальником политотдела дивизии, Сызранов охарактеризовал генерала Эйбатова как мужественного военачальника, отважного азербайджанца, павшего в немилость Багирову.

Бывший член Военного Совета 5-й Ударной армии, генерал-лейтенант в запасе Федор Ефимович Боков в беседе со мной не скрыл своей гордости за доблестного сына азербайджанского народа.

- 21 апреля 1945-го стал незабываемым днем для 5-й Ударной армии, в том числе и для 416-й Таганрогской дивизии, - вспоминал генерал. - Прорвав внешнюю и внутреннюю оборону Берлина, дивизия вступила в бои непосредственно за город. Первым в город вошел 1373 полк под командованием замкомандира дивизии, генерал-майора Эйбата Эйбатова.

Перед бойцами полка была поставлена конкретная задача – атаковать в направлении резиденции фюрера, главной улицы Берлина Унтер-ден Линден и Бранденбургских ворот. Дивизия приступила к бою на мосту над рекой Шрейе. Я наблюдал за боем и испытывал чувство гордости за генерала Эйбатова и его бойцов, ибо им выпала честь первыми атаковать важнейшие государственные и военные объекты в

самом сердце Германии – Берлине.

Мне посчастливилось услышать пламенную речь генерала Эйбатов у Бранденбургских ворот. Взобравшись на танк, радуясь героизму своих земляков, Эйбатов сказал:

- Я счастлив, что в этот исторический день имею возможность приветствовать вас на берлинской земле. Считаю своим долгом произнести сегодня имена и наших отважных азербайджанских девушек – Беюкханум Мирджавадовой, Рашиды Гасымзаде, Захры Салимовой, Тахиры Дадашевой и многих других, мужественно выполнивших свой священный долг перед древним Азербайджаном. Они с честью продолжили славные традиции Мехсети, Натаван, Хаджар, Нигяр.

Сегодня, когда шли упорные бои за Берлин, последний выстрел у Бранденбургских ворот произвели бойцы нашей дивизии. Мы – азербайджанцы, участники этого исторического штурма и свидетели окончания войны. Вечная память героям, прошедшим славный боевой путь от Кавказа до Берлина.

В феврале 1985 года съемочная группа военно-патриотической передачи «Нүнэг» («Отвага») Азербайджанского республиканского телевидения находилась в командировке на кубанской земле. Нам предстояло подготовить цикл передач о боевом пути 223-й Азербайджанской стрелковой дивизии, которой командовал генерал Эйбат Эйбатов. Вместе с нами по местам боевой славы отправился командир картечного отделения 1039 полка дивизии, майор в отставке Абдулалли Мурсалов. Несмотря на прошедшие со дня окончания войны сорок лет, бывший боец прекрасно помнил каждую тропинку-дорожку в Усть-Лабинске, Некрасовске, Стебилевске, Красноармейске, Темиргоевске, Курганске и других населенных пунктах, за которые воевал. Именно 223-я дивизия освободила кубанскую землю от врагов. Всюду, где мы бывали, звучали благодарственные речи о воинской доблести и боевом подвиге отважных сынов Азербайджана.

Абдулалли Мурсалов организовал для нас на встречу с председателем Краснодарского краевого Совета ветеранов войны, генерал-майором Алексеем Кабановым.

- Я часами могу рассказывать о героях-азербайджанцах 223-й дивизии, моем боевом товарище генерале Эйбатове. Мы регулярно встречались с ним на военном совете 5-й Ударной армии. Кубанцы не вправе забывать беспримерный подвиг бойцов 223-й дивизии, его мужественного командира генерала Эйбата Эйбатова. Азербайджанцы понесли сотни жертв ради освобождения наших земель, проявили бес-

примерную отвагу и героизм.

9 марта 1943-го дивизия генерала Эйбата Эйбатова, объединившись с партизанским отрядом, освободила станицу Красноармейск. Известный азербайджанский поэт Самед Вургун вручил 1045 полку 223-й дивизии Переходящее Красное знамя Верховного Совета Азербайджанской ССР. Это знамя, вдохновившее азербайджанских героев на новые победы на всем боевом пути вплоть до Вены, с орденами Суворова и Кутузова хранится в Центральном Музее Советской армии в Москве. На кубанской земле созданы музеи, рассказывающие о боевом пути солдат и офицеров 223-й Азербайджанской стрелковой дивизии. Для нас дорога память о каждом азербайджанце, отдавшем свою жизнь за освобождение кубанской земли.

**«Аттестация»
генерал-майора Эйбата Эйбатова**

«Генерал-майор тов. Зюванов.

Предан партии и социалистической родине.

С ноября 1943 года по настоящее время прошел большой боевой путь. Руководил действиями воинских подразделений при форсировании Днестра, Кюстрина, Одера, освобождении Берлина, в мероприятиях по преследованию противника от Вислы до Берлина. Разбирается в тактической обстановке, разрабатывает и проводит индивидуальные операции, обеспечивает взаимодействие родов войск, владеет организационными навыками обучения войск. В боях и учебе правильно оценивает вопрос организации управления войсками.

Знает службу тыла и ее роль в бою. Умеет озадачить тыл в интересах обеспечения операции.

В походах вынослив, но часто жалуется на состояние здоровья.

По характеру – твердый, культурный. Исполнителен, мужественен и отважен, решителен и смел. Морально устойчив, общителен, служит авторитетом для личного состава, прост в обращении. Политически грамотен, идеологически выдержан. Никогда не выходил из боя, будучи ранен, оставался до конца операции.

Вывод:

1. Должности заместителя командира дивизии по строевой

части соответствует;

2. Может быть использован по работе в военно-учебных заведениях.

командир 416 СТКОСД генерал майор Сызранов - 4 июня 1945 года;
командир 32 Стрелкового ордена Суворова корпуса,
Герой Советского Союза, гвардии генерал-лейтенант Жеребин -
7 июня 1945 года

Аттестацию утверждаю:

командующий войсками 5-й ударной армии
генерал-полковник Берзарин;
член Военного совета генерал-лейтенант Боков

12 июня 1945 г.

- В мае 1944-го шли упорные бои за реку Днестр, - рассказывает Б.Мехтиев. - Бок о бок сражались две азербайджанские стрелковые дивизии - 416-я и 223-я. После короткой передышки поступило сообщение о том, что генерал Эйбатов с группой бойцов попал в окружение и не исключено, что все они погибли в бою. Взяв несколько отважных бойцов, я ринулся на помощь генералу. После четырех часов боя нам удалось отбить из окружения боевых товарищей. Генерал Эйбатов был ранен. Я помог ему приподняться.

- Спасибо, земляк, ты спас меня от смерти, - сказал генерал, крепко пожав мне руку. В знак благодарности он подарил мне свой кортик, на котором сделал следующую надпись: «Храброму разведчику Б.Мехтиеву».

Бахыш Мехтиев дорожил этой реликвией до конца своих дней.

А вот как вспоминает о генерале Эйбатове фронтовой писатель Ибрагим Новрузов:

- Я знал генерала Эйбата Эйбатова с середины 30-х годов. Служил солдатом у него. В то время Эйбатов был в звании майора и руководил оперативным отделом штаба 77-й дивизии. В течение года он возвысился от начальника штаба до командира дивизии. С тех пор Эйбатов внешне, можно сказать, не изменился. Как и прежде, выглядел стройным, аккуратно одетым, ходил быстрым шагом, тот же пронзительный взгляд, говорит с акцентом, присущим маштагинцам. Русские

называют его «батей», а мы - «ата».

В Берлин генерал Эйбат Эйбатов вступил во главе дивизии. На Унтер-ден Линден штрассе, у Бранденбургских ворот, под рукоплескания солдат генерал танцевал «Гайтагы».

Отчитываясь об итогах четырехлетних боев, командир соединения в числе отличившихся первым назвал генерала Эйбата Эйбатов и лично передал ему благодарность командующего армией маршала Георгия Жукова.

Примечание: Война для генерала Эйбата Эйбатов началась 13 октября 1941 года и закончилась 9 мая 1945 года в Берлине. За 3 года, 7 месяцев, 17 дней участия в боевых действиях он удостоился двух орденов Красного Знамени, Суворова II степени, Кутузова II степени, Богдана Хмельницкого II степени, Отечественной войны I степени и медали «За оборону Кавказа». Звание генерал-майора Эйбату Эйбатову было присвоено 10 ноября 1942 года. Он был трижды ранен и контужен, но всякий раз возвращался в строй.

Я не верил и сейчас не верю, что, сменив фамилию, генерал Эйбатов изменил своей родине, своему народу. Поступилась бы мать Тутуханум сыном Эйбатов, не настигни в 1918 году его отца, Атамоглана, пуля армянского дашнака? Конечно, нет!

После ухода в отставку генерал Эйбат Эйбатов активно участвовал в общественно политической жизни Азербайджана. Был на руководящей партийной работе, избирался депутатом Верховного Совета республики.

Генерал Э.Эйбатов скончался после продолжительной болезни 7 октября 1959 года в возрасте 61 года в Киеве. Завещал похоронить его на родине в Азербайджане. Завещание генерала было исполнено – он похоронен в Аллее почетного захоронения в Баку. А в родном селе Маштага его имя носит одна из улиц.

ГЕНЕРАЛ ДЖАФАР МАМЕДЗАДЕ

*Меж нами, разрубив все нити встреч,
Лежит Аракс, как будто острый меч*

*Самед Вургун,
Народный поэт Азербайджана*

Двенадцатого декабря 1945 года, в результате многолетней борьбы за свободу и независимость, нашими соотечественниками, нашими братьями по ту сторону реки Араз было сформировано Национальное правительство Южного Азербайджана.

В целях подготовки воинских кадров – защитников отечества – начало функционировать двухгодичное училище.

Отряды фидаинов¹ соединились с новосозданным народным ополчением.

В национальном правительстве было образовано министерство народных войск.

В течение короткого времени сформировался офицерский корпус, состоявший из трехсот профессиональных военных, которым были присвоены различные воинские звания. Четырнадцать офицерам было присвоено звание полковника. Все они с честью, достойно служили в народных войсках Южного Азербайджана, личный состав которых насчитывал более восемнадцати тысяч человек.

Ряд доблестных офицеров, самоотверженно и умело руководивших народными войсками, были удостоены высокого звания генерала. Вот их имена – Абдулкасым Азими, Мёхсун Милани, Абдулрза Азер, Абдин Наван, Махмуд Панахи, Кулам Яхья, Мирза Раби Кябири и Джафар Мамедзаде.

Мы расскажем здесь об одном из них – генерале Джафаре Мамедзаде Кавиане.

... Отец вернулся со службы поздно. Пригубил чаю и устало лег в постель. Несмотря на то, что борьба английскими и американскими шпионами в последнее время усилилась, покушения на фидаинов не

¹ Фидаин – самоотверженный, отчаянный.

прекращались. Это не давало генералу покоя ни днем, ни ночью.

Наемные прислужники США не жалели сил и средств, чтобы вернуть только-только обретший свободу народ Южного Азербайджана к шахскому правлению, шахскому режиму, чтобы в колыбели задушить эту завоеванную ценой крови свободу и независимость.

Скрипнула стоявшая у дверей кровать. Старший сын генерала Каве тоже не мог уснуть. Тревога из-за угрозы, нависшей в последние дни над Национальным правительством, не покидала его. Каве был одним из фидаинов армии свободы.

- Не спится, сынок? – заботливо спросил отец.

- Сон пропал, - сказал Каве.

- А что с тобой? Как дела в вашем ведомстве?

- Город полнится слухами, отец. Все говорят об одном и том же.

Курильщики опиума ажаны² Султан Али Шагаги, Сейфулла Багмешали, Миршариф, бакалейщик Гаджиалекпер затосковали по «шахской свободе», готовятся низложить нашу демократическую партию, совершить переворот. Из-за границы ими получено оружие. Готовятся предать фидаинов мечу.

- Слушай, да не верь, - устало, без настроения сказал отец. – Такие слухи до нас тоже доходят. Воду мутит Америка. Если за ними стоит Америка, то за нами стоят Советы.

- Нашему народу дважды довелось вдохнуть воздух свободы, отец. Его пытались поставить на колени, сломить его волю к свободе и независимость, но не смогли. Однако монархия с ее тиранией, гнетом, насилием сделала свое дело. Кажется, и на этот раз...

Отец гневно откинул одеяло и сел на кровати:

- Что на это раз? Что ты хочешь этим сказать?

- Я хочу сказать... - осторожно произнес Каве. – Весь город говорит о том, что Советами по ту сторону Араза подписан приказ о выводе советских войск из Ирана. Если советские войска уйдут отсюда – наше Национальное правительство, так же, как и движение Саттархана и Хиябани...

У Каве язык не повернулся сказать «погибнет».

Об этой тяжелой вести с советского берега Араза отец был наслышан и потому все последние дни был нервен и раздражителен. Он глубоко вздохнул и, чтобы сын не падал духом и не отчаивался, сказал:

² Ажан - полицейский

- Это было бы чудовищным предательством...

Время уже перевалило далеко за полночь, но генерал все еще не мог уснуть. Смотрел в темноту комнаты, и тревожные мысли набегали одна на другую...

...Джафар Мамедзаде являлся министром обороны в Национальном правительстве Южного Азербайджана. Генерал прошел сложный, тернистый жизненный путь, большая часть которого пришлась на национально-освободительное движение. С молодых ногтей он активно включился в подпольную революционную работу и действовал под двумя именами. В молодости его конспиративным именем было Мешади. Когда его назначили министром национальных войск Южного Азербайджана, - он стал известен как генерал Джафар Кавиан. Отец его родом был из села Сяхлан недалеко от Тебриза. Тяжелая жизнь сделала неимущего крестьянина Мухаммедали-киши стойким и волевым человеком. Суровый сельский быт, необходимость обрабатывать чужую, господскую землю – доводили его до отчаяния. И когда в начале прошлого века началось народное движение под предводительством Мухаммедали-киши и его старший брат Исрафил стали в ряды моджахидов. Железная воля и личные качества обусловили становление Мухаммедали-киши как сознательного, политически подкованного фидаина. Он овладел грамотой – научился читать и писать. Приобрел известность как один из моджахидов народного героя Саттархана и организатор подпольного движения. 15 апреля 1910 года Саттархана торжественно встречали в Тегеране, где он сфотографировался вместе с моджахидами; в переднем ряду находился и сяхланец Мухаммедали-киши. Подлинник этого исторического фото бережно хранить его внук Максуд.

Реакционными властями Ирана национально-освободительное движение Саттархана было подавлено. В числе других моджахидов был арестован и сяхланец Мухаммедали-киши. Вскоре после освобождения он скончался от перенесенных в тюрьме пыток.

Образ Мухаммедали Сяхланды нашел свое художественное отображение в романе Макулу Панахи «Саттархан».

Старший брат генерала Джафара Мамедзаде Исрафил также являлся активным участником революционного движения. Он был соратником по борьбе славного сына Азербайджана Гейдара Амиоглы.

³ Генерал Джафар Мамедзаде Кавиан родился в 1895 году в селе Сяхлан близ Тебриза.

...В автобиографии, написанной им в 1974 году, генерал отмечает: «Революционная деятельность моя началась в 1908 году, с тринадцати лет³, с освободительного движения Сагтархана. До того я получил в Тебризе религиозное образование».

Когда революция потерпела поражение, он вместе с братом Исрафилом, спасаясь от шахского режима, преследований, перебирается в Баку. В течение двух лет Мешади Джафар занимается здесь портняжным ремеслом. Затем вновь возвращается в Тебриз. Принимает участие в пятом окружном заседании Иранской социал-демократической партии, организованном в доме Гуламгусейн хана Рзазаде. Становится одним из руководителей отрядов фидаинов в движении шейха Мухаммеда Хиябани.

Подпольная революционная деятельность генерала Джафара Мамедзаде этого периода раскрывается и в книжке Акрама Селимзаде и Рзабалы Нуралиева «Последний бой», посвященной известному чекисту Исламу Алиеву; вот фрагмент из нее:

«В Тебризе Ислам встретился с Мешади. В ходе беседы Мешади сказал:

- Идет подготовка к очередному второму съезду нашей партии. Центральный Комитет считает необходимым отозвать вас в Тебриз. Здесь сейчас разворачиваются более серьезные дела. И вы нам в этом сможете очень помочь.

- В чем именно? – хладнокровно спросил Ислам.

- У нас есть вооруженные отряды. Руководство ими поручим вам.

Ислам не возразил.

Он переехал из Меренда в Тебриз.

...В первых числах февраля 1922 года в Тебризе было неспокойно. На улицах то и дело проходили демонстрации. Доведенный до отчаяния шахской тиранией народ избивал ажанов, не признавал правительственных учреждений. Девятого февраля в доме, где конспиративно проживал Мешади, собралась группа людей. Среди них были Ислам, поэт Лахути, доктор Рагим хан, Тати Шарги, Бурхани и другие. Коротко посоветовавшись, они разошлись. Часа через два после этого в различных кварталах Тебриза началась перестрелка. Она продолжалась всю ночь. Наутро власть уже была в руках народных фидаинов».

Отдававший все силы борьбе за свободу нашего народа, Мешади Джафар в 1922 году принял непосредственное участие в движении известного поэта Абулькасыма Лахути, где также возглавлял отряды фи-

даинов. Шахский режим подавил и это движение. Мешади Джафар во второй раз находит убежище в Баку. Поступает на учебу на партийные курсы.

В 1924 году распоряжением Компартии Азербайджана Мешади Джафар направляется на работу в Нахичевань на должность председателя горнопромышленного профсоюза рабочих. Спустя три года, по заданию Третьего Коминтерна, он вновь направляется в Иран, и в Тебризе, Реште и Тегеране ведет подпольную революционную работу.

В конце 1930 года ажаны арестовывают Мешади Джафара. Копия решения суда за номером 3472/14 хранится у его сына Максуда. Текст этого решения гласит: «Джафар Кавиан привлекается к ответственности за печатание и распространения в Тегеране прокламаций по поводу Первого мая. Он является членом Коммунистической партии. Поддерживает тесную связь с коммунистами в Иране и за его пределами. Антагонистически настроен по отношению к Иранскому государству и его независимости. Сообщники Джафара Кавиана подвергаются аресту по статье двадцать седьмой свода законов Ирана, сам же Кавиан арестовывается по статье двадцать восьмой этого свода. Приговор приводится в исполнение».

Шесть лет и семь месяцев, проведенные Джафаром Кавианом за высокими мощными стенами темницы Гасри-Каджар, не смогли сломать его железную волю и революционную устремленность мужественного сына азербайджанского народа.

Жестокий, не ведающий милосердия режим Рза шаха ссылает его после выхода из тюрьмы в город Зенджан. После ввода советский войск в Иран в 1941 году Джафар Кавиан возвращается из ссылки. До 1944 года он трудится в различных организациях в Тебризе, участвует в создании антифашистской, народной и других партий.

Двенадцатого декабря 1945 года в Южном Азербайджане в результате вооруженного восстания к власти пришло национальное правительство, премьер-министром в котором народ избрал основоположника Азербайджанской Демократической партии Сеид Джафара Пишевари. Для наших братьев по ту сторону Араза наступил долгожданный день. В составе Ирана они обрели автономию. Азербайджанский язык стал официальным государственным языком. Открылись средние и высшие учебные заведения с преподаванием на родном языке. Был восстановлен восьмичасовой рабочий день. Воз-

⁴ 21-е Азера – 12-е декабря.

двигли памятники Сагтархану и Багирхану. В жизни азербайджанского народа начался период нового возрождения, нового подъема. Этот день вошел в историю как «Движение 21-е Азера»⁴.

Фидаины очистили города и села Азербайджана от войск иранских оккупантов. Джафар Кавиан, обладавший исключительными способностями и талантом полководца, решением Национального правительства Азербайджана был назначен министром обороны и ему было присвоено звание генерал-майора.

В том же году газета «Неджате-Иран» писала:

«В настоящее время генерал Кавиан возглавляет как воинские части, так и полицейские учреждения Азербайджана. Этот человек является одним из старейших борцов за свободу в Иране и участвует в Демократическом движении Азербайджана на протяжении свыше двадцати пяти лет по настоящее время.

В период правления Рза шаха он неоднократно подвергался арестам и тюремному заключению на долгие годы. Не будет ошибкой сказать, что большую часть жизни он провел в шахских тюрьмах. В «Движении 21-е Азера» Джафар Кавиан взял в свои руки руководство боевыми отрядами фидаинов, проявив при этом исключительную самоотверженность. Принимая во внимание его личные заслуги, Демократическое правительство Азербайджана назначило Джафара Кавиана главой военного ведомства. Рука об руку со своими соратниками – борцами за свободу Сеид Джафаром Пишевари, Шабустари, доктором Джавидом и другими – он, резко активизировав деятельность Демократической партии Азербайджана, Национального правительства, поставил реакцию в безвыходное положение».

Демократическая партия Азербайджана и Национальное правительство высоко оценили заслуги Джафара Кавиана перед народом. В подписанном С.Дж.Пишевари указе Комитета от сентября 1946 года говорится, что генерал Джафар Кавиан за самоотверженную деятельность и исключительные заслуги перед народом, по предложению Центрального Комитета, награждается орденом Сагтархана.

Генерал Джафар Кавиан был также награжден новоучрежденной Национальным правительством медалью «21-е Азера».

Один из документов, хранящихся в личном архиве генерала, особо привлек наше внимание. Это ценное свидетельство эпохи, дошедшее до нас с противоположного берега Араза, написано собственноручно генерал-майором Джафаром Кавианом:

«Приказ номер один

Министра народных войск Азербайджана.

В целях защиты национальных интересов Азербайджана и его будущности в Азербайджане создаются официальные народные регулярные войска.

Азербайджанские народные войска – это реальная, настоящая национальная армия. Каждый азербайджанец, независимо от классовой и религиозной принадлежности, должен служить в этой армии. Священная обязанность каждого честного, достойного человека, служащего в этой армии, должна заключаться в защите Родины от врагов...

*Министр народных войск Азербайджана
Джафар Кавиан».*

В конце ноября 1946 года иранское правительство при поддержке американского империализма нарушило июньский договор. С целью захвата Южного Азербайджана вновь напало на него. Завоеванная фидаинами свобода была зверски задушена. В Зенджане, Сараве, Ардебиле, Тебризе и других городах Южного Азербайджана «покорители» устроили кровавые расправы. Предав мученической смерти борцов за свободу, шахские изверги не щадили и их детей.

В декабре реакционный режим правления был восстановлен. Премьер-министр Ирана Гявамюльсалтана и Сталин выдвинули предложения, пошатнувшие национальные интересы Азербайджана. Великое освободительное движение было залито кровью. Убийцы, колонизаторы распространяли клевету, будто бы Азербайджан намерен отделиться от Ирана и завладеть частью его территории. На деле же все обстояло совсем по-другому. Завоеванную в Южном Азербайджане самоотверженной борьбой в течение короткого промежутка времени свободу фидаины хотели распространить на весь Иран.

Один из помощников М.Дж.Багирова Муталлим Бабаев так вспоминает падение Демократической Республики Южного Азербайджана: «Когда в 1944 году в войне с фашистской Германией был открыт Второй фронт, нами было получено новое указание И.Сталина: «Вывести вооруженные силы из ЮЖНОГО АЗЕРБАЙДЖАНА!» Однако М.Дж.Багиров исполнял это распоряжение очень не охотно и медленно. Потому что он хорошо понимал, что в случае вывода войск шахские войска безжалостно разгромят новосозданные структуры демократической республики и учинят кровавые расправы над людьми. И эти расправы не только тех, кто «экспортировал» революцию с Севера, но и всех доведенных шахским режимом до отчаяния иранцев, с великой надеждой примкнувших к демократическому движению.

Пишевари то и дело звонил, с волнением, тревогой в голосе общал о том, что положение день ото дня ухудшается, и требовал оказать помощь. М.Дж.Багиров не хотел раскрывать по телефону всех своих планов, отдавал конкретные распоряжения: «Центр ждать не хочет, требует вывода вооруженных сил...» Затем добавлял: «Пользуясь пребыванием там войск, постепенно собирайтесь, переправляйте людей и все необходимое на эту сторону границу». Пишевари же никак не соглашался с этим решением и почти что кричал по телефону: «Это предательство, у нас такой договоренности не было!..»

По правительственному телефону раздался звонок из Москвы. Я поднял трубку. В ней прозвучало: «Товарищ Сталин будет говорить с Багировым, черезпол часа будьте на связи». Я немедленно доложил об этом Багирову. Мое сообщение он воспринял без особого воодушевления. По всей видимости, он знал, что ему предстояло услышать от руководителя страны...

Ровно через полчаса вновь раздался продолжительный телефонный звонок. Я снял трубку. В ней прозвучало: «На линии товарищ Сталин, отвечайте». М.Дж.Багиров уже поднял телефонную трубку и, произнеся «Багиров слушает», ждал, когда прозвучит голос И.Сталина. Интерес к телефонному разговору двух руководителей был настолько силен, что я не мог положить трубку параллельного телефона. Несмотря на то, что это выходило за рамки моих полномочий, внутреннее побуждение переселило. Текст этого разговора навсегда запечатлелся в моей памяти:

И.Сталин: «Товарищ Багиров, ты кто? М.Дж.Багиров молчит, И.Сталин повторяет: «Спрашиваю, ты кто?» М.Дж.Багиров отвечает: «Вы же знаете, кто я: Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана». И.Сталин: **НЕТ, ТИ БОЛЬШОЙ ДУРАК, ТОВАРИЩ БАГИРОВ!**» Багиров молчит, Сталин продолжает: **ТИ ХОЧЕШЬ ТРЕТЬЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ СОЗДАТЬ?** Хочешь, чтобы американцы нам подарили атомную атаку?» Затем Сталин переходит непосредственно к сути дела: «Товарищ Багиров, почему не выполняешь мое указание о выводе вооруженных сил из Южного Азербайджана?» М.Дж.Багиров нервно поясняет: «Товарищ Сталин, армия постепенно выводится из Ирана. Но...» И.Сталин тут же прерывает: «Что «но»...» М.Дж.Багиров: «Товарищ Сталин, живой контингент советской дивизии в скором времени покинет свои позиции, а часть вооружений, думаю, придется оставлять местным жителям молодой республики для самообороны, ибо шахская гвардия готова истребить не только наших посланцев, но

и местных демократов...» И.Сталин, повысив голос: Напрасно так думаешь. Никакой отдачи оружия чужим рукам! Американцы давно наблюдают за нашими действиями в Иране и упрекают нас в нарушении союзнических договоров...» М.Дж.Багиров не может больше противиться и упавшим голосом говорит: «Как прикажете, товарищ Сталин, будет сделано!»

Телефонный разговор – исторический разговор, решивший судьбу Демократической Республики Южного Азербайджана – подошел к концу. Немного погодя М.Дж.Багиров вызвал меня к себе. В лице его не было ни кровинки, руки дрожали. Когда он заговорил, я услышал дрожь в его голосе. Он распорядился: «Срочно вызови ко мне товарища Пишевари и командующего оперативной группой «Юг». Жду их к часу ночи».

Я выполнял его распоряжения. Вызванные им люди к назначенному времени находились в приемной. М.Дж.Багиров вначале принял командующего 46-ой армией. О чем они говорили, я не слышал. Позже я узнал, что М.Дж.Багиров «нарушив» распоряжение Верховного главнокомандующего И.Сталина, дал командующему армией приказ раздать местным фидаинам легкое вооружение.

По своей всегдашней привычке, Сеид Джафар Пишевари быстрыми шагами, шумно вошел в кабинет к Багирову, забыв при этом закрыть за собой дверь. Я сделал вид, что не заметил этого обстоятельства, потому что не мог подавить в себе желания услышать их разговор.

Пишевари говорил громко и нетерпеливо. Он сообщил о создавшемся кризисном положении, об активизации шахской армии, почувствовавший отход советских войск в сторону границы, о том, что молодая демократическая республика оказалась лицом к лицу с огромной опасностью и без какого-либо вооружения. В завершение он сказал: «Приняв нас в Москве в 42-ом, ставя свою подпись под документом, учреждающим Демократическую Республику Южного Азербайджана, товарищ Сталин заверил нас, что будет стоять за нами, будет до конца защищать нас. Почему же так быстро забыл свои обещания наш руководитель? Интересно, понимает ли вождь коммунистов всего мира, что тем самым беспощадно предаст азербайджанский народ? История не забудет этого предательства...» Дж. Багиров терпеливо выслушал сказанное Пишевари и потом произнес: «Коварство Микояна на сей раз сработало... Создание в Закавказье единого азербайджанского государства не могло быть по нутру ни ему, ни вождю...

» Затем он дал Пишевари конкретные поручения: «Сегодня же ночью возвращайся в Тебриз. Я поручил командующему армией: вам передадут легкое вооружение. Вооружите им активистов, фидаинов молодой республики. По возможности с малыми потерями переправьте людей и все необходимое на этот берег Араза...» Задумавшись, Багиров добавил: «Что поделаешь, так уж распорядилась судьба».

Шахский режим учинил жестокую расправу над азербайджанским народом по ту сторону реки Араз.

Доблестный генерал – один из руководителей освободительного движения – Абдулгасым Азими был расстрелян. Перед смертью он сказал:

- Можете быть уверены – каждый свободолюбивый азербайджанец завтра будет генералом Азими! Народная месть грядет! За пролитую вами кровь, за совершенные вами зверства грядущее поколение отомстит вам!

Палачами Рза шаха был повешен генерал Мирза Раби Кябири.

Воздвигнутые Саттархану и Багирхану памятники были снесены.

Свыше двух тысяч школ, открывшихся в азербайджанских селах на родном языке в течение всего лишь одного года, - были закрыты. Древние рукописи на азербайджанском языке и библиотеки были сожжены, филармония и государственный театр разграблены.

Сложившееся тяжелое положение вынудило генерала Джафара Кавиана, как и многих других его сподвижников-фидаинов, искать убежища в Азербайджане по эту сторону Араза. До последних дней жизни его не покидала тоска по родине. Скончался генерал Кавиан в 1975 году.

Три сына его и три дочери живут в Баку. Сын генерала Максуд Джафар оглы как самую драгоценную, самую священную реликвию хранит имеющие историческую ценность документы и фотографии, с большими трудностями перевезенные в Баку его отцом. Среди них – адресованные Джафару Кавиану письма мужественного, непоколебимого сына азербайджанского народа Сеид Джафара Пишевари, копии приказов и уставов, уникальная фотография, на которой сняты Саттархан и дед Максуда Мухаммедали.

В некрологе, вместе с фотографией генерала Джафара Мамедзаде Кавиана помещенном в органе Азербайджанской Демократической партии газете «Азербайджан» от 28 февраля 1975 года, говорится:

«Видя, в какой кабале пребывает его страна, какая тяжелая

жизнь, какие страдания выпали на долю его народа, Джафар Кавиан с юных лет включился в борьбу за его освобождение. Он был одним из основателей Азербайджанской Демократической партии. За заслуги, активную деятельность в народно-освободительном движении национальное собрание, национальное правительство Азербайджана присвоило ему звание генерала и назначили министром обороны. Велики заслуги Джафара Кавиана и в широкой борьбе за сохранение и защиту достижений движений «21-е Азера».

Когда национально-демократическое движение в Азербайджане захлебнулось в народной крови, Джафар Кавиан, как и тысячи других демократов и фидаинов, был вынужден эмигрировать. Но и в годы, проведенные в эмиграции, все помыслы Кавиана были связаны с Родиной и судьбой народа. Он глубоко верил в окончательную победу народа, в зарождение свободного, счастливого, благоденствующего Ирана. И с этой верой, на этом пути он вел самоотверженную борьбу.

Со смертью Кавиана освободительное движение и трудящиеся Ирана потеряли одного из преданных, испытанных наших товарищей».

Вспомнив близкие отношения своего отца с Гейдаром Алиевым, сын генерала Максуд Кавиан сказал: Я был свидетелем, как по телефону, так и при их встречах, очень сердечных разговоров отца с Гейдаром Алиевым.

Работающий заместителем председателя КГБ Гейдар Алиев однажды вызвал отца к себе. Из за того что ему нездоровилось, отец и меня взял с собой. Во время душевной беседы отец почувствовал себя плохо. Гейдар Алиев сразу же организовал для него медицинскую помощь. Когда мы попрощались выходили отец собрался было одеть свое пальто. Великий человек Гейдар Алиев хотел помочь больному и старому генералу Кавиану одетая подержав его пальто. Но отец возразил. Тогда Гейдар Алиев сказал: “Господин Генерал Отчизны!” Мы полковники, всегда готовы вам помогать!”

ПОЛКОВНИК АГАХИ МУХАММЕД

(1909 Тебриз, 1946 Мияна)

Среднее образование получил в городе Тебриз. Вместе с семьей переехал в Тегеран и здесь окончил Высшую Военную Летную Школу. За короткое время, благодаря своему умению и отваге, в Иранской армии прославился как умелый летчик. С 1936-го года до 1945-го года в воздушных силах Иранской армии служил как примерный офицер. Он выступал с резкими статьями разоблачавшими фашизм и его сторонников в Иране.

В 1945-ом году, в связи увеличением гонений к служащим в рядах шахской армии свободномыслящих офицеров, покинув ряды армии перешел в подпольную деятельность. Для того чтобы бороться против жестокого шахского режима вернулся в Тебриз и вошел в ряды Азербайджанской Демократической Партии. (Azərbaycan Demokrat Fırqəsi)

Он близко участвовал в создании отрядов фидаи а Азербайджане, особенно в Серабской, в Карадагской областях и особенно близко участвовал в освобождении от захватчиков Карадагской области показав свое военное умение.

В 1946-ом году Милли Меджлис Азербайджана учитывая его службу в армии Южного Азербайджана, его военные знания и умение, наградил его медалью “21 Азерб” и подписал указ о присуждении ему звания полковника.

В сентябре 1946-го года на Миянинском фронте сражаясь против шахской армии был взят в плен силами противника имевшими превосходство в численности и военной технике. Из-за того, что он отклонил соблазнительное предложение хитрого врага был казнен. Во время казни, не разрешивший чтобы ему завязали глаза, отважный сын Азербайджана принял свою смерть с честью и достоинством, сказав на последнем дыхании: “Да здравствует свобода Азербайджанского народа”.

Жертвы шахского режима

Полковник Агахи Мухаммед был не единственным среди повешенных, расстрелянных участников борьбы против шахского режима в Южном Азербайджане. Из документов становится известно, что вероломно вторгшиеся в преддверии декабря 1946 года на территорию

Азербайджана шахские войска расстреляли, повесили, уничтожили 45 тысяч наших соотечественников.

Генерал Абулькасим Азими
(1903-1947)

Деспотический шахский режим предал смерти мужественных полководцев – генерала Абулькасыма Азими (1903-1947), генерала Мирзу Раби Кябири (1889-1947), полковника Гуламрза Джавидана (1911-1947), полковника Джафар Султан Азада (1917-1947), приказчика Дадаша Тагизаде (1992-1947), командира фидаинов Джафара Гахрамани (1912-?), приказчика Миркязыма Алама (1899-1947), приказчика Халила Азербадегани (1904-1947), командира фидаинов Шейх Полада Ахмеди (1886-1946), депутата Национального Собрания, заместителя министра внутренних дел Нуруллу Егани (1878-1947), командиров фидаинов Кулу Субхи (1907-1944), Магомедэмина Азадветана (1905-1947), Абдулсамеда Имрани (1885-1947) и другие...

Один из руководителей восставших *доблестный генерал Абулькасым Азими* перед казнью гордо бросил в лицо палачам:

- Можете быть уверены, каждый свободолюбивый азербайджанец завтра станет генералом Азими. Опасайтесь народного гнева! Будущие поколения отомстят вам за пролитую кровь, совершенные зверства!

Были снесены памятники национальным героям Саттар хану и Багир хану. В течение одного года закрылись в азербайджанских селах свыше двух тысяч школ на родном языке. Сожжены библиотеки и рукописи на азербайджанском языке. В 1945-1946 годах в рядах златоглавых народных войск насчитывалось восемь генералов, четырнадцать полковников и свыше трехсот офицеров младшего и высшего состава. В армии служили восемь тысяч фидаинов, десять тысяч воинов-златоглавых.

Находясь под виселицей, стойко принявший *смерть мужественный полковник Гуламрза Джавидан* (1911-1947) произнес свои последние слова:

- Сегодня вы не позволяете моему голосу вырваться из горла. Но

во всем мире будет возвышаться голос, призывающий угнетенные народы к обретению своих прав. Вы же будете бессильны подавить этот громогласный голос.

Небольшое примечание: Прочитавший эти слова бессмертного полковника Джавидана в газете «Коммунист» от 23 апреля 1949 года Самед Вургун в том же издании выступил со статьей «Слава героям!». Народный поэт писал: «Брат мой! Слава твоей убежденности, ощущаемой в твоей душе революционной романтике, вере в счастливое будущее человечества! Слава твоему голосу, который будет доноситься из далекого прошлого и будущего, с орлиным достоинством прорывающемуся сквозь ураганы и бури, слава твоей жизни и воле к борьбе! Слава вскормившей тебя грудью матери, азербайджанской земле, давшей вдохновение стихам Низами и Физули, силу мечам Бабека, Кероглы, Саттар хана! Во время написания этих строк в сердце неожиданно родились стихи, посвященные полковнику Джавидану».

Письмо отважного офицера Гасана Касими, написанное отцу Юсифу Касими из тебризской тюрьмы:

- Дорогой отец! Мы, невинные офицеры-патриоты, сдались поверив правительственной декларации. К сожалению, правительство в Тегеране нарушило свое обещание и приговорило нас к казни. Завтра мы с сердцем, полным любви, уверенной поступью направимся навстречу смерти. Мое последнее фото возьмите на память у корреспондента газеты Агали Хадима. Стойко перенесите обрушившуюся на меня беду. На последнем издыхании говорю: победа за нами! Да здравствует свобода! Издалека целую ваши руки и прощаюсь навечно. Ваш не достигший желаний и безвинный сын Гасан Касими.

Последние слова под виселицей полковника марагинского гарнизона Кулу Субхи:

- Недолго простоит это дрожащее здание. Такие кровавые методы управления не могут длиться вечно – Субхи поднимают на виселицу, набрасывают веревку на шею. Веревка тотчас обрывается, проворно вскочивший на ноги полковник Кулу Субхи яростно крикнул:

- Палачи! Теперь вы поверили моим словам?! Даже веревка на вашей виселице непрочна, она сгнила.

*Родина-мать ты моя, Отчизна
Живи вечно, Азербайджан...*

Это были последние слова *мужественного полковника Кулу Субхи*.

Последняя речь арестованного доблестного *фидаина Дадаша Тагизаде*:

- Я – преданный сын Азербайджана, смотрите, с высоко поднятой головой отдаю жизнь за свободу азербайджанского народа. Не думайте, что после гибели моей и моих товарищей вам удастся задушить свободу. Без всякого сомнения, предавшие нас суду и приговорившие к казни преступники будут вынуждены держать ответ перед судом народа.

Перед глазами матери на улице расстреляли молодого *строевого офицера Саади*. Подвергли ожесточенному обстрелу дом самоотверженного тебризского врача Багирли. Танками разрушили дом, доктора Багира за оказанное сопротивление проволокли по улице и на глазах детей изрешетили его тело автоматной очередью. Пять дней в одиночестве *сражалась с палачами дочь Шахсевенди Сария*. Ее обманули, пообещали помиловать, если она выйдет из укрытия и сложит оружие. Девушка поверила, вышла из укрытия, и озверевшие солдаты тотчас повели ее на расстрел. Сария бросила в лицо палачам:

- Это не ваша победа. История с отвращением будет вспоминать о тех, кто нарушил свое обещание. Преступники, человекоубийцы не извлекут пользы от содеянного. Сыны Азербайджана отомстят за мою гибель. Дерево свободы, пропитанное кровью шехидов, даст еще большие плоды.

Привожу выдержку из статьи: «Азербайджан передовая траншея борьбы нашего народа» участника событий, *фидаина Аббаса Джафари*:

- Стоял сильный мороз, валил снег, преступники волочили по камням и асфальту улиц и площадей трупы героических сынов Азербайджана. Нисколько не смущаясь, обезумевшие разбойники нападали на очаги науки и искусства. Они опустошили, разграбили провинциальную библиотеку Анджуман, филармонию и государственный театр.

ГЕНЕРАЛ КАВАЛЕРИИ ЯГУБ КУЛИЕВ

*Радость заключается не в обнаружении истины,
а в претворении ее, хоть и с опозданием, в жизнь.*

Лев Толстой

*Азербайджанцы и туркмены как близнецы родившиеся от
одной матери. Веками наши цели, чаяния были едиными.*

*Берды Кербабеев
Народный писатель Туркмении*

Имя участника Сталинградской битвы генерала кавалерии Ягуба Аллахкулу оглы Кулиева до последнего времени недостаточно было известно в Азербайджане. Майор Гачай Асланов, также участвовавший в этом кровавом сражении, в своих воспоминаниях лишь однажды упоминает генерала Кулиева: очевидно, он не имел личного знакомства с ним и потому не обладал достаточной информацией о его боевых заслугах. В мемуарах, посвященных битве под Сталинградом, добрым словом генерала кавалерии Ягуба Кулиева вспоминают маршал Советского Союза С.Бирюзов («Когда гремели пушки»), Герой Советского Союза, генерал армии С.Иванов («Штаб армейский, штаб фронтовой»), генерал-лейтенант Х.Харазия («Дорогами мужества») и др. Ратный боевой путь генерал-майора Ягуба Кулиева подробно отражен в посвященных ему двух книгах: сборнике воспоминаний «Генерал Ягуб Кулиев» и военных мемуарах ветерана органов военной контрразведки подполковника А.Кибальникова «Огненные рубежи». О Ягубе Кулиеве написали его боевые друзья С.Скоробогатиков, Б.Гуджалов, генерал М.Грязнов и др. Но вот беда – все авторы представляют генерала Ягуба Кулиева туркменом по национальности.

На похоронах заместителя командира Четвертого кавалерийского корпуса генерала Ягуба Кулиева, героически погибшего 20 декабря 1942 года в тяжелых боях за реку Лиски недалеко от Сталинграда, его фронтовые товарищи поклялись, что «туркменская звезда» никогда не погаснет, она вечно будет гореть в их сердцах.

Спустя 25 лет после окончания Второй мировой войны туркменский историк Роза Базарова в своей монографии о генерале впервые призналась, что Ягуб Кулиев является азербайджанцем по происхождению. В газете «Едебийят ве сунгат» от 25 января 1970 года был

опубликован отрывок из ее монографии: «Он родился на азербайджанской земле – в городе Шуше. По национальности – азербайджанец. Его жизненный путь от рядового бойца до генерала – это путь настоящего человека», – писала Р.Базарова.

Действительно, наши кропотливые исследования показали, что генерал Ягуб Кулиев является азербайджанцем. Отрадно, что туркменский историк Р.Базарова признала этот факт.

В 1982 году мы встретились с племянницей генерала, работавшей в ту пору в Гянджинском текстильном комбинате, Хадиджой Аббасовой, узнали у нее некоторые подробности о родном дяде, получили его фотографии.

Ягуб Аллахкулу оглы Кулиев родился 25 января 1900 года в Шуше. В те годы в Шуше началась армяно-азербайджанская резня. В городе свирепствовали голод, нищета, жизнь шушинцев была в опасности. Опираясь на имперских пособников, вооруженные формирования армянских дашнаков зверски истребляли азербайджанцев.

С болью в сердце описывал те годы в своей автобиографии известный писатель из Карабаха Юсиф Везир Чеменземинли (1887-1943): “Царское правительство лишило армянскую церковь принадлежащего ей имущества. Наша общинная собственность также была отобрана и по сей день не возвращена. А кто считался с нами?... Прикрываясь русско-японской войной и революционными беспорядками, дашнакская партия начала террор: государственных чиновников стали убивать на улицах среди бела дня. Немало людей было истреблено в Шуше. Армяне хорошо подготовились – в большом количестве закупили ружья, револьверы, патроны. Из-за дашнакских феодалов невозможно было выйти в город. Экономика Шуши пришла в упадок и по этой причине безработные удалялись в села и другие города. Одну часть интеллигенции привлекала Баку, другую - Ашхабад”.

Спасаясь от голода и смерти, семья Аллахкулу киши, как и многие другие шушинские семьи, нашли приют в городе Мерв Туркменистана. Ягубу было всего шесть месяцев отроду. Пожив здесь некоторое время, вскоре по совету земляков-карабахцев семья Кулиевых переехала в поселок Йолотан. Здесь и поселилась навсегда. Купили землю, стали выращивать овощи. Жизнь постепенно налаживалась.

В Йолотане появились на свет сестра и брат Ягуба – Бадисяба и Кулам. Ягуб помогал отцу торговать на рынке. Вскоре Ягуб пошел в русскую школу. Учиться на первых порах было трудно, но со временем он освоился. Свободное время проводил на берегу реки Мургаб. Йолотан находился на границе, здесь служили русские пограничники, с детьми которых Ягуб быстро подружился.

Весной 1916 года Аллахгулу сильно заболел. Чувствуя близость смерти, он позвал к себе детей и настрого велел, чтобы они всегда жили честно, трудились во благо семьи и заботились о матери.

После смерти отца жить стало трудно. Чтобы содержать семью, Зулейха ханум была вынуждена продать кое-что из сбережений. Видя, как трудно приходится матери, Ягуб оставил школу и устроился на работу. Сначала он работал на хлопкоочистительном заводе в Йолотане, затем – в Мерве. По-прежнему дружил с детьми пограничников, часто ходил на заставу, вместе поили лошадей, подавали им сено.

В один из дней встревоженный Ягуб прибежал домой.

– Слышал о демонстрации в городе? – спросил он Гулама. – Царя свергли. Ты присмотри за мамой, я с ребятами на два-три дня поеду в Мерв.

Прошло обещанное время, а Ягуб не появлялся. А когда вернулся в фуражке, с красной лентой и винтовкой в руках, мать не сразу признала его.

– Мама, я – боец Красной Армии! – поспешил уладить ситуацию Ягуб.

С этого момента началась военная жизнь Ягуба Кулиева.

Весной 1918 года в городе Мерв открылись двухмесячные курсы для новобранцев в армию. Учитывая большой интерес к военному делу, Ягуба Кулиева как солдата-отличника направили на эти курсы. Вернувшись в роту, Ягуб принял участие в боях с белогвардейцами. Служивший с ним в те годы С.Скоробогатиков впоследствии писал: «Смело воевавший с классовым врагом в рядах армии гвардеец Ягуб был очень смелым и бесстрашным. Однажды он попал в плен к белогвардейцам. Он сбежал из плена, приехал в Йолотан, а оттуда в Байрам-Али и продолжил борьбу с врагами в качестве командира взвода. Ему удалось не только самому сбежать, но и освободить группу товарищей из плена».

В 1924 году Ягуба направляют на учебу в Среднеазиатскую национальную военную школу в Ташкенте. Ягуба как отличника учебы оставляют служить в школе и назначают на должность командира эскадрона. Пять лет спустя, в 1929 году, молодому офицеру Ягубу Кулиеву поручается более ответственная должность – он назначается начальником военной школы при Втором Туркестанском кавалерийском полку.

Знакомясь с многочисленными воспоминаниями о Ягубе Кулиеве как среднеазиатского периода, так и времен Второй мировой войны, приходишь в восторг от его героизма и военного профессионализма. Талантливый полководец прожил всего сорок два года и за-

воевал огромный авторитет среди солдат и офицеров. В 30-е годы эскадрон под командованием Ягуба Кулиева осуществил успешные операции против басмачей и остатков белогвардейских дивизий в пустыне Кара-Кум, в степях Аг-Зила, на территории Кырх куйу.

В 1932 году Ягуб был назначен начальником штаба Второго Туркестанского кавалерийского полка. Через год он был направлен на учебу в Военную академию имени М.Фрунзе. Таким образом, наш соотечественник Ягуб Кулиев стал первым среди среднеазиатских командиров, получивших высшее военное образование.

Из воспоминаний бывшего друга-курсанта генерал-майора Михаила Грязнова: «Тридцать лет назад я вместе с Ягубом Кулиевым учился в Военной академии. Он был старшиной нашей группы. Ягуб учился хорошо, был отличным командиром. Руководитель курса генерал Павел Алексеевич Курочкин всегда ставил нам в пример Ягуба Кулиева. Все мы с уважением относились к чуткому, скромному молодому командиру. Кажущийся на первый взгляд тихим смуглый офицер превращался в огонь и пламя на соревнованиях среди групп. Эскадрон под его командованием всегда занимал первое место. Он помогал отстающим курсантам, но делал это так, чтобы те не чувствовали себя униженными. Основа нашей дружбы была заложена в Академии. Он всегда приходил мне на помощь в трудные минуты. Осенью 1936 года мы завершили учебу. Приняли участие в параде, который прошел в Москве. Помню, мы расстались в ноябре 1936 года. Ягуб подарил мне свой кавказский кинжал: «Возьми на память. Однако не забывай, что это ручная работа с Родины моих предков. Из Кавказа». Этот кинжал я берегу по сей день. Друзей за годы военной службы было у меня немало. Ягуб Кулиев занимает в их ряду особое место. Потеря такого друга бывает очень тяжелой. Жаль, очень жаль, что не увидел Победу, не дожил до старости. Он погиб в сорок два года, в самую пору расцвета...»

Зимним морозным утром 20 декабря 1942 года генерал Ягуб Кулиев с группой штабных командиров выдвинулся на высоту 111,0, где находился руководивший боем командир 61-й кавдивизии полковник А.В. Ставенков. Противник открыл сильный артиллерийско-минометный огонь. Генерал Ягуб Кулиев был смертельно ранен и в тот же день на руках боевых товарищей скончался. Похоронен Ягуб Кулиев в городе Мары.

Лестно отозвался о генерале Ягубе Кулиеве маршал Советского Союза Георгий Жуков. Рассказывая в беседе с корреспондентом газеты «Совет Туркменистаны» Борисом Паромановским об участии воинов-туркменистанцев в разгроме фашистов под Сталинградом, прослав-

ленный полководец отметил, что среди туркменских воинов был и один талантливый командир генерал-майор Ягуб Кулиев, героически погибший в последующих боях. («Совет Туркменистаны», 1966 год, 8 декабря).

В мае 41-го полковник Ягуб Кулиев был назначен командиром 21-й Кавалерийской дивизии, которая дислоцировалась в Средней Азии. 14 июля поступил приказ Генштаба о погружении дивизии в эшелоны и отбытию на фронт.

По приказу Верховного главнокомандующего дивизия полковника Кулиева перешла в распоряжение командования фронта. Расположились в лесу в двадцати километрах от города Сураж Брянской области.

Из воспоминаний боевого друга генерала подполковника Александра Кибальникова: «Разведка доложила, что в направлении движения дивизии враг сосредоточил большую танковую и механизированную группировку. Полковник Кулиев посоветовал избежать лобового сражения с противником. Немецкие самолеты часто низко пролетали и пытались обнаружить место дислокации дивизии...

Во время очередного нападения Ягуб схватил ручной пулемет и начал вести огонь по истребителям и подбил один из них. Следовавшие за ним истребители, увидев огонь, развернулись обратно. Храбрый поступок полковника воодушевил воинов. Дымящийся самолет упал недалеко в лесу и взорвался. Он оказался первым вражеским самолетом, который мы сбили...

Наша дивизия шла по дороге в Рославль.

2 августа в три часа ночи поступила информация от разведчиков: по шоссе Кричев-Рославль движется 24-й танковый корпус генерала Гудериана. Не прошло и полчаса, как наша дивизия встретила лицом к лицу с врагом. Завязался бой. Эта была первая наша настоящая битва. Хоть дивизия и понесла большие потери, мы победили, более чем на сутки задержав движение вражеского танкового корпуса, уничтожив при этом несколько их боевых машин.

Учитывая военный талант, опыт и заслуги полковника Ягуба Кулиева, Военный Совет Брянского фронта назначил его командиром объединенной группы, состоящей из 21-й, 52-й и 55-й Кавалерийских дивизий. Эта группа создавалась для осуществления специальных операций и впоследствии вела бои за города Ямполь и Орел».

Действуя в лесах и болотах Беларуси, 21-я Горно-кавалерийская дивизия под командованием полковника Ягуба Кулиева нанесла сокрушительные удары по немецко-фашистским войскам.

Очевидец и участник этих сражений, Герой Советского Союза

маршал Сергей Бирюзов подробно рассказал о героическом подвиге и человеческих качествах генерала Ягуба Кулиева в книге «Когда гремели пушки»: «В то время только прибыла на фронт из Среднеазиатского Военного Округа 21-я Горно-кавалерийская дивизия. Командовал дивизией смуглый, черноглазый, очень подвижный и храбрый полковник Ягуб Кулиев. После поставленной задачи Кулиев сразу сказал: «Если бы удалось выйти из этих болот на просторы... Тогда нам нечего бояться». В ходе боев мы крепко подружились с кавалеристами. Стало ясно, что это патриоты и хорошие друзья. Эта дружба особо проявлялась не в перерывах между боями, а в трудные минуты боя. Я по сей день с благодарностью вспоминаю этих храбрых воинов и их отважного командира, полковника Ягуба Кулиева».

В последние январские дни 1942-го полковник Ягуб Кулиев был вызван в Москву. Ему поручалось формирование в Туркменистане нового, 4-го Кавалерийского корпуса. В это же время приказом Председателя Совета Народных Комиссаров СССР Ягубу Кулиеву 11-го февраля было присвоено звание генерал-майора (он был первым из наших соотечественников, который в годы Второй мировой войны был удостоен генеральского звания. 10 ноября 1942 года звание генерала было присвоено Эйбату Эйбатову, 9 февраля 1944 года – Тарлану Алирбекову, 13 марта 1944 года – Ази Асланову – авт.).

Этот период боевой деятельности генерала Ягуба Кулиева обстоятельно вспоминает генерал-майор Бахши Аннахалович Агаев: «Умело строил боевую учебу частей вступивший в командование 97-й кавалерийской дивизии генерал Ягуб Кулиев. Он максимально использовал полученный опыт в боях с фашистами под Москвой. Требовал от всего командного состава хорошей боевой выучки каждого подразделения, каждого воина. Командир дивизии часто выступал перед личным составом, рассказывал бойцам о фронте, о подвигах солдат и командиров, о боевой дружбе, товариществе и взаимой выручке. С огромным вниманием слушали кавалеристы боевого командира о том, в каких сложных, и казалось бы, безвыходных ситуациях ему приходилось бывать и как он вместе со своими бойцами и командирами находил выход из них. Генерал Ягуб Кулиев делился с командирами и политработниками своими переживаниями, связанными с неудачами начального периода войны, определял задачи серьезной, всесторонней подготовки дивизии к предстоящим боям.

В октябре 1942 года воинское формирование под командованием генерал-майора Ягуба Кулиева было направлено на Сталинградский фронт. Генерал-лейтенант Тимофей Шапкин и генерал-майор Ягуб Кулиев провели немало бессонных ночей над разработкой плана внезап-

ного удара по тылу противника. Осуществление плана было намечено на 19 ноября.

Первое нападение стало успешным. Кавалерийский корпус освободил от неприятеля станцию Абганерово, город Аксай и несколько населенных пунктов. Всегда находящийся на переднем крае Ягуб Кулиев и на этот раз своими действиями показал подчиненным пример храбрости и мужества.

В наградном листе, подписанном командиром 4-го Кавалерийского корпуса генерал-лейтенантом Т.Шапкиным, говорится: «Генерал-майор Кулиев находился на важных и опасных участках, проявляя при этом личную храбрость и мужество, чем воодушевлял командиров и бойцов на подвиги. 23 ноября 1942 года лично товарищ Кулиев находился в цепи с бойцами и вел их в бой для занятия Курган-Соляного. Этого требовала обстановка, и Курган-Соляной был взят. Генерал-майор Кулиев вел 222-й кавалерийский полк в конную атаку на врага. В танковых боях находился на огневых позициях артиллерии, способствовал успеху артиллеристов. Генерал-майор вполне достоин награждения орденом Красного Знамени за выполнение персонального задания командования Сталинградским фронтом в борьбе с немецкими оккупантами и за проявленные при этом личное мужество и храбрость на поле боя».

В те дни в Котельниковском районе в составе 5-й ударной армии сражались бойцы под командованием двух наших земляков: танковый полк подполковника Ази Асланова и 4-й Кавалерийский корпус, заместителем командира которого был генерал-майор Ягуб Кулиев. Разъяренные немецкие войска Манштейна, поддерживаемые танками «Тигр», дрались упорно и ожесточенно. Их цель заключалась в освобождении из окружения группировки Паулюса. Необходимо было любой ценой воспрепятствовать этому намерению врага. Такое задание получили солдаты и офицеры 4-го Кавалерийского корпуса. Перед ними была поставлена задача – удержать занятую высоту до прихода частей 61-й Кавказской дивизии генерала Р.Малиновского.

В ходе этих боев генерал Ягуб Кулиев всегда находился на передовой. 22 декабря 1942 года, за несколько дней до победы под Сталинградом, выпушенный неприятелем снаряд смертельно ранил отважного генерала Ягуба Кулиева. На берегу Волги обрел вечный покой храбрый сын Азербайджана, снискавший славу «Туркменской звезды». Его подвиг был высоко оценен и после смерти.

В памяти всплывают слова благодарности Героя Советского Союза, маршала Сергея Бирюзова, который отличался любовью и уважением к бойцам-азербайджанцам. Будучи участником Сталинград-

ских боев, он высказал сердечные слова об Ази Асланове. Вот что писал маршал Бирюзов о генерале Кулиеве и его бесстрашных бойцах: «Положение на Котельниковском направлении все осложнялось. Находившиеся впереди нас части 51-й армии уже несколько суток вели ожесточенные бои, не прекращавшиеся даже по ночам. Особенно тяжелой была обстановка у нашего правого соседа – 5-й ударной армии. Входивший в эту армию 4-й Кавалерийский корпус понес большие потери и отошел на восток. Многие командиры-кавалеристы погибли. Смертельно ранен был заместитель командира корпуса генерал-майор Ягуб Кулиев – мой боевой товарищ по Брянскому фронту. Горячая душа, хороший, отзывчивый человек! Помню, как он мечтал тогда об оперативном просторе, с каким упорством учился «воевать по-новому». И хотя кавалерия уже не могла играть такой роли, как в годы гражданской войны, благодаря командирам, подобным Кулиеву, она все же сделала много полезного в беспримерном единоборстве советского народа с гитлеровскими захватчиками. Наряду с другими участниками боев, на гранитной плите на Мамаевом кургане выбито имя отважного генерала Ягуба Кулиева, которого мы никогда не забудем».

Немало добрых слов Ягубу Кулиеву посвятил генерал-лейтенант в отставке Х.Харазия в своей книге «Дорогами мужества». До войны он в звании майора служил начальником штаба одного из полков, входящих в состав 21-й Горно-кавалерийской дивизии. Вот что он пишет: «В начале июня 1941 года командир дивизии Жадов получил новое назначение, на его место был назначен Я.Кулиев, который в то время занимал должность начальника управления штаба округа. Что ж, это в некоторой степени сглаживало горечь расставания с А.Жадовым. Полковника Я.Кулиева многие из нас знали и уважали. Туркмен по национальности (!? – Ш.Н.), он родился в Азербайджане в 1900 году. Да, Я.Кулиев был достойной сменой А.Жадову. И это нас вдохновляло».

Как вспоминает Х.Харазия, новый командир дивизии был строг и требователен, но в то же время не лишен чувства юмора. Рассказывая об отправке дивизии на фронт, он приводит следующий эпизод: «Наступил долгожданный день. Накануне погрузки в эшелоны к нам прибыл полковник Я.Кулиев. Он внимательно проверил укомплектованность полка личным составом и боевой техникой, поинтересовался настроением кавалеристов. Потом приказал собрать личный состав и произнес короткую речь. Как сейчас помню его проникновенные слова: «Товарищи! Настало время, когда мы должны выполнить нашу присягу перед партией, государством, перед нашим народом, и прославить советское оружие. Будьте достойными сынами своей великой социалистической Родины!» Потом Якуб Кулиев подошел к группе

командиров и сказал: « Ну вот, друзья, мы и дождались. Едем защищать Родину!». «А куда нас направляют, товарищ полковник? На какой участок?» – посыпались со всех сторон вопросы. «Ну, на это я ответить вам сейчас не могу, сами понимаете, военная тайна», – улыбнулся комдив и пошутил: «Но машинист дорогу знает, куда надо довезет».

Как-то я купил очередную книгу из серии «Военные мемуары», изданную в 1990 году в Москве. Автором книги был генерал армии, Герой Советского Союза С.Иванов. Очень обрадовался, когда увидел в ней фотографию нашего соотечественника Ягуба Кулиева, и на одном дыхании прочитал рассказывающие о его храбрости страницы.

Несмотря на давность лет, прошедших со времени Сталинградской битвы, автор издания не забыл о храбрости двух наших соотечественников – Ягуба Кулиева и Ази Асланова. Кстати, из русских авторов лишь Семен Иванов называет Ягуба Кулиева кавказцем, а не туркменом. «В отношении кандидатуры командующего северной группой мнения разделились. Командующий армией Городнянский склонен был назначить туда командира 307-й Стрелковой дивизии полковника Г.Лазько, а начальник штаба Петрушевский – полковника Я.Кулиева. Остановились все же на кандидатуре Я.Кулиева, фактически исполнявшего роль заместителя командарма, поскольку у него был опыт руководства подобным же временным объединением – сводной кавгруппой в составе 21,52 и 55-й кавдивизий. Ягуб Кулиев, ветеран 13-й армии, был очень колоритной фигурой. Смуглое лицо этого темпераментного кавказца одушевляли живые и умные угольно-черные глаза. И вся его жизнь была, можно сказать, темпераментной, боевой. Выходец из бедной крестьянской семьи, он за свои сорок с небольшим лет многое повидал и испытал. С весны 1918 года Кулиев навсегда сроднился с Красной Армией. Он отважно сражался на Закаспийском фронте против белогвардейцев и английских интервентов, а потом участвовал в борьбе с басмачами в Каракумах. За доблесть и мужество был награжден орденом. В предвоенные годы успешно окончил Военную академию имени М.Фрунзе и курсы усовершенствования высшего состава при Военной академии Генерального штаба. В начале Великой Отечественной войны командовал 21-й Горно-кавалерийской дивизией 13-й армии. Его конники наносили дерзкие и стремительные удары по врагу. В честь геройски погибших воинов 21-й кавдивизии у станции Понятовка сооружен памятник. Генерал Городнянский приказал ни в коем случае не допустить продвижения противника на север, чтобы не лишиться удобного исходного района для будущего контрудара. Вот тогда-то и проявились отличные бойцовские качества Я.Кулиева. Чтобы предотвратить прорыв гитлеровцев на север, коман-

дарм приказал Ягубу Кулиеву нанести удар в общем направлении на Тросну, и он подготовил его буквально за несколько часов. Соединения группы вклинились в боевые порядки врага довольно глубоко. Кроме того, кулиевцы выявили опорные пункты, районы сосредоточения танков, раскрыли систему огня противника, что помогло нам успешно действовать в последующем. Еще не раз отличался в боях Якуб Кулиев. В последующем он был удостоен ордена Красного Знамени, звания генерал-майора и назначен заместителем командира 4-го Кавалерийского корпуса. С дерзновенной храбростью дрались с гитлеровцами воины его соединения, состоявшего в основном из посланцев среднеазиатских республик. В одном из боев под Сталинградом, находясь в авангардном полку 61-й Кавалерийской дивизии, генерал Я.Кулиев был смертельно ранен. Посмертно он награжден орденом Ленина».

Память генерала Ягуба Аллахкулу оглы Кулиева в Туркменистане увековечена. В 1960 году в городском саду Мары (бывший Мерв) ему установлен бронзовый памятник, открыт музей. Его именем названа улица. Туркменский народ любит его как своего сына, дал ему почетные имена «Наша звезда», «Туркменская звезда». У памятника генералу Ягубу Кулиеву устраиваются торжественные проводы юношей, призванных на службу в армию. Его имя стало в Туркменистане символом отваги. Верим, что имя генерала кавалерии станет символом надежды и азербайджанского народа, и займет достойное место в военной истории нашего народа.

Завершив работу над очерком об генерал-майоре кавалерии Ягубе Кулиеве, решил полистать блокнот, которую я назвал “Тетрадь всезнающего”. В ней мною собраны редкие факты, мудрые мысли о выдающихся интеллигентах, полковдцах нашего народа. В галаза мне попались когда-то сделанные заметки о трех наших соотечественниках.

- Первые таджикские газеты издавал и редактировал азербайджанец Джалал Юсифзаде (1832-1931)

- Первым народным поэтом узбеков является профессор Максуд Мясум оглы Шейхзаде (1908-1967)

- Первым генералом Туркмении является Ягуб Аллахкулу оглы Кулиев (1900-1942).

САЯД БЕК ЗЕЙНАЛОВ

*(конец страданиям - рассказ о четырехжды
кавалере ордена Святого Георгия)*

Когда в 1914 году грянула Первая мировая война, кавказские мусульмане, дабы продемонстрировать свою преданность существующей власти, в различных уездах Кавказа стали создавать кавалерийские полки. Состоявшие их чеченских, черкесских, осетинских, ингушских и азербайджанских добровольцев части отправлялись на фронт под общим названием «Конная дивизия, организованная из местного населения Кавказа». За проявленные в боях беспримерные героизм и доблесть к этой части неофициально прикрепились уважительное прозвище «дикая дивизия». В одном из подразделений дивизии – Татарско-азербайджанском кавалерийском полку, в основном, были собраны добровольцы из Гянджи, Казаха, Иревана, Карабаха и других регионов. Бесстрашно сражавшиеся в его рядах большое число рядовых и офицеров впоследствии удостоились высоких имперских орденов и медалей.

Одним из них был выходец из Агкейнекли, прапорщик Саяд бек Зейналабдин оглы, который за проявленные доблесть храбрость в 1914-1916 годах удостоился всех четырех степеней самой почетной в империи награды – ордена Святого Георгия.

Наступала осень. Все громче раздавались голоса пастухов на кочевьях. Туман окутывал близлежащие села. Часто лили дожди, черные облака опускались все ниже, не желая покидать эти места. Беки отправили своих неженок-жен на низину, отчего жилища стали выглядеть безжизненными.

Отара Саяда как облако окутало долину Атан. Рассеявшиеся вокруг овцы жадно ощипывали сладкую горную траву. На правом холмике Саяд сшивал чарыхи. А Махар пел вполголоса и следовал за отарой. У входа в долину слышался слабый звук. Саяд поднял голову. С низменной дороги показался всадник, державший по уздцы другую лошадь. Подошедший исподлобья посмотрел на отару, махнул рукой и позвал сидевшего на холмике Саяда. Несмотря на плотный туман, Саяд узнал его. Это был слуга в доме Эмин бека хромой Идрис. Подумал, с чего это вдруг хозяин с двумя лошадьми отправил его на пастбище. Наверное, кого-то вызвали по важному делу на низменность. Ведь из господ никого не осталось в горах. Удойные овцы тоже пустились в дорогу, скоро они догонят в низине и бесплодных животных. А может какой-то ясновидец напугал хозяина ожидаемой в горах метелью. Потому и послал Идриса, чтобы тот поторопил ребят с от-

правкой овец в низину.

Все это пронеслось в голове Саяда, пока он шел навстречу всаднику. Но в душе засомневался. Сердито поздоровался с Идрисом:

- Эй, да чтоб ты окошел, чего приперся в это время, к добру ли? Идрис осклабился, высокомерно окидывая взглядом стадо.

Вспомнив поручение господина, принял серьезный вид:

- Хозяин приказал тебе срочно возвращаться в село. Есть важное дело.

Саяд с сомнением посмотрел на него. Идрис на лошади напомнил ему ворону, сидящую на навозе. В другое время сказал бы, слушай, наберись ума, какие у бека могут быть важные дела со мной. Мое дело прислуживать, как и твое. Разница в том, что ты прислуживаешь в доме, а я за его пределами. Эмин бек за наш труд выдает в год две пары чарыхов, две пары одежды и хлеб, которым мы набиваем брюхо. В пятки мои на полях вонзаются острые камни, вместо постели сплю на какой-то рогожке.

Саяд никогда не считал себя пастухом. Пастух сродни прислуге. Разница в том, что прислуживаешь не в доме господина, а в его сарае. Он никак не мог забыть заунывное пение в позапрошлом году пастуха из Гырагкясаманли Афгана на свадьбе дочери Мешеди Гюльназ. В тот вечер от гнева беки словно удила закусил. За эти слова готовы были убить пастуха Афгана. Когда послышался треск пастушьих палок, господа заскрежетали зубами. Никто не осмелился бросить слово...

- Вернемся на стойбище, или отсюда направимся? – сиплым голосом спросил Саяд.

- Зачем терять время? И потом, разве я на стойбище забыл свою бекскую одежду? – Идрис так широко раскрыл рот, что показались его пожелтевшие зубы, напоминавшие кукурузное семя. – Поручи овец Махару и поедем прямо отсюда. Хозяин приказал тотчас возвращаться.

Саяд махнул рукой Махару. Поручил ему внимательно присматривать за отарой. Идрис устремил давно поблекшие раскосые глаза на Махара, вновь показал свои редкие зубы:

- Махар, дай мне одного барашка, зажарю его в селе.

Тот чуть было не сорвал с головы прикрывавшую глаза папаху с бахромой:

- Эй, что ты несешь?

- Тятя, ведь мы с тобой племяннички, впервые за столько лет приехал в гости на коне, подари небольшого барашка, отнесу детям...

На лице Махара, потерявшего естественный цвет от солнца в низине и от метелей в горах, выступило жесткое, безжалостное выражение. Он сердито нахлобучил папаху на голову. Поднял палку, стиснул

зубы:

- Да чтоб сдохли твоя тетя и ее сын, подонок, ягненок тебя разве арбузная корка. Нет у меня барашка. Иди откуда пришел. Посплетничаешь с кем-нибудь, тот и даст тебе барашка.

Махар неслучайно так разгневался на Идриса. Три годами ранее он так же позвал брата Махара Мадата, мол, господин зовет его в низину для жатвы травы. С той поры Мадат словно в воду канул. Два месяца продержали его в гянджинской крепости, а затем прямоком отправили в Сибирь. Сказали, будто относил хлеб прятавшемуся в горах беглецу Джахангиру. В округе все знали: кого позовет Идрис, на того свалится несчастье. У Эмин бека было несколько слуг в доме. Самые важные поручения исполнял лишь Идрис. Господин и сам говорил, что другие слуги не могут справиться с поручаемой Идрису работой. Те, кого звал Идрис по приказу своего хозяина, уходили в небытие, от них переставали поступать известия.

Всадники направились в низину. Махар как вкопанный стоял на месте. Со злостью швырнул палку на землю.

- Удобный подвернулся случай, - подумал про себя. – Напрасно не убил этого пройдоху-слугу. Надо было отомстить за Мадата. Когда увидел собачьего сына, кровь ударила в голову. Забыл даже попрощаться с Саядом...

На большие серые глаза Махара навернулись слезы. Он не мог забыть Мадата. И Мадата тоже так торопливо позвали. Махар в тот день поздно вернулся домой и больше не увидел брата. К груди расстроганного Махара словно приложили раскаленное железо. Прерывисто дыша, он сказал:

- Доброго пути, ай Саяд, доброго пути... – рука вместе с пастушьей палкой повисла в воздухе.

Саяд повернул коня в его сторону:

- Слушай, Махар, паси овец вместе с Джавидом. Он верный товарищ. Мустафа со своими людьми не любит его. Позови к себе Джавида.

- Хорошо, хорошо, не беспокойся... - Махар еще больше расчувствовался.

Откинул в сторону папаху, вытер слезы.

- Хей, хей, - вялым голосом прокричал Махар и повернул отару к стойбищу.

Выехавшие из Ханбулага всадники, всю ночь преодолевали дорогу и когда занялась утренняя заря достигли перевала Гарачалар над селом Агкейняк. Против обыкновения, Эмин бек проснулся очень рано. Не мог заснуть всю ночь. Полученное три дня назад известие заставило его мучительно размышлять. Нервно крутил в руке позоло-

ченные четки. Жена Джаваир ханум беспрерывно лила слезы, отчего сильно разболелась голова.

- Пастухи и слуги проматывают накопленное состояние, а вдобавок станут проклинать моих предков. Нет, я не допущу этого, не для сирот же я копил богатства. Не позволю, чтобы единственный, ненаглядный сын Джалиль ушел на войну и не вернулся...

Думая, Эмин бек чуть не сходил с ума. «Не сидится тихо этому сукиному сыну немцу. Нашел время воевать. Согласен на то, чтобы Саяд прикинулся моим сыном и отправился на войну».

Возле ворот послышалось конское ржание. Эмин ага тотчас признал своего коня. У Алапача была привычка ржать перед воротами дома. Открылись небольшие двери огромных ворот. Идрис по обыкновению подобострастно склонился перед господином:

- Ага, доброе утро, - сказал он и выпрямив спину горделиво добавил, - привел...

Эмин ага не поверил своим ушам. Посылая Идриса не верил, что тот вернется с Саядом. Если последний узнает, что господин намеревается отправить его в солдаты вместо сына, то исчезнет в горах. Поэтому накрепко приказал слуге ничего не говорить Саяду, даже если тот безжалостно поколотит или станет убивать его.

От доброй вести Эмин ага бросился вперед. Встал лицом к лицу с Саядом. «Иду навстречу слуге, я совсем потерял голову. Нет, пусть он подойдет ко мне. Если этот собачий сын не согласится, зарежу как ягненка».

Увидев озабоченное лицо господина, Идрис застыл на месте. Эмин ага протянул руку с четками к воротам:

- Открой ворота,пусти Алапача, лошадь, наверное, взмылилась?

- Да, ага, не поехал на стойбище, а забрал Саяда от отары. Подумал, вдруг люди на стойбище отговорят его. Всю ночь находились в пути...

- Он знает о начале войны?

- Нет, господин, в дороге об этом не говорили. О чем бы ни спрашивал, отвечал «не знаю». По-моему, он еще не слышал. Да и откуда ему знать, дней десять-пятнадцать никто не приходил на пастбище.

- Ладно,пусти Алапача, если взмылился, не снимай седла, освободи ремень и хорошо привяжи коня, ненароком напьется воды.

Ворота широко распахнулись. Эмин ага повернул направо, осторожно вышагивая между кустами роз. Прошелся немного, вернулся обратно, почувствовав сильное сердцебиение. Исподлобья взглянул на приближавшегося к нему высокорослого, широкоплечего Саяда. Бросил в сердцах: «Ишь, как раздался на моих харчах. Когда просился в слуги, был худощавым мальчишкой. Справедливо ли будет оставить

его здесь, а подставить дорогого Джалила под свинцовые пули. Если станет отнекиваться, сгною, уничтожу весь его род».

Однако, в его душу не покидали тревога, настороженность. «Вдруг на самом деле откажется, нельзя подходить к нему с угрозами, он очень своенравный, род его известен своим упрямством. А что если выйдет отсюда и поминай как звали, потянется в горы к Джахангиру из Салахлы, займется разбоем. Всего можно ожидать от слуги, повторяющего слова песни пастуха Афгана. Нет, есть только один путь – надо войти ему в доверие. Денег дам сколько захочет, даже дом продам... А почему дом? Да его рот заткнут всего двести-триста рублей. Отроду его родня не видела столько денег».

Саяд вежливо поздоровался с господином. Эмин ага подошел к нему вплотную. Изобразил на лице улыбку, приветливо смотрел на пастуха.

- Добро пожаловать, сынок, - радостно выговорил он и впервые обменялся с Саядом рукопожатием.

Саяд не мог поверить ни глазам, ни ушам. Восемь лет он был пастухом у Эмин бека, но в первый раз господин говорил ему «добро пожаловать, сынок». Саяд растерянно озирался, не знал, что ответить. После долгой паузы, пробормотал:

- Спасибо, ага.

Наступило молчание. До того уверенный в себе Эмин бек не мог найти слов. В тишине как речной камень щелкали четки хозяина.

- В горах уже идут дожди? Как овцы, здоровы? Падежа нет?..

- Дождей еще нет, овцы все здоровы. Поручил Махару присматривать за ними.

Хозяин замолчал. Как ни старался, не мог приступить к разговору. Крикнул Идрису:

- Идрис, ай Идрис, ведь этот парень голоден, принеси еду, чай. Устраивайтесь на веранде, и я скоро приду к вам, - затем повернулся к Саяду. – Иди, сынок, ты с дороги, отведай кушанье, отдохни, у меня дело к тебе. Не принимай близко к сердцу, ничего плохого.

Поднимаясь по деревянным ступенькам Саяд думал о деле, ради которого господин так ласково обращается с ним. За восемь лет впервые пригласил его в свой дом. Да к тому же, еще и угощает. Наверно, что-то накопилось у него душе. Нет, покойный отец Зейналабдин говорил, что господа никогда не станут доброжелательно относиться к своим подданным. Если ага вызвал слугу, значит, образно говоря, пошлет его за нефтью в Баку, или за солью в Нахичевань.

Джаваир ханум хотела сама преподнести Саяду чай и кушанье. Эмин бек так крикнул на нее, что женщина неловко содрогнулась.

- Ты что, сбилась с толку, женщина, хочешь, чтобы какой-то по-

веса сел на нашу шею?

- Что поделаешь, ради Джалила на все готова. Если что с ним случится, не жить мне на белом свете. Ради дела и армянина можно назвать дядей.

Эмин ага не очень скоро пришел к Саяду. Окинул взглядом стол, спросил?

- Зачем не ешь, стесняешься, что ли? Не надо, кушай с аппетитом.

Саяд ответил:

- Спасибо, ага, да принесет тебе Аллах еще большее благоденствие. Я не голоден, в дорогу взял с собой хлеба.

- Эй, Идрис, оглох, там собака задыхается от лая, посмотри, может гости какие-то наведались.

Эмин ага преднамеренно спровадил Идриса, чтобы тот не мешал беседе. Знал, что Идрис никогда не вынесет за пределы дома тайны его семьи. Но, несмотря на это, проявлял предосторожность. Как готовящийся к выступлению певец, несколько раз кашлянул, прочистил горло.

- Сынок, знаешь, зачем я позвал тебя? Твой армейский налог государство уже не принимает. Хотя этот налог я выплачиваю без твоего ведома. – Эмин бек не поднимал головы. Он откровенно лгал, потому не осмеливался смотреть в лицо Саяду. Подумал про себя: «У этого сына Зейнала развито предвидение, вдруг поймет, что я говорю неправду. Если эта бестия вспылит, то остановить его будет невозможно». – Говорят, молодой, бравый, должен служить в армии. Знаешь в чем дело, в год с нашего Казахского уезда с некоторых молодых не берут налогов, забирают их в армию. Таков приказ государя императора.

Саяд чувствовал, что господин лжет, пытается задобрить его. По изданному царем указу, в армию должны отправляться отпрыски из богатых семей. Об этом ему говорил пастух Афган. Он никогда не говорил неправду. Саяд подумал, чем вечно мокнуть под дождем, пасти овец в непогоду лучше надеть военную форму. Его нынешняя жизнь не стоила и ломаного гроша. Летом спал на месте, отведенном скотине, зимой где-то прятался от ненастья. Не видел ни одеяла, ни тюфяка. Но одно обстоятельство угнетало его.

- Ага, ты же знаешь, мои братья и сестры совсем еще маленькие. Они находятся на моем иждивении. Если не будет меня, то что станет с ними?

- Сынок, Саяд, разве я умер? Не позволю им бедствовать. Меня вызвал к себе пристав. – Эмин бек вытащил из нагрудного кармана деньги и положил их перед Саядом. – Вот, это мой и пристав подарок

тебе. – Прекрасно понимал Эмин бек, что Саяд не бросится наводить справки у пристава, давал он деньги для его семьи или нет. Саяд даже не знал, где живет пристав. – На два-три года хватит детям. Да и я здесь, не дам им голодать.

- Ладно, согласен, если советуете, я принимаю ваше предложение.

Радости Эмин бека не было предела. Словно, с его плеч свалилась тяжелая ноша. В сердцах сказал: «Слава Аллаху, родной мой Джалил уберется от свинцовой пули...»

Спустя несколько дней после отъезда Саяда, в доме Эмин бека устроили пиршество. Пристав с позолоченными погонами на плечах, бычьей шеей, багровым лицом, покачиваясь на ногах, произносил речь:

- Господин Эмин ага, пью за здоровье твоего единственного, ненаглядного сына Джалила, пусть хранит Всевышний от пуль таких смельчаков как Джалил. – Пьяный пристав заметно шатался. Водка из стакана выплескивалась на стол. – Пусть найдут эти пули пастухов, слуг и прочее. - Пристав громко захохотал. Эмин ага нахмурился, молчал. Не знал, что с ним приключилось. Как невыспавшийся человек часто зевал, взгляд устремился в одну точку. Пристав же продолжал громко кричать: - Господа, кайзеровская Германия совершает зверства на наших границах. Вот бедный пастух Саяд сейчас, наверное, уже околел где-то...

Промежутками хмельной пристав вскакивал на ноги и произносил тосты. Казалось, он приветствует командующего армией, который одержал блестящую победу над неприятелем.

Он окинул взглядом беков, присутствовавших на торжестве. Никто не обращал на него внимания. Что-то бормоча себе под нос, пристав сел на место...

Надо сказать, что похороненный приставом Саяд Зейналабдин оглы в начале 1917 года вернулся победителем с полей сражений Первой мировой войны. За проявленную доблесть он был удостоен всех четырех степеней ордена Святого Георгия». 20 апреля 1976 года в Государственном центральном военном архиве СССР мы получили документ, еще раз подтверждающий это:

«На ваш запрос сообщаем, что в архивных материалах сохраняется служебная книжка юнкера Татарско-азербайджанского кавалерийского полка, прапорщика Саяда Зейналова. В документе указывается, что он родился 30 августа 1886 года, является гражданином Казахского уезда Елизаветпольской губернии. Принадлежит к магометанской вере. Обучен грамоте. 31 августа 1914 года добровольцем вступил в Татарский кавалерийский полк, в

1915 году получил звание урядника, в 1917 году – юнкера, а впоследствии прапорщика.

С двадцатого сентября 1914 года был участником австро-венгерской и германской войны. Удостоен всех четырех степеней ордена Святого Георгия.

По представлению второго кавалерийского корпуса 12 февраля 1916 года (приказ №9) удостоен четвертой степени ордена №172614).

Архивные работники пишут и о вручении Саяду третьей степени ордена. К сожалению, не указывается дата его вручения. Вторую степень Саяд получил приказом №53 того же кавалерийского корпуса 13 апреля 1916 года. А первой степени удостоился 14 апреля 1917 года по представлению командования четвертой армии.

Орден Святого Георгия - один их старейших русских орденов. Имеет четыре степени, из которых самой высшей считается первая. Девиз ордена – «За отличную службу и храбрость». Поэтому всех четырех степеней Святого Георгия удостаивались «чрезвычайно отличившиеся, проявившие особую отвагу, смелость, армейский героизм военнослужащие».

Вернувшийся на Родину в 1917 году Саяд Зейналов с июня 1918 года служил в Национальной армии. Затем его боевой путь пролегал через Татарско-азербайджанский полк и третий Шекинский кавалерийский полк. Был активным участником сражений против дашнакско-большевистских войск в Карабахе, Геокчае и Баку. После переворота 28 апреля работал в должности начальника отдела милиции Казахского района, председателя «комитета народной помощи», начальника районного управления Гянджинской милиции. В 1937 году арестован как мусаватский офицер, умер в ссылке в 1942 году.

В памяти односельчан поручика Саяд бека Зейналова – аксакалов села Агкейнекли, запечатлелся отрывок из стихотворения, написанного им в 1915 году на Сарыкамышском фронте.

**Под Сарыкамышом оказались на виду,
Словно тигры, бросились вперед.
Татарский полк у всех был на устах,
Жаль, через чужбину пролегал мой путь.**

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПАМЯТИ

Шамистан Назирли, профессиональный литератор, известный публицист, своей творческой деятельностью, поисками и находками в области нашей национальной истории и духовной памяти, выполняет благородную патриотическую задачу. И он преуспел на этом поприще. Мне вспоминается, как 12-го октября 1974 года он опубликовал интересный материал о встрече с Михаилом Шолоховым на родине великого русского писателя – в станице Вещенской Ростовской области. Примечательно, что в беседе с Михаилом Александровичем он узнал существенные подробности о дружеских и взаимно уважительных отношениях великого писателя со всенародно любимым и всесоюзно прославленным нашим поэтом Самедом Вургуном, сопроводив корреспонденцию с фотографией, запечатлевшей этих творцов литературы. Хочу сказать, что азербайджанская нота, патриотическое ревнительство присущи всем литературным работам и журналистским исканиям Шамистана Назирли. Фактическая солидность и насыщенность его исканий позволяют говорить о научно-исследовательском начале в работе Шамистана Назирли, при этом сочетающейся с образным, живым, художественным письмом.

Особое место в очерках и книгах Ш.Назирли занимает история азербайджанского воинства, жизнь и ратные подвиги воинов, офицеров и генералов, таких блистательных военачальников, как Самед бек Мехмандаров, Али ага Шихлинский, топограф – генерал – Ибрагим ага Векилов, Гусейн хан Нахичеванский, братья генералы Бакихановы, Каджары, Ядигяровы – участников Порт-Артурской эпопеи, Первый Мировой войны и Второй мировой войны, генерал Тарлан бек Алиярбеков, Гаджибаба Зейналов, Аким Аббасов, Эйбат Эйбатов, Махмуд Абилов и другие.

Наконец, перед нами – развернутое повествование о коротком, но славном боевом пути первого летчика-азербайджанца Фаррухе аге Гаибове, вступившего вместе со своими соратниками – экипажем самолета «Илья Муромец» в неравный бой с превосходящими воздушными силами противника на Западном фронте в сентябре 1916 года, нанесшего сокрушительный урон вражеской авиации и павшего смертью храбрых со всем экипажем. Подвиг их вызвал невольное восхищение даже германской стороны, похоронившей героев с воинскими почестями.

История яркой жизни Фарруха аги Гаибова, последующие попытки восстановления исторической правды и справедливости, уве-

ковечения памяти героя на его родине – в Казахском районе Азербайджана, сопротивление советских чиновников, послушно следовавших императивам господствовавшей политизированной идеологии, из-за которой целые пласты и достойные страницы нашей национальной истории предавались забвению или искажались, - все эти обстоятельства выходят за рамки одной судьбы и обнажают пороки советского режима и репрессивной машины. Особенно наглядно это проявилось в участии другого летчика-азербайджанца Теймура Мустафаева, служившего при мусаватском правительстве и сосланного на Соловецкие острова большевистскими властями. Удивительно, что этот незаурядный человек, после соловецкой голгофы оказавшийся в Караганде, благодаря своим способностям и техническому таланту завоевал признание и снискал уважение, внес вклад в развитие угледобывающей промышленности в Казахстане и весомую лепту в снабжение фронта в годы Великой Отечественной войны. Уже в преклонные годы Теймур Мустафаеву, желавшему вернуться в родной Азербайджан после долгой разлуки, мешает осуществить мечту инерция старого мышления высокопоставленных чиновников...

Такая же участь постигла бы, наверное, и другого пионера азербайджанского авиаторства Теймур хана Афшара, если бы в тридцатые годы он не покинул Азербайджана.

Таким образом, очерк о Фаррухе аге Гаибове основном герое повествования, приоткрывает и другие страницы нашей истории, обнажает пространство недавнего бытия нации, выдвигавшей достойных представителей даже в трудных условиях дискриминации и идеологической фильтрации.

Драматические и поучительные повести, военные очерки, документальные рассказы Шамистана Назирли, думается, хороший подарок читателям, урок юному поколению, ищущему нравственный идеал и пример в жизни; конечно же, такие книги играют несомненную роль в военно-патриотическом воспитании защитников сегодняшнего независимого Азербайджана, воодушевляя и укрепляя решимость в деле борьбы за восстановление исконных земель, оккупированных вероломными соседями при поддержке и покровительстве определенных влиятельных сил, которые хорошо известны.

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ
Писатель, заслуженный деятель
искусств Азербайджана

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Жизнь, посвященная военной истории4

I ЧАСТЬ

РАССТРЕЛЯННЫЕ ГЕНЕРАЛЫ АЗЕРБАЙДЖАНА

Генерал Габиб бек Салимов.....	8
Генерал-Майор Ибрагим ага Усубов.....	21
Генерал Мурад Гярай бек Тлехас	28
Генерал-лейтенант Мамед бек Сулькевич	40
В поисках правды. «Колыбельная» генерала Фиридун бека Везирова	49
Генерал Алияр бек Гашимбеков	54
Генерал кавалерии Гусейн хан Нахичеванский	56
Судьба генерала. Абдугамид бек Гайтабаши	66
Полковник Даньял бек Галладжов	70
Н.Нариманов: «Никого не расстреливать!..»	77
Генералы - сыны династии Каджар	97
Извинительная миссия в Петербург (Или о том, как благодаря принцу Хосрову Мирзе Каджару удалось избежать третьей войны с русскими) ..	115
Последний наиб Шейх Шамиля (Судьба генерала султан Даньял бека Илисуйского).....	143
«Рука моя оставалась протянутой» (Некоторые моменты послевоенной судьбы Шейх Шамиля и его семьи)	164

II ЧАСТЬ

ИЗ ВОЕННЫХ ДИНАСТИЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

Азербайджанцы – герои Порт-Артура	170
Бои за Карабах – 1920-й	189
Сулейман бек Эфендиев (Первый генерал Национальной Армии).....	203
Генерал Самед бек Мехмандаров в Первой Мировой войне	213
Самед бек Мехмандаров в период Демократической Республики	224
Али ага Шихлинский (Генерал – Ученый).....	244
Военнослужащие – племянники генерала Али аги Шихлинского	299
Генерал Тагиев	326
Генерал-топограф Ибрагим ага Векилов	329
Первый вице-адмирал (Ибрагим бек Асланбеков)	388
Еще раз о полковнике Рустам беке Карабаглы	399
Генералы – братья Ядигяровы	404
Фаррух ага Гаибов (Первый военный летчик Азербайджана)	438
Соколы первой республики	452
Предисловие к воспоминаниям полковника Исрафил бека Исрафилова ..	458

III ЧАСТЬ
ГЕНЕРАЛЫ - ЖЕРТВЫ 37-ГО

Генералы - жертвы 37-го... (Генерал-майор Гамбай Везиров, комиссар Гейдар Везиров, Солтангамид Пашаев).....	477
Генерал Джамшид хан Нахичеванский (Последний генерал рода Кенгерли).....	498
Комиссар Сары Шамистан.....	524
Судьба генерала - Эйбата Эйбатова	528
Генерал Джафар Мамедзаде	539
Полковник Агахи Мухаммад.....	550
Жертвы шахского режима	551
Генерал кавалерии Ягуб Кулиев	554
Саяд бек Зейналов (Конец страданиям - рассказ о четырежды кавалере Ордена Святого Георгия)	564
Возрождение памяти	572

Автор

ШАМИСТАН НАЗИРЛИ

Консультант и автор предисловия

**ЧИНГИЗ МАМЕДОВ,
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ**

Редактор и корректор

Шехин Рустамов

**Художественное оформление и
технический редактор**

Гафур Заман

Дизайн обложки

Лейла Баширова

Переводчики

Рагим Бабаев

Мираббас Мамедов

Эльдар Шарифов-Сейшелский

**Книга издана в издательстве “BIZIM KITAB”.
Формат 70x100 1/16, 576 стр. Тираж 200**